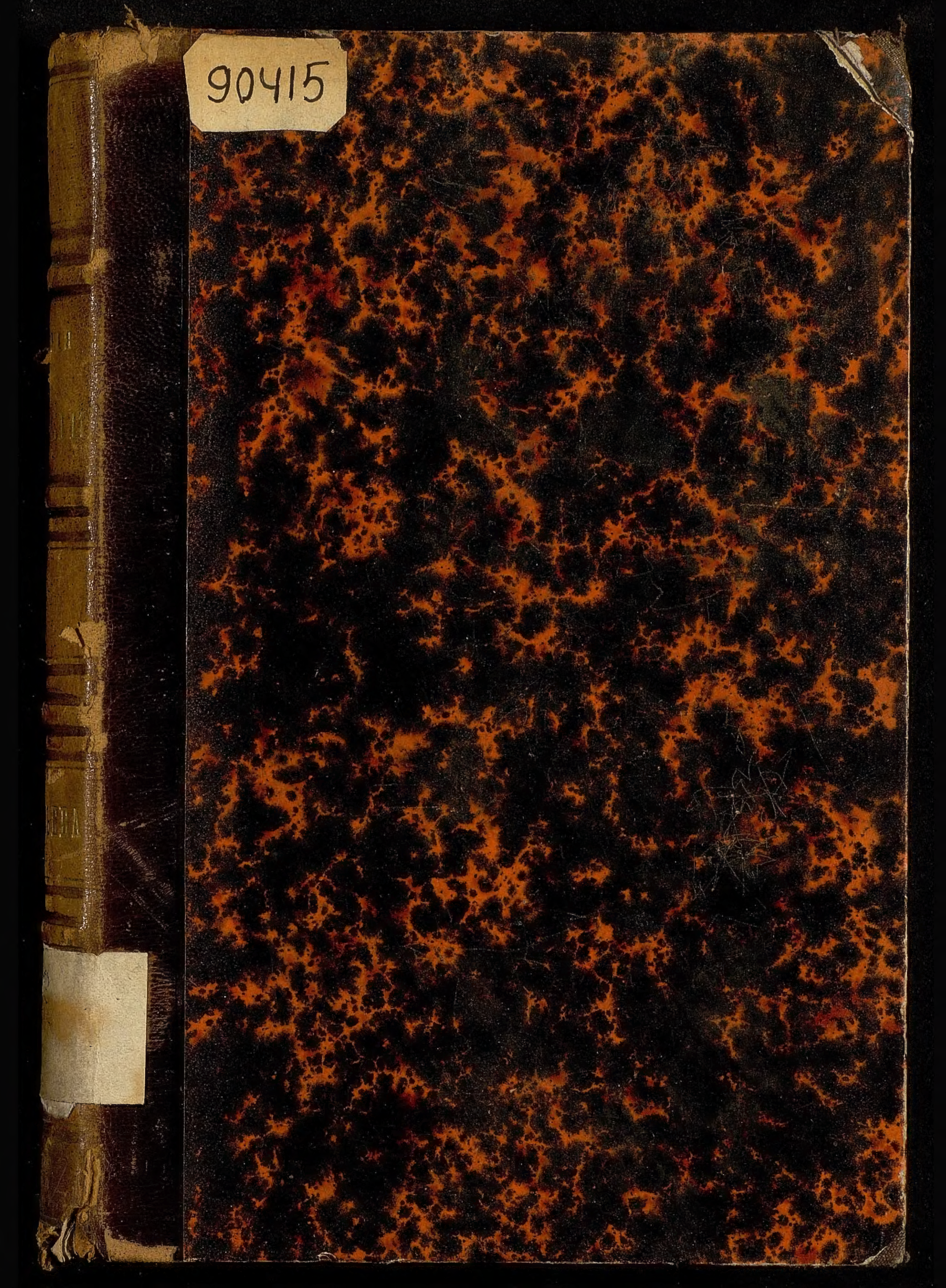
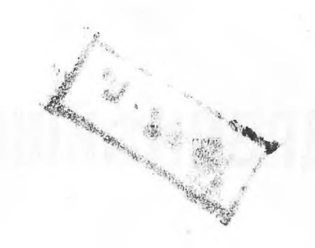

90415

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

С Ъ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

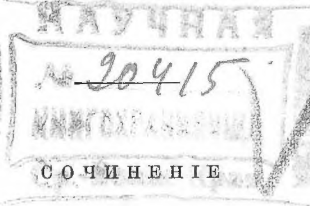
МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1867.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ

ЭПОХУ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К⁰),
на Страстномъ бульварѣ.
1867.

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Несогласныя дѣйствія союзниковъ, Датчанъ и Саксонцевъ въ войнѣ со Шведами. — Кросенскія постановленія. — Остановка союзниковъ подъ Штральзундомъ. — Отношенія къ Англіи и Голландіи. — Отправленіе Меншикова въ Померанію. — Затруднительное положеніе русскаго посланника, князя Долгорукаго въ Даніи. — Потеря кампаніи 1712 года. — Грусть Петра. — Датчане и Саксонцы поражены Шведами подъ Гадебушемъ. — Посредничество Англіи и Голландіи. — Условія Петра. — Инструкціи Меншикову. — Свиданіе Петра съ курфирстомъ Ганноверскимъ и съ королемъ Прусскимъ. — Виды Пруссіи. — Дѣйствія русскихъ въ Финляндіи. — Дѣйствія Меншикова въ 1713 году. — Голштинскій министръ Гёрцъ. — Дѣло о секвестрѣ Померанскихъ городовъ. — Сдача Штетина Меншикову. — Штетинъ отданъ Пруссіи. — Неудовольствіе по этому случаю въ Даніи. — Враждебность Англіи и Голландіи къ Россіи. — Рѣшительность Петра сдерживаетъ эти державы. — Посольство Ягужинскаго въ Данію. — Голштинскія предложенія царю посредствомъ Бассевича. — Дѣло о союзѣ съ Ганноверскимъ курфирстомъ. — Дѣйствія русскихъ въ Финляндіи въ 1714 году. — Приступленіе Пруссіи и Ганновера къ Сѣверному союзу. — Осада Штральзунда. — Сдача этого города союзникамъ. — Переговоры князя Куракина съ Англійскими министрами на счетъ условій міра съ Швеціею. — Петръ выдаетъ племянницу за герцога Мекленбургскаго. — Слѣдствія этого брака. — Столкновеніе Петра съ союзниками по поводу Висмара. — Приготовленія къ высадкѣ въ Швецію со стороны Даніи. — Петръ отлагаетъ высадку. — Смута между союзниками по этому случаю. — Свиданіе Петра съ Прусскимъ королемъ въ Гавельсбергѣ. — Пребываніе въ Голландіи. — Сношенія съ Англіею. — Отношенія Россіи къ Франціи и поѣздка Петра въ Парижъ. — Договоръ Россіи съ Франціею. — Конференціи Князя Куракина о мірѣ съ Швеціею. — Постановленія о будущемъ конгрессѣ на Аландскихъ островахъ. — Переговоры съ Даніею. — Отношенія къ Пруссіи. — Переговоры съ Англіею. — Сношенія съ Австрійскимъ дворомъ.

При разсматриваніи внутренней преобразовательной дѣятельности въ Россіи отъ 1711 до 1721 года, по самому ходу дѣлъ, нельзя не замѣтить отсутствія, иногда очень продолжительнаго,

царя-преобразователя. Это отсутствіе условливалось затянувшеюся заграничною войною. Въ Прутскомъ несчастіи Петръ утѣшалъ себя и другихъ тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, прекращеніе Турецкой войны дастъ возможность сосредоточить всѣ силы на западѣ и кончить поскорѣе Шведскую войну выгоднымъ міромъ; но и эта надежда на скорое окончаніе тяжелой войны не оправдалась, благодаря слабому содѣйствію союзниковъ.

По возвращеніи изъ Турецкаго похода, не могшаго не подѣйствовать разрушительно на физическое здоровье Петра, онъ прежде чѣмъ начать новые труды, долженъ былъ отправиться осенью 1711 года, въ Карлсбадъ для пользованія тамошними водами. 15 сентября царь началъ употреблять воды, 3 октября уже выѣхалъ изъ Карлсбада, и 14 числа, въ Торгау, отпраздновалъ бракъ сына своего, царевича Алексѣя съ принцессою Вольфенбюттельскою[1]. Между тѣмъ со сцены военныхъ дѣйствій приходили непріятныя вѣсти. Штральзундъ былъ осажденъ союзными войсками, Русскими, Саксонскими и Датскими; но вотъ что писалъ Петру находившійся въ то время тамъ князь Григорій Ѳед. Долгорукій, отъ 5 сентября. «Войска наши, Датскія и Саксонскія, находятся при Штральзундѣ, а дѣйствія еще никакого не начали за тѣмъ, что министры и генералы не могли согласиться на счетъ того, какъ начинать дѣло, и согласиться не могутъ больше по своимъ злобамъ и гордости. Со стороны короля Польскаго желаютъ напередъ добывать островъ Рюгенъ, дабы тамъ непріятельскую кавалерію уничтожить и продовольствіе получить съ острова, а потомъ уже добывать крѣпость. Со стороны короля Датскаго больше желанія, оставя короля Польскаго подъ Штральзундомъ, добывать Висмаръ. Отъ этихъ несогласій, министерскихъ злобъ и перекоровъ хотѣли ничего не сдѣлавши разъѣхаться. Мы съ княземъ Васильемъ Лукичемъ Долгорукимъ всѣми силами трудимся не только министровъ и генераловъ, но и ихъ величества до согласія привесть, и думаю, что прежде станутъ добывать островъ Рюгенъ.»

Долгорукому хотѣлось, чтобъ король Датскій имѣлъ личное свиданіе съ Петромъ, «понеже, писалъ князь Григорій, король Датскій зѣло человѣкъ гордый, и что изволите съ нимъ постановить, то, чаю, ни для чего не отмѣнитъ. Но Саксонскій генералъ Флемингъ не хотѣлъ этого личнаго свиданія между государями,

и, подговоря съ собою Датскихъ министровъ, Выбея и Шака, тайно отправился въ Бранденбургскій городъ Кросенъ для свиданія съ царемъ и улаженія всего на счетъ будущей кампаніи [2]. 22 октября въ Кросенѣ было совѣщаніе, на которомъ Петръ далъ Флемингу и Датскимъ министрамъ слѣдующіе пункты: 1) Необходимо теперь же овладѣть Штральзундомъ, а если нельзя, то, по-крайней мѣрѣ, островомъ Рюгеномъ. 2) Зимою надобно договориться съ курфирстомъ Ганноверскимъ о Бременѣ и Верденѣ, чтобъ къ будущей кампаніи Ганноверскій дворъ не мѣшалъ, а помогалъ (именно при дворѣ Англійскомъ). 3) Военныя дѣйствія въ будущую кампанію, какъ сухопутныя такъ и морскія, начать рано, именно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Петръ изъ Кроссна отправился въ Россію; а союзники два мѣсяца понапрасну стояли подъ Штральзундомъ, оправдывая себя тѣмъ, что не привозили артиллеріи и потому нельзя ничего сдѣлать. Рѣшили, что нельзя стоять всю зиму подъ Штральзундомъ, надобно отступить; но и тутъ подняли споръ: король Польскій говорилъ, чтобъ всѣмъ союзнымъ войскамъ, отступя отъ Штральзунда, зимовать въ Помераніи и удерживать въ блокадѣ Штетинъ, Штральзундъ и Висмаръ; король Августъ представлялъ также, что если теперь всѣ войска оставятъ Померанію, то на весну имъ трудно будетъ снова войдти въ нее, по причинѣ переправъ, которыя непріятель легко можетъ защищать. Но король Датскій никакъ не хотѣлъ оставлять войскъ своихъ въ Помераніи, представляя, что ему нужно войско для охраненія Зеландіи зимою, когда Зундъ замерзаетъ, и непремѣнно хотѣлъ уйдти въ Голштинію на зимнія квартиры. Къ усиленію распри между союзниками, королю Августу дали знать, что Датскій король начинаетъ тайные переговоры со Шведами посредствомъ Готторпскаго министра Фондерната. Такимъ образомъ оба короля намѣревались выступить изъ Помераніи; князьямъ Долгорукимъ, Григорью и Василью стоило большаго труда привести ихъ къ тому, что они наконецъ согласились: Датскому королю оставить въ Помераніи 6000 человѣкъ своего войска, а Саксонцамъ и Русскимъ всѣмъ зимовать тамъ.

Союзники дѣйствуютъ слабо; а между тѣмъ на западѣ грозитъ новая опасность: война Англіи, Австріи и Голландіи противъ Франціи за наслѣдство Испанскаго престола готова прекратиться, что

дастъ этимъ державамъ возможность вмѣшаться въ Сѣверную войну. Въ Англіи съ большимъ неудовольствіемъ и подозрительностію смотрѣли на вступленіе русскихъ войскъ въ Померанію. Утверждали, что въ Карлсбадѣ у царя и Англійскаго посланника Витворта произошелъ по поводу этого предмета очень крупный разговоръ, такъ что посланникъ счелъ благоразумнѣе уйдти. Вмѣсто князя Куракина посланникомъ въ Англію отправленъ былъ Фонъ-деръ-Литъ. Новый посланникъ доносилъ въ ноябрѣ 1711 года, что государственный секретарь С. Джонъ (знаменитый Болинброкъ) говорилъ: «Союзники въ Помераніи поступаютъ выше всякой мѣры: сначала увѣряли, что хотятъ только выгнать оттуда Шведскій корпусъ генерала Крассова, а теперь ясно видно, что ихъ намѣреніе выжить Шведскаго короля изъ Нѣмецкой земли: это уже слишкомъ!» Переговоры о мирѣ между Франціею и союзниками должны были производиться въ Голландіи, и потому сюда, на помощь Матвѣеву, отправленъ былъ князь Бор. Иван. Куракинъ. Въ ноябрѣ 1711 года Куракинъ далъ знать, что Франція сблизилась съ партіею Тори въ Англіи, и Англійскій посланникъ объявилъ Голландскому правительству требованіе, чтобъ назначено было мѣсто для посольскихъ съѣздовъ и чтобъ выданы были паспорты Французскимъ уполномоченнымъ. Когда депутаты отъ штатовъ сказали ему, что надобно писать во всѣ провинціи республики, извѣдать общее желаніе, то онъ отвѣчалъ, что его королева рѣшила быть съѣзду, и если Голландія будетъ медлить, то Англія одна назначитъ мѣсто для съѣзда и выдастъ паспорты. «Господа Голландцы, писалъ Куракинъ, въ великой конфузіи находятся. Мое мнѣніе: если эти государства все больше и больше будутъ приходить въ несогласіе, то конечно въ насъ нужду имѣть будутъ, и въ такомъ случаѣ, принявъ мѣры, требуемыя нашими интересами, не надобно упускать времени, заключить съ ними хотя оборонительный союзъ и свой кредитъ устанавливать; но теперь пока надобно относиться одинаково какъ къ Англіи, такъ и къ Голландіи.» На это донесеніе канцлеръ Головкинъ отвѣчалъ Матвѣеву и Куракину наказомъ: склонять штаты къ пріязни и къ вступленію въ союзъ съ царскимъ величествомъ; объявить штатамъ и цесарскимъ министрамъ, что въ случаѣ продолженія войны ихъ съ Франціею, царь готовъ помочь имъ войскомъ отъ 10 до 15,000 человѣкъ и больше за обычныя субсидіи и даже безъ

субсидій, только на ихъ содержаніи и жалованьи: въ замѣнъ этого требовать, чтобъ Австрія и Голландія гарантировали Россіи все завоеванное ею у Швеціи, въ Померанскомъ дѣлѣ царю и его союзникамъ не только не мѣшали, но и помогали. Отвѣтъ Матвѣева былъ очень неудовлетворителенъ: «Изъ всего видимъ, что на ихъ прямое усердіе къ исполненію того, чего отъ нихъ желается, намъ отнюдь опираться нельзя, и никакой надежды возлагать на нихъ не слѣдуетъ; притомъ плохой успѣхъ дѣлъ нашихъ въ Помераніи не можетъ внушить имъ большой охоты помогать намъ противъ Шведскаго короля.»

И такъ надобно было хорошо вести дѣло въ Помераніи, чтобъ заставить Австрію и Голландію благопріятно смотрѣть на наше предложеніе.

1 марта 1712 года отправился въ Померанію съ войскомъ князь Меншиковъ, а князь Василій Лукичъ Долгорукій долженъ былъ хлопотать дипломатическимъ путемъ, чтобъ союзники дѣйствовали дружно. Задача была тяжелая; прежде всего шли взаимныя обвиненія въ желаніи заключить отдѣльный миръ съ Швеціею: время на конференціяхъ проходило въ томъ, что съ обѣихъ сторонъ увѣряли въ несправедливости подобныхъ обвиненій. Долгорукій настаивалъ, чтобъ Датчане высылали флотъ въ море какъ можно раньше; Датскіе министры отговаривались неимѣніемъ денегъ. Долгорукій настаивалъ, чтобъ дѣйствовать дружно въ Помераніи; Датчане считали выгоднѣе и легче для себя овладѣть Бременомъ. Долгорукій, въ донесеніяхъ своихъ царю, изъявлялъ опасенія, что отдѣльный миръ между Даніею и Швеціею можетъ состояться и приводилъ основаніе своимъ опасеніямъ: великую скудость денежную; всѣ единогласно говорили, что войску жалованья давать нечего; министры и генералъ Шульцъ, имѣющіе особенное вліяніе на короля, люди не расторопные, скучаютъ множествомъ трудныхъ дѣлъ и слышатъ народную злобу на себя за войну, а народъ раздражаетъ противная министрамъ партія Плессена и Лента, которая находитъ доступъ и къ королю чрезъ сестру его; кромѣ того Датскій дворъ опасался, что если Англичане и Голландцы успѣютъ помириться съ Франціею, то не заставили бы Данію окончить войну безъ всякой для нея прибыли; Голштинскій министръ Фондернатъ хлопочетъ о мирѣ со Швеціею, опираясь на Плессена и Лента; министрамъ грозитъ опас-

ность и отъ того, что король хочетъ перемѣнить метрессу: «Ежели та перемѣна сдѣлается, всѣ дѣла здѣсь перемѣнятся, писалъ Долгорукій: министры не могутъ ничего сдѣлать противъ Фондерната, такъ онъ утвердилъ себя въ королевской милости чрезъ карлъ и камердинеровъ[3]; кромѣ того держитъ богатый столъ и весь дворъ кормитъ.»

Долгорукій не могъ отговорить Датскаго короля отъ похода въ Бременскую область. Чтобъ оживить военныя дѣйствія въ Помераніи, самъ царь отправился туда въ іюнѣ 1712 года; Меншиковъ стоялъ подъ Штетиномъ, но царь не могъ помочь ему овладѣть этимъ городомъ, потому что Датчане отказались дать ему свою артиллерію, подъ тѣмъ предлогомъ, что ее должны доставить Саксонцы. Петръ писалъ Датскому королю: «Я чаю, что уже вашему величеству извѣстно, что я не только то число войскъ (которое поставлено въ прошломъ годѣ въ Ярославлѣ съ королевскимъ величествомъ Польскимъ) для здѣшнихъ дѣйствъ поставилъ, но тріекратно болѣе умножилъ, къ тому же и самъ сюды прибылъ, не щадя здоровья своего, чрезъ всегдашнюю фатигу и нынѣшній такъ далекой путь для общихъ интересовъ; но при прибытіи моемъ сюда обрѣлъ войско праздно, понеже артиллерія, отъ васъ обѣщанная, не точію прибыла, но когда я вашего вице-адмирала Сегестета, яко командира надъ оною, спросилъ, которой мнѣ отвѣтствовалъ, что оная безъ особливаго вашего указу быть сюда не можетъ. Я зѣло въ недоумѣніи, чего для такія перемѣны чинятся и время такъ благополучное вотще препровождается, изъ котораго кромѣ убытку какъ въ деньгахъ, а паче въ интересахъ общихъ и посмѣянія отъ непріятелей нашихъ, ничего нѣтъ. Я всегда былъ и есть готовымъ своимъ высокимъ союзникамъ все, что интересъ общій требуетъ, вспомогать, что всегда съ моей стороны исполнено. Ежели же сего моего прошенія (о присылкѣ артиллеріи) исполнить не изволите, то я предъ вами и всѣмъ свѣтомъ оправдаться могу, что сія кампанія здѣсь не отъ меня опровергнута, и тогда я не виновенъ буду, что будучи безъ дѣйства самъ, а людей своихъ принужденъ буду вывесть въ свою землю, ибо напраснаго убытку отъ дороговизны здѣшней, а наипаче безчестія отъ непріятелей понести не могу. Я здѣсь всѣ мѣста и ихъ положеніе осмотрѣлъ, и какое можетъ дѣйство воинское нынѣ и впредь въ сей землѣ быть для искорененія отсель непріятелей, о томъ

послалъ пункты къ вашему величеству. Сами изволите разсудить, что мнѣ ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ собственнаго интересу нѣтъ; но что здѣсь дѣлаю, то для вашего величества дѣлаю.» Кампанія пропала даромъ въ Помераніи, тогда какъ въ Бременской области Датчане овладѣли крѣпостью Штадомъ. Какъ безчестье неуспѣха подѣйствовало на Петра, видно изъ письма его къ Меншикову, когда онъ 19 августа находился въ Вольгастѣ, а свѣтлѣйшій стоялъ подъ Штетиномъ: «Письмо ваше я получилъ, на которое отвѣтствовать кромѣ сокрушенія своего не могу, ибо какъ я къ тебѣ въ другомъ письмѣ писалъ, о всемъ пространно можешь выразумѣть, что если вѣтеръ не перемѣнился, однимъ днемъ все было бы исполнено, и что дѣлать, когда такихъ союзниковъ имѣемъ, и какъ пріѣдешь, самъ увѣдаешь, что никакими мѣрами инако сдѣлать мнѣ невозможно; я себя зѣло безчастнымъ ставлю, что я сюда пріѣхалъ; Богъ видитъ мое доброе намѣреніе, а ихъ и иныхъ лукавство, я не могу ночи спать отъ сего трактованья [4].» Такъ какъ подобное трактованье обыкновенно отзывалось на здоровьѣ, то Петръ въ октябрѣ отправился въ Карлсбадъ и Теплицъ для лѣченья. Отдохнувши немного, ему хотѣлось соединить войска всѣхъ союзниковъ и окончить годъ побѣдою, потому что Шведскій фельдмаршалъ Стенбокъ, собравши послѣднія средства, выступилъ съ 18,000 войска изъ Помераніи въ Мекленбургъ. Петръ писалъ изъ Теплица къ Датскому королю, чтобъ тотъ пріѣхалъ къ своимъ войскамъ въ Голштинію и соединился съ Русскими войсками для нападенія на непріятеля; потомъ опять писалъ о томъ же изъ Дрездена, 12 ноября: «Надѣюсь, что ваше величество признаете необходимость такого дѣйствія; паки, дружески и братски васъ о семъ прошу, и притомъ объявляю, что хотя мое здоровье требуетъ спокойствія послѣ лѣченія, однако я, видя крайнюю нужду, дабы сего полезнаго дѣла не пропустить, немедленно отъѣзжаю къ войску.» Къ Меншикову царь писалъ: «Для Бога, ежели случай доброй есть, хотя я и не успѣю къ вамъ прибыть, не теряйте времени, но во имя Господне атакуйте непріятеля [5].»

Изъ Дрездена Петръ поѣхалъ въ Берлинъ, а изъ Берлина, какъ было обѣщано Датскому королю, отправился къ войскамъ своимъ въ Мекленбургію. 28 ноября царь пріѣхалъ въ мѣстечко Лаго, гдѣ была главная квартира Русскихъ войскъ; изъ Лаго царь выѣхалъ въ Гистроу, куда велѣлъ слѣдовать и войскамъ.

Здѣсь 7 декабря получено извѣстіе, что Стенбокъ двинулся къ Шверину и Гадебушу съ тѣмъ, чтобы напасть на соединенное датско-саксонское войско, бывшее подъ начальствомъ самого Датскаго короля и саксонскаго фельдмаршала Флеминга. Царь отправилъ изъ Гистроу часть своего войска на помощь союзникамъ, пославши сказать имъ, чтобы не вступали въ битву прежде соединенія съ русскимъ войскомъ; на другой день самъ Петръ выѣхалъ изъ Гистроу и отправилъ снова троихъ офицеровъ, одного за другимъ, къ Датскому королю, чтобы не вступалъ въ битву, ибо русское войско находилось только въ трехъ миляхъ; но «господа Датчане, имѣя ревность не по разуму», какъ писалъ Петръ, вступили въ битву и были на голову поражены Стенбокомъ при Гадебушѣ. Узнавъ объ этомъ несчастіи, Петръ вернулся назадъ въ Гистроу, куда Датскій король пріѣхалъ съ просьбою помочь ему въ бѣдѣ, и Петръ въ началѣ 1713 года двинулся съ войскомъ за Шведами въ Голштинію, разбилъ ихъ при Швабштедѣ и прогналъ изъ Фридрихштадта. Изъ этого города онъ увѣдомилъ фельдмаршала Шереметева о швабштедскомъ дѣлѣ: «Непріятель въ такую землю зашелъ, что къ оному только идти по дамамъ (плотинамъ), а поле все, испортя слюзы, потопилъ, а на дамахъ сдѣланы были перекопы и батареи; однакожь мы, не смотря на то, съ помощію Божіею отважились онаго атаковать, который хотя и боронилъ оные прекрѣпкіе пассажи, однакожь изо всѣхъ оныхъ непріятель выбитъ съ немалымъ урономъ.»

Между тѣмъ изъ Голландіи, гдѣ происходилъ Утрехтскій конгрессъ для прекращенія войны за испанское наслѣдство, приходили дурныя вѣсти. Матвѣевъ писалъ, что Англія и Франція, сближаясь другъ съ другомъ, сближаются и съ Швеціею. Англія и Голландія предложили свое посредничество для прекращенія сѣверной войны. Князю Куракину по этому случаю даны были слѣдующія инструкціи: «Надлежитъ объявить министрамъ морскихъ державъ, что царское величество къ миру всякую склонность съ союзниками своими имѣетъ и посредничество морскихъ державъ принимаетъ; но то посредничество, какое морскія державы теперь князю Куракину объявили, царскому величеству и союзникамъ его вредно и предосудительно. Объявили они: если которая-нибудь сторона не приметъ посредничества по плану ими

сочиненному, то ее принудить силою. Но это будетъ уже насиліе, а не посредничество. Объявить морскимъ державамъ: если онѣ обнадежатъ, что возвращеніе наслѣдственныхъ русскихъ земель, которыя Шведы отторгли вмѣсто оказанія помощи, будетъ принято за основаніе, но не какъ вознагражденіе за войну, то его величество ихъ медіацію принимаетъ; о другихъ же провинціяхъ, которыя царское величество желаетъ получить въ вознагражденіе за войну, будетъ объявлено при назначенномъ съѣздѣ. Когда станутъ упоминать о Лифляндіи, то объявить въ общихъ выраженіяхъ, что царское величество твердо стоитъ въ своемъ намѣреніи уступить ее коронѣ польской[6].

Пробывъ нѣсколько времени въ Фридрихштадтѣ, Петръ рѣшился отправиться въ Россію, потому что Стенбокъ запертой въ Шлезвигской крѣпости Теннингенѣ, не былъ болѣе опасенъ. 14 февраля царь выѣхалъ изъ Фридрихштадта, оставивъ Меншикову инструкцію, какъ поступать въ его отсутствіе: 1) искать непріятеля къ капитуляціи принудить или инымъ образомъ къ раззоренію его приводить всѣми способами, а наипаче всего, чтобы не ушелъ, для того 2) надлежитъ у всѣхъ генераловъ, даже до генералъ-маіора брать совѣты на письмѣ о всякомъ важноначинаемомъ дѣлѣ, дабы никто послѣ не могъ отпереться, что онъ инако совѣтовалъ. 3) Стѣсненіе непріятелю какъ возможно ранѣе дѣлать, а потомъ и бомбандированье, дабы намъ прежде свое дѣло окончить генеральнаго мира, по которомъ, чаю, не безъ помѣшки будетъ. 4) Съ датскимъ дворомъ какъ возможно ласкою и низостью поступать, ибо хотя правду станешь говорить безъ уклонности, за зло примутъ, какъ самъ ихъ знаешь, что болѣе чиновъ нежели дѣла смотрятъ. 5) Ежели дастъ Богъ доброе окончаніе съ непріятелемъ, то библіотеку выпросить конечно всю изъ Шлезвига, также и иныхъ вещей, осмотря самому съ Брюсомъ, а особливо глобусъ.» — Не теряя надежды привлечь къ союзу курфирста ганноверскаго, Петръ заѣхалъ, для свиданія съ нимъ въ Ганноверъ, и о слѣдствіяхъ свиданія писалъ Меншикову: «Курфирстъ зѣло склоненъ явился и совѣты многіе подавалъ, только что дѣломъ что исполнить, то никто не хочетъ.» Узнавши о смерти прусскаго короля Фридриха 1-го, Петръ отправился въ Шейнгаузенъ (въ милѣ отъ Берлина) для свиданія съ новымъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I. При по-

койномъ королѣ Пруссія, въ отношеніи къ Россіи, слѣдовала постоянно одной политикѣ, избѣгая рѣшительнаго шага и выискивая случая пріобрѣсть что-нибудь безъ большихъ усилій съ своей стороны. Еще въ 1711 году царскій чрезвычайный посолъ при прусскомъ дворѣ, графъ Александръ Головкинъ, сынъ канцлера, писалъ, что прусскій дворъ не хочетъ заключать договора съ Россіей, во первыхъ, потому что у Пруссіи нѣтъ достаточнаго количества войска и она не можетъ ввязаться въ такое опасное дѣло, какъ война шведская; во вторыхъ, нѣтъ соотвѣтствія между тѣмъ, что царь обѣщаетъ дать, и тѣмъ, чего требуетъ отъ короля. Головкинъ представилъ самому королю, какія выгоды для Пруссіи заключаются въ союзѣ съ Россіей: Пруссія получитъ городъ Эльбингъ и часть земли между Вислою и Помераніею. «Очень опасно, отвѣчалъ король, вступать мнѣ въ это дѣло: Царскому величеству Шведы нисколько вреда не сдѣлаютъ, потому что его государство далеко; но на меня, какъ на ближайшаго, нападутъ; а царское величество войска свои даетъ подъ такимъ условіемъ, что во время разрыва съ султаномъ имѣетъ право ихъ отозвать». Головкинъ возражалъ, что хотя въ предложенномъ трактатѣ дѣйствительно такъ сказано, однако царь посылаетъ теперь довольно войска противъ шведскаго померанскаго корпуса, также короли польскій и датскій имѣютъ довольно войска по близости. Король отвѣчалъ: «На датскаго короля нечего надѣяться: это государь бѣдный и самъ не знаетъ что дѣлать.» Прусскіе министры прямо объявили Головкину, что царь поступаетъ дурно съ ними, только обѣщая награду за союзъ въ послѣдствіи, а не давая ничего впередъ: «Манитe вы насъ Эльбингомъ, какъ пса кускомъ мяса», говорили министры. — «У здѣшнихъ господъ министровъ, писалъ Головкинъ, на одномъ часу разныя слова и отмѣнныя и часто только политичныя.» Слова были разныя, но мысль одна, одно желаніе, и желаніе это было такъ сильно, что забывали приличія. Головкину объявили отъ имени королевскаго, что его величество лишенъ всѣхъ средствъ исполнить маріенвердерскій договоръ, но надѣется и проситъ, чтобы царское величество, по своему доброжелательству къ королю, изволилъ уступить ему городъ Эльбингъ; если отдастъ городъ явно, то Поляки разсердятся, и потому пусть царское величество повелитъ генералу своему выйдти изъ города и тайно увѣдомить

объ этомъ Пруссаковъ, которые и займутъ Эльбингъ, гдѣ всѣ жители на ихъ сторонѣ, кромѣ магистрата; за это король обѣщается помогать тайно царскому величеству противъ Шведовъ. «Я, писалъ Головкинъ, для нашихъ нынѣшнихъ обстоятельствъ, заблагоразсудилъ ихъ ласкать и принялъ то на доношеніе. Король, своею особой, нашей партіи, также и кронъ-принцъ начинаетъ къ намъ склоняться; нынѣшній годъ надобно съ здѣшнимъ дворомъ пасіенцію имѣть и довольствоваться тѣмъ, чтобъ они намъ помогли артиллеріею, и можетъ быть нѣсколько батальоновъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ дадутъ, только на это крѣпко нельзя надѣяться.» Въ Берлинѣ не спускали глазъ съ Эльбинга. Въ мартѣ 1712 года Головкинъ имѣлъ разговоръ съ министромъ Ильгеномъ, который представлялъ, какія услуги оказываетъ Пруссія Россіи. пропуская царскія войска чрезъ свои земли и оказывая имъ всякое вспоможеніе: «за такія услуги, продолжалъ Ильгенъ, изволилъ бы царское величество отдать намъ Эльбингъ.» — «Царскому величеству, сказалъ Головкинъ, нельзя этого сдѣлать безъ позволенія короля Польскаго и рѣчи посполитой; но если король Прусскій дѣйствительно вступитъ съ нами въ союзъ противъ Швеціи, то царскому величеству можно будетъ представить Польскому королю и рѣчи посполитой дѣло такъ, что можетъ быть они и согласятся на передачу Эльбинга Пруссіи.» — «Можно и теперь, отвѣчалъ Ильгенъ, сдѣлать сильныя представленія о необходимости передать Эльбингъ Пруссіи, можно внушить, что Прусскій король необходимъ союзникамъ для свободнаго прохода войскъ ихъ чрезъ прусскія владѣнія, для закупки хлѣба и другихъ потребностей; что у Прусскаго короля много войска, и если его не удовлетворить отдачею Эльбинга, то онъ можетъ перейдти на сторону Швеціи. А вступать нашему королю въ войну противъ Швеціи не нужно, потому что сѣверные союзники довольно сильны и безъ прусской помощи; но король нашъ радъ помогать союзникамъ всячески.» — Чрезъ нѣсколько времени Ильгенъ подступилъ съ другой стороны: «Нашъ король, говорилъ онъ Головкину, хочетъ содержать нейтралитетъ, и, желая водворенія мира на сѣверѣ, не только хочетъ употребить для этого свой кредитъ при другихъ дворахъ, но и оружіе; только надобно знать, что вы намъ за наши труды дадите, и объявляемъ вамъ напередъ, что изъ-за одного Эльбинга мы не станемъ хлопотать,

надобно еще что-нибудь прибавить.» Это что-нибудь должно было состоять изъ части польской Пруссіи и Курляндіи [7].

Головкинъ писалъ, что кронъ-принцъ къ намъ склоняется. Теперь кронъ-принцъ сталъ королемъ и надобно было узнать въ какой степени онъ къ намъ склонился: «Здѣсь, писалъ Петръ Меншикову, новаго короля я нашелъ зѣло пріятна къ себѣ, но ни въ какое дѣйство онаго склонить не могъ, какъ я могъ разумѣть для двухъ причинъ: первое, что денегъ нѣтъ; другое, что еще много псовъ духа шведскаго, а король самъ политическихъ дѣлъ не искусенъ, а когда дастъ въ совѣтъ министрамъ, то всякими видами помогаютъ Шведамъ, къ тому же еще не осмотрѣлся. То видѣвъ я, утвердя дружбу, оставилъ. Ежелибъ что могъ сдѣлать здѣсь, конечно, намѣренъ былъ водою къ вамъ поворотиться. Дворъ здѣшній, какъ мы усмотрѣли, уже не такъ чиновенъ сталъ, какъ прежде сего былъ, и многимъ людямъ нынѣшній король отъ двора своего отказалъ, и впредь чаемъ больше въ отставкѣ будетъ, между которыми есть много изъ мастеровыхъ людей отпускаютъ, которые сами службы ищутъ; такожь и картины, какъ слышимъ, продавать будутъ; того для когда у васъ дѣла будутъ приходить къ окончанію, тогда генерала Брюса отпустите въ Берлинъ для найму мастеровыхъ людей знатныхъ художествъ, которые у насъ потребны, а именно архитекты, столяры, мѣдники и прочіе [8].»

Не склонивши ни курфирста ганноверскаго, ни прусскаго короля ни къ какому «дѣйству», Петръ хотѣлъ нанести сильный ударъ врагу со стороны Финляндіи. Намѣреніе свое относительно этой страны онъ изложилъ въ письмѣ къ адмиралу Апраксину еще изъ Карлсбада 30 октября 1712 года: «Сіе главное дѣло, чтобы, конечно, въ будущую кампанію какъ возможно сильныя дѣйства съ помощію Божіею показать и идти не для раззоренія, но чтобъ овладѣть, хотя оная (Финляндія) намъ не нужна вовсе удерживать, но двухъ ради причинъ главнѣйшихъ: первое, было бы что при мирѣ уступить, о которомъ Шведы уже явно говорить починаютъ; другое, что сія провинція есть матка Швеціи какъ самъ вѣдаешь: не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели Богъ допуститъ лѣтомъ до Абова, то шведская шея мягче гнуться станетъ [9].» Немедленно, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, велѣлъ онъ приготовляться къ морскому похо-

ду въ эту страну. 26 апрѣля галерный флотъ, состоявшій изъ 93 галеръ, 60 карбусовъ и 50 большихъ лодокъ съ 16.000 войска, отплылъ изъ Петербурга къ Финляндіи, самъ Петръ, какъ контръ-адмиралъ, шелъ въ авангардѣ; въ *корде*-баталіи находился генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, въ аріергардѣ генералъ-лейтенантъ князь Мих. Мих. Голицынъ и контръ-адмиралъ графъ Боцисъ. Въ началѣ мая русскія войска высадились у Гельзингфорса; начальствовавшій здѣсь генералъ Армфельдъ, не дожидаясь приступа, ночью зажегъ городъ и убѣжалъ въ Борго; Русскіе отправились къ Борго; но Шведы очистили передъ ними и этотъ городъ; Русскіе овладѣли безпрепятственно и главнымъ городомъ Финляндіи Або: «не только войска непріятельскаго, но ниже жителей тамо обрѣли, но все найдено пусто.» Это было въ концѣ августа; въ октябрѣ Русскіе нашли, наконецъ, непріятеля, который рѣшился принять битву: при рѣкѣ Пелкени, у Таммерсфорса, генералъ Армфельдъ былъ разбитъ Апраксинымъ и Голицынымъ; слѣдствіемъ побѣды было то, что вся почти Финляндія до Каяніи находилась въ рукахъ Русскихъ.

И въ Голштиніи, и въ Помераніи военныя дѣйствія въ 1713 году шли успѣшнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ. Въ началѣ марта Меншиковъ изъ Фридрихштадта отправился въ Гузумъ, гдѣ жилъ Датскій король, чтобъ выговорить его министрамъ за неисправную доставку продовольствія Русскимъ войскамъ. «Если такъ продолжится, говорилъ свѣтлѣйшій, то мы принуждены будемъ оставить здѣшнія дѣйства.» Датскіе министры разсердились и въ сердцахъ проговорились: «Если станете дорожиться, то мы имѣемъ близкое средство къ миру.»—«Если хотите заключить миръ, то говорите прямо,» сказалъ Меншиковъ. Министры смутились и стали пенять другъ на друга за то, что проговорились. «Изъ этого случая, писалъ Меншиковъ царю, отчасти можно признать, что у нихъ не безъ особеннаго промысла насчетъ партикулярнаго мира, тѣмъ больше, что на дняхъ былъ въ Гузумѣ Голштинскій министръ, жилъ три дня и, говорятъ, тайно допущенъ былъ къ королю[10].» Этотъ Голштинскій министръ былъ знаменитый въ послѣдствіи Гёрцъ. Мы видѣли[11], что зять и другъ Карла XII, герцогъ Голштинскій былъ убитъ при Клиссовѣ въ 1702 году; за несовершеннолѣтіемъ сына его, герцога Карла Фридриха, воспитывавшагося въ Швеціи, администраторомъ Голштиніи былъ родной дядя его Хри-

стіанъ Августъ князь епископъ Любскій, который очутился теперь въ тяжеломъ положеніи слабаго въ борьбѣ между сильными. Передъ союзниками онъ выставлялъ свой нейтралитетъ, а между тѣмъ тайно отдано было приказаніе Тёнингенскому коменданту впустить Стенбока съ войскомъ въ крѣпость. Теперь министръ Христіана Августа, Гёрцъ явился къ Датскому дворцу съ предложеніемъ, что уговоритъ Стенбока сдаться союзникамъ, но за это Голштинскія владѣнія должны быть очищены отъ союзныхъ войскъ и получить вознагражденіе за убытки, причиненные войною. Гёрцъ изъ Гузума разъѣзжалъ въ Тёнингенъ къ Стенбоку, въ Гамбургъ къ другому Шведскому фельдмаршалу Велингу, и, по возвращеніи въ Гузумъ, увѣрялъ Флемминга и князя Вас. Лукича Долгорукаго, что Стенбокъ непремѣнно сдастся. Датскіе министры написали было уже и договоръ въ томъ смыслѣ, что Стенбокъ сдается одному Датскому королю; но Долгорукій объявилъ, что онъ на это никакъ не согласится, что Стенбокъ долженъ сдаться всѣмъ союзникамъ, которые должны пріобрѣсти равныя выгоды отъ этой сдачи. Между тѣмъ получены были извѣстія, что въ Тёнингенѣ большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Меншиковъ, тяготясь переговорами безъ конца, писалъ Долгорукому: «Это не дѣло, но Гёрцовы штучки, что̀ самимъ вамъ легко разсудить можно: съ начала пересылки съ Стенбокомъ не видали мы ни одного отъ него письма; что̀ Гёрцъ напишетъ или скажетъ, тому и вѣримъ, Гёрцу нужно одно — проволочь время и не допустить насъ до бомбардированія. И такъ, оставя это бездѣлье, надобно приступить къ дѣлу, т. е. поскорѣе начинать бомбардированіе, чего вашему сіятельству и надобно домогаться.» Въ слѣдствіе этого домогательства Гёрцъ былъ удаленъ и союзники вошли въ непосредственныя сношенія съ Стенбокомъ, который сдался имъ 4 мая; а черезъ 20 дней Меншиковъ выступилъ изъ Фридрихштадта, одна часть войска пошла къ Гамбургу, другая къ Любеку [12]: первый долженъ былъ заплатить 200,000 талеровъ, второй сто тысячъ марокъ, за то что не прерывали торговыхъ сношеній съ Шведами. Узнавши объ этомъ Петръ писалъ Меншикову; «Благодарствуемъ за деньги, что взято съ Гамбурга доброю манерою и не продолжа времени, и чтобъ изъ оныхъ добрую часть послать къ Куракину: зѣло нужно для покупки кораблей, ибо когда изъ нихъ добрую часть (и буде возможно и половину) пошлете къ Куракину, то на весну мы можемъ около 30 ко-

ераблей и фрегатъ поставить, въ чемъ я надеженъ, что вы сего главнаго дѣла не запомните[13].»

Датскія войска продолжали осаду Тёнингена, хотя тамъ и не было болѣе Шведовъ. Отряды союзныхъ войскъ подъ начальствомъ Саксонскаго фельдмаршала Флеминга взяли островъ Рюгенъ; князь Долгорукій требовалъ у Датскихъ министровъ, чтобъ немедленно же была начата осада Штральзунда, который не могъ держаться безъ Рюгена, но его представленій не послушали. Понапрасну также Русскій посланникъ противился допущенію Гёрца снова къ Датскому двору, понапрасну представлялъ «недоброжелательства Герцовы ко всему сѣверному союзу, и особенно къ коронѣ Датской.» Ему отвѣчали, что допущеніемъ Гёрца король покажетъ склонность къ прекращенію вражды съ домомъ Голштейнъ-Готторпскимъ, и что Гёрцъ, находясь при Датскомъ дворѣ, не можетъ сдѣлать ничего вреднаго. Но между тѣмъ Гёрцъ, не успѣвшій обратить вниманія Петра на свои предложенія и видѣвшій опаснаго себѣ врага въ Долгорукомъ, бросился къ Меншикову и успѣлъ вкрасться въ его довѣренность: онъ предложилъ ему планъ прорытія чрезъ Шлезвигскія владѣнія канала, который бы соединялъ Балтійское море съ Нѣмецкимъ и избавлялъ Русскіе корабли отъ обязанности проходить чрезъ Каттегатъ. Исполненіе предпріятія и выгоды отъ него представлялись свѣтлѣйшему князю. Меншиковъ сталъ видаться съ Гёрцомъ, вошелъ въ его планы относительно тѣснаго союза Голштейнъ-Готторпскаго дома съ Россіею, и шла уже рѣчь о бракѣ молодаго герцога съ царевною Анною Петровною. Но у Гёрца былъ еще другой планъ: такъ какъ союзники имѣли въ виду овладѣть Шведскими городами въ Помераніи, то онъ предложилъ, что склонитъ Шведскихъ коммендантовъ этихъ городовъ къ сдачѣ, но съ тѣмъ, чтобъ города были отданы въ секвестръ Прусскому королю и Голштинскому администратору, половина гарнизона въ нихъ будетъ Прусская, а другая Голштинская. Меншиковъ принялъ предложеніе, которое не могло не понравиться и царю, потому что такимъ образомъ Пруссія, принимая Шведскіе города, затягивалась въ враждебныя отношенія къ Швеціи. Въ началѣ іюня графъ Александръ Головкинъ провѣдалъ, что Голштинскій тайный совѣтникъ Бассевичъ пріѣхалъ въ Берлинъ и трактуетъ съ тамошнимъ дворомъ о взятіи Штетина въ секвестръ Пруссіею. Головкинъ немедленно выпросилъ при-

ватную аудіенцію у короля и представилъ ему, что это дѣло надобно улаживать по соглашенію съ Россіею, о чемъ князь Меншиковъ имѣетъ полную инструкцію отъ своего государя. Король отвѣчалъ на это: «Когда такъ, то хорошо, будемъ это дѣло дѣлать вмѣстѣ; пошлю отъ себя кого-нибудь къ князю Меншикову: я царскому величеству всегда добрый другъ и никакихъ противностей интересамъ его величества дѣлать никогда не хочу, но желаю ему во всемъ, сколько можно, помогать. Мы другъ другу никакого зла сдѣлать не можемъ, наоборотъ, можемъ другъ другу помогать.»

Послѣ этой аудіенціи Головкинъ увидался съ Бассевичемъ и прямо объявилъ ему, что знаетъ, за чѣмъ онъ пріѣхалъ въ Берлинъ. Бассевичь такъ удивился, что скоро не могъ отвѣчать; потомъ, оправившись, началъ говорить: «Вижу, что вы все знаете, и потому не хочу отъ васъ ничего утаивать: дѣйствительно по указу своего правительства, стараюсь я у здѣшняго двора, чтобъ король Прусскій взялъ въ секвестръ городъ Штетинъ, и дѣлаемъ мы это дѣло съ согласія вашего фельдмаршала князя Меншикова и Саксонскаго фельдмаршала графа Флеминга.» Тутъ Головкинъ, въ свою очередь, долженъ былъ сильно удивиться, потому что не имѣлъ никакого извѣстія о согласіи Меншикова.

Послѣ разговора съ Бассевичемъ, Головкинъ имѣлъ разговоръ съ Прусскимъ министромъ Ильгеномъ, который объявилъ, что король посылаетъ къ Меншикову генерала Борка. При этомъ Ильгенъ сказалъ: «Надобно признаться, что у насъ это дѣло уже почти было слажено съ Шведами; думаю, что на будущей недѣлѣ Штетинъ былъ бы въ нашихъ рукахъ, для чего и войскамъ нашимъ уже велѣно приблизиться къ границамъ Помераніи; но изъ дружбы къ царскому величеству и по вашему предложенію, король рѣшился войти по этому дѣлу въ соглашеніе съ вами.» Головкинъ спросилъ у Ильгена, будутъ ли теперь Прусаки помогать союзникамъ? Тотъ отвѣчалъ: «Если намъ помогать вамъ войскомъ, то это будетъ явное объявленіе войны Шведамъ.»—«По крайней мѣрѣ, дадители намъ свою артиллерію?» спросилъ Головкинъ:— Король еще подумаетъ, отвѣчалъ Ильгенъ, артиллерія дорого стоитъ, да и надобно справиться, есть ли въ нашихъ магазинахъ достаточно бомбъ и другихъ принадлежностей; мы такого счастливаго случая не пропустимъ и всѣми силами будемъ стараться получить Померанію, чрезъ васъ ли, чрезъ Шведовъ ли.» Спустя нѣ-

сколько времени Бассевичь объявилъ Головкину о дальнѣйшихъ Голштинскихъ замыслахъ: «Мы, говорилъ онъ, ведемъ переговоры съ здѣшнимъ дворомъ о томъ, чтобъ король Прусскій, въ случаѣ смерти короля Шведскаго, помогъ нашему герцогу получить наслѣдство, т. е. Шведскую корону, за что обѣщаемъ Прусскому королю Штетинъ съ окрестными землями въ вѣчное владѣніе. Надѣемся, прибавилъ Бассевичь, что и царское величество, за наше усердіе, поможетъ Голштинскому герцогу въ полученіи Шведской короны, а не позволитъ перейти ей къ принцессѣ Ульрикѣ, второй сестрѣ Карла XII-го; для того-то мы и стараемся о Померанскомъ секвестрѣ, чтобъ закрѣпить за нашимъ герцогомъ Шведскія провинціи въ Германіи.»

Голштинцы обѣщали уговорить Штетинскаго Шведскаго коммендацта Мейерфельда къ сдачѣ; но Мейерфельдъ не поддавался ихъ внушеніямъ, и Голштинцы стали хлопотать, чтобъ Меншиковъ осадилъ Штетинъ и такимъ образомъ напугалъ Мейерфельда; о томъ же хлопотало и Прусское правительство, которое хотѣло пріобрѣсти Штетинъ безъ всякаго съ своей стороны пожертвованія. Поэтому, когда Меншиковъ въ началѣ іюля осадилъ Штетинъ, но осада затянулась и для ея ускоренія требовалась Прусская артиллерія, то Ильгенъ и другой министръ Грумкау убѣдили короля, что надобно покинуть мысль о секвестрѣ, ибо послать Прусскую артиллерію къ Штетину значитъ явно объявить войну Шведскому королю, притомъ же для этого нужна большая сумма денегъ. Въ Берлинѣ не хотѣли вступить въ открытую войну со Швеціею; но и не хотѣли также, чтобъ эта держава сохранила прежнюю свою силу, помнили ея тѣсный союзъ съ Франціею, союзъ, противный интересамъ Пруссіи и всей Германіи, помнили ея войну съ Великимъ Курфирстомъ. 10 августа былъ обѣдъ у короля Фридриха Вильгельма, гдѣ присутствовали посланники Русскій, Шведскій и Голландскій. Король предложилъ тостъ за здоровье Русскаго государя, потомъ Голландскихъ Штатовъ, и забылъ о Шведскомъ королѣ. Шведскій посланникъ Фризендорфъ отказался пить за здоровье царя, вмѣсто того выпилъ за добрый миръ и при этомъ просилъ короля, чтобъ онъ былъ посредникомъ и доставилъ Карлу XII удовлетвореніе, возвратилъ ему Лифляндію и другія завоеванія, ибо король Прусскій не можетъ желать усиленія царя. Король отвѣчалъ: «Удовлетвореніе слѣдуетъ царскому

величеству, а не Шведскому королю, и я не буду совѣтовать Русскому государю возвращать Ливонію, разсуждая по себѣ, еслибы мнѣ случилось отъ непріятеля что завоевать, то я бы не захотѣлъ назадъ возвратить; притомъ царское величество добрый сосѣдъ и другихъ не безпокоитъ; а что касается посредничества, то я въ чужія дѣла мѣшаться не хочу.» Фризендорфъ напомнилъ о дружбѣ, которая была всегда между Швеціею и Пруссіею при покойномъ королѣ Фридрихѣ I-мъ; въ отвѣтъ Фридрихъ Вильгельмъ припомнилъ войну, которую вела Швеція съ Пруссіею при дѣдѣ его, припомнилъ тѣсный союзъ Швеціи со Франціею: «одного только недостаетъ, чтобъ Французскій гербъ былъ на Шведскихъ знаменахъ,» сказалъ между прочимъ король. Фризендорфъ началъ увѣрять, что такого союза нѣтъ между Швеціею и Франціею.—«А хочешь разкажу, что̀ ты мнѣ говорилъ шесть недѣль тому назадъ?» сказалъ король. Фризендорфъ испугался: «Я это говорилъ вашему величеству наединѣ, какъ отцу духовному, сказалъ онъ и прибавилъ, что король все шутитъ.—«Говорю какъ думаю, отвѣчалъ король, и никого манить не хочу.» Въ Берлинѣ не хотѣли усиленія Швеціи, не хотѣли и усиленія Даніи и потому приняли предложеніе Голштинцевъ, чтобъ требовать отъ Датскаго короля очищенія Голштиніи [14].

Все это, и отказъ Прусскаго короля взять въ секвестръ Штетинъ, и дѣйствія Пруссіи противъ Даніи въ Голштинскомъ интересѣ, не могло нравиться Петру. 19 сентября онъ писалъ Меншикову: «Препзряднаябъ была польза, чтобъ Штетинъ взять, ибо чаемъ король Прусской для того отсталъ отъ секвестраціи, что король Швецкой дипломъ прислалъ отдать оный ему, ежели въ его интересъ вступитъ; что же о Голштинцахъ и Дацкихъ—правда, что хотя Дацкіе и неблагодарны явились и зѣло слѣпо и недобро поступаютъ, однако уже то подлинно есть, что непріятели Шведамъ, и намъ, наипаче для моря, зѣло нужны, а на новыхъ друзей Голштинцовъ еще трудно надѣяться; можетъ Богъ изъ Савла Павла сдѣлать, однакоже я въ томъ еще Ѳоминой вѣры; впрочемъ все полагаю на ваше разсужденіе по тамошнимъ конъюктурамъ, а наипаче того смотрѣть, что армію не разоря проводить домой.» Въ слѣдъ за тѣмъ, 21 сентября другое письмо въ томъ же родѣ: «Чтобъ, когда Богъ дастъ Штетинъ, отдать за секвестрацію Прусскому, о томъ мое разсужденіе, что то добро, ежели не будетъ

противно королю Польскому, ибо оному то обѣщано, а Прусскому отдадимъ безъ всякой съ ихъ стороны къ намъ склонности; буде же королю Польскому сіе не будетъ противно, то для насъ изрядно, а по моему, лучше бы отдать не въ секвестрацію, но вовсе, а затобъ обязался (Прусскій король) въ Польшу Шведовъ не пускать, также, буде возможно, хотябъ четыре полка далъ своихъ королю Польскому, ежели Турки на весну что начнутъ. Чтоже Голстинцы къ сему зѣло склонны, то для того, чтобъ скоряя оной городъ отъ Прусаковъ могли назадъ получить, неже отъ насъ. Что же пишете, что Голстенцы каковы были противны намъ, таковы нынѣ склонны—дай Боже, чтобъ была правда, а я чаю все для того, чтобъ тѣмъ выжить Датчанъ отъ себя, ибо еще ничего намъ дѣломъ не показали какъ Шведамъ помогли Тонингомъ. Для Бога осторожно съ такими поступай; лучше держаться апостола, который къ такимъ пишетъ: покажи мнѣ вѣру свою отъ дѣлъ своихъ; а словамъ вѣрить нечего, ибо хотя оные и хотятъ своего князя королемъ Шведскимъ (сдѣлать)—то правда, да еще старый живъ. Поступки Датчанъ не ладны, да что жь дѣлать? а раздражать ихъ не надобно для Шведовъ, а наипаче на морѣ; ежелибъ мы имѣли довольство на морѣ, тобъ иное дѣло, а когда не имѣемъ, нужда онымъ флатировать, хотя что и противное видѣвъ, чтобъ не отогнать. Что же пишете о трудномъ своемъ дѣлѣ, тому я вѣрю, а что пишете, какъ вамъ поступать съ Голштинцами, на то отвѣтствую, что и оныхъ озлоблять не надлежитъ, но приводить къ тому, чтобъ они, когда ищутъ съ нашей стороны себѣ пріятельства ко вспоможенію короны Шведской князю ихъ (т.-е. чтобъ герцогъ ихъ, какъ племянникъ бездѣтнаго Карла XII, получилъ Шведскую корону), то можно имъ обѣщать, толькобъ они что-нибудь напередъ дѣломъ показали, а пока дѣла въ нашъ интересъ не сдѣлаютъ, ничего имъ не надлежитъ открываться и вѣрить, но содержать въ ласкѣ внѣшней, а не внутренней, прочее воистину не могу за очи резону дать, но полагаюсь въ томъ на васъ, вѣдая доброе сердце ваше[15].»

Но когда писались эти предостерегательныя письма, указывавшія на необходимость щадить Данію, и не довѣрять Голштинцамъ, естественнымъ союзникамъ Шведовъ, Меншиковъ дѣйствовалъ «по тамошнимъ коньюктурамъ.» 18 августа, получивъ саксонскую артиллерію, онъ заключилъ съ Флемингомъ договоръ, по

которому обязался взять Штетинъ одними русскими войсками и отдать его въ секвестръ королю Польскому вмѣстѣ съ администраторомъ Голштинскимъ; а если король Прусскій пожелаетъ взять его въ секвестръ вмѣстѣ съ Голштинскимъ администраторомъ, то можетъ это сдѣлать, заплативши царю и королю Польскому деньги за убытки, понесенные во время осады. Осада шла успѣшно, и когда со стороны осаждающихъ «изъ мортиръ и пушекъ такой трактаментъ былъ Штетину учиненъ, что тотчасъ во многихъ мѣстахъ въ городѣ загорѣлось и превеликій пожаръ учинился», Мейерфельдъ, потерявши надежду долѣе защищать городъ, 19 сентября, при посредствѣ Бассевича, согласился выйдти изъ Штетина, отдавши его въ секвестръ королю Прусскому и администратору Голштинскому; Меншиковъ позволилъ, чтобы два шведскихъ батальона остались въ городѣ, принесши присягу на вѣрность герцогу Голштинскому. Послѣ этого Меншиковъ поѣхалъ въ бранденбургскій городъ Шветъ, гдѣ заключилъ съ Прусскимъ королемъ окончательный договоръ не только о «секвестраціи» Штетина, но также Рюгена, Штральзунда и Висмара. Покончивши эти дѣла, свѣтлѣйшій князь двинулся къ русскимъ границамъ; въ Помераніи осталось только 6.000 русскаго войска. Прусскій король былъ въ восторгѣ, что получилъ желаемое. «Донесите царскому величеству, говорилъ онъ Головкину, что я за такую услугу не только всѣмъ своимъ имѣніемъ, но и кровію своею его царскому величеству и всѣмъ его наслѣдникамъ служить буду; и хотя бы мнѣ теперь отъ шведской стороны не только всю Померанію, но корону шведскую обѣщали, чтобъ я пошелъ противъ интересовъ царскаго величества, то никогда и не подумаю такъ сдѣлать за такую царскаго величества къ себѣ склонность.»

Сколько радовались въ Берлинѣ, столько же печалились въ Копенгагенѣ.

Когда при Датскомъ дворѣ узнали о «секвестраціи», то поднялось сильное волненіе. «Большаго зла нельзя сдѣлать нашему королю, какъ этою секвестраціей», сказали датскіе министры Долгорукому: герцогъ Голштейнъ-Готторпскій столько же желаетъ добра королю Шведскому, сколько желаютъ ему и сами Шведы: такъ можно ли было допускать его вмѣшиваться въ дѣла сѣвернаго союза? Королю Прусскому вѣрить трудно, зная сношенія его съ Франціей въ пользу шведскую; сами прусскіе ми-

нистры открыли, что ихъ король обѣщалъ помогать герцогу Голштейнъ-Готторпскому противъ нашего короля. У насъ уже начаты были приготовленія, чтобы на будущее лѣто вступить въ Шонію; но теперь нечего думать о войнѣ, надобно искать мира; союзники отняли у нашего короля всѣ способы къ наступательной войнѣ, а оборонительную войну вести только раззоренье безъ всякой прибыли». Долгорукій успокоивалъ ихъ какъ могъ, спрашивалъ, на какихъ условіяхъ желаютъ они отдать померанскіе города въ секвестръ? — «Отдать одному королю Прусскому, чтобъ о герцогѣ Голштейнъ-Готторпскомъ и помину не было», отвѣчали министры. Сердились не на Меншикова, а на Флеминга, которому приписывали все это злое дѣло, разказывали какъ Флемингъ недавно еще грозился отомстить датскому двору за прежнія непріятности. Раздраженіе противъ Голштиніи было тѣмъ сильнѣе, что мирные переговоры между нею и Даніей кончились тѣмъ, что Герцъ, не сказавшись никому, тайкомъ уѣхалъ на крестьянской телѣгѣ окольными дорогами; Долгорукому объявили, что Герцъ предлагалъ отдѣльный миръ между Даніею и Швеціею; самъ король сказалъ ему: «Вы пророкъ; что вы предсказывали о Герцѣ, то и случилось: онъ предлагалъ такія дѣла, отъ которыхъ былъ бы страшный вредъ сѣверному союзу.»

Скоро пришли извѣстія, которыя оправдывали опасенія Датскаго короля и его министровъ: Прусскій король объявилъ, что Данія должна очистить владѣнія герцога Голштейнъ-Готторпскаго, въ противномъ случаѣ Пруссія силою заставитъ ее это сдѣлать. Петръ получаетъ письмо отъ Датскаго короля: «Я думаю, пишетъ Фридрихъ IV, что всѣ эти договоры о секвестраціи заключены Меншиковымъ и Флемингомъ нарочно къ моему вреду, и это уже не въ первый разъ оба они обнаруживаютъ свою вражду противъ меня. Надѣюсь, что ваше величество изволите взглянуть на это дѣло совершенно иначе, и меня, какъ своего вѣрнаго союзника, не оставить, изволите повторить иностраннымъ дворамъ объявленіе о необходимости прежнихъ распоряженій въ мою пользу относительно Голштейнъ-Готторпскаго дѣла и дать указъ князю Меншикову, чтобъ онъ со всѣми русскими войсками, находящимися въ Помераніи, готовъ былъ помогать мнѣ при первомъ на меня нападеніи съ какой бы то ни было стороны. Вашего величества высокое праводушіе и пониманіе собственнаго интереса требу-

ютъ зрѣлаго обсужденія этого представленія моего и не позволятъ допустить, чтобы необходимое между нами согласіе прекращено было такими отдѣльными договорами. Ваше величество, по своей разсудительности, не можете не усмотрѣть здѣсь враждебныхъ намѣреній и не отвратить ихъ заблаговременно.»

«Трактатъ о секвестрѣ Помераніи мы разсматривали, отвѣчалъ Петръ, и нашли, что нѣкоторыя статьи противны нашему общему интересу. Статьи эти приняты княземъ Меншиковымъ по нуждѣ, потому что Прусскій дворъ безъ нихъ въ секвестръ вступить не хотѣлъ; нашимъ войскамъ нельзя было тамъ долѣе оставаться по причинѣ поздняго времени и недостатка въ продовольствіи. Что касается до отдачи на секвестръ Штральзунда и Висмара, то мы позволимъ отдать ихъ только на такихъ условіяхъ, на какихъ угодно будетъ вамъ и королевскому величеству Польскому; касательно же Штетина намъ нельзя отречься отъ ратификаціи, ибо договоръ заключенъ съ согласія короля Польскаго, которому городъ этотъ, по раздѣлу, принадлежалъ; надѣемся, что и вашему величеству договоръ противенъ быть не можетъ, потому что при заключеніи его въ Шветѣ находился и вашъ генералъ Девизъ. Однако мы удержались и отъ посылки этой ратификаціи, узнавъ, что между королемъ Прусскимъ и домомъ Готторпскимъ заключенъ договоръ, въ которомъ находятся вредныя для вашего величества статьи. Мы приказали находящемуся при Прусскомъ дворѣ графу Александру Головкину требовать, чтобъ эти статьи были исключены, и если наше требованіе будетъ исполнено, то и мы ратификуемъ договоръ о Штетинѣ.»

Представленія графа Александра Головкина въ Берлинѣ, отказъ Англіи давать субсидіи на датскую войну и неудовольствіе Франціи на то, что Пруссія захватила шведскія владѣнія и хочетъ ихъ удержать за собою, заставили Пруссію отказаться отъ угрожающаго положенія относительно Даніи; въ послѣдствіи со стороны Франціи явилось предложеніе, что если Прусскій король хочетъ получить Штетинъ въ вѣчное владѣніе, то долженъ объявить войну Россіи, чтобы заставить ее отказаться отъ всѣхъ своихъ завоеваній. Осторожный Фридрихъ Вильгельмъ, хорошо знавшій Русскаго царя и его средства, съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе; но въ Даніи не переставали безпокоиться и относительно Пруссіи и относительно того, что герцогъ Голштинскій былъ

ближайшій наслѣдникъ шведскаго престола. Долгорукій писалъ, что король никакъ не хочетъ помириться съ герцогомъ, если тотъ не отречется отъ правъ своихъ на шведскій престолъ, или, по крайней мѣрѣ, не обяжется, что, сдѣлавшись шведскимъ королемъ, не присоединитъ Голштиніи и Шлезвига къ Швеціи. Царь велѣлъ Долгорукому объявить королю, что и онъ такого же мнѣнія, да и другія государства не допустятъ, чтобы герцогъ владѣлъ Швеціею и Голштиніею. Но хлопоты не ограничивались одною Даніей. Въ февралѣ 1713 года англійскій посланникъ въ Голландіи, лордъ Страффордъ говорилъ князю Куракину: «Натурально, что Англія никогда не хочетъ видѣть въ раззореніи и безсиліи корону шведскую. Намѣреніе Англіи — содержать всѣ державы на сѣверѣ въ прежнемъ равновѣсіи. Выгоды нашей торговли требуютъ, чтобы мы старались о прекращеніи сѣверной войны. Россію трудно помирить съ Швеціей: вашъ государь хочетъ удержать всѣ свои завоеванія, а шведскій король не хочетъ ничего уступить. По моему мнѣнію, Ливоніи нельзя отнять у Швеціи; надѣюсь, что вашъ государь удовольствуется Петербургомъ, о чемъ у насъ есть уже извѣстія; Нарва, по своему положенію, одинаково нужна обѣимъ державамъ.» — «Во всякомъ случаѣ, писалъ Куракинъ, мы съ своими союзниками никакой надежды имѣть не можемъ: министры императорскіе, видя свое безсиліе, очень щадятъ Шведа; здѣшніе штаты хотя бы и намѣрены были что-нибудь для насъ сдѣлать, да безсильны, дѣлаютъ только то, что угодно Англіи.» Страффордъ внушалъ вліятельнымъ людямъ въ Голландіи, что если царь будетъ имѣть гавани на Балтійскомъ морѣ, то вскорѣ можетъ выставить свой флотъ ко вреду не только сосѣдямъ, но и отдаленнымъ государствамъ. Англійское купечество, торговавшее на Балтійскомъ морѣ, подало королевѣ проектъ, въ которомъ говорилось, что если царь будетъ имѣть свои гавани, то русскіе купцы станутъ торговать на своихъ корабляхъ со всѣми странами, тогда какъ прежде ни во Францію, ни въ Испанію, ни въ Италію не ѣздили, а вся торговля была въ рукахъ Англичанъ и Голландцевъ; кромѣ того усилится русская торговля съ Даніей и Любекомъ.

Эти враждебныя заявленія были остановлены угрозою Петра. Возвратился въ Голландію бывшій въ Даніи посланникъ Гусъ и донесъ своему правительству о разговорахъ, бывшихъ у

него съ царемъ. Петръ объявилъ ему, что желаетъ имѣть посредниками цесаря и голландскіе штаты, ибо надѣется на безпристрастіе этихъ державъ; не отвергаетъ и посредничество Англіи, только подозрѣваетъ ее въ нѣкоторой враждебности къ себѣ. «Я, говорилъ Петръ, готовъ, съ своей стороны, явить всякую умѣренность и склонность къ миру, но съ условіемъ, чтобы медіаторы поступали безо всякихъ угрозъ, съ умѣренностію; въ противномъ случаѣ я вотъ что сдѣлаю: раззорю всю Ливонію и другія завоеванныя провинціи, такъ что камня на камнѣ не останется; тогда ни Шведу, ни другимъ претензіи будетъ имѣть не къ чему.» Передавая эти слова, Гоусъ внушилъ, что съ царемъ надобно поступать осторожно, что онъ очень желаетъ мира, но враждебными дѣйствіями принудить его ни къ чему нельзя. «Сіе донесеніе, писалъ Куракинъ, нашимъ дѣламъ не малую пользу учинило.»

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Страффордъ началъ требовать, чтобы Россія, Данія и Саксонія приняли посредничество морскихъ державъ, Англіи и Голландіи для заключенія мира съ Швеціею. При этомъ датскій и польскій послы объявили Куракину, что имѣютъ указы отъ дворовъ своихъ при нынѣшнихъ нужныхъ случаяхъ приводить въ интересъ своихъ государей и обѣщать денежныя дачи лорду Страффорду и нѣкоторымъ изъ значительнѣйшихъ сановниковъ голландской республики; датскій посолъ объявилъ, что готовъ обѣщать Страффорду 20.000 талеровъ; польскій (саксонскій) посланникъ объявилъ, что на всѣ раздачи имѣетъ 40.000 талеровъ, и потому обѣщалъ Страффорду 20.000; той особѣ, которая въ пересылкахъ будетъ съ Страффордомъ, каждый обѣщалъ по 2.000 червонныхъ; требовали и отъ Куракина, чтобъ и онъ обѣщалъ Страффорду 20.000 талеровъ, но тотъ отвѣчалъ, что безъ указу сдѣлать этого не можетъ. Куракинъ обратился къ самымъ вліятельнымъ лицамъ въ голландской республикѣ съ вопросомъ: какая имъ нужда такъ спѣшить съ своею медіаціей? какой ихъ собственный интересъ въ этомъ заключается? — «Все это мы дѣлаемъ только для виду, отвѣчали они; нужно намъ утѣшить Англію, а прямаго намѣренія спѣшить съ сѣверными дѣлами у насъ нѣтъ; мы будемъ въ этомъ дѣлѣ сколько возможно тянуть и откладывать, согласно съ интересами царскаго величества; но вмѣстѣ съ тѣмъ было высказано мнѣніе, что царскому величеству не надобно медлить

мирными переговорами, потому что если Францiя заключитъ миръ съ цесаремъ, то, имѣя свободныя руки, будетъ усердно помогать Шведскому королю, войскомъ и деньгами, не пожалѣетъ и милiоновъ, чтобы возвратить Швецiи прежнюю силу; да не безопасно будетъ и со стороны Турцiи. Голландiи нельзя отдаляться отъ Англiи, потому что, если Англiя, озлобясь, броситъ Голландiю и вмѣшается въ сѣверныя дѣла вмѣстѣ съ Францiею и Пруссiей, то Голландiя потерпитъ большой убытокъ въ балтiйской торговлѣ, да и царскому величеству не будетъ никакой пользы, если Голландiя будетъ исключена изъ переговоровъ о сѣверныхъ дѣлахъ.

Когда Куракинъ далъ знать обо всемъ этомъ своему двору, то получилъ отвѣтъ: отъ медiацiи морскихъ державъ, какъ возможно, отговариваться; но *добрыя средства* (bona officia) принимать; чтобы, по крайней мѣрѣ, въ прелиминарныя статьи внесено было какъ основанiе — возвращенiе старыхъ русскихъ земель, уступленныхъ по Столбовскому миру. Ливонiя уступается коронѣ польской съ такимъ условiемъ, чтобы ни кому другому не была отдана. Если же будутъ непремѣнно требовать, чтобы Ливонiя была возвращена Швецiи, то объявить, что царское величество согласенъ отдать и Шведамъ, если король польскiй и рѣчь посполитая позволятъ; но отдать Шведамъ съ непремѣннымъ условiемъ, чтобы крѣпости были раззорены. Если мѣстомъ мирныхъ переговоровъ не захотятъ назначить Данцигъ, то предлагать Бреславль; если же и на это не согласятся, то Брауншвейгъ; а отъ Гаги и отъ другихъ мѣстъ, по дальности, отговариваться. Если захотятъ заключить перемирiе, то принять на 20, или, по крайней мѣрѣ, на 15 лѣтъ, а принять на кратчайшiй срокъ — значитъ непрiятелю только отдыхъ дать; когда и въ царствованiе Михаила Θеодоровича война была со Шведомъ, то перемирiе заключено было на 30 лѣтъ. Спѣшить переговорами, если будетъ видно, что дѣла у цесаря съ Францiей, также и въ Англiи, приходятъ къ концу; если же этого не будетъ видно, то длить переговоры и дотянуть, если возможно, до будущей кампанiи. Если морскiя державы будутъ сильно держать шведскую сторону, то повторить слова царскаго величества, сказанныя голландскому министру Гоусу, что прежде обратятся въ пепелъ всѣ завоеванныя мѣста, чѣмъ уступятся непрiятелю въ цѣлости, ибо отдать

крѣпости въ руки непріятельскія — значитъ опять самимъ себѣ змѣю пустить за пазуху. Лорду Страффорду обѣщать 20.000 ефимковъ, если онъ къ интересамъ царскаго величества покажетъ себя дѣйствительно склоннымъ. Въ Англіи уполномоченнымъ для заключенія сѣвернаго мира назначили Витворта; кажется, онъ къ сѣвернымъ союзникамъ доброжелателенъ, ибо хотя и ласкается къ нынѣшнему торійскому министерству, но сердцемъ виг; обѣщать ему тайно 50.000 ефимковъ, если онъ поможетъ заключенію мира на желаемыхъ условіяхъ. Особѣ, которая будетъ въ пересылкѣ съ лордомъ Страффордомъ, обѣщать 2.000 червонныхъ; на раздачу всѣмъ, кто будетъ помогать, царское величество назначилъ 100.000 ефимковъ[16].

Съѣздъ уполномоченныхъ для переговоровъ о сѣверномъ мирѣ назначенъ былъ въ Брауншвейгѣ, но конгрессъ этотъ не повелъ ни къ чему; дѣла шли по желанію царя, т. е. очень медленно; Англія была занята внутренними дѣлами; Голландіи вовсе не хотѣлось ввязываться въ сѣверныя дѣла; ее болѣе всего безпокоила связь Англіи съ Франціею, кромѣ того еще продолжалась война у Франціи съ императоромъ. Петръ спѣшилъ пользоваться обстоятельствами. Для того, чтобъ окончательно успокоить датское правительство и побудить его дѣйствовать наступательно противъ Шведовъ въ 1714 году, Петръ отправилъ на помощь Долгорукому въ Копенгагенъ человѣка, въ которомъ замѣтилъ большія способности, и вывелъ изъ денщиковъ въ генералъ-адъютанты — Ягужинскаго.

Ягужинскій получилъ наказъ: пріѣхавъ въ Копенгагенъ, представлять: 1) Королевскому величеству извѣстно, что Швеція теперь оружіемъ союзниковъ почти къ паденію приведена; державы, отъ которыхъ она ждала помощи, заняты собственными дѣлами, какъ Англія, такъ и Франція; Бранденбургскій также обязался не только не поступать ко вреду союза, но и не допускать Шведовъ въ Имперію и Польшу; Штетинъ взятъ и королевское величество и союзники его никакого другаго непріятеля, кромѣ Шведовъ, опасаться не могутъ, — однимъ словомъ Богъ даетъ намъ въ руки непріятеля, только бы мы съ благодарностію приняли, нелѣностно и между собою прямымъ общимъ сердцемъ поступали, все, что кому возможно, дѣлали безъ всякихъ претензій: для того мы просимъ у королевскаго величества совѣта, какъ удоб-

нѣе эту войну выгоднымъ миромъ окончить, и, съ своей стороны, предлагаемъ слѣдующій совѣтъ: 2) такъ какъ нынѣшнею кампаніей финская земля вся у непріятеля отнята, корпусъ непріятельскій въ ней раззоренъ и дошли мы до самаго *синусъ ботникусъ* (Ботническаго залива), то далѣе намъ сухимъ путемъ идти нельзя, а водою кораблей у насъ мало, мелкихъ судовъ хотя и довольно, однако на нихъ черезъ синусъ ботникусъ перейдти нельзя по причинѣ непріятельской эскадры; также и королевскому величеству въ Помераніи, вслѣдствіе заключенной секвестраціи, въ будущую кампанію надъ Штральзундомъ дѣйствовать едвали возможно: и такъ остается одно морское дѣйствіе. 3) Такъ какъ королевскому величеству другаго мѣста не остается для войны, какъ Шонія, которую очень легко можетъ получить, если изволитъ склониться на нашъ совѣтъ, и не только Шонію получить, но и миръ, по желанію, вскорѣ заключить будетъ можно: то мы предлагаемъ 15.000 человѣкъ на своихъ морскихъ судахъ, на своихъ деньгахъ и хлѣбѣ, только бы они были подъ защитою датскаго флота. 4) Русскому флоту, по соединеніи съ датскимъ, идти къ шведскому берегу, атаковать баттареи на стокгольмскомъ фарватерѣ или высадиться на берегъ и идти прямо къ Стокгольму. 5) Такъ какъ Шведы, вслѣдствіе вступленія нашего въ Финляндію, ждутъ нападенія, и всѣ свои силы сосредоточатъ у Стокгольма и идти къ этому городу не безъ труда будетъ, то предлагается и такой способъ: разгласивши, что идемъ къ Стокгольму, идти къ Карлскронѣ и стать флотомъ въ такомъ мѣстѣ, чтобы не выпустить кораблей изъ гавани, а *скампавѣямъ* атаковать городъ; если Богъ поможетъ это сдѣлать, то прибыльнѣе будетъ Стокгольма, потому что послѣдняя шведская надежда состоитъ во флотѣ. 6) Когда эти дѣйствія начнутся, король Датскій можетъ войдти въ Шонію безъ всякаго опасенія и дѣлать тамъ что хочетъ. Непріятель тогда съ трехъ сторонъ будетъ окруженъ: флотъ флотомъ запертъ; сухопутныя войска русскія на одно изъ указанныхъ выше мѣстъ устремятся, а датскія въ Шонію войдутъ: тогда думаю, не только захотятъ мириться, но и бланкетъ пришлютъ. 7) Такъ какъ мы тогда сами будемъ при войскахъ, то чтобы королевское величество изволилъ вручить намъ команду надъ своимъ флотомъ. — Если этихъ предложеній не примутъ, то хотя бы эскадру отъ 7 до 10 кораблей прислали на половинномъ

жалованьѣ, и обнадежили бы, что шведскій флотъ къ намъ не пропустятъ. Если же на послѣднее не согласятся, то и эскадры не надобно; отъ нея только убытокъ, если флотъ шведскій не будетъ удержанъ, а лучше всякому воевать, какъ кто можетъ, развѣ просить, чтобы дали отъ трехъ до пяти кораблей до окончанія войны, а потомъ мы ихъ отдадимъ, а что будетъ потеряно, вдвое отдадимъ; если корабль пропадетъ, новый поставимъ.

Ягужинскій въ генварѣ 1714 года далъ знать царю, что пріѣздъ его въ Данію оказывается вреденъ: «Король ни во что одинъ не вступаетъ, писалъ Ягужинскій, и никакимъ образомъ въ разговоръ безъ министровъ не входитъ; случилось мнѣ, благодаря нѣкоторымъ пріятелямъ, быть позвану ужинать къ метресѣ, гдѣ и король самъ былъ, и тутъ я улучилъ часъ съ нимъ говорить и представлялъ ему всякіе неоцѣненные въ вѣчную ихъ пользу способы; но онъ на все то однимъ словомъ отвѣчалъ, что прежде всего надобно получить письменное обнадеживаніе отъ Прусскаго короля, а потомъ помочь Даніи деньгами: «безъ того, сказалъ король, не можемъ ничего начать; можно вамъ и самимъ разсудить, зная наше положеніе, что такъ сильно одни не можемъ дѣйствовать». Ягужинскій хотѣлъ было продолжать свои представленія, но король, ничего не отвѣчая, ушелъ съ метресою во внутренніе покои.

«Съ министрами, писалъ Ягужинскій, дѣло идетъ такъ гнило, что и сказать нельзя, другъ друга дрожать, боятся, а Выбей и говорить при людяхъ съ нами долго не хочетъ. Мой пріѣздъ сюда оказалъ болѣе помѣшки, чѣмъ пользы, ибо никакъ не хотятъ вѣрить, чтобъ я былъ присланъ безъ большихъ денегъ, и думаютъ, что мы съ княземъ Долгорукимъ крѣпимся и безъ крайней нужды денегъ имъ объявить не хотимъ.» Ягужинскій указывалъ двѣ причины, почему Датчане не хотѣли слушать отъ него никакихъ предложеній относительно наступательной войны противъ Шведовъ: вопервыхъ, очень *влакомились* въ Голштинію и выживать ихъ оттуда трудно; много тратятъ на содержаніе тамъ войска и потому недостаетъ у нихъ денегъ на сооруженіе флота; во вторыхъ, задерживаются добываніемъ Теннингена, прежде взятія котораго трудно добиться у нихъ какого-нибудь рѣшенія[17]. Когда Ягужинскій и Долгорукій добивались, какъ, по мнѣнію королевскому, царь долженъ дѣйствовать въ будущую кампанію? то имъ

отвѣчали, что царь уже все получилъ отъ непріятеля, войска его въ Финляндіи прошли до самаго Ботническаго залива, и потому пусть теперь ведетъ одну оборонительную войну, а королю поможетъ деньгами на вооруженіе флота, потому что теперь нѣтъ другаго способа воевать непріятеля какъ моремъ; для этого нуженъ Датскій флотъ, а король не можетъ вооружить флотъ за недостаткомъ денегъ.

Царь получилъ отъ непріятеля все по близости границъ своихъ; и король спѣшилъ получить кой что по близости, спѣшилъ взять Тенингенъ, а между тѣмъ объявилъ на письмѣ Ягужинскому и Долгорукому, что не можетъ войскъ своихъ отозвать изъ герцогства Шлезвигскаго и Голштинскаго, пока не будетъ обезпеченъ съ Нѣмецкой стороны, особенно отъ короля Прусскаго. Вѣрнѣйшій способъ для этого — ввести Прусскаго короля въ интересы сѣверныхъ союзниковъ, и такъ какъ городъ Штетинъ съ окольными землями ему очень нуженъ, то Данія, вмѣстѣ съ Россіею, будетъ согласна дать ему гарантію, но съ условіемъ, чтобъ король Прусскій порвалъ всѣ свои обязательства съ княземъ Голштинскимъ, далъ письменное удостовѣреніе, что ничего въ пользу его предпринимать не будетъ, и чтобъ взаимно гарантировалъ Даніи завоеванныя ею княжества Бременское и Верденское. Если все это будетъ исполнено, то король согласенъ сдѣлать высадку въ Шонію, но не иначе, какъ если царь поможетъ ему деньгами.

2 февраля 1714 года Тенингенъ сдался Датчанамъ; но это событіе не облегчило царскихъ уполномоченныхъ въ веденіи переговоровъ относительно субсидій: Датскіе министры требовали 400,000, кромѣ 150,000 недоплаченныхъ изъ прежнихъ субсидій, потомъ уменьшили сумму до 200,000 ефимковъ кромѣ недоплаченныхъ и обѣщались за это соединить свой флотъ съ Русскимъ для дѣйствія у Карлскроны, при чемъ царь будетъ командовать обоими флотами; сухопутнаго же войска король не можетъ вывести изъ Шлезвига и Голштиніи, опасаясь короля Прусскаго. Съ этимъ Ягужинскій и отправился назадъ въ Россію.

Между тѣмъ къ Петру, который находился въ Ригѣ, явился уже извѣстный намъ Голштинскій дипломатъ Бассевичъ хлопотать объ интересахъ своего молодаго герцога.

Передъ отъѣздомъ изъ Берлина Бассевичъ сообщилъ графу

Александру Головкину о цѣли своей поѣздки, высказалъ надежду, что посредствомъ ихъ, Голштинцевъ можетъ быть заключенъ миръ между Россіею и Швеціею, ибо король Шведскій видитъ и самъ, что при теперешнихъ обстоятельствахъ ему надобно что нибудь уступить, кого-нибудь удовлетворить, или царя (съ условіемъ, чтобъ онъ оставилъ своихъ союзниковъ) или короля Прусскаго; что король Шведскій охотнѣе удовлетворитъ царя, потому что надѣется на его слово. Шведскій посланникъ Фризендорфъ говорилъ Головкину въ томъ же смыслѣ: «Лучше намъ удовольствовать сильнѣйшаго изъ своихъ непріятелей и съ нимъ помириться.» Но Бассевичь пріѣхалъ въ Россію не во время. Мы видѣли, что и прежде Петръ подозрительно и неблагосклонно смотрѣлъ на Голштинскихъ дипломатовъ, на этихъ маленькихъ людей, стремящихся посредствомъ интригъ заправлять большими дѣлами; а теперь этотъ взглядъ еще болѣе усилился, когда стачка Меншикова съ ними относительно Померанскаго секвестра надѣлала царю столько непріятностей въ Даніи. Поведеніе Меншикова въ Помераніи усилило охлажденіе къ нему царя, и враги свѣтлѣйшаго могли дѣйствовать смѣлѣе. Послѣ, когда Пруссія уже приступила къ союзу, Меншиковъ, разговаривая съ Голландскимъ резидентомъ Деби, распространился о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергался, со времени возвращенія своего изъ Помераніи за секвестръ Штетина, и сказалъ: «Теперь они всѣ молчатъ; этотъ секвестръ долженъ былъ меня погубить, а теперь онъ причиною, что король Прусскій, для охраненія Штетина, столь ему дорогаго, заключилъ новый союзный трактатъ съ царскимъ величествомъ. Такъ вотъ плоды моей дурной администраціи! что сдѣлала Данія? Ничего; только обманула царское величество!» Но во время пріѣзда Бассевича плоды Померанской администраціи еще не были видны съ хорошей стороны, и самъ Меншиковъ, для оправданія себя, долженъ былъ складывать всю вину на Флеминга, что дало поводъ врагамъ указывать на его неспособность къ дѣламъ. Петръ сказалъ Бассевичу: «Вашъ дворъ, руководимый обширными замыслами Герца, похожъ на ладью съ мачтою военнаго корабля; малѣйшій боковый вѣтеръ долженъ потопить ее.» Когда Бассевичь вооружался противъ Даніи, которая ведетъ себя слишкомъ недобросовѣстно и своекорыстно, стремясь овладѣть Тенингеномъ, когда тамъ уже нѣтъ болѣе Шведовъ,

то царь отвѣчалъ, что администраторъ, впустивши Шведовъ въ Тенингенъ, нарушилъ свой нейтралитетъ и потому терпитъ справедливое наказаніе. Бассевичь возразилъ: «ихъ дѣйствительно впустили, но въ тоже время и выдали.» — «Не хорошо поступили, что впустили, отвѣчалъ царь: еще хуже сдѣлали, что измѣнили имъ; государямъ надобно вести себя добросовѣстно.» Бассевичь и Меншиковъ работали цѣлый день надъ составленіемъ статей, которыя, по ихъ мнѣнію, должны были понравиться царю.

Статьи были слѣдующія: 1) чтобъ царское величество поручился, что крѣпость Тенингенская не будетъ разорена; чтобъ герцогскому Голштинскому дому развязаны были руки дѣйствовать; чтобъ Россія не вступалась за Данію.—На это Петръ отвѣчалъ: «О Тонингѣ, чтобъ не былъ разоренъ, къ королю Датскому писано; а что гарантовать и за своего союзника не вступаться, того невозможно; ибо хотябъ интересъ не требовалъ, то данное обязательство надлежитъ хранить, понеже кто кредитъ потеряетъ, все потеряетъ.» 2) Когда Шведскій престолъ будетъ свободенъ, то царь не только не будетъ препятствовать молодому герцогу Голштинскому занять его, но еще будетъ помогать по возможности. — Отвѣтъ: «Въ семъ не отрицается и чаемъ, что и союзникамъ нашимъ сіе противно не будетъ; только надлежитъ вѣдать намѣреніе короля Прусскаго въ томъ, безъ котораго нивочто вступать невозможно.» 3) Если король Шведскій возвратится въ свое государство, и потомъ, чрезъ посредство другихъ державъ, послѣдуетъ общій миръ, то его царское величество обѣщаетъ усильно стараться, чтобъ завоеванныя провинціи, которыя Россія не удержитъ и Швеція назадъ не получитъ, отданы были герцогу Голштинскому.—Отвѣтъ: «Будемъ стараться, чтобъ Финляндію сему принцу получить; но чтобъ и его свѣтлость, съ своей стороны, въ томъ такожь обще помогъ.» 4) Если король Шведскій останется безъ наслѣдниковъ, то царское величество обѣщаетъ постоянно хлопотать за герцога Голштинскаго, и входить съ герцогскимъ домомъ въ сношенія на счетъ мѣръ, какими должно доставить герцогу Шведскій престолъ. — Отвѣтъ: «О возставленіи молодаго принца на престолъ Шведской уже объявлено во второмъ пунктѣ; а чтобъ зарань о томъ какой договоръ чинить кажется неприлично, понеже король, ради молодости своей, еще отъ натуральной смерти далекъ.» 5) Если герцогъ Голштинскій

получитъ Шведскій престолъ, то царское величество обѣщаетъ и наслѣдственныя его земли присоединить къ Швеціи и въ этомъ дѣлѣ не ставить никакого препятствія, чтобы со стороны герцога можно было Россію и другія заинтересованныя державы скорѣе въ другомъ удовольствовать. — Отвѣтъ: «Сей пунктъ есть зѣло деликатной (къ тому жь и король Швецкой еще живъ) и сенсъ онаго зѣло на тонкихъ ногахъ носитъ свое сѣдалище.» За эти услуги со стороны царскаго величества администраторъ Голштинскій за себя и за молодаго герцога обѣщаетъ: 1) Заключается вѣчный союзъ между Голштиніею и Россіею и утверждается бракомъ молодаго герцога со старшею принцессою, дочерью царскаго величества. — Отвѣтъ: «За первое благодарствуемъ; что же принадлежитъ о супружествѣ, и то до возраста отложить, ибо хотя я отецъ, однако же безъ воли ея того учинить невозможно.» 2) Бракъ долженъ состояться во всякомъ случаѣ; но если герцогъ не получитъ ни Шведской короны, ни завоеванныхъ провинцій, то царское величество обязывается дать достаточное приданое, настоять на очищеніе Голштинскихъ владѣній, не помогать Даніи: — Отвѣтъ. «Что принадлежитъ междо Даніею и Голштиндіею, о томъ удобное на Брауншвицкомъ конгрессѣ опредѣлить, ибо сіе дѣло не зѣло до насъ касается, яко отдаленныхъ; а чтобы королю Датскому не помогать, то уже выше отказано, ибо лучше можемъ видѣть, что мы отъ союзниковъ оставлены будемъ, неже мы ихъ оставимъ, ибо гоноръ пароля дражая всего есть. 3) Съ герцогской стороны обѣщается, если молодой герцогъ получитъ Шведскую корону, то дастъ царскому величеству на выборъ: либо Ингрію и Корелію отъ Выборга до Нарвы, либо Лифляндію и Эстляндію; то или другое непремѣнно уступлено будетъ Россіи. Отвѣтъ: «О Ингріи и Кореліи, яко изначала Россійскихъ провинцей, упоминать не надлежитъ, которыя никогда за Шведами не были, пока генералъ Делагардій оныя вмѣсто помочи противъ Поляковъ, вшедъ дружески, въ три года войною отобралъ; къ тому же сей пунктъ есть сѣть: на что ни соизволить — зла не миновать, ибо ежели одна Ингрія останется, а непріятель получитъ Эстляндію и Финляндію, то, ради узкости моря Финскаго и фортецій съ обѣихъ сторонъ — Ревеля и Гельзингфорса, въ его волѣ будетъ нашъ фарватеръ, чрезъ что повелителемъ будетъ намъ; буде же Лифляндію и Эстляндію удержать, а Ингрію отдать, то

отрѣзаны будемъ отъ Россіи.» 4) Со стороны Голштиніи обѣщается также: удовольствовать Прусскаго короля и склонить его къ тому, чтобъ помогъ молодому герцогу получить престолъ Шведскій; если герцогъ получитъ этотъ престолъ, то уступить городъ Висмаръ герцогу Мекленбургскому, за котораго царское величество можетъ выдать одну изъ своихъ племянницъ; Бременъ и Верденъ будутъ уступлены князю администратору Голштинскому: такимъ образомъ интересъ сосѣдей будетъ охраненъ, Швеція не усилится чрезъ присоединеніе къ ней наслѣдственныхъ земель герцога Голштинскаго, напротивъ ослабѣетъ вышеозначенными уступками, и царскому величеству нечего будетъ ея болѣе опасаться. Отвѣтъ: «Здѣсь ясно явилось, чтобъ мы не только тамъ короля Датскаго утѣснили, что когда молодой князь будетъ королемъ Шведскимъ, то чтобы и княжество свое удержалъ (что чаю никто не допуститъ): но Бременъ и Верденъ, которые Датскій король завоевалъ, у него изъ рукъ отнять, и на весь свѣтъ показать, какъ мы своихъ союзниковъ трактуемъ. Сею негоціаціею хотятъ насъ съ Датскимъ дворомъ разлучить, чтобъ мы вѣчный интересъ нашъ противъ всегдашняго непріятеля сами опровергнули.» 5) Наконецъ со стороны Голштинской обѣщается царскому величеству позволить, для большаго обезпеченія настоящихъ обязательствъ, войска Русскія, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, ввести въ Тенингенъ, и держать эту крѣпость, подъ видомъ секвестра, до совершеннолѣтія герцога. Отвѣтъ: «Сего учинить невозможно, понеже мы обязались всѣ прогрессы въ Нѣмецкой землѣ чинить съ воли своихъ союзниковъ.»

Заподозривъ въ предложеніяхъ Бассевича намѣреніе разорвать союзъ между Россіею и Даніею, Петръ рѣшился «все сіе возвратить паки въ тое скрыну (ящикъ), отколѣ вынято.» Царь сказалъ Бассевичу: «Если Швеція купитъ дружбу Даніи уступкою Бременской области, дружбу Пруссіи уступкою Штетина, и послѣ того все обратится противъ меня, да еще при посредствѣ васъ, Голштинскихъ интригантовъ? Причины ваши хороши, но у меня есть свои, лучше: было бы недостойно меня притѣснять союзника (Датскаго короля), который вступаетъ въ переговоры для исправленія своихъ ошибокъ.» Эти слова царя объясняются тѣмъ, что еще въ началѣ 1714 года въ Петербургѣ было получено предостереженіе отъ князя Куракина изъ Гаги. Самая знат-

ная и достовѣрная персона подъ великимъ секретомъ сообщила Куракину о цѣляхъ посольства Бассевича, какъ именно онѣ высказалась въ его предложеніяхъ. Таинственная персона прибавила, что предложенія Бассевича заключаютъ въ себѣ коварство, Голштинскій дворъ не имѣетъ прямаго намѣренія привести предлагаемыя дѣла къ окончанію, а только хочетъ заставить царя покинуть Датскій союзъ; кромѣ того, этими фальшивыми переговорами Голштинцы стараются озлобить противъ царя старое Шведское дворянство, которое хочетъ, мимо герцога Голштинскаго, передать престолъ младшей сестрѣ Карла XII, Ульрикѣ Элеонорѣ. Та же таинственная персона сообщила Куракину о новомъ трактатѣ при дворѣ Прусскомъ и объ интригахъ графа Флеминга. Прусскій король обязывался дать Карлу XII въ помощь 40,000 войска, чтобъ Швеція могла отобрать всѣ свои владѣнія у Россіи и Даніи, и сверхъ того завоевать у послѣдней Норвегію, а Карлъ XII за это долженъ уступить Пруссіи Штетинъ съ округомъ; Пруссія получитъ также Эльбингъ и Польскую Пруссію отъ короля Августа II, котораго за это Карлъ XII признаетъ Польскимъ королемъ. — Бассевичу было объявлено, чтобъ онъ выѣзжалъ изъ Россіи, что тотъ и исполнилъ 20 апрѣля. Долгорукій долженъ былъ объявить объ этомъ при Датскомъ дворѣ и прибавить, что царское величество ожидаетъ подобныхъ же поступковъ и со стороны короля въ случаѣ какихъ-нибудь непріязненныхъ для союза предложеній. Но этими ожиданіями ограничиться было нельзя, и черезъ три дня по отъѣздѣ Бассевича Петръ написалъ королю Фридриху IV, что согласенъ дать ему на вооруженіе флота 150,000 рублей и кромѣ того помогать провіантомъ. Петръ уговаривалъ короля дѣйствовать всѣми силами на Шведскихъ берегахъ тѣмъ болѣе, что въ прошлую кампанію Датскія войска находились въ бездѣйствіи. Царь извѣщалъ, что онъ удерживаетъ Прусскаго короля отъ всякихъ непріязненныхъ намѣреній; король Фридрихъ-Вильгельмъ далъ письменное обнадеживаніе, что ничего не предприметъ ко вреду сѣвернаго союза; однако онъ, царь, этимъ обнадеживаніемъ не довольствуется именно потому, что въ немъ ничего не упомянуто о Голштинскомъ дѣлѣ. Обѣщая стараться о дальнѣйшихъ, болѣе вѣрныхъ обезпеченіяхъ со стороны Пруссіи, царь требовалъ, чтобъ король Датскій дѣйствовалъ за это усиленно противъ Швеціи, потому что Шведы, не видя для себя

опасности со стороны Даніи, обращают теперь всѣ свои силы против Россіи. Письмо оканчивалось угрозою, что если Датчане не сдѣлают диверсіи въ Швецію, то и Россія не будетъ болѣе сдерживать Прусскаго короля.

»Денегъ 150,000 рублей мало и время уже позднее» — былъ отвѣтъ Долгорукому отъ короля и министровъ. —«По всѣмъ здѣшнимъ поступкамъ видится, что намѣрены нынѣшнюю кампанію пробыть безъ дѣйствія,» писалъ князь Василій Лукичь къ своему двору. Царь не давалъ денегъ; а посланникъ Англійскій всѣми способами старался внушить королю, какъ опасно для Даніи усиленіе Россіи на Балтійскомъ морѣ; тѣже внушенія повторялъ и секретарь Французскаго посольства. Россія можетъ быть опасна на морѣ; но все же она не такъ опасна какъ Швеція, врагъ извѣчтный, противъ котораго Россія естественная союзница. Этотъ взглядъ сильно противодѣйствовалъ внушеніямъ со стороны Англіи и Франціи; а тутъ еще явились новые союзники.

Въ апрѣлѣ 1714 года, когда князь Куракинъ пріѣхалъ въ Ганноверъ, здѣшній министръ Бернсторфъ объявилъ ему слѣдующее: «Курфюрсту давно уже извѣстны намѣренія царскаго величества отнять у Швеціи ея германскія владѣнія. Курфюрстъ очень къ этому склоненъ; но такъ какъ дѣло не можетъ быть окончено безъ согласія короля Прусскаго, то Берлинскому двору недавнымъ временемъ внушено, что Пруссія сколько не трудилась чрезъ Англію и Францію удержать за собою Штетинъ съ округомъ, однако до сего времени получить желаемаго не могла, много было дано ей обѣщаній, и ни одно не исполнено, и потому курфюрстъ совѣтуетъ Прусскому королю войдти въ соглашеніе съ сѣверными союзниками и съ Ганноверомъ и склонить Вѣнскій дворъ къ тому, чтобъ отнять у Шведовъ всѣ владѣнія, находящіяся въ имперіи и подѣлить ихъ между владѣльцами Германскими. Прусскій дворъ объявилъ свое согласіе на это предложеніе, и въ Ганноверѣ составили слѣдующій планъ дѣлежа: король Прусскій возьметъ Штетинъ съ округомъ, курфюрстъ Ганноверскій Бременъ и Верденъ, король Датскій Шлезвигъ, а герцогу Голштинскому за потерю Шлезвига дать земли, которыя бы приносили до 100,000 дохода. Если союзъ состоится, то король Прусскій и Датскій станутъ добывать Штральзундъ, а курфюрстъ Ганноверскій Висмаръ; укрѣпленія Висмара должны быть разорены, и самый городъ от-

данъ герцогу Мекленбургскому. Въ Россіи это предложеніе чрезвычайно понравилась: Головкинъ писалъ къ Русскимъ министрамъ за границу, чтобъ вездѣ помогали приведенію его въ исполненіе. Русскій посланникъ въ Ганноверѣ Шлейницъ даже давалъ знать, что и въ случаѣ упорства Датчанъ, Ганноверскій дворъ согласенъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіею и Пруссіею.

Въ концѣ іюля Куракинъ, находясь въ Гагѣ, получилъ новое неожиданное предложеніе: Французскій посолъ при Голландскихъ Штатахъ, маркизъ Шатонёфъ пріѣхалъ къ нему и объявилъ, что король его и другія державы много трудились для потушенія Сѣверной войны, но понапрасну въ слѣдствіе препятствій съ обѣихъ враждующихъ сторонъ, особенно же со стороны Шведскаго короля. Но теперь Карлъ XII рѣшился заключить отдѣльный миръ съ Россіею и обратился къ Французскому королю съ просьбою помирить его съ царемъ. Куракинъ, поблагодаривъ посла за доброе намѣреніе, обѣщалъ донести своему двору о его предложеніи, замѣтилъ только, что если король Датскій и Польскій будутъ исключены изъ мирныхъ переговоровъ, то война не кончится и желаніе Людовика XIV успокоить всю Европу не исполнится. Шатонёфъ отвѣчалъ, что король Шведскій старается прежде всего помириться съ царемъ, который въ состояніи сдѣлать ему и зло и добро, а съ другими королями легко можно найдти средства помириться. По указу отъ своего двора Куракинъ отвѣчалъ Шатонёфу, что царскому величеству *не безопасно* принять предложеніе Людовика XIV, потому что министры его христіаннѣйшаго величества при Портѣ, и во время переговоровъ съ цесаремъ, и наконецъ при Прусскомъ дворѣ дѣйствовали постоянно въ пользу Швеціи. Царское величество никогда не отказывался отъ добраго и прибыточнаго мира съ короною Шведскою, только миръ этотъ долженъ быть заключенъ сообща съ союзниками. Для покинутія своихъ союзниковъ и заключенія отдѣльнаго мира причины важной нѣтъ; если же Французскому двору извѣстно, что союзники царскаго величества искали или ищутъ отдѣльнаго мира, то пусть посолъ объявитъ объ этомъ и тогда царское величество, смотря по обстоятельствамъ, можетъ свое намѣреніе объявить. Шатонёфъ сказалъ на это, что обо всемъ донесетъ своему двору; что же касается до дѣйствій Французскихъ министровъ въ пользу Швеціи, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, они поступали безъ указа.

Смерть Англійской королевы Анны и вступленіе на Англійской престолъ Ганноверскаго курфюрста Георга имѣли важное вліяніе на ходъ описываемыхъ событій. Связь Англіи съ Франціею порвалась, и Ганноверскій планъ дѣйствія противъ Шведовъ получилъ особенное значеніе въ слѣдствіе новаго положенія, пріобрѣтеннаго Ганноверскимъ курфюрстомъ.

Для улаженія дѣла по Ганноверскому предложенію отправился въ Лондонъ князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, хотя здѣсь былъ резидентъ Баронъ Шакъ, смѣнившій Фонъ-деръ-Лита. По словамъ Голландскаго резидента при Петербургскомъ дворѣ Деби, Шакъ былъ отстраненъ по причинѣ ревности и ненависти Русскихъ къ иностранцамъ; по той же причинѣ и баронъ Левенвольдъ не былъ отправленъ посломъ въ Вѣну. Но иначе объясняетъ дѣло князь Куракинъ, который, по пріѣздѣ въ Лондонъ, писалъ Головкину: «Какъ господинъ Шлейницъ (русскій посланникъ въ Ганноверѣ), такъ и баронъ Шакъ ищутъ, чтобъ быть при Англійскомъ дворѣ, и потому каждый изъ нихъ присылаетъ доношенія въ самомъ обнадеживательномъ тонѣ, пишутъ то, чего я ни отъ кого не слышу: если ихъ доношенія окажутся вѣрными, то прошу, чтобъ они тѣ дѣла и оканчивали; а если мнѣ дѣлать, то чтобъ другіе не вмѣшивались.» Въ декабрѣ Куракинъ писалъ: «Говорилъ мнѣ баронъ Шакъ, что желаетъ скоро уѣхать отсюда въ Голштинію для своихъ частныхъ дѣлъ и требовалъ на то отъ меня согласія; я согласія не далъ, а отдалъ на его волю, потому что не задолго передъ тѣмъ увѣдомился я объ его тайныхъ проискахъ при здѣшнемъ дворѣ, ищетъ онъ какимъ бы то ни было образомъ вмѣшаться въ извѣстные переговоры съ Датскимъ дворомъ и чрезъ это остаться здѣсь на своемъ прежнемъ постѣ; третьяго дня Ганноверскій министръ Роптамъ пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ, что баронъ Шакъ переписывается съ первымъ Датскимъ министромъ Выбеемъ и надѣется чрезъ его посредство склонить Датскаго короля къ уступкѣ Бремена королю Англійскому; для этого то Шакъ теперь и ѣдетъ въ Данію. Я отвѣчалъ, что баронъ Шакъ вступаетъ въ дѣло какъ частное лице, а не какъ министръ царскаго величества, и въ томъ его воля; но такъ какъ онъ еще не взялъ увольненія отъ службы, то слѣдовало бы ему обо всемъ сноситься со мною; а при Датскомъ дворѣ находится посолъ князь Долгорукій, который пользуется большимъ уваженіемъ не только со

стороны министровъ, но и самого короля, и я надѣюсь, что онъ въ состояніи уладить дѣло также хорошо, какъ и баронъ Шакъ. Я не сумнѣваюсь, что Лондонскій дворъ будетъ предлагать царскому величеству оставить Шака здѣсь; но я, по своей должности, доношу, что здѣсь лучше быть министру изъ Русскихъ, и потому, что теперь къ интересамъ царскаго величества присоединились дѣла имперскія, при чемъ иностранцы имѣютъ собственные свои интересы; и потому, что здѣсь Англичанамъ министръ изъ Русскихъ пріятнѣе, чѣмъ изъ Нѣмцевъ; наконецъ важныхъ дѣлъ здѣсь никогда не будетъ, если что и случится, то по прежнему будетъ трактовано или въ Гагѣ, или въ Брауншвейгѣ.» — Не смотря на эти представленія, Шакъ возвратился изъ Копенгагена въ Лондонъ съ прежнимъ значеніемъ, и оставался здѣсь до половины 1716 года, когда былъ смѣненъ Ѳедоромъ Веселовскимъ.

Переговоры о приведеніи въ дѣйствіе Ганноверскаго плана затянулись по упорству Даніи, которая хотѣла все вознагражденіе герцогу Голштинскому сложить на счетъ Ганновера; также не соглашалась отдать Бремена и Вердена Ганноверу до общаго мира; Датчане боялись, что курфюрстъ Ганноверскій, выманивъ у нихъ себѣ Бременъ и Верденъ, войдетъ въ соглашенія съ Швеціею, чтобъ та уступила ему эти города[18].

Такимъ образомъ 1714 годъ прошелъ безъ военныхъ дѣйствій со стороны Даніи; о Саксоніи и слуху не было: между правительствами Саксонскимъ и Датскимъ господствовало сильнѣйшее несогласіе, оба упрекали другъ друга въ поступкахъ, противныхъ дружбѣ и союзу, объ отношеніяхъ Саксоніи и Польши къ Россіи мы уже знаемъ. Петръ долженъ былъ одинъ вести войну, театромъ которой была по прежнему Финляндія. Въ февралѣ 1714 года князь Мих. Мих. Голицынъ поразилъ генерала Армфельда у Вазы; Выборгскій губернаторъ полковникъ Шуваловъ покончилъ покореніе Финляндіи взятіемъ крѣпости Нейшлота. Но самую большую радость доставила Петру побѣда, которую онъ самъ одержалъ надъ Шведскимъ флотомъ при мысѣ Гангудѣ (Ганго-Уддъ), между Гельзингфорсомъ и Або, 25 іюля; непріятельскій контръ-адмиралъ Ереншёльдъ съ фрегатомъ и десятью галерами попался въ плѣнъ. Петръ овладѣлъ островомъ Аландомъ, что̀ навело ужасъ на Швецію, ибо Аландъ находился только въ 15 миляхъ отъ Стокгольма. Царь съ небывалымъ торжествомъ возвратился въ *пара-*

дизъ и былъ въ сенатѣ провозглашенъ вице-адмираломъ. Не такъ счастливъ былъ генералъ-адмиралъ Апраксинъ, который съ галернымъ флотомъ много потерпѣлъ осенью отъ бури; онъ самъ разсказывалъ Голландскому резиденту Деби, что болѣе четырехъ недѣль испытывалъ постоянныя бури и страдалъ отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что у него самого не было хлѣба на столѣ, передъ его глазами погибло много судовъ съ людьми: «по крайней мѣрѣ меня утѣшаетъ то, говорилъ Апраксинъ, что эти бѣдетвія ниспосланы были мнѣ Богомъ, а не потерпѣлъ я ихъ отъ непріятелей царскаго величества.» Всего потонуло 16 галеръ, а людей погибло около 300 человѣкъ[19].

Царь долженъ былъ торопиться рѣшительными дѣйствіями, пріобрѣтеніемъ какъ можно болѣе выгодъ предъ непріятелемъ, ибо давно уже начали ходить слухи о возвращеніи Карла XII изъ Турціи. Слухи оправдались въ ноябрѣ 1714 года: Карлъ неожиданно явился въ Штральзундѣ. Немедленно отправился туда Голштинскій администраторъ Христіанъ Августъ и представилъ Карлу своего знаменитаго министра Гёрца. Послѣ долгаго разговора Гёрцъ вышелъ изъ королевскаго кабинета министромъ и любимцемъ Карла XII. Для Гёрца, на котораго дурно смотрѣли при всѣхъ дворахъ, единственнымъ средствомъ спасенія оставалось овладѣть довѣренностію Карла; сдѣлать это было не трудно, ибо Карлъ возвратился съ неодолимымъ желаніемъ поднять свое падшее значеніе, а средствъ для этого при совершенномъ истощеніи Швеціи не было; у Гёрца достало смѣлости и таланта представить ему, что средства есть, что можно повернуть политическія отношенія Европы въ благопріятную для Швеціи сторону, и Карлъ предался чародѣю. Но въ то время, когда сѣвернымъ союзникамъ начало грозить не оружіе Карла XII, но интрига Гёрца, что̀ они дѣлали для того, чтобъ противодѣйствовать ей бо́льшимъ скрѣпленіемъ своего союза?

Начало 1715 года застало союзниковъ все еще въ переговорахъ объ «Англійскомъ дѣлѣ,» т. е. о союзѣ съ курфирстомъ Ганноверскимъ, теперь королемъ Англійскимъ Георгомъ 1-мъ. Долгорукій въ конференціяхъ съ Датскими министрами истощалъ всѣ средства увѣщанія, чтобъ склонить ихъ къ соглашенію съ королями Англійскимъ и Прусскимъ, представлялъ всю пользу отъ союза, всѣ опасности въ случаѣ если онъ будетъ отвергнутъ. «Съ

одними своими Датскими войсками, говорилъ Долгорукій, вы не отвратите Шведовъ отъ нападенія на Голштинскіе рубежи, особенно если у Карла XII будутъ союзники и если онъ высадитъ изъ Шоніи войска въ Зеландію. Если вы не примете предложенія короля Англійскаго, то Карлъ XII уступитъ ему Бременъ, Прусскому королю отдастъ Штетинъ и тѣмъ привлечетъ ихъ на свою сторону противъ сѣвернаго союза.» Министры отвѣчали, что король и они видятъ очень хорошо пользу отъ соглашенія съ Англійскимъ королемъ; но дѣло въ томъ, что эту пользу надобно купить убыткомъ, падающимъ на одного короля Датскаго, который долженъ отдать всѣ свои завоеванія, а награда за это въ невѣрномъ будущемъ. Чтобъ сдѣлать министровъ склоннѣе къ Англо-Прусскому союзу, Долгорукій обѣщалъ имъ деньги. Надобно было спѣшить дѣломъ, потому что Франція предложила свое посредничество для соглашенія Пруссіи и Швеціи, и Пруссія соглашалась принять это посредничество. Головкинъ въ Берлинѣ спрашивалъ Ильгена, для чего они такъ торопятся принятіемъ Французскаго посредничества, никакой крайности въ томъ нѣтъ, лучше пообождать пока окончатся переговоры объ Англійскомъ союзѣ, а между тѣмъ можно хорошенько разсмотрѣть дѣло, нѣтъ ли какихъ хитростей со стороны Французскаго двора. Ильгенъ отвѣчалъ, что принявши посредничество, они будутъ медлить переговорами до окончанія Англійскаго дѣла, и если это дѣло состоится, то они непремѣнно объявятъ войну Швеціи; если же не состоится, то они поневолѣ должны будутъ принять посредничество, ибо не могутъ стоять противъ такого сильнаго государя, какъ король Французскій. Французское посредничество впрочемъ не было принято Пруссіею, потому что императоръ выразилъ Берлинскому двору свое неудовольствіе по этому случаю. Уговаривая Данію къ новому союзу, Русскій дворъ старался и объ утвержденіи стараго между Даніею и Саксоніею; посланникъ короля Августа также хлопоталъ объ этомъ въ Копенгагенѣ; но король Фридрихъ смотрѣлъ на это стараніе какъ на новое коварство со стороны Саксонскаго двора, притомъ въ Даніи ни вочто ставили Саксонскія войска, и думали, что между королями Польскимъ и Шведскимъ заключенъ былъ тайный миръ. Въ февралѣ 1715 года Англійское дѣло было наконецъ рѣшено въ Даніи, которая согласилась уступить королю Георгу Бременъ и Верденъ.

Но въ мартѣ Датскіе министры забили тревогу, объявили Долгорукому, что король Прусскій не хочетъ вступить въ союзъ, не хочетъ изъ-за Штетина воевать со Шведами; что въ такомъ случаѣ Данія и Ганноверъ, если бы даже и вошли другъ съ другомъ въ соглашенія, одни не могутъ ничего сдѣлать противъ Шведовъ, и потому скорая и дѣятельная помощь царя необходима для охраненія Датскихъ границъ; видя движеніе Русскихъ войскъ, и король Прусскій скорѣе склонится къ союзу; то же самое повторилъ посланнику и самъ король. Долгорукій, видя всеобщій страхъ, старался успокоить короля, представлялъ, что тутъ одно изъ двухъ: или Прусскій дворъ нарочно отговаривается отъ союза, желая вынудить себѣ еще что-нибудь, и потому надобно посмотрѣть, можетъ быть требованіе такое, что ему и удовлетворить можно; или король Прусскій, чрезъ посредство Франціи, прекратитъ всѣ несогласія съ Швеціею: но даже и въ этомъ случаѣ опасность еще не очень велика, ибо нельзя предполагать, чтобъ Пруссія рѣшилась заключить наступательный союзъ съ Швеціею, а при нейтралитетѣ Пруссіи, Даніи съ Ганноверомъ легко можно принудить Швецію къ миру. Король соглашался съ этимъ, но твердилъ прежнее, что Русская помощь необходима, и Датскіе министры приступали къ Долгорукому съ требованіемъ, чтобъ Русскія войска поскорѣе входили въ Померанію для дѣйствія въ одно время и противъ Висмара и противъ Штральзунда. Но у Долгорукаго было свое предложеніе о необходимости соединить Датскій флотъ съ Русскимъ, чтобъ окончательно очистить Балтійское море отъ Шведскихъ кораблей, дать полную безопасность торговымъ судамъ, обезопасить Померанію и самыя Датскія владѣнія отъ высадки Шведскихъ войскъ. Министры отвѣчали, что соединеніе Датскаго и Русскаго флота возможно только тогда, когда Англійскій флотъ явится въ Балтійскомъ морѣ и запретъ Шведскій флотъ въ Карлскронѣ. Послѣ этихъ разговоровъ пріѣхалъ къ Долгорукому отъ короля полковникъ Мейеръ, и сталъ говорить, какъ будто отъ себя, что царское величество обѣщалъ королю нѣкоторую сумму денегъ, такъ нельзя ли написать, чтобъ деньги были выданы: королю въ нихъ крайняя нужда, не чѣмъ будетъ содержать Русскихъ войскъ, которыя придутъ въ Померанію. «Мнѣ нельзя объ этомъ писать, отвѣчалъ Долгорукій; я знаю, что царскому величеству нужны деньги въ слѣдствіе та-

кихъ огромныхъ убытковъ отъ войны; могу написать только въ такомъ случаѣ, если король согласится на соединеніе своего флота съ Русскимъ.» Долгорукій не говорилъ никому, что ему велѣно обѣщать деньги и домогаться о соединеніи флотовъ, чтобъ «Датчанъ тѣмъ не вздорожить.» Датчане твердили прежнее, что до прибытія Англійскаго флота нельзя думать о соединеніи Русскаго и Датскаго флотовъ. Но Долгорукій, ясно понимая дѣло, не возлагалъ большихъ надеждъ на Англійскій флотъ; онъ писалъ царю: «хотя король Англійской и объявилъ войну, но только какъ курфюрстъ Ганноверскій, и флотъ Англійскій идетъ для охраненія своихъ купцовъ; если Шведскій флотъ пойдетъ противъ флота вашего величества, то нельзя думать, чтобъ Англичане вступили въ бой со Шведами, потому что Англія противъ Швеціи войны не объявила. И то еще неизвѣстно, захочетъ ли Англійскій народъ, чтобъ флотъ его какимъ бы то ни было способомъ участвовалъ во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ, и не противноль Англійскому народу видѣть Швецію въ крайнемъ разореніи? Недавно Англичане дѣйствовали усердно въ пользу Швеціи: положимъ, что новый король можетъ отчасти удержать отъ этого свой народъ, но заставить его явно дѣйствовать противъ Швеціи,—это королю Англійскому будетъ трудно, особенно, когда онъ получилъ корону еще недавно и внутри государства сильное несогласіе. Изъ этого заключаю, что флотъ Англійскій въ явныя дѣйствія противъ Швеціи не вступитъ.»

Между тѣмъ графъ Александръ Головкинъ хлопоталъ въ Берлинѣ, чтобъ ввести Пруссію въ Сѣверный союзъ. Здѣшнее правительство было въ крайне затруднительномъ положеніи: и сильно хотѣлось получить Штетинъ, и страшно было начать войну съ Швеціею, которой грозилась помогать Франція; не хотѣлось также гарантировать Даніи Шлезвигъ, чего требовали Ганноверъ и Данія, не хотѣлось и давать продовольствія Русскому войску, которое должно было дѣйствовать въ Помераніи. Главнымъ виновникомъ нерѣшительности короля въ приступленіи къ сѣверному союзу былъ министръ Ильгенъ. Головкинъ, видя, что король «на разговорахъ долгихъ скучаетъ и мало выслушиваетъ, а Ильгенъ иногда въ другомъ разумѣ королю доноситъ,» и воспользовавшись извѣстіемъ изъ Вѣны, что императоръ недоволенъ поступками Шведскаго короля, отправилъ въ апрѣлѣ въ Потсдамъ

королю письмо. «Вашему Величеству представляется теперь такой случай для пріобрѣтенія вѣчной славы и для приращенія вашихъ государствъ, какого, можетъ быть, въ продолженіи многихъ вѣковъ не будетъ, писалъ Головкинъ. Ваше величество помните, сколько труда предки ваши приложили для полученія Штетина, а теперь ваше величество легко его получить можете, уже дѣйствительно имъ владѣя; удержать на вѣки его легко посредствомъ обязательства съ царскимъ величествомъ, государемъ моимъ. Ваше величество разсудитъ, что когда Великобританскій король объявитъ войну Швеціи, то Карлъ XII будетъ принужденъ вести оборонительную войну, не думая о наступательной. Хотя Цесарь явно еще не объявляетъ себя въ пользу сѣвернаго союза, однако въ своихъ циркулярныхъ грамотахъ признаетъ непримиримый и *ссоролюбивый* нравъ Шведскаго короля, который если не будетъ низложенъ оружіемъ, никогда не дастъ покоя имперіи. Съ другой стороны Франція такъ истощила свои силы, что не можетъ ничего сдѣлать въ пользу Швеціи; а имперскіе князья, дружные со Швеціею, не посмѣютъ тронуться, увидя къ ней нерасположеніе императора. И такъ вашему величеству нѣтъ никакой опасности приступить къ сѣверному союзу, чѣмъ пріобрѣтете вѣчную славу, превзойдете ею предковъ своихъ, заслужите уваженіе цѣлаго свѣта и получите для потомства такую пользу, которая приведетъ ваши государства и подданныхъ въ совершенное благополучіе. Слѣдуетъ разсудить и то, что такъ какъ ваше величество уже нѣкоторую противность Шведскому королю показали, то ничего другаго отъ него ожидать не можете, кромѣ мщенія, которымъ онъ грозитъ своимъ непріятелямъ и ложнымъ друзьямъ, какъ выражается. Поэтому ничего лучше не можете сдѣлать, какъ при нынѣшнемъ удобномъ случаѣ довершить то, чему положено доброе начало.»

Письмо не осталось безъ дѣйствія. Прежде всего король объявилъ, что пойдетъ съ войскомъ въ Померанію. Министры испугались такой безразсудной, по ихъ мнѣнію, рѣшимости короля идти съ войскомъ, не условясь прежде съ членами Сѣвернаго союза. Самъ Ильгенъ началъ теперь хлопотать въ пользу соглашенія съ Даніею и Ганноверомъ, разсуждая, что если это соглашеніе не состоится, а Прусскій король, находясь въ Помераніи, какъ нибудь столкнется съ Шведами, то вся тяжесть войны обрушится

на одну Пруссію. Въ тоже время Ильгенъ объявилъ Французскому посланнику, что такъ какъ посолъ Шведскій до сихъ поръ не далъ Прусскому королю никакого объясненія на многія его требованія и только старается провести Прусскаго короля, то послѣдній больше ждать не будетъ и приметъ свои мѣры. Съ другой стороны Англійскій посланникъ объявилъ Прусскимъ министрамъ, что по извѣстіямъ изъ Франціи Прусскій посланникъ въ Парижѣ дѣлаетъ какія-то предложенія Французскому двору; но такъ какъ нельзя вести переговоры съ обоими дворами вмѣстѣ, то Англійскій король спрашиваетъ въ послѣдній разъ, хочетъ ли Прусскій король вступить съ нимъ въ извѣстное соглашеніе? потому что Англійскій король больше дожидаться не можетъ. Наконецъ Карлъ XII покончилъ всѣ колебанія въ Берлинѣ, начавши непріятельскія дѣйствія противъ Пруссаковъ въ Помераніи. «Я уже теперь больше молчать не могу, сказалъ король Головкину, и буду отплачивать тѣмъ же; а Французы меня чуть чуть не обманули; еслибы я ихъ послушалъ и только десять дней промедлилъ, то дался бы въ обманъ; теперь ни на кого такъ не надѣюсь, какъ на царское величество, а главное питаю особенную любовь къ персонѣ его царскаго величества.» Эта любовь усиливалась враждою къ королю Шведскому, который не только началъ вытѣснять Прусаковъ изъ Помераніи, но и презрительно отозвался о Прусскомъ королѣ и Прусскомъ войскѣ.

Въ половинѣ мая союзный договоръ съ Пруссіею былъ наконецъ подписанъ. Согласились, что короли Англійскій, Датскій и Прусскій пошлютъ отряды своихъ войскъ для осады Висмара, а между тѣмъ сами короли Датскій и Прусскій будутъ дѣйствовать въ Помераніи. Но представленія Долгорукаго о соединеніи флотовъ по прежнему не имѣли никакого дѣйствія: адмиралы объявили, что если послать флотъ три мили за Борнгольмъ, то это все равно, что его сжечь, и все Датское государство ввергнуть въ крайнюю опасность. Англійскій флотъ явился въ Балтійское море: но вмѣсто того, чтобъ заперсть Шведскій флотъ въ Карлскронѣ, какъ было обѣщано Датскому правительству, отправился къ Данцигу, Кёнигсбергу, къ Ригѣ и Ревелю, намѣреваясь у всѣхъ этихъ мѣстъ оставить по два корабля для безопасности Англійскому купечеству. Видя, что нѣтъ никакой надежды на соединеніе флотовъ, Долгорукій требовалъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ Датскій

флотъ заперъ Шведскій флотъ въ Карлскронѣ; но ему отвѣчали, что это можетъ быть исполнено только при помощи Англійскаго флота. Между тѣмъ настаивали на посылку Русскихъ войскъ въ Померанію. Долгорукій давалъ знать въ Петербургъ, что это будетъ напрасный трудъ и убытки, потому что короли Датскій и Прусскій имѣютъ достаточно войска. Одинъ изъ министровъ сказалъ Долгорукому: «Король очень печалится и сомнѣвается, что царское величество не хочетъ сдѣлать для него такой малости, прислать своихъ войскъ.» Долгорукій засмѣялся и сказалъ: «Царскому величеству еще печальнѣе и сомнительнѣе, что король не хочетъ послать ему своего флота, безъ котораго царское величество никакой пользы союзу принести не можетъ.» На это министръ замѣтилъ, что царь, имѣя до 27 линейныхъ кораблей, можетъ легко дѣйствовать противъ 9 кораблей Шведскихъ.

Въ іюлѣ король Датскій и Прусскій осадили Штральзундъ, который былъ защищаемъ самимъ Карломъ XII. Въ лагерѣ осаждающихъ находились и двое русскихъ посланниковъ: Долгорукій при королѣ Датскомъ, Александръ Головкинъ при Прусскомъ. Союзники взяли островъ Узедомъ, и по этому случаю была большая радость; Долгорукій писалъ 23 іюля: «Третьяго дня король Датскій смотрѣлъ прусскую кавалерію и обѣдалъ у короля Прусскаго, гдѣ для радости о взятіи Узедома гораздо повеселились, и оба короля около стола и безъ дамъ танцовали и прочія подобныя дѣла дѣлали, и табакъ король Датскій курилъ, хотя противу его натуры. По сее время между обоими королями зѣло согласно; только король Датскій не вовсе еще королю Прусскому вѣритъ, ежели не совершa здѣшнихъ дѣлъ, отсюда отступятъ, чтобы король Прусскій въ будущую зиму не нашелъ съ королемъ Шведскимъ способовъ къ примиренію.» Дѣйствительно, прусскіе министры Ильгенъ и Грункау внушали своему королю, что войною ничего не можетъ получить, Датчане не въ состояніи сдѣлать что-нибудь на морѣ, а безъ этого сухопутныя дѣйствія ни къ чему не поведутъ, что чрезъ посредство Франціи можно гораздо больше получить. Датскій дворъ надѣялся больше всего на прибытіе русскихъ войскъ; но ихъ прибытіе замедлялось тѣмъ, что въ конференціяхъ датскихъ и прусскихъ министровъ съ Долгорукимъ и Головкинымъ шли сильные споры о томъ, какъ содержать русскія войска: Датчане, а особенно Прусаки давали

слишкомъ мало; Ильгенъ говорилъ прямо датскимъ министрамъ, что его королю русскихъ войскъ не нужно, что къ дѣйствіямъ нынѣшней кампаніи они не поспѣютъ, а къ будущей король получитъ войско отъ нѣкоторыхъ имперскихъ князей. Оказывалось, что Прусскій король имѣлъ въ виду саксонскія войска, которыя обѣщалъ ему Августъ II: видя, что Данія не хочетъ имѣть съ нимъ никакого дѣла, Августъ хотѣлъ принять участіе въ войнѣ посредствомъ Пруссіи, чтобы не лишиться совсѣмъ добычи. Но Датскому королю противнѣе всего было участіе Саксонцевъ въ войнѣ, и потому онъ продолжалъ настаивать на принятіе русскихъ войскъ; Прусскій король уступалъ, но требовалъ, чтобы русскія войска находились въ полномъ его распоряженіи, и когда Долгорукій съ Головкинымъ не согласились на это требованіе, то Ильгенъ прямо сказалъ, что король его возьметъ саксонскія войска, которыя отдаются въ полное его распоряженіе, будутъ стоить гораздо дешевле русскихъ и на зиму возвратятся въ Саксонію, тогда какъ русскимъ надобно готовить зимнія квартиры. Тогда Долгорукій и Головкинъ заключили отдѣльный договоръ съ Датскимъ королемъ, который обѣщалъ давать содержаніе и зимнія квартиры 15 батальонамъ русской пѣхоты и тысячѣ человѣкамъ конницы. Какъ только Прусскій король узналъ о заключеніи этого договора, такъ немедленно же постановилъ и отъ себя договоръ, по которому обязался содержать также русскія войска 15 батальоновъ пѣхоты и 1.000 конницы. Но Долгорукій и Головкинъ при этомъ увѣдомили свое правительство, что короли берутъ русскую пѣхоту не для того, что имѣли мало своей, но для того, чтобы замѣнить свою пѣхоту русскою; увѣдомили также, что и зимнія квартиры, которыя дадутся русскимъ, не будутъ самыя покойныя; притомъ русскія войска будутъ отправлены въ зимнее время осаждать Висмаръ, крѣпость сильную, подъ которою можно ожидать большихъ потерь. Впрочемъ, по мнѣнію Долгорукаго и Головкина, была и польза отъ пребыванія русскихъ войскъ подъ Шральзундомъ: король Прусскій утверждался въ сѣверномъ союзѣ; король Датскій освобождался отъ опасностей; наконецъ можно будетъ участвовать въ военныхъ совѣтахъ союзниковъ и побуждать ихъ къ скорѣйшему веденію дѣла. При заключеніи договора съ Прусскимъ королемъ Ильгенъ дѣлалъ сильныя возраженія; и когда Долгорукій и Головкинъ оспарива-

ли его, то онъ «озлобился» на нихъ въ присутствіи короля; но Фридрихъ-Вильгельмъ сказалъ русскимъ посланникамъ: «Между союзниками не надобно употреблять хитрости, особенно съ такимъ союзникомъ, какъ царское величество; надобно стараться, чтобы всякому равную тягость военную несть. Увѣрьте его царское величество, что союзъ съ нимъ считаю самымъ драгоцѣннымъ для себя, и потому во всѣхъ переговорахъ и дѣйствіяхъ я намѣренъ поступать безъ всякой хитрости. Хотя царскому величеству и королю Датскому и внушаютъ противное, однако я пребуду всегда въ твердомъ союзѣ съ ихъ величествами.» Сказавши это, король велѣлъ написать договоръ во многихъ пунктахъ противно тому, какъ внушалъ Ильгенъ, за что тотъ еще больше озлобился и продолжалъ вредить дѣлу. Долгорукій и Головкинъ не могли настоять, чтобы русское войско не раздѣляли между Датчанами и Прусаками: «если я, говорилъ король, несу убытки на ихъ содержаніе, то имѣю право требовать, чтобъ они стояли и всякую службу отправляли вмѣстѣ съ моими войсками; обѣщаюсь заботиться о вашихъ войскахъ точно также какъ и о своихъ собственныхъ.»

Но всѣ эти хлопоты не повели ни къ чему: русскія войска не пришли подъ Штральзундъ, остались въ Польшѣ, гдѣ, какъ мы видѣли[20], началось движеніе противъ саксонскихъ войскъ; саксонскіе министры просили королей Датскаго и Прусскаго, чтобы не требовали у царя войскъ въ Померанію: короли согласились; а 12 декабря Штральзундъ сдался, и такимъ образомъ померанская кампанія 1715 года кончилась безъ участія русскихъ войскъ. Царь сильно сердился на это, и срывалъ сердце на посланникѣ своемъ при польскомъ дворѣ, князѣ Григорьѣ Долгорукомъ, который требовалъ отъ фельдмаршала Шереметева, чтобъ онъ остановился въ Польшѣ. Мы видѣли причины, заставлявшія князя Григорья дѣйствовать такимъ образомъ; но царь считалъ померанскія событія важнѣе польскихъ, и писалъ Долгорукому: «Я зѣло удивляюсь, что вы на старости потеряли разумъ свой и дали себя завесть всегдашнимъ обманщикамъ и чрезъ то войска въ Польшѣ остановить. Ты вѣдаешь, что они (Саксонцы) того всегда искали, какимъ бы образомъ нибудь сіе дѣло помѣшать, въ чемъ вамъ гораздо бы смотрѣть надобно.» Къ Ягужинскому царь писалъ. «Что же о штукахъ Флеминговыхъ, тому не дивлюсь, ибо то ихъ

плугъ и коса; но удивляюсь князю Григорью, что онъ на старости дуракъ сталъ и далъ себя за носъ взять.»

Между тѣмъ князь Куракинъ велъ переговоры съ англійскими министрами объ условіяхъ мира съ Швеціею, на счетъ которыхъ получилъ такой наказъ: «О Лифляндіи и Ригѣ написать въ общихъ выраженіяхъ, что царское величество съ королемъ Польскимъ и рѣчью посполитою согласится частнымъ образомъ въ претензіяхъ и условіяхъ на счетъ отдачи ихъ Польшѣ; а между тѣмъ королевскимъ вѣрнымъ министрамъ, склоннымъ къ сторонѣ царскаго величества, объявить за секретъ, для чего этотъ пунктъ полагается: царское величество обороною Польши навлекъ на себя войну турецкую, въ которой, въ противность договору, былъ оставленъ Польшею, вслѣдствіе чего принужденъ былъ отдать города, стоившіе многихъ милліоновъ, и за это надобно получить отъ Польши вознагражденіе. А когда увидитъ въ министрахъ склонность, то долженъ предлагать въ конфиденціи, чтобы разсудили, какая польза будетъ королю Великобританскому и обѣимъ морскимъ державамъ принуждать царское величество Ригу и Ливонію уступить Польскому королю и рѣчи посполитой? потому что эта корона непостоянная и безпрестаннымъ перемѣнамъ подлежащая, легко можетъ ихъ опять потерять; да хотя бы за нею и остались, то отъ непостоянства Поляковъ купечеству будетъ всякое утѣсненіе и тягость; тогда какъ царское величество обяжется заключить съ морскими державами торговый договоръ для всѣхъ областей своего государства, договоръ на такихъ выгодныхъ условіяхъ, какихъ никогда прежде не было. Должно склонять къ тому министровъ и другими «пристойными раціями по своему искусству и смотря по обстоятельствамъ, обѣщать имъ дачу даже до 200,000 ефимковъ, если они къ тому короля, Англію и Голландію склонятъ[21].»

На этотъ разъ никакая «рація» не могла подѣйствовать, потому что Англія и Голландія не имѣли средствъ принудить Карла XII къ миру съ требуемыми уступками.

Тѣмъ сильнѣе хотѣлъ дѣйствовать Петръ въ 1716 году. Желая какъ можно скорѣе окончить войну, онъ, по прежнему, лучшимъ средствомъ къ тому считалъ высадку на шведскій берегъ. Иначе думали въ Копенгагенѣ: «Если царское величество намѣренъ сильно дѣйствовать, писалъ Долгорукій въ генварѣ, то нужно

начать кампанію ранѣе; въ тайныхъ совѣтахъ здѣсь, какъ я слышалъ, начинаютъ мыслить, чтобы для пользы Датскаго короля сперва добыть Висмаръ, а потомъ ужь, собравшись, перенести войну въ Шонію. Король Датскій къ добыванію Висмара очень склоненъ и надѣется, что при этомъ большая часть русскихъ войскъ будетъ употреблена.» Въ февралѣ, на вопросъ Долгорукаго, какое намѣреніе его величества на счетъ будущей кампаніи? король отвѣчалъ, что если Висмаръ не сдастся, то надобно его добывать, а если сдастся, то другаго мѣста для дѣйствія не остается, кромѣ Шоніи. Для дѣйствій въ Шоніи царь предлагалъ королю двадцать батальоновъ и тысячу драгунъ на королевскомъ пропитаніи, и кромѣ того еще отрядъ войска на собственномъ иждивеніи; русскій флотъ долженъ былъ соединиться съ датскимъ. По поводу этихъ предложеній происходили конференціи между Долгорукимъ и датскими министрами, но рѣшительнаго ничего не выходило изъ этихъ конференцій: боялись за Норвегію, угрожаемую Шведами и не спускали глазъ съ Висмара, который долженъ былъ скоро сдаться, ибо терпѣлъ сильный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Послѣ сдачи Висмара король хотѣлъ уговориться о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ при личномъ свиданіи съ царемъ, и шли переговоры о мѣстѣ этого свиданія [22].

24 генваря Петръ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ царицею и 18 февраля прибылъ въ Данцигъ, гдѣ находилась главная квартира фельдмаршала Шереметева. Царь пріѣхалъ не на радость Данцигу: прежде всего онъ положилъ штрафъ на его жителей, зачѣмъ торгуютъ со Шведами, зачѣмъ въ ихъ гавани находились четыре шведскихъ корабля? потомъ въ устьѣ Вислы явились двое русскихъ офицеровъ для осмотра всѣхъ кораблей, для захватыванія шведскихъ; наконецъ городъ обязанъ былъ построить четыре каперныхъ суда для дѣйствій противъ непріятеля. А между тѣмъ жители Данцига были свидѣтелями приготовленій къ брачнымъ празднествамъ: Петръ хотѣлъ въ ихъ городѣ сыграть свадьбу своей племянницы Екатерины Ивановны съ Мекленбургскимъ герцогомъ Карломъ Леопольдомъ. Перенесеніе военныхъ дѣйствій на южный берегъ Балтійскаго моря необходимо вело къ сношеніямъ съ Мекленбургомъ. Еще въ 1712 году Петръ посылалъ къ мекленбургскому двору барона Шлейница съ просьбою не согласится ли герцогъ доставлять для русскихъ войскъ мясо, соль и

овесъ. Тутъ же обнаружились отношенія, которыя въ послѣдствіи должны были играть важную роль. Во время пребыванія Шлейница при мекленбургскомъ дворѣ тамъ же находился и ганноверскій министръ Бернсторфъ. Узнавши о домогательствахъ Шлейница, онъ началъ ему представлять, что надобно оставить Мекленбургъ въ покоѣ, какъ страну нейтральную, за которую вступятся цесарь и всѣ имперскіе чины; потомъ Бернсторфъ началъ пугать Прусскимъ королемъ, говоря, что онъ находится постоянно въ дружескихъ отношеніяхъ къ Швеціи, и если союзникамъ не посчастливится въ Помераніи, тъ будетъ дѣйствовать противъ нихъ съ тыла. Поведеніе Бернсторфа объяснялось тѣмъ, что онъ былъ Мекленбуржецъ и ему хотѣлось удалить сцену военныхъ дѣйствій отъ родной страны, которая необходимо должна была отъ нихъ терпѣть. Но союзники продолжали дѣйствовать въ Помераніи, при чемъ мало обращали вниманія на нейтралитетъ Мекленбурга, брали провіантъ у его жителей; на жалобы герцога отвѣчали, что во всемъ виноваты Шведы, которыхъ союзники имѣютъ право преслѣдовать и въ мекленбургскихъ земляхъ, такъ пусть герцогъ требуетъ отъ Шведовъ вознагражденія за убытки. Несчастный Мекленбургъ страдалъ вдвойнѣ, и отъ чужой войны, и отъ внутренней ссоры своего герцога съ дворянствомъ. Жалобы дворянства ставили герцога Карла Леопольда въ непріятныя отношенія къ императору и имперіи, и въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ ему естественно пришло желаніе искать покровительства у самаго сильнаго изъ сосѣднихъ государей, у царя русскаго. Чтобъ упрочить себѣ это покровительство, король Леопольдъ, разведшійся съ первою женой, рѣшился предложить свою руку племянницѣ Петра, Екатеринѣ Ивановнѣ. Но легко понять, какъ должно было смотрѣть на это враждебное герцогу дворянство: герцогъ Карлъ Леопольдъ, опираясь на могущественнаго дядю, задавитъ враговъ своихъ! Отсюда естественное стремленіе мекленбургскаго дворянства дѣйствовать всѣми силами противъ царя, выживать его войско изъ Мекленбурга, ссорить его съ союзниками, пугать послѣднихъ властолюбивыми замыслами царя, намѣреніемъ его стать твердою ногой на Нѣмецкой почвѣ. И мекленбургское дворянство могло успѣшно вести свои интриги, благодаря представителямъ своимъ: Мекленбуржецъ Бернсторфъ былъ министромъ въ Ганноверѣ и

владѣлъ полною довѣренностію курфюрста Георга, короля Англійскаго; двое другихъ Мекленбуржцевъ, Гольстъ и Девицъ находились въ датской службѣ и также здѣсь пользовались важнымъ значеніемъ, имѣли большое вліяніе на короля. Такимъ образомъ, вступивши на Нѣмецкую почву, вступивши въ родственный союзъ съ мекленбургскимъ герцогомъ по соображенію вѣрныхъ отъ него выгодъ, Русскій богатырь былъ опутанъ паутиною интригъ; богатырь, благодаря личнымъ средствамъ своимъ и средствамъ Россіи, вырвался изъ этой паутины; но она заставила его провести много непріятныхъ, безпокойныхъ часовъ, что не могло не подѣйствовать вредно на его, уже и безъ того разстроенное здоровье.

Осенью 1714 года пріѣхалъ въ Петербургъ мекленбургскій посланникъ баронъ Габихтсталь *концертовать* супружество своего государя съ племянницею царскаго величества, обѣщая принцессѣ свободное отправленіе вѣры при дворѣ, предоставляя приданое соизволенію царскаго величества, но требуя, чтобъ при будущемъ сѣверномъ мирѣ Висмаръ былъ отданъ герцогу подъ надежною гарантіей, и чтобъ герцогъ, по ходатайству царя, получилъ вознагражденіе за понесенные имъ отъ сѣверной войны убытки. Царь велѣлъ отвѣчать, что согласенъ на бракъ, если герцогъ представитъ вѣрное доказательство своего развода съ первою женою. Въ 1616 году дѣло возобновилось, и 22 генваря заключенъ былъ въ Петербургѣ брачный договоръ: герцогъ Карлъ Леопольдъ обязался доставить своей супругѣ свободное отправленіе вѣры Греческаго исповѣданія, также и всѣмъ ея служителямъ и назначить мѣсто для построенія *надворной капели*; обязался ежегодно выплачивать ей по 6,000 ефимковъ шкатульныхъ денегъ, и давать содержаніе придворнымъ и служителямъ; въ случаѣ вдовства герцогиня получитъ ежегодно по 25,000 ефимковъ и замокъ для жительства. Царь обѣщается снабдить племянницу свою надлежащими *ювелями* (брилліантами), платьемъ, уборами и экипажемъ. Царь обязуется содѣйствовать всѣми силами, чтобъ герцогъ получилъ Висмаръ со всѣми принадлежностями, также Варнеминде; для этого царское величество обязуется послать къ Висмару корпусъ своихъ войскъ; если же, паче чаянія, герцогъ Висмара не получитъ, то царь обязуется заплатить ему въ приданое сумму отъ 200,000 рублей.

Дѣло было окончено и Куракинъ опоздалъ съ своими совѣтами изъ Гаги. Онъ писалъ 24 февраля: «Женитьба герцога Мекленбургскаго и отдача ему Висмара противны двору Англійскому. Мой долгъ донести, что никакъ не должно спѣшить этою женитьбою, но прежде обстоятельно узнать о разводѣ герцога съ его первою женою. Я отъ многихъ слышу, что при цесарскомъ дворѣ еще идетъ процессъ объ этомъ разводѣ; цесарскій министръ мнѣ говорилъ, что новый бракъ герцога не можетъ считаться законнымъ и дѣти отъ него рожденные способными къ наслѣдству. Положимъ, что этого брака не желаютъ отъ зависти, не желаютъ, чтобъ царское величество имѣлъ сообщеніе съ имперіею посредствомъ Балтійскаго моря: то и этого достаточно. Если всѣ друзья царскаго величества завидуютъ или подозрѣваютъ и чрезъ это нынѣшняя дружба можетъ быть потеряна, дружба очень нужная при нынѣшнихъ обстоятельствахъ: то незнаю, можемъ ли получить столько же пользы отъ герцога Мекленбургскаго, сколько отъ тѣхъ, которыхъ дружбу для него можемъ потерять.» Опоздало и донесеніе Куракина о поѣздкѣ его въ Лондонъ, которую онъ предпринялъ по настоятельной просьбѣ Бернсторфа. Бернсторфъ предложилъ ему проектъ союза Россіи съ Англіею, причемъ Георгъ будетъ дѣйствовать противъ Швеціи уже какъ Англійскій король; Англія гарантируетъ царю всѣ его завоеванія у Швеціи, царь гарантируетъ Ганноверскому дому Англійскій престолъ. Куракинъ не могъ не заявить, что такое предложеніе будетъ пріятно его государю. Но тутъ Бернсторфъ началъ дѣлать слѣдующія внушенія: «Царское величество имѣетъ намѣреніе, взявши Висмаръ, отдать его герцогу Мекленбургскому: но мой король проситъ царское величество, для любви къ нему и для собственнаго интереса, покинуть это намѣреніе и предоставить Висмаръ въ распоряженіе князей Нижнесаксонскаго округа. Что касается брака герцога Мекленбургскаго съ племянницею царскаго величества, то король въ это дѣло не мѣшается; но я отъ себя дружески вамъ объявляю, что едва ли этотъ бракъ можетъ быть признанъ законнымъ; притомъ если царское величество вникнетъ въ характеръ герцога, то найдетъ его очень непріятнымъ.»

Всѣ эти донесенія получены были уже въ Данцигѣ.

Здѣсь 8 апрѣля, въ день, назначенный для бракосочетанія заключенъ былъ съ женихомъ союзный договоръ, по которому царь

обязывался доставить герцогу и его наслѣдникамъ совершенную безопасность отъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ безпокойствъ, обѣщалъ для достиженія этихъ цѣлей помогать герцогу войскомъ и военными принадлежностями, не требуя зато никакого награжденія, на время настоящей войны обѣщалъ дать девять или десять полковъ, которые вступятъ въ службу герцога, присягнутъ ему и останутся въ распоряженіи его одного, съ условіемъ однако, что царь имѣетъ право замѣнять эти полки новыми; въ нынѣшней распрѣ герцога съ его шляхтствомъ царь помогаетъ ему при цесарскомъ дворѣ, и если шляхетство предприметъ что-нибудь противъ герцога, то царь защищаетъ его всею своею силою. Герцогъ обѣщаетъ царскимъ подданнымъ, для лучшаго отправленія торговли, жить въ своихъ земляхъ и пристаняхъ, имѣть склады товаровъ и свою церковь, въ которой службу Божію по Греческому исповѣданію свободно отправлять. Герцогъ позволяетъ Русскимъ войскамъ всюду проходить чрезъ свои владѣнія и сооружать магазины[23].

Послѣ подписанія этого договора въ 4-мъ часу по полудни совершено было бракосочетаніе въ присутствіи государя, царицы, короля Польскаго и множества знатныхъ лицъ, Русскихъ и иностранныхъ; вечеромъ, разумѣется, не обошлось безъ фейерверка.

Свадьба не мѣшала дѣламъ. Петръ былъ очень недоволенъ, что все вниманіе Датчанъ обращено на Висмаръ, и объ исполненіи любимаго плана его, о высадкѣ въ Шонію, не думаютъ. 21 марта онъ написалъ Долгорукому: «Изъ письма вашего усмотрѣли мы съ великимъ удивленіемъ, коимъ образомъ у его величества короля Датскаго никакія предуготовленія не чинятся къ десанту въ Шканію, но что со стороны его королевскаго величества токмо объ осадѣ и добываніи Висмара мыслятъ; но понеже недовольно будетъ хотя и городъ Висмаръ возмется, ибо тѣмъ война наша еще окончена не будетъ, но потребно суть, чтобы въ самую Швецію вступить и тамъ силою оружія непріятеля къ миру принудить. Мы такожде въ томъ намѣреніи такое знатное число наилучшихъ нашихъ войскъ сюды привели, дабы купно съ королемъ Датскимъ десантъ въ Шканію учинить и непріятеля въ срединѣ своего государства атаковать, еже когда учинится и въ томъ съ надлежащею ревностію поступлено будетъ, то король Шведской и забудетъ транспортъ въ Висмаръ учинить, но, оставя то намѣ-

реніе, принужденъ будетъ всѣ свои мысли къ собственной своей оборонѣ обратить. И тогда Висмаръ, не имѣя болѣе надежды къ сукурсу, самъ принужденъ будетъ сдаться; или мочно и такія мѣры взять, чтобъ и то и другое учинить, и Висмаръ добывать, и десантъ въ Шканію въ одно время дѣлать. Того ради вы сіе его королевскому величеству наилучшимъ образомъ представьте и домогайтеся, чтобъ его королевское величество, не упустя времени, къ помянутой десантѣ всѣ потребныя предуготовленія заранѣе учинить указалъ, чтобъ оной всеконечно къ сей кампаніи съ Божіею помощію учиненъ быть могъ. Вы его величеству объявите, что мы для пользы общаго интересу и для вспоможенія его королевскому величеству такія великія иждевенія несемъ и наилучшимъ своимъ войскамъ въ такіе дальніе краи маршировать велѣли, и еще оныя на своемъ жалованьи и часть оныхъ на пропитаніи содержать хочемъ, и то все для того, чтобъ его королевское величество Датское въ состояніе привесть съ желаемымъ сукцессомъ помянутой десантъ предвоспріять. Но ежели сіи наши труды, понесенные убытки и приложенныя радѣнія всуе будутъ, и настоящую кампанію только добываніемъ Висмара препроводить, а десанту въ Шканію учинить не хотятъ, тобъ его королевское величество не надѣялся, чтобъ мы въ предбудущей годъ въ состояніи были ему войсками нашими или инымъ чѣмъ вспомогать и вновь такія превеликія иждевенія понесть, умалчивая что между тѣмъ времена отмѣниться могутъ такимъ образомъ, что уже тогда и поздно будетъ оный десантъ предвоспріять[24].»

Неудовольствіе увеличивалось жалобами новаго родственника герцога Мекленбургскаго на разореніе его земли Датскими, Прусскими и Ганноверскими войсками, облегавшими Висмаръ; предъявлена была «неслыханная и непристойная претензія,» чтобъ Мекленбургъ платилъ солдатамъ, работавшимъ подъ Висмаромъ. 28 марта Шафировъ, по приказанію Петра, написалъ Долгорукому изъ Данцига, чтобъ онъ сдѣлалъ по этому предмету представленіе Датскому двору въ «сильныхъ терминахъ:» несправедливо, вмѣсто награды за содѣйствіе успѣхамъ союзниковъ разорять земли герцога, и безъ того уже потерпѣвшія много убытку отъ войны; герцогъ, раздраженный такими поступками, можетъ обратиться за помощію къ цесарю и имперскимъ князьямъ, которые и безъ того къ сѣвернымъ союзникамъ не очень склонны; кромѣ родства,

царское величество имѣетъ и ту причину заступаться за герцога, что Русскія войска уже пришли въ Мекленбургъ и изъ него же должны получить пропитаніе; но если союзныя войска будутъ такимъ образомъ разорять эту землю, то войскамъ царскаго величества придется голодать.

Русскій царь уже заступается за герцога Мекленбургскаго; взаимныя обязательства дяди и племянника, пребываніе Русскаго войска въ Мекленбургѣ въ полной зависимости отъ герцога, съ цѣлію служить ему при подавленіи всѣхъ враговъ его, — все это было извѣстно и приводило въ отчаяніе враждебную герцогу *шляхту* Мекленбургскую, имѣвшую такихъ сильныхъ представителей при дворахъ Ганноверскомъ и Датскомъ. Понятно, что эти представители должны были употребить всѣ усилія, чтобъ выжить Русскія войска изъ Мекленбурга. Единственнымъ средствомъ къ тому было возбужденіе между союзниками подозрѣнія на счетъ властолюбивыхъ намѣреній Петра: вся эта тѣсная связь царя съ герцогомъ Мекленбургскимъ, разглашали Бернсторфъ съ товарищи клонится къ одному, чтобъ Русскимъ стать твердою ногою на Нѣмецкой почвѣ; царь хочетъ Висмара для герцога, но ясно, что тотъ сейчасъ же уступитъ этотъ городъ могущественному родственнику за какое-нибудь вознагражденіе. Король Георгъ повѣрилъ всему, что внушалъ Бернсторфъ; Датскій король начиналъ колебаться, и Мекленбурцы его службы тѣмъ удобнѣе дѣйствовали. Мы видѣли, что царь обѣщалъ Карлу Леопольду Висмаръ *въ приданое* за племянницею; исполнить это обѣщаніе было очень важно для Петра, потому что бѣдная Русская казна освобождалась этимъ отъ обязанности выплачивать большую сумму денегъ. Князь Репнинъ получилъ приказаніе идти къ Висмару съ четырьмя пѣхотными полками и 500 драгунъ для помощи союзникамъ при осадныхъ работахъ и взятіи города. 1 апрѣля Репнинъ приблизился къ Висмару и послалъ сказать Датскому генералу Девицу и товарищамъ его, что прибылъ по указу царскаго величества въ помощь всѣмъ войскамъ союзнымъ; но получилъ отвѣтъ, что командующіе союзными войсками генералы не имѣютъ отъ дворовъ своихъ никакихъ указовъ на счетъ Русскаго войска, только Прусскій генералъ предлагаетъ, чтобъ князь Репнинъ занялъ его посты и принялъ приготовленный провіантъ. Репнинъ, не имѣя указа смѣнить Прусаковъ у Висмара, отказался. 4 апрѣля пріѣха-

ли къ Репнину всѣ союзные генералы, и Девицъ объявилъ, что Висмаръ сдастся. «Хотя, говорилъ Девицъ, я и не имѣю отъ двора своего и отъ союзниковъ никакого относительно васъ указа, однако я не желалъ скрыть отъ васъ о капитуляціи города.» — «Удивительно, отвѣчалъ Репнинъ, что вы не имѣете относительно меня никакого указа, но вѣдь вы знаете, что я сюда съ командою присланъ отъ царскаго величества, сѣвернаго, сильнаго и твердаго союзника; вы не должны оканчивать капитуляціи, не объявя мнѣ; также когда союзныя войска будутъ посланы для пріема Висмара, то должно послать туда же и часть войскъ царскаго величества, соотвѣтственно числу ихъ.» — Девицу это требованіе очень не понравилось: «Въ трактатахъ о Висмарской осадѣ, говорилъ онъ, ничего не упомянуто о Русскихъ войскахъ, а только о Датскомъ, Ганноверскомъ и Прусскомъ, и теперь я безъ указа впустить Русскихъ въ городъ не смѣю.» — «Если вы не распорядитесь отвѣчалъ Репнинъ, то я и самъ пошлю; если же моихъ людей не пустятъ въ городъ, то вы будете отвѣчать[25].»

Русскія войска не были впущены въ Висмаръ; дѣло чуть не дошло до драки, и Репнинъ принужденъ былъ повернуться назадъ. Петръ, имѣя въ виду высадку въ Шонію, что, по его мнѣнію, должно было имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ войны, не хотѣлъ ссориться съ Даніею,и ограничился сильными представленіями королю на счетъ поступка генерала Девица. 1 мая Петръ выѣхалъ изъ Данцига въ Штетинъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Прусскимъ королемъ, въ Альтонѣ имѣлъ свиданіе съ королемъ Датскимъ и 23 числа окончательно уговорились на счетъ высадки Русскихъ войскъ въ Шонію съ одной стороны и на восточный берегъ Швеціи съ другой, подъ прикрытіемъ Англійской эскадры. Уладивши это важное дѣло, Петръ поспѣшилъ въ Пирмонтъ пользоваться тамошними водами; это пользованіе (*куръ* или *питухъ*, по выраженію Петра) было ему необходимо передъ трудами кампаніи, потому что онъ выѣхалъ и изъ Петербурга нездоровый[26]. Въ половинѣ іюня *куръ* кончился и царь поспѣшилъ въ Ростокъ, къ своей галерной эскадрѣ, на которой находилась Русская пѣхота, назначенная къ Копенгагену; Петръ самъ хотѣлъ перевезть ее туда, тогда какъ 5,000 конницы шло изъ Мекленбурга чрезъ Голштинію, Шлезвигъ и Фіонію. Между тѣмъ Мекленбургскіе друзья дѣйствовали: Долгорукій, доносилъ что Датскій король, раз-

говаривая съ нимъ 22 іюня, сказалъ, что Англійскій флотъ едва ли будетъ дѣйствовать противъ Шведовъ; Англичанамъ, продолжалъ король, противно, что войска царскаго величества вступятъ въ Шонію. — «Отъ чего же противно?» спросилъ Долгорукій. — «Отъ того, отвѣчалъ король, что они подозрѣваютъ царское величество, а причины подозрѣнія: поступокъ царскаго величества съ Данцигомъ (наложеніе контрибуціи), вмѣшательство въ Мекленбургскія дѣла, дѣйствія въ пользу герцога Мекленбургскаго, а теперь еще больше навело подозрѣнія введеніе Русскаго войска въ Ростокъ.»

Петръ послалъ Куракину указъ стараться какъ можно скорѣе заключить съ Англіею договоръ, потому что безъ этого Англійскій флотъ едва ли что сдѣлаетъ въ пользу Сѣвернаго союза, адмиралъ Норрисъ даже и въ Балтійское море идти не хочетъ; транспортъ, который долженъ идти отъ Ростока въ Зеландію, замедлилъ, потому что прикрыть его нечѣмъ, и можно опасаться, что кампанія пройдетъ безъ дѣйствія. Надобно думать, что Ганноверцы интригуютъ при Датскомъ дворѣ, Фабриціусъ, Ганноверскій министръ отвращалъ Датскаго короля отъ высадки въ Шонію, убѣждалъ оставить это предпріятіе и возвратить Русскія войска. Куракинъ передалъ Бернсторфу о поведеніи Фабриціуса; тотъ отвѣчалъ, что сомнѣвается въ вѣрности этого извѣстія и можетъ съ клятвою засвидѣтельствовать, что дворъ его сильно желаетъ высадки въ Шонію и что Англійскій адмиралъ Норрисъ прикроетъ Зундъ для высадки. Заключеніе договора между Россіею и Англіею откладывалось; Бернсторфъ не хотѣлъ слышать ни о какой сдѣлкѣ по Мекленбургскому дѣлу. Куракинъ объявилъ ему, что если онъ службу свою царскому величеству покажетъ, поможетъ герцогу Мекленбургскому въ полученіи Висмара, то получитъ все, что потребуетъ себѣ и своей фамиліи въ вознагражденіе. Бернсторфъ отвѣчалъ, что онъ, какъ добрый патріотъ, старается объ общихъ интересахъ всего Мекленбургскаго дворянства, и требуетъ одного, чтобъ герцогъ оставилъ дворянство при прежнихъ привилегіяхъ безъ всякихъ нападокъ, и тогда дворянство будетъ вѣрно ему служить [27].

6 іюля Петръ былъ съ галерною эскадрою у Копенгагена, откуда написалъ женѣ: «Дай знать, какъ сюды будете, дабы я васъ могъ встрѣтить, понеже чины неописанные здѣсь, и я вчера въ

такой церемоніи былъ, въ какой болѣе двадцать лѣтъ не бывалъ.» Но скоро оказалось, что не одни церемоніи будутъ брать дорогое время: «О здѣшнемъ объявляемъ, писалъ Петръ женѣ, что болтаемся туне, ибо что молодыя лошади въ каретѣ, такъ наши соединенные (союзники), а наипаче коренныя: сволочь хотятъ, да коренныя не думаютъ[28].» Іюль, самая лучшая пора проходила въ болтаніи; царь безпрестанно побуждалъ Датчанъ, чтобъ транспортомъ и флотомъ не мѣшкали и чтобъ войско свое собирали къ Копенгагену. Ему отвѣчали, что до прибытія вице-адмирала Габеля изъ Норвегіи нельзя ничего начинать; прежде уборки хлѣба съ полей нельзя идти войскамъ: лагерями повредятъ стоячему хлѣбу. 27 іюля пришелъ Габель съ эскадрою изъ Норвегіи; царь началъ снова торопить, представляя, что нѣтъ уже болѣе отговорки Габелемъ; но движенія не было, Датскія транспортныя суда для перевозки Русскихъ войскъ изъ Ростока не отправлялись. «Болтаніе туне» соединенныхъ флотовъ, Русскаго, Англійскаго и Датскаго продолжалось. Англійскій адмиралъ Норрисъ предлагалъ крейсировать всѣми флотами у Карлскроны; Петръ согласился, но Датскій адмиралъ объявилъ, что онъ на то указа не имѣетъ. Въ половинѣ августа самъ Петръ поплылъ къ Штральзунду для ускоренія отправки транспортныхъ судовъ. Возвратясь въ Копенгагенъ, Петръ поѣхалъ изслѣдовать Шонскіе берега, куда намѣренъ былъ высадиться и нашелъ, что Шведы отлично воспользовались медленностію союзниковъ и сильно укрѣпились; Петръ былъ встрѣченъ огнемъ съ батарей; шнава Принцесса, на которой находился самъ государь, была пробита ядромъ, другая шнава Лизета также получила значительныя повреждения. Получены были извѣстія, что непріятель силенъ въ Шоніи, что у него тамъ больше 20,000 войска и берегъ укрѣпленъ редутами и батареями.

Намъ извѣстна постоянная осторожность Петра, которая должна была еще усилиться отъ жестокаго наказанія за Прутскую неосторожность. Къ обычной осторожности присоединялась еще теперь подозрительность: зачѣмъ такая медленность, зачѣмъ пропущено самое благопріятное время, зачѣмъ дана непріятелю возможность укрѣпиться? Получались извѣстія, что Бернсторфъ съ товарищами ведетъ крамолу, что генералъ кригс-коммиссаръ Шультенъ подкупленъ и потому нарочно медлилъ транспортомъ,

чтобъ заставить Русскихъ сдѣлать высадку въ осеннее самое неудобное время, «вѣдая, по словамъ Петра, что когда въ такое время безъ разсужденія пойдемъ, то или пропадемъ, или такъ отончаемъ, что по ихъ музыкѣ танцовать принуждены будемъ.» 1-го сентября государь созвалъ министровъ своихъ и генераловъ въ «генеральный Консиліумъ,» и предложилъ вопросъ: предпринимать ли высадку или нѣтъ, потому что время наступаетъ позднее, а дивизія князя Репнина еще не перевезена, и диверсія отъ Аланда не сдѣлана по винѣ Датчанъ. Всѣ единогласно отвѣчали, что высадку надобно отложить до будущаго лѣта. 4-го числа присталъ къ берегу князь Репнинъ: но трехъ драгунскихъ полковъ Датчане, не смотря на письменное обязательство, не перевезли, отговариваясь, что у нихъ нѣтъ столько судовъ. 5-го сентября царь держалъ другой совѣтъ, чтобъ спросить мнѣнія и новоприбывшихъ генераловъ: и тѣ подтвердили рѣшеніе перваго совѣта. Послѣ этого весь сентябрь прошелъ въ пересылкахъ и конференціяхъ между царемъ и королемъ Датскимъ, ихъ генералами и министрами. Съ Русской стороны представляли невозможность отваживаться на такое важное предпріятіе, въ такое позднее время, перевезти на непріятельскіе берега тайкомъ такое большое войско; высадившись, надобно дать сраженіе, потомъ брать города— Ландскрону и Мальме. Съ русской стороны спрашивали: гдѣ зимовать, если взять эти города не удастся? На это отвѣчали, что зимовать можно при Елсенорѣ въ окопѣ, а людямъ подѣлать землянки. Но отъ такой зимовки людей должно было пропасть гораздо больше, чѣмъ въ сраженіи. Петръ велѣлъ объявить Датскому двору рѣшительно, что высадка невозможна, надобно отложить ее до будущей весны. Узнавши объ этомъ объявленіи, Мекленбургскіе друзья закричали, что маска снята, царь нарочно самъ медлилъ перевозкою своихъ войскъ, и теперь, подъ предлогомъ поздняго времени, не хочетъ высаживаться на Шведскіе берега, потому что находится въ сношеніхъ съ Шведскимъ правительствомъ. Но это еще не все: не могъ онъ безо всякой цѣли привести въ Данію такое большое войско, надобно опасаться его враждебныхъ замысловъ, надобно беречь Копенгагенъ! И въ Копенгагенѣ всполошились: поставили всю пѣхоту по валамъ и амбразуры на валахъ прорѣзали; къ адмиралу Норрису присланъ былъ указъ напасть на Русскіе корабли и транспортныя суда,

если царь не пойдетъ въ Шонію. Норрисъ не могъ исполнить приказанія, потому что оно было прислано изъ Ганноверской, а не изъ Англійской канцеляріи. Переполохъ скоро кончился, потому что съ Русской стороны не обнаруживалось никакого враждебнаго намѣренія, и съ октября царскія войска начали обратно перевозиться изъ Даніи къ Ростоку. Фельдмаршалу Шереметеву велѣно было съ пѣхотою расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Мекленбургѣ, изъ кавалеріи же оставить здѣсь только одинъ полкъ, а прочимъ идти на зимнія квартиры къ Польскимъ границамъ [29]. 13 октября царь написалъ Сенату изъ Копенгагена: «Господа Сенатъ! Понеже господа Датчане такъ опоздали въ своихъ операціяхъ, что въ сентябрѣ сюда нашихъ перевели, и такъ за позднимъ временемъ дѣйства остановились, а къ будущей кампаніи факцыи разныя не допущаютъ: того для нѣтъ инова способу, только что отъ Аланта непріятеля утѣснять, къ чему всякое приготовленіе чините, только не усните, такъ какъ въ нынѣшней кампаніи, что адмиралъ (Апраксинъ) принужденъ былъ поворотиться [30].»

16 октября самъ Петръ съ царицею Екатериною, которая пріѣхала къ нему въ Копенгагенъ, отправился изъ этого города въ Мекленбургъ; въ Шверинѣ царица осталась, и Петръ отправился одинъ въ Гавельсбергъ, гдѣ дожидался его король Прусскій. Въ то время, когда Ганноверское правительство дѣлало явныя непріятности, когда правительство Датское позволяло себѣ внимать его внушеніямъ, одинъ король Прусскій обнаруживалъ знаки неизмѣнной вѣрности Русскому союзу. Въ сентябрѣ графъ Александръ Головкинъ донесъ царю, что въ Берлинъ пріѣзжала депутація отъ Мекленбургскаго дворянства съ просьбою о помощи противъ герцога и царя: депутація уѣхала съ отказомъ и Прусскіе министры обнадежили Головкина, что король ихъ не сдѣлаетъ ничего противнаго царскому величеству, и, для своего великаго почитанія къ нему, хочетъ благопріятствовать и герцогу Мекленбургскому. Тутъ же Головкину было объявлено за великую тайну, что съ Англійской стороны внушено было Прусскому королю, будто царь намѣренъ удержать за собою всю Померанію, Штральзундъ и Штетинъ; но король не повѣрилъ этимъ внушеніямъ. Англійскій король предлагалъ Прусскому написать вмѣстѣ грамоту къ царю о выводѣ Русскихъ войскъ изъ Меклен-

бурга, и написать въ сильныхъ выраженіяхъ. Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ: пусть пишутъ проектъ грамоты при Англійскомъ дворѣ; но съ Прусской стороны жестокихъ выраженій въ грамоту не внесутъ, имѣя причины не раздражать царя, а угождать ему. Когда Петръ далъ знать Берлинскому двору, что высадка въ Шонію отложена, то здѣсь безъ возраженія приняты были причины, представленныя царемъ и вся вина сложена на Датчанъ. Самъ король объявилъ Головкину, что всѣ внушенія Ганноверскаго двора считаетъ ложными, происходящими отъ частной злобы Бернсторфа, и потому отклонилъ свиданіе съ Англійскимъ королемъ. Изъ Ганновера не переставали приходить въ Берлинъ внушенія, что царь хочетъ овладѣть Гамбургомъ, Любекомъ, Висмаромъ и укорениться въ имперіи; но Фридрихъ-Вильгельмъ не обращалъ на это никакого вниманія, и въ противность Ганноверскому правительству внушалъ царю, чтобъ онъ не выводилъ своихъ войскъ изъ Мекленбурга, потому что если Шведскій король нападетъ на Данію, то безъ Русскихъ войскъ ни Даніи, ни Пруссіи нельзя будетъ съ нимъ успѣшно бороться, а король Англійскій не поможетъ [31]. Въ Гавельсбергѣ при личномъ свиданіи государей былъ скрѣпленъ союзъ между Россіею и Пруссіею. Король Фридрихъ-Вильгельмъ обязался: въ случаѣ нападенія на Россію съ какой-либо стороны съ цѣлію отнять у нея завоеванныя у Шведовъ области, гарантированныя Пруссіею, послѣдняя помогаетъ Россіи или прямо войскомъ, или диверсіею въ земли нападчика. 17 ноября Петръ выѣхалъ въ Гамбургъ, направляя путь въ Голландію. Отсюда еще въ августѣ мѣсяцѣ Куракинъ сообщилъ любопытныя вѣсти. Пріѣзжалъ къ нему генералъ Рангъ, родомъ Шведъ, но находившійся въ службѣ ландграфа Гессенъ-Кассельскаго. Рангъ сталъ разказывать, что происходило въ Пирмонтѣ во время пребыванія тамъ царя, къ которому ландграфъ присылалъ своего оберъ-гофмаршала барона Кетлера съ предложеніемъ помириться съ Швеціею; Петръ отвѣчалъ: «можно ли съ Шведскимъ королемъ переговаривать о мирѣ, когда онъ не имѣетъ никакого желанія мириться и называетъ меня и весь народъ Русскій варварами?» Передавая эти слова Петра, Рангъ замѣтилъ Куракину, что царю несправедливо донесено объ отзывахъ объ немъ Карла XII. «Я, говорилъ Рангъ, былъ при Шведскомъ королѣ въ Турціи и въ Штральзундѣ съ полгода, и во все это время Карлъ XII

отзывался о царскомъ величествѣ съ большимъ уваженіемъ: онъ считаетъ его первымъ государемъ въ цѣлой Европѣ. Надобно всячески стараться уничтожить личное раздраженіе между государями, ибо этимъ проложится дорога къ миру между государствами.

Куракинъ получилъ указъ отвѣчать Рангу *отъ себя*, что царь всегда обнаруживалъ склонность къ заключенію мира, и теперь заключить его на полезныхъ условіяхъ склоненъ; и если Шведскій король подлинно намѣренъ прекратить войну, то пусть прямо присылаетъ къ царю съ этимъ предложеніемъ; а если явно прислать не хочетъ, то пусть пришлетъ кого-нибудь подъ видомъ переговоровъ о картелѣ или подъ именемъ посланнаго отъ ландграфа Гессенскаго для испрошенія паспорта въ Швецію. Куракинъ долженъ былъ обнадежить Ранга, что царь допуститъ къ себѣ этого посланника и велитъ его выслушать, и что этимъ путемъ, обратясь къ царю, какъ главѣ Сѣвернаго союза, Шведскій король скорѣе получитъ миръ, чѣмъ другими способами; но Рангъ долженъ былъ при этомъ поклясться, что никому ничего не объявитъ. Когда Куракинъ сообщилъ все это Рангу, то онъ отвѣчалъ, что Шведскій король ясно видитъ свою выгоду въ заключеніи мира съ царемъ, потому что вся Сѣверная война ведется Русскою силою, а не силою союзниковъ, и когда миръ заключенъ будетъ съ Россіею, то союзники также должны будутъ помириться; поэтому-то Карлъ XII далъ полномочіе ландграфу Гессенъ-Кассельскому искать мира съ Россіею.

Кромѣ Ранга, подобныя же предложенія были сдѣланы Куракину и посланникомъ Кассельскимъ Дальвикомъ; съ Гёрцомъ же Куракинъ не имѣлъ ни малѣйшаго сообщенія; не смотря на то при Ганноверскомъ дворѣ трубили, что онъ сносился съ Гёрцомъ объ отдѣльномъ мирѣ между Россіею и Швеціею и что уже прелиминарныя статьи подписаны. 6-го декабря въѣхалъ Петръ въ Амстердамъ, куда на другой день пріѣхали за нимъ канцлеръ графъ Головкинъ, подканцлеръ баронъ Шафировъ, тайный совѣтникъ Петръ Толстой; генералы—князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, Иванъ Бутурлинъ, чрезвычайный посолъ при Голландскихъ штатахъ князь Куракинъ. Петръ ждалъ и царицу, которая должна была ѣхать медленно по причинѣ своей беременности; въ началѣ декабря онъ писалъ къ ней: «Писалъ я къ вамъ передъ симъ, что и нынѣ подтверждаю, дабы сею дорогою, ко-

торою я ѣхалъ, тебѣ не ѣздить, понеже неописанно худа. Также людей не много берите, понеже зѣло дорого станетъ житье въ Голандіи; также и пѣвчихъ, буде не уѣхали, полно (достаточно) половины, а другую оставте въ Мекленбургіи. Какъ я, такъ и всѣ со мною здѣсь зѣло сожалѣютъ о нынѣшней дорогѣ вашей: и ежели ты можешь снесть, лутчебъ тамъ осталась, понеже не безъ опасенія отъ худой дороги. Аднакожъ будь въ семъ воля твоя, и, для Бога, не подумай, чтобъ я не желалъ вашей ѣзды сюды, чево сама знаешь, что желаю; и лутче ѣхать, нежели печалитца: толко не могъ удержатца, чтобъ не написать; а вѣдаю, что не утерпишь.» Екатерина должна быть остановиться въ Везелѣ, гдѣ 2 генваря 1717 года родила сына, царевича Павла. Въ отвѣтъ на радостную вѣсть Петръ писалъ женѣ: «Зѣло радосное твое писаніе вчера получилъ, въ которомъ объявляешь, что Господь Богъ насъ такъ обрадовалъ, что и другова *) рекрута даровалъ, за что да будетъ выну хвала Ему и незабвенное благодареніе! Сія вѣдомость вдвое обрадовала: первое о новорожденномъ, а паче что васъ Господь Богъ свободилъ, отъ чего и мнѣ стало полутче, ибо отъ самово Рождества Христова столь долго сидѣть не могъ, какъ вчерась. Какъ мочно будетъ — поѣду къ тебѣ немедленно.» Но на другой день пришла печальная вѣсть, что новорожденный царевичь скончался и мать очень слаба. Дано было также знать, что причиною этихъ несчастій было пренебреженіе, оказанное царицѣ въ Ганноверскихъ владѣніяхъ. Вотъ какъ самъ Петръ говоритъ объ этомъ: «Когда жена моя ѣхала въ Голландію чрезъ Ганноверъ, тогда неслыханнымъ образомъ ругана была, а еще чревата, а имянно, что мужики, которые везли, сбили возницу, также всѣхъ людей отбили отъ кареты и посажали по телегамъ какъ воровъ, а сами чрезъ день и всю ночь ѣхали, ниже спать, ниже отдохнуть ей не дали, отъ чего пріѣхавъ въ Везель, безчастное рожденіе имѣла [32]. Царь хотѣлъ ѣхать къ больной женѣ, но самъ занемогъ жестокою лихорадкою, которая продолжалась до 10 февраля; а царица тѣмъ временемъ оправилась и 2 февраля была уже въ Амстердамѣ.

Между тѣмъ въ Англіи произошли любопытныя событія. 7 февраля царь получилъ отъ резидента своего въ Лондонѣ Веселовскаго слѣ-

*) Первый — царевичъ Петръ, родившійся въ 1715 году.

дующее донесеніе отъ 1-го февраля: «Четвертаго дня приключился здѣсь случай чрезвычайный и *очень полезный интересамъ вашего царскаго величества*, а именно: по королевскому указу, Шведскій министръ при здѣшнемъ дворѣ Гилленборгъ въ домѣ своемъ арестованъ, вся переписка его забрана и отнесена въ тайный совѣтъ; въ тотъ же день арестованы три человѣка изъ партіи тори и отправлены чиновники для арестованія многихъ другихъ лицъ по областямъ, также посланы указы во всѣ гавани, чтобъ не выпускать ничего безъ паспорта отъ государственнаго секретаря, а въ адмиралтейство посланъ указъ, чтобъ немедленно были вооружены двадцать три корабля. Я увѣдомился, что Шведскій министръ арестованъ за то, что, по указу короля своего, вступилъ въ заговоръ противъ короля Георга съ партіею претендента (Іакова III Стюарта); было положено, что въ началѣ марта отъ 8 до 12,000 Шведскаго войска высадятся въ Шотландіи и соединятся съ партіею претендента.» Петръ отвѣчалъ на это: «Надлежитъ тебѣ, хотя бы пришлось употребить и нѣкоторое иждивеніе, подлинно провѣдать и намъ донесть обстоятельно: имѣетъ ли король Англійскій подлинное намѣреніе объявить войну Швеціи, и можетъ ли склонить парламентъ, чтобъ далъ нужныя субсидіи, и, вооружа флотъ, куда намѣрены его употребить? Также, показываетъ ли дворъ Англійскій теперь къ намъ какую-нибудь склонность, и какъ съ тобою обращаются Англійскіе министры послѣ открытія заговора въ сравненіи съ прежнимъ? Тебѣ надобно часто у нихъ бывать и вывѣдывать объ ихъ намѣреніяхъ удобнымъ образомъ. Если будутъ тебѣ говорить и обнаруживать склонность къ соглашенію съ нами, то можете имъ объявить, что мы дружбы короля Англійскаго желаемъ и въ соглашеніе съ нимъ вступить готовность всегда имѣли и имѣемъ; что мы, для показанія истиннаго своего намѣренія и къ его королевскому величеству нашей дружбы, повелѣли уже фельдмаршалу нашему графу Шереметеву съ двѣнадцатью батальонами войскъ нашихъ изъ Мекленбурга выступить и идти въ Польшу, и въ Мекленбургѣ осталось нашихъ только двадцать батальоновъ, о которыхъ съ Датскимъ дворомъ у насъ продолжаются еще переговоры, и если съ этимъ дворомъ мы не уладимся, что обнаружится скоро, то и остальнымъ войскамъ также велимъ выйти изъ Мекленбурга. Но все это ты имъ говори отъ себя, а не по указу. Можешь объ-

явить по указу только то, что мы очень рады открытію злаго заговора короля Шведскаго, съ чѣмъ королевское величество поздравляемъ, поступокъ его съ Шведскимъ министромъ одобряемъ, и что теперь непріятельская злоба короля Шведскаго явна всему свѣту.» Какъ былъ радъ Петръ этому случаю, видно изъ письма его къ адмиралу Апраксину: «Нынѣ не правдаль моя, что всегда я за здоровье сего начинателя пилъ? ибо сего никакою цѣною не купишь, что самъ сдѣлалъ.»

Но Петръ радовался понапрасну. Бернсторфъ, какъ доносилъ Веселовскій, далъ ему знать конфиденціально, что хотя при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, нужно было бы войти въ соглашенія съ сѣверными союзниками, однако пока Русскія войска не выйдутъ изъ имперіи, Англійскій король ничего не постановитъ съ сѣверными союзниками; впрочемъ король очень склоненъ содержать крѣпкую дружбу съ царемъ, а что дѣла Мекленбургскія служатъ препятствіемъ къ соглашенію, на то нельзя сердиться, ибо эти дѣла касаются интереса и обязанностей королевскихъ.

Скоро Веселовскій далъ знать, что, кромѣ Мекленбургскихъ дѣлъ, явилось новое препятствіе къ соглашенію: въ найденныхъ письмахъ у Гилленборга упоминается о Русскомъ дворѣ, именно о царскомъ медикѣ Арескинѣ, приверженцѣ Стюартовъ. Весселовскій просилъ наставленія, какъ ему дѣйствовать, чтобъ уничтожить всякое подозрѣніе, хотя никто изъ министровъ еще не высказывалъ ему этого подозрѣнія. Подозрѣніе было возбуждено слѣдующими строками въ письмѣ Гёрца къ барону Шпарре изъ Гаги отъ 11 ноября 1716 года. «Для примиренія съ царемъ дѣйствовать посредствомъ Франціи намъ неудобно, потому что Франція ласкается къ Англіи и не захочетъ ничего сдѣлать безъ согласія съ послѣднею. Другіе каналы также неудобны по медленности. Думаю, что можно поддерживать доброе расположеніе царя посредствомъ довѣреннаго медика, если это расположеніе дѣйствительно таково, какъ объ немъ дано знать. Въ случаѣ, если царь пріѣдетъ сюда и будетъ возможность переговорить съ конфидентомъ, то мы далеко поведемъ дѣла, опять въ предположеніи, какъ я сказалъ, что все написанное конфидентомъ, основательно.»—Болѣе подробное содержаніе сообщеній *конфидента* находится въ письмѣ Густава Гилленборга къ графу Гилленборгу изъ Гаги отъ 17 ноября 1716: «У милорда Мара есть род-

ственникъ, по имени Ерскинъ, который служитъ медикомъ и тайнымъ совѣтникомъ у царя. Этотъ конфидентъ пишетъ къ Мару, что царь не предприметъ ничего болѣе противъ короля Шведскаго, что онъ поссорился съ своими союзниками, что онъ не можетъ никогда сблизиться съ королемъ Георгомъ, котораго смертельно ненавидитъ, что онъ убѣжденъ въ правахъ претендента, что онъ больше всего желаетъ имѣть случай возстановить его на англійскомъ престолѣ; что царь, будучи побѣдителемъ, не можетъ первый сдѣлать предложенія королю Шведскому, но если Карлъ XII согласится сдѣлать хотя малѣйшій шагъ, то немедленно все будетъ улажено между ними.»

Получивъ эти извѣстія, Петръ 5 марта послалъ указъ Веселовскому подать Англійскому двору чрезъ государственнаго секретаря оправдательный меморіалъ, и, если можно, напечатать его на французскомъ и англійскомъ языкахъ «для показанія всему свѣту.» Если напечатать не позволятъ, то рукописные списки раздать министрамъ и вліятельнымъ членамъ парламента, «особливо дабы то въ народѣ было явно;» выпросить конференцію у министровъ Англійскихъ и Ганноверскихъ, и засвидѣтельствовать передъ ними отъ имени своего государя, что онъ относительно короля Англійскаго никогда не имѣлъ и не имѣетъ противнаго намѣренія, всегда искалъ его дружбы и добраго согласія; и хотя со стороны королевской много показано недоброжелательствъ въ Копенгагенѣ во время приготовленій къ высадкѣ въ Шонію, да и теперь, благодаря министрамъ короля Георга, Датскій дворъ не вступаетъ ни въ какое соглашеніе съ Россіею; хотя и при прочихъ дворахъ, цесарскомъ, прусскомъ и на сеймѣ регенсбургскомъ министры короля Георга старались привести Русскаго государя у всѣхъ въ ненависть и поднимали всю имперію, чтобъ выбить Русскія войска, однако царь не имѣлъ противъ короля Георга никакого противнаго намѣренія, и въ доказательство отправилъ тайнаго совѣтника Толстаго, для переговоровъ о дѣйствіяхъ въ будущую кампанію; но Толстой былъ встрѣченъ такъ холодно съ Англійской стороны, что переговоры порвались безъ всякой причины. При проѣздѣ короля Георга чрезъ Голландію тотъ же Толстой и князь Куракинъ отправлены были къ нему съ нужными предложеніями, но не были допущены на аудіенцію; самъ царь хотѣлъ имѣть личное свиданіе съ королемъ, но тотъ не согла-

сился. Не смотря на все это царю и въ мысли не приходило помогать претенденту, и все находящееся въ письмахъ Шведскихъ министровъ о Россіи—безсовѣстная ложь, и нималѣйшаго ни отъ кого предложенія не было сдѣлано Русскому двору. Правда, что когда были порваны переговоры съ королемъ Георгомъ, со стороны претендента къ царю была подсылка объ отдѣльномъ мирѣ между Россіею и Швеціею: однако царское величество и слышать объ этомъ не хотѣлъ и людей, пріѣхавшихъ съ предложеніемъ отъ претендента, къ себѣ не допускалъ; о заговорѣ же въ пользу претендента и о намѣреніи Шведскаго короля напасть на Англію не было ничего сообщено.—Въ оправдательномъ меморіалѣ было сказано, что медикъ Арескинъ уже тринадцать лѣтъ находится въ службѣ царской и всегда велъ себя такъ, что нельзя повѣрить, чтобъ онъ до такой степени забылся и вступилъ въ непристойную переписку безъ всякаго указа; притомъ онъ только лѣчитъ и ни къ какимъ совѣтамъ и государственнымъ дѣламъ не употребляется. Царское величество, узнавъ, что нѣкоторые изъ родственниковъ его находятся въ возмущеніи противъ короля Георга, тотчасъ же запретилъ ему имѣть съ ними переписку даже и о частныхъ своихъ дѣлахъ. И теперь, узнавши о перепискѣ Шведскихъ министровъ, Арескинъ объявилъ подъ присягою, что никогда подобныхъ писемъ ни къ лорду Мару, ни къ кому другому не писалъ, и подвергаетъ себя жесточайшему наказанію, если гдѣ нибудь такое письмо его явится. Да и согласно-ли съ интересомъ царскаго величества благопріятствовать тому, чтобъ претендентъ получилъ англійскій престолъ съ помощію короля Шведскаго, которому навсегда останется благодаренъ ко вреду Россіи. Арескинъ, съ своей стороны, также переслалъ Англійскому правительству оправдательную записку.

На объясненія Веселовскаго государственный секретарь отвѣчалъ увѣреніями въ дружественномъ расположеніи своего короля къ царскому величеству; увѣрялъ, что лживыя внушенія Шведскихъ министровъ не произвели никакого впечатлѣнія ни на короля, ни на тайный совѣтъ его, и никакого подозрѣнія на Русское правительство нѣтъ: доказательствомъ служитъ то, что Веселовскому не сдѣлано никакого особеннаго противъ другихъ министровъ сообщенія. Что касается доктора Арескина, то для обвиненія его нѣтъ до сихъ поръ никакого прямаго доказательства;

надобно думать, что Шведскіе министры чрезъ графа Мара старались втянуть его въ свое предпріятіе, и этимъ накинули на него тѣнь подозрѣнія, хотя, быть можетъ, онъ и совершенно невиненъ; если же что, противъ всякаго чаянія, откроется, чѣмъ можно будетъ его уличить, то царскому величеству будетъ донесено приличнымъ образомъ. Въ публикованіи Шведской переписки у Англійскаго правительства не было другаго намѣренія, какъ обнаружить злые умыслы Шведовъ, и не думаетъ оно, чтобъ этою публикаціею могло кому-нибудь досадить, потому что Шведскія разглашенія являются неосновательны и лживы. Король очень чувствителенъ къ продолженію добрыхъ намѣреній царскаго величества и постарается показать взаимные опыты своей дружбы. Окончилъ свои объясненія государственный секретарь обычнымъ припѣвомъ, что когда Русскія войска будутъ выведены изъ Мекленбурга, то безъ сомнѣнія Англія и Россія придутъ въ прежнее доброе согласіе. Тотъ же припѣвъ находился и въ письменномъ отвѣтѣ на меморіалъ Веселовскаго. Здѣсь, между прочимъ, король оправдывался, почему не имѣлъ свиданія съ царемъ, и не выслушалъ Толстаго и Куракина: «Королю было бы великое удовольствіе имѣть свиданіе съ царемъ при проѣздѣ его въ Голландію, но болѣзнь царскаго величества до этого не допустила. Его королевское величество съ охотою увидалъ бы и выслушалъ господъ Куракина и Толстаго, еслибъ они пріѣхали не въ ту минуту, когда его величество на яхту садился и не могъ отложить отъѣзда, чтобъ не пропустить убылой воды.»

Отъ Ганноверскихъ министровъ на всѣ предложенія Веселовскаго на счетъ общихъ дѣйствій противъ Швеціи былъ также одинъ отвѣтъ: нельзя вступать ни въ какія соглашенія до вывода Русскихъ войскъ изъ Мекленбурга. Петръ, видя, что съ этой стороны нельзя успѣть ни въ чемъ, рѣшился испытать удачи со стороны Франціи, и 24 марта отправился туда изъ Голландіи[33].

Мы видѣли, что до Петра и при Петрѣ попытки сближенія между Россіею и Франціею постоянно оканчивались не удачно, и Петру приписывалось особенное личное нерасположеніе къ Франціи. Мы оставимъ въ сторонѣ это личное несочувствіе Петра къ Франціи, потому что если оно и существовало, то не было сильно, не имѣло вліянія на политическія соображенія: когда считалось нужнымъ, Петръ никогда не отказывался входить въ сно-

шенія съ Франціею. Сближенію двухъ державъ мѣшало не личное нерасположеніе царя, а совершенная разрозненность ихъ интересовъ, особенно съ того времени, когда «преславная викторія» обнаружила всю силу Россіи и ея новое значеніе въ Европейской семьѣ народовъ. Если мы взглянемъ на предшествовавшую политику Франціи, то легко поймемъ, почему она болѣе другихъ державъ должна была встревожиться появленіемъ на востокѣ Европы новаго могущественнаго государства. Когда по окончаніи внутренняго процесса собиранія Французской земли, Франція, пользуясь своими обширными средствами, начала стремиться къ первенству въ Европѣ, то въ этомъ стремленіи встрѣтила сильное сопротивленіе отъ Габсбургскаго дома; отсюда ожесточенная борьба между нею и Габсбургами, отсюда господствующее направленіе Французской политики къ тому, чтобы всѣми средствами вредить послѣднимъ, отсюда союзъ ея съ Турціею. Въ войну за наслѣдство Испанскаго престола Австрія отомстила Франціи за Тридцатилѣтнюю войну; обнаружилось, что съ Австріею нужно еще вести долгіе счеты: тѣмъ важнѣе становилось для Франціи сохранить старыхъ союзниковъ своихъ, естественныхъ враговъ Австріи, сохранить союзъ съ Турціею, поддержать это государство, сильно упавшее въ концѣ XVII вѣка. Въ это самое время является на сцену сильная Россія; понятно, что Франція отнесется къ ней сообразно съ своими интересами, что для нея первымъ вопросомъ здѣсь будетъ: въ какихъ отношеніяхъ должно быть новое государство къ Австріи и Турціи? Враждебность Россіи къ послѣдней была очевидна; но при этой враждебности къ Турціи Россія должна быть естественною союзницею Австріи, которая также враждебна Турціи; ясно слѣдовательно, что новое государство должно идти на перекоръ Французскимъ интересамъ: ненавистная Австрія пріобрѣтаетъ въ немъ могущественнаго союзника, дружественная Турція страшнаго врага. Но этого мало. Во время тридцатилѣтней войны Франція отыскала удобное орудіе для нанесенія тяжелыхъ ударовъ Габсбургамъ: то была Швеція. Съ помощію Франціи Швеція получила важное значеніе, утвердилась на Германской почвѣ; и Швеція исправно платила свой долгъ: въ ней Франція имѣла вѣрную союзницу противъ Австріи и Германіи, посредствомъ ихъ распространяла свое вліяніе и на восточную Европу. Но теперь является новое государство, которое схватывается

съ Швеціею, наноситъ ей страшные удары, отнимаетъ у нея значеніе первенствующей державы на сѣверо-востокѣ Европы и беретъ это значеніе себѣ. Можно было бы помириться еще съ этимъ явленіемъ, еслибы Россія могла перенять на себя роль Швеціи въ отношеніи къ Франціи; но она сильнѣе, самостоятельнѣе Швеціи, она враждебна Турціи и потому естественная союзница Австріи. Россія сильна, а подлѣ нея все слабыя государства—Турція, Швеція, Польша. Польша по своей конституціи, въ слѣдствіе избирательности королей, находилась всегда подъ чужимъ вліяніемъ; Франція никогда не отказывалась отъ вліянія въ Польшѣ, столь важнаго подъ бокомъ у Австріи: однажды Французскій принцъ уже былъ на Польскомъ престолѣ; не удалось въ другой разъ, удастся въ третій и четвертый. Но теперь подлѣ слабой Польши могущественная Россія, которая не преминетъ утвердить свое вліяніе въ Польшѣ, царь уже распоряжается въ ней какъ у себя дома, но Русское вліяніе въ Польшѣ, разумѣется, будетъ противодѣйствовать вліянію Французскому по отношеніямъ къ Австріи и Турціи.

Въ слѣдствіе этихъ соображеній Франція, какъ мы видѣли, употребляла дипломатическія усилія (другихъ употребить не могла), чтобъ остановить успѣхи преобразованной Россіи, дать оправиться Швеціи посредствомъ Турокъ и уничтожить Русское вліяніе въ Польшѣ. Не успѣвши заставить султана возобновить войну съ Россіею, Франція обратилась въ Берлинъ, повела интригу здѣсь, чтобъ заставить Пруссію заступиться за Швецію; но мы видѣли что и здѣсь не было успѣха.

Неуспѣхъ долженъ былъ повести къ мысли: если нельзя поднять Швецію, если нельзя сломить Россію, то нельзя ли попытаться замѣнить союзъ съ слабою Швеціею союзомъ съ сильною Россіею? Россія была не прочь: лѣтомъ 1711 года, когда на Прутѣ такъ печально для Петра рѣшалось дѣло, затѣянное Франціею въ Константинополѣ, секреторы Григорій Волковъ въ Фонтенебло велъ переговоры съ министрами Людовика XIV о союзѣ между Россіею и Франціею и о посредничествѣ Людовика въ примиреніи царя съ Швеціею и Турціею. Французскіе министры предложили слѣдующія условія: 1) чтобъ царь помогъ Венграмъ противъ Австріи; 2) чтобъ принца Австрійскаго дома не допустилъ до короны императорской, а помогъ получить эту корону коро-

лю Польскому; 3) чтобъ войска Датскія и Саксонскія были отозваны изъ службы державъ враждебныхъ Франціи. При такихъ условіяхъ король обѣщался послать желаемые царемъ указы въ Царьградъ. Донося объ этихъ «высокихъ и невозможности касающихся предложеній,» Волковъ писалъ: «Явно, что здѣшній дворъ не пересталъ искать Шведскаго интереса, и какъ ни скрытенъ министръ иностранныхъ дѣлъ Торси, однако въ разговорѣ съ нимъ о Шведѣ, въ лицѣ его и словахъ легко уловитъ нѣкоторую внутреннюю къ нему склонность. Одинъ мой пріятель, человѣкъ очень свѣдущій въ дѣлахъ говорилъ мнѣ, что Торси несправедливо съ нашимъ дворомъ поступаетъ и хочетъ его только провесть, а народъ здѣшній весь враждебенъ Россіи, и которыя добрыя вѣдомости о насъ бываютъ, тѣхъ и слушать не хотятъ, и въ печать они не допускаются, почему выгодно было бы *курантельщика* (редактора газеты) чѣмъ-нибудь приласкать, чтобъ принималъ и печаталъ добрыя о насъ вѣдомости.» Прутскій миръ прервалъ переговоры Волкова и показалъ всю вѣрность его донесеній о враждѣ Франціи къ Россіи, враждѣ, которая не переставала высказываться во все остальное время царствованія Людовика XIV. Но послѣ его смерти отношенія перемѣнились.

На Французскомъ престолѣ сидѣлъ ребенокъ, Людовикъ XV; регентъ, герцогъ Филиппъ Орлеанскій, чувствуя слабость Франціи и желая обезпечить свое положеніе, искалъ союза сильныхъ, не заботясь о поддержаніи слабыхъ. Изъ Берлина пошли къ Петру внушенія, что при настоящихъ обстоятельствахъ, при ослабленіи сѣвернаго союза, было бы выгодно сблизиться съ Франціею, которая сама желаетъ этого сближенія. Въ началѣ декабря 1716 года Петръ получилъ въ Амстердамѣ отъ графа Александра Головкина слѣдующее донесеніе: «Сказывалъ Ильгенъ, что спрашивалъ его Французскій министръ графъ Ротембургъ, какую склонность имѣетъ ваше царское величество къ Франціи, и потомъ онъ Ротембургъ засвидѣтельствовалъ, что *дукъ* д'Орлеанъ охотно желаетъ съ вашимъ царскимъ величествомъ въ доброй дружбѣ пребыть, на что онъ Ильгенъ ему сказалъ, что ваше царское величество не несклоненъ къ тому, и Ротембургъ уже писалъ объ этомъ къ своему двору и думаетъ вскорѣ получить отвѣтъ. Потомъ Ильгенъ разсуждалъ, что не малая польза можетъ произойти всему сѣверному союзу, если Франція въ доброе согласіе съ

сѣверными союзниками вступитъ и не будетъ помогать общему непріятелю деньгами и другими способами, къ чему, по его Ильгенову мнѣнію, можно Францію склонить.» 14 декабря получено новое донесеніе: Французскій посланникъ объявилъ Прусскому королю, что Франція охотно желаетъ вступить въ доброе согласіе съ Россіею и Пруссіею, причемъ герцогъ Орлеанскій не будетъ дѣлать никакихъ предложеній о сѣверномъ мирѣ, и въ другихъ случаяхъ не будетъ искать пользы Швеціи, не будетъ ничѣмъ помогать ей, оставитъ ее совсѣмъ. Ильгенъ упомянулъ Ротембургу, не нужно ли пригласить къ союзу и короля Польскаго? «По моему не нужно, отвѣчалъ Ротембургъ, потому что знаю непостоянство Саксонскаго двора.» Ильгенъ внушалъ Головкину, что если бъ даже и не дошло до настоящаго союза между Россіею, Пруссіею и Франціею, то уже одни переговоры объ немъ будутъ полезны: Императоръ, узнавши объ нихъ, встревожится и станетъ пріязненнѣе поступать съ сѣверными союзниками. Петръ, получивши эти донесенія, поручилъ Головкину разузнать, чего потребуетъ Франція отъ Россіи, на какихъ условіяхъ хочетъ вступить съ нею въ соглашеніе? Ротембургъ отвѣчалъ, что Франція желаетъ отъ Россіи и Пруссіи гарантіи послѣднихъ договоровъ ея съ Англіею и Австріею—Утрехтскаго и Баденскаго, желаетъ также оборонительнаго союза съ Россіею и Пруссіею, и при этомъ замѣтилъ, что было бы желательно, если бъ знатная часть Русскаго войска оставалась въ имперіи на всякій случай. Ротембургъ наивно объяснялъ побужденія своего двора: Франція, говорилъ онъ, всегда старалась склонять Шведскаго короля къ миру, но до сихъ поръ никакого успѣха въ томъ не имѣетъ; поэтому, видя упрямство короля Шведскаго, безсиліе Швеціи и въ дѣлахъ ея непорядки, Франція хочетъ, вмѣсто нея, получить помощь отъ Россіи и Пруссіи, по этому и хочетъ, чтобъ царь утвердился въ имперіи, а за Швеціею пусть и ничего здѣсь не остается.

Петръ велѣлъ Головкину объявить королю, что онъ, царь, готовъ вступить въ соглашенія съ Франціею, сообща съ Пруссіею; но надобно, чтобъ Франція прямо объявила что она въ пользу новыхъ своихъ союзниковъ сдѣлать намѣрена и обо всемъ представила бы формальное предложеніе, также, чтобъ опредѣлено было мѣсто, гдѣ, и министръ, чрезъ котораго будутъ происходить переговоры. Головкинъ, по царскому указу, предлагалъ Голлан-

дію, какъ самое удобное мѣсто для переговоровъ, на что соглашался и Прусскій король. Но, будучи готовъ войдти въ соглашенія съ Франціею, чтобъ отнять у Шведовъ ихъ постоянную союзницу, Петръ не хотѣлъ служить Франціи орудіемъ для достиженія ея цѣлей, не хотѣлъ, чтобъ она вовлекла его во вражду съ императоромъ, и потому Головкинъ объявилъ Фридриху-Вильгельму; если дойдетъ до заключенія союза съ Франціею, то не постановлять ничего противнаго цесарю, дабы свободныя руки имѣть, потомъ заключить союзъ и съ цесаремъ, если интересы Россіи и Пруссіи того потребуютъ. Головкинъ объявилъ также, что царь находитъ невозможнымъ для себя утвердиться въ Германіи и держать въ ней постоянно Русское войско, какъ Франція этого желаетъ. Король отвѣчалъ, что онъ одного мнѣнія съ царскимъ величествомъ, и если соглашеніе съ Франціею состоится и будетъ надобность, то всегда можно Русскія войска ввести въ имперію: Пруссія всегда позволитъ имъ свободный проходъ, и Поляки воспрепятствовать ему ни въ состояніи.

До Берлинскаго двора дошли слухи, что въ Голландіи Герцъ дѣлалъ предложеніе царю или его министрамъ объ отдѣльномъ мирѣ съ Швеціею. Петръ поручилъ Головкину объявить Прусскому королю, что во время пребыванія его въ Голландіи Герца тамъ не было; не было и такихъ предложеній ни отъ него, ни отъ кого-либо другаго ни самому царю, ни министрамъ его. Король отвѣчалъ, что онъ самъ получилъ извѣстіе о давнемъ пребываніи Герца во Франціи, и, будучи обнадеженъ дружбою царскаго величества, всѣ эти слухи считаетъ неимовѣрными. Ильгенъ сообщилъ Головкину по секрету извѣстія, полученныя отъ Ротембурга, что Герцъ, находясь въ Парижѣ, старается всѣми способами отдалить царя отъ другихъ сѣверныхъ союзниковъ, и особенно отъ короля Прусскаго. Въ дальнѣйшихъ разговорахъ съ Головкинымъ Ильгенъ началъ внушать, что на королей Англійскаго, Датскаго и Польскаго мало надежды, ясно видно, что сѣверные союзники другъ съ другомъ расходятся, только царь съ королемъ Прусскимъ находятся въ твердой дружбѣ: поэтому надобно имъ еще тѣснѣе соединиться и принять мѣры для упрежденія всѣхъ противныхъ замысловъ, составить сообща планъ о мирныхъ условіяхъ и стараться о заключеніи отдѣльнаго мира съ Швеціею. Ильгенъ прямо признался, что до вступленія своего

короля въ войну, онъ отводилъ его отъ нея; но теперь, когда въ войну уже вступили, то онъ находитъ главный интересъ своего короля въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею, и желаетъ, чтобъ царскіе войска оставались въ Мекленбургѣ и чтобъ даже число ихъ увеличилось вдвое: «Мы почти со всѣми перессорились, полагая всю надежду на царское величество, говорилъ Ильгенъ; и если царское величество насъ оставитъ, то мы будемъ въ большой опасности[34].»

Если Французскій дворъ требовалъ отъ Русскаго гарантіи договоровъ Утрехтскаго и Баденскаго, то Петръ первымъ условіемъ союза своего съ Франціею поставилъ гарантію со стороны ея всѣхъ своихъ завоеваній, сдѣланныхъ въ сѣверную войну. Франція не хотѣла принять этого условія, тѣмъ болѣе, что она уже сблизилась съ Англіею, король которой былъ въ явной враждѣ съ русскимъ царемъ. Таковы были отношенія Россіи къ Франціи, когда Петръ рѣшился самъ ѣхать въ Парижъ. Если мы примемъ въ соображеніе сильное желаніе Петра прекратить какъ можно скорѣе войну, то мы поймемъ причины, заставившія его ѣхать въ Парижъ: надобно было испробовать это послѣднее средство. Какъ сильно желалъ онъ мира, видно изъ письма его къ фельдмаршалу Шереметеву: «Понеже десантъ (въ Шонію) отъ васъ и нѣкоторыхъ генераловъ удержанъ и оставленъ, отъ чего какія худыя слѣдствія нынѣ происходятъ! Аглинскій тотъ (король) не думаетъ, а Датчане ничего безъ него не смѣютъ; и тако со стыдомъ домой пойдемъ. Къ тому жъ, что ежелибъ десантъ былъ, уже бы миръ былъ; а нынѣ какъ ты, такъ и прочіе генералы (кои отговаривали десантъ) дайте совѣтъ, какимъ образомъ сію войну къ концу приводить, только бы въ тѣхъ письмахъ отнюдь не было *какъ изволишь*, и собравъ, пришли ко мнѣ.» — У Петра могло быть и другое побужденіе ѣхать самому во Францію: агентъ царскій во Франціи Кононъ Зотовъ, отъ 17 декабря 1716 года, писалъ Петру: «Бонмазари говорилъ съ Дэтре о женитьбѣ (вторичной) царевича Алексѣя на Европской принцессѣ, и искусно спросилъ, не угодно ли будетъ двору Французскому царевича жинить на принцессѣ Французской, именно на дочери дюка д'Орлеанса? на что маршалъ отвѣчалъ, что весьма радъ слышать такую добрую мысль, и сказалъ, что царскому величеству ни въ чемъ здѣсь не откажутъ. Марешаль объявилъ обо всемъ дюку,

который сказалъ: „я дебы радъ былъ, чтобы сіе сегодня учинилося[35].» Эти увѣренія, что здѣсь ни въ чемъ не откажутъ, могли внушить Петру мысль, которую онъ не покидалъ до конца жизни, мысль о бракѣ своей дочери Елисаветы съ Французскимъ королемъ Людовикомъ XV.

Узнавъ о въѣздѣ Петра во французскія границы, регентъ отправилъ къ нему на встрѣчу маршала Тессе, который и привезъ его въ Парижъ 26 апрѣля, въ 9 часовъ вечера. Для него были приготовлены комнаты королевы въ Луврѣ; но это помѣщеніе ему не понравилось по великолѣпію, и онъ потребовалъ, чтобъ ему отвели квартиру въ домѣ какого-нибудь частнаго человѣка; ему отвели отель де-Ледигьеръ подлѣ арсенала. Но и здѣсь мебель показалась ему слишкомъ великолѣпною; онъ велѣлъ вынуть изъ фургона свою походную постель и послать ее въ гардеробѣ. Французы-современники такъ описываютъ Петра: онъ былъ высокаго роста, очень хорошо сложенъ, худощавъ, смуглъ, глаза у него большіе и живые, взглядъ проницательный и иногда дикій, особенно когда на лицѣ показывались конвульсивныя движенія. Когда онъ хотѣлъ сдѣлать кому-нибудь хорошій пріемъ, то физіономія его прояснялась и становилась пріятною, хотя всегда сохраняла немного сарматскаго величія. Его неправильныя и порывистыя движенія обнаруживали стремительность характера и силу страстей. Никакія свѣтскія приличія не останавливали дѣятельность его духа; видъ величія и смѣлости возвѣщалъ государя, который чувствуетъ себя хозяиномъ повсюду. Иногда, наскучивъ толпою посѣтителей, онъ удалялъ ихъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ, или просто выходилъ, чтобъ отправиться куда влекло его любопытство. Если при этомъ экипажи его не были готовы, то онъ садился въ первую попавшуюся карету, даже наемную; однажды онъ сѣлъ въ карету жены маршала Матиньонъ, которая пріѣхала къ нему съ визитомъ, и приказалъ везти себя въ Булонь; маршалъ Тессе и гвардія, приставленная всюду сопровождать его, бѣгали тогда за нимъ какъ могли. Петръ поражалъ Французовъ и простотою своей одежды: онъ носилъ простое суконное платье, широкій поясъ, на которомъ висѣла сабля, круглый парикъ безъ пудры, не спускавшійся далѣе шеи, рубашку безъ манжетъ. Онъ обѣдалъ въ одиннадцать часовъ, ужиналъ въ восемь[36].

На другой день послѣ пріѣзда, 27 апрѣля, регентъ пріѣхалъ съ визитомъ къ царю. Петръ вышелъ изъ кабинета, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу герцогу и поцѣловался съ нимъ; потомъ, указавши рукою дверь кабинета, обернулся и вошелъ первый, за нимъ регентъ и князь Куракинъ, служившій переводчикомъ. Въ кабинетѣ хозяинъ и гость сѣли въ креслахъ. Куракинъ остался на ногахъ. Послѣ получасоваго разговора Петръ всталъ и, вышедши изъ кабинета, остановился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ принялъ регента; тотъ сдѣлалъ ему низкій поклонъ, на который царь отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы.

Не смотря на жгучее любопытство все поскорѣе осмотрѣть въ знаменитомъ городѣ, Петръ нѣсколько дней не выходилъ изъ дому, дожидаясь визита королевскаго: «Объявляю вамъ, писалъ онъ Екатеринѣ 28 апрѣля, что два или три дня принужденъ въ домѣ быть для визитъ и прочей церемоніи, и для того еще ничего не видалъ здѣсь; а съ завтрее или послѣ завтрее начну все смотрѣть. А сколько дорогою видѣли, бѣдность въ людяхъ подлыхъ великая [37].»

На другой день послѣ этого письма, маленькій король сдѣлалъ визитъ гостю. Царь встрѣтилъ его у кареты; дядька королевскій герцогъ Вилльруа сказалъ Петру привѣтствіе вмѣсто своего малолѣтнаго воспитанника, послѣ чего оба государя вошли рядомъ въ домъ, король по правую руку. Посидѣвши съ четверть часа, царь всталъ, взялъ короля на руки и поцѣловалъ нѣсколько разъ, глядя на него съ необыкновенною нѣжностью, послѣ чего оба государя вышли съ прежнею церемоніей. Объ этомъ королевскомъ визитѣ Петръ такъ увѣдомилъ жену: «Объявляю вамъ, что въ прошлый понедѣльникъ визитовалъ меня здѣшній каралища, который пальца на два болѣе Луки нашего (карле), дитя зѣло изрядная образомъ и станомъ, и по возрасту своему довольно разуменъ, которому седмь лѣтъ [38].» На другой день царь отдалъ визитъ королю: увидѣвши, что маленькій Людовикъ спѣшитъ къ нему на встрѣчу къ каретѣ, Петръ выскочилъ изъ нея, побѣжалъ къ королю на встрѣчу, взялъ на руки и внесъ по лѣстницѣ въ залу. Церемонія была такая же, какъ и наканунѣ, съ тѣмъ различіемъ, что теперь король уступалъ правую руку царю.

Дождавшись королевскаго визита, Петръ сей часъ же пошелъ осматривать Парижъ, заходилъ въ лавки, къ ремесленникамъ, вы-

спрашивая ихъ чрезъ князя Куракина о подробностяхъ ихъ работы, при чемъ обнаруживалъ обширныя познанія. Вещи только красивыя служившія къ удовольствію, мало его занимали; но все, что имѣло цѣлію пользу, что относилось къ мореплаванію, торговлѣ, къ искусствамъ необходимымъ, возбуждало его любопытство, и здѣсь онъ приводилъ въ изумленіе вѣрностію, проницательностію взгляда, обнаруживалъ такую же быстроту въ изученіи, какъ и жадность въ пріобрѣтеніи познаній. Онъ только мимоходомъ взглянулъ на королевскіе брилліанты; но долго разсматривалъ Гобелиновы произведенія, долго оставался въ зоологическомъ саду (Iardin des plantes), въ механическихъ кабинетахъ. Въ оперѣ онъ просидѣлъ только до четвертаго акта; но въ тотъ же день цѣлое утро провелъ въ галлереѣ плановъ. Очень понравилось ему въ Инвалидномъ домѣ, гдѣ онъ осмотрѣлъ все до мельчайшихъ подробностей; въ столовой спросилъ солдатскую рюмку вина и выпилъ за здоровье инвалидовъ, называя ихъ товарищами. Осмотрѣвъ загородные дворцы, Петръ отправился въ С. Сиръ, чтобъ осмотрѣть знаменитую женскую школу, заведенную Ментеномъ: царь посѣтилъ всѣ классы, заставилъ объяснить себѣ всѣ упражненія пансіонерокъ, и потомъ навѣстилъ больную Ментенонъ. Сорбонскіе ученые предложили Петру соединеніе церквей: онъ передалъ это дѣло на обсужденіе Русскаго духовенства.

9 іюня царь выѣхалъ изъ Парижа въ Спа для пользованія тамошними водами, которыя употреблялъ до 14 іюля, когда выѣхалъ изъ Спа въ Амстердамъ. Здѣсь 4 августа канцлеръ Головкинъ, Шафировъ и Куракинъ съ русской стороны, французскій посолъ въ Голландіи Шатонёфъ со стороны Людовика XV, и баронъ Книпенгаузенъ со стороны Прусскаго короля заключили договоръ: Русскій царь и короли Французскій и Прусскій обязались поддерживать миръ, возстановленный трактатами Утрехтскимъ и Баденскимъ, также охранять договоры, которые имѣютъ прекратить сѣверную войну. Для утвержденія союза между тремя державами подданные ихъ пользуются взаимно всѣми выгодами, какія имѣютъ націи, наиболѣе покровительствуемыя. Договаривающіеся государи предоставляютъ себѣ взаимное право сохранить всѣ другіе свои договоры и союзы, не противные настоящему союзу; особенно король Французскій выговариваетъ себѣ союзъ,

заключенный имъ съ Англіею и Голландіей. Договаривающіеся государи гарантируютъ договоры Утрехтскій и Баденскій, равно какъ тѣ, которые прекратятъ сѣверную войну; если одинъ изъ союзниковъ подвергнется нападенію, то другіе обязаны сначала мирными средствами вытребовать ему удовлетвореніе отъ обидчика; но если эти средства не помогутъ, то, по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, союзники должны помогать войсками или деньгами. Царь Всероссійскій и король Прусскій обязуются принять медіацію короля Французскаго для прекращенія сѣверной войны, при чемъ Французскій король не долженъ употреблять никакого понужденія ни противъ которой стороны; король Французскій обязуется также, по истеченіи срока договору, существующему между его государствомъ и Швеціею (срокъ кончится въ будущемъ апрѣлѣ), не вступать ни въ какое новое обязательство съ Швеціею [39].

Въ тоже время Куракинъ велъ переговоры о мирѣ съ Швеціею. По пріѣздѣ своемъ изъ Спа въ Гагу, 19 іюля, онъ переслался съ извѣстнымъ приверженцемъ Карла XII, генераломъ Понятовскимъ, и на другой день, 20 числа, имѣлъ съ нимъ конференцію. Куракинъ началъ разговоръ тѣмъ, что во время пребыванія въ Спа онъ, Понятовскій, объявилъ ему о присланномъ отъ Шведскаго короля полномочіи секретарю шведскаго посольства Прессу, находящемуся въ Гагѣ; Прессу велѣно вступить въ переговоры съ министрами царскаго величества; для начатія этого дѣла, по соглашенію съ нимъ, Понятовскимъ, онъ, Куракинъ, пріѣхалъ въ Гагу и теперь хочетъ знать, дѣйствительно ли Прессъ имѣетъ полномочіе? Понятовскій отвѣчалъ, что Прессъ дѣйствительно получилъ полномочіе и инструкцію, только въ общихъ выраженіяхъ; по этой инструкціи онъ не можетъ привести къ концу такого великаго дѣла; при томъ въ указѣ ему отъ короля сказано, что онъ будетъ подробно увѣдомленъ о всѣхъ королевскихъ намѣреніяхъ чрезъ указы, данные генералу Рангу, но Рангъ задержанъ въ Англіи. Такъ какъ Герцъ теперь отъѣзжаетъ къ королю въ Швецію, то лучше всего объявить ему объ условіяхъ царскаго величества для передачи ихъ Карлу XII. Куракинъ замѣтилъ на это, что условія царскаго величества давно объявлены, и жаль, что Прессъ не можетъ окончить дѣло, которое затянется и драгоцѣнное время будетъ упущено.

27 іюля была другая конференція. Понятовскій объявилъ, что видѣлся съ Герцемъ, который предлагаетъ такой способъ переговоровъ: король Шведскій пошлетъ своихъ уполномоченныхъ въ Финляндію на съѣздъ съ царскими министрами, тамъ будутъ вести переговоры о мирѣ и покончатъ дѣло; что Карлъ XII сдѣлаетъ это безъ потери времени; въ тѣхъ краяхъ вести переговоры гораздо удобнѣе, потому что они будутъ содержаться въ секретѣ. Когда договоръ будетъ заключенъ, то король самъ пожелаетъ видѣться съ царскимъ величествомъ. Баронъ Герцъ проситъ царское величество явить къ нему милость, приказать выдать ему свой паспортъ, съ которымъ онъ намѣренъ отправиться въ Ригу, а оттуда переѣхать въ Швецію.

Третья конференція была 29 іюля въ Амстердамѣ. Съ Понятовскимъ пріѣхалъ къ Куракину Преесъ и показалъ свое полномочіе, написанное 30 апрѣля 1717 года; написано оно по всей формѣ, именно, чтобы переговаривать съ министрами царскаго величества. Куракинъ объявилъ имъ, что государь его согласенъ на предложеніе Герца отправить своихъ министровъ въ Финляндію, и желаетъ, чтобы съѣздъ былъ на островѣ Аландѣ и начался черезъ два или три мѣсяца; если въ это время съѣздъ не начнется, то царское величество останется при всѣхъ своихъ обязательствахъ съ союзниками и будетъ искать вмѣстѣ съ ними общей пользы. На другой день, 30 іюля Куракинъ отдалъ Понятовскому и паспортъ для Герца. 12 августа Куракинъ видѣлся съ самимъ Герцемъ въ Лоо, гдѣ подтвердили все то, что было условлено съ Понятовскимъ и Преесомъ. Герцъ спросилъ Куракина, какъ онъ думаетъ, нужно ли допускать французскаго посла, графа Деламарка вмѣшаться въ эти переговоры? Куракинъ отвѣчалъ, что воюющія державы обыкновенно дѣлаютъ предложенія чрезъ третью державу; но мы теперь, министры воюющихъ державъ, нашли способъ быть въ конференціи и безъ посредства третьей державы, согласились о съѣздѣ и о мѣстѣ переговоровъ; умѣли начать одни, одни и кончимъ, а зачѣмъ впутывать въ дѣло постороннюю державу? Особенно надобно быть осторожну относительно графа Деламарка: порученіе, ему данное довольно извѣстно; ему велѣно стараться о примиреніи короля Англійскаго, какъ курфирста Ганноверскаго, съ королемъ Шведскимъ. Герцъ согласился съ этимъ мнѣніемъ.

Такимъ образомъ Герцъ успѣлъ убѣдить Карла XII въ необходимости вступить въ переговоры съ царемъ, миръ съ которымъ предполагалъ большія пожертвованія со стороны Швеціи. Карлъ жилъ одною мыслію и не говорилъ ни о чемъ другомъ, какъ о войнѣ, о возможности отомстить своимъ врагамъ. Герцъ писалъ къ Голштинскому министру фонъ Дернату: «Если дѣло удалось, не безпокойтесь о средствахъ, употребленныхъ для успѣха; достаточно, если достигнута цѣль, которую назначилъ король. Онъ самъ очень равнодушенъ къ пути, какой ведетъ къ цѣли и обнаружилъ бы нетерпѣливость, еслибъ ему предложили много вопросовъ объ этомъ. Если дѣлаемое ему предложеніе ведетъ къ исполненію собственныхъ его желаній, то можно быть увѣрену въ его согласіи. Съ такимъ человѣкомъ можно обходиться только симпатическимъ образомъ. Сопротивляться ему безполезно. Надобно наружнымъ образомъ сообразоваться съ его взглядами, чтобы потомъ, мало по малу, склонить его къ своимъ.» Какъ же Герцъ приложилъ это правило къ вопросу о русскомъ мирѣ? Онъ писалъ Карлу: «Сила государя состоитъ не въ обширности его владѣній, а въ войскѣ. Слава государя заключается въ томъ, чтобы не щадить своей жизни на войнѣ, геройски идти противъ всякихъ опасностей; безсмертное имя оставитъ по себѣ тотъ государь, который въ широкихъ размѣрахъ измѣнитъ общія отношенія государствъ, подобно Карлу Великому, Карлу V, Густаву Адольфу и Людовику XIV. Этотъ послѣдній государь, послѣ блестящихъ успѣховъ, былъ одно время пораженъ такими несчастіями, что враги его надѣялись торжествовать окончательно. Не смотря на то, онъ снова поднялся и выполнилъ свое великое дѣло, оторвалъ Испанію отъ Австріи и такимъ образомъ измѣнилъ 300 лѣтъ существовавшія отношенія. Слава такихъ дѣяній продолжается пока свѣтъ стоитъ. Вашему величеству представляется случай увѣковѣчить свое имя преобразованіемъ отношеній между государствами сѣвера; но для этого прежде всего нужно войско.» — Чтобы дать это войско Карлу, Герцъ истощилъ вконецъ шведское населеніе, зная что король будетъ молчать, не тронется никакими жалобами, ибо равнодушенъ къ средствамъ для достиженія желаемой цѣли. При томъ Герцъ старался представлять королю положеніе Швеціи вовсе не въ такомъ печальномъ видѣ, какъ было на самомъ дѣлѣ: по его словамъ, королевство было

еще такъ сильно, что не имѣло надобности принимать предписанныя непріятелями условія, король еще можетъ разъ выступить съ достоинствомъ на всемірную сцену и стяжать неувядаемую славу возстановленіемъ короля Станислава на польскомъ престолѣ. Пока счастіе улыбалось Карлу, пока весь свѣтъ удивлялся ему и прославлялъ его, до тѣхъ поръ онъ презиралъ льстивыя внушенія отдѣльныхъ лицъ и гналъ отъ себя льстецовъ; но теперь, когда счастіе отвернулось отъ него и послышались громкія порицанія, лесть отдѣльныхъ лицъ принималась уже какъ желанное утѣшеніе. Представляя королю финансовое положеніе Швеціи вовсе не отчаяннымъ, скрывая, что долги возросли на 30 милліоновъ, Герцъ внушалъ, что Швеція не только поправится, но и процвѣтетъ, если заключенъ будетъ миръ съ Россіею или съ Англіею. Въ концѣ 1716 года, и потомъ 1717 Герцъ просилъ объ увольненіи; оба раза Карлъ уговаривалъ его остаться: Герцъ соглашался съ условіемъ, чтобы заключенъ былъ миръ съ однимъ изъ враговъ. Избранъ былъ Русскій царь, какъ опаснѣйшій по своимъ личнымъ и государственнымъ средствамъ; онъ могъ оказать помощь Швеціи противъ остальныхъ враговъ, тогда какъ на помощь послѣднихъ противъ Россіи разсчитывать было нельзя [40].

Петръ сильно желалъ вступить въ мирные переговоры съ Швеціею по своимъ отношеніямъ къ королямъ Саксонскому и Англійскому; отношенія къ Даніи могли только еще болѣе усиливать это желаніе.

По отъѣздѣ царя изъ Даніи, 20 октября Долгорукій былъ у короля съ «комплиментомъ отъ царскаго величества, благодарилъ, отъ имени царя, за удовольствія, испытанныя послѣднимъ въ бытность его въ Копенгагенѣ, увѣрялъ въ постоянной дружбѣ своего государя къ Даніи.» Король, съ своей стороны, очень жалѣлъ, что не могъ доставить царскому величеству бо́льшихъ удовольствій, обнадеживалъ въ продолженіи дружбы своей къ Россіи; спросилъ, какъ скоро царь увидится съ королемъ Англійскимъ, и сказалъ, что Датскіе министры, которые будутъ при этомъ свиданіи, получатъ инструкціи о соглашеніи на счетъ будущей кампаніи. Долгорукій сказалъ на это, что о свиданіи своего государя съ Англійскимъ королемъ не слыхалъ, знаетъ одно, что царь намѣренъ былъ послать къ Англійскому королю довѣренную осо-

бу, которой будетъ наказано вмѣстѣ съ Датскими министрами домогаться послѣдняго рѣшенія короля Георга относительно будущей кампаніи. На это король замѣтилъ, что обыкновенно министры не могутъ сдѣлать того, что сами государи при личномъ свиданіи; если царское величество обѣщаетъ Англійскому королю вывести свои войска изъ Мекленбургіи, то и онъ обѣщаетъ выслать свой флотъ въ Финляндію, въ чемъ и Бернсторфъ поможетъ. «Если Бернсторфъ, замѣтилъ Долгорукій, станетъ что-нибудь совѣтовать королю для частной своей пользы, то можетъ только испортить дѣло, ибо обыкновенно, гдѣ покажется какой-нибудь частный министерскій интересъ, то совѣты министровъ мало принимаются и за важныя не почитаются.» Долгорукій доносилъ Петру, что Ганноверскій министръ Ботмаръ просилъ у Датскаго короля войска на помощь королю Англійскому, чтобъ Датское войско, соединясь съ Ганноверскимъ, принудило Русскія войска выйти изъ Мекленбурга, но Датскій король отказался дѣйствовать враждебно противъ царя, въ которомъ продолжалъ видѣть союзника. Прусскій посланникъ сказывалъ Долгорукому, что и у его короля Англійскій король просилъ войска для изгнанія Русскихъ изъ Мекленбурга, но Прусскій король отказалъ ему въ этомъ, желая продолжать дружбу съ царемъ.

Въ Копенгагенѣ увѣряли въ продолженіи прежней дружбы и союза, а между тѣмъ обнаруживали сильную подозрительность. Для высадки въ Шонію на будущій годъ царь предлагалъ все свое войско, находившееся въ Мекленбургѣ; но король, министры его и генералы отговаривались всѣми силами отъ этого предложенія и требовали только двадцати батальоновъ. «Зачѣмъ, спрашивалъ Долгорукій, имѣя въ близости такое сильное войско, оставить бо́льшую его часть и съ малымъ отрядомъ пускаться на такое опасное предпріятіе, вступать во внутренность непріятельской земли, гдѣ врагъ готовъ къ оборонѣ со всѣми своими силами?» — «Шонія, отвѣчалъ генералъ Девицъ, не можетъ пропитать такого большаго войска; притомъ царская армія можетъ нанесть чувствительный вредъ непріятелю, если перевезетъ свою армію изъ Финляндіи на Шведскіе берега, для чего король Англійскій хочетъ прислать двадцать военныхъ кораблей, требуетъ только чтобъ Русскія войска были выведены изъ Мекленбурга.»— Король говорилъ тоже самое, и на всѣ представленія Долгорукаго твердилъ одно: «Иначе невозможно!»

Среди этихъ безплодныхъ переговоровъ окончился 1716 годъ. 1717 годъ начался тѣмъ же, т. е. сильными тревогами въ Копенгагенѣ вслѣдствіе интригъ Мекленбургской партіи. Со стороны Ганноверскаго и Саксонскаго дворовъ Петру сдѣланы были предложенія двинуть свои войска изъ Мекленбурга въ Готторпскія земли и въ передній Померанскій дистриктъ. Испуганный король Датскій обратился къ Петру съ представленіями по этому случаю; Петръ отвѣчалъ ему 8 генваря: «Предложенія объ этомъ мнѣ были дѣйствительно сдѣланы; но я сейчасъ же понялъ, что этимъ только старались произвести между мною и вашимъ величестомъ несогласіе и подать поводъ къ явному разрыву, и потому отвергъ эти предложенія, имѣя одно постоянное намѣреніе сохранять дружбу и союзъ съ вашимъ величествомъ, и избѣгать всѣхъ случаевъ, которые бы могли хотя въ чемъ-нибудь ихъ нарушить. Мое поведеніе въ отношеніи къ вамъ таково, что я никакъ не могу понять, какъ вы могли подумать, чтобъ я захотѣлъ противъ вашей воли, безъ предварительнаго вашего согласія, двинуть свои войска въ ваши владѣнія на зимнія квартиры, и такимъ образомъ захотѣлъ бы поссориться съ своимъ надежнѣйшимъ союзникомъ, котораго интересъ такъ тѣсно связанъ съ моимъ собственнымъ. Вспомните, что когда мои гвардейскіе и другіе полки въ Зеландіи въ осеннее время терпѣли великую нужду въ дровахъ, то я не позволилъ имъ противъ вашей воли ни одного дерева срубить въ лѣсу или гдѣ-нибудь взять, и потомъ наши войска долгое время принуждены были стоять на морѣ во время противнаго вѣтра, но противъ воли вашей на берегъ выходить имъ я не велѣлъ; я сдѣлалъ все, чтобъ опровергнуть ложныя и коварныя внушенія враговъ нашихъ. Съ великимъ прискорбіемъ вижу изъ вашей грамоты, что ваше величество имѣете ко мнѣ такъ мало довѣрія, что, получивъ только извѣстіе, что мнѣ сдѣланы предложенія и не зная еще, приняты ли они мною, дѣлаете мнѣ такую жестокую, нечаянную и незаслуженную декларацію. Не могу не представить вашему величеству дружелюбно, братски, чтобы вы впередъ не изволили слушать никакихъ дѣлаемыхъ вамъ обо мнѣ несправедливыхъ внушеній и вѣрить имъ; будьте увѣрены, что эти внушенія дѣлаются людьми злонамѣренными, изъ своихъ частныхъ видовъ ищущими разрушить согласіе между нами; будьте увѣрены, что я не сдѣлаю ничего, что бы могло быть

противно нашему союзу и вашему интересу. Ваше величество жалуетесь, что вы одни подвержены опасности отъ общаго непріятеля: но вамъ и безъ моего напоминанія извѣстно, что я всегда и при всякомъ случаѣ готовъ былъ, не щадя своей собственной персоны, всячески вамъ помогать; вы знаете, сколько я старался передъ отъѣздомъ моимъ изъ Копенгагена, придти къ соглашенію на счетъ будущихъ дѣйствій противъ непріятеля, чтобъ онъ всей своей силы противъ вашего величества обратить не могъ; и тогда, и недавно чрезъ моего посла я дѣлалъ многія предложенія, къ общей пользѣ и къ частному интересу вашего величества касавшіяся, изъ чего можете усмотрѣть, что у меня вовсе нѣтъ намѣренія оставлять васъ одного подъ ударами непріятельскими. Теперь я буду ждать скорѣйшей, послѣдней и категорической резолюціи вашего величества, дабы я заблаговременно могъ приготовиться. Иначе, если вы и теперь не окажете никакой склонности вступить со мною въ соглашеніе, то я не только передъ вами, но и передъ Богомъ и передъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ буду оправданъ. Я не для чего иного до сихъ поръ держалъ свои войска въ Мекленбургѣ, какъ для того, чтобъ быть готову помогать вамъ по близости, и этимъ навелъ на себя негодованіе не только всей Германской имперіи, но и отъ васъ, союзниковъ своихъ, вмѣсто благодарности, принужденъ терпѣть ненависть и непристойныя нареканія; вмѣсто помощи отъ вашихъ министровъ принужденъ терпѣть всякія противности какъ при цесарскомъ дворѣ, такъ въ Регенсбургѣ и другихъ мѣстахъ.»

Когда Долгорукій настаивалъ въ Копенгагенѣ на послѣднюю резолюцію, то ему отвѣчали, что она уже дана — двадцать батальоновъ Русскихъ войскъ — не болѣе для соединеннаго дѣйствія съ Датскими въ Шоніи. Ганноверскій посланникъ Ботмаръ говорилъ Долгорукому, что соглашеніе между царемъ и королемъ Великобританскимъ не состоялось по винѣ царя, а король Англійскій былъ намѣренъ непремѣнно помочь царю осьмнадцатью линейными кораблями, еслибъ царь велѣлъ своимъ войскамъ выйти изъ Мекленбурга. Долгорукій отвѣчалъ, что, по его свѣдѣніямъ, дѣло шло совершенно иначе, упорство оказалось со стороны короля Англійскаго, и въ доказательство приводилъ проектъ Бернсторфа, гдѣ говорится только объ обязательствахъ со стороны Русской, а о помощи со стороны Англійскаго короля ни

слова. Король Англійскій, сказалъ на это Ботмаръ, не можетъ обязаться письменно въ присылкѣ кораблей изъ опасенія возбудить подозрѣніи Англійскаго народа, а будетъ къ тому склонять Англійскихъ правителей; хотя король письменно и не обяжется прислать корабли, однако царское величество можетъ вѣрить и слову королевскому, только бъ Русскія войска изъ Мекленбурга выступили. Въ такихъ важныхъ дѣлахъ, отвѣчалъ Долгорукій, обыкновенно бываютъ письменныя обязательства. Прусскій посланникъ Гаппе объявилъ Долгорукому, что онъ говорилъ съ Датскими министрами о соглашеніи между царемъ и королемъ Датскимъ на счетъ будущей кампаніи, и замѣтилъ изъ ихъ словъ, что здѣсь опасаются взять къ себѣ много Русскаго войска, ибо въ такомъ случаѣ Датскій король, будучи слабѣе, найдется въ полной зависимости отъ Русскаго государя: какъ тотъ захочетъ, такъ все и будетъ.

Въ началѣ февраля Долгорукій доносилъ, что на счетъ будущей кампаніи Датскій дворъ относится очень холодно, ни король, ни министры не упоминаютъ о ней ни слова. Какъ видно, Ганноверскій дворъ не желаетъ соглашенія между Россіею и Даніею, чтобъ заставить послѣднюю болѣе дорожить дружбою короля Англійскаго; а Ганноверскій дворъ имѣетъ здѣсь большое вліяніе, потому что на его сторонѣ самые сильные люди—Гольстъ и Девицъ, а другіе министры говорить противное не смѣютъ, хотя и видятъ вредъ интересамъ Датскимъ. Сынъ Ботмара въ откровенномъ разговорѣ съ Прусскимъ посланникомъ сказалъ, что королю Англійскому нѣтъ никакой нужды посылать столько кораблей на помощь Даніи и Россіи и тѣмъ возбуждать подозрѣніе въ Англійскомъ народѣ, потому что король Англійскій при заключеніи мира ничего не получитъ, а Бременское княжество и безъ того за собою удержитъ, и такъ королю Англійскому въ скорѣйшемъ заключеніи сѣвернаго мира большей нужды нѣтъ. Самъ Ботмаръ, *поднявши плеча*, говорилъ Прусскому посланнику, что Англійскій король такъ претерпѣлъ отъ царскаго величества, что страшно слышать. Въ маѣ Долгорукій провѣдалъ «чрезъ секретный способъ,» что Ботмаръ предложилъ Датскому двору изыскать средства принудить Русскія войска выступить изъ Мекленбурга, внушая, что отъ этихъ войскъ больше всѣхъ подвергаются опасности короли Англійскій и Датскій, и въ случаѣ

согласія Датскаго короля дѣйствовать заодно съ Англійскимъ, послѣдній велитъ своимъ Ганноверскимъ войскамъ приблизиться къ Эльбѣ. Вслѣдствіе этого предложенія созванъ былъ совѣтъ, на которомъ король и министры приводили многія причины, почему они имѣютъ право подозрѣвать царя, а именно, отсрочку прошлаго года высадки въ Шонію, супружество царевны съ герцогомъ Голштинскимъ, которое въ Даніи считалось дѣломъ рѣшеннымъ, поѣздку царя во Францію вѣроятно для того, чтобъ посредствомъ Франціи заключить особый миръ съ Швеціею; относительно войскъ Русскихъ, находившихся въ Мекленбургѣ, разсуждали, что царь можетъ приказать имъ добывать Висмаръ или дѣйствовать въ пользу герцоговъ Мекленбургскаго и Голштинскаго; подозрѣніе на счетъ Русскихъ войскъ усиливалось слухами, что войска эти около Ростока готовятъ лагерь на 40,000 человѣкъ, и Русскимъ войскамъ, которыя въ Польшѣ, велѣно также двинуться въ Мекленбургъ. Въ совѣтѣ было положено, въ виду этой опасности не уменьшать число Датскихъ войскъ, находящихся въ Голштиніи, и держать ихъ въ готовности.

Всей этой тревогѣ положенъ былъ конецъ, когда въ іюнѣ Долгорукій объявилъ, что царское величество приказалъ Русскимъ войскамъ выйдти изъ Мекленбурга. На это объявленіе король сказалъ: «Теперь уже всѣ несогласія между царскимъ величествомъ и королемъ Англійскимъ кончились.» Долгорукій отвѣчалъ: «Со стороны царскаго величества ни малѣйшей причины не подано къ озлобленію Англійскаго короля, а со стороны короля Англійскаго многія явно показаны, при всѣхъ дворахъ министры его дѣлали всевозможныя противности интерессамъ нашего государя.» Король замѣтилъ, «что Георгъ I-й все это сдѣлалъ для герцогства Мекленбургскаго, объявивъ себя его покровителемъ.» — «Король Англійскій, возразилъ Долгорукій, для нѣкоторыхъ Мекленбургскихъ жителей такого вреда всему союзу дѣлать бы не сталъ, вѣрно имѣлъ какую-нибудь причину поважнѣе; когда войска Русскія шли въ Датское государство, тогда еще министры Англійскаго короля старались всячески этихъ войскъ не допустить, а потомъ, когда Русскія войска перевезены были въ Зеландію, то король Англійскій далъ указъ адмиралу Норрису напасть на Русскія войска и флотъ.» Король замѣтилъ: «Это правда; король Англійскій старался, чтобъ армія и флотъ Датскіе, соединясь съ

флотомъ Англійскимъ попали на Русскія войска; но ему въ этомъ было отказано; только ни подъ какимъ видомъ объ этомъ никому не разказывайте. Но какую Англійскій король можетъ получить пользу, препятствуя общимъ дѣламъ всего союза?» Долгорукій отвѣчалъ: «Англійскій король, безо всякаго для себя убытку, хочетъ быть господиномъ сѣверной войны и мира; всячески старается онъ для этого не допустить ваши величества до соглашенія, чтобъ Датскія войска вмѣстѣ съ Русскими никогда не были, между тѣмъ ищетъ отдѣльнаго мира, требуя у короля Шведскаго уступки Бремена, за что обѣщаетъ ему вознагражденіе на счетъ сѣверныхъ союзниковъ; если не будетъ въ состояніи сдѣлать этого добрыми средствами, то обѣщаетъ королю Шведскому военную помощь. Царское величество изволилъ разсудить, что не сходно съ интересами его и всего сѣвернаго союза, понесши неисчетные убытки и неописанные труды, приведши эту войну къ концу, отдать не только всѣ дѣла военныя, но и самый миръ въ волю одного короля Англійскаго. Тогда Англійскій король, увидавъ, что царское величество проникъ его намѣренія, началъ стараться всѣми способами поссорить его съ союзниками.»

Король слушалъ со вниманіемъ слова Долгорукова; но дѣйствія этихъ словъ, хотя и весьма слабыя, какъ увидимъ, оказались не ранѣе сентября, когда Петръ написалъ Долгорукому: «Датскій посланникъ Вестфаленъ объявилъ намъ самимъ и министрамъ нашимъ въ величайшей тайнѣ, какимъ образомъ король его уже начинаетъ усматривать Англійскія интриги, что онъ и своими министрами, особенно Мекленбуржцами, обманутъ; Девица удалилъ отъ двора и намѣренъ стараться вступить съ нами въ прежнее доброе согласіе, для чего и вызываетъ къ себѣ его, Вестфалена. Вамъ надлежитъ на все это обращеніе смотрѣть внимательно, и если вы найдете, что король Датскій подлинно, истинно намѣренъ доброе согласіе съ нами возстановить, то можете объявить, что мы, съ своей стороны, всегда себя склонными къ тому покажемъ; можете также объявить въ величайшей тайнѣ королю самому или кому-нибудь изъ министровъ вѣрному, который бы этого, кромѣ короля, никому не разказалъ, что мы слышали, будто его королевское величество съ королемъ Прусскимъ ведетъ переговоры о Штральзундѣ, чтобъ этотъ городъ отдать королю Прусскому на извѣстныхъ условіяхъ: внушите, чтобъ король Датскій не спѣ-

шилъ этимъ дѣломъ, но прежде снесся съ нами, дабы съ общаго совѣта въ томъ дѣлѣ такъ поступить, какъ сходно будетъ съ интересомъ общимъ и особенно съ интересомъ Датскимъ. Если же усмотрите, что король Датскій въ своемъ намѣреніи къ возстановленію добраго согласія съ нами не очень ревностно и истинно поступаетъ, и это возстановленіе, по вашему мнѣнію, не состоится, то удержитесь отъ этого сообщенія, чтобъ они не пронесли, и тѣмъ бы дружбѣ нашей съ королемъ Прусскимъ не повредили; во всякомъ случаѣ вы должны такъ скрытно и осторожно поступать, чтобъ отнюдь Прусскій дворъ объ этомъ не свѣдалъ.» Долгорукій отвѣчалъ дурными вѣстями: «Маршалокъ и тайный совѣтникъ Гольстъ, сколько я могъ примѣтить, въ прежней у короля милости; противная Датчанамъ сторона содержитъ себя твердо въ милости королевской подарками и интригами, и если на одного кого-нибудь изъ нихъ прогнѣвается, то другіе стараются его возстановить или другаго изъ ихъ же партіи на его мѣсто подставить. Изъ противной имъ стороны только двое, Выбей и Сегестетъ имѣютъ смѣлость съ королемъ говорить, и изъ нихъ Выбей большой трусъ, а Сегестета ваше величество изволите знать; кромѣ нихъ нѣтъ ни одного Датчанина, который бы имѣлъ доступъ къ королю; притомъ же при дворѣ изъ Датчанъ очень мало дѣльныхъ людей, а которые и есть, тѣхъ самъ Выбей отъ короля отдаляетъ, опасаясь, что они своими способностями опередятъ его. Датскій король желаетъ согласиться съ вашимъ величествомъ на счетъ дѣйствій противъ непріятеля, но такъ, чтобъ самое важное сдѣлано было войсками Русскими и чтобъ въ это соглашеніе былъ включенъ король Англійскій, отъ тѣсной дружбы съ которымъ Датскій король никакъ отказаться не хочетъ. Король Датскій желаетъ при томъ, чтобъ предложеніе о соглашеніи послѣдовало съ вашей стороны, надѣясь въ такомъ случаѣ вытребовать для себя лучшія условія и показать, что ваше величество къ нему обратились. Не знаю навѣрное, но думаю, что если Датскій король предложенія съ вашей стороны не дождется, то самъ будетъ заискивать. Правда, что генералъ Девицъ въ немилости у короля, но не за невѣрность и интриги, а вотъ по какому случаю: король, будучи въ Голштиніи, расписывалъ квартиры по деревнямъ, гдѣ стоять новоприбывшимъ коннымъ полкамъ, и часть того дѣла приказалъ своему камердинеру,

который хотѣлъ посовѣтоваться съ Девицомъ, какъ главнымъ генераломъ; Девицъ осердился и сказалъ ему, что камердинеръ долженъ заниматься париками и платьемъ королевскимъ, а не въ военныя дѣла мѣшаться; камердинеръ донесъ объ этомъ королю; тотъ призвалъ къ себѣ Девица и при Выбеѣ сказалъ ему съ гнѣвомъ, что онъ не имѣетъ никакой власти надъ камердинеромъ и не долженъ былъ читать ему наставленій, когда онъ, король, приказалъ ему распорядиться квартирами. Съ этихъ поръ король обращается съ Девицемъ уже не такъ милостиво и не позволяетъ ему пріѣзжать ко двору.

Между тѣмъ Вестфаленъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ; ему поручено было составить проектъ о соглашеніи Россіи съ Даніей на счетъ будущихъ дѣйствій. Проектъ былъ написанъ; но тутъ пришли извѣстія о переговорахъ царя съ Герцомъ. Вестфаленъ объявилъ Долгорукому, что король знаетъ о переговорахъ князя Куракина съ Герцомъ на счетъ отдѣльнаго мира; знаетъ что Герцъ пріѣзжалъ къ царю въ Лоу, а въ послѣдствіи былъ за двѣ мили отъ Берлина, гдѣ министры царскіе, а со стороны Прусскаго короля Ильгенъ съ нимъ видѣлись и разговаривали объ отдѣльномъ мирѣ; потомъ даны Герцу русскіе и прусскіе паспорты и позволено ему ѣхать въ Швецію черезъ Россію. Ботмаръ сталъ разглашать, что миръ между Россіею и Швеціей уже заключенъ и подписанъ, и у него есть копія съ договора. Скоро и газеты начали говорить объ этомъ мирѣ. Долгорукій увѣрялъ Выбея, что все это пустые слухи, миръ не заключенъ. — «Хотя миръ не заключенъ, возражалъ Выбей, но не имѣть подозрѣнія нельзя, ибо Герцъ, непріятельскій министръ, вѣдомый злодѣй сѣверному союзу и вездѣ оглашенный за худаго человѣка, допущенъ былъ ко двору царскаго величества и былъ съ нимъ въ конференціи.

Въ половинѣ ноября Долгорукій вмѣстѣ съ прусскимъ посланникомъ были приглашены въ конференцію, гдѣ датскіе министры имъ объявили, что для окончанія сѣверной войны король ихъ намѣренъ вторгнуться съ войскомъ изъ Норвегіи внутрь Швеціи, а царь въ то же время долженъ приказать войскамъ своимъ вступить въ Швецію изъ Финляндіи; но такъ какъ для прикрытія этихъ дѣйствій нужны морскія силы англійскаго короля, и нужнѣе онѣ для Россіи, чѣмъ для Даніи, Англійскій же король не хочетъ прислать ихъ на помощь до тѣхъ поръ, пока не кон-

чится дѣло въ Мекленбургѣ между герцогомъ и дворянствомъ,— то король Датскій предлагаетъ слѣдующій способъ: объявить герцогу и противной ему сторонѣ, чтобъ они оставили всѣ свои дѣла до окончанія сѣверной войны въ томъ состояніи, въ какомъ они были при умершемъ герцогѣ Мекленбургскомъ, братѣ нынѣшняго герцога. Долгорукій выразилъ сильное сомнѣніе, что государь его согласится на такую вредную для герцога Мекленбургскаго сдѣлку [41].

Мы видѣли, что при разрывѣ съ королемъ Англійскимъ, при охлажденіи съ королями Датскимъ и Польскимъ, Петръ старался, по крайней мѣрѣ, сохранить дружбу съ Прусскимъ. Когда въ Берлинѣ узнали о поѣздкѣ царя во Францію, то Головкинъ долженъ былъ объявить Фридриху Вильгельму, что «царское величество изволили сей путь воспріять для удовольствованія своей куріезите,» и доносилъ государю, что не слыхалъ онъ, чтобы Прусскій дворъ на счетъ царскаго путешествія имѣлъ «жалозію.» Въ іюнѣ Ильгенъ говорилъ Головкину: «Конечно, надобно имѣть взаимно крайнюю конфиденцію для общаго блага; у насъ больше непріятелей, чѣмъ пріятелей, и потому надобно дѣйствовать осторожно. Англійскій дворъ больше другихъ на насъ досадуетъ, точно также, какъ и на царское величество: кромѣ того, что намъ нѣсколько разъ объявлялъ, что мы нарушили договоръ, не согласившись дѣйствовать заодно противъ Россіи, Французскому посланнику Обервилю, предлагавшему пригласить нашего короля къ союзу, самъ Англійскій король объявилъ, что пока Прусскій король будетъ въ согласіи съ царемъ, то онъ ни въ какое дѣло съ нимъ не вступитъ. Надобно намъ спѣшить своими дѣлами и составить планъ, въ которомъ написать ультиматумъ, безъ чего Россіи и Пруссіи помириться съ Швеціею нельзя; надобно заботиться привести дѣло къ концу; если же оно продлится, то другіе прежде насъ составятъ планъ и могутъ принудить насъ къ миру согласно съ этимъ планомъ.»

Въ началѣ сентября пріѣхали въ Берлинъ министры, сопровождавшіе Петра; между ними и прусскими министрами начались конференціи. Русскіе министры объявили, что для мира съ Швеціею царь уступаетъ Финляндію. Прусскіе министры сказали на это: «Мы желаемъ, чтобы царское величество и всѣ свои завоеванія удержалъ, и отъ договоровъ своихъ, заключенныхъ съ ва-

ми, не отступимъ; но если непріятель потребуетъ, чтобы царское величество и по сей сторонѣ моря что-нибудь уступилъ, также чтобы Ревель раззорить, то царскому величеству угодно ли будетъ на это согласиться? Нельзя ли вмѣсто Ревеля другую гавань сыскать, или нельзя ли Ревель вольнымъ городомъ сдѣлать? Надобно непремѣнно предупредить Англичанъ; если они, вмѣстѣ съ Датчанами, помирятся съ Шведами, то намъ тяжело будетъ. Сверхъ того, если цесарь съ Турками помирится и въ наши дѣла вмѣшается, то намъ прійдется дурно, особенно будетъ большая опасность королю Прусскому, ибо цесарь можетъ употребить и противъ него Ганноверцевъ и Саксонцевъ, къ которымъ всѣ католическіе государи пристанутъ. Мы сдѣлали цесарю много полезныхъ предложеній, но не только успѣха и отвѣта не получили; опасаемся, что если миръ не будетъ заключенъ скоро, то не только завоеваннаго за собою не удержимъ, но и въ великую опасность впадемъ, потому что не имѣемъ ни одного союзника.»

— «Кромѣ Финляндіи нельзя ничего уступить, отвѣчали Русскіе министры, ибо что касается Ревеля, то эта гавань необходима для русскаго флота, которому безъ того не откуда будетъ выйти въ море. А Лифляндію необходимо намъ удержать даже и въ интересахъ короля Прусскаго, ибо иначе Шведы отнимутъ всѣ средства сообщенія между Россіею и Пруссіей, и не будемъ тогда въ состояніи помогать другъ другу. Кромѣ того, если Лифляндія останется за Шведами, то они получатъ возможность имѣть всегда въ Польшѣ сильную партію ко вреду Россіи и Пруссіи. Да и нѣтъ нужды уступать такъ много непріятелю, лучше продолжать войну, чѣмъ соглашаться на такой опасный миръ, ибо отъ шведскаго короля при мирѣ, кромѣ бумаги, ничего не получимъ и только дадимъ ему средства къ новому нападенію. Что касается цесаря, то нельзя ожидать, чтобъ онъ поступилъ такъ жестоко, ибо до сихъ поръ умѣренно поступалъ; и еслибъ онъ захотѣлъ вмѣшаться въ сѣверныя дѣла къ нашему вреду, то можетъ это сдѣлать и по заключеніи сѣвернаго мира; и еслибы цесарь захотѣлъ что-нибудь предпринять противъ Пруссіи, то царское величество обнадеживаетъ короля своею помощью; Прусскій король, имѣя союзницами Россію и Францію, можетъ не бояться цесаря, который не захочетъ начать войну съ такими сильными государствами.»

Прусскіе министры продолжали выставлять опасность положенія и указывать на необходимость уступокъ со стороны Россіи. Русскіе министры выразили удивленіе, что съ прусской стороны настаиваютъ на уступку Лифляндіи Шведамъ: «Нѣтъ никакой крайности, говорили они, дѣлать такія большія уступки; кромѣ того Лифляндію нельзя уступить и потому, что царская резиденція въ Петербургѣ, которую надобно въ совершенную безопасность привесть и устроить достаточный барьеръ; и если Лифляндію Шведамъ отдать, то непріятель будетъ отъ Петербурга въ 30 миляхъ и можетъ всегда безпокоить царское величество въ его резиденціи». — «Если царское величество такъ твердо стоять изволитъ, говорили Прусскіе министры, то надобно готовиться къ долгой войнѣ, а между тѣмъ обстоятельства могутъ перемѣниться къ нашему вреду; король Шведскій, увидѣвъ, что съ нами заключить мира не можетъ, помирится съ королями Англійскимъ и Датскимъ, и тогда мы одни останемся; также нельзя знать, не соединятся ли Англія и Данія съ Швеціею противъ насъ.»

Между тѣмъ пріѣхалъ въ Берлинъ самъ царь, и, по совѣщаніи съ королемъ, *учиненъ концертъ*: Гавельсбергскій концертъ и прежде заключенный союзъ между Россіею и Пруссіею возобновляется и утверждается во всѣхъ пунктахъ такимъ образомъ, что если кто изъ сѣверныхъ союзниковъ заключитъ отдѣльный миръ съ Швеціею, по которому Шведы останутся опять въ Германіи, или если кто-нибудь станетъ принуждать короля Прусскаго къ уступкѣ Штетина съ округомъ по рѣку Пѣну, то Россія и Пруссія препятствуютъ этому вооруженною силой, соединивъ свои войска. Такъ какъ царское величество теперь дѣйствительно сносится съ Швеціею о мирѣ, то обязуется о всѣхъ этихъ сношеніяхъ немедленно и вѣрно сообщать находящемуся при его дворѣ Прусскому министру, и даже допускать послѣдняго къ трактатамъ, когда онъ этого потребуетъ; охранять интересъ Прусскаго короля какъ свой собственный и не заключать ни мира, ни перемирія съ Швеціею безъ того, чтобы Пруссія не получила Штетинъ съ округомъ до рѣки Пѣны. Въ концѣ 1717 года, по настоянію Петра, король Прусскій заключилъ союзный договоръ съ герцогомъ Мекленбургскимъ; но при этомъ Ильгенъ объявилъ Головкину, что король будетъ писать герцогу, что онъ договоръ заключить готовъ, но заранѣе напоминаетъ его свѣтлости,

чтобъ изволилъ, при нынѣшнихъ деликатныхъ обстоятельствахъ, поступать умѣренно съ своимъ дворянствомъ, ибо хотя онъ, король, по обязательству своему, будетъ вездѣ держать сторону его свѣтлости и о выгодахъ его по крайней возможности стараться и нарочно разглашать, что въ нужномъ случаѣ дѣйствительно поможетъ: однако, если его свѣтлость императора и имперію противъ себя возбудитъ, то королю нельзя будетъ ему и помочь, ибо его свѣтлость самъ можетъ легко разсудить, что королю противъ императора и имперіи стоять нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ депутату отъ Мекленбургскаго дворянства, находившемуся въ Берлинѣ, было объявлено, что король заключилъ съ ихъ герцогомъ договоръ, по которому обязанъ оказывать ему всякую помощь, и потому королевское величество имъ внушаетъ, чтобъ они прежнія противности противъ своего герцога оставили, и вновь ничего не начинали, въ противномъ случаѣ король Прусскій принужденъ будетъ за ихъ герцога вступиться [92].

Англія не вступалась болѣе въ Мекленбургскія дѣла; она хлопотала о заключеніи выгоднаго торговаго договора съ Россіею, и для этого желала скорѣйшаго окончанія сѣверной войны. Въ іюлѣ 1717 года чрезвычайный посланникъ короля Георга, адмиралъ Норрисъ и уполномоченный при Голландскихъ штатахъ министръ Витвортъ въ Амстердамѣ, въ домѣ канцлера Головкина имѣли конференцію съ царскими министрами, при чемъ Норрисъ объявилъ объ искренней дружбѣ своего короля къ царскому величеству, объявилъ, что ему поручено заключить торговый договоръ съ Россіею, и наконецъ объявилъ, что его королевское величество разсуждаетъ о необходимости прекращенія сѣверной войны для пользы общей и желаетъ знать разсужденіе его царскаго величества, какимъ бы образомъ получить общій миръ? Норрису данъ былъ отвѣтъ, что по извѣстной несклонности короля Шведскаго къ миру и по положенію его земель къ достиженію общаго мира и свободной торговли надѣяться никогда нельзя, если король Шведскій не будетъ принужденъ къ тому силою оружія; а для этого необходимо, чтобъ Англійскій король далъ царскому величеству по меньшей мѣрѣ 15 линейныхъ кораблей, чтобъ эта эскадра была подъ полнымъ начальствомъ царскаго величества и оставалась въ морѣ до тѣхъ поръ, пока Русскій флотъ будетъ въ немъ оставаться. Въ такомъ случаѣ царское величе-

ство обѣщаетъ сдѣлать высадку на шведскій берегъ и дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы принудить Шведскаго короля къ общему миру и къ удовлетворенію короля и народа Англійскаго. Но такъ какъ нельзя знать можно ли въ одну кампанію принудить непріятеля къ такому миру, то король долженъ обязаться давать выговоренное число кораблей царскому величеству ежегодно, пока сѣверная война не кончится благополучнымъ миромъ.

Норрисъ привезъ этотъ отвѣтъ въ Лондонъ, и здѣсь въ сентябрѣ министры объявили Веселовскому, что условія, предложенныя его правительствомъ, очень тяжелы; король не можетъ на нихъ согласиться по ограниченности своей власти, не можетъ отдать значительное число англійскихъ кораблей въ полное распоряженіе царю, ибо это противно правамъ, которыми пользуется Англійскій флотъ, но главное здѣсь выскажется пристрастіе короля, тогда какъ по настоящему состоянію сѣверныхъ дѣлъ, англійскій народъ находится въ сомнѣніи, слѣдуетъ ли королю способствовать сокрушенію Швеціи или нѣтъ; поэтому король долженъ поступать очень осторожно въ дѣлахъ сѣверныхъ, иначе долженъ дать отвѣтъ. Еслибы царскому величеству было угодно сообразовать свои требованія съ формами англійскаго правительства, то твердый и полезный союзъ между обоими государствами былъ бы возможенъ; Англія можетъ помогать Россіи и кораблями, только при другихъ условіяхъ. Петръ считалъ безполезнымъ придумывать другія условія, и Веселовскій, не получая никакихъ приказовъ отъ своего двора, находился въ неловкомъ положеніи. 1-го октября онъ далъ знать царю, что Англійскій дворъ не доволенъ холодностію двора Русскаго: «Смѣю представить, писалъ Веселовскій, что было бы согласно съ интересомъ вашего величества, чтобъ я отъ времени до времени давалъ здѣшнему двору хотя наружныя обнадеживанія въ дружбѣ, и что со стороны вашего величества нѣтъ никакого противъ него враждебнаго намѣренія, какъ здѣсь думаютъ. Очевидно, что здѣшній дворъ пользуется большимъ вліяніемъ на важнѣйшіе дворы европейскіе и всѣ ихъ проекты знаетъ. По всѣмъ поступкамъ французскаго посланника, аббата Дюбуа видно, что Французскій дворъ съ здѣшнимъ вступилъ въ полное соглашеніе, и обо всѣхъ иностранныхъ дѣлахъ съ нимъ откровенно пересылается.»

Пребываніе Дюбуа въ Англіи сильно безпокоило Веселовскаго:

«Дюбуа, писалъ онъ, ведетъ переговоры чрезвычайно секретно, безотъѣздно живетъ при королѣ и безпрестанныя имѣетъ конференціи съ англійскими и ганноверскими министрами. Я узналъ чрезъ достовѣрныхъ людей, что онъ привезъ съ собою планъ сѣвернаго мира, планъ вредный интересамъ вашего величества, ибо имѣетъ въ виду больше партикулярный, чѣмъ генеральный миръ, предложено королю Георгу помириться съ Швеціею съ удержаніемъ Бремена и Вердена для Ганновера[43].

Англія держалась въ сторонѣ; ея король, какъ курфюрстъ Ганноверскій, искалъ партикулярнаго мира; Данія была приведена въ бездѣйствіе отстраненіемъ Англіи и Ганновера; Французское правительство, изъ сознанія своей слабости отказывалось отъ своего вліянія на сѣверѣ, покидало Швецію, но не сближалось и съ Россіею, потому что личные виды правителя Франціи заставляли его искать опоры въ Англіи, въ этомъ сильнѣйшемъ теперь государствѣ въ западной Европѣ; Пруссія, понимая, что на континентѣ нѣтъ теперь державы сильнѣе Россіи, особенно по личнымъ средствамъ ея царя, придерживалась молодой могущественной державы, но откровенно высказывала свой страхъ, съ безпокойствомъ озиралась вокругъ, трепеща за свои новыя пріобрѣтенія. Таково было положеніе дѣлъ въ Европѣ, когда Россія рѣшилась начать мирные переговоры съ Карломъ XII. Но въ то время, когда происходила великая борьба на сѣверѣ, когда первенствующее здѣсь значеніе Швеціи послѣ Полтавской битвы перешло къ Россіи, когда составился союзъ съ цѣлію вытѣснить Шведовъ изъ Германіи, и когда союзъ этотъ рушился и союзники начали думать о партикулярныхъ мирахъ—какъ въ это время велъ себя государь, которому принадлежало первое мѣсто между государями Европы, который, по титулу, былъ верховнымъ владыкою Германіи, какъ дѣйствовалъ Императоръ, тогда единственный въ Европѣ, Императоръ священной римской имперіи? Любопытно, что въ то самое время, когда Франція, послѣ Полтавской битвы, испугавшись могущества новорожденной Россіи, дѣйствовала враждебно противъ нея, какъ противъ естественной непріятельницы своихъ союзниковъ, Турокъ и Шведовъ, и слѣдовательно естественной союзницы своего главнаго врага на континентѣ — Императора, въ это самое время Австрія, какъ будто не понимая естественности этого союза съ Россіею, вела себя въ отношеніи къ послѣдней хо-

лодно и даже непріязненно. Причиною были всѣ предшествовавшія отношенія между обѣими державами, начиная съ послѣднихъ годовъ XVII вѣка. Петръ не могъ быть доволенъ эгоистическимъ поведеніемъ Австріи при замиреніи съ Турками; потомъ въ первые годы Сѣверной войны царь испытывалъ только холодность и даже презрѣніе со стороны Вѣнскаго кабинета. Это, разумѣется, доставляло Петру полную свободу дѣйствія: при нуждѣ, онъ обращался къ враждебной Императору Франціи съ просьбою о посредничествѣ между нимъ и Карломъ XII, съ обѣщаніемъ вознагражденія за это; то обращался къ бунтовавшему противъ Австріи Рагоци Венгерскому, предлагалъ ему Польскій престолъ, то звалъ на тотъ же престолъ необходимаго для Австріи Евгенія Савойскаго. Послѣ Полтавской побѣды Вѣнскій дворъ долженъ былъ взглянуть на Россію другими глазами. Къ 1710 году относится любопытный актъ, заключающій въ себѣ неизвѣстно отъ кого идущія предложенія союза Россіи съ Австріею посредствомъ брачнаго союза между ихъ государями: «1) Если царское величество изволитъ сына своего, государя царевича женить на принцессѣ чужеземной, то цесарское величество (Іосифъ I-й) выдастъ сестру свою или дочь за государя царевича. Изъ того произойдетъ дружба и вѣчный союзъ противъ Шведскаго короля, Турокъ и другихъ непріятелей. 2) Для этого свойства цесарское величество можетъ царское величество признать за цесаря имперіи Русской, и если царское величество пожелаетъ греческаго государства, то цесарское величество уступитъ безъ сопротивленія, и всякую помощь окажетъ; Англичане и Голландцы для того же свойства спорить не будутъ; а еслибы царское величество пожелалъ государства греческаго безъ союза съ цесарскимъ величествомъ, то будетъ сопротивленіе отъ цесаря, Англичанъ и Голландцевъ. 3) Если царское величество пожелаетъ, то цесарь признаетъ государя царевича «королемъ изъ имперіи Русской, Казанскимъ, или Астраханскимъ или Сибирскимъ, потому что цесарскій сынъ бываетъ Римскимъ королемъ. 4) Если царское величество пожелаетъ, чтобы были на Черномъ морѣ кавалеры мальтійскіе, то для того же свойства, великій магистръ сейчасъ пришлетъ изъ Мальты нѣсколько кавалеровъ и съ ними милліоны денегъ для поселенія и строенія кораблей; царскому величеству отъ этого не будетъ ни малѣйшаго убытка, напротивъ большая выго-

да и помощь противъ Турокъ. 5) Если царское величество пожелаетъ королевства Польскаго, то, для того же свойства, оно будетъ подѣлено съ царскимъ величествомъ пополамъ. 6) Если царское величество пожелаетъ, чтобъ была въ Вѣнѣ церковь греческая для народа Венгерскаго (?!), то, для того же свойства, цесарь можетъ это сдѣлать. 7) Въ Вѣнѣ приходилъ къ цесарю Русскій посланникъ Урбихъ и доносилъ ясно, будто царское величество сына своего на царской сестрѣ или дочери женить не будетъ, а хочетъ взять за царевича у герцога Вольфенбительскаго дочь; и цесарское величество на это разсердился. 8) Принцесса Вольфенбительская не принесетъ царскому величеству чести и выгоды; честь и выгода будутъ только герцогу Вольфенбительскому. Герцогъ Вольфенбительскій вѣчный союзникъ короля Шведскаго, а Урбиху онъ обѣщалъ большія деньги. Въ Вѣнѣ же носится слухъ, будто Урбихъ писалъ къ царскому величеству, что цесарь не хочетъ имѣть въ свойствѣ царевича, и если Урбихъ такъ писалъ, то ясно, что онъ производитъ ссору. 9) Королямъ Прусскому и Польскому не надобно вѣрить относительно союза, потому что король Прусскій въ свойствѣ съ герцогомъ Вольфенбительскимъ, а король Августъ сватаетъ цесарскую дочь за сына своего. Въ Вѣнѣ же носится слухъ, что король Августъ сватаетъ за царевича изъ Европы принцессъ изъ страха, чтобъ у царскаго величества съ цесаремъ не было свойства и добраго союза и королямъ Прусскому и Польскому не было тѣсно между такими великими монархами. 10) У цесаря двѣ дочери, а сыновей нѣтъ, и если царское величество пожелаетъ взять за сына своего старшую дочь цесареву, то наслѣдникомъ и цесаремъ можетъ быть царевичъ.»—Императоръ Іосифъ умеръ; ему наслѣдовалъ братъ его Карлъ VI, до возвращенія котораго изъ Испаніи управляла вдовствующая императрица—мать; но неудовольствія не прекратились и сердились именно на Урбиха.

Въ іюлѣ 1711 года между Урбихомъ и Австрійскимъ министромъ Зейлеромъ были очень непріятные разговоры, вскрывшіе характеръ отношеній между обѣими державами. Зейлеръ сталъ жаловаться, что въ царскихъ грамотахъ къ императрицѣ встрѣчается странность, въ иныхъ дается титулъ величества, въ другихъ нѣтъ, и потому просилъ его, Урбиха взять назадъ грамоту, въ которой нѣтъ титула величества. Урбихъ отвѣчалъ: такъ какъ въ нѣкото-

рыхъ грамотахъ этотъ титулъ находится, то ясно, что царское величество не думаетъ лишать императрицу его, но если въ нѣкоторой грамотѣ титула нѣтъ, то этому можетъ быть особая причина, именно, въ одной грамотѣ, отправленной къ царю Вѣнскимъ кабинетомъ, титула величества также не дано. Зейлеръ, услыхавши это, поблѣднѣлъ отъ злобы: «Замолчите, сказалъ онъ Урбиху, не могу этого выслушивать; мы обманулись, мы думали, что это только канцелярская ошибка, и потому императрица тайно, съ великимъ уваженіемъ велѣла отдать назадъ грамоту; а теперь мы принуждены выслушивать, что такой непристойный поступокъ сдѣланъ нарочно, да еще толкуютъ, что имѣли право это сдѣлать. Нѣмецкая кровь никакъ этого снести не можетъ; дѣло идетъ о славѣ Германіи; вы сами Нѣмецъ, и потому неспособны участвовать въ оскорбленіи, которое наносится Нѣмцамъ, лучше бъ вамъ было Русскую службу оставить, чѣмъ рѣшиться на это.» Несмотря на всѣ убѣжденія, Урбихъ рѣшительно отказался взять грамоту назадъ. На другой день является къ нему канцеляристъ отъ имени министровъ; Урбихъ догадался, что канцеляристъ принесъ грамоту, и велѣлъ сказать, что ему некогда, почтовый день. Тогда канцеляристъ положилъ грамоту въ передней, и хотѣлъ уйти. Урбихъ нашелъ себя принужденнымъ выйти къ нему и сдѣлать окрикъ: «Зейлеръ, сказалъ онъ, трактуетъ царское величество, какъ Австрійскаго мужика, а Вратиславъ (другой министръ, родомъ Чехъ) какъ Богемскаго мужика, возьмите грамоту и ступайте, подумайте, чтò изъ этого можетъ произойти? видно у васъ еще мало непріятелей, хотите побольше!» Канцеляристъ извинился, что обязанъ дѣлать чтò приказано, и ушелъ; но потомъ прокрался въ комнаты Урбиха и положилъ грамоту на столъ. Урбихъ послалъ къ оберъ-гофмейстеру съ жалобою на обиду и безчинство, какое позволилъ себѣ канцеляристъ, нарушивъ права посольской квартиры. Оберъ-гофмейстеръ Траутсонъ отвѣчалъ, что грамоты никакъ нельзя держать въ императорской канцеляріи, ибо въ грамотѣ у императрицы отнято то, чтò она получила отъ Бога и всего свѣта, и чего никакая держава отнять не можетъ. Урбихъ поѣхалъ самъ къ оберъ-гофмейстеру для объясненій, и выговорилъ, что Австрійское правительство дѣлаетъ все чтобъ поссориться съ царскимъ величествомъ: всякому извѣстно, что Шведы пріѣзжающіе изъ Бендеръ, находятъ пристанище въ домѣ Врати-

слава, что Австрія старалась привести Датскаго короля къ партикулярному миру съ Швеціею; отвлечь Польшу отъ царскаго величества; помѣшать переговорамъ съ Венеціею; Турецкаго агу съ великимъ обѣщаніемъ назадъ отослали; обнаружили большую зависть къ успѣхамъ оружія царскаго величества; наконецъ теперь какъ поступлено съ грамотою царскою! изо всего видно, что мира и добрыхъ сношеній съ царемъ больше не хотятъ: «И потому я, заключилъ Урбихъ, желаю знать ваши намѣренія.» Оберъ-гофмейстеръ оправдывался: Шведскій король дѣйствительно требовалъ помощи въ примиреніи съ Даніею, но Австрійскій дворъ никакъ на это не согласился; неосновательно и обвиненіе относительно Польши: можно доказать противное; Шведамъ проѣзда нельзя запретить по нейтральности; чтобъ Австрія мѣшала Россіи въ Венеціи—этого доказать нельзя; молва о поведеніи австрійскаго резидента въ Константинополѣ распущена Рагоци и другими подобными; возвращать грамоты, написанныя съ умаленіемъ титула дѣло обыкновенное, и этотъ поступокъ къ войнѣ вести не можетъ. Отъ оправданій оберъ-гофмейстеръ перешелъ къ обвиненіямъ: царь не только сносится съ общимъ наслѣдственнымъ непріятелемъ, королемъ Французскимъ и держитъ при своемъ дворѣ его посланника, но и австрійскимъ бунтовщикамъ явно покровительствуетъ; напротивъ того съ цесарскими посланниками плохо обходится: послу Вильчеку оказывается мало вниманія, а резидентъ долго бѣгалъ, пока получилъ первую аудіенцію, и когда получилъ, то ему сказано, чтобъ предложилъ дѣло покороче, и государь, не сказавъ ему ни слова, отошелъ прочь; предложеніе со стороны Австріи оборонительнаго и наступательнаго союза не было принято.

Особенно сердились въ Вѣнѣ за то, что Петръ сносился съ Рагоци какъ съ независимымъ владѣльцемъ.

Стали приходить вѣсти о Прутскомъ несчастіи и мирѣ; Урбихъ находился въ неловкомъ положеніи, потому что отъ своего двора не получалъ никакихъ извѣстій. Въ августѣ былъ въ Вѣнѣ Грекъ, ѣхавшій изъ Вольфенбителя и пробиравшійся къ царю чрезъ Венгрію, Трансильванію и Валахію; это былъ Аѳинянинъ Либеріо Коллетти, хотѣвшій набрать нѣсколько тысячъ Грековъ для дѣйствія противъ Турокъ. Сильно испугался онъ, услыхавъ въ Вѣнѣ о Прутскомъ мирѣ: «Теперь, говорилъ онъ, всѣ Греки, полагав-

шие всю надежду свою на царя, пропали.» Что касается до Австрійскаго правительства, то оно не имѣло причинъ радоваться торжеству Турокъ, страхъ предъ которыми еще не исчезъ въ Вѣнѣ, и которыхъ успѣхи были успѣхами Франціи. Австрійскіе министры даже прямо объявили Урбиху, что въ случаѣ несчастія Австрія будетъ помогать Россіи въ войнѣ съ Турками. Когда Петръ, послѣ Прутской кампаніи, пріѣхалъ лѣчиться въ Карлсбадъ, то здѣсь, по распоряженіямъ изъ Вѣны, оказано ему было большое вниманіе. Урбихъ писалъ, что въ Вѣнѣ дѣла идутъ лучше прежняго относительно Россіи и объяснялъ это приказаніемъ новаго императора Карла. Урбихъ ждалъ, устоитъ ли партія Вратислава, неблагопріятная Россіи, и толковалъ объ этомъ съ Венеціанскимъ посломъ, который желалъ заключенія новаго тройнаго союза между Россіею, Австріею и Венеціею противъ Турокъ. Посолъ очень жалѣлъ о несчастной Прутской кампаніи, жалѣлъ не объ Азовѣ, а о двухъ вещахъ: вопервыхъ, объ ущербѣ славы Русскаго оружія; уже начали говорить, что Русскіе еще не выучились военному искусству, и удивляются, почему послѣ кампаніи увольняютъ изъ службы нѣмецкихъ офицеровъ. Вовторыхъ жалѣлъ о Грекахъ, которые хотѣли всѣ стать на сторонѣ Россіи, а теперь они обезоружены и не будутъ больше вѣрить Русскимъ. Когда Венеціанскій посолъ настаивалъ на необходимость оборонительнаго союза между Россіею, Австріею и Венеціею, то Урбихъ отвѣчалъ, что царское величество дѣла не начнетъ, пусть Венеція дѣлаетъ предложенія и побуждаетъ къ тому же и цесарскій дворъ.

Въ концѣ 1711 года Урбихъ отправился во Франкфуртъ на коронацію новаго императора Карла VI; 30 декабря онъ имѣлъ у него аудіенцію и въ рѣчи своей поставилъ на видъ, что въ Венгерскомъ дѣлѣ вина не на Русской сторонѣ, что царь предлагалъ Австрійскому двору союзъ и 20,000 войска противъ недовольныхъ Венгровъ; теперь царское величество съ сожалѣніемъ слышитъ, что нѣкоторые союзники Австріи намѣрены заключить партикулярный миръ съ Франціею. Царское величество желаетъ, чтобъ цесарю досталась вся Испанская монархія, на которую онъ имѣетъ всѣ права. Урбихъ объявилъ отъ себя, что если императоръ желаетъ продолжать войну съ Франціею и заключить союзъ съ Россіею, то царское величество будетъ готовъ показать свою истинную братскую склонность, пусть императоръ предложитъ свои

условія. Карлъ VI отвѣчалъ очень тихо, чѣмъ напомнилъ отца своего Леопольда: «Покойный братъ, цесарь Іосифъ говорилъ мнѣ, чтобъ вступить въ тѣсный союзъ съ царскимъ величествомъ, особенно теперь по близкому свойству (вслѣдствіе брака царевича Алексѣя на сестрѣ императрицы).» Назначено было Урбиху имѣть конференцію съ государственнымъ гофратомъ Консбрухомъ. 1-го генваря 1712 года они съѣхались, и Консбрухъ объявилъ, что интересъ обоихъ государей требуетъ жить въ согласіи, и согласіе возможно, если съ царской стороны будутъ отстранены мелкія столкновенія и все прошлое будетъ предано забвенію безъ разыскиванія, кто правъ и кто виноватъ; но главное затрудненіе состоитъ въ томъ, какъ согласить союзъ между Россіею и Австріею съ покровительствомъ, которое царь продолжаетъ оказывать бунтующимъ Австрійскимъ подданнымъ, Венграмъ? Урбихъ сталъ объяснять причины этого покровительства, и первое объясненіе вышло очень неудачно: онъ сказалъ, что царь вошелъ въ сношенія съ Рагоци только для того, чтобъ имѣть чрезъ Венгрію свободную и безопасную корреспонденцію. Потомъ Урбихъ поправился и объявилъ причины поважнѣе: съ одной стороны царь старался отвлечь Венгровъ отъ Шведовъ и Турокъ; съ другой стороны Вѣнскій дворъ поступилъ враждебно противъ Россіи, признавши Польскимъ королемъ Станислава Лещинскаго; притомъ договоръ царя съ Рагоци не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Наконецъ царское величество не разъ объявлялъ, что готовъ оставить Венгровъ и принудить ихъ къ вѣрности императору, если послѣдній заключитъ крѣпкій союзъ съ Россіею. Такъ какъ Урбихъ не имѣлъ никакой инструкціи для заключенія союзнаго договора, то конференція кончилась тѣмъ, что онъ обѣщался обратиться къ своему двору за этою инструкціею.

Но въ Вѣнѣ не торопились заключеніемъ союзнаго договора: здѣшнее правительство съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣло не на сѣверо-востокъ, а на сѣверо-западъ, на Голландію, гдѣ рѣшался важный вопросъ: оканчивать или продолжать войну за Испанское наслѣдство. Когда Урбихъ торопилъ императорскихъ министровъ покончить дѣло о Русскомъ союзѣ, то они прямо ему отвѣчали: «Подождите, пока въ Гагѣ будетъ постановлено о продолженіи войны. Россіи важно было заключить союзъ съ Австріею, она даже соглашалась помочь ей войскомъ противъ Франціи, ибо Россіи выгодно было продлить войну за Испанское на-

слѣдство, которая отнимала у Франціи, Англіи, Голландіи и у самого императора возможность вмѣшаться въ Сѣверную войну, тогда какъ вмѣшательство это не могло быть въ пользу Россіи; съ другой стороны, для Россіи важенъ былъ союзъ съ Австріею, ибо сдерживалъ Турокъ. Но Австрія признавала для себя невозможность продолжать войну безъ Англіи и желала мира, который дѣлалъ для нея ненужною Русскую помощь; что же касается Турціи, то гораздо вѣроятнѣе была новая война послѣдней противъ Россіи, а не противъ Австріи. Наконецъ были люди враждебные Россіи, какъ графъ Вратиславъ и другіе, которые сильно возставали противъ Русскаго союза; они представляли, что отъ Русскаго вспомогательнаго войска не будетъ никакой пользы: гдѣ ему воевать съ Французами при страшномъ безпорядкѣ, огромныхъ багажахъ, слабой кавалеріи, неискусствѣ воинскомъ, ибо Полтавскую побѣду нельзя приписать искусству Русскихъ: съ голодными и безсильными людьми дѣло имѣли, и счастье помогло. Взять Русское войско въ помощь значитъ обучить его и показать ему дорогу въ свои земли и усилить царя: полезно ли это? Царь соглашается на союзъ подъ условіемъ, чтобъ императоръ гарантировалъ ему земли, завоеванныя у Шведовъ; но этою гарантіею Австрія только свяжетъ себѣ руки: теперь въ годъ, много въ два она добьется мира съ Франціею, а тогда эта гарантія будетъ служить препятствіемъ къ миру, мало того, можетъ вовлечь въ другую войну.

1712 годъ проходилъ въ безполезныхъ стараніяхъ Урбиха заключить оборонительный договоръ, нужда котораго для Россіи увеличивалась съ приходомъ непріятныхъ вѣстей изъ Константинополя. Въ Россію доходили слухи, что препятствіемъ къ заключенію союза можетъ служить Урбихъ, которымъ недовольны въ Вѣнѣ. По этому туда былъ отправленъ генералъ-адъютантъ Нарышкинъ, съ наказомъ: «Быть ему, вмѣстѣ съ Урбихомъ на конференціяхъ съ цесарскими министрами, и смотрѣть на крѣпко, чтобъ баронъ Урбихъ трудился по данной ему инструкціи привести дѣло къ окончанію. Если увидитъ онъ со стороны цесаря затрудненія, также если недовольны будутъ, что переговоры о союзѣ ведутся посредствомъ Урбиха, то онъ долженъ донести цесарю, чтобъ изволилъ кого-нибудь прислать съ полномочіемъ къ царю въ Померанію.

Въ октябрѣ цесарскій посланникъ при Русскомъ дворѣ, графъ Вильчекъ, на вопросъ графа Головкина, какой онъ имѣетъ отъ своего двора наказъ для заключенія союзнаго договора, отвѣчалъ, что если ему будутъ сдѣланы предложенія отъ Русскаго двора, то онъ обязанъ ихъ выслушать и писать къ своему двору. Если царское величество желаетъ вести объ этомъ переговоры, то лучше пусть пошлетъ своего министра къ цесарскому величеству, и лучше было бы, если бы договоръ былъ заключенъ не съ однимъ Австрійскимъ домомъ, а со всею имперіею; съ Урбихомъ договариваться не будутъ, ибо хотя онъ цесарю и не противенъ, однако не согласенъ не только съ Австрійскими министрами, но и съ министрами союзниковъ царскихъ. — «Не думайте, сказалъ на это Головкинъ, что царское величество желаетъ съ вами оборонительнаго союза, опасаясь новаго разрыва съ Турціею; онъ желаетъ только укрѣпить дружбу съ цесарскимъ величествомъ, потому что отъ Турокъ нарушенія мира ожидать нельзя; если же, сверхъ чаянія, Турки введутъ въ Польшу Шведскаго короля съ своими сильными войсками, то въ такомъ случаѣ не будетъ ли опасности и цесарю!» — «Конечно будетъ опасность такая же, какъ и царскому величеству, отвѣчалъ Вильчекъ: поэтому то цесарь и склоненъ къ заключенію союза съ Россіею, объявите только проектъ, на какихъ условіяхъ его заключать.» Черезъ день послѣ этого разговора Головкинъ объявилъ Вильчеку, что царское величество готовъ послать въ Вѣну министра для переговоровъ о союзѣ, только теперь такого министра нѣтъ, и потому сообщается ему Вильчеку проектъ договора для отсылки къ цесарю, и пусть цесарь пришлетъ къ нему указъ постановлять здѣсь, но не заключать, когда же будетъ здѣсь постановлено, тѣмъ временемъ государь отзоветъ министра отъ какого-нибудь двора и пошлетъ въ Вѣну для заключенія договора.

Урбихъ, по причинѣ или подъ предлогомъ болѣзни, самъ началъ просить о годовомъ отпускѣ изъ Вѣны, куда былъ назначенъ изъ Гаги графъ Матвѣевъ. Въ началѣ декабря пріѣхалъ Матвѣевъ въ Вѣну и отдалъ Урбиху отзывную грамоту, отпускъ и царскій портретъ съ алмазами. Матвѣевъ пріѣхалъ въ Вѣну въ то время, когда здѣсь получены были изъ Константинополя вѣсти, что Турція разорвала миръ съ Россіею, и Русскіе послы посажены въ Семибашенный замокъ. Матвѣевъ въ этихъ извѣстіяхъ

видѣлъ страшное препятствіе дѣлу, для котораго пріѣхалъ; не смотря на то, при представленіи императору, «предлагалъ въ пространныхъ изъясненіяхъ,» какое злополучіе должно произойти изъ этой перемѣны, произведенной наговорами общихъ непріятелей, не только интересу царскаго величества, но и самой имперіи Римской, и просилъ, чтобъ его величество, зрѣло обдумавъ, изволилъ ускорить мѣрами для сохраненія общаго мира. Карлъ VI отвѣчалъ увѣреніями въ своей дружбѣ къ царскому величеству и желаніи вступить съ нимъ въ тѣсный союзъ по настоящимъ обстоятельствамъ. Принцъ Евгеній Савойскій также увѣрялъ Матвѣева въ своемъ усердіи къ царскимъ интересамъ; но при этомъ съ великою досадою отозвался о баронѣ Урбихѣ: «Это человѣкъ коварный и злобный, говорилъ Евгеній: все что онъ ни писалъ ко двору царскаго величества о цесарѣ и его дворѣ — все ложно, пристрастно, по злобѣ; своимъ поведеніемъ онъ могъ произвести между императоромъ и царскимъ величествомъ непримиримую вражду, самый негодный человѣкъ!» Матвѣевъ не могъ заступиться за Урбиха, ибо самъ писалъ Головкину, что «вѣдаетъ господина барона пронырливыя тонкости.» — «Фавориты цесарскіе, писалъ также Матвѣевъ, заговаривали мнѣ о мѣхахъ лисьихъ и собольихъ для цесаря, что ему будетъ пріятно, равно какъ и прочимъ вельможамъ. Разсмотря, извольте ихъ удовольствовать и обязать къ нашимъ пользамъ. Здѣсь взятокъ за стыдъ не ставятъ, и безъ того криво глядятъ.»

Новыя печальныя вѣсти съ сѣвера: Штейнбокъ разбилъ Датчанъ и Саксонцевъ: «Вѣдомости эти, писалъ Матвѣевъ, немалую въ нашемъ настоящемъ дѣлѣ причинили помѣшку у здѣшняго двора, очень торопкаго и боящагося Шведовъ; видя, что дѣла ихъ съ Франціею идутъ дурно, и что въ нашихъ сѣверныхъ дѣлахъ успѣха мало, видя и Турецкую склонность къ войнѣ, Австрійцы сами не знаютъ, куда пріютиться. Изъ словъ принца Евгенія я могу видѣть, что хотя они намъ на отрѣзъ и не откажутъ, но будутъ проволакивать дѣло.»

1713 годъ Матвѣевъ началъ очень непріятнымъ донесеніемъ: «Немалое имѣю подозрѣніе, что здѣшній дворъ старается помирить короля Августа съ Швеціею и этимъ облегчить примиреніе Датскаго короля съ Карломъ XII; а когда эти партикулярные миры будутъ заключены, то думаютъ здѣсь, что царское величе-

ство, видя себя всѣми покинутаго и, видя съ другой стороны войну Турецкую, принужденъ будетъ съ Шведами помириться, и такимъ образомъ цесарскій дворъ избавится отъ всѣхъ опасностей, которыя могли бы ему грозить отъ сѣверной войны изъ Польши.» На вопросъ о союзѣ Матвѣеву прямо сказали, чтобъ царское величество на этотъ разъ извинилъ цесаря, потому что послѣдній находится въ тяжелыхъ обстоятельствахъ: опасность со стороны Франціи, Англіи и отъ Турокъ; не приведя къ концу собственныхъ дѣлъ, нельзя ничего начать; прибавили, что безъ сообщенія всей имперіи императоръ не можетъ вступить ни съ кѣмъ ни въ какой союзъ; не можетъ вступить съ Россіею ни въ какія письменныя обязательства, пока Русскія войска не выступятъ изъ предѣловъ имперіи. Въ февралѣ пришли въ Вѣну извѣстія о перемѣнахъ въ расположеніи султана относительно Русской войны и о «трагедіи Свейской,» какъ называли ссору Карла XII съ Турками въ Бендерахъ, и въ началѣ марта Матвѣевъ доносилъ: «Здѣшніи дворъ въ великомъ трепетѣ, чтобъ пламя войны, по интригамъ Французскимъ и Англійскимъ, не вспыхнуло въ имперіи, и по этому опасенію отнюдь ничего въ неугодность султану не сдѣлаетъ и въ наши и въ Польскія дѣла, за безмѣрнымъ страхомъ, не вмѣшается.» Принцъ Евгеній прямо сказалъ Матвѣеву, что если императоръ выскажется у Порты въ пользу Россіи, то это будетъ равносильно объявленію войны Туркамъ; но такого невозможнаго и вреднаго Австрійскимъ интересамъ поступка царь не можетъ требовать отъ императора. Что императоръ могъ сдѣлать, то сдѣлалъ: посланъ указъ Австрійскому министру при Портѣ, чтобъ всячески отвращать султана отъ войны съ Россіею. «Здѣшній дворъ, писалъ Матвѣевъ, боится Турецкой войны, потому что никогда еще принцъ Евгеній не былъ съ мною такъ учтивъ и откровененъ.»

Для избѣжанія безполезныхъ столкновеній Матвѣеву былъ данъ указъ не называть въ своихъ меморіалахъ къ Вѣнскому двору царя императоромъ. Матвѣевъ отвѣчалъ: «Указъ исполнять буду, хотя относительно императорскаго титула спору быть не можетъ: не только нынѣшняя королева Великобританская, но и предшественникъ ея король Вильгельмъ всегда въ грамотахъ своихъ писалъ нашего государя императорскимъ величествомъ, и многія книги палатныя въ самой имперіи даютъ Русскому царю первое

мѣсто послѣ императора и великую Россію называютъ имперіумъ, безо всякихъ нашихъ запросовъ и трудностей; нашедши намъ терять неполезно, развѣ на время уклониться. Герцогъ Савойскій сильно желаетъ вступить въ сношенія съ царскимъ величествомъ и обѣщаетъ давать ему титулъ по примѣру королевы Великобританской; мое мнѣніе: хотя бы эти новыя сношенія съ такимъ отдаленнымъ отъ Россіи государемъ и не были нужны: однако если самъ герцогъ начнетъ пересылку и назоветъ царское величество императоромъ, то это будетъ не безъ прибыли для будущаго времени. Венеціанская и Генуезская республики, великій герцогъ Тосканскій и другіе мелкіе владѣльцы Италіанскіе могли бы послѣдовать примѣру такого сильнаго въ Италіи государя, какъ герцогъ Савойскій; а съ Италіанскими державами, особенно съ Венеціанскою республикою, для Турецкихъ дѣлъ и для торговли, эту находку въ титулѣ упускать не надобно.

Венеціанская республика готова была теперь дать какой угодно титулъ Русскому царю, потому что снова начала бояться Турецкой войны. Когда приходили вѣсти, что султанъ идетъ на Россію, то Венеціанскій посолъ въ Вѣнѣ мало обращалъ вниманія на Матвѣева; но когда стали приходить извѣстія другаго рода, то онъ сталъ обходиться съ нимъ чрезвычайно почтительно, и самъ проговорился о причинѣ такой перемѣны: «Боюсь, сказалъ онъ Матвѣеву, чтобъ и нашего посла Турки не посадили въ Семибашенный замокъ.» Учтивость въ отношеніи къ Матвѣеву усиливалась и съ Венеціанской, и съ Австрійской стороны; но Русскій посолъ считалъ себя въ правѣ не быть довольнымъ Вѣнскими обхожденіями и писалъ Головкину: «Хотя цесарь и министерство его наружно, по политикѣ, и показываютъ доброжелательство царскому величеству; но я замѣчаю, что природная завистъ господствуетъ въ мысляхъ этого любочестиваго и гордаго двора; не желательно видѣть ему, что миръ у Россіи съ Турціею благополучно и скоро заключается, и царское величество, ставши свободенъ, принудитъ Шведовъ къ полезному для себя миру и, овладѣвъ Ливоніею, при морѣ Балтійскомъ распространитъ свою державу. Нигдѣ при дворахъ такой зависти и безсоюзія между министрами я не видалъ, какъ здѣсь; коварныя интриги между разными шайками господствуютъ при здѣшнемъ дворѣ, думаютъ только о своихъ выгодахъ и вредятъ всѣми способами силѣ сво-

его государя. Сюда пришли подлинныя извѣстія, что въ Утрехтѣ Французскіе министры предлагали нашему послу князю Куракину заключить между Россіею и Франціею договоръ о свободной торговлѣ. Это предложеніе важно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, ибо сближеніе съ Франціею намъ очень полезно. Морскія державы кривымъ окомъ смотрятъ на распространеніе державы его царскаго величества у Балтійскаго моря, и нельзя надѣять ся чтобъ Датскій союзъ былъ постояннымъ. При союзѣ Россіи съ Франціею морскія державы будутъ болѣе почитать государство царскаго величества и Датскій король не посмѣетъ вооружиться. Найдя въ союзѣ съ Россіею свои выгоды, Франція не станетъ заступаться за Швецію, и Австрійскій домъ будетъ оказывать большее вниманіе къ интересамъ царскаго величества и высоко станетъ почитать его дружбу не по любви, а изъ страха, видя, что Россія соединена съ великою и могущественною державою, Франціею, равною по силѣ съ Австріею; Австрійскій домъ долженъ будетъ оставить свои прежнія суетныя мнѣнія, будто онъ одинъ только, въ нужныхъ случаяхъ, былъ прибѣжищемъ царскому величеству. Если царское величество заключитъ миръ съ Портою, а цесарь свою войну съ Франціею будетъ продолжать, тогда не будетъ никакой нужды царскому величеству искать чего-нибудь у этого гордаго и о собственномъ своемъ интересѣ нерадиваго двора. Безъ денегъ у цесаря плохой успѣхъ въ войнѣ, и когда Франція станетъ его одолѣвать, то ему ничего больше не останется, какъ съ покорностію искать помощи у царскаго величества и готовъ будетъ вступить въ какой угодно союзъ. Но тогда этотъ союзъ едва ли будетъ полезенъ Россіи. Нельзя изъ за одной любви къ цесарю вступить въ новыя трудности и войны, особенно когда будемъ держать въ памяти, что цесарь, при нашихъ затрудненіяхъ, ничего для насъ сдѣлать не подумалъ.» Матвѣевъ спѣшилъ предостеречь свой дворъ и относительно Венеціи: «На дняхъ увѣдомился я подлинно, что Венеціанскій сенатъ, избѣгая грозящей ему войны съ Турціею, деньгами возбуждаетъ сановниковъ Порты противъ царскаго величества. Посолъ Венеціанскій въ Константинополѣ дѣйствуетъ за одно съ посломъ Французскимъ противъ Россіи; и здѣшній Венеціанскій посолъ, хотя, по природному своему пронырству, и ласково со мною обходится, но въ тоже время вмѣстѣ съ папскимъ нунціемъ все-

возможными и тайными способами отвращаетъ цесаря отъ союза съ Россіею. Извольте и у себя равнымъ же образомъ обращаться съ Римскимъ духовенствомъ и Венеціанами, пусть не думаютъ, что ихъ темныя злобы намъ неизвѣстны.»

Миръ между Россіею и Турціею былъ окончательно заключенъ и Матвѣевъ чрезъ фаворита императорскаго, графа Стелли, уразумѣлъ, что цесарь сталъ склоненъ къ Русскому союзу гораздо больше, чѣмъ прежде. Матвѣевъ, успокоенный извѣстіемъ о мирѣ, не находился болѣе подъ вліяніемъ прежняго раздраженія, успѣлъ осмотрѣть дѣло съ разныхъ сторонъ, и потому написалъ Головкину: «Хотя при настоящихъ обстоятельствахъ этотъ союзъ и не такъ намъ нуженъ; но можетъ быть очень полезенъ для будущаго времени, по враждебнымъ отношеніямъ нашимъ къ Швеціи и морскимъ державамъ; этимъ союзомъ будутъ сдержаны члены имперіи, склонные къ поданію помощи Шведу, особенно Пруссія, наконецъ будетъ сдержана Франція.» Австрійскія министры пугали Матвѣева тѣмъ, что миръ Россіи съ Турціею едва ли будетъ крѣпокъ, потому что султанъ готовится къ походу противъ Польши, гдѣ хочетъ возстановить Станислава Лещинскаго. Но когда, по полученіи указа отъ своего двора, Матвѣевъ, осенью 1713 года началъ съ Стелли переговоры о союзѣ, императорскіе министры объявили ему съ крайнимъ неудовольствіемъ, что цесарь прямо пріятель и свойственникъ царскому величеству, и потому прежде заключенія договора съ королемъ Прусскимъ и администраторомъ герцогства Голштинскаго о секвестрѣ Штетина, надобно было бы, не только для чести цесарской, но главное для собственной пользы царскаго величества, согласиться съ цесаремъ и прочими владѣтелями имперскими, съ Ганноверскимъ и Вольфенбительскимъ домами. Но крайнее неудовольствіе также не повело ни къ чему, какъ и прежнее желаніе вступить въ союзъ: «Вамъ извѣстно, писалъ Матвѣевъ Головкину, медленность здѣшняго двора во всѣхъ дѣлахъ; этою медленностію онъ вездѣ все теряетъ, не только въ чужихъ, но и въ своихъ собственныхъ дѣлахъ; притомъ непостоянство Порты въ нашихъ и Польскихъ дѣлахъ и слухи о возникновеніи новой вражды въ имперіи между королемъ Прусскимъ и Датскимъ по причинѣ Голштинскаго дѣла усиливаютъ здѣшнюю медленность, потому что цесарскій дворъ, по обычной своей осторожности, еще выжидаетъ,

чѣмъ кончатся всѣ эти дѣла.» Въ началѣ ноября Матвѣевъ объявилъ графу Стелли рѣшительно: если заключеніе союзнаго договора по прежнему будетъ откладываться въ даль, то царское величество впредь ни по какимъ домогательствамъ цесарскимъ и ни при какой тяжкой нуждѣ въ союзъ не вступитъ. Прошелъ ноябрь; Матвѣевъ обратился къ императрицѣ (родной сестрѣ жены царевича Алексѣя Петровича) съ просьбою постараться объ ускореніи дѣла; императрица отвѣчала, что она безотступно проситъ объ этомъ императора, какъ по своему кровному свойству съ царскимъ величествомъ, такъ и по всегдашнимъ къ себѣ письмамъ дѣда, герцога Вольфенбительскаго, матери и сестры, *принцессы царевичевой*, и что цесарь расположенъ вступить въ союзъ съ Россіею. Наконецъ 11 декабря Матвѣеву дано было знать, что императоръ опредѣлилъ: вступить съ Россіею въ крѣпкую дружбу и оборонительный союзъ, при чемъ долженъ быть заключенъ и торговый договоръ. 18 декабря начались у Матвѣева конференціи съ Австрійскими министрами, которые предложили заключить оборонительный союзъ на десять лѣтъ противъ всякаго нападчика, но одни Татарскіе набѣги не должны считаться поводомъ къ требованію помощи; этотъ союзъ не долженъ разрушать никакой другой союзъ, заключенный прежде Россіею или Австріею; также императоръ сохраняетъ свое право быть посредникомъ для прекращенія сѣверной войны. Предложены были и тайныя статьи: о немедленной помощи отъ Россіи императору противъ Франціи, деньгами или другимъ чѣмъ; о домогательствѣ императора у папы, короля Польскаго и республики Венеціанской, чтобъ царь былъ принятъ въ священный союзъ противъ Турокъ. Матвѣевъ принялъ проектъ договора для донесенія своему двору, но потомъ въ разговорѣ наединѣ съ вицеканцлеромъ Шёнборномъ замѣтилъ неопредѣленность въ выраженіяхъ: ни Швеція, ни Турція явно не обозначены. Вицеканцлеръ отвѣчалъ, что явно назвать Шведа нельзя, потому что онъ тогда не приметъ посредничество императора для прекращенія Сѣверной войны; если же императоръ въ договорѣ явно объявитъ себя противъ Турка, то Франція найдетъ здѣсь причину поднять Порту противъ Австріи, которая не будетъ въ силахъ въ одно время вести войну противъ такихъ двухъ сильныхъ державъ. Вицеканцлеръ прибавилъ, что царскому величеству должна быть извѣстна невозможность

для императора заключить съ Россіею союзъ противъ кого-нибудь изъ князей имперскихъ; императоръ не можетъ вступить въ союзъ и противъ Польши, съ которою у него издавна союзъ. Наконецъ вицеканцлеръ объявилъ, что заключеніи договора должно быть отложено до окончанія войны у императора съ Франціею. На это Матвѣевъ замѣтилъ, что союзъ этотъ едва ли будетъ полезенъ царскому величеству при такихъ изъятіяхъ и условіяхъ, когда императоръ не обязывается помогать Россіи ни противъ Шведа, ни противъ Турка, заклятыхъ непріятелей царскаго величества.

Въ началѣ 1714 года Матвѣевъ началъ извѣщать о скоромъ мирѣ между императоромъ и Франціею, а миръ этотъ долженъ былъ имѣть вліяніе и на отношенія Австріи къ Россіи. «Когда цесарь, писалъ Матвѣевъ, будетъ въ согласіи съ Франціей, то Шведа явно озлобить не захочетъ, долженъ будетъ дѣйствовать заодно съ Французскимъ королемъ по смыслу Вестфальскаго договора; хотя цесарь и все его министерство по наружности доброхотствуютъ царскому величеству, но внутренно приращенію державы его величества очень завидуютъ и на будущее время опасаются; большая часть здѣшнихъ министровъ добрые Шведы.»

Въ мартѣ Матвѣевъ возобновилъ представленіе о союзѣ, потому что изъ Петербурга получены были замѣченія на австрійскій проектъ. Замѣчанія состояли въ томъ, что царь не согласенъ на заключеніе союза по окончаніи его войны со Шведами, ибо такой союзъ не принесетъ ему никакой пользы; царь требуетъ, чтобы союзъ заключенъ былъ немедленно противъ всѣхъ нападчиковъ, ибо при нынѣшней войнѣ опасно, чтобы какой-нибудь новый непріятель, особенно Турокъ, не напалъ либо на Россію, либо на Австрію; поэтому-то немедленный оборонительный союзъ и нуженъ, особенно по отношенію къ Польшѣ, ибо Россіи, а еще болѣе Австріи нужно стараться, чтобы не допустить Турокъ раззорить Польское королевство, потому что отъ этого можетъ произойдти бѣда для всей Германіи. О набѣгахъ татарскихъ упоминать въ договорѣ не надобно, потому что Татары подданные султана турецкаго и безъ его воли ничего не дѣлаютъ. Когда оборонительный союзъ заключится противъ всѣхъ нападчиковъ, то исключеніямъ никакимъ быть не слѣдуетъ. — Матвѣевъ сильно сомнѣвался, чтобъ императоръ согласился на

эти требованія, и писалъ къ своему двору: «Придворныя коварства и интриги неисповѣдимы, и хотя цесарь самъ отъ себя никакого зла не дѣлаетъ, но если другимъ не возбранитъ, то другія державы много могутъ дѣламъ россійскимъ вреда причинить, или короля Датскаго отъ союза русскаго силою оторвать. Для того нужно цесаря себѣ на будущее время попрочить и держаться съ нимъ согласно, хотя бы и съ нѣкоторою убавкой передъ прежними запросами союзъ заключить, и, удержавъ этимъ союзомъ цесаря при себѣ, другимъ принцамъ злонамѣреннымъ удила на зубы подать. Всегдашнія побѣды царскаго величества надъ обезсиленнымъ непріятелемъ, особенно нынѣшнее торжество въ Финляндіи надъ генераломъ Армфельдомъ великую зависть здѣсь и вездѣ распространяютъ, и хотя, повидимому, многія правительства нашимъ побѣдамъ радуются, но въ сердцѣ у нихъ другое чувство гнѣздится; поэтому нужно осторожно поступать, чтобы вдругъ не подвигнуть на Россію великое число злосердыхъ принцевъ.» Ганноверскій посланникъ далъ знать Матвѣеву о своемъ разговорѣ съ принцемъ Евгеніемъ и министрами по поводу Русскаго союза; всѣ согласно объявили ему, что по заключеніи мира съ Франціей цесарь не имѣетъ нужды въ русскомъвспомогательномъ войскѣ, потому не можетъ въ настоящее время и отъ себя никакой помощи обѣщать царю и обязываться съ нимъ оборонительнымъ союзомъ; но на будущее время, т. е. по окончаніи сѣверной войны, готовъ заключить союзъ. Вице-канцлеръ Шёнборнъ объяснилъ самому Матвѣеву, что союза немедленно заключить нельзя, ибо если прямо назвать въ договорѣ Шведа и Порту, то въ сущности выйдетъ союзъ наступательный, а не оборонительный, потому что, назвавши прямо эти державы, цесарь возбудилъ бы ихъ противъ себя, и тѣмъ подвергся бы тяжкой отвѣтственности передъ всею имперіей, и не могъ бы уже болѣе быть посредникомъ при заключеніи сѣвернаго мира. Наконецъ былъ присланъ на письмѣ и рѣшительный отказъ вступить въ союзъ на тѣхъ основаніяхъ, какія желательны царю. Матвѣевъ думалъ, что все же полезно заключить съ цесаремъ союзъ и на будущее время, послѣ примиренія съ Швеціею, потому что Карлъ XII теперь, видя упадокъ своихъ силъ, склонится къ миру, а потомъ, собравшись съ новыми силами, при первомъ удобномъ случаѣ, разорветъ; но оборонительный союзъ Россіи съ цесаремъ будетъ его сдерживать.

По царскому указу, Матвѣевъ не долженъ былъ отставать отъ дѣла, и твердилъ императорскимъ министрамъ, что Шведъ питаетъ неукротимое отвращеніе къ дому Австрійскому, и высказалъ уже свою враждебность во время своихъ успѣховъ; какого же добра императоръ можетъ ожидать себѣ отъ него впередъ? Притомъ извѣстно сколько въ имперіи сильныхъ государей протестантскихъ, склонныхъ къ Шведу и враждебныхъ императору: нужно заранѣе объ этомъ подумать и принять свои мѣры. Но эти внушенія русскаго дипломата не могли имѣть силы, потому что Австрійскій дворъ долженъ былъ иначе смотрѣть на дѣло. Было время, когда дѣйствительно Швеція была опасна Австрійскому дому, какъ представительница протестантизма, естественная защитница его въ Германіи, выдвинутая для этой роли Франціею противъ Габсбурговъ. Но теперь могущество Швеціи было сокрушено, и еслибы даже Швеція успѣла скоро оправиться, то нашла бы себѣ сдержку въ усилившейся Россіи; а въ Германіи начали усиливаться протестантскіе государи, и это усиленіе грозило Австріи большею опасностью, такъ что теперь для нея было важно поддержать Швецію въ Германіи. Пруссія и Ганноверъ сильно хлопотали въ Вѣнѣ, чтобъ императоръ согласился на изгнаніе Шведовъ изъ Германіи; но этими хлопотами возбудили только подозрѣніе при здѣшнемъ дворѣ: зачѣмъ они хотятъ выгнать Шведовъ? чтобъ подѣлить ихъ владѣнія по себѣ, усилиться; но какая выгода Австріи усиливать князей протестантской Германіи; Бранденбургскій курфюрстъ и безъ того уже силенъ и опасенъ, онъ уже король Прусскій; курфюрстъ Ганноверскій будетъ и безъ того уже силенъ, какъ король Англійскій. Знаменитый принцъ Евгеній, первый авторитетъ между государственными людьми Австріи, сильно возсталъ противъ предложеній Пруссіи и Ганновера объ изгнаніи Шведовъ изъ Имперіи; но такъ какъ это предложеніе согласовалось съ выгодами Россіи, которая въ Пруссіи и Ганноверѣ пріобрѣтала новыхъ союзниковъ противъ Швеціи, то Австрійскіе министры сочли нужнымъ сдѣлать съ своей стороны Матвѣеву внушеніе, что виды Пруссіи и Ганновера не имѣютъ ничего общаго съ пользами царскаго величества: «Короли Прусскій, Датскій и курфюрстъ Ганноверскій, говорили они, безотступно здѣсь домогаются, чтобы цесарь позволилъ выгнать Шведа изъ его имперскихъ владѣній; ясно, что они стара-

ются объ одномъ: получа эти владѣнія, подѣлить ихъ между собою, отъ чего царскому величеству никакой выгоды не будетъ; съ другой стороны Августъ король Польскій очень недоволенъ такимъ намѣреніемъ, и отъ этого между сѣверными союзниками является великое безсоюзіе. Цесарь извѣстился, что король Французскій обнадежилъ царское величество, что Шведскій король уступитъ Россіи Финляндію, Ингрію и нѣкоторые города въ Ливоніи, съ тѣмъ, чтобъ царское величество удержалъ за нимъ прежнія шведскія владѣнія въ имперіи. Вотъ почему цесарь не даетъ отвѣта королямъ Датскому и Прусскому и курфюрсту Ганноверскому, желая прежде узнать намѣреніе царскаго величества, чтобы не сдѣлать чего-нибудь ему неугоднаго.»

Царь, въ своемъ желаніи имѣть какъ можно болѣе союзниковъ противъ Шведа и принудить его какъ можно скорѣе къ выгодному для Россіи миру, не могъ входить въ виды австрійскаго двора, и Матвѣевъ получилъ указъ помогать всѣми средствами прусскому посланнику. Матвѣевъ отвѣтилъ австрійскимъ министрамъ, что если цесарь исполнитъ желаніе Прусскаго короля, то этимъ покажетъ свою особенную склонность къ интересамъ царскаго величества. Матвѣеву отвѣчали, что такъ какъ теперь это дѣло дѣлается съ общаго согласія между царскимъ величествомъ и королемъ Прусскимъ, то цесарь, зная это, станетъ и впредь такъ поступать; онъ думалъ только, что если король Шведскій будетъ лишенъ своихъ германскихъ провинцій, то, собравшись съ силами, по сосѣдству можетъ больше повредить Россіи. Но Матвѣевъ писалъ къ своему двору, что не вѣритъ сладкимъ словамъ австрійскихъ министровъ, и особенно боится того, что принцъ Евгеній сильно охладѣлъ къ царскимъ интересамъ и очень благопріятствуетъ Шведу. Отношенія къ Франціи также заставляли Вѣнскій дворъ соблюдать осторожность по шведскимъ дѣламъ. Когда Матвѣевъ не переставалъ домогаться, чтобъ императоръ далъ свое согласіе на изгнаніе Шведовъ изъ имперіи, то вицеканцлеръ Шенборнъ объявилъ ему: «Императоръ уже объявилъ себя посредникомъ по сѣвернымъ дѣламъ, и потому никакъ не можетъ позволить на исключеніе Швеціи изъ имперіи, въ противномъ случаѣ онъ явился бы явнымъ доброжелателемъ одной сторонѣ и явнымъ противникомъ другой, вслѣдствіе чего потерялъ бы право на посредничество.»

Въ концѣ 1714 года пришло извѣстіе о разрывѣ между Турками и Венеціанами, что грозило войною и Австріи по союзу ея съ Венеціею. Эта новая турецкая война, писалъ Матвѣевъ, не безполезна будетъ для войны сѣверной, когда Турки разорвутъ миръ и съ цесаремъ. Тогда здѣшній гордый дворъ, оставя свои прежнія прихоти и поманки Шведу, самъ будетъ заискивать, чтобъ вступить въ союзъ съ царскимъ величествомъ. Принцъ Евгеній, прощаясь съ шведскимъ канцлеромъ Миллеромъ, обошелся съ нимъ холодно. Я, въ разговорѣ съ принцемъ, выразилъ ему свое удовольствіе по этому случаю и обѣщалъ донесть о его поступкѣ царскому величеству, чѣмъ принцъ былъ доволенъ и обошелся со мною очень ласково, какъ видно, проча себѣ царское величество по причинѣ войны турецкой.

Еще въ половинѣ года Матвѣеву дано было знать изъ Петербурга, что онъ отзывается изъ Вѣны и назначается въ Польшу. Послѣ этого распоряженія царь получилъ доносъ на Матвѣева изъ Вѣны на французскомъ языкѣ, выходившій, какъ можно полагать изъ саксонскаго посольства въ Вѣнѣ, ибо Матвѣевъ, въ своихъ донесеніяхъ, не щадилъ короля Августа и его представителя при императорскомъ дворѣ; вѣроятно, прослышавъ о новомъ назначеніи Матвѣева, въ Дрезденѣ хотѣли избавиться отъ такого человѣка, очернивъ его передъ царемъ, выставивши его неспособность. Безымянный доносчикъ говоритъ, что во время пріѣзда Матвѣева въ Вѣну, здѣшній дворъ былъ очень склоненъ ко вступленію въ тѣсный союзъ съ царемъ; но Матвѣевъ своимъ поведеніемъ уничтожилъ это доброе расположеніе. Матвѣевъ началъ съ того, что сталъ ссориться съ иностранными министрами за рангъ и титулъ превосходительства и вслѣдствіе другихъ неосновательныхъ придирокъ съ его стороны, при чемъ не пощадилъ и министровъ союзническихъ. Такъ онъ споромъ о рангѣ оскорбилъ венеціанскаго посла, любимаго, уважаемаго и имѣющаго большую силу при Вѣнскомъ дворѣ. Лучшихъ товарищей Матвѣеву подобрала любовница его Шперлингъ, дочь вѣнскаго лакея, Шведа по происхожденію, который обокралъ въ Вѣнѣ своего господина и ушелъ въ Швецію; думаютъ, что онъ ведетъ переписку съ своею дочерью, которая, вмѣстѣ съ матерью, живетъ въ домѣ Матвѣева. Самый довѣренный человѣкъ у Матвѣева, знающій всѣ интересы царскіе, — баронъ Фронвиль, который самъ

себя назвалъ барономъ, тогда какъ онъ сынъ извѣстнаго шарлатана, бывшаго мошенникомъ въ Парижѣ, потомъ лазутчикомъ французскимъ при Польскомъ дворѣ. Этого-то барона Фронвиля Матвѣевъ прочилъ на свое мѣсто, въ министры при Вѣнскомъ дворѣ и слово уже ему далъ. Фронвиль ввелъ въ домъ къ Матвѣеву разныхъ господъ, которые называютъ себя близкими людьми графа Стеллы, любимца императорскаго, черезъ котораго они обѣщаются помогать успѣху дѣлъ царскихъ. Но графъ Стелла никогда ничего ни для кого не сдѣлалъ, и чѣмъ бы приводить дѣла къ концу, онъ ихъ только останавливаетъ. Матвѣевъ просилъ императора, чтобъ поручилъ веденіе переговоровъ съ нимъ графу Стеллѣ: это сильно повредило интересамъ царскимъ, потому что навлекло Матвѣеву непріязнь всего министерства. Надобно знать лично Матвѣева и видѣть, какъ онъ управляетъ своими дѣлами, и тогда только можно понять, что человѣкъ, столько лѣтъ обращающійся на дипломатическомъ поприщѣ, можетъ быть такъ не опытенъ въ дѣлахъ европейскихъ и въ интересахъ придворныхъ. Будучи при главномъ нѣмецкомъ дворѣ, Матвѣевъ позволяетъ себѣ говорить безчестныя рѣчи о народѣ нѣмецкомъ; и жена его, въ короткое время своего пребыванія здѣсь, вела себя достойно своего супруга. Принцъ Евгеній говоритъ, что не хочетъ больше имѣть съ Матвѣевымъ никакого дѣла, ибо Матвѣевъ дурно отзывается объ немъ за то только, что онъ, принцъ, далъ аудіенцію шведскому министру, какъ будто Вѣнскій дворъ не нейтральный. Матвѣевъ думаетъ, что государственный вицеканцлеръ графъ Шенборнъ находится совершенно въ его рукахъ: это было бы желательно для службы царскаго величества, еслибы господинъ Матвѣевъ умѣлъ воспользоваться такими отношеніями; но такъ какъ онъ слишкомъ разславилъ о дружбѣ своей съ Шенборномъ, то эта дружба можетъ послужить только къ тому, чтобъ Матвѣева сдѣлать имперскимъ графомъ, что̀, вѣроятно, и сдѣлается, если Матвѣевъ дорого заплатитъ за патентъ. Издержки Матвѣева, экипажъ не дѣлаютъ ему большой чести, потому что онъ всегда ѣздитъ на наемныхъ лошадяхъ. Правда, что получаемыхъ имъ отъ своего двора денегъ недостаточно, потому что любовница стоитъ ему больше 12.000 гульденовъ въ годъ, и потому онъ обремененъ долгами.

Новый 1715 годъ засталъ еще Матвѣева въ Вѣнѣ, куда вмѣстѣ

съ шведскими генералами, проѣзжавшими изъ Турціи въ Швецію въ слѣдъ за королемъ своимъ, явился и Орликъ, называвшійся гетманомъ войска запорожскаго: «По нижайшей и вѣрной должности моего природнаго рабства, писалъ Матвѣевъ, не могъ я удержать себя въ нѣмомъ молчаніи и видѣть предъ глазами своими того вора, клятвопреступнаго измѣнника и супостата государству Россійскому съ его сообщниками, и потому ни мало не медля, подалъ здѣшнему двору меморіалъ о выдачѣ его, измѣнника, въ державу царскаго величества.» Матвѣеву отвѣчали «гораздо студено,» что едва ли его желаніе будетъ исполнено цесаремъ, который не можатъ взять назадъ своего слова: онъ обѣщалъ безопасный проѣздъ чрезъ свои владѣнія Шведскому королю со всѣми находившимися при немъ людьми.—«Позволеніе дано Шведамъ, возражалъ Матвѣевъ, а не ворамъ, измѣнникамъ царскаго величества.» На это «гораздо неучтивый и неожиданный» былъ отвѣтъ: прежде самъ царское величество цесарскихъ бунтовщиковъ и начальниковъ мятежа, князя Рагоци и графа Берчени въ Польшѣ держалъ подъ своимъ покровительствомъ, въ службѣ своей ихъ имѣлъ и къ столу своему допускалъ, не обращая вниманія на цесарскую дружбу; а царскій министръ, баронъ Урбихъ, находясь въ Вѣнѣ, не только явно сносился съ венгерскими бунтовщиками, но подъ своею защитой ихъ держалъ и явно въ своей свитѣ ихъ возилъ.»—«Случай неровный, возражалъ Матвѣевъ: когда цесарь требовалъ ихъ выдачи, то царское величество не могъ ихъ выдать не изъ своего государства, изъ Польши, могъ только сейчасъ же отъ себя ихъ удалить, что и сдѣлалъ; а если Урбихъ что дѣлалъ по своей дерзости, не по указу, то дѣло частное, сюда нейдетъ. Услыхавъ о дурномъ поведеніи Урбиха, царское величество не только отозвалъ его отсюда, но и изъ службы своей уволилъ.» На это отвѣта не было.

28 февраля Матвѣевъ имѣлъ у цесаря отпускную аудіенцію. Императоръ говорилъ съ отъѣзжающимъ министромъ долго и милостиво, просилъ донести царскому величеству о своей великой, и искренней и постоянной дружбѣ, которую современемъ докажетъ на самомъ дѣлѣ; если же этихъ доказательствъ онъ не могъ дать теперь по обстоятельствамъ, то чтобъ царское величество не принялъ этого за отмѣну дружбы, а онъ, цесарь, приложитъ, съ своей стороны, всевозможный трудъ о заключеніи сѣвернаго мира.

Императрица просила передать свой низкій поклонъ царю и всему его высокодержавному дому, увѣрить въ искренней своей дружбѣ и особенномъ уваженіи, говорила, что постоянно старалась охранять интересы царскаго величества и обѣщала исполнять это и въ отсутствіе Матвѣева, прославляла отеческія милости Петра къ сестрѣ его, кронъ-принцессѣ, о которыхъ та извѣщала ее въ своихъ письмахъ. Матвѣевъ замѣтилъ на это, что хорошо было бы, еслибы и всѣ члены вольфенбительскаго дома вели себя такъ же по отношенію къ русскимъ интересамъ; ибо сверхъ чаянія, несмотря на родственный союзъ, видится противное: правительствующій герцогъ не слѣдуетъ примѣру отца своего, недавно умершаго Антона Ульриха: имѣя 6.000 войска и приказавъ набрать еще 3.000 человѣкъ, сблизился съ ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ, союзникомъ Шведскаго короля, и постоянно во всемъ обнаруживаетъ сильную склонность къ интересамъ шведскимъ.—«Къ сожалѣнію, сказала на это императрица, не могу скрыть, что герцогъ имѣетъ большую склонность къ Швеціи; но я сомнѣваюсь въ вѣрности вашихъ извѣстій, потому что императоръ недавно писалъ къ герцогу, уговаривая его перемѣнить образъ дѣйствій, и въ послѣднихъ письмахъ, полученныхъ мною отъ родителей, нѣтъ объ этомъ ничего; теперь я сама напишу сильное письмо къ герцогу, чтобъ онъ не сближался съ Швеціею.» Въ заключеніи императрица приказала остававшемуся послѣ Матвѣева секретарю Ланчинскому доносить ей о всѣхъ дѣлахъ царскихъ, и обѣщала охранять царскіе интересы наравнѣ съ своими.—Матвѣевъ отправился въ Варшаву; но здѣсь получилъ указъ возвратиться въ Россію, гдѣ мы уже видѣли его дѣятельность, какъ президента юстицъ-коллегіи.

Послѣ Матвѣева въ Вѣну былъ назначенъ резидентомъ Абрамъ Веселовскій, который началъ свои донесенія съ конца августа 1715 года извѣстіями о предстоящей войнѣ у цесаря съ Турками. «По предложенію принца Евгенія, писалъ Веселовскій, насъ не хотятъ приглашать ко вступленію въ союзъ противъ Турокъ; положено начинать войску съ однѣми своими силами. Венеціанскій посолъ сильно старался у здѣшняго двора, чтобъ Россія приглашена была къ союзу: но ему отказано безъ объясненія причинъ. Голландскій посолъ думаетъ, что цесарскій дворъ надѣется на свои большія войска и думаетъ завоевать Царьградъ; поэтому

и не хочетъ допускать Русское войско, чтобъ по взятіи Константинополя царь не имѣлъ притязаній на титулъ восточнаго императора, ибо титулъ этотъ, по мнѣнію здѣшняго двора, можетъ принадлежать только римскимъ государямъ.» Скоро Веселовскій нашелъ *каналъ*, какъ выражались тогдашніе дипломаты: «Оберъ гофъ-канцлеръ, графъ Цинцендорфъ пользуется большею довѣренностію цесаря; жена его, которую онъ чрезмѣрно любитъ, имѣетъ сильную страсть къ игрѣ и проигрываетъ большія деньги. Получивъ доступъ въ ихъ домъ я предложилъ графинѣ, не согласится ли ея мужъ, за извѣстную пенсію, оказывать добрыя услуги царскому величеству. Черезъ три недѣли графиня объявила мнѣ, что съ большимъ трудомъ успѣла уговорить мужа и свела меня съ нимъ. Мы уговорились, что о нашихъ сношеніяхъ кромѣ царскаго величества не будетъ знать никто; пенсія будетъ состоять изъ 6000 ефимковъ, за что Цинцендорфъ обязался съ полною откровенностію передавать о всѣхъ предложеніяхъ, которыя будутъ дѣлаться Вѣнскому двору со стороны союзниковъ или короля Шведскаго, также помогать во всѣхъ дѣлахъ царскихъ.» Но въ Петербургѣ не согласились на эти условія.

Въ 1716 году знаменитое Мекленбургское дѣло возбудило и въ Вѣнѣ такія же подозрѣнія, какія Мекленбургскіе дворяне старались возбуждать при другихъ дворахъ. Веселовскій писалъ, что императоръ, получивъ извѣстія о вступленіи Русскихъ войскъ въ Мекленбургію, созвалъ въ тайный совѣтъ принца Евгенія, князя Траутсона и графа Цинцендорфа, и всѣ трое увѣрили Карла VI, что царь, удаляясь отъ вступленія въ союзъ съ Австріею противъ Порты, непремѣнно имѣетъ намѣреніе утвердиться въ Германіи; герцогъ Мекленбургскій далъ къ тому поводъ, обѣщая принять Русскія войска въ Ростокъ. Для предупрежденія такихъ опасностей, разосланы были грамоты къ курфюрсту Ганноверскому и герцогу Вольфенбительскому, чтобъ они немедленно ввели свои войска въ Ростокъ, если герцогъ Мекленбургскій не оставитъ тамошній магистратъ при прежнихъ правахъ. Принцъ Евгеній, Траутсонъ и Цинцендорфъ внушали императору, что если представится хотя малый способъ къ примиренію съ Турками, то помириться и обратить вниманіе на Германію, потому что когда Русскія войска возвратятся назадъ изъ Германіи, а цесарь въ это время будетъ занятъ войною турецкою, то царь безпрепятственно можетъ не-

полнить свое намѣреніе. Это опасеніе, возбужденное царемъ заставило даже принца Евгенія отложить отъѣздъ свой въ Венгрію. Цесарскому министру при Русскомъ дворѣ наказано было предложить царю союзъ противъ Турокъ, и Карлъ VI объявилъ, что будетъ ждать извѣстія, какъ царь приметъ это предложеніе, и если не приметъ, то это будетъ служить знакомъ, что онъ хочетъ вмѣшаться въ германскія дѣла. Но потомъ передумали, рѣшили, что нельзя упустить благопріятнаго времени для начатія войны съ Турками и дать имъ возможность овладѣть Далмаціею, послѣ чего они будутъ очень опасны для Австріи. Принцъ Евгеній отправился къ войску. Не смотря на блистательные успѣхи его надъ Турками, въ Вѣнѣ сильно желали поскорѣе прекратить войну по финансовымъ затрудненіямъ, и съ безпокойствомъ смотрѣли на сѣверъ, откуда могло явиться препятствіе успѣхамъ. Изъ Мекленбурга, изъ Ганновера, изъ Даніи приходили къ императору сильныя жалобы на царя, что онъ разоряетъ Мекленбургію своими войсками, хватаетъ тамошнихъ дворянъ по наущенію герцога. Представленій Веселовскаго не слушали, и цесарь, какъ глава имперіи, выдалъ декретъ, чтобъ директоры того имперскаго округа, къ которому принадлежала Мекленбургія, озаботились вытѣсненіемъ изъ нея Русскихъ войскъ. Когда осенью пришла вѣсть, что высадка въ Шонію не состоялась, и что царь, недовольный союзниками, хочетъ заключить отдѣльный миръ съ Швеціею, то это очень встревожило императора, который говорилъ своимъ министрамъ и приближеннымъ: «Въ этомъ больше всего виноватъ ганноверскій дворъ, особенно министръ Бернсторфъ, который по своимъ частнымъ видамъ склонилъ короля настаивать на вытѣсненіе Русскихъ войскъ изъ Мекленбургіи и намъ не давалъ покоя, чтобъ выдать противъ нихъ декретъ. Мы долго его не выдавали, наконецъ по императорской обязанности выдали; а теперь думаемъ, что ганноверскій дворъ и самъ этому не радъ. Боюсь, чтобы король Шведскій, возвратясь въ Германію и усилясь войсками протестантскихъ князей, не обезпокоилъ насъ во время войны нашей съ Турками, полагая насъ на сторонѣ сѣверныхъ союзниковъ. Министры отвѣчали, что Бернсторфъ подлежитъ за это сильнѣйшему наказанію. Съ другой стороны Вѣнскій дворъ сильно раздражался тѣмъ, что не смотря на всѣ его представленія, Русскія войска не выходили изъ Мекленбурга. Въ началѣ 1717 года, когда Веселовскій увѣрялъ

принца Евгенія и другихъ министровъ въ дружбѣ и уваженіи, какія царь постоянно питаетъ къ цесарю и просилъ не вѣрить внушеніямъ Ганноверскаго двора, происходящимъ вслѣдствіе личныхъ дѣлъ Бернсторфа и Мекленбургской шляхты, то принцъ отвѣчалъ, что все это будетъ пріятно слышать цесарю, только на словахъ одно, а на дѣлѣ другое: Мекленбургія разорена въ конецъ Русскими войсками. Веселовскій объявилъ, что какъ скоро позволитъ время года, то войска выступятъ изъ Мекленбургіи, что онъ принцъ, какъ искуснѣйшій генералъ въ цѣломъ свѣтѣ, можетъ легко понять, что въ настоящее время можно уничтожить войско походомъ. Принцъ возразилъ на это: «Если бы за все платили, то, можетъ быть, такого вопля и не было бы: но каждую почту присылаютъ по сту жалобъ на ваши войска, представляя такое бѣдствіе, что крестьяне начали мереть отъ голода, не имѣя болѣе и соломы, а шляхта отступается отъ имѣній своихъ.» Въ апрѣлѣ Веселовскій объявилъ принцу Евгенію о выступленіи Русскихъ войскъ изъ Мекленбурга, въ слѣдъ за чѣмъ снова началось дѣло о союзѣ: принцъ Евгеній объявилъ, что цесарю очень пріятно вступить въ союзъ съ царскимъ величествомъ, но просилъ, чтобъ Шведскихъ дѣлъ не мѣшать съ другими, ибо въ такомъ случаѣ императору нельзя будетъ принять посредничество для заключенія сѣвернаго мира: но если царскому величеству угодно будетъ заключить наступательный союзъ противъ Турціи, то со стороны императора показано будетъ всякое облегченіе и взаимное обязательство, только цесарь проситъ не допускать къ переговорамъ Прусскаго короля [44].

Но переговоры о союзѣ должны были уступить мѣсто другимъ переговорамъ.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Дѣло Царевича Алексѣя Петровича. — Объясненіе отношеній царевича къ отцу изъ условій времени.—Вопросъ о наслѣдственности родовыхъ свойствъ.— Характеръ царевича Алексѣя. — Отношенія его къ старому и новому. — Его воспитаніе и воспитатели. — Его окружающіе. — Духовникъ Яковъ Игнатьевъ. — Царевичь привыкаетъ враждовать къ отцу и дѣламъ его. — Отношенія къ вельможамъ. — Царевичь-правитель. — Онъ продолжаетъ учиться. — Поѣздка за границу. — Ученье въ Дрезденѣ. — Женитьба царевича. — Разлука его съ женою. — Отношенія кронъ-принцессы къ царю. — Пріѣздъ ея въ Петербургъ. — Окончательное охлажденіе отца къ сыну. — Будущее царевича. — Столкновеніе этого будущаго съ будущимъ царя. — Семейная жизнь царевича. — Поѣздка Алексѣя въ Карлсбадъ для лѣченья. — Рожденіе дочери у него. — Рожденіе сына и кончина кронъ-принцессы. — Письменное объясненіе царя съ сыномъ. — Царевичь отказывается отъ наслѣдства. — Петръ требуетъ постриженія. — Царевичь соглашается и на это. — Петръ медлитъ рѣшеніемъ дѣла и даетъ срокъ сыну одуматься. — Требованіе Петра изъ за границы, чтобъ Алексѣй или постригся, или пріѣзжалъ къ нему. — Царевичь, повидимому, ѣдетъ къ отцу въ Данію, но вмѣсто того уѣзжаетъ въ Вѣну и проситъ убѣжища и покровительства у императора Карла VI. — Его укрываютъ сначала въ замкѣ Эренбергѣ въ Тиролѣ и потомъ въ Неаполѣ. — Царь узнаетъ о мѣстопребываніи сына и требуетъ его возвращенія. — Царевичь возвращается. — Розыскъ въ Москвѣ. — Розыскъ въ Петербургѣ.— Приговоръ суда. — Кончина царевича и разные слухи объ ней.

Время, нами описываемое есть время тяжелой и кровавой борьбы, какая обыкновенно знаменуетъ великіе перевороты въ жизни народовъ. Во время этихъ переворотовъ рушатся самыя крѣпкія связи; борьба не ограничивается жизнію общественною, площадью, она проникаетъ въ заповѣдную внутренность домовъ, вноситъ вражду въ семейства. Божественный Основатель религіи любви и мира объявилъ что пришелъ не водворить миръ на землѣ, но ввергнуть ножъ среди людей, внести раздѣленіе въ семьи, поднять

сына на отца и дочь на мать. Тѣ же явленія представляетъ намъ и гражданская исторія: извѣстна каждому, по школьнымъ воспоминаніямъ, смерть сыновей Брута, принесенныхъ отцемъ въ жертву новому порядку вещей. Неудивительно, что страшный переворотъ, который испытывала Россія въ первую четверть XVIII вѣка, внесъ раздѣленіе и вражду въ семью преобразователя и повелъ къ печальной судьбѣ, постигшей сына его, царевича Алексѣя Петровича.

Наблюдая за наслѣдственностію, за передачею качествъ физическихъ и нравственныхъ отъ родителей дѣтямъ, мы замѣчаемъ, что сумма этихъ качествъ составляетъ родовое достояніе, и притомъ достояніе двухъ родовъ, отцовскаго и материнскаго. Извѣстная часть качествъ изъ этой суммы, въ той или другой степени, передается ребенку подъ вліяніемъ извѣстныхъ благопріятствующихъ условій, при чемъ нѣкоторыя условія производятъ то, что качества, принесенныя матерью изъ своего рода берутъ верхъ надъ качествами отца или уступаютъ имъ мѣсто. Ребенокъ родится въ отца или въ мать; иногда качество того или другой перемѣшиваются и умѣряютъ другъ друга, иногда ребенокъ физически весь въ отца, а нравственно весь въ мать, или наоборотъ; иногда въ малолѣтствѣ похожъ на одного изъ родителей въ томъ или другомъ отношеніи, а съ развитіемъ становится похожъ на другаго. Иногда ребенокъ не похожъ ни на отца, ни на мать; но онъ похожъ на дѣда, на бабку, на какого-нибудь отдаленнаго родственника съ отцовской или материнской стороны, о которомъ едва помнятъ въ родствѣ, ибо мы сказали, что сумма качествъ есть общее родовое достояніе, и только извѣстная часть ихъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, обнаруживается въ новомъ членѣ рода. Говоримъ: обнаруживается, ибо переходятъ всѣ качества, но только часть ихъ при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ развивается, становится видимою; другія же сокрытыя, какъ бы остаются въ запасѣ; происходитъ новый бракъ, являются новыя условія, благопріятныя для развитія этихъ сокрытыхъ родовыхъ качествъ, и они развиваются, отстраняя, заглушая другія, но не уничтожая ихъ, оставляя только подъ спудомъ до поры до времени, до благопріятныхъ для нихъ условій. Такъ въ извѣстномъ бракѣ, мать отстраняетъ въ ребенкѣ качества отца, ребенокъ выходитъ вовсе не похожъ на отца, или отцовскія качества, благо-

даря условіямъ, принесеннымъ матерью, развиты въ немъ въ такой слабой степени, что сходство усмотрѣть трудно. Но отцовскія качества ни въ какомъ случаѣ не уничтожаются; ребенокъ выростаетъ, мужаетъ, вступаетъ въ бракъ, скрытыя въ немъ отцовскія качества, найдя въ природѣ жены благопріятныя для своего развитія условія, открываются, и ребенокъ, отъ этого брака происшедшій, выходитъ похожъ не на отца, а на дѣда.

Эти явленія, это несходство между родителями и дѣтьми, сходство съ однимъ изъ родителей и несходство съ другимъ имѣетъ важное значеніе въ жизни семействъ. Сильныя столкновенія часто происходятъ отъ этого между людьми, связанными такимъ крѣпкимъ союзомъ, какъ родители и дѣти. Подобныя столкновенія въ семьяхъ владѣльческихъ ведутъ иногда къ кровавымъ послѣдствіямъ. Константинъ Великій казнилъ роднаго сына, Криспа. Во времена новѣйшія Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I-й едва не казнилъ сына, знаменитаго въ послѣдствіи Фридриха II. Въ семьяхъ владѣльческихъ несходство между отцомъ и сыномъ условливаетъ несходство настоящаго съ будущимъ для многихъ людей, иногда для цѣлаго народа; недовольные настоящимъ живутъ надеждою лучшаго для нихъ будущаго, и потому обращаются къ представителю этого будущаго для народа, къ наслѣднику престола и стараются развить и укрѣпить въ немъ несходство съ отцемъ, выставить это несходство въ выгодномъ свѣтѣ, освятить его общимъ благомъ и желаніемъ народа. Другіе, которые сочувствуютъ настоящему или находятъ его выгоднымъ для себя, стараются удалить враждебное для нихъ будущее, враждуютъ къ наслѣднику и усиливаютъ вражду къ нему въ отцѣ. Всего обильнѣе послѣдствіями подобныя отношенія бываютъ во времена сильныхъ переворотовъ въ народной жизни, когда одно начало смѣняетъ въ господствѣ другое. Царствованіе Петра было именно такимъ временемъ для Россіи, и понятно, почему въ это время вопросъ: сынъ и наслѣдникъ преобразователя похожъ ли на отца? былъ вопросомъ первой важности.

Мы видѣли, какъ переворотъ, преобразовательное движеніе, при которомъ родился и воспитался Петръ, къ которому приладилась его огненная, не знающая покоя, остановки натура, повредилъ его семейнымъ отношеніямъ въ первомъ бракѣ. Жена пришлась не по мужу, и царица Евдокія Ѳедоровна очутилась въ монасты-

рѣ подъ именемъ старицы Елены; Петръ женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Скавронской; но отъ перваго брака остался сынъ и наслѣдникъ, царевичь Алексѣй, родившійся 19 февраля 1690 года. Россія волнуется бурями преобразованія, всѣ истомлены и жаждутъ пристать къ тому или другому берегу; для всѣхъ одинаково важенъ и страшенъ вопросъ: сынъ похожъ ли на отца?

Изъ дошедшихъ до насъ источниковъ мы не можемъ изучить въ подробности характера Евдокіи Ѳедоровны, и потому не считаемъ себя въ правѣ рѣшать вопросъ, былъ ли похожъ на мать царевичь Алексѣй? Но намъ извѣстенъ достаточно характеръ отца, извѣстенъ и характеръ дѣда, и мы имѣемъ полное право сказать, что царевичь, не будучи похожъ на отца, былъ очень похожъ на дѣда, царя Алексѣя Михайловича. Царевичь былъ уменъ: въ этомъ мы можемъ положиться на свидѣтеля самаго вѣрнаго и безпристрастнаго, на самого Петра, который писалъ сыну: «Богъ разума тебя не лишилъ.» Царевичь Алексѣй былъ охотникъ пріобрѣтать познанія, если это не стоило большаго труда, былъ охотникъ читать и пользоваться прочитаннымъ; сознавалъ необходимость образованія, необходимость для Русскаго человѣка знать иностранные языки [45]. Вообще, говоря о борьбѣ стараго съ новымъ въ описываемое время, о людяхъ враждебныхъ Петру и его дѣламъ и включая въ это число собственнаго сына его, должно соблюдать большую осторожность, иначе надобно будетъ поплатиться противорѣчіемъ. Мы видѣли, что въ Россіи прежде Петра сознана была необходимость образованія и преобразованія, прежде Петра началась сильная борьба между старымъ и новымъ; явились люди, которые объявили грѣховною всякую новизну, всякое сближеніе съ западомъ и его наукою. Но не одни эти люди, не одни раскольники боролись съ Петромъ. До Петра были люди, которые обратились за наукою къ западнымъ сосѣдямъ, учились и учили дѣтей своихъ иностраннымъ языкамъ, выписывая учителей изъ-за польской границы. Но мы видѣли [46], что это направленіе, обнаружившееся на верху Русскаго общества при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и правительницѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, это направленіе явилось недостаточнымъ для Петра; съ учеными монахами малороссійскими и бѣлорусскими, съ учителями изъ польскихъ шляхтичей, которые могли выучить полатыни и попольски и внушить интересъ къ спорамъ о хлѣбопоклонной ереси, — съ помощію

этихъ людей нельзя было сдѣлать Россію одною изъ главныхъ державъ Европы, побѣдить Шведа, добиться моря, создать войско и флотъ, вскрыть естественныя богатства Россіи, развить промышленность и торговлю: для этого нужны были другіе люди, другія средства, для этого нужна была не одна школьная и кабинетная работа, для этого нужна была страшная, напряженная дѣятельность, незнаніе покоя, для этого Петръ самъ идетъ въ плотники, шкипера и солдаты, для этого призываетъ всѣхъ русскихъ людей забыть на время выгоды, удобства, покой и дружными усиліями вытянуть родную землю на новую, необходимую дорогу. Многимъ этотъ призывъ показался тяжекъ. Къ недовольнымъ принадлежали не раскольники, которые оставались вѣрны своему старому, основному взгляду, только сильнѣе убѣждались въ пришествіи антихриста,—къ недовольнымъ принадлежали не одни низшіе рабочіе классы, которые, безъ яснаго сознанія цѣли, вдругъ увидали на себѣ тяжкія подати и повинности, къ недовольнымъ принадлежали люди образованные, которые сами учились и учили дѣтей своихъ, которые были охотники побесѣдовать съ знающимъ человѣкомъ, съ духовнымъ лицомъ, а побесѣдовавъ, попить и понапоить ученаго собесѣдника, которые были охотники и книжку почитать ученую или забавную, хотя бы даже на польскомъ или латинскомъ языкѣ, употребить иждивеніе на собраніе библіотеки, были не прочь поѣхать и за границу, полѣчиться на водахъ и посмотрѣть заморскія диковины, накупить разныхъ хорошихъ вещей для украшенія своихъ домовъ; однимъ словомъ они были никакъ не прочь отъ сближенія съ западною Европою, отъ пользованія плодами ея цивилизаціи: но надобно было сохранять при этомъ приличное сану достоинство и спокойствіе; зачѣмъ эта суетня и бѣготня, незнаніе покоя, покинутіе старой столицы, старыхъ удобныхъ домовъ и поселеніе на краю свѣта, въ самомъ непригожемъ мѣстѣ? зачѣмъ эти наборы честныхъ людей, отецкихъ дѣтей въ неприличныя ихъ роду службы и работы? за чѣмъ эта долголѣтняя война, отъ которой всѣ пришли въ конечное разореніе? И царь Алексѣй Михайловичь велъ долгую и тяжелую войну; но за то православныхъ Черкасъ защитилъ отъ уніи и Кіевъ добылъ: а теперь столько крови проливается и казны тратится все изъ-за этого погибельнаго болота!

Царевичь Алексѣй Петровичь, по природѣ своей, былъ именно

представителемъ этихъ образованныхъ русскихъ людей, которымъ дѣятельность Петра также не нравилась, какъ и раскольникамъ, но которые, относительно нравственности побужденій своихъ, уступали жителямъ Выгорѣцкаго скита и Керженскихъ лѣсовъ. Царевичь Алексѣй Петровичь былъ уменъ и любознателенъ, какъ былъ уменъ и любознателенъ дѣдъ его, царь Алексѣй Михайловичь, или дядя царь Ѳедоръ Алексѣевичь; но, подобно имъ, онъ былъ тяжелъ на подъемъ, неспособенъ къ напряженной дѣятельности, къ движенію безъ устали, которыми отличался отецъ его; онъ былъ лѣнивъ физически и потому домосѣдъ, любившій узнавать любопытныя вещи изъ книги, изъ разговора только; отъ того ему такъ нравились русскіе образованные люди второй половины XVII вѣка, оттого и онъ имъ такъ нравился. Россія въ своемъ поворотѣ, въ своемъ движеніи къ западу, шла очень быстро; въ короткое время она изживала уже другое направленіе; царевичь Алексѣй, похожій на дѣда и дядю, былъ образованнымъ, передовымъ русскимъ человѣкомъ XVII вѣка, былъ представителемъ стараго направленія; Петръ былъ передовой русскій человѣкъ XVIII вѣка, представитель иного направленія: отецъ опередилъ сына! Сынъ, по природѣ своей, жаждалъ покоя, и ненавидѣлъ все то, что требовало движенія, выхода изъ привычнаго положенія и окруженія; отецъ, которому, по природѣ его, были болѣе всего противны домосѣдство и лежебокость, во имя настоящаго и будущаго Россіи, требовалъ отъ сына вниманія къ тѣмъ средствамъ, которыя могли обезпечить Россіи пріобрѣтенное ею могущество, а для этого нужна была практическая дѣятельность, движеніе постоянное, необходимое по значенію русскаго царя, по формѣ русскаго правленія. Въ слѣдствіе этихъ требованій съ одной стороны и естественнаго, неодолимаго отвращенія къ выполненію ихъ съ другой и возникали изначала печальныя отношенія между отцомъ и сыномъ, отношенія между мучителемъ и жертвою, ибо нѣтъ болѣе сильнаго мучительства, какъ требованіе перемѣнить свою природу, а этого именно и требовалъ Петръ отъ сына.

Отъ рожденія до девяти лѣтъ царевичь Алексѣй находился при матери. Повторяемъ, что по недостаточному знакомству съ характеромъ и взглядами Евдокіи Ѳедоровны, мы не считаемъ себя въ правѣ утверждать, что мать, «коснѣвшая, какъ говорятъ, въ пред-

разсудкахъ старины, и ненавидѣвшая все, что нравилось Петру,» могла внушить малюткѣ предразсудки старины, приготовить въ немъ какого-то раскольника, какимъ Алексѣй никогда не былъ. Можемъ предполагать, что мать не умѣла и не хотѣла скрыть передъ сыномъ своего раздраженія противъ отца, который являлся въ семьѣ рѣдкимъ и невеселымъ гостемъ; если ребенокъ любилъ мать, то не могъ получить сильной привязанности къ отцу, который являлся тиранномъ матери; съ большею основательностію можемъ предположить, что жители Нѣмецкой слободы, къ которымъ принадлежала дѣвица Монцова, не пользовались хорошею репутаціею въ комнатахъ царицы Евдокіи и маленькій царевичъ не могъ слышать объ нихъ хорошаго слова; можемъ поэтому предположить, что въ 1698 году стрѣльцы говорили правду, утверждая, что царевичъ Нѣмцевъ не любитъ.

Шести лѣтъ Алексѣя начали учить грамотѣ, для чего призванъ былъ Никифоръ Вяземскій, могшій заслужить славу отличнаго грамотѣя умѣньемъ писать широковѣщательно, т. е., по тогдашнему, очень краснорѣчиво. Вяземскій оправдалъ свой выборъ въ письмѣ къ Петру о томъ, какъ началъ преподавать азбуку царевичу: «Приступилъ къ свѣтлой твоей денницѣ, отъ тебя умна солнца изливающе свѣтъ благодати, благословенному и царскихъ чреслъ твоихъ плоду, свѣтлопорфирному великому государю царевичу, сотворихъ о безначальномъ альфы начало, что да будетъ всегда во всемъ забрало благо.»

Учитель остался при царевичѣ, когда мать была удалена въ суздальскій Покровскій монастырь. Петръ, который всю жизнь тужилъ о томъ, что не получилъ въ молодости прочнаго образованія, хлопоталъ о средствахъ дать его сыну; эти средства легко можно было найдти за границею, и Петръ хотѣлъ отправить сына въ Дрезденъ; но сѣверная война, какъ видно, помѣшала исполнить это намѣреніе. Между тѣмъ къ царевичу приставили иностраннаго наставника Нейгебауера, который и долженъ былъ ѣхать съ нимъ за границу. Мы видѣли, какъ честолюбивый и вспыльчивый Нѣмецъ враждебно столкнулся съ окружавшими царевича *кавалерами*, Вяземскимъ, Алексѣемъ Ив. Нарышкинымъ, и былъ вслѣдствіе этого удаленъ въ 1702 году. Преемникомъ ему былъ также уже извѣстный намъ баронъ Генрихъ Гюйссенъ (Гизенъ). По плану воспитанія, составленному новымъ наставникомъ,

царевичъ прежде всего долженъ былъ пріобрѣсть необходимое средство образованія, изучить французскій языкъ, какъ самый легкій и наиболѣе употребительный, и когда станетъ понимать французскія книги, начать преподаваніе наукъ, исторіи и географіи, какъ истинныхъ основаній политики, потомъ математики и т. д.[50]. Но однимъ ученіемъ Петръ не ограничивался, и въ 1703 году вызвалъ сына въ походъ, въ которомъ тотъ участвовалъ въ званіи солдата бомбардирской роты[51]. По возвращеніи изъ похода, въ Москвѣ царь сказалъ Гюйссену: «Самое лучшее, что я могъ сдѣлать для себя и для своего государства—это воспитать своего наслѣдника. Самъ я не могу наблюдать за нимъ; поручаю его вамъ.» Въ слѣдующемъ 1704 году царевичъ былъ въ Нарвѣ по взятіи этого города. Здѣсь Петръ высказалъ сыну свои отношенія къ нему, далъ страшную программу, отъ которой не отступилъ: «Мы благодаримъ Бога за побѣду. Побѣды отъ Него; но мы, съ своей стороны, должны употреблять всѣ силы для ихъ полученія. Я взялъ тебя въ походъ показать тебѣ, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Я сегодня или завтра могу умереть; но знай, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру. Ты долженъ любить все, что служитъ къ благу и чести отечества, долженъ любить вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они чужіе или свои, и не щадить трудовъ для общаго блага. Если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ и ты не захочешь дѣлать того, что я желаю, то я не признаю тебѣ своимъ сыномъ: я буду молить Бога, чтобъ Онъ наказалъ тебя въ этой и въ будущей жизни.» Царевичъ, цѣлуя руки отца, клялся, что будетъ подражать ему[52]. Неизвѣстно, по какому побужденію сказалъ Петръ эти грозныя слова, дали ли ему знать, или самъ онъ замѣтилъ въ четырнадцатилѣтнемъ сынѣ отвращеніе отъ физическаго труда, отъ подвиговъ. По крайней мѣрѣ, Гюйссенъ дѣлалъ въ это время самые лестные отзывы о занятіяхъ царевича: Алексѣй прочелъ шесть разъ библію, пять разъ по славянски и одинъ разъ по нѣмецки; прочелъ всѣхъ греческихъ отцовъ церкви и всѣ духовныя и свѣтскія книги, которыя когда-либо были переведены на славянскій языкъ; по нѣмецки и по французски говорилъ и писалъ хорошо. Гюйссенъ давалъ знать, что царевичъ разуменъ далеко выше возраста своего, тихъ, кротокъ, благочестивъ.

Гюйссенъ, какъ видно, былъ наученъ примѣромъ своего предшественника, не выставлялся впередъ съ претензіями, не искалъ мѣста оберъ-гофмейстера, съ которымъ была соединена большая отвѣтсвенность (оберъ-гофмейстеромъ былъ Меншиковъ), не сталкивался съ русскими «кавалерами» и другими близкими къ царевичу людьми, ограничивался однимъ преподаваніемъ — слегка: Въ началѣ 1705 года онъ разстался съ царевичемъ; мы видѣли, что онъ былъ отправленъ за границу съ дипломатическими и другими порученіями; а между тѣмъ молодой Алексѣй все болѣе и болѣе затягивался на тотъ путь, за который отецъ грозилъ не признавать его сыномъ своимъ.

Царь въ постоянномъ отсутствіи. Въ Москвѣ управляютъ бояре, которымъ царь изъ разныхъ отдаленныхъ угловъ шлетъ понужденія къ усиленной и самостоятельной дѣятельности, къ какой они не привыкли. Военная и преобразовательная дѣятельность въ разгарѣ; каждый день ждутъ чего-нибудь новаго, труднаго, необычайнаго, наборы людей и денежные поборы безпрестанные. Всѣмъ этимъ тягостямъ не предвидится конца въ настоящее царствованіе; одна надежда на отдыхъ въ царствованіе будущее, и вотъ всѣ люди, жаждующіе отдыха, обращаются къ наслѣднику. Надежда есть: царевичъ несклоненъ къ дѣламъ отцовскимъ, не охотникъ разъѣзжать безъ устали изъ одного конца Россіи въ другой, не любитъ моря, не любитъ войны, при немъ будетъ мирно и спокойно. Царевичъ дѣйствительно таковъ отъ природы; но отецъ требуетъ, чтобъ онъ переломилъ свою природу; природа сына возмущается отъ такого противнаго ей требованія отца; тяжело всѣмъ, отъ боярина до послѣдняго бобыля, но тяжелѣе всѣхъ царевичу. Надобно дѣлать насиліе своей природѣ, отецъ требуетъ, долгъ велитъ повиноваться отцу. «Повиноваться надобно, когда отецъ требуетъ хорошаго, говорятъ вокругъ; а въ дурномъ какъ повиноваться?» Отъ этихъ словъ становится легче; царевичъ чувствуетъ себя правымъ въ своемъ отвращеніи къ той дѣятельности, какой требуетъ отъ него отецъ; царевичъ стоитъ за общее дѣло, съ нимъ народъ угнетенный, жаждущій избавленія отъ бѣдствій, полагающій всю надежду на царевича: легко и пріятно слѣдовать влеченіямъ своей природы и въ то же время знать, что этимъ самымъ пріобрѣтается народная любовь; что при другихъ условіяхъ явилось бы какъ нрав

ственная слабость, рабство природнымъ влеченіямъ, теперь является какъ заслуга, нравственная твердость и подвигъ. По правду ли говорятъ окружающіе? точно ли дѣла отцовскія неправы и не слѣдуетъ подражать имъ? Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: люди съ авторитетомъ непререкаемымъ, пастыри церкви, вязатели и рѣшители утверждаютъ это, а царевичъ религіозенъ, для него интересъ церковный на первомъ планѣ; духовенство больше другихъ недовольно дѣлами настоящаго царствованія, сильнѣе другихъ требуетъ, чтобъ эти дѣла были отставлены и съ этими требованіями, какъ требованіями Божіими, обращается къ наслѣднику. Царевичъ не любитъ разъѣздовъ, походовъ и моря, не любитъ новыхъ мѣстъ, любитъ жить на одномъ старомъ мѣстѣ, въ Москвѣ; здѣсь старая обстановка жизни была бѣдна, новая обстановка слишкомъ еще незначительна; тѣмъ рѣзче выдавалась величественная обстановка церкви, поражала вниманіе, овладѣвала имъ, и царевичъ Алексѣй такой же охотникъ до этой обстановки, какъ и предки его, находившіеся въ подобныхъ же условіяхъ. Когда въ послѣдствіи, послѣ женитьбы, у царевича спрашивали, склонна ли его жена къ принятію православія, то онъ отвѣчалъ: «Я ее теперь не принуждаю къ нашей православной вѣрѣ: но когда пріѣдемъ съ нею въ Москву, и она увидитъ нашу святую соборную и апостольскую церковь и церковное святыми иконами украшеніе, архіерейское, архимандричье и іерейское ризное облаченіе и украшеніе и всякое церковное благолѣпіе и благочиніе, тогда, думаю, и сама безъ принужденія потребуетъ нашей православной вѣры и св. крещенія, а теперь еще она ничего нашего церковнаго благолѣпія не видала и не слыхала, а что у насъ нынѣ священникъ отпускаетъ вечерни, утрени и часы въ одной епитрихили, и того смотрѣть нечего. А у нихъ, по ихъ вѣрѣ, никакого священническаго украшенія нѣтъ, и литургію ихъ пасторъ служитъ въ одной епанчѣ: а когда увидитъ наше церковное благолѣпіе и священно-архіерейское и іерейское одѣяніе, божественное человѣческое безорганное пѣніе, думаю, сама радостію возрадуется и усердно возжелаетъ соединиться съ нашей православной Христовою церковью [53].» Но недовольные жаловались, что и это благолѣпіе и благочиніе терпитъ ущербъ; царь, всероссійскій церковный староста [54], рѣдко бываетъ въ Москвѣ, живетъ на границахъ или за границею, въ Москвѣ нѣтъ и

патріарха всея Руси, церковныя имѣнія отобраны въ монастырскій приказъ, доходы и сбереженія идутъ на государственныя нужды, нѣтъ уже прежнихъ средствъ къ поддержанію церковнаго строенія и благолѣпія. Печальное время! когда же оно прекратится?

Патріарха нѣтъ въ Москвѣ; вмѣсто него блюститель Стефанъ Яворскій изъ «иноземцевъ,» какъ тогда называли Малороссіянъ. И Стефанъ Яворскій становится годъ отъ году все скучнѣе и недовольнѣе; ясно, что ему не нравятся новые порядки, что тяжелъ ему монастырскій приказъ и бояринъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, ясно, что онъ думаетъ одинаково съ архіереями и іереями изъ Русскихъ и съ надеждою смотритъ на царевича; но Стефанъ митрополитъ человѣкъ не общительный, не откровенный, прямо ничего не скажетъ, нынче такъ, а завра иначе, смотритъ на двѣ стороны. Съ нимъ не можетъ быть прямыхъ и тѣсныхъ общеній у царевича. Непосредственнѣе и сильнѣе вліяніе духовника Якова Игнатьева, протопопа Верхоспасскаго собора, котораго отношенія къ царевичу Алексѣю напоминаютъ первоначальныя отношенія Никона къ царю Алексѣю Михайловичу; какъ Никонъ для царя Акексѣя былъ *собинный* пріятель, такъ и внукъ царя писалъ протопопу Якову: «Въ семъ житіи инаго такого друга не имѣю, подобно вашей святыни, въ чемъ свидѣтель Богъ. Самимъ истиннымъ Богомъ засвидѣтельствуюся: не имѣю во всемъ Россійскомъ государствѣ такого друга и скорби о разлученіи, кромѣ васъ. Аще бы вамъ переселеніе отъ здѣшнихъ къ будущему случилось, то ужь мнѣ весьма въ Россійское государство не желательно возвращеніе; только всегда прошу Господа Бога и Его Богоматерь, дабы я сподобился васъ, прежде моего разлученія души грѣшной отъ тѣла, хотя на немногое время видѣть [55].» Съ какимъ сознаніемъ своего значенія протопопъ Яковъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей при царевичѣ, видно изъ слѣдующихъ строкъ одного письма его къ Алексѣю, который, въ минуту вспыльчивости, написалъ ему жесткія слова: «Ты забылъ страхъ Божій и обѣщаніе свое предъ Богомъ и предъ святыми Его ангелами и архангелами, когда передъ первою своею исповѣдью у меня, въ спальнѣ твоей, въ Преображенскомъ, я спросилъ тебя передъ св. евангеліемъ: будешь ли заповѣди Божіи исполнять, преданія апостольскія и св. отецъ хранить, меня, отца

своего духовнаго почитать, за ангела Божія и апостола имѣть и за судію дѣлъ твоихъ, и хочешь ли меня слушать во всемъ, вѣруешь ли, что я, хотя и грѣшенъ, но такую же имѣю власть священства, отъ Бога мнѣ недостойному дарованную и ею могу вязать и рѣшить, какую власть даровалъ Христосъ апостолу Петру и прочимъ апостоламъ, и хочешь ли смиренія моего священству и власти во всемъ повиноваться и покоряться? На эти вопросы ты отвѣчалъ передъ евангеліемъ: заповѣди Божіи, преданія апостольскія и святыхъ Его всѣ съ радостію хочу творить и хранить, и тебя, отца моего духовнаго, буду почитать за ангела Божія, за апостола Христова и за судію дѣлъ своихъ имѣть, священства твоего, власти слушать и покоряться во всемъ долженъ [56].»

И этотъ энергическій человѣкъ былъ представителемъ тѣхъ недовольныхъ лицъ въ Русскомъ духовенствѣ, которые не допускали никакихъ сдѣлокъ съ поведеніемъ Петра и, видя во всемъ личный произволъ одного человѣка, видѣлъ единственную возможность исправленія зла въ отстраненіи этого человѣка. Яковъ Игнатьевъ былъ на столько образованъ, что не могъ видѣть въ Петрѣ антихриста; но, считая его простымъ человѣкомъ, желалъ, чтобъ существованіе его прекратилось обыкновеннымъ человѣческимъ путемъ и рѣшился даже одобрить это желаніе въ родномъ сынѣ Петра. Однажды Алексѣй покаялся ему, что желаетъ отцу своему смерти, и духовникъ отвѣчалъ: «Богъ тебя проститъ; мы и всѣ желаемъ ему смерти для того, что въ народѣ тягости много.» Тотъ же духовникъ старался поддерживать въ Алексѣѣ память о матери, какъ невинной жертвѣ отцовскаго беззаконія; говорилъ ему, какъ любятъ его въ народѣ и пьютъ про его здоровье, называя надеждою Россійскою [57].

Духовникъ, по своей энергіи и вліянію на царевича, долженъ былъ занимать первое мѣсто между людьми, окружавшими Алексѣя, тѣмъ болѣе, что никто изъ этихъ «кавалеровъ,» Нарышкиныхъ, Вяземскаго, Колычева и другихъ, не представлялъ ему соперника по своимъ личнымъ качествамъ. Всѣ пѣли одну пѣсню, которую запѣвалъ Яковъ Игнатьевъ, и молодой царевичъ воспитывался въ безплодной, раздражающей и вмѣстѣ изсушающей нравственныя силы тайной оппозиціи отцовскому правительству. Царевичъ жилъ весело въ «своей кампаніи,» привыкалъ пировать «порусски,» какъ онъ выражался, что не могло не вредить его

здоровью, не очень крѣпкому и отъ природы. Ученье и при Гюйссенѣ, какъ видно, были не очень серіозное, не смотря на блистательный аттестатъ наставника. Царевичь былъ охотникъ читать и читалъ все, что было переведено на славянскій языкъ, т. е. преимущественно церковныя книги, что, разумѣется, опять укрѣпляло его въ одномъ направленіи и дѣлало для него необходимымъ разговоръ съ духовными лицами. Мы можемъ повѣрить Гюйссену, что царевичь прочелъ библію на Нѣмецкомъ языкѣ, что было ему легко съ учителемъ и когда Славянская библія была уже прочтена нѣсколько разъ; мы можемъ повѣрить, что царевичь привыкъ, съ большею или меньшею правильностію, объясняться по-французски и по-нѣмецки; но грамматически эти языки не изучались, и другіе предметы *проходились;* царевичь страдательно выслушивалъ урокъ учителя, не привыкая къ самодѣятельности, къ преодолѣнію трудностей. Безъ Гюйссена дѣло пошло еще хуже[58]; царевичь получилъ болѣе возможности заниматься чѣмъ хотѣлъ, что было пріятнѣе. Жилось спокойно, весело, и вдругъ вѣсть, что *высшіе*, т. е. отецъ съ своими приближенными, ѣдутъ въ Москву, или царь вызываетъ сына къ себѣ! Компаніи становится страшно, всѣхъ страшнѣе, всѣхъ тягостнѣе царевичу. Незамѣтно, безсознательно и безотчетно онъ поставилъ себя въ такія отношенія къ отцу, позволилъ себѣ наслушаться и наговорить объ немъ столько дурнаго, что всякое нѣжное, родственное чувство и вмѣстѣ чувство уваженія исчезло, ихъ замѣнили непріязнь и страхъ; Алексѣю было тяжело, невозможно посмотрѣть отцу прямо въ глаза; если отецъ не зналъ, то онъ самъ зналъ очень много за собою. За чѣмъ пріѣдетъ отецъ въ Москву? Что прежде всего сдѣлаетъ при свиданіи съ сыномъ? Потребуетъ отчета въ томъ, чему научился: сдѣлаетъ экзаменъ. Сынъ знаетъ, что на экзаменъ не готовъ, слѣдовательно надобно будетъ выслушивать упреки, придется вытерпѣть и побои. А если какъ-нибудь отецъ узнаетъ что-нибудь еще?... Мучительное, адское состояніе! Отсюда, разумѣется, первое пламенное желаніе освободиться изъ этого положенія: хотя бы уйти куда-нибудь! а было бы хорошо, еслибы на всегда можно было освободиться... Страшная, грѣшная мысль, надобно покаяться на духу. «Богъ проститъ, мы всѣ того же желаемъ,» отвѣчаетъ духовникъ.

Высшіе уѣхали; стало легко, и легко стало не одному царевичу, не одной его компаніи; легко стало многимъ въ Москвѣ, всѣмъ тѣмъ, для которыхъ пріѣздъ царя былъ также соединенъ съ экзаменомъ. Многіе и по этому одному должны были сочувствовать царевичу. Но кромѣ того были и другія причины сочувствія. Сочувствовали царевичу старинные родовитые вельможи. Царь Петръ не вынесъ изъ своей юности никакой непріязни къ боярамъ, къ старымъ родамъ; къ борьбѣ между его матерью и сестрою не примѣшивалась нисколько борьба сословная. Когда началась преобразовательная дѣятельность, преобразователь не обошелъ никого изъ сколько-нибудь способныхъ родовитыхъ людей; но работы было слишкомъ много, работниковъ оказалось мало, и Петръ кликнулъ кличь по способныхъ людей, въ какихъ бы углахъ они ни скрывались; съ необыкновеннымъ искусствомъ, столь важнымъ въ его дѣлѣ, выдвигались на верхъ лучшія силы народа. Подлѣ старыхъ родовитыхъ людей, на верху явилась толпа новыхъ дѣятелей, выхваченныхъ съ низу. Такое товарищество не понравилось родовитымъ людямъ, особенно когда выше всѣхъ, главнымъ любимцемъ царя сталъ человѣкъ новый, Меншиковъ, предъ которымъ всѣ люди родовитые должны были преклоняться. Это было тяжелѣе всего для нихъ, и нареканіямъ, жалобамъ на Меншикова, насмѣшкамъ надъ нимъ не было конца, и болѣе всего не прощали они Петру свѣтлѣйшаго князя. Царевичь слышалъ чаще всего эти громкія жалобы, нареканія и насмѣшки, и въ слѣдствіе этого привыкалъ видѣть въ свѣтлѣйшемъ князѣ главное зло отцовскаго царствованія, зло, отъ котораго онъ, царевичь, прежде всего долженъ былъ освободить Россію. Тѣмъ легче предавался Алексѣй враждѣ къ Меншикову, что здѣсь онъ не долженъ былъ испытывать никакой борьбы, никакихъ нравственныхъ препятствій: Меншиковъ былъ человѣкъ чужой, не по мѣрѣ своей занявшій первенствующее положеніе, обманывавшій царя, слѣдовательно врагъ ему, какъ представляли люди окружавшіе царевича. Представлялось и другое на видъ: кто ближе къ отцу-царю какъ сынъ и наслѣдникъ! но выходитъ, что ближе сына и наслѣдника любимецъ, свѣтлѣйшій князь: тутъ уже дѣло прямо касалось Алексѣя, тутъ было соперничество. Соперничество, вражда усиливались еще тѣмъ, что этимъ чувствомъ можно было предаваться втихомолку; въ Преображенскомъ, среди своей

компаніи, можно было дѣлать всевозможныя выходки противъ свѣтлѣйшаго князя; но когда являлся отецъ и съ нимъ Меншиковъ, послѣднему оказывалось всевозможное уваженіе. Когда человѣкъ энергическій стѣсняется въ своихъ прирожденныхъ стремленіяхъ, то онъ даетъ просторъ своимъ чувствамъ и выходитъ на явную борьбу, въ которой гибнетъ или торжествуетъ; но когда стѣсняется въ своихъ наклонностяхъ и привычкахъ человѣкъ безъ сильнаго характера, какимъ былъ Алексѣй, то онъ скрываетъ свои чувства, прибѣгаетъ къ орудіямъ слабаго, хитростямъ и обманамъ и противъ непріязненныхъ для его природы требованій выставляетъ страдательное упорство, всего болѣе раздражающее.

Наконецъ люди, которые не имѣли ничего противъ царя и его любимца, считали необходимымъ примѣняться ко взгляду царевича и окружавшихъ его для обезпеченія себя въ будущемъ: царь не щадитъ себя, подвергается безпрестаннымъ опасностямъ, несчастіе можетъ легко случиться. Этимъ желаніемъ многихъ обезпечить себя въ будущемъ объясняется важное значеніе дяди Алексѣева по матери, Абрама Ѳедоровича Лопухина. Петру доносили на Лопухина: «Бояре твоего указа такъ не слушаютъ, какъ Абрама Лопухина, въ него вѣруютъ и боятся его; онъ всѣмъ завладѣлъ, кого велѣлъ обвинить, того обвинятъ, кого велитъ оправить, того оправятъ, кого велитъ отъ службы отставить, того отставятъ, и кого захочетъ послать, того пошлютъ [59].» Лопухинъ имѣлъ вліяніе и на страшнаго Ромодановскаго, что видно изъ слѣдующаго письма царевича къ духовнику: «Слышалъ я отъ зятя вашего, что господинъ Ромодановскій, будучи въ Петербургѣ, доносилъ государю батюшкѣ о немъ, а какъ и для чего, онъ неизвѣстенъ, и просилъ меня, чтобъ мнѣ о семъ освѣдомиться, и я прошу васъ, изволь о семъ освѣдомиться чрезъ господина Лопухина, а инакъ кромѣ его невозможно, для того, что онъ съ нимъ умѣетъ обходиться [60].»

Опасенія на счетъ будущаго, могшаго быть очень близкимъ, должно было сдерживать и людей, которымъ не нравилось направленіе, господствовавшее въ компаніи царевича; царь и Меншиковъ не знали объ этомъ направленіи; Петръ не предполагалъ ни въ комъ изъ окружавшихъ сына его враждебнаго для себя вліянія; онъ боялся одного, связей съ Суздалемъ, вліянія матери, и въ эту сторону обращены были всѣ подозрѣнія, всѣ предосто-

рожности. Въ 1708 году царевна Наталья Алексѣевна дала знать брату, что царевичь тайно видѣлся съ матерью. Отецъ вызвалъ его въ Жолкву и оттуда отправилъ въ Смоленскъ для приготовленія провіанта и сбора рекрутъ; у царевича и при отцѣ были пріятели, какъ видно изъ письма его къ духовнику: «Получилъ я письмо отъ батюшки изъ Тикотина: изволитъ писать, чтобъ мнѣ ѣхать къ нему въ Минскъ, и оттуду пишутъ ко мнѣ друзья мои, чтобъ ѣхать безъ всякаго опасенія [61].» Гнѣвъ дѣйствительно прошелъ и царевичь осенью пріѣхалъ въ Москву съ новымъ значеніемъ, значеніемъ правителя. Между прочимъ молодой правитель долженъ былъ наблюдать за укрѣпленіями Москвы на случай прихода Шведовъ; но какъ онъ относился къ этому отцовскому распоряженію, какъ считалъ его безполезнымъ, видно изъ письма его къ духовнику, писанному еще до пріѣзда въ Москву: «Король Шведскій намѣренъ идти къ Москвѣ, и отъ батюшки посланъ къ вамъ Иванъ Мусинъ, чтобъ городъ крѣпить для непріятеля; и будетъ войска наши при батюшки сущія его не удержатъ, вамъ нечѣмъ его удержать; сіе изволь про себя держать, и инымъ не объявлять до времени, и изволь смотрѣть мѣста, кудабъ выѣхать, когда сіе будетъ [62].» Царевичь правитель; но извѣстно, какъ царь былъ требователенъ къ людямъ, занимавшимъ правительственныя должности, особенно въ такой страшный годъ, какъ 1708; въ концѣ года грозное письмо отъ отца къ сыну: «Оставивъ дѣло, ходишь за бездѣльемъ.» Царевичь, въ испугѣ, обратился къ заступничеству двухъ женщинъ, близкихъ къ Петру: «Катерина Алексѣевна и Анисья Кирилловна, здравствуйте! Прошу васъ, пожалуйте, освѣдомясь, отпишите, за что на меня есть государябатюшка гнѣвъ: понеже изволитъ писать, что я, оставя дѣло, хожу за бездѣльемъ; отъ чего нынѣ я въ великомъ сумнѣніи и печали.» Екатерина Алексѣевна любила или считала для себя нужнымъ заступаться у «хозяина» за всѣхъ, кто къ ней обращался. Въ слѣдъ за приведеннымъ письмомъ два новыхъ письма къ ней отъ царевича: «За вашу ко мнѣ явленную любовь всеусердно благодарствую и впредь прошу, пожалуй, не остави меня въ какихъ прилучившихся случаяхъ, въ чемъ надѣюсь на вашу милость.» Другое: «Зѣло благодарствую за милость вашу къ себѣ, что получилъ чрезъ ваше ходатайство милостивое писаніе государябатюшки [63].»

Царевичъ правитель; но царь видитъ, что онъ еще недостаточно приготовленъ, и знаетъ, по собственному опыту, что учиться никогда не поздно. Никифоръ Вяземскій доносилъ царю 14 января 1708 года: «Сынъ твой началъ учиться Нѣмецкаго языка чтеніемъ исторіи, писать и атласа росказаніемъ, въ которомъ владѣніи знаменитые есть народы и рѣки, и больше твердилъ въ склоненіяхъ, котораго рода и падежа. И учитель говоритъ: недѣли двѣ будетъ твердить одного Нѣмецкаго языка, чтобъ склоненіямъ въ твердость было, и потомъ будетъ учить Французскаго языка и ариѳметики. Въ канцелярію въ положенные три дни въ недѣлю ѣздитъ и по пунктамъ городовое и прочія дѣла управляетъ; а ученіе бываетъ по вся дни.» Такимъ образомъ на царевича наложена была двойная обязанность, не въ уровень его нравственнымъ и физическимъ силамъ; осьмнадцатилѣтній молодой человѣкъ вмѣстѣ съ правительственною дѣятельностію долженъ былъ твердить склоненія, усиленно заниматься математикою, фортификаціею, къ чему, какъ видно, онъ не имѣлъ склонности по природѣ. Когда отецъ спрашивалъ у него, какую книгу прислать ему для перевода, то онъ отвѣчалъ: «Учиться фортификаціи, по указу твоему, началъ, также и лѣчиться. А что изволилъ писать о книжкѣ, какую мнѣ для переводу прислать, и я прошу о исторіи какой, а иной не чаю себѣ перевести [64].»

Это было писано въ маѣ 1709 года. Царевичъ учился фортификаціи и вмѣстѣ лѣчился. Лѣченіе было необходимо, потому что въ январѣ 1709 года царевичъ, отводя новонабранные полки къ отцу въ Сумы, простудился и выдержалъ злую лихорадку [65]. Вѣроятно слабость царевича послѣ болѣзни и лѣченія были причиною, что Алексѣй оставался въ Москвѣ во время Полтавской битвы. Но въ концѣ лѣта царевичъ долженъ былъ выѣхать изъ Москвы и на долго: отецъ отправлялъ его за границу съ двойною цѣлію: окончить хорошенько ученіе и жениться на какой-нибудь иностранной принцессѣ. Наказъ отъ отца сыну заключался въ слѣдующемъ письмѣ: «Зоонъ! объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ господина князя Меншикова ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправитъ, и кому съ вами ѣхать, прикажетъ. Между тѣмъ приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно языкамъ, которые уже учишь, Нѣмецкій и Французскій, такъ геометріи и фортифи-

каціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію скончишь, отпиши къ намъ. За симъ управи Богъ путь вашъ.» Князь Меншиковъ приказалъ ѣхать съ царевичемъ князю Юрью Юрьевичу Трубецкому и графу Александру Гавриловичу Головкину, одному изъ сыновей канцлера, въ которыхъ видѣлъ, по его собственному выраженію, «честныхъ и обученыхъ господъ, способныхъ хранить и исполнять все то, что относится къ славѣ государственной и къ особенному интересу его высочества [66].»

Поѣздкою царевича за границу была разорвана его компанія; главный членъ ея, духовникъ Яковъ Игнатьевъ, остался въ Москвѣ, но царевичь велъ съ нимъ постоянную переписку. Не надѣясь скоро возвратиться въ Россію, царевичь поручилъ духовнику распорядиться продажею и раздачею оставшихся послѣ него вещей, приказывая дѣлать это какъ можно тайнѣе, чтобъ *вышніе*, будучи въ Москвѣ, не провѣдали. Такъ какъ вниманіе *вышнихъ* было обращено къ Суздалю, то царевичь уговаривалъ духовника быть особенно осторожнымъ въ этомъ отношеніи: «Въ Володимiръ мнѣ мнится, писалъ Алексѣй, не надлежитъ вамъ ѣхать, понеже смотрѣльщиковъ за вами много, чтобъ изъ сей твоей поѣздки и мнѣ не случилось какое зло, понеже нынѣ многіе вѣдаютъ, въ какомъ ты у меня состояніи, и что все мое тебѣ ввѣрено, а помнятъ, что нѣчто и туды повезъ. Для Бога не ѣзди, понеже уже съ 30 лѣтъ тамъ не былъ, и великое терпѣлъ, малого ли не стерпишь... Еще прошу для Бога: берегися общенія съ Авраамомъ Ѳедоровичемъ, и въ домъ его не ѣзди, и къ себѣ не пускай, понеже самъ ты извѣстенъ о семъ, что сіе намъ и вамъ не польза, а наипаче вредъ, того ради надобно сего храниться весьма; только о семъ не сумнѣвайся: я такъ для опасенія писалъ, понеже и прежде сего я вамъ о семъ говаривалъ на Москвѣ многажды, чего ради и въ намѣренный путь вамъ возбранилъ ѣхать, опасаяся впредь какого случая, а нынѣ о семъ благодатію Божіею ничего нѣтъ; только пожалуй хранись, понеже любовь между нами мнозіи видятъ, того ради подобаетъ хранится.» Зная, что отецъ, послѣ преславной викторіи, закрѣпившей Петербургъ за Россіею, хочетъ непремѣнно перенести столицу изъ Москвы въ «парадизъ,» царевичь писалъ духовнику, чтобъ онъ не строилъ (не поправлялъ) дворца его въ Москвѣ.

Яковъ Игнатьевъ не могъ ѣхать за границу, и это ставило царевича въ большое затрудненіе: просить о присылкѣ другаго духовника съ докладомъ отцу — могутъ прислать человѣка очень неудобнаго. Царевичь, для избѣжанія этого неудобства, рѣшался на всякія другія: такъ въ Лейпцигѣ онъ исповѣдался у Греческаго священника чрезъ толмача, который разговаривалъ со священникомъ полатыни. Наконецъ Алексѣй написалъ такое письмо въ Москву Якову Игнатьеву: «Священника мы при себѣ не имѣемъ и взять негдѣ, а безъ докладу писать явно въ Москву не безъ опасенія: прошу вашей святыни, пріищи священника (кому мочно тайну сію повѣрить) не стараго и чтобъ незнаемый былъ всѣми. И изволь ему сіе объявить, чтобъ онъ поѣхалъ ко мнѣ тайно, сложа священническія признаки, то есть, обрилъ бороду и усы, такожде и гуменца заростить, или всю голову обрить и надѣть волосы накладныя, и нѣмецкое платье надѣвъ, отправь его ко мнѣ курьеромъ (такого сыщи, чтобъ могъ верховую нужду понесть); и вели ему сказываться моимъ деньщикомъ, а священникомъ бы отнюдь не называлея, а хорошо бъ безженной, а у меня онъ будетъ за служителя, и кромѣ меня и Никифора (Вяземскаго) сія тайны вѣдать никто не будетъ. А на Москвѣ какъ возможно сіе тайно держи; и не бралъ бы ничего съ собою надлежащаго іерею, ни требника, только бъ нѣсколько частицъ причастныхъ, а книги я всѣ имѣю. Пожалуй, пожалуй, яви милосердіе къ душѣ моей, не даждь умрети безъ покаянія! мнѣ онъ не для чего иного, только для смертнаго случая, такожде и здоровому для исповѣди тайной. А бритіе бороды не сумнѣвался бы онъ: лучше малое преступить, нежели души наша погубити безъ покаянія; а будетъ не благоволите сего сочинити, души наши Богъ взыщетъ на васъ, аще безъ покаянія отъ житія сего отлучатся [67].»

Царевичь выполнялъ наказъ отцовскій, учился въ Дрезденѣ — какъ, мы не знаемъ; по крайней мѣрѣ Трубецкой и Головкинъ писали Меншикову изъ Дрездена 30 декабря 1710 года: «Государь царевичь обрѣтается въ добромъ здравіи и въ наказанныхъ наукахъ прилежно обращается, сверхъ тѣхъ геометрическихъ частей (о которыхъ 7 сего декабря мы доносили), выучилъ еще профондиметрію и стереометрію, и такъ съ Божіею помощью геометрію всю окончилъ.»

Въ то время, когда оканчивалась геометрія, приходило къ концу дѣло о женитьбѣ царевича на принцессѣ Софіи Шарлотѣ Бланкенбургской, внукѣ герцога Брауншвейгъ-Вольфенбительскаго, сестра которой, Елизавета, была замужемъ за Австрійскимъ эрцгерцогомъ Карломъ, добивавшимся Испанскаго престола, и потомъ бывшимъ на императорскомъ престолѣ подъ именемъ Карла VI. Извѣстный намъ Урбихъ былъ главнымъ виновникомъ дѣла. Мы видѣли, что въ Вѣнѣ сердились на него за это; извѣщая свой дворъ, что вдовствующая императрица сердится, зачѣмъ царевичъ Алексѣй женился не на эрцгерцогинѣ, Урбихъ писалъ: «и мнѣ отъ ея придворныхъ дамъ выговаривано, потому что онѣ въ тоже время очень надѣялись ввести въ Россію отправленіе католической вѣры.» По совершеніи брака Урбихъ писалъ Головкину: «Поздравляю ваше превосходительство съ этимъ событіемъ, потому что вы въ немъ имѣете участіе, и я самъ не мало утѣшенъ, потому что первое основаніе дѣлу положилъ я, не мало трудовъ положилъ и докукъ претерпѣлъ отъ вольфенбительской стороны. Я эту принцессу всегда считалъ благовоспитанною и разумною и нашелъ, что изъ чужестранныхъ принцессъ она болѣе всѣхъ пригодна для этого брака [68].» Что Урбихъ былъ правъ и относительно своего участія въ дѣлѣ и относительно докукъ отъ вольфенбительской стороны, доказываетъ письмо къ нему стараго герцога Антона Ульриха, дѣда невѣсты, отъ 29 августа 1710 года: «Царевичъ очень встревоженъ свиданіемъ, которое вы имѣли въ Эйзенахѣ съ Шлейницемъ (Русскій посланникъ при Брауншвейгскомъ дворѣ), думая, что вы конечно опредѣлили условія супружества, по указу царскаго величества. Причина тревоги та, что народъ (Русскій) никакъ не хочетъ этого супружества, видя, что не будетъ болѣе входить въ кровный союзъ съ своимъ государемъ. Люди, имѣющіе вліяніе у принца, употребляютъ религіозныя внушенія, чтобъ заставить его порвать дѣло, или, по крайней мѣрѣ, не допускать до заключенія брака, протягивая время; они поддерживаютъ въ принцѣ сильное отвращеніе ко всѣмъ нововведеніямъ, и внушаютъ ему ненависть къ иностранцамъ, которые, по ихъ мнѣнію, хотятъ овладѣть его высочествомъ посредствомъ этого брака. Принцъ начинаетъ ласково обходиться съ госпожею Фюрстенбергъ и съ принцессою Вейссенфельдскою, не съ тѣмъ, чтобы вступить съ ними въ обязательство, но толь-

ко дѣлая видъ для царя отца своего и употребляя послѣдній способъ къ отсрочкѣ; онъ проситъ у отца позволенія посмотрѣть еще другихъ принцессъ, въ надеждѣ, что между тѣмъ представится случай уѣхать въ Москву и тогда онъ уговоритъ царя, чтобъ позволилъ ему взять жену изъ своего народа. Сильно ненавидятъ васъ; думаютъ, что выборъ московской государыни дѣло такой важности, что его нельзя поручить иностранцу. Царевичъ очень расположенъ къ графу Головкину, сыну канцлера, который одинъ можетъ все дѣло опять привести въ доброе состояніе. Изъ всѣхъ находящихся при принцѣ онъ самый благоразумный и честный; но мой корреспондентъ очень не довѣряетъ князю Трубецкому. Госпожа Матвѣева, въ проѣздѣ своемъ черезъ Дрезденъ, объявляла въ разныхъ разговорахъ, что царевичъ никогда не возьметъ за себя иностранку, хотя Матвѣевъ удовольствованъ былъ дворомъ Вольфенбительскимъ.» 2 сентября новое письмо съ тѣми же докуками: «О намѣреніи царскомъ не сомнѣваюсь, писалъ герцогъ; но можетъ ли онъ принца принудить къ такому супружеству, и что будетъ съ принцессою, если принцъ женится на ней противъ воли? Какъ бы объ этомъ царю донести и его отъ такихъ людей остеречь [69]?»

Царевичъ дѣйствительно могъ употреблять разныя средства, чтобъ протянуть время, поджидая благопріятнаго случая возвратиться въ Россію неженатымъ. Но случай не представлялся; воля отца, чтобы сынъ женился на иностранной принцессѣ, была непоколебима; Петръ представлялъ сыну только выборъ; Шарлота Бланкенбургская нравилась Алексѣю больше другихъ, и 9 ноября ея мать, герцогиня Христина-Луиза писала Урбиху радостное письмо: «Страхи, которымъ мы предавались, и быть можетъ не безъ основанія, вдругъ разсѣялись въ такое время, когда всего менѣе можно было этого ожидать, разсѣялись какъ туча, скрывающая солнечные лучи, и наступаетъ хорошая погода, когда ждали ненастья. Царевичъ объяснился съ польскою королевой и потомъ съ моею дочерью самымъ учтивымъ и пріятнымъ образомъ. Моя дочь Шарлота увѣряетъ меня, что принцъ очень перемѣнился къ своей выгодѣ, что онъ очень уменъ, что у него самыя пріятныя манеры, что онъ честенъ, что она считаетъ себя счастливою и очень польщена честію, какую принцъ и царь оказали ей своимъ выборомъ. Мнѣ не остается желать ничего бо-

лѣе, какъ заключенія такого хорошаго начала и чтобъ дѣло не затянулось. Я увѣрена, что все сказанное мною доставитъ вамъ удовольствіе, потому что вы сильно желали этого союза; а я и супругъ мой, мы гордимся дочерью, удостоившеюся столь великой чести [70].»

Въ началѣ 1711 года Алексѣй объявилъ отцу, что готовъ жениться на принцессѣ Бланкенбургской. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ къ духовнику: «Извѣствую вашей святыни, помянутый курьеръ пріѣзжалъ съ тѣмъ: есть здѣсь князь Вонфенбительской, живетъ близь Саксоніи, и у него есть дочь дѣвица, а сродникъ онъ Польскому королю, который и Саксоніею владѣетъ, Августъ, и та дѣвица живетъ здѣсь въ Саксоніи при королевѣ, аки у сродницы, и на той княжнѣ давно уже меня сватали, однакожь мнѣ отъ батюшки не весьма было открыто, и я ее видѣлъ, и сіе батюшкѣ извѣстно стало, и онъ писалъ ко мнѣ нынѣ, какъ оная мнѣ показалась, и есть ли моя воля съ нею въ супружество; а я уже извѣстенъ, что онъ не хочетъ меня женить на Русской, но на здѣшней, на какой я хочу. И я писалъ, что когда его воля есть, что мнѣ быть на иноземкѣ женатому, и я его воли согласую, чтобъ меня женить на вышеписанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ, и лучше ея здѣсь мнѣ не сыскать. Прошу васъ, пожалуй помолись, буде есть воля Божія, чтобъ сіе совершилъ, а буде нѣтъ, чтобъ разрушилъ, понеже мое упованіе въ Немъ, все какъ онъ хощетъ, такъ и творитъ, и отпиши, какъ твое сердце чуетъ о семъ дѣлѣ.» Сердце духовника чуяло то, что княжна иностранная, иновѣрная, и онъ писалъ къ Алексѣю, нельзя ли ее обратить въ православіе; царевичъ отвѣчалъ: «Противъ писанія твоего о моемъ собственномъ дѣлѣ понудить ту особу къ воспріятію нашея вѣры весьма невозможно, но развѣ послѣ, когда оная въ наши краи пріѣдетъ, и сама разсмотритъ, можетъ то и сочинити, а прежъ того весьма сему состоятся невозможно [71].»

Отправляясь въ Турецкій походъ, Петръ «для безвѣстнаго пути» устроилъ два семейныхъ дѣла: далъ *пароль* Екатеринѣ Алексѣевнѣ и покончилъ дѣло о бракѣ сына. Въ Галицкомъ мѣстечкѣ Яворовѣ, 19 апрѣля 1711 года, Петръ утвердилъ проектъ договора, по которому принцессѣ предоставлялась остаться при своемъ евангелическо-лютеранскомъ исповѣданіи; дѣти должны быть

греческаго закона; принцесса получала ежегодно отъ царя по 50,000 рублей; кромѣ того должна была получить единовременно, при совершеніи брака, 25.000 рублей [72]. Съ этими статьями царевичъ самъ отправился въ Брауншвейгъ, гдѣ еще долженъ былъ имѣть, на счетъ ихъ, переговоры съ родственниками невѣсты, не согласятся ли уменьшить количество ежегодной дачи принцессѣ. Объ этихъ переговорахъ онъ писалъ отцу: «По указу, государь, твоему, о деньгахъ повсегодной дачи невѣстѣ моей зѣло я домогался, чтобъ было сорокъ тысячъ, и они сего не соизволили, и просили больше; только я какъ могъ старался, и не могъ ихъ на то привести, чтобъ взяли меньше 50.000, и я, по указу твоему, въ томъ же письмѣ, буде они не похотятъ сорока тысячъ, позволилъ до пятидесяти, на сіе ихъ склонилъ съ великою трудностію, чтобъ взяли 50.000, и о семъ довольны, и сіе число вписалъ я въ порожнее мѣсто въ трактатѣ; а что по смерти моей, будетъ она не похочетъ жить въ государствѣ нашемъ, дать меньше дачю, на сіе они весьма не похотѣли, и просили, чтобъ быть равной дачѣ по смерти моей, какъ на Москвѣ, такъ и въ выѣздѣ изъ нашего государства, о чемъ я много старался, чтобы столько не просили, и однакожь не могъ сдѣлать, и по указу твоему (будетъ они за сіе заупрямятся, написать ровную дачу), и въ трактатѣ написалъ ровную дачу, и сіе учиня, подписалъ я, тожде и они своими руками размѣнялись, и тако сіе съ помощію Божіею окончили. Перстня здѣсь не могъ сыскать, и для того послалъ въ Дрезденъ и въ иныя мѣста.»

Печальное лѣто 1711 года царевичъ прожилъ у родныхъ своей невѣсты. Мы видѣли, что по возвращеніи изъ Прутскаго похода Петръ отправился въ Карлсбадъ на воды; здѣсь хотѣлъ онъ и отпраздновать свадьбу своего сына; но потомъ передумалъ и назначилъ для этого саксонскій городъ Торгау. Бракъ былъ совершенъ 14 октября 1711 года, и Петръ извѣстилъ объ этомъ сенатъ въ слѣдующемъ письмѣ: «Господа сенатъ! объявляемъ вамъ, что сегодня бракъ сына моего совершился здѣсь въ Торгау, въ домѣ королевы Польской, на которомъ бракѣ довольно было знатныхъ персонъ. Слава Богу, что сіе счастливо совершилось. Домъ князей Вольфенбительскихъ, нашихъ сватовъ, изрядной [73].» На четвертый же день послѣ свадьбы новобрачный царевичъ получилъ отъ отца наказъ отправиться въ Польскія вла-

дѣнія, въ Торнъ, и тамъ заняться продовольствіемъ Русскихъ войскъ [74]. Царевичъ отправился въ Торнъ недѣли черезъ три послѣ свадьбы; молодая жена пріѣхала къ нему туда только 19 декабря. Эта разлука новобрачныхъ подала поводъ къ разнымъ слухамъ, которые достигли и Вѣны. Урбихъ писалъ отсюда Головкину: «Изъ Саксоніи много нехорошихъ вещей сюда писано, чѣмъ почти весь городъ наполненъ, между прочимъ, что бракъ хотя и совершенъ, однако къ великому неудовольствію обѣихъ сторонъ: кронъ-принцъ кронъ-принцессу оставилъ, и когда та требовала на два дня сроку чтобъ дорожную постель взять, кронъ-принцъ ей жестоко отвѣчалъ и уѣхалъ; всѣ придворные служители отставлены. Но когда я въ Вольфенбителѣ и Дрезденѣ навѣдался, то мнѣ отписали совершенно противное, именно, что обѣ стороны довольны [75].» Въ перепискѣ царевича съ отцомъ въ это время мы находимъ только одно упоминовеніе о кронъ-принцессѣ.— 18 ноября царевичъ пишетъ: «Жена моя еще сюда не бывала; ожидаю вскорѣ, и какъ она будетъ, за людьми ея смотрѣть буду, чтобъ оии жили смирно и никакой обиды здѣшнимъ людямъ не чинили [76]. Этотъ надзоръ былъ нуженъ, ибо мы видѣли какіе охотники были Нѣмцы кормиться на счетъ Польши [77]. Въ апрѣлѣ 1712 года пріѣхалъ въ Торнъ Меншиковъ и привезъ царевичу указъ отцовскій ѣхать въ Померанію. Свѣтлѣйшій нашелъ кронъ-принца и кронъ-принцессу въ затруднительномъ положеніи относительно денегъ и писалъ царю: «Не могъ оставить не донести о сынѣ вашемъ, что какъ онъ, такъ и кронъ-принцесса въ деньгахъ зѣло великую имѣютъ нужду: понеже здѣсь живутъ все на своемъ коштѣ, а порцій и рацій имъ не опредѣлено; а что съ мѣста здѣшняго и было, и то самое нужное, только на управленіе стола ихъ высочествъ; также ни у него, ни у кронъ-принцессы къ походу ни лошадей и никакого экипажа нѣтъ и построить не на что. О опредѣленныхъ ей деньгахъ зѣло проситъ: понеже великую имѣетъ нужду на содержаніе двора своего. Я, видя совершенную у нихъ нужду, понеже ея высочество кронъ-принцесса едва не со слезами о деньгахъ просила, выдалъ ея высочеству ингерманландскаго полку изъ вычетныхъ мундирныхъ денегъ въ заемъ 5.000 рублей. А ежелибъ не такъ, то всеконечно отсюда подняться бъ ей нечѣмъ [78].»

Кронъ-принцесса отправилась въ Эльбингъ дожидаться возвра-

щенія мужа изъ похода. Между тѣмъ въ Москвѣ любопытствовали, не имѣло ли пребываніе молодыхъ въ Торнѣ какихъ-нибудь слѣдствій, и царевичъ писалъ духовнику: «О зачатіи во чревѣ сопряженные мнѣ хощеши вѣдѣти, радѣтель, и возвѣщаю, что весьма до отъѣзду моего подлинно познати было не можно еще и повелѣлъ я женѣ, аще будетъ возможно сіе познати, чтобъ, до меня немедленно писала. И какъ о семъ получу извѣстіе, есть ли что или нѣтъ, о томъ писаніемъ не умедля вашей святыни возвѣщу.[79]

Осенью 1712 года пріѣхалъ въ Эльбингъ бригадиръ Балкъ и объявилъ Шарлоттѣ волю царя, чтобъ она выѣзжала изъ этого города, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ Россію, ибо въ письмѣ ея къ царю отъ 28 октября не видно, куда именно она должна была выѣхать. «Вашего царскаго величества милостивѣйшій указъ, который мнѣ чрезъ бригадера Балка объявить повелѣли, не оставила бъ (какъ того моя должность и требуетъ) исполнить, и я уже въ готовности была отсюда отъѣхать, но понеже того безъ денегъ никоими мѣрами учинить не можно было, того ради прошу вашего царскаго величества всеподданнѣйше то замедленіе во гнѣвъ не принять, ибо коль скоро деньги прибудутъ, то и я, какъ, въ прочемъ и окажу, что вашего царскаго величества указъ отъ меня ненарушимо содержанъ будетъ, я же есмь со всякимъ подданнѣйшимъ респектомъ вашего царскаго величества всеподданнѣйшая и вѣрнопокорнѣйшая невестка Шарлотта[80].» Деньги не прибыли, какъ видно потому, что царь перемѣнилъ намѣреніе и велѣлъ царицѣ и царевичу, отправлявшимся вмѣстѣ въ Россію, заѣхать въ Эльбингъ и взять съ собою Шарлотту. Но когла они пріѣхали въ декабрѣ въ Эльбингъ, то ее тамъ не застали: она уѣхала къ роднымъ въ Брауншвейгъ. Этотъ поступокъ разсердилъ Петра, какъ видно изъ письма его къ невѣсткѣ, въ генварѣ 1713 года: «Вашей любви къ намъ отправленное писаніе отъ 17 генваря получили мы здѣсь исправно, и изъ того усмотрѣли, что̀ васъ къ нечаянному отъѣзду въ Брауншвигъ привело. Мы о объявленныхъ вами причинахъ разсуждать не будемъ, токмо признаваемъ, что сія ваша скорая и безъ нашего вѣдома взятая резолюція насъ зѣло удивила, а наипаче понеже мы вашему желанію родителей вашихъ видѣть никогдабъ не помѣшали, ежелибъ вы только напередъ насъ о томъ увѣдомили. Что же ваша любовь

впрочемъ и о недостаткѣ денежномъ объявляете, то не видимъ мы, чтобъ и то васъ къ такой скорой резолюціи привесть могло. Сожительница наша съ кронъ-принцемъ нашимъ уже предъ нѣкоторымъ временемъ путь свой назадъ въ государство наше и въ Петербургъ предвосприяла, куды, мы уповаемъ, и ваша любовь за оными слѣдовать будете.» Шарлотта писала новыя оправданія, и Петръ, 11 февраля, написалъ ей: «Дружебно любезная госпожа невѣстка! Вашей любви различныя къ намъ отправленныя писанія исправно получили, и изъ оныхъ усмотрѣли, что васъ къ скорому отъѣзду изъ Эльбинга въ Брауншвигъ привело. Мы не сомнѣваемся, что вы оныя 5.000 червонныхъ, которые къ вамъ чрезъ сына барона Левольда отправлены, нынѣ ужь исправно получили, и при семъ еще вексель на 25.000 ефимковъ албертусовыхъ на банкира Поппа въ Гамбургъ прилагаемъ и уповаемъ, что ваша любовь нынѣ путь свой какъ наискорѣе въ Ригу и далѣе въ Петербургъ восприимите, куда и сожительница наша и кронъ-принцъ нашъ предъ нѣкоторымъ временемъ уже поѣхали, яко же и мы для ускоренія вашего пути въ нашихъ земляхъ потребное учрежденіе учинить укажемъ, и впрочемъ о постоянной нашей отеческой склонности обнадеживаемъ, пребывая вашей любви дружебно склонный отецъ.»

Это письмо было написано уже въ другомъ тонѣ, чѣмъ прежнее; Шарлоттѣ и ея роднымъ хотѣлось, чтобъ Петръ заѣхалъ къ нимъ въ Брауншвейгъ для окончательнаго примиренія. Не рѣшаясь обратиться прямо къ царю, Шарлотта обратилась къ канцлеру графу Головкину и написала ему: «Я сочла лучше всего обратиться къ вашему сіятельству съ просьбою сдѣлать такъ, чтобъ его царское величество не проѣхалъ мимо насъ: прямая дорога изъ Ганновера въ Берлинъ идетъ чрезъ Брауншвейгъ; и герцогъ, и мой отецъ и моя мать будутъ въ отчаяніи, узнавши, что его величество былъ такъ близко и они не имѣли чести видѣть его здѣсь, а для меня это будетъ крайнее бѣдствіе, ибо я съ нетерпѣніемъ ожидаю счастливой минуты, когда я могу облобызать руку его величества и услыхать отъ него приказаніе ѣхать къ принцу моему дорогому супругу. Во всякомъ случаѣ, если его величество не захочетъ быть здѣсь, надѣюсь, что мнѣ окажетъ милость, назначитъ мѣсто, гдѣ бы я могла съ нимъ видѣться.» Петръ видѣлся съ нею въ замкѣ Зальцдаленѣ, недалеко отъ Брауншвейга, послѣ чего кронъ-принцесса отправилась въ Россію.

Царевичъ находился съ отцомъ въ Финляндскомъ походѣ во время пріѣзда жены своей. Прибывъ въ Нарву, Шарлотта дала знать о своемъ пріѣздѣ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, которая отвѣчала ей: «Пресвѣтлѣйшая принцесса! Съ особеннымъ моимъ увеселеніемъ получила я благопріятнѣйшее и любительнѣйшее писаніе вашего высочества, и о прибытіи вашемъ въ Нарву и о намѣреніи къ скорому предпріятію пути вашего до С.-Петербурга увѣщена есмь, отъ чего мнѣ всеусердная причиняется радость, такъ что я не хотѣла нимало оставить ваше высочество о томъ чрезъ сіе мое благосклонно поздравить и извѣстить, что имѣемъ въ нашемъ общемъ сожалѣніи о отбытіи царскаго величества и его высочества государя царевича; елико въ силахъ моихъ будетъ, не премину всякихъ изыскивать способовъ къ увеселенію вашему, и уповаю, что возвращеніе его царскаго величества и его высочества вскорѣ намъ общую подастъ радость. Ожидаю съ нетерпѣливостію того моменту, чтобъ мнѣ при дружебномъ объятіи особы вашей засвидѣтельствовать, коль я всеусердно есмь вашего высочества—Наталія.» Канцлеръ Головкинъ писалъ кронъ-принцессѣ: «Свѣтлѣйшая и высочайшая принцесса, моя государыня! Съ толикою радостію, колико я имѣю респекту и благоговѣнія къ особѣ вашего царскаго высочества, получилъ я увѣдомленіе чрезъ господина Нарышкина о счастливомъ прибытіи вашего царскаго высочества въ Нарву, и о милостивомъ напоминаніи, которымъ ваше царское высочество изволили меня почтить въ присутствіи сего генеральнаго офицера, и понеже я всегда профессовалъ жаркую ревность къ вашему царскому высочеству, того ради я не могъ, ниже долженъ былъ оставить, чтобъ ваше царское высочество не увѣстить чрезъ сіе о нижайшихъ моихъ респектахъ, и чтобъ не отдать должнѣйшаго моего поздравленія о прибытіи вашего царскаго высочества, и такожде и не возблагодарить покорнѣйше за то, что ваше царское высочество благоволили меня высокодушно въ напамятованіи своемъ сохранить. Еслибы я не удержанъ былъ всемѣрно здѣ дѣлами его царскаго величества, отъ сего жь бы моменту предался бы я въ должной моей покорности до вашего царскаго высочествія, дабы мнѣ все помянутое персонально вашему царскому высочеству подтвердить; но понеже невозможно мнѣ удовольствовать моей ревности, въ томъ принужденъ я еще ближайшаго прибытія сюда вашего

10*

царскаго высочества обождать, и тогда не премину предатися ко двору вашего царскаго высочества воспріять честь еже засвидѣтельствовать вашему царскому высочеству, съ колкимъ респектомъ и благоговѣніемъ я есмь» и проч. [81].

Торжественная встрѣча, сдѣланная кронъ-принцессѣ въ Петербургѣ, радушный пріемъ со стороны царицы и другихъ лицъ царскаго семейства произвели на Шарлотту и ея родныхъ благопріятное впечатлѣніе, успокоили ихъ. Лѣтомъ 1713 года посолъ Матвѣевъ писалъ изъ Вѣны къ Головкину: «Изъ дому императрицы узналъ я, что «государыня принцесса царевича» 6 іюня писала къ ней частное письмо изъ Петербурга, отзываясь съ великими похвалами о расположеніи къ ней государыни царицы и государыни царевны и всѣхъ высокихъ особъ Русскихъ, и съ какими почестями она, принцесса, была принята при своемъ пріѣздѣ. Очень нужно, чтобъ ваше превосходительство изволилъ ей, государынѣ принцессѣ, вручить интересъ его царскаго величества и меня, дабы ея высочево изволила къ императрицѣ о томъ особое партикулярное письмо написать и чрезъ васъ на меня прислать, что можетъ принести много пользы интересамъ царскаго величества: императрица можетъ сдѣлать все, что захочетъ, а она ея высочество чрезвычайно любитъ. Такимъ образомъ государыня принцесса возбудитъ хорошее мнѣніе о дворѣ царскаго величества, покажетъ, что она у царскаго величества находится въ особой милости и любви и этимъ уничтожатся противные слухи, распускаемые злонамѣренными людьми, потому что здѣсь уже много разъ подняты были плевелы, будто ея высочество находится въ самомъ дурномъ состояніи и уничиженіи отъ нашего народа, живетъ въ нуждѣ и запрещено ей переписываться съ родственниками.» Въ декабрѣ того же года императрица пространно говорила Матвѣеву о милости царя, царевича и всего царскаго дома къ ея сестрѣ, чѣмъ она, императрица, и мужъ ея чрезвычайно довольны [82].

Царевича не было при встрѣчѣ жены; онъ находился съ отцомъ въ Финляндскомъ походѣ. По возвращеніи оттуда въ Петербургъ, онъ опять скоро уѣхалъ въ Старую Русу и Ладогу для распоряженія на счетъ постройки судовъ [83]. Это было послѣднее извѣстное намъ порученіе, возложенное отцемъ на Алексѣя.

Долговременное пребываніе за границею для окончанія ученія,

пребываніе въ Польшѣ для распоряженія продовольствіемъ войска, участіе въ Померанскомъ и Финляндскомъ походахъ, царь считалъ необходимою школой для сына; вмѣстѣ со школою здѣсь было испытаніе для царевича; испытаніе оказалось неудовлетворительнымъ. Петръ съ ужасомъ замѣтилъ, что сынъ исполняетъ безпрекословно всѣ его приказанія, но что тутъ исключительнымъ побужденіемъ былъ страхъ; отвращеніе отъ дѣятельности, которую Петръ считалъ необходимою для своего и послѣдующаго царствованія, было очевидно въ Алексѣѣ. Когда въ 1713 году Алексѣй возвратился изъ-за границы, то отецъ принялъ его ласково и спрашивалъ, не забылъ ли того, чему учился? Не забылъ, отвѣчалъ царевичъ. Петръ, для испытанія, велѣлъ ему принести чертежи, имъ сдѣланные. Страхъ напалъ на Алексѣя: «что если отецъ заставитъ чертить при себѣ, а я не умѣю?» Какъ быть? одно средство—испортить правую руку. Царевичъ взялъ въ лѣвую руку пистолетъ и выстрѣлилъ по правой ладони, чтобъ пробить пулею; пуля миновала руку, только сильно опалило порохомъ [84]. Въ этомъ поступкѣ весь человѣкъ. Алексѣй былъ похожъ на тѣхъ людей, которые увѣчатъ себя, чтобъ не попасть въ солдаты.

Петръ сначала сердился, бранилъ, билъ, потомъ утомился, пересталъ говорить съ сыномъ: дурной признакъ для Алексѣя: лучше бы отецъ продолжалъ сердиться, бранить и бить; а холодность и невниманіе, предоставленіе самому себѣ, молчаніе—это страшный признакъ ослабленія родительскаго чувства, признакъ ожесточенія. Что же сынъ? замѣтивъ страшный признакъ, испугается этой холодности и бросится къ отцу за примиреніемъ? Но сынъ давно уже охладѣлъ и ожесточился, давно въ присутствіи отца лежалъ на немъ тяжкій гнетъ и только въ отдаленіи отъ него дышалось свободно: «не токмо дѣла воинскія и прочія отца его дѣла, но и самая его особа зѣло ему омерзѣла, и для того всегда желалъ отъ него быть въ отлученіи [85].» Желаніе исполнилось; царевича не безпокоятъ, не посылаютъ въ походъ или смотрѣть за постройкою этихъ проклятыхъ судовъ. Когда его звали обѣдать къ отцу или къ Меншикову, когда звали на любимый отцовскій праздникъ, на спускъ корабля, то онъ говорилъ: «Лучше бъ я на каторгѣ былъ или въ лихорадкѣ лежалъ, чѣмъ тамъ быть.» Отецъ сердится, не говоритъ; но что изъ это-

го? Будущее принадлежитъ не ему, а царевичу. Отецъ съ сыномъ разошлись по отношенію къ самому важному вопросу, вопросу о будущемъ.

Царевичу будущее улыбается. Отецъ еще не старъ, но часто и сильно припадаетъ, долго не проживетъ, и съ нимъ исчезнутъ всѣ его дѣла. Что думалъ трезвый, въ томъ проговаривался пьяный: «Близкіе къ отцу люди будутъ сидѣть на кольяхъ, и Толстая, и Арсеньева, свояченица Меншикова; Петербургъ не долго будетъ за нами.» Когда его остерегали, что опасно такъ говорить, слова передадутся, и тѣ люди будутъ въ сомнѣніи, перестанутъ къ нему ѣздить; и такъ уже рѣдко ѣздятъ,—царевичъ отвѣчалъ: «Я плюю на всѣхъ; здорова бы была мнѣ чернь.» Но царевичъ зналъ хорошо, что не одна чернь за него. За него духовенство, и не одни русскіе архіереи, даже скрытный, осторожный иноземецъ, Стефанъ Яворскій, и тотъ рѣшается высказываться за него. Еще до женитьбы Петра на Екатеринѣ Яворскій говорилъ Алексѣю: «Надобно тебѣ себя беречь; если тебя не будетъ, отцу другой жены не дадутъ; развѣ мать твою изъ монастыря брать? только тому не быть, а наслѣдство надобно [86].» Отцу другую жену дали; но это не успокоило Яворскаго, и онъ *крикнулъ* знаменитую проповѣдь 17 марта 1712 года [87]. Алексѣй испугался неосторожности митрополита Рязанскаго, и писалъ духовнику: «Что же пишишь, радѣтель, о Акулининѣ родителѣ, отцѣ Іосифѣ, чтобъ его превести на мѣсто новопреставльшагося, и я бы радъ воистину, и буду какъ возможно промышлять черезъ людей; а и вы тамъ не плошитеся, черезъ кого возможно дѣлайте, понеже чаю тамъ вамъ свободнѣе, нежели намъ здѣсь, понеже Рязанскій у рождшаго мя за нѣкакія казанія есть въ ненавидѣніи великомъ, и того ради мнѣ писать къ нему опасно, и говорятъ, что ему быть отлучену отъ сего управленія, въ немъ же есть, и того ради вамъ легчая сіе чрезъ кого-нибудь дѣлать; а я совѣтую, чтобъ вамъ съ симъ человѣкомъ съ опасностію обходиться, не въ коротке, чтобъ не причинился какой вредъ; однакожь вѣдаю, что вамъ не можно съ нимъ не обводиться, дондеже онъ не отлученъ отъ правленія сего; того ради пишу, чтобъ съ опасеніемъ больше и не въ частое бываньe [88].» Яворскій удержался на своемъ важномъ мѣстѣ, и царевичу съ разныхъ сторонъ говорили: «Рязанскій къ тебѣ добръ, твоей стороны и весь онъ твой [89].»

Между знатнымъ духовенствомъ былъ только одинъ человѣкъ, вполнѣ преданный Петру и дѣламъ его и потому державшій себя вдалекѣ отъ Алексѣя: то былъ извѣстный уже намъ Ѳеодосій Яновскій [90].» За то царевичъ и его приближенные не щадили гнѣвныхъ выходокъ и насмѣшекъ надъ Ѳеодосіемъ: «Дивлюсь батюшкѣ, за что любитъ архимандрита Невскаго? говорилъ Алексѣй: развѣ за то, что вноситъ въ народъ лютерскіе обычаи и разрѣшаетъ на вся [91]?» Выписали стихъ изъ церковной службы на день полтавской битвы, начинавшійся словами: «Врагъ креста Христова,» и на «подпиткахъ» въ компаніи царевича пѣвали его, примѣняя къ Ѳеодосію, говорили, что этотъ стихъ хорошо пѣть, когда Ѳеодосія будутъ посвящать въ архіереи. Никифоръ Вяземскій написалъ этотъ стихъ съ нотами, и говорилъ, что далъ бы пять рублей пѣвчимъ, чтобъ пропѣли его, потому что Ѳеодосій иконъ не почитаетъ.

Архіереи за царевича, и много знатныхъ вельможъ за него же, именно самые знатные, которымъ тяжко было занимать второстепенныя мѣста, когда на первыхъ мѣстахъ были люди худородные, и на самомъ видномъ Меншиковъ. Изъ старыхъ княжескихъ родовъ въ это время преимущественно выдавались два рода, Рюриковичи Долгорукіе и Гедиминовичи Голицыны. Долгорукіе вышли на видъ только при новой династіи, особенно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. При Петрѣ эта фамилія была очень хорошо представлена: двое Долгорукихъ съ честію занимали важнѣйшіе дипломатическіе посты — Григорій Ѳедоровичъ и Василій Лукичъ; третій Василій Владиміровичъ считался однимъ изъ лучшихъ генераловъ; наконецъ четвертый, знаменитый сенаторъ энергическій князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, представитель фамиліи. Чѣмъ лучше была обставлена Долгоруковская фамилія, чѣмъ болѣе считала она за собою правъ, тѣмъ тягостнѣе для нея было сносить преобладаніе Меншикова, а вскрывшіяся злоупотребленія любимца и холодность къ нему царя подавали надежду, что свѣтлѣйшій можетъ потерять свое важное значеніе. Новая царица, связанная съ Меншиковымъ прежними отношеніями, естественная его покровительница, не могла нравиться Долгорукимъ, и тѣмъ приверженнѣе были они къ законному наслѣднику. Царевичъ видѣлъ эту приверженность, не смотря на осторожность князя Якова Ѳедоровича; когда Алексѣй говорилъ ему, что хо-

четъ пріѣхать къ нему въ гости, то старикъ отвѣчалъ: «Пожалуй ко мнѣ не ѣзди; за мною смотрятъ другіе, кто ко мнѣ ѣздитъ; князь Василій Владиміровичь Долгорукій говорилъ царевичу: «Ты умнѣе отца; отецъ твой хотя и уменъ, только людей не знаетъ, а ты умныхъ людей знать будешь лучше [92].» Смыслъ словъ былъ ясенъ: отецъ уменъ, но людей не знаетъ, потому что держитъ въ приближеніи Меншикова, Головкина; ты людей будешь знать лучше, потому что будешь держать въ приближеніи Долгорукихъ. Голицыны, у которыхъ стремленіе къ первенству составляло родовое преданіе со временъ Ивана III, имѣли теперь своимъ представителемъ князя Дмитрія Михайловича. Человѣкъ, по жесткости характера своего, не способный возбуждать къ себѣ сильной привязанности, умный, образованный, но безъ особенныхъ блестящихъ способностей, князь Дмитрій вступилъ на служебное поприще съ сознаніемъ своихъ правъ родовыхъ и личныхъ, служилъ усердно, и все оставался въ тѣни, на мѣстахъ второстепенныхъ, онъ, представитель самой знатной фамиліи, а между тѣмъ Меншиковъ съ подобными ему занимаютъ мѣста высшія, находятся въ приближеніи. Голицынъ, по внушенію оскорбленнаго самолюбія, объясняетъ себѣ это явленіе исключительно тѣмъ, что эти худородные люди обязаны своимъ возвышеніемъ худымъ, низкимъ средствамъ, къ которымъ онъ, Голицынъ, не способенъ; онъ ненавидитъ и презираетъ; презрѣніе даетъ ему право ненавидѣть, и ненависть усиливаетъ презрѣніе, какъ свое основаніе. Князь Дмитрій не можетъ никакъ помириться съ новымъ бракомъ царя, бракомъ унизительнымъ, незаконнымъ въ глазахъ Голицына: тѣмъ сильнѣе была его преданность сыну царскому, отъ законнаго, честнаго брака рожденному. Голицынъ сочувствовалъ Алексѣю и потому, что оба они были люди стараго образованія, образованія царя Ѳедора Алексѣевича; извѣстныя намъ [93] столкновенія Голицына съ Паткулемъ, отвративъ его отъ иностранцевъ, какъ проводниковъ новаго преобразовательнаго направленія, отвратили его и отъ послѣдняго. «Князь Дмитрій, говорилъ царевичь, мнѣ былъ другъ вѣрный и говаривалъ, что я тебѣ всегда вѣрный слуга. Онъ много книгъ мнѣ изъ Кіева приваживалъ по прошенію моему, и такъ, отъ себя; и я ему говаривалъ: гдѣ ты берешь? У чернецовъ-де Кіевскихъ: они де очень къ тебѣ ласковы и тебя любятъ [94].» Фамилія Голицыныхъ была также хорошо

обставлена; родной братъ князя Дмитрія, Михайла Михайловичъ былъ одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и искусныхъ генераловъ Петра; кромѣ того, князь Михайла отличался необыкновенно привлекательнымъ и рыцарскимъ характеромъ, который заставилъ и иностранцевъ съ восторгомъ отзываться объ немъ, хотя Голицынъ, подобно брату, не любилъ иностранцевъ [95]. Извѣстенъ разказъ, что когда однажды Петръ предложилъ Голицыну самому назначить себѣ награду, то Голицынъ сказалъ: «Прости, государь, князя Репнина;» а Репнинъ былъ ему не другъ. Можно, если угодно, не вѣрить этому разказу; но для насъ важно то, что о человѣкѣ ходили подобные разказы, что человѣка считали способнымъ на подобные поступки. Не смотря на то, что князь Михайла былъ виднѣе и любимѣе брата, онъ, по старинѣ, имѣлъ князя Дмитрія, какъ старшаго, «въ отца мѣсто,» не смѣлъ садиться передъ нимъ и совершенно былъ въ его волѣ, раздѣлялъ его взгляды; поэтому царевичъ говорилъ: «Князь Михайла Михайловичъ былъ мнѣ другъ же [96].» Третій Голицынъ, занимавшій видное мѣсто Рижскаго губернатора, князь Петръ Алексѣевичъ не рознился въ направленіи съ своими родичами и былъ также другъ царевичу [97]. Старый фельдмаршалъ, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, не смотря на свое значеніе и долгую, непрерывную тяжелую службу, не видѣлъ себя въ приближеніи, оскорблялся, получая указы отъ другихъ, испытывая безцеремонное обращеніе отъ царя, съ которымъ Мальтійскій рыцарь не сходился характеромъ; Шереметеву поэтому также не нравилась придворная обстановка, не нравился Меншиковъ, и тѣмъ сильнѣе былъ онъ преданъ царевичу: «Въ главной арміи Борисъ Петровичъ и прочіе многіе изъ офицеровъ мнѣ друзья. Борисъ Петровичъ говорилъ мнѣ, будучи въ Польшѣ, въ Острогѣ, при людяхъ немногихъ моихъ и своихъ: «напрасно ты малаго не держишь такого, чтобъ знался съ тѣми, которые при дворѣ отцовѣ: такъ бы ты все вѣдалъ.» — Извѣстный дипломатъ, князь Борисъ Куракинъ заявилъ также свою приверженность къ царевичу; однажды въ Помераніи онъ спросилъ у него: «Добра къ тебѣ мачиха?» — «Добра,» отвѣчалъ Алексѣй. Куракинъ замѣтилъ на это: «Покамѣсть у ней сына нѣтъ, то къ тебѣ добра; а какъ у ней сынъ будетъ, не такова будетъ [98].» Однимъ словомъ, царевичъ могъ считать своими друзьями почти всѣхъ родовитыхъ людей, ибо они смотрѣли на

него какъ на человѣка, при которомъ не будетъ Меншикова съ товарищами. По ненависти къ Меншикову [99], по злобѣ и на Петра за недавнюю опалу, къ доброжелателямъ царевича принадлежалъ Александръ Кикинъ, тѣмъ болѣе, что Иванъ Васильевичь Кикинъ былъ казначеемъ Алексѣя [100]. Другіе надѣялись отдохнуть когда Алексѣй будетъ царемъ, потому что не предвидѣлось покоя, возможности заняться своими дѣлами, при царѣ, который не понималъ, какъ можно сидѣть дома безъ дѣла. Семенъ Нарышкинъ говорилъ царевичу: «Горько намъ! Говоритъ (царь): *что вы дома дѣлаете? Я не знаю, какъ безъ дѣла дома быть.* Онъ нашихъ нуждъ не знаетъ; а будетъ домъ свой смотрѣть хорошенько, часу не найдешь безъ дѣла. Когда бъ ему прилучилось придти домой, а иное дровъ нѣтъ, иное инова нѣтъ, такъ бы узналъ, что мы дома дѣлаемъ.» Царевичь вполнѣ сочувствовалъ этимъ людямъ, стремившимся отъ общественной дѣятельности, отъ службы домой, къ домашнимъ занятіямъ. Различіе между отцомъ и сыномъ заключалось въ томъ что для отца былъ тѣсенъ домъ, хотя его домъ былъ дворецъ, ему было просторно, легко дышать, когда онъ разъѣзжалъ по Россіи, по Европѣ, по безбрежному морю: сынъ не терпѣлъ этихъ разъѣздовъ, этой широты, и стремился въ домъ, въ тѣсный, домашній кругъ, гдѣ тихо, уютно и покойно. «У него вездѣ все готово; то-то онъ нашихъ нуждъ не знаетъ [101],» отвѣчалъ царевичь на жалобы Нарышкина. Наслѣдникъ Русскаго, Петровскаго престола становился совершенно на точку зрѣнія частнаго человѣка, приравнивалъ себя къ нему, говорилъ о «нашихъ нуждахъ.» Сынъ царя и героя-преобразователя имѣлъ скромную природу частнаго человѣка, заботящагося прежде всего о дровахъ. И дѣйствительно Алексѣй былъ хорошій хозяинъ, любилъ заниматься отчетами по управленію своими собственными имѣніями, дѣлать замѣчанія, писать резолюціи.

Алексѣй увѣренъ, что за него духовенство, родовитые вельможи, простой народъ; онъ покоенъ на счетъ своего будущаго, настоящее можно какъ-нибудь и перетерпѣть, лишь бы порѣже видѣться съ отцемъ и его любимцами. Но чѣмъ покойнѣе сынъ относительно своего будущаго, тѣмъ безпокойнѣе отецъ относительно своего, и если, для успокоенія себя на счетъ будущаго, отецъ рѣшится воспользоваться своимъ настоящимъ?... Отецъ работалъ безъ устали, видѣлъ уже какъ зрѣли плоды имъ насаж-

деннаго, но вмѣстѣ чувствовалъ упадокъ физическихъ силъ и слышалъ зловѣщіе голоса: «умретъ и все погибнетъ съ нимъ, Россія возвратится къ прежнему варварству.» Эти зловѣщіе голоса не могли бы смутить его, еслибъ онъ оставлялъ по себѣ наслѣдника, могшаго продолжать его дѣло. Понятно, что Петръ не могъ позволить себѣ страннаго требованія, чтобъ сынъ его и наслѣдникъ обладалъ всѣми тѣми личными средствами, какими обладалъ онъ самъ; но онъ считалъ совершенно законнымъ для себя требованіе, чтобъ сынъ и наслѣдникъ имѣлъ охоту къ продолженію его дѣла, имѣлъ убѣжденіе въ необходимости продолжать его именно въ томъ самомъ направленіи; недостатокъ сильныхъ способностей восполнялся легкостью дѣла, ибо начальная, самая трудная его часть уже была совершена, дѣло было легко и потому, что преемнику приходилось работать въ кругу хорошихъ работниковъ, приготовленныхъ отцемъ; для успѣха при такихъ условіяхъ нужна была только охота, сочувствіе къ дѣлу, нужно было сыну быть однимъ изъ птенцовъ отца, однимъ изъ его помощниковъ, сотрудниковъ. Но Петръ, при своей работѣ, въ сонмѣ сотрудниковъ не досчитывался одного, роднаго сына и наслѣдника! При перекличкѣ Русскихъ людей, имѣвшихъ право и обязанность непосредственно помогать преобразователю въ его дѣлѣ, царевичь, наслѣдникъ объявился въ *нѣтѣхъ*! Единственное средство упрочить будущность своему дѣлу это отстранить человѣка, который долженъ быть главнымъ препятствіемъ этому, отстранить наслѣдника отъ наслѣдства. Эта мысль необходимо должна была явиться въ головѣ Петра, какъ скоро онъ увидалъ въ сынѣ отвращеніе къ отцовскому дѣлу. Мысль не могла не придти въ голову и другимъ, у Петра могла она вырываться въ видѣ угрозы; чѣмъ болѣе выказывалось отвращеніе царевича къ отцовскому дѣлу, чѣмъ менѣе оставалось надежды на перемѣну, тѣмъ болѣе у отца должна была укрѣпляться мысль объ его отстраненіи. Другимъ людямъ, которымъ выгодно было отстраненіе Алексѣя, было не нужно и опасно пытаться укрѣплять эту мысль, ибо укрѣпленіе шло необходимо, само собою, надобно было только оставить дѣло его естественному теченію; вмѣшательствомъ можно было только повредить себѣ, ибо Петръ, по своей проницательности, могъ сейчасъ увидать, что другіе дѣлаютъ тутъ свое дѣло. Если мачиха считала выгоднымъ для себя отстраненіе па-

сынка, то она должна была всего болѣе стараться скрывать свои чувства и желанія передъ мужемъ и другими; князь Василій Владиміровичь Долгорукій говорилъ царевичу: «Кабы на государевъ жестокій нравъ де не царица, намъ бы жить нельзя, я бы первый измѣнилъ.» Цѣль Екатерины Алексѣевны состояла въ томъ, чтобъ заискать всеобщее расположеніе, стараясь услуживать всѣмъ, быть ко всѣмъ «доброю;» *добра* была она и къ пасынку, которому не могла выставить соперника въ собственномъ сынѣ. Если Екатерина и Меншиковъ не хотѣли или не могли поссорить отца съ сыномъ къ 1711 году, когда положеніе царевича упрочивалось бракомъ его на иностранной принцессѣ, то безполезно было хлопотать объ этомъ въ послѣдствіи, когда ссора и безъ нихъ стала необходимостію по возвращеніи Алексѣя изъ за границы, при первомъ сопоставленіи отца съ сыномъ въ правительственной дѣятельности; притомъ Меншикову нельзя было въ это время дѣйствовать противъ Алексѣя, потому что онъ самъ былъ въ нравственной опалѣ, прежнихъ близкихъ отношеній его къ Петру не было болѣе.

Враждебныя отношенія между отцемъ и сыномъ вскрылись сами собою безъ посторонняго посредства; но не могла ли имѣть вліянія на вскрытіе этихъ отношеній семейная жизнь царевича, отношенія его къ женѣ? Въ послѣдствіи, въ письмѣ къ императору Карлу VI и въ публичномъ обвиненіи сына, Петръ указывалъ и на дурное обращеніе его съ женою; но эти памятники, по своему значенію, по своимъ цѣлямъ, не могутъ насъ останавливать; для насъ самое важное, рѣшительное значеніе въ этомъ случаѣ имѣетъ письмо Петра къ сыну, гдѣ онъ выставляетъ, почему поведеніе Алексѣя не можетъ ему нравиться, почему онъ считаетъ своею обязанностію отстранить его отъ наслѣдства: въ этомъ письмѣ о семейной жизни Алексѣя ни слова, какъ увидимъ. Изо всего можно усмотрѣть, что поведеніе кронъ-принцессы въ Россіи не могло возбудить въ Петрѣ, въ его семействѣ и въ окружавшихъ его никакой привязанности. Какъ видно, Шарлотта, пріѣхавъ въ Россію, осталась *Кронъ-принцессою*, и не употребила никакого старанія сдѣлаться женою Русскаго царевича, Русскою великою княгинею. Въ оправданіе ея можно сказать, что отъ нея этого не требовалось: ее оставили при прежнемъ Лютеранскомъ исповѣданіи, жила она въ новооснованномъ

Петербургѣ, гдѣ ей трудно было познакомиться съ Россіею. Но не могла же она не видѣть, какъ было важно для сближенія съ мужемъ принять его исповѣданіе, не могло скрыться передъ нею, что онъ и окружавшіе его сильно этого желаютъ; что же касается до Петербургской обстановки, то вглядѣвшись внимательно, мы видимъ, что дворъ не только царевича, но и самого царя былъ чисто Русскій. Кронъ-принцесса не сблизилась съ этими дворами; она замкнула себя въ своемъ дворѣ, который весь, за исключеніемъ одного Русскаго имени, былъ составленъ изъ иностранцевъ [102]. Мы не станемъ возражать противъ отзыва царевича Алексѣя о кронѣ-принцессѣ что она была «человѣкъ добрый;» но мы видимъ, что она отнеслась къ Россіи и ко всему Русскому съ нѣмецкимъ національнымъ узкимъ взглядомъ, не хотѣла быть Русскою, не хотѣла сближаться съ Русскими, не хотѣла, не могла преодолѣть труда, необходимаго для иностранки при подобномъ сближеніи; гораздо легче, покойнѣе было оставаться при своемъ, съ своими; но отчужденіе такъ близко граничитъ съ враждою; можно догадываться, что окружавшіе кронъ-принцессу иностранцы не говорили съ уваженіемъ и любовію о Россіи и Русскихъ, иначе кронъ-принцессѣ пришла бы охота сблизиться съ страною и народомъ, достойными уваженія и любви. Какъ у мужа не было охоты къ отцовской дѣятельности, такъ у жены не было охоты стать Русскою и дѣйствовать въ интересахъ Россіи и царскаго семейства, употребляя свое вліяніе на мужа. Петру не могло нравиться это отчужденіе невѣстки и недостатокъ вліянія ея на мужа, тогда какъ на это вліяніе онъ долженъ былъ сильно разсчитывать. Онъ имѣлъ право надѣяться, что сильная привязанность и сильная воля жены будутъ могущественно содѣйствовать воспитанію еще молодаго человѣка, отученію его отъ тѣхъ взглядовъ и привычекъ, которые отталкивали его отъ отцовской дѣятельности; онъ могъ думать, что сынъ женится — перемѣнится, и ошибся въ своихъ разсчетахъ; невѣстка отказалась помогать ему и Россіи; мужъ и жена были похожи другъ на друга — косностію природы; энергія, наступательное движеніе противъ препятствій были чужды обоимъ; природа обоихъ требовала бѣжать, запираться отъ всякаго труда, отъ всякаго усилія, отъ всякой борьбы. Этого бѣгства другъ отъ друга было достаточно для того, чтобъ бракъ былъ нравственно безплоденъ.

Камердинеръ царевича разказывалъ любопытный случай изъ семейной жизни Алексѣя: «Царевичь былъ въ гостяхъ, пріѣхалъ домой хмѣленъ, ходилъ къ кронъ-принцессѣ, а оттуда къ себѣ пришелъ, взялъ меня въ спальню, сталъ съ сердцемъ говорить: Вотъ де Гаврило Ивановичь (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ чертовку навязали: какъ де къ ней ни приду, все де сердитуетъ и не хочетъ со мною говорить; развѣ де я умру, то ему (Головкину) не заплачу. А сыну его Александру — головѣ его быть на колѣ и Трубецкаго: они де къ батюшку писали, чтобъ на ней жениться. — Я ему молвилъ: Царевичь-государь, изволишь сердито говорить и кричать; кто услышитъ и пронесутъ имъ: будетъ имъ печально, и къ тебѣ ѣздить не станутъ и другіе, не токмо они. Онъ мнѣ молвилъ: Я плюну на нихъ; здорова бы мнѣ была чернь. Когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ: тогда они и не хотя меня владѣтелемъ учинятъ. — Я стою молчу. Онъ мнѣ говоритъ: Что ты молчишь и задумался? Я молвилъ: Чтò мнѣ, государь, говорить? — Посмотрѣлъ на меня долго и пошелъ молиться въ крестову. Я пошелъ къ себѣ. Поутру призвалъ меня и сталъ мнѣ говорить ласково и спрашивалъ: Не досадилъ ли вчерась кому? Я сказалъ: нѣтъ. — Инъ не говорилъ ли я пьяный чего? Я ему сказалъ, что говорилъ что писано выше. И онъ мнѣ молвилъ: Кто пьянъ не живетъ? у пьянаго всегда много лишнихъ словъ. Я по истинѣ себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасныхъ словъ много говорю, а послѣ о семъ очень тужу. Я тебѣ говорю, чтобъ этихъ словъ напрасныхъ не сказывать. А буде ты скажешь, видь де тебѣ не повѣрятъ; я запруся, а тебя станутъ пытать. — Самъ говорилъ, а самъ смѣялся [103].» Кронъ-принцессѣ тѣмъ легче было удалиться отъ мужа и отъ всѣхъ Русскихъ, что съ нею пріѣхала въ Россію ея родственница и другъ, принцесса Юліана Луиза Остфрисландская, которая, какъ говорятъ, вмѣсто того чтобъ стараться о сближеніи между мужемъ и женою, только усиливала разладъ [104]. Подобные друзья бываютъ ревнивы, не любятъ, чтобъ другъ ихъ имѣлъ, кромѣ нихъ, еще другія привязанности; но намъ не нужно предполагать положительныхъ стремленій со стороны принцессы Юліаны; довольно того, что кронпринцесса имѣла привязанность, которая замѣняла ей другія, имѣла въ Юліанѣ чело-

вѣка, съ которымъ могла отводить душу на чужбинѣ; а принцесса Остфрисландская, съ своей стороны, не дѣлала ничего, чтобъ заставить Шарлоту подумать о своемъ положеніи, о своихъ обязанностяхъ къ новому отечеству. Кронпринцесса жаловалась, что не хорошо, и Юліана вторила ей, что не хорошо, и тѣмъ услаждали другъ друга, а какъ сдѣлать лучше, этого придумать не могли.

Въ 1714 году у царевича разстроилось здоровье; медики присовѣтовали ему ѣхать въ Карлсбадъ; онъ писалъ объ этомъ къ отцу и получилъ позволеніе. Кикинъ думалъ, что царевичу надобно воспользоваться этимъ случаемъ и продлить пребываніе за границею, даже остаться тамъ для избѣжанія столкновеній съ отцемъ: «Когда вылѣчишься, говорилъ Кикинъ Алексѣю, напиши къ отцу, что еще на весну надобно тебѣ лѣчиться, а между тѣмъ поѣдешь въ Голландію; а потомъ, послѣ вешняго кура, можешь въ Италіи побывать, и тѣмъ отлученіе свое года два или три продолжить.» Показавши отцовское письмо канцлеру Головкину, Алексѣй взялъ у него паспортъ на имя офицера, ѣдущаго въ Германію, и объявилъ, что отправляется немедленно. Канцлеръ представлялъ ему опасности, какъ въ дорогѣ, такъ и во время пребыванія въ Карлсбадѣ, и просилъ позволенія написать прежде кому слѣдуетъ о безопасномъ проѣздѣ. Но онъ не только писать, никому и говорить не позволилъ, чтобъ скрыть отъ иностранныхъ министровъ, и на другой день уѣхалъ. Но царь писалъ Головкину, чтобъ тотъ принялъ мѣры предосторожности и канцлеръ написалъ Русскому министру въ Вѣну Матвѣеву, чтобъ тотъ попросилъ императора послать въ Карлсбадъ какого-нибудь вѣрнаго человѣка, придавши ему, для большей безопасности, и солдатъ, также на возвратномъ пути дать провожатыхъ до цесарскихъ границъ; написалъ и къ сыну своему Александру въ Берлинъ, чтобъ Прусскій король далъ конвой; подозрительную Саксонію царевичь долженъ былъ объѣхать [105].

8 августа къ графу Матвѣеву явился Чешскій канцлеръ графъ Шликъ и объявилъ, что императоръ приказалъ сдѣлать всѣ нужныя распоряженія для безопасности царевича, и онъ канцлеръ вчера отправилъ курьера къ Чешскому правительству съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ выслана была въ Карлсбадъ вѣрная особа и караулъ. Канцлеръ прибавилъ, что слухи о прибытіи ца-

ревича въ Карлсбадъ стали ходить въ обществѣ по частнымъ письмамъ, а не изъ императорскаго дворца, и чтобы царскій дворъ не приписалъ ихъ неосторожности какой-нибудь со стороны цесаря: «Я, писалъ Матвѣевъ, усмотря то опасеніе, и не желая, для всякихъ случаевъ, повѣрять перу, отправляю на почтѣ съ малолюдствомъ жену мою отсюда въ Карлсбадъ, подъ предлогомъ ея собственной болѣзни, чтобъ она его царскому высочеству подробно обо всемъ сама донесла, какъ слѣдуетъ ему отъ тѣхъ слуховъ всемѣрно опасаться. Я по сіе время къ немалому удивленію, никакихъ писемъ, ни вѣдомости изъ Карлсбада отъ его высочества не получилъ, хотя подъ притворнымъ именемъ съ 31 іюля по два раза въ недѣлю посылалъ къ его высочеству письма [106].

Въ Карлсбадѣ царевичь читалъ церковныя лѣтописи Баронія и дѣлалъ изъ нихъ выписки; нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ любопытны, показывая, какъ онъ былъ занятъ своею скрытою борьбою съ отцовскою дѣятельностію, напримѣръ: «Не цесарское дѣло вольный языкъ унимать; не іерейское дѣло, что разумѣютъ, не глаголати. Аркадій цесарь повелѣлъ еретиками звать всѣхъ, которые хотя малымъ знакомъ отъ православія отлучаются. Валентіанъ цесарь убитъ за поврежденіе уставовъ церковныхъ и за прелюбодѣяніе. Максимъ цесарь убитъ отъ того, что повѣрилъ себя женѣ. Во Франціи носили долгое платье, а короткое Карлусъ Великій заказывалъ, и похвала долгому, а короткому сопротивное. Хилперикъ Французскій король убитъ для отъему отъ церквей имѣнія. Чудо великое Іоанна Милостиваго, когда медъ (въ отбираніи злата отъ Ираклія царя Греческаго отъ церкви) обратился въ злато.» Тутъ же видно, какъ царевичь былъ внимателенъ къ извѣстіямъ о папскихъ притязаніяхъ, какъ старался опровергать ихъ и указывать на извѣстія, свидѣтельствующія о неправдѣ католическихъ стремленій, напримѣръ: «Патріархъ цареградскій Евфимій Геласія папу на судъ звалъ. — О верховности престола въ Римѣ писаніе подъ именемъ Геласія папы до епископовъ Дарданіи противно Вселенскимъ соборамъ.—Симмахъ папа сужденъ отъ своихъ архіереевъ на соборѣ, а безъ собору пріяти престола не могъ (гдѣ сіе еже надъ соборъ папа?) — Іустиніанъ будто писалъ къ папѣ, что онъ глава всѣмъ (не весьма правда, а хотя бъ писалъ, то намъ его письмо не подтвержденіе). Симонія стара въ Римѣ.—Іоаннъ Постникъ, цареградскій патріархъ, по-

хуленъ, пристрастія ради, что равнялся Римскому, что есть правда, понеже Христосъ святителей всѣхъ уравнялъ. — Іоаннъ папа былъ жена, что самъ Скарга (хотя не ясно) свидѣтельствуетъ; а что онъ написалъ, что по слабому его сердцу звали женою, что все слабо дѣлалъ, и то гдѣ, что непогрѣшимъ папа? — Папа Іоаннъ Десятый и прочіе, предъ нимъ и по немъ, худы были, что не иное есть, только что за отлученіе отъ православныя церкви благодать Божія отъяся отъ Римлянъ [107].»

Приходило время возвращаться въ Россію; царевичь пишетъ къ Кикину—какъ быть? дѣлать ли такъ, какъ говорено было съ нимъ или нѣтъ? Кикинъ отвѣчаетъ: «Тебѣ сіе дѣлать, не доложа отцу, не безопасно отъ гнѣва его; пиши къ нему и проси позволенія; а ты своего дѣла не забывай?» Царевичь рѣшился ѣхать въ Россію; но возвращался туда съ мрачными мыслями; однажды, подпивъ, говорилъ онъ окружающимъ: «Быть мнѣ пострижену, и будетъ я волею не постригусь, то неволею постригутъ же; и не то, чтобы нынѣ отъ отца, и послѣ его мнѣ на себя того жъ ждать, что Василья Шуйскаго, постригши, отдадутъ куда въ полонъ. Мое житье худое!» По возвращеніи въ Петербургъ, когда увидѣлся съ Кикинымъ, тотъ спросилъ его: «Былъ ли кто у тебя отъ двора Французскаго!» — «Никто не былъ,» отвѣчалъ царевичь. — «Напрасно, продолжалъ Кикинъ, ты ни съ кѣмъ не видался отъ Французскаго двора и туды не уѣхалъ: король человѣкъ великодушный; онъ и королей подъ своею протекціею держитъ; а тебя ему не великое дѣло продержать.» Царевичь спросилъ его, что значатъ въ письмѣ его слова: «А ты своего дѣла не забывай.» — «Я писалъ, отвѣчалъ Кикинъ, чтобъ ты уѣхалъ во Францію; и явно мнѣ писать нельзя; тебѣ бъ можно догадаться самому [108].»

Отправляясь въ Карлсбадъ, Алексѣй оставилъ жену свою беременною по осьмому мѣсяцу. Царь, находившійся въ отсутствіи, хотѣлъ, чтобы въ это важное время рожденія перваго ребенка у наслѣдника, при кронъ-принцессѣ были знатныя особы изъ рускихъ; онъ, по собственному опыту зналъ, что иногда выдумывается непріязненными людьми на счетъ рожденія царскихъ дѣтей, какъ его провозглашали подмѣненнымъ, сыномъ Лефорта; а теперь еще хуже: родитъ Нѣмка иновѣрная, окруженная только своими Нѣмцами; отсутствіе его самого, царицы и царевича заставляло еще болѣе брать предосторожности, и Петръ написалъ не-

вѣсткѣ: «Я бы не хотѣлъ васъ трудить; но отлученіе супруга вашего, моего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предварить лаятельство необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь. И понеже уже вездѣ прошелъ слухъ о чреватствѣ вашемъ вящше года, того ради, когда благоволитъ Богъ вамъ приспѣть къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый анштальтъ учинить, о чемъ вамъ донесетъ г. канцлеръ графъ Головкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить, дабы тѣмъ всѣмъ, ложь любящимъ, уста заграждены были [109].» *Анштальтъ* состоялъ въ томъ, чтобы жена канцлера, графиня Головкина, генеральша Брюсъ и Ржевская, носившая титулъ князь-игуменьи находились безотлучно при кронъ-принцессѣ. Послѣдняя не дала себѣ труда вникнуть въ смыслъ распоряженія, хотя это было и не очень трудно, потому что и у нихъ, на образованномъ западѣ, рожденіе царскихъ дѣтей было окружаемо большими, непріятными для родильницы, предосторожностями. Кронъ-принцесса обидѣлась и написала царю письмо съ упреками, въ раздраженномъ и раздражающемъ тонѣ; въ этомъ письмѣ кронъ-принцесса показала себя однимъ изъ тѣхъ существъ, съ которыми пріятно имѣть какъ можно меньше дѣла, которыя, встрѣтивъ что-нибудь не по себѣ, безо всякаго обсужденія дѣла, сейчасъ же начинаютъ вопить о притѣсненіяхъ, о страданіяхъ: назначеніе трехъ русскихъ женщинъ явилось въ глазахъ Шарлотты незаслуженнымъ и необычнымъ поступкомъ, который для нея чрезвычайно былъ *sensible*, въ этомъ распоряженіи она видѣла торжество *malice*, вслѣдствіе чего она должна страдать и наказываться за лжи безбожныхъ людей; тогда какъ ея *conduite* и совѣсть будутъ ея свидѣтелями и судьями на страшномъ судѣ. Для чего эти предосторожности противъ злыхъ языковъ? Царь столько разъ обѣщалъ ей свою милость, отеческую любовь и заботливость: такъ если кто осмѣлится оскорбить ее лжею и клеветою, тотъ долженъ быть наказанъ какъ великій преступникъ. Извѣстно, что никакая ложь и клевета не могутъ запятнать ее, кронъ-принцессу; однако скорбитъ душа, что завистники и преслѣдователи ея имѣютъ такую силу, что могли подвести подъ нее такую интригу. Богъ, ея единственное утѣшеніе и прибѣжище *на чужбинѣ* (!!) услышитъ вздохи и сократитъ дни страданія существа, всѣми покинутаго.—Головкинъ и генеральша Брюсъ предложили кронъ-принцессѣ повивальную бабку: это въ глазахъ кронъ-

принцессы было великою немилостію со стороны царя, нарушеніемъ брачнаго договора, въ которомъ было предоставлено ей свободное избраніе служителей; если будетъ чужая бабка, то глаза кронъ-принцессы наполнятся слезами и сердце обольется кровію. Шарлотта просила, чтобъ назначенію трехъ русскихъ дамъ былъ данъ такой видъ, какъ будто бы она сама требовала этого вслѣдствіе отсутствія царя и царевича. Просьба была исполнена. Увѣдомляя Петра о разрѣшеніи кронъ-принцессы дочерью Натальею (12 іюля), Головкинъ писалъ: «О письмѣ, государь, вашемъ никто у меня не вѣдаетъ, и разглашено здѣсь, что то учинено по ихъ прошенію [110].» Три дамы присутствовали при рожденіи царевны, и одна изъ нихъ Ржевская такъ описывала Петру свое житье у кронъ-принцессы: «По указу вашему, у ея высочества кронъ-принцессы я и Брюсова жена, живемъ и ни на часъ не отступаемъ, и она къ намъ милостива. И я обѣщаюсь самимъ Богомъ, ни на великіе милліоны не прельщусь и рада вамъ служить отъ сердца моего, какъ умѣю. Только отъ великихъ куплиментовъ и отъ присѣданія хвоста и отъ нѣмецкихъ яствъ глаза смутились [111].»

Узнавъ въ Ревелѣ о разрѣшеніи кронъ-принцессы, и Петръ и Екатерина спѣшили поздравить ее. Екатерина писала: «Свѣтлѣйшая кронъ-принцесса, дружебнолюбезная государыня невѣстка! Вашему высочеству и любви я зѣло обязана за дружебное ваше объявленіе о счастливомъ разрѣшеніи вашемъ и рожденіи принцессы дочери. Я ваше высочество и любовь всеусердно о томъ поздравляю, и желаю вамъ скораго возвращенія совершеннаго вашего здравія, и дабы новорожденная принцесса благополучно и счастливо взрость могла. Я ваше высочество и любовь обнадежить могу, что я зѣло радовалась, получа вѣдомость о вышепомянутомъ вашемъ счастливомъ разрѣшеніи; но зѣло сожалѣю, что я счастья не имѣла въ томъ времени въ Петербургѣ присутствовать. Однакожъ мы здѣсь не оставили публичнаго благодаренія Богу за счастливое ваше разрѣшеніе отдать. Я же не оставлю вашему высочеству и любви всѣ желаемые опыты нашей склонности и къ вашей особѣ имѣющей любви, при всякомъ случаѣ, оказать, въ чемъ ваше высочество и любовь прошу благоволите обнадежены быть, такожде, что я всегда пребуду вашего высочества и любви дружебноохотная мать Екатерина [112].»

О тонѣ письма, присланнаго Петромъ, можно судить по отвѣту кронъ-принцессы, которая называетъ это письмо очень *облигантнымъ*, наполненнымъ такими милостивыми заявленіями, которыя укрѣпили ея довѣренность; принцесса пишетъ, что такъ какъ она на этотъ разъ *манкировала* родить принца, то надѣется въ слѣдующій разъ быть счастливѣе [113].

Въ слѣдующемъ 1715 году кронъ-принцесса дѣйствительно произвела на свѣтъ сына, названнаго Петромъ; сначала все, казалось, было благополучно, но, потомъ, вслѣдствіе поспѣшности встать съ постели (на четвертый день) и принимать поздравленія, она почувствовала себя нехорошо, и скоро оказались такіе признаки, что врачи объявили ее безнадежною [114]. Больная сама сознавала свое положеніе, и потому, призвавъ барона Левенвольда, объявила ему свои желанія. Они состояли въ томъ, чтобъ при дѣтяхъ ея, вмѣсто матери, оставалась принцесса Остъ-Фрисландская; если же государь на это не согласится, то пусть Левенвольдъ отвезетъ принцессу самъ въ Германію; просила написать къ ея роднымъ, что она была всегда довольна расположеніемъ къ ней царя и царицы, все обѣщенное въ контрактѣ было исполнено, и сверхъ того оказано много благодѣяній. И теперь, не смотря на собственную болѣзнь, государь прислалъ къ ней князя Меншикова и всѣхъ своихъ медиковъ. Левенвольдъ долженъ былъ просить мать умирающей и сестру, императрицу, чтобъ она постаралась возстановить дружбу между царемъ и цесаремъ, потому что отъ этого союза будетъ много пользы ея дѣтямъ [115].

Петръ былъ дѣйствительно боленъ; не смотря на то онъ посѣтилъ умирающую [116]. Отсутствіе царицы объяснялось тѣмъ, что она была на послѣднихъ дняхъ беременности. 22 октября кронъ-принцесса скончалась. Царевичь былъ при ней до послѣдней минуты, три раза падалъ въ обморокъ отъ горя и былъ [117] безутѣшенъ. Въ такія минуты сознаніе проясняется: кронъ-принцесса была «добрый человѣкъ;» если «сердитовала,» отталкивала отъ себя, то не безъ причины: грѣхи были на душѣ у царевича, а онъ былъ также «добрый человѣкъ.» Кронъ-принцесса скончалась; медики объяснили ходъ болѣзни. Но должны были явиться люди, которые не хотѣли ограничиться медицинскими объясненіями. Печаль свела кронъ-принцессу въ могилу, говорили они. Такъ доносилъ своему двору Австрійскій резидентъ Плейеръ. Причины

этой печали, по словамъ Плейера, заключились въ томъ, что деньги, назначенныя кронъ-принцессѣ на содержаніе, выплачивались не аккуратно, съ большимъ трудомъ, никогда не выдавали ей болѣе 500 или 600 рублей разомъ, такъ что она постоянно нуждалась и не могла платить своей прислугѣ; она и ея придворные задолжали у всѣхъ купцовъ. Кронъ-принцесса замѣчала также зависть при царскомъ дворѣ по поводу рожденія принца; она знала, что царица тайно старалась ее преслѣдовать, и по всѣмъ этимъ причинамъ она была въ постоянной печали [118]. — Что касается тайныхъ преслѣдованій царицы, то они остались тайною для Плейсра и для насъ; какъ въ 10 дней, во время болѣзни, кронъ-принцесса могла замѣтить зависть по поводу рожденія принца, это также тайна, которую резидентъ намъ не постарался вскрыть, единственною причиною смертельнаго горя, которую Плейеръ постарался особенно уяснить, остается неаккуратная доставка денегъ, доставка малыми суммами. Мы не можемъ приписать этой одной объясненной для насъ причинѣ печаль кронъ-принцессы, сведшую ее въ могилу, хотя никакъ не станемъ утверждать, что кронъ-принцесса была очень довольна и весела въ Россіи, что она находилась въ наилучшихъ отношеніяхъ къ мужу, свекру и къ мачихѣ мужа; но мы не можемъ быть удовлетворены причинами, приводимыми господиномъ резидентомъ.

Царевичь былъ очень печаленъ, и не одна была у него печаль о потерѣ жены. Онъ потомъ самъ разказывалъ, что его положеніе ухудшилось, когда пошли у него дѣти; мы видѣли, что на дорогѣ изъ Карлсбада онъ уже говорилъ, что его постригутъ и не вслѣдствіе настоящаго гнѣва отцовскаго: теперь родился и сынъ, значитъ неспособнаго отца можно было отстранить отъ престола. Въ самомъ дѣлѣ, въ шестой день по смерти жены, въ день ея похоронъ, царевичь получилъ отъ отца слѣдующее письмо, подписанное еще 11 октября [119].

«Объявленіе сыну моему. Понеже всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны, какъ нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ Шведовъ, которые не толко ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли. Но потомъ, когда сія война началась (которому дѣлу единъ Богъ руководцемъ былъ и есть), о коль великое гоненіе

отъ сихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискусства въ войнѣ, претерпѣли, и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прошли, дондеже достойной степени, вышерѣченнаго руководца помощію, дошли! И тако сподобилися видѣть, что оный непріятель, отъ котораго трепетали, едва не въ вящшея отъ насъ нынѣ трепещетъ. Что все, помогающу Вышнему, моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ россійскихъ равноревностныхъ трудами достижено. Егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотряя, обозрюся на линію наслѣдства, едва не равная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя наслѣдника весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго (ибо Богъ не есть виновенъ, ибо разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ: ибо хотя не весьма крѣпкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышать хощешь, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ. Я не научаю, чтобъ охочь былъ воевать безъ законные причины, но любить сіе дѣло и всею возможностію снабдѣвать и учить: ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона. Не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равновѣрныхъ намъ Грековъ: не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили, и единымъ миролюбіемъ побѣждены, и, желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ некончаемую работу тиранамъ отдалъ? Аще кладешь въ умѣ своемъ, что могутъ то генералы по повелѣнію управлять; то сіе воистину не есть резонъ: ибо всякъ смотритъ начальника, дабы его охотѣ послѣдовать, что очевидно есть: ибо во дни владѣнія брата моего, не всѣ ли паче прочаго любили платье и лошадей, и нынѣ оружіе? хотя кому до обоихъ дѣла нѣтъ; и до чего охотникъ начальствуяй, до того и всѣ, а отъ чего отвращается, отъ того всѣ. И аще сіи легкія забавы, которыя только веселятъ человѣка, такъ скоро покидаютъ, колми же паче сію зѣло тяжкую забаву (сирѣчь оружіе) оставятъ! Къ тому же, не имѣя охоты, ни въ чемъ обучаешься и такъ не знаешь дѣлъ воинскихъ. Аще же не знаешь, то како повелѣвать оными можеши и какъ доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не зная силы въ ихъ дѣлѣ? Но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть. Слабостію ли здоровья отговариваешься, что воинскихъ трудовъ понести не можешь?

Но и сіе не резонъ: ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая болѣзнь отлучить не можетъ. Спроси всѣхъ, которые помнятъ вышепомянутаго брата моего, который тебя несравненно болѣзненнѣе былъ и не могъ ѣздить на досужихъ лошадяхъ; но, имѣя великую къ нимъ охоту, непрестанно смотрѣлъ и передъ очми имѣлъ, чего для никогда бывало, ниже нынѣ есть такая здѣсь конюшня. Видишь, не все трудами великими, но охотою. Думаешь ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся! Правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король Французскій, который не много на войнѣ самъ бывалъ, но какую охоту великую имѣлъ къ тому и какія славныя дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну театромъ и школою свѣта называли, и не точію къ одной войнѣ, но и къ прочимъ дѣламъ и мануфактурамъ, чѣмъ свое государство паче всѣхъ прославилъ. Сіе все представя, обращуся паки на первое, о тебѣ разсуждая: ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое и возращенное оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу Евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю (сирѣчь все, что Богъ далъ, бросилъ)! Ещежъ и сіе воспомяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполненъ! Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранилъ, но и бивалъ, къ тому жъ сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою; но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только бъ дома жить и имъ веселиться, хотя отъ другой половины и все противно идетъ. Однакожъ всего лучше, всего дороже! Безумный радуется своею бѣдою, не вѣдая, что можетъ отъ того слѣдовать (истину Павелъ святой пишетъ: како той можетъ церковь Божію управить, иже о домѣ своемъ не радитъ) не точію тебѣ, но и всему государству. Что все я съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный, и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ, и что я сіе только въ устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный?»

Письмо было написано до рожденія внука, а теперь на другой день послѣ отдачи письма, царица родила и сына, царевича Петра. Алексѣй долженъ былъ помнить слова Куракина: «Покамѣстъ у мачихи сына нѣтъ, то къ тебѣ добра; и какъ у ней сынъ будетъ, не такова будетъ.» Близкіе люди разказывали, что когда царевичь Петръ родился, то Алексѣй много дней былъ печаленъ [120]: но они позабыли или не знали о полученномъ письмѣ отъ отца, что̀ совпало съ рожденіемъ брата; причина печали могла быть двойная. Что отвѣчать отцу? просить прощенія въ томъ, что заслужилъ гнѣвъ, обѣщать исправленіе — потребуетъ не словъ, а дѣла, опять начнетъ мучить, посылать къ войску и Богъ знаетъ куда, и какъ ему угодить, и для чего угождать! У мачихи сынъ, теперь будетъ недобра; лучше отказаться отъ наслѣдства, и жить въ покоѣ, а тамъ что Богъ дастъ. Но царевичь рѣшился на это не безъ совѣта съ близкими людьми. Такими были старый учитель Никифоръ Вяземскій, Александръ Кикинъ. И Вяземскій, и Кикинъ совѣтовали отказаться отъ наслѣдства; Кикинъ говорилъ: «Тебѣ покой будетъ, какъ ты отъ всего отстанешь, лишь бы такъ сдѣлали; я вѣдаю, что тебѣ не снести за слабостію своею; а напрасно ты не отъѣхалъ, да ужъ того взять негдѣ.» «Вяземскій говорилъ: «Воленъ Богъ да корона *); лишь бы покой былъ.» Рѣшившись отвѣчать отцу въ этомъ смыслѣ, царевичь поѣхалъ къ графу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину и къ князю Василью Владиміровичу Долгорукому съ просьбою, чтобъ въ разговорѣ съ Петромъ уговаривали его лишить старшаго сына наслѣдства и отпустить на житье въ деревню, гдѣ бы могъ жизнь кончить. Эта поѣздка и просьба показываютъ, что Алексѣй боялся чего-нибудь худшаго; и Кикинъ опасался того же, говоря: «Лишь бы такъ сдѣлали.» Апраксинъ отвѣчалъ: «Если отецъ станетъ со мною говорить, я приговаривать готовъ.» Князь Василій говорилъ то же, но прибавилъ: «Давай писемъ хоть тысячу, еще когда-то что будетъ! старая пословица: улита ѣдетъ, колито будетъ; это не запись съ неустойкою, какъ мы прежъ сего межъ себя давывали [121].»

Царевичъ черезъ три дня подалъ отцу письмо: «Милостивѣйшій государь-батюшка! Сего октября въ 27 день 1715 года, по по-

---

*) Т. е. государство. Всѣ эти образованные люди перваго направленія преобразовательной эпохи употребляли польскія слова.

гребеніи жены моей, отданное мнѣ отъ тебя, государя, вычелъ; на что иного донести не имѣю, только буде изволишь, за мою непотребность, меня наслѣдія лишить короны Россійской, буде по волѣ вашей. О чемъ и я васъ, государя, всенижайше прошу: понеже вижу себя къ сему дѣлу неудобна и непотребна, также памяти весьма лишенъ (безъ чего ничего возможно дѣлать), и всѣми силами умными и тѣлесными (отъ различныхъ болѣзней) ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ требуетъ человѣка не такого гнилаго, какъ я. Того ради наслѣдія (дай Боже вамъ многолѣтное здравіе!) Россійскаго по васъ (хотя бы и брата у меня не было, а нынѣ, слава Богу, братъ у меня есть, которому дай Боже здоровье) не претендую и впредь претендовать не буду, въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою. Дѣтей моихъ вручаю въ волю вашу; себѣ же прошу до смерти пропитанія. Сіе все предавъ въ ваше разсужденіе и волю милостивую, всенижайшій рабъ и сынъ Алексѣй.»

Послѣ отдачи письма пріѣхалъ къ царевичу князь Василій Владиміровичъ Долгорукій и царскимъ именемъ потребовалъ, чтобъ Алексѣй показалъ ему отцовское письмо; по прочтеніи письма, князь Василій сказалъ: «Я съ отцемъ твоимъ говорилъ о тебѣ; чаю, тебя лишитъ наслѣдства, и письмомъ твоимъ, кажется, доволенъ. Я тебя у отца съ плахи снялъ. Теперь ты радуйся, дѣла тебѣ не до чего не будетъ.» Петръ, по словамъ Долгорукаго, былъ доволенъ письмомъ сына, и въ тоже время князь Василій хвалился, что снялъ Алексѣя съ плахи. Въ дѣйствительности Петръ былъ очень недоволенъ письмомъ сына. Царь своимъ письмомъ хотѣлъ рѣшительно объясниться съ сыномъ, высказать ему ясно, чего онъ отъ него хочетъ, показать, что его требованія не заключаютъ въ себѣ ничего труднаго, невозможнаго, хотѣлъ пригрозить отлученіемъ отъ наслѣдства, ждалъ раскаянія, объясненій со стороны сына, которыя бы могли вести къ новымъ объясненіямъ съ его стороны, вести къ улаженію дѣла, — и вмѣсто того получаетъ въ короткихъ словахъ отказъ отъ наслѣдства. Надобно исполнить угрозу, лишить наслѣдства, дѣло въ высшей степени непріятное и трудное. Петръ былъ очень раздраженъ и, какъ видно изъ словъ Долгорукаго, въ сердцахъ дѣлалъ сильныя выходки противъ сына: «Я тебя у отца съ плахи снялъ», го-

ворилъ князь Василій. Мѣсяцъ не отвѣчалъ ничего Петръ сыну, а черезъ мѣсяцъ опасно заболѣлъ. Какъ обыкновенно бывало, горе, раздраженіе, приготавливали Петру болѣзненный припадокъ, а какая-нибудь неосторожность была поводомъ: такъ и настоящій болѣзненный припадокъ, вѣроятно, былъ приготовленъ неудавшимся объясненіямъ съ сыномъ, а именинный пиръ у адмирала Апраксина послѣднею каплею, переполнившею сосудъ. Болѣзнь была такъ опасна, что министры и сенаторы ночевали въ царскихъ покояхъ. 2 декабря Петръ пріобщился св. таинъ, послѣ чего сталъ поправляться. Во время этой болѣзни Кикинъ говорилъ царевичу: «Отецъ твой не боленъ тяжко, и онъ исповѣдывается и причащается нарочно, являя людямъ, что онъ гораздо боленъ, а все притворъ; а что причащается, у него законъ на свою стать.» Какой смыслъ этихъ странныхъ словъ? зачѣмъ было Петру, по мнѣнію Кикина, притворяться тяжело больнымъ? Не думалъ ли Кикинъ, что Петръ притворился тяжело больнымъ съ цѣлію вывѣдать расположеніе царевича, какъ онъ будетъ вести себя въ такую важную минуту, и выкажутся ли люди, расположенные къ царевичу, какъ выскажется народъ относительно престолонаслѣдія?

Въ Рождество Христово Петръ вышелъ въ первый разъ изъ дому въ церковь: его нашли лучше, чѣмъ ожидали, но всеже блѣднымъ, упалымъ [122]. 19 января 1716 года Петръ написалъ сыну другое письмо: «послѣднее напоминаніе еще. Понеже за своею болѣзнію, доселѣ не могъ резолюціи дать, нынѣ же на оное отвѣтствую: письмо твое на первое письмо мое я вычелъ, въ которомъ только о наслѣдствѣ вспоминаешь и кладешь на волю мою то, что всегда и безъ того у меня. А для чего того не изъявилъ отвѣту, какъ въ моемъ письмѣ? ибо тамъ о вольной негодности и неохотѣ къ дѣлу написано много болѣе, нежели о слабости тѣлесной, которую ты только одну воспоминаешь. Также, что я за то сколько лѣтъ недоволенъ тобою, то все тутъ пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Того ради разсуждаю, что не зѣло смотришь на отцово прещеніе, что подвигло меня сіе остатнее писать: ибо когда нынѣ не боишься, то какъ по мнѣ станешь завѣтъ хранить? Что же приносишь клятву, тому вѣрить невозможно для вышеписаннаго жестокосердія. Къ томужъ и Давидово слово: всякъ человѣкъ ложь. Такожь хо-

тябъ и истинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядтства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло. Къ тому же чѣмъ воздаешь рожденіе отцу своему? Помогаешь ли въ такихъ моихъ несносныхъ печаляхъ и трудахъ, достигши такого совершеннаго возраста? Ей, николи! Что всѣмъ извѣстно есть, но паче ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и конечно по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь. Того ради такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно; но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ: ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ. На что, по полученіи сего, дай немедленно отвѣтъ, или на письмѣ, или самому мнѣ на словахъ резолюцію. А буде того не учинишь, то я съ тобой, какъ съ злодѣемъ поступлю. Петръ [123].»

Царевичъ опять совѣтуется съ Кикинымъ и Вяземскимъ. Кикинъ, придумывая разныя средства какъ бы скрыть Алексѣя отъ гнѣва отцовскаго, уже и прежде останавливался на монастырѣ, какъ на безопасномъ убѣжищѣ до поры до времени, а когда придетъ это время, можно и растричься. Это Кикинъ выражалъ такъ: «Вѣдь клобукъ не прибитъ ко головѣ гвоздемъ, можно его и снять.» И теперь онъ совѣтуетъ, что надобно исполнить отцовское требованіе: «Теперь такъ хорошо, говоритъ онъ, а впредь что будетъ—кто вѣдаетъ?» Вяземскій говорилъ: «Когда иной дороги нѣтъ, то идти въ монастырь; да пошли по отца духовнаго и скажи ему, что ты принужденъ идти въ монастырь, чтобъ онъ вѣдалъ; онъ можетъ сказать и архіерею Рязанскому о семъ, чтобы про тебя не думали, что ты за какую вину построженъ.» Совѣтъ Вяземскаго былъ исполненъ относительно духовника, петербургскаго протопопа Георгія; но Стефану Яворскому сообщено не было.

На другой же день, 20 января, Петръ получилъ отвѣтъ отъ сына: «Милостивѣйшій государь-батюшка! Письмо ваше я получилъ, на которое больше писать за болѣзнію своею не могу. Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія. Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй.»

И послѣднее средство не подѣйствовало! и монастырь не по-

пугалъ! Сынъ торжествовалъ надъ отцомъ. Петру оставалось, или исполнить угрозу, постричь сына, чего ему вовсе не хотѣлось, или уступить, откладывать тяжкое дѣло. Петръ естественно выбралъ послѣднее. Сынъ готовился въ монастырь. У него была любовница Афросинья Ѳедорова, крѣпостная Никифора Вяземскаго. Царевичъ, будучи боленъ въ это время, далъ ей два письма, одно къ старому духовнику Якову, другое къ Ивану Кикину, говоря: «Когда я умру, отдай тѣ письма: они тебѣ денегъ дадутъ.» Въ письмахъ говорилось, что царевичъ идетъ въ монастырь по принужденію, и чтобъ протопопъ и Кикинъ дали вручительницѣ извѣстную сумму изъ хранившихся у нихъ царевичевыхъ денегъ. Сынъ сбирался въ монастырь; отецъ сбирался за границу въ долгій походъ. Передъ отъѣздомъ Петръ пришелъ къ больному сыну проститься и спросилъ о резолюціи на извѣстное дѣло; царевичъ отвѣчалъ, что не можетъ быть наслѣдникомъ по слабости и желаетъ въ монастырь. «Одумайся, не спѣши, говорилъ ему отецъ; напиши мнѣ потомъ, какую возьмешь резолюцію.»

Слава Богу, уѣхалъ безъ резолюціи! Дѣло отложилось вдаль, а тамъ что Богъ дастъ! Кикинъ ѣдетъ въ Карлсбадъ провожать царевну Марью Алексѣевну, и говоритъ царевичу: «Я тебѣ мѣсто какое-нибудь сыщу.» Можно ждать, что напишетъ Кикинъ, какое сыщетъ мѣсто; отецъ живетъ за границею и не торопитъ. 18 іюня 1716 года умерла тетка Алексѣя, царевна Наталья Алексѣевна, имѣвшая важное значеніе въ жизни царевича: послѣ заточенія матери, онъ перешелъ къ ней на руки; ей приписывали и размолвку Петра съ первою женою, она внимательно слѣдила, чтобъ Алексѣй не сносился съ матерью и доносила брату; разумѣется, что Лопухины ненавидѣли ее за это. Когда царевна умерла, то одинъ изъ приближенныхъ къ царевичу сказалъ ему: «Вѣдаешь ли ты, что все на тебя худое было отъ нея? я слышалъ отъ Аврама (Лопухина [124].» Но изъ другихъ угловъ были другія вѣсти. Голландскій резидентъ Деби доносилъ своему правительству: «Особы знатныя и достойныя вѣры говорили мнѣ, что покойная великая княжна Наталія, умирая, сказала царевичу Алексѣю: «пока я была жива, я удерживала брата отъ враждебныхъ намѣреній противъ тебя; но теперь умираю, и время тебѣ самому о себѣ промыслить; лучше всего, при первомъ случаѣ, отдайся подъ покровительство императора [125].»

И Кикинъ давно толковалъ о бѣгствѣ за границу; но какъ это сдѣлать? Былъ случай во время поѣздки въ Карлсбадъ, но пропущенъ; теперь подъ какимъ предлогомъ выѣхать изъ Россіи?

Самъ отецъ даетъ возможность выѣхать. 26 августа онъ пишетъ сыну изъ Копенгагена: «Мой сынъ! Письма твои два получилъ, въ которыхъ только о здоровьѣ пишешь; чего для симъ письмомъ вамъ напоминаю. Понеже когда прощался я съ тобою и спрашивалъ тебя о резолюціи твоей на извѣстное дѣло, на что ты всегда одно говорилъ, что къ наслѣдству быть не можешь за слабостію своею и что въ монастырь удобнѣе желаешь; но я тогда тебѣ говорилъ, чтобъ еще ты подумалъ о томъ гораздо и писалъ ко мнѣ, какую возьмешь резолюцію, чего ждалъ семь мѣсяцевъ; но по ся поры ничего о томъ не пишешь. Того для нынѣ (понеже время довольно на размышленіе имѣлъ), по полученіи сего письма, немедленно резолюцію возьми, или первое, или другое. И буде первое возьмешь, то болѣе недѣли не мѣшкай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Будеже другое возьмешь, то отпиши куды, и въ которое время и день (дабы я покой имѣлъ въ моей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли съ окончаніемъ: буде по первому, то когда выѣдешь изъ Питербурга; будеже другое, то когда совершишь. О чемъ паки подтверждаемъ, чтобы сіе конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь въ обыкновенномъ своемъ неплодіи [126].»

Медлить нельзя было болѣе; самъ отецъ отворилъ дорогу изъ Россіи. Царевичъ былъ на своей мызѣ, когда получилъ отцовское письмо; онъ немедленно поѣхалъ въ Петербургъ и объявилъ Меншикову о резолюціи своей ѣхать въ походъ, по указу государя, и что поѣдетъ прежде даннаго срока: «Когда приду проститься съ братцемъ и съ сестрицами, тогда тотчасъ и поѣду,» говорилъ Алексѣй свѣтлѣйшему князю [127]. Камердинеру своему Ивану Большому Аѳанасьеву царевичъ велѣлъ приготовляться въ дорогу, какъ ѣздили прежде, въ нѣмецкіе края, а самъ сталъ плакать: «Какъ мнѣ оставить Афросинью и гдѣ ей быть?» Не скажешь ли кому, что я буду говорить?» спросилъ царевичъ Аѳанасьева, и когда тотъ обѣщался молчать, Алексѣй началъ: «Я Афросинью съ собою беру до Риги. Я не къ батюшкѣ поѣду; поѣду я къ цесарю или въ Римъ.» Аѳанасьевъ сказалъ на это:

«Воля твоя, государь, только я тебѣ не совѣтникъ.»—«Для чего?» спросилъ царевичъ.—«Того ради, отвѣчалъ Аѳанасьевъ: когда это тебѣ удастся, то хорошо; а когда не удастся, тогда ты же на меня будешь гнѣваться.»—«Однако ты молчи про это, никому не сказывай!» говорилъ царевичъ: только у меня про это ты знаешь, да Кикинъ; онъ для меня въ Вѣну провѣдывать поѣхалъ, гдѣ мнѣ лучше быть. Жаль мнѣ, что я съ нимъ не увижусь; авось на дорогѣ увижусь.» Царевичъ проговарился и другому изъ своихъ домашнихъ, Ѳедору Дубровскому. «Ѣдешь ли къ отцу, поѣзжай для Бога!» говорилъ ему Дубровскій. «Я поѣду, Богъ знаетъ, къ нему, или въ другую сторону,» отвѣчалъ Алексѣй. Дубровскій сказалъ на это: «Многіе ваши братья бѣгствомъ спасалися; я чаю, тебя сродники не оставятъ.» Тутъ Дубровскій сталъ просить у царевича денегъ 500 рублей для отсылки матери въ Суздаль; Алексѣй далъ деньги. Дубровскій вспомнилъ и о дядѣ царевича по матери, Аврамѣ Лопухинѣ: «Чаю, отецъ Аврама, дядю твоего распытаетъ.» Царевичъ сказалъ на это: «За что, когда онъ не вѣдаетъ? Когда уже подлинно будете извѣстны, что я отлучился, въ то время можешь и Авраму сказать, будетъ хочешь; а нынѣ не сказывай никому!» Передъ отъѣздомъ царевичъ заѣхалъ въ сенатъ, чтобъ проститься съ сенаторами; при этомъ онъ сказалъ на ухо князю Якову Долгорукому: «Пожалуй, меня не оставь!»—«Всегда радъ, отвѣчалъ Долгорукій, только больше не говори: другіе смотрятъ на насъ.» Сенатъ выдалъ царевичу на дорогу 2.000 рублей, да князь Меншиковъ тысячу червонныхъ.

26 сентября 1716 года Алексѣй выѣхалъ изъ Петербурга на Ригу; съ нимъ были: Афросинья, братъ ея Иванъ Ѳедоровъ и трое слугъ. Царевичу было мало тѣхъ денегъ, какія онъ получилъ въ Петербургѣ на дорогу въ Копенгагенъ, и потому въ Ригѣ онъ занялъ у оберъ-коммиссара Исаева 5.000 червонныхъ и 2.000 мелкими деньгами.

Изъ Риги Алексѣй отправился на Либаву; недоѣзжая четырехъ миль до этого города онъ встрѣтилъ тетку свою, царевну Марью Алексѣевну, которая возвращалась съ Карлсбадскихъ водъ. Царевичъ остановился, сѣлъ въ карету къ теткѣ и имѣлъ съ нею любопытный разговоръ. «Ѣду къ батюшкѣ,» объявилъ царевичъ теткѣ.—«Хорошо, отвѣчала царевна: надобно отцу угождать, то и Богу пріятно; чтобъ прибыли было, когдабъ ты въ монастырь

пошелъ?»—«Ужь не знаю, сказалъ царевичъ, буду угоденъ или нѣтъ; ужь я себя чуть знаю отъ горести, я бы радъ куды скрыться.» При этихъ словахъ онъ заплакалъ. «Куды тебѣ отъ отца уйдтить? вездѣ тебя найдутъ,» сказала тетка. Царевичъ остановился и не сказалъ ни слова о дѣлѣ, которое лежало у него на сердцѣ. Тутъ царевна начала говорить о своемъ дѣлѣ, которое лежало у нея на сердцѣ. Дочь Милославской, она осторожнымъ поведеніемъ своимъ умѣла до сихъ поръ предохранить себя отъ братней опалы, умѣла скрывать свои чувства; но тутъ не считала нужнымъ скрывать; она не могла переносить новой женитьбы брата, считала первый бракъ единственно честнымъ и законнымъ, стояла за Евдокію, какъ наоборотъ, дочь Нарышкиной, царевна Наталья, была противъ Евдокіи. Царевна Марья естественно была за Алексѣя; но ее оскорбляло въ немъ равнодушіе къ матери, эгоизмъ, постыдная трусость, какія онъ обнаруживалъ въ этомъ случаѣ; тетка была мужественнѣе племянника; она стала упрекать Алексѣя: «Забылъ ты мать, не пишешь и не посылаешь къ ней ничего. Послалъ ли ты послѣ того, какъ чрезъ меня была посылка?»—«Послалъ,» отвѣчалъ царевичъ, имѣя въ виду 500 рублей, отданные Дубровскому. Царевна принудила племянника написать матери маленькое письмецо.—«Я писать опасаюсь,» говорилъ Алексѣй.—«А что? возражала царевна, хотябъ тебѣ и пострадать, такъ бы нѣтъ ничего; вѣдь за мать, не за иного кого!»—«Что въ томъ прибыли, говорилъ Алексѣй, что мнѣ бѣда будетъ, а ей пользы изъ того не будетъ ничего.» Въ этихъ словахъ высказался весь человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые способны приводить резоны, что ни для кого нѣтъ пользы отъ исполненія обязанности, тогда какъ другіе, сильные нравственно люди исполняютъ обязанность не думая, считая безчестнымъ ставить вопросъ: будетъ ли отъ этого какая кому польза.—«Жива матушка или нѣтъ,» спросилъ нѣжный сынъ.—«Жива, отвѣчала тетка: и было откровеніе ей самой и инымъ, что отецъ твой возьметъ ее къ себѣ, и дѣти будутъ, а такимъ образомъ: отецъ твой будетъ боленъ и во время болѣзни его будетъ нѣкакое смятеніе, и пріидетъ отецъ въ Троицкій монастырь на Сергіеву память, и тутъ мать твоя будетъ же, и отецъ исцѣлѣетъ отъ болѣзни, и возьметъ ее къ себѣ и смятеніе утишится. И Питербурхъ не устоитъ за нами: быть ему пусту, многіе о семъ гово-

рять.» Отъ Евдокіи разговоръ перешелъ естественно къ Екатеринѣ: «У насъ, говорила царевна, осуждаютъ отца твоего, что онъ мясо ѣстъ въ посты: то нѣтъ ничего; то пуще, что онъ мать твою покинулъ. У насъ архіереи дураки: это ни вочто ставятъ и поминаютъ эту царицу особливо; Іовъ Новгородскій, труся, сіе дѣлаетъ; иноземцы (т. е. Малороссіяне) знаютъ лучше божественное писаніе: Дмитрій да Ефремъ и Рязанскій, также и князь Ѳедоръ Юрьевичъ (Ромодановскій), при объявленіи царицы (т. е. когда Екатерина была объявлена царицею), не благо сіе приняли; къ тебѣ они склонны.» Когда и прежде царевичъ начиналъ хвалиться добрымъ расположеніемъ къ себѣ царицы Екатерины, то царевна Марья возражала: «Что хвалишься? вѣдь она не родная мать, гдѣ ей такъ тебѣ добра хотѣть?«

«Повидайся съ Кикинымъ; онъ желаетъ тебя видѣть,» сказала, между прочимъ, царевна племяннику. Это свиданіе было въ Либавѣ. «Нашелъ ли ты мнѣ мѣсто какое?» спросилъ царевичъ Кикина. — «Нашелъ, поѣзжай въ Вѣну къ цесарю: тамъ не выдадутъ. Сказывалъ мнѣ Веселовскій, что его спрашиваютъ при дворѣ, за что тебя лишаютъ наслѣдства? И я ему сказалъ: вѣдаешь ты самъ, что его не любятъ, и чаю для того больше, а не для чего иного. И какъ я увѣрился, что онъ, Веселовскій, въ отечество не намѣренъ возвратиться, того ради сталъ я съ нимъ говорить смѣлѣе и спросилъ его про тебя: какъ онъ сюда пріѣдетъ, примутъ ли его? И онъ мнѣ сказалъ: я поговорю съ вицеканцлеромъ Шенборномъ, онъ ко мнѣ добръ. И по нѣсколькомъ времени сказалъ, что онъ съ Шенборномъ говорилъ, и онъ цесаря спрашивалъ въ разговорѣ, и цесарь говорилъ, что онъ приметъ его какъ своего сына, и чаю дастъ тысячи по три гульденовъ на мѣсяцъ.» Царевичъ спросилъ Кикина: «Зачѣмъ ты въ Вѣну ѣздилъ, для меня или для чего иного?» — «Мнѣ, отвѣчалъ Кикинъ, иного дѣла не было, кромѣ тебя. А просился я у царевны Марьи Алексѣевны побывать въ Вѣнѣ для своихъ нуждъ; и она мнѣ приказала уговаривать Прозоровскаго, чтобъ возвратился. Если отецъ къ тебѣ пришлетъ кого-нибудь уговаривать тебя, то не ѣзди: онъ тебѣ голову отсѣчетъ публично.» Царевичъ спросилъ: «Когда ко мнѣ будутъ присланные въ Гданскъ или Королевецъ, что мнѣ дѣлать?» Кикинъ отвѣчалъ: «Уйди ночью одинъ или возьми дѣтину одного, а богажъ и людей брось; а если два будутъ присланы, то при-

твори себѣ болѣзнь, и изъ тѣхъ одного пошли напередъ, а отъ другаго уйди.»—«Когда бы письма отъ батюшки не было, какъ бы мнѣ уѣхать?» говорилъ царевичъ. Кикинъ отвѣчалъ: «Я хотѣлъ такимъ образомъ сдѣлать, чтобъ ты сказалъ, что самъ ѣдешь къ отцу и такъ бы ушелъ. Отецъ тебя не пострижетъ нынѣ, хотябъ ты хотѣлъ; ему князь Василій (Владиміровичъ Долгорукій) приговорилъ, чтобъ тебя при себѣ держать неотступно и съ собою возить всюду, чтобъ ты отъ волокиты умеръ, понеже ты труда не понесешь. И отецъ сказалъ: хорошо такъ. И разсуждалъ ему князь Василій, что въ чернечествѣ тебѣ покой будетъ и можешь ты долго жить. И по сему слову я дивлюсь, что давно тебя не взяли; и нынѣ тебя зовутъ для того, и тебѣ, кромѣ побѣгу, спастись ничѣмъ инымъ нельзя.»

Царевичъ сказалъ Кикину о своемъ разговорѣ съ камердинеромъ Иваномъ Аѳанасьевымъ. Это очень обезпокоило Кикина, тѣмъ болѣе, что Аѳанасьевъ зналъ объ его участіи въ дѣлѣ. Чтобъ не имѣть такого опаснаго свидѣтеля въ Петербургѣ, Кикинъ сталъ просить царевича написать Аѳанасьеву, чтобъ ѣхалъ къ нему: «Когда Ивана въ Питербурхѣ не будетъ, говорилъ онъ, то неоткуда пронестися сему, кромѣ насъ двоихъ съ нимъ никто не вѣдаетъ; а меня въ Питербурхѣ при тебѣ не было, то на меня и подозрѣнія не будетъ; а если Иванъ въ Питербурхѣ будетъ, то не безопасно, чтобъ не промолвился съ кѣмъ.»—«Думаю, что Иванъ не поѣдетъ,» сказалъ на это царевичъ. Тогда Кикинъ придумалъ другое средство: «Ты напиши другое письмо, будто у тебя съ нимъ рѣчей никакихъ о семъ не было, а бѣжать ты вздумалъ въ пути, и чтобъ онъ, взявъ вещи алмазныя, ѣхалъ; а я велю ему то письмо подать князю Меншикову, будто бъ онъ твою тайну открылъ, то имъ розыскивать не будутъ.» Царевичъ написалъ письмо: «Иванъ Аѳанасьевичъ! По полученіи сего письма, поѣзжай ко мнѣ, понеже я взялъ свое намѣреніе, что гдѣ ни жить, а къ вамъ не возвратиться (для немилости вышнихъ нашихъ), о которой, еще къ прежнимъ въ подтвержденіе, въ Ригѣ получилъ письмо изъ Копенгагена. А что не взялъ я васъ съ собою, понеже ни малаго къ сему намѣренія не имѣлъ. А ѣхать тебѣ надлежитъ въ Гамбурхъ и тамъ освѣдомиться о мнѣ. Я вамъ истину пишу, что не имѣлъ намѣренія; когда бъ имѣлъ, то бы тебя взялъ силою; хотѣлъ взять и учителя, только онъ самъ меня просилъ, чтобъ ос-

таться.» Кикинъ уговорилъ царевича написать и другое письмо къ князю Василію Владиміровичу Долгорукому съ благодарностію за любовь: «Если на меня суспетъ (подозрѣніе) о твоемъ побѣгѣ будетъ, то я объявлю письмо твое, къ князю Василью писанное и скажу: знать онъ съ нимъ совѣтовалъ, что его благодаритъ; я сіе письмо перенялъ.» Мы видѣли, какимъ образомъ Кикинъ возбудилъ въ царевичѣ раздраженіе противъ князя Василья, разсказавши, какъ Долгорукій совѣтовалъ царю держать сына при себѣ, чтобъ его уморить волокитою. Царевичъ написалъ письмо: «Князь Василій Владиміровичъ! Благодарствую за всѣ ваши ко мнѣ благодѣянія, за что при моемъ случаѣ долженъ отслужить вамъ.» Царевичъ разсказалъ Кикину о своемъ разговорѣ съ Меншиковымъ при отъѣздѣ объ Афросиньѣ. Меншиковъ спрашивалъ его: «Гдѣ ты ее оставляешь?» «Возьму до Риги и потомъ отпущу въ Петербургъ,» отвѣчалъ Алексѣй.—«Возьми ее лучше съ собою,» сказалъ свѣтлѣйшій. Этотъ разсказъ возбудилъ въ Кикинѣ мысль, нельзя ли кинуть суспетъ и на Меншикова? «Напиши, говорилъ онъ царевичу, письмо къ Меншикову, чтобъ Ивану Аѳанасьеву далъ подводъ и отправилъ бы его, да благодари, что присовѣтовалъ взять дѣвку съ собою: можетъ быть, что князь покажетъ твое письмо отцу и онъ будетъ о немъ имѣть суспетъ.»

Устроивши все такимъ образомъ, Алексѣй разстался съ Кикинымъ. Кикинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ жалобами на царевича: дѣйствительно ли онъ имѣлъ причину жаловаться, или выдумалъ ее? По пріѣздѣ въ Петербургъ, Кикинъ послалъ за Иваномъ Аѳанасьевымъ и началъ разговоръ вопросомъ: «Есть ли у тебя съ дороги отъ царевича письмо?»—«Нѣтъ,» отвѣчалъ тотъ. —«Я съ нимъ видѣлся, продолжалъ Кикинъ, и на меня царевичъ что-то очень сердитъ: сказалъ, будто я съ Долгоруковымъ его продаю, а какимъ образомъ — о томъ ничего не сказалъ. Поговорилъ немного со мною и скоро отъ меня поѣхалъ; только сказалъ, что къ тебѣ писано, чтобъ ты за нимъ поѣхалъ. Приказалъ же тебѣ сказать, чтобъ ты то письмо съ собою взялъ, которое къ нему отъ отца пришло, и велѣлъ тебѣ ѣхать осторожно, чтобы ты не попался на встрѣчу царскому величеству. Буде послышишь, что государь ѣдетъ, въ тѣ поры отъѣзжай въ сторону и ожидай какъ проѣдетъ.—Не слыхалъ ли ты, Иванъ, отъ царевича, за что онъ на меня сердитъ, что въ дорогѣ со мною

сердито говорилъ? Сему я очень удивляюсь; или не слыхалъ ли какихъ обо мнѣ разговоровъ?»—«Не слыхалъ,» отвѣчалъ Аѳанасьевъ. Разумѣется Кикинъ могъ нарочно говорить Аѳанасьеву, что царевичъ сердитъ на него, Кикина; если Аѳанасьева возьмутъ и станутъ спрашивать, то показаніе о непріязненныхъ отношеніяхъ между царевичемъ и Кикинымъ можетъ быть полезно послѣднему; мы увидимъ, какъ въ послѣдствіи Кикинъ дѣйствительно настаивалъ на эти непріязненныя отношенія для своего оправданія. Но, съ другой стороны, могли быть дѣйствительно причины неудовольствія, заключавшіяся кромѣ подозрительнаго поведенія Кикина, и въ самомъ характерѣ Алексѣя: онъ бѣжитъ изъ Россіи за границу, чтобъ не выбирать между монастыремъ и невыносимымъ для него положеніемъ при отцѣ. Но бѣжать развѣ легкое дѣло? Какъ бѣжать, куда? если скоро узнаютъ и поймаютъ? если и не поймаютъ, то какъ примутъ на чужой сторонѣ чужіе люди? какъ жить? Всѣ эти вопросы должны были сильно тревожить и раздражать Алексѣя. Встрѣчается человѣкъ, присовѣтовавшій бѣгство, и Алексѣй срываетъ на немъ свое сердце, тѣмъ болѣе, что Кикинъ, указывая, куда ѣхать, не сказалъ ничего вѣрнаго: хорошо примутъ, не выдадутъ, будутъ давать деньги на содержаніе, но это все одни предположенія Кикина и Веселовскаго; ничто не приготовлено, трудное и опасное дѣло ничѣмъ не облегчено, а труда, физическаго труда болѣе всего боялся Алексѣй; ему говорятъ, что отецъ вызываетъ его къ себѣ, чтобы заморить волокитою, а теперь впереди развѣ не волокита, и гдѣ ей конецъ, что изъ всего этого будетъ?

Чрезъ нѣсколько дней послѣ разговора съ Кикинымъ, Аѳанасьевъ получилъ письмо отъ царевича, гдѣ тотъ писалъ, чтобы камердинеръ ѣхалъ за нимъ немедленно и нагонялъ въ Данцигѣ; Аѳанасьевъ объявилъ письмо Меншикову, и тотъ отпустилъ его, давши паспортъ и подорожную [128].

Опасный человѣкъ уѣхалъ. Кикинъ могъ спокойнѣе дожидаться развязки. Но Аѳанасьевъ скоро возвратился: онъ нигдѣ не могъ сыскать царевича.

Царевичъ внезапно уѣхалъ изъ Петербурга; говорили, что поѣхалъ къ отцу; но вотъ уже прошло много времени и не слышно, пріѣхалъ ли онъ къ царю и что при немъ дѣлаетъ. Это сильно безпокоило близкихъ людей. Московскій духовникъ Яковъ

Игнатьевъ писалъ письмо за письмомъ: «Молю тя, премилостиваго моего, аще ли не подлежитъ тайнѣ, и достоинъ ничтожность моя вѣдѣнія, помилуй, увѣдоми мя, чесого ради скоропоятое отъ Питербурха отшествіе твое, и все ли во здравіи и во благополучности, и не есть ли якова гнѣвоизліяніл на тя, и къ какому дѣлу опредѣленность тебѣ, и въ радости ли и въ веселіи, дабы и намъ ничтожнымъ сицевое слышавъ, яже о благородіи твоемъ, по многу порадованнымъ быти и веселитися.» Въ безпокойствѣ Яковъ Игнатьевъ говорилъ другому близкому человѣку, ключарю Ивану Аѳанасьеву: «Царевичъ государь говаривалъ со мною: батюшка велѣлъ мнѣ либо жениться, либо пострищися, а мнѣ пострищися не хочется, также и жениться не хочется, потому что батюшка изволитъ меня женить паки на иноземкѣ, и я не знаю что̀ дѣлать? не знаю, нищету воспріяти, да съ нищими скрытися до времени, не знаю, отъити куда въ монастырь и быть со дьячками, или отъѣхати въ такое царство, гдѣ приходящихъ пріемлютъ и никому не выдаютъ. — И я, продолжалъ духовникъ, теперь не вѣдаю, гдѣ государь царевичъ обрѣтается.» Въ ноябрѣ духовникъ получилъ странное письмо. На одной сторонѣ рукою Никифора Вяземскаго было написано: «О насъ если изволишь и о нашемъ бытіи вѣдать, и мы при милости государя царевича, слава Богу живы, и живемъ въ Нарвѣ, а ожидаемъ по вся дни самодержавнѣйшаго государя нашего.» На оборотѣ письма написано было рукою царевича: «Батюшко, изволь сказать всѣмъ тѣмъ, къ которымъ мои грамотки есть въ пакетѣ на твое имя, Ивану Аѳанасьевичу, чтобы ко мнѣ больше не писали, и самъ не изволь писать ко мнѣ, для того, что самъ изволишь вѣдать; помолись, чтобъ поскорѣе совершилось, а чаю, что не умедлится; пожалуй, сіе письмо, кромѣ себя да ключаря не изволь казать никому, и ему прикажи, чтобъ никому не сказывалъ, а инымъ изволь приказать словомъ въ разговорѣ, а не указомъ, будто отъ себя гаданіемъ, и чтобъ сіе было тайно [129].»

Безпокоились въ Москвѣ; сильно безпокоились за границею. 21 октября Петръ получилъ отъ курьера извѣстіе, что царевичъ ѣдетъ къ нему, и послѣ того никакого слуха. 4 декабря царица Екатерина писала Меншикову изъ Шверина: «О государѣ царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ никакой вѣдомости по се время не имѣемъ, гдѣ его высочество нынѣ обрѣтается, и о семъ мы не ма-

ло сожалѣемъ.» Отъ 10 декабря другое письмо: «Съ немалымъ удивленіемъ принуждена вашей свѣтлости объявить, что о его высочествѣ государѣ царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ ни малой вѣдомости по се время ни имѣемъ, гдѣ его высочество нынѣ обрѣтается, и о семъ мы не мало сожалѣемъ [130].» Екатерина жалѣла; Петръ дѣйствовалъ: далъ приказаніе стоявшему въ Мекленбургѣ съ войскомъ генералу Вейде разыскивать; резиденту своему въ Вѣнѣ, Абраму Веселовскому поручилъ тайно развѣдывать о мѣстѣ пребыванія царевича [131], и далъ объ этомъ знать императору Карлу VI собственноручнымъ письмомъ, прося, что если Алексѣй находится въ императорскихъ владѣніяхъ, то приказать отправить его съ Весселовскимъ, придавъ для безопасности нѣсколько офицеровъ, «дабы мы его отечески исправить для его благосостоянія могли [132].» Порученіе, данное Веселовскому и письмо къ императору доказываютъ, что Петръ догадывался куда скрылся сынъ.

Распоряженія были сдѣланы въ концѣ 1716 года; въ началѣ 1717 начали приходить указанія на слѣды бѣглеца; слѣды сходились къ Вѣнѣ и здѣсь исчезали [133].

По разказу извѣстнаго намъ императорскаго вице-канцлера, графа Шёнборна [134], царевичъ явился къ нему поздно вечеромъ 10 ноября 1716 года, и сталъ говорить ему съ сильными жестикуляціями, съ ужасомъ озираясь во всѣ стороны, и бѣгая изъ угла въ уголъ: «Я прихожу сюда просить цесаря, своего свояка, о протекціи, чтобъ онъ спасъ мнѣ жизнь: меня хотятъ погубить; хотятъ у меня и у моихъ бѣдныхъ дѣтей отнять корону. Цесарь долженъ спасти мою жизнь, обезпечить мнѣ и моимъ дѣтямъ сукцессію; отецъ хочетъ отнять у меня жизнь и корону, а я ни въ чемъ не виноватъ, ни въ чемъ не прогнѣвилъ отца, не дѣлалъ ему зла; если я слабый человѣкъ, то Меншиковъ меня такъ воспиталъ, пьянствомъ разстроили мое здоровье; теперь отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ, ни къ управленію, но у меня довольно ума для управленія. Одинъ Богъ Владыка и раздаетъ наслѣдства, а меня хотятъ постричь и въ монастырь запрятать, чтобъ лишить жизни и сукцессіи; но я не хочу въ монастырь, цесарь долженъ спасти мнѣ жизнь.» Тутъ Алексѣй въ изнеможеніи бросился на стулъ и закричалъ: «ведите меня къ цесарю!» Потомъ спросилъ пива; ему дали мозельскаго вина, и меж-

ду тѣмъ Шёнборнъ старался успокоить его, увѣрялъ, что онъ въ совершенной безопасности, и что немедленно представить его цесарю нельзя, поздно, да и прежде цесарь долженъ обстоятельно узнать, что̀ понудило царевича рѣшиться на такой поступокъ. Алексѣй началъ опять: «Я ничего не сдѣлалъ отцу, всегда былъ ему послушенъ, ни во что не вмѣшивался, я ослабѣлъ духомъ отъ преслѣдованія и потому что меня хотѣли запоить до смерти; отецъ былъ добръ ко мнѣ, когда у меня пошли дѣти и жена умерла, то все пошло дурно, особенно когда явилась новая царица, и родила сына; она съ княземъ Меншиковымъ постоянно раздражала отца противъ меня, оба люди злые, безбожные, безсовѣстные; я противъ отца ни въ чемъ не виноватъ, люблю и уважаю его по заповѣдямъ, но не хочу постричься и отнять права у бѣдныхъ дѣтей моихъ, а царица и Меншиковъ хотятъ меня уморить или въ монастырь запрятать. Никогда у меня не было охоты къ солдатству; но за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ отецъ поручилъ мнѣ управленіе и все шло хорошо, отецъ былъ доволенъ; но когда пошли у меня дѣти, жена умерла, а у царицы сынъ родился, то захотѣли меня замучить до смерти или запоить; я спокойно сидѣлъ дома, но годъ тому назадъ принужденъ былъ отцомъ отказаться отъ наслѣдства и жить приватно, или въ монастырь идти; напослѣдокъ пріѣхалъ курьеръ съ приказомъ или къ отцу ѣхать, или немедленно постричься въ монахи: исполнить первое—погубить себя разными мученіями и пьянствомъ, второе—погубить и тѣло и душу; потомъ мнѣ дали знать, чтобъ я берегся отцовскаго гнѣва, и что приверженцы царицы и Меншикова хотятъ отравить меня изъ страха, потому что отецъ становится слабъ здоровьемъ. Поэтому я притворился, что ѣду къ отцу, и добрые пріятели присовѣтывали мнѣ ѣхать къ цесарю, который мнѣ свойкъ и великій, великодушный государь, котораго отецъ уважаетъ; цесарь окажетъ мнѣ покровительство; къ Французамъ и къ Шведамъ я не могъ идти, потому что это враги моего отца, котораго я не хотѣлъ гнѣвить. Говорятъ, будто я дурно обходился съ моею женой, сестрою императрицы; но Богу извѣстно, что не я дурно съ нею обходился, а отецъ да царица, которые хотѣли заставить ее служить себѣ какъ простую горничную, но она по своей едукаціи къ этому не привыкла и сильно печалилась; къ тому же заставляли меня и ее терпѣть не-

достатокъ, и особенно стали дурно обходиться, когда у ней пошли дѣти. Хочу къ цесарю, цесарь не оставитъ меня и моихъ дѣтей, не выдастъ меня отцу, потому что отецъ окруженъ злыми людьми, и самъ очень жестокъ, не цѣнитъ человѣческой крови, думаетъ, что какъ Богъ имѣетъ право жизни и смерти; онъ уже немного пролилъ невинной крови, часто самъ налагалъ руку на несчастныхъ обвиненныхъ, онъ чрезвычайно гнѣвливъ и мстителенъ, не щадитъ никого, и если цесарь выдастъ меня отцу, то это все равно, что самъ меня казнитъ; да еслибы и отецъ меня пощадилъ, то мачиха и Меншиковъ не успокоются до тѣхъ поръ, пока не замучатъ до смерти или не отравятъ.»

Алексѣй хотѣлъ непремѣнно представиться императору и императрицѣ; но Шёнборнъ представилъ, что гораздо выгоднѣе для него скрыть свое пребываніе въ императорскихъ владѣніяхъ подъ глубокою тайной. Алексѣй согласился, и 12 ноября былъ перевезенъ изъ Вѣны въ ближнее мѣстечко Вейербургъ. Сюда въ началѣ декабря цесарь прислалъ одного изъ своихъ министровъ разузнать обстоятельнѣе, въ чемъ дѣло, чтобъ можно было дѣйствовать съ увѣренностію, узнать, не предпринималъ ли чего-нибудь царевичъ противъ отца и въ какомъ положеніи его дѣти? Царевичъ повторялъ тоже, что уже прежде говорилъ графу Шёнборну; клялся, что не замышлялъ противъ отца никакого возмущенія, хотя сдѣлать это было легко, потому что Русскіе любятъ его, царевича, и ненавидятъ царя за худородную царицу и злыхъ любимцевъ, за то, что онъ отмѣнилъ древніе добрые обычаи и ввелъ дурные, за то, что не щадитъ ихъ денегъ и крови, за то, что онъ тиранъ и врагъ своего народа; надобно опасаться, чтобы за все это подданные не умертвили его и Богъ его не наказалъ; царевичъ распространился въ подробностяхъ объ отцовой арміи, объ его министрахъ и боярахъ, говоря, что большая часть ихъ, особенно Меншиковъ и лейбъ-медикъ, льстецы и злые люди, которые вовлекаютъ царя во множество дурныхъ поступковъ, чему служитъ примѣромъ мечта объ императорскомъ титулѣ, которая, кромѣ непріятности, не дастъ отцу ничего существеннаго; отецъ, по природѣ, добръ и справедливъ, но легко воспламеняется гнѣвомъ и становится свирѣпъ; но онъ, царевичъ, не хочетъ никогда ничего предпринимать противъ отца, любитъ его и уважаетъ, только не хочетъ къ нему возвращаться и проситъ цеса-

ря не выдавать его, и надѣется, что пощадятъ невинную кровь его и бѣдныхъ дѣтей его. Начавши говорить о дѣтяхъ, царевичъ пришелъ въ сильное волненіе и заплакалъ; онъ объявилъ, что на счетъ дѣтей не оставилъ никакого распоряженія, надѣется на Бога, на доброе сердце отца своего и на гувернантку мадамъ Рогэнъ, поручаетъ ихъ также цесарю и цесаревѣ.

Въ Вѣнѣ рѣшили укрывать царевича, пока не представится случай помирить его съ отцомъ; но чтобъ удобнѣе укрыть, положили перевести его въ тирольскую крѣпость Эренбергъ и держать его подъ видомъ государственнаго арестанта. Царевичъ былъ доволенъ обхожденіемъ эренбергскаго комменданта, но жаловался на недостатокъ нужныхъ вещей, которыя должно выписывать издалека, и требовалъ присылки греческаго священника. Священника ему не прислали; но графъ Шёнборнъ переслалъ ему любопытныя извѣстія изъ Россіи, сообщенныя въ Вѣну царскимъ резидентомъ при Петербургскомъ дворѣ, Плейеромъ. Тревога по случаю отъѣзда царевича была возбуждена, по словамъ Плейера, царевною Марьею Алексѣевною, которая, пріѣхавъ къ дѣтямъ Алексѣя, расплакалась и сказала: «бѣдныя сироты! нѣтъ у васъ ни отца, ни матери! жаль мнѣ васъ!» Знатные люди начали присылать къ иностранцамъ, не получали ли тѣ какихъ извѣстій о царевичѣ? Пронесся слухъ, что Алексѣй схваченъ близь Данцига царскими людьми и отвезенъ въ дальній монастырь; другіе говорили, что онъ ушелъ въ цесарскія владѣнія и лѣтомъ тайно пріѣдетъ къ матери; разсказывали, что въ Мекленбургѣ гвардейскіе и другіе полки сговорились царя убить, царицу и дѣтей ея заключить въ тотъ самый монастырь, гдѣ сидѣла прежняя царица, которую освободить и правленіе отдать Алексѣю, какъ настоящему наслѣднику. «Здѣсь всѣ склонны къ возмущенію, писалъ Плейеръ: и знатные и незнатные только и говорятъ о презрѣніи, съ какимъ царь обходится съ ними, заставляя дѣтей ихъ быть матросами и корабельными плотниками, хотя они уже истратились за границею, изучая иностранные языки, что ихъ имѣнія раззорены въ конецъ податьми, поставкою рекрутъ и работниковъ въ гавани, крѣпости и на корабельное строеніе [135].»

Царевичъ не долго утѣшался этими извѣстіями. 19 марта 1717 года пріѣхалъ въ Вѣну капитанъ гвардіи Александръ Румянцевъ съ тремя другими офицерами: имъ велѣно было схватить Алексѣя

и отвезти въ Мекленбургъ; а между тѣмъ Веселовскій уже узналъ, что молодой знатный русскій, пріѣхавшій въ Вѣну подъ именемъ Коханскаго, отправленъ въ Тирольскую крѣпость Эренбергъ. Румянцевъ отправился въ Тироль для обстоятельнаго разузнанія, гдѣ Алексѣй, а Веселовскій началъ дѣйствовать дипломатическимъ путемъ. Онъ добился свиданія съ принцемъ Евгеніемъ и объявилъ ему, что Коханскій живетъ въ Тиролѣ подъ покровительствомъ цесаря, а царское величество объ этомъ ничего не знаетъ, что можетъ почесть знакомъ непріязни къ себѣ. «Ничего не знаю, отвѣчалъ Евгеній: но хотя бы цесарь и дѣйствительно далъ ему убѣжище въ своихъ земляхъ для безопасности, то это будетъ только безопасность, а не протекція; совѣсть не допуститъ цесаря возбуждать сына противъ отца и приводить ихъ на бо́льшую ссору; но, быть можетъ, цесарь постарается утолить уже существующую злобу, въ чемъ царское величество можетъ быть твердо обнадеженъ.» При другомъ свиданіи принцъ объявилъ Веселовскому, что цесарь ничего не знаетъ о Коханскомъ. Въ апрѣлѣ возвратился Румянцевъ изъ Тироля съ извѣстіемъ, что царевичь тамъ, въ крѣпости Эренбергъ. Тогда Веселовскій, на приватной аудіенціи, подалъ цесарю царскую грамоту и объявилъ, что царскому величеству очень чувствительно будетъ слышать, какъ цесарскіе министры отвѣчали, что извѣстной особы въ цесарскихъ владѣніяхъ нѣтъ и цесарь объ ней не знаетъ, а теперь получено достовѣрное извѣстіе, что особа живетъ въ Эренбергѣ на цесарскомъ содержаніи: такъ не угодно ли будетъ цесарю, по своему праводушію, исполнить требованіе царскаго величества. Императоръ отвѣчалъ, что ему не донесено о пребываніи въ его земляхъ извѣстной персоны. Потомъ началась проволочка времени: цесарь обѣщалъ отвѣчать самъ на царскую грамоту, и, подъ разными предлогами, не отвѣчалъ [136].

Когда при Вѣнскомъ дворѣ узнали, что мѣстопребываніе царевича открыто русскими, то въ Эренбергъ отправленъ былъ секретарь Кейль извѣстить Алексѣя, въ какомъ положеніи его дѣло и предложить ему на выборъ — или возвратиться къ отцу или переѣхать подальше, въ Неаполь. Царевичь съ радостію согласился на послѣднее, умоляя только не выдавать отцу. [137] Въ Вѣнѣ предвидѣли это рѣшеніе, предвидѣли слѣдствія, опасность для Австріи со стороны раздраженнаго царя, и спѣшили обратиться

за помощію къ врагу Петра, Георгу Англійскому, предложить ему вопросъ: намѣренъ ли онъ, какъ курфюрстъ и какъ родственникъ браунпівейскаго дома, защитить принца? При этомъ выставлялось бѣдственное положеніе добраго царевича, ясное и постоянное тиранство отца, не безъ подозрѣнія яда и подобныхъ русскихъ *галантерей* [138].

Царевичь немедленно выѣхалъ изъ Эренберга съ секретаремъ Кейлемъ и Афросиньею, переодѣтою пажемъ. Но Румянцевъ снова былъ въ Тиролѣ и слѣдилъ за царевичемъ до самаго Неаполя, куда Алексѣй пріѣхалъ 6 мая, и чрезъ два дня былъ помѣщенъ въ крѣпости С. Эльмо. Петру императоръ послалъ оскорбительно-уклончивый отвѣтъ: заявляя свою преданность царю и царскому дому, императоръ писалъ, что будетъ стараться, чтобъ Алексѣй не впалъ въ непріятельскія руки, но былъ наставленъ сохранить отеческую милость и послѣдовать стезямъ отцовскимъ, по праву своего рожденія.

Видя, что въ Вѣнѣ рѣшились укрывать Алексѣя и не выдавать, Петръ отправилъ къ императору тайнаго совѣтника Петра Андреевича Толстаго и того же капитана Румянцева, давши имъ 1-го іюля въ Спа, такой наказъ: «1) Ѣхать имъ въ Вѣну, и, пріѣхавъ, просить у цесаря привѣтной аудіенціи, и при оной подать нашу грамоту, и изустно предлагать, что мы подлинно извѣстились чрезъ посланнаго нашего капитана Румянцова, что сынъ нашъ Алексѣй, не хотя быть послушенъ воли нашей, и быть въ кампаніи военной съ нами въ прошломъ году, проѣхалъ въ Вѣну, и тамъ принятъ подъ протекцію цесарскую, и отосланъ тайно жъ въ Тирольской замокъ Эренбергъ, и тамъ нѣсколько мѣсяцевъ задержанъ за крѣпкимъ карауломъ. И хотя нашъ резидентъ отъ его цесарскаго величества и чрезъ министровъ его домогался о пребываніи его вѣдать, и потомъ и грамоту нашу самому ему подалъ, но на то никакого отвѣту не получилъ; но противно тому, вмѣсто удовольства на наше чрезъ ту грамоту прошеніе, отосланъ сынъ нашъ изъ того зáмка на скоро, и за крѣпкимъ карауломъ, въ городъ Неаполь и содержится тамъ въ замкѣ же за карауломъ. И что намъ чувственнѣе всего, то есть, что его цесарское величество на то наше прошеніе ни письменно, ни изустно никакого отвѣту явственно не учинилъ, но зѣло въ темныхъ терминахъ къ намъ чрезъ свою собственноручную грамоту токмо отвѣтствовалъ,

въ которой не токмо иного чего, но ниже о его пребываніи въ своей области не объявилъ. И для чего такъ изволитъ цесарское величество съ нами поступать непріятно, о томъ требовать декларацій. 2) Еже ли станетъ цесарь отрекаться невѣдѣніемъ о пребываніи сына нашего, и имъ говорить, что тому невозможно быть: ибо не токмо онъ, капитанъ, яко очевидецъ, но уже и вся Европа о томъ вѣдаетъ, что онъ въ его области, и какъ принятъ и изъ одного мѣста въ другое перевезенъ, какъ выше объявлено, и можетъ быть, что уже и изъ Неаполя куда вывезенъ въ другое мѣсто, однакожъ вѣдаемъ, что то безъ его воли учиниться не можетъ; и ежели въ томъ онъ, цесарь, упорно стоять будетъ, что онъ не вѣдаетъ, гдѣ онъ, то объявить, что мы изъ того уже самую его непріязнь къ себѣ и нѣкоторую противную интенцію видимъ, и противъ того свои мѣры брать принуждены будемъ. И ежели иной резолюціи отъ него не получатъ, то о томъ доносить намъ, не отъѣзжая; а притомъ развѣдывать всякими образы сына нашего о пребываніи и искать цесаря склонить къ вышеписанному всякими образы, и чрезъ министровъ его, показуя изъ того злыя слѣдованія, и прочая. 3) Буде же цесарь станетъ говорить, что сынъ нашъ отдался подъ его протекцію, и что не можетъ его противно воли его выдать, и что онъ къ тому не склоненъ, чтобъ къ намъ возвратиться, и иныя отговорки и опасенія затѣйныя будетъ объявлять, то представлять, что намъ не можетъ то инако, какъ чувственно быть, что онъ хочетъ меня съ сыномъ судить, чего у насъ и съ подданными чинитъ необычайно, но сыну надлежитъ повиноваться во всемъ воли отцовой; а мы, яко самодержавный государь, ничѣмъ ему, цесарю, не подчинены и вступаться ему въ то не надлежитъ, но надлежитъ его къ намъ отослать; а мы, яко отецъ и государь, по должности родительской, его милостиво паки примемъ и тотъ его поступокъ простимъ и будемъ его наставлять, дабы, оставя свои прежніе непотребные поступки, поступалъ въ пути добродѣтели и послѣдовалъ нашимъ намѣреніямъ, и такъ можетъ привратить къ себѣ паки наше отеческое сердце; и тѣмъ его цесарское величество покажетъ и надъ нимъ милость, и заслужитъ себѣ и отъ Бога воздаяніе, и отъ насъ благодареніе; а и отъ него, сына нашего, будетъ за то вѣчно возблагодаренъ, нежели за то, что онъ нынѣ содержанъ въ его области, яко невольникъ или какой злодѣй, [за

крѣпкимъ карауломъ и подъ именемъ нѣкотораго бунтовщика, графа Венгерскаго, къ предосужденію нашей чести и имени. 4. Буде станетъ говорить о жалобахъ его, какъ отъ него сына моего, или отъ другихъ внушено, будто было ему какое отъ насъ принужденіе, то объявлять, что то все самая ложь, а особливо ссылаться на письмо то, которое я ему изъ Копенгагена писалъ, что оное цесарь видѣлъ ли? и буде не видалъ, чтобъ велѣлъ взять и самъ выразумѣлъ: изъ чего явно усмотритъ, что неволи не было; и ежели бъ неволею я хотѣлъ дѣлать, тобъ на что такъ писать? и силою бъ могъ сдѣлать, и кромѣ письма. Но понеже мы желали, чтобъ онъ сынъ нашъ послѣдовалъ нашимъ стезямъ и обучался какъ воинскимъ, такъ и политическимъ дѣламъ, и онъ не имѣлъ къ тому никакого склоненія, и токмо склоненъ былъ къ обхожденію съ худыми людьми, того ради мы его всякими образы, и добродѣтелью и угрозами, трудились на путь добродѣтелей привесть, что оный, принявъ за противно, и можетъ быть отъ кого наговоренъ къ самой своей погибели, такое намѣреніе воспріялъ; и что, чаю, его цесарскому величеству самому и цесаревѣ его извѣстно, какъ онъ съ сестрою ея величества, супругою своею обходился, и потому могутъ и о другихъ разсуждать. И наконецъ стараться имъ всякимъ образомъ и домогаться, дабы его цесарь съ ними къ намъ послалъ, и употреблять въ томъ и ласку и угрозы, по состоянію дѣла смотря; а буде въ томъ весьма откажутъ, то домогаться, чтобъ по послѣдней мѣрѣ пустилъ ихъ къ сыну нашему, дабы они могли съ нимъ видѣться, объявляя, что они имѣютъ отъ насъ къ нему и на письмѣ и на словахъ такія предложенія, что чаютъ оному будутъ пріятны и самъ на то склонится и просить его цесарское величество будетъ, чтобы отпустилъ его къ намъ. 5) Но буде, паче чаянія и въ томъ, подъ какимъ-нибудь претекстомъ и отговорками, цесарь откажетъ и ихъ весьма съ сыномъ нашимъ видѣться не допуститъ, то протестовать нашимъ именемъ и объявлять, что мы сіе примемъ за явный разрывъ и показанное намъ непріятство и насиліе, и будемъ предъ всѣмъ свѣтомъ въ томъ на него, цесаря, чинить жалобы и искать будемъ неслыханную и несносную намъ и чести нашей учиненную обиду отмстить. И домогаться о томъ отъ него на письмѣ отвѣту яснаго и чрезъ меморіалы, для чего онъ такъ чинитъ? Однакожь, не описавшись къ намъ и безъ указу, не

отъѣзжать. 6) Буде позволитъ имъ съ сыномъ нашимъ видѣться, и имъ ѣхать, гдѣ онъ, сынъ нашъ, обрѣтается и подать ему наше письмо и изустно говорить ему то, что имъ приказано, такожъ и сіе объявлять, какое онъ намъ тѣмъ своимъ поступкомъ безславіе, обиду и смертную печаль, а себѣ бѣдство и смертную бѣду нанесъ, и что онъ то учинилъ напрасно и безо всякой причины, ибо ему отъ насъ никакого озлобленія и неволи ни къ чему не было, но все на его волю мы полагали и никогдабъ ни къ чему, кромѣ того, что къ пользѣ его потребно было, противъ воли его не принуждали, и чтобъ онъ разсудилъ: что онъ учинилъ и какъ ему во весь свой вѣкъ и въ такомъ странствіи и заключеніи быть? И тогобъ ради послушалъ нашего родительскаго увѣщанія, возвратился къ намъ; а мы ему тотъ поступокъ родительски простимъ, и примемъ его паки въ милость нашу, и обѣщаемъ его содержать отечески во всякой свободѣ и милости и довольствѣ, безо всякаго гнѣва и принужденія,—употребляя впрочемъ удобь вымышленные къ тому раціи и аргументы. И ежели онъ къ тому склонится, то требовать, чтобъ онъ о томъ объявилъ цесарю чрезъ письмо и просилъ бы его объ отпускѣ къ намъ, такожъ и приставникомъ своимъ то свое намѣреніе объявилъ. И получа то письмо, ѣхать къ цесарю и домогаться объ отпускѣ его безотступно и трудиться, чтобъ его привезть съ собою къ намъ. 7) Буде же къ тому весьма онъ, сынъ нашъ, не склонится, то объявить ему именемъ нашимъ, что мы, за то его преслушаніе, предадимъ его клятвѣ отческой, такожъ и церковной, и объявимъ во все государство наше и въ прочія то его непокорство, и чтобъ онъ разсудилъ, какой ему животъ будетъ? Ибо кромѣ того, не думалъ бы онъ, чтобъ могъ быть безопасенъ: развѣ что вѣчно въ заключеніи и за крѣпкимъ карауломъ захочетъ быть, и такъ и душѣ своей въ будущемъ и тѣлу и въ семъ вѣцѣ мученіе заслужитъ. Инако же не оставимъ его мы всякимъ способомъ искать за то его непокорство наказать, и буде инаго способа не найдемъ, то и вооруженною рукою цесаря къ выдачѣ его принудимъ, и чтобъ онъ разсудилъ, что ему изъ того потомъ послѣдовать будетъ? И ежели онъ на то все не склонится, то его спрашивать о его намѣреніи, когда онъ на то ни начто не склоняется, дабы онъ объявилъ для донесенія намъ. И что онъ объявитъ, о томъ писать и ожидать отъ насъ указу [139].»

Къ сыну Петръ написалъ: «Понеже всѣмъ есть извѣстно, какое ты непослушаніе и презрѣніе волѣ моей дѣлалъ, и ни отъ словъ, ни отъ наказанія не послѣдовалъ наставленію моему; но наконецъ обольстя меня, и заклинаясь Богомъ при прощаніи со мною, потомъ что учинилъ? Ушелъ и отдался яко измѣнникъ, подъ чужую протекцію! Что не слыхано не точію междо нашихъ дѣтей, но ниже междо нарочитыхъ подданныхъ. Чѣмъ какую обиду и досаду отцу своему и стыдъ отечеству своему учинилъ! Того ради посылаю нынѣ сіе послѣднее къ тебѣ, дабы ты по волѣ моей учинилъ, о чемъ тебѣ господинъ Толстой и Румянцовъ будутъ говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обѣщаюсь Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отецъ, данною мнѣ отъ Бога властію, проклинаю тебя вѣчно; а яко государь твой, за измѣнника объявляю и не оставлю всѣхъ способовъ тебѣ, яко измѣннику и ругателю отцову, учинить, въ чемъ Богъ мнѣ поможетъ въ моей истинѣ. Къ тому помяни, что я все не насильствомъ тебѣ дѣлалъ; а когда бъ захотѣлъ, то почто на твою волю полагаться? Чтобъ хотѣлъ, тобъ сдѣлалъ [140].»

Толстой и Румянцевъ пріѣхали въ Вѣну 26 іюля и на третій день были у цесаря, вмѣстѣ съ Веселовскимъ, на привѣтоой аудіенціи. Карлъ VI выразилъ сожалѣніе, что грамота его показалась царю неясною и обѣщалъ дать отвѣтъ, который удовлетворитъ царскому величеству. — Въ это время въ Вѣнѣ жила герцогиня Вольфенбиттельская, теща императора и царевича. Толстой отправился къ ней, былъ принятъ ласково и показалъ ей въ нѣмецкой копіи письмо государя къ сыну. Герцогиня прочтя письмо, сильно смутилась и обѣщала, по близкому свойству, искать всѣхъ способовъ «чтобъ сдѣлать славное дѣло, такого великаго монарха примирить съ сыномъ его.» Толстой отвѣчалъ, что примиренія никакого тутъ быть не можетъ, кромѣ того, чтобъ цесарь отослалъ царевича съ нимъ Толстымъ, къ отцу: въ такомъ случаѣ царь его проститъ, а иначе предастъ проклятію. «Избави Боже, чтобъ до этого не дошло, отвѣчала герцогиня, потому что эта клятва падетъ и на внучатъ моихъ?« Толстой написалъ царю: «Что герцогиня говоритъ, будто не вѣдаютъ они гдѣ нынѣ царевичъ обрѣтается: сіе, мнится мнѣ, говорятъ для того, чтобъ, не-

объявляя о пребываніи его въ земляхъ цесарскихъ, стараться примирить его съ вами. А я, по моей рабской должности, доношу вашему величеству мое слабое мнѣніе, что цесаря въ посредствѣ такого примиренія допускать не безопасно: понеже Богъ вѣдаетъ, какія онъ кондиціи предлагать будетъ! къ томужъ, между вашимъ величествомъ и сыномъ вашимъ какому быть посредству? Сіе можетъ назваться больше насильствомъ, а не посредствомъ [141].»

Императоръ отдалъ трудное дѣло на разсмотрѣніе троихъ министровъ, графа Цинцендорфа, графа Штаренберга и князя Траутсона. Министры, собравшись въ тайной конференціи, положили: 1) объявить Толстому, что царевича приняли, желая оказать услугу царю, чтобъ Алексѣй не попался въ непріятельскія руки, обходятся съ нимъ не какъ съ арестантомъ, но какъ съ принцемъ; отцовское письмо будетъ сообщено царевичу, и если онъ не захочетъ возвратиться, то позволено будетъ Толстому ѣхать въ Неаполь для переговоровъ съ нимъ. Въ этихъ пересылкахъ и перепискахъ выиграется время, и, смотря потому, какъ кончится нынѣшній походъ царя, можно будетъ говорить съ нимъ смѣлѣе или скромнѣе. 2) Это происшествіе очень важно и опасно, потому что царь, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, можетъ съ многочисленными войсками, расположенными въ Польшѣ по Силезской границѣ, вступить въ Силезію и тамъ остаться до выдачи ему сына; а, по своему характеру, можетъ ворваться и въ Богемію, гдѣ волнующаяся чернь легко къ нему пристанетъ. 3) Необходимо какъ можно скорѣе найти средство къ отпору, особенно заключеніемъ союза съ королемъ Англійскимъ. 4) Наконецъ не надобно терять ни минуты въ бездѣйствіи [142].

Императоръ одобрилъ мнѣніе конференціи, и графъ Цинцендорфъ объявилъ Толстому и Румянцеву, что цесарь отправитъ къ царевичу курьера и будетъ своимъ письмомъ склонять его, чтобъ возвратился къ отцу, а неволею послать его будетъ предосудительно для цесарской власти, противно всесвѣтнымъ правамъ и будетъ знакомъ варварства. Толстой испугался мысли, что какъ скоро Алексѣй узнаетъ, что убѣжище его открыто, то выѣдетъ изъ цесарскихъ владѣній, и потому началъ настаивать, чтобъ курьера не посылали, а отправили его, Толстаго, въ Неаполь. Герцогиня Вольфенбиттельская совѣтовала Толстому ѣхать въ Неаполь и обѣщала писать царевичу, уговаривать его возвратить-

ся къ отцу. «Я натуру царевичеву знаю, говорила она, и думаю, что царское величество изволитъ трудиться напрасно, принуждая его къ военнымъ дѣламъ, потому что онъ лучше желаетъ имѣть въ рукахъ своихъ четки, чѣмъ пистолеты; только горюю я сильно, чтобъ немилость и клятва царскаго величества на внука моего не упала [143].

Толстому и Румянцеву позволено было отправиться въ Неаполь. 24 сентября пріѣхали они въ этотъ городъ, и 26 видѣлись съ царевичемъ въ домѣ вице-короля графа Дауна. «Мы нашли его въ великомъ страхѣ, доноситъ Толстой: о чемъ ежели подробно вашему величеству доносить, потребно будетъ много времени и много бумаги; но кратко доносимъ, что былъ онъ въ томъ мнѣніи, будто мы присланы его убить; а больше опасался капитана Румянцева, о чемъ намъ сказывалъ вицерой; того ради въ тотъ часъ не учинилъ намъ никакого отвѣта, кромѣ того, что уѣхалъ онъ безъ воли вашего величества подъ протекцію цесарскую, опасаясь вашего гнѣву, будто ваше величество, изволяя отлучить его отъ наслѣдства короны россійской, изволилъ принуждать къ постриженію; а о возвращеніи своемъ говорилъ: «Сего часа не могу о томъ ничего сказать, понеже надобно мыслить о томъ гораздо.» — 28 числа было второе свиданіе: Царевичь объявилъ, что боится ѣхать къ отцу, явиться предъ его разгнѣваннымъ лицемъ вскорѣ, а почему возвратиться не смѣетъ, о томъ объявитъ протектору своему, цесарскому величеству. Толстой и Румянцевъ начали угрожать ему жестоко, объявили, что царь будетъ доставать его и вооруженною рукою. Царевичь смутился, вызвалъ вице-короля въ другую комнату и говорилъ съ нимъ нѣсколько времени; потомъ вышелъ и сказалъ, чтобъ ему дали время на размышленіе: «Можетъ быть, сказалъ онъ, напишу что-нибудь въ отвѣтъ батюшкѣ на его письмо, и тогда уже дамъ окончательный отвѣтъ.» — «Сколько можемъ видѣть, доносилъ Толстой, многими разговорами съ нами только время продолжаетъ, а ѣхать къ вашему величеству не хочетъ, и не чаемъ, чтобъ безъ крайняго принужденія поѣхалъ. Также доносимъ вашему величеству, что вицерой великое прилежаніе чинитъ, чтобъ царевичь къ вашему величеству поѣхалъ, и сказалъ намъ въ конфиденціи, что онъ получилъ отъ цесаря саморучное письмо, дабы всѣми мѣрами склонять царевича, чтобъ поѣхалъ къ вашему величеству, а по

послѣдней мѣрѣ куды ни есть, толькобъ изъ его области немедленно выѣхалъ: понеже цесарь весьма не хочетъ непріятства съ вашимъ величествомъ. Понеже, государь, между царевичемъ и вицероемъ въ пересылкахъ одинъ токмо вицероевъ секретарь употребляется, съ которымъ мы уже имѣемъ пріятство и оному говорили, обѣщая ему награжденіе, дабы онъ царевичу, будто въ конфиденцію сказалъ, чтобъ не имѣлъ крѣпкой надежды на протекцію цесарскую, понеже цесарь оружіемъ его защищать не будетъ и не можетъ при нынѣшнихъ случаяхъ, понеже война съ Турками не кончилась, а съ Гишпанцами начинается, что́ оный секретарь обѣщалъ учинить.»

Въ то же время Толстой писалъ въ Вѣну Авраму Веселовскому: «Мои дѣла въ великомъ находятся затрудненіи: ежели не отчаится наше дитя протекціи, подъ которою живетъ, никогда не помыслитъ ѣхать. Того ради надлежитъ вашей милости тамо во всѣхъ мѣстахъ трудиться, чтобъ ему явно показали, что его оружіемъ защищать не будутъ, а онъ въ томъ все свое упованіе полагаетъ. Мы долженствуемъ благодарить усердіе здѣшняго вицероя въ нашу пользу; да не можетъ преломить замерзѣлаго упрямства. Сего часу не могу больше писать, понеже ѣду къ нашему звѣрю, а почта отходитъ.»

«Замерзѣлое упрямство» было переломлено такими средствами. Графъ Даунъ, по письму императора, долженъ былъ употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобъ царевичъ согласился ѣхать къ отцу. Но сначала всѣ старанія его оставались тщетными, потому что царевичъ опирался на обѣщаніе покровительства, даннаго императоромъ. Вице-король обратился къ Толстому за совѣтомъ, что ему дѣлать? Толстой отвѣчалъ: «говорите ему, что цесарь оружіемъ защищать его не будетъ, потому что причины не имѣетъ: цесарь обѣщалъ ему покровительство, но уже исполнилъ свое обѣщаніе, покровительствовалъ ему до тѣхъ поръ, пока царь обѣщалъ ему свое прощеніе, если онъ только съ повиновеніемъ возвратится; теперь цесарь уже не имѣетъ никакой обязанности держать его, ибо ясно, что онъ по упрямству только своему не хочетъ ѣхать къ отцу; съ какой стати цесарь будетъ изъ-за него вести несправедливую войну съ царемъ, находясь и безъ того въ войнѣ съ двухъ сторонъ? и ежели дойдетъ до войны, то принужденъ будетъ и противъ воли его выдать отцу.—«Такъ суро-

во говорить ему не могу», сказалъ Даунъ. Потомъ объявилъ Толстому: «Я намѣренъ его постращать, будто хочу отнять у него женщину, которую онъ при себѣ держитъ (Афросинью).» Это сдѣлать Даунъ могъ по своимъ инструкціямъ, ибо въ Вѣнѣ воображали, что царь больше всего сердитъ на сына за Афросинью, удаленіе которой могло служить лучшимъ средствомъ къ примиренію. Но Толстому это средство понравилось по другимъ причинамъ.—«Я ему то дѣлать совѣтовалъ, писалъ Толстой къ одному изъ министровъ, для того, чтобъ царевичъ изъ того увидалъ, что цесарская протекція ему не надежна, и поступаютъ съ нимъ противъ его воли. А потомъ увѣщалъ я секретаря вицероева, который во всѣхъ пересылкахъ былъ употребленъ и человѣкъ гораздо уменъ, чтобъ онъ будто за секретъ царевичу сказалъ всѣ вышеписанныя слова, которыя я вицерою совѣтовалъ царевичу объявить, и далъ тому секретарю 160 золотыхъ червонныхъ, обѣщая ему наградить впередъ, что оный секретарь и учинилъ. И возвратясь отъ царевича, привезъ ко мнѣ его письмо, прося меня, чтобъ я къ нему пріѣхалъ одинъ, что я немедленно и учинилъ. И, пріѣхавъ, сказалъ ему, будто я получилъ отъ царскаго величества саморучное письмо, въ которомъ будто изволилъ ко мнѣ писать, что конечно доставать его намѣренъ оружіемъ, ежели вскорѣ добровольно не поѣдетъ, и что войска свои въ Польшѣ держитъ, чтобъ ихъ вскорѣ поставить на зимовыя квартиры въ Силезію, и прочая, что могъ вымыслить къ его устрашенію; а наипаче то, будто его величество немедленно изволитъ самъ ѣхать въ Италію. И сіе слово ему толковалъ, будто сожалѣя о немъ, что когда его величество сюда пріѣдетъ, то кто можетъ возбранить его видѣть и чтобъ онъ не мыслилъ, что сему нельзя сдѣлаться, понеже нималаго въ томъ затрудненія нѣтъ, кромѣ токмо изволенія царскаго величества; а то ему и самому извѣстно, что его величество давно въ Италію ѣхать намѣренъ, а нынѣ наипаче для сего случая всемѣрно вскорѣ изволитъ поѣхать. И такъ сіе привело его въ страхъ, что въ томъ моментѣ мнѣ сказалъ, еже всеконечно ѣхать къ отцу отважится. И просилъ меня, чтобъ я назавтра къ нему пріѣхалъ купно съ капитаномъ Румянцевымъ: «Я де уже завтра подлинный вамъ учиню отвѣтъ.» И съ этимъ я отъ него поѣхалъ прямо къ вицерою, которому объявилъ что было потребно, прося его, чтобъ немедленно послалъ

къ нему сказать, чтобъ онъ дѣвку отъ себя отлучилъ, что онъ вицерой и учинилъ: понеже выразумѣлъ я изъ словъ его (царевича), что больше всего боится ѣхать къ отцу, чтобъ не отлучилъ отъ него той дѣвки. И того ради просилъ я вицероя учинить предреченный поступокъ, дабы съ трехъ сторонъ вдругъ пришли къ нему противныя вѣдомости, т. е., что помянутый секретарь отнялъ у него надежду на протекцію цесарскую, а я ему объявилъ отцевъ къ нему вскорѣ пріѣздъ и прочая, а вицерой разлученіе съ дѣвкою. И когда присланный отъ вицероя объявилъ ему разлученіе съ дѣвкою, тотчасъ ему сказалъ, чтобъ ему дали сроку до утра: «а завтра-де я присланнымъ отъ отца моего объявлю, что я съ ними къ отцу моему поѣду, предложа имъ только двѣ кондиціи, которыя я уже сего дня министру Толстому объявилъ.» А кондиціи тѣ: первая, чтобъ ему отецъ позволилъ жить въ его деревняхъ; а другая, чтобъ у него помянутой дѣвки не отнимать. И хотя сіи государственныя кондиціи паче мѣры тягостны, однакожь я и безъ указу осмѣлился на нихъ позволить словесно. А когда мы назавтра къ нему съ капитаномъ Румянцевымъ пріѣхали, онъ намъ тотчасъ объявилъ, что безъ прекословія ѣдетъ купно съ нами и притомъ насъ просилъ, чтобы мы ему исходатайствовали у отца той милости, дабы повелѣлъ ему на оной дѣвкѣ жениться, не доѣзжая до С.-Петербурга. О семъ я его величеству мое слабое мнѣніе доношу: ежели нѣтъ въ томъ какой противности, чтобъ изволилъ ему на то позволить, для того, что онъ тѣмъ весьма покажетъ себя во весь свѣтъ, еже не отъ какой обиды ушелъ, токмо для той дѣвки; другое, цесаря весьма огорчитъ, и уже никогда ему ни въ чемъ вѣрить не будетъ; третіе, что уже отъиметъ опасность о его пристойной женитьбѣ къ доброму свойству, отъ чего еще и здѣсь не безопасно. Мнѣ мнится, что сіе ничему предбудущему противно не будетъ, но и въ своемъ государствѣ покажется, какого онъ состоянія. А когда благоволитъ Богъ мнѣ быть въ С.-Петербуркѣ, уже безопасно буду хвалить Италію и штрафу за то пить не буду (*); понеже не токмо дѣйствительный походъ (царя), но

(*) На царскихъ пирахъ провинившійся наказывался тѣмъ, что долженъ былъ выпить большой кубокъ вина: отсюда выраженіе *пить штрафъ*. Изъ словъ Толстаго видно, что онъ когда-нибудь за излишія похвалы Италіи выпилъ штрафъ.

и одно намѣреніе быть въ Италіи добрый ефектъ ихъ величествамъ и всему Россійскому государству принесло.»

3 Октября Толстой извѣстилъ Петра, что царевичъ согласился ѣхать въ Россію; достигнувъ такъ неожиданно скоро своей цѣли, Толстой боялся, чтобъ добыча какъ-нибудь не ушла изъ рукъ и потому писалъ царю: «Благоволи, всемилостивѣйшій государь, о возвращеніи къ вамъ сына вашего содержать нѣсколько времени секретно, для того: когда это разгласится, то опасно, чтобы кто-нибудь, кому это противно, не написалъ къ нему какого соблазна, отъ чего можетъ, устрашась, перемѣнить свое намѣреніе.» 4 октября царевичъ самъ написалъ отцу въ тревожномъ состояніи духа, что выразилось въ письмѣ: «Всемилостивѣйшій государь-батюшка! Письмо твое, государь милостивѣйшій, чрезъ господъ Толстаго и Румянцева получилъ, изъ котораго, также изустнаго мнѣ отъ нихъ милостивое отъ тебя, государя, мнѣ, всякія милости недостойному, въ семъ моемъ своевольномъ отъѣздѣ, будетъ я возвращуся, прощеніе, о чемъ со слезами благодаря и припадая къ ногамъ милосердія вашего, слезно прошу о оставленіи мнѣ преступленій моихъ, мнѣ, всякимъ казнямъ достойному. И надѣяся на милостивое обѣщаніе ваше, полагаю себя въ волю вашу, и съ присланными отъ тебя, государя, поѣду изъ Неаполя на сихъ дняхъ къ тебѣ, государю, въ С.-Петербурхъ. Всенижайшій и непотребный рабъ и недостойный назватися сыномъ Алексѣй [144].»

Но царевичъ не прямо отправился изъ Неаполя въ Петербургъ; онъ потребовалъ, чтобъ ему дали прежде съѣздить въ Бари поклониться мощамъ св. Николая. Толстой и Румянцевъ поѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ Бари. Возвратясь оттуда въ Неаполь, они 14 октября выѣхали изъ этого города по дорогѣ въ Римъ. Толстой и Румянцевъ дали знать царю, что Алексѣй неотступно требуетъ, чтобъ они выпросили ему позволеніе обвѣнчаться на Афросиньѣ до пріѣзда въ Петербургъ, и подъ предлогомъ, что хочетъ осматривать Римъ, Венецію и другіе города, будетъ медлить въ дорогѣ, дожидаясь на самомъ дѣлѣ указа о женитьбѣ, чтобъ по этому принять свои мѣры. Царь 17 ноября изъ Петербурга отвѣчалъ сыну на его письмо изъ Неаполя отъ 4 октября: «Письмо твое я здѣсь получилъ, на которое отвѣтствую: что просишь прощенія, которое уже вамъ предъ симъ чрезъ господъ

Толстово и Румянцова письменно и словесно обѣщано, что и нынѣ подтверждаю, въ чемъ будь весьма надеженъ. Также о нѣкоторыхъ твоихъ желаніяхъ писалъ къ намъ господинъ Толстой, которыя также здѣсь вамъ позволятся, о чемъ онъ вамъ объявитъ. Петръ [145].» Толстому и Румянцеву Петръ писалъ: «Мои господа! Письмо ваше я получилъ, и что сынъ мой, повѣря моему прощенію, съ вами дѣйствительно уже поѣхалъ, что меня зѣло обрадовало. Что же пишете, что желаетъ жениться на той, которая при немъ, и въ томъ весьма ему позволится, когда въ наши краи пріѣдетъ, хотя въ Ригѣ или въ своихъ городахъ, или хотя въ Курляндіи у племянницы въ домѣ; а чтобъ въ чужихъ краяхъ жениться, то больше стыда принесетъ. Буде же сомнѣвается, что ему не позволятъ, и въ томъ можетъ разсудить: когда я ему такъ великую вину отпустилъ, а сего малаго дѣла для чего мнѣ ему не позволить? О чемъ и напредъ сего писалъ, и въ томъ его обнадежилъ, что и нынѣ паки подтверждаю; также и жить гдѣ похочетъ въ своихъ деревняхъ, въ чемъ накрѣпко моимъ словомъ обнадежьте его [146].»

Толстаго очень безпокоилъ проѣздъ чрезъ Вѣну; но царевичъ непремѣнно хотѣлъ остановиться въ этомъ городѣ, чтобъ поблагодарить императора. Неизвѣстно, какими средствами дѣло было устроено такъ, что царевичъ согласился проѣхать Вѣну тайкомъ, не видавшись съ императоромъ. Карлъ VI заключилъ изъ этого, что Толстой и Румянцевъ нарочно не допустили царевича до свиданія съ нимъ, боясь, чтобъ Алексѣй не перемѣнилъ своего намѣренія ѣхать къ отцу, что его везутъ неволею. Узнавши, что царевичъ поѣхалъ на Брюнъ, императоръ послалъ секретное предписаніе Моравскому генералъ-губернатору задержать подъ какимъ-нибудь предлогомъ Алексѣя, видѣться съ нимъ наединѣ, и допытаться, какъ его уговорили ѣхать къ отцу, не было ли употреблено принужденія, точно ли устранены причины подозрѣнія и страха, заставившія его отдаться подъ покровительство императора? если царевичъ скажетъ, что не желаетъ ѣхать дальше, то отвести ему удобное помѣщеніе и смотрѣть, чтобъ люди его чего-нибудь съ нимъ не сдѣлали. Толстой не пустилъ генералъ-губернатора къ царевичу и требовалъ, чтобъ ихъ отпустили немедленно; генералъ-губернаторъ не отпускалъ и послалъ въ Вѣну за инструкціями. Здѣсь рѣшили, что всего лучше избавить-

ся отъ царевича съ сохраненіемъ приличія; надобно желать, чтобъ онъ не измѣнилъ своего намѣренія возвратиться къ отцу; императоръ сдѣлалъ все, что предписывали великодушіе, честь, родство; царевичъ самъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ. Продолжать ему покровительствовать при непостоянствѣ его и угрожающей государству опасности отъ царя, было бы безразсудно; у царевича нѣтъ настолько ума, чтобъ можно было надѣяться отъ него какой-нибудь пользы. Генералъ-губернаторъ долженъ непремѣнно видѣть царевича и сказать ему привѣтствіе, можетъ употребить для этого даже и силу. Если царевичъ при этомъ опять будетъ просить покровительства, то объявить ему, что онъ свободенъ дѣлать все, что ему угодно. — Силу употреблять было не нужно: генералъ-губернаторъ былъ допущенъ къ царевичу и объявилъ, что императору было бы пріятно видѣться съ его высочествомъ и онъ удивляется, почему царевичъ не захотѣлъ этого. Алексѣй извинялъ себя грязнымъ видомъ послѣ путешествія и неимѣніемъ приличнаго экипажа, и сказалъ, что поручилъ резиденту Веселовскому изъявить свою благодарность императору. Царевичъ самъ не входилъ въ дальнѣйшія изъясненія; говорить съ нимъ наединѣ генералъ-губернатору было невозможно: Толстой и Румянцевъ стояли близко и внимательно слушали разговоръ [147]. Послѣ генералъ-губернаторскаго комплимента путешественники немедленно отправились въ путь и пріѣхали въ Россію безъ дальнѣйшихъ приключеній. 31 января 1718 года царевичъ уже былъ въ Москвѣ. Афросинья отстала отъ него еще за границею по причинѣ беременности.

Отецъ пріѣхалъ въ Россію прежде сына. Въ другой разъ возвращался Петръ изъ продолжительнаго заграничнаго путешествія не на радость себѣ. Въ первый разъ возвратился онъ, услыхавъ, что сѣмя Ивана Михайловича Милославскаго растетъ, и поднялъ страшный стрѣлецкій розыскъ. Казалось, вредное сѣмя было вырвано, Софья умерла въ монастырѣ, стрѣльцы исчезли, вмѣсто нихъ явилось новое войско, Полтавское войско, и Гангудскій флотъ; замыслы Астраханскихъ раскольниковъ, донской голутьбы, гетмана Мазепы не удались. Прошло много лѣтъ, исполненныхъ великихъ трудовъ, страшныхъ бѣдствій и неожиданной славы. Новое сѣмя, казалось, брошено было на плодоносную почву и обѣщало богатую жатву. Русскій флагъ побѣдонос-

но развѣвался на Балтійскомъ морѣ, Рига, Ревель, Финляндія были покорены; царь добивалъ Шведа на чужой землѣ, изъ Даніи устраивалъ высадку въ Швецію, сцена русскаго дипломатическаго дѣйствія обхватила всю Европу, русскіе интересы переплелись съ интересами Германіи, Англіи, Франціи. Кто могъ вообразить что-нибудь подобное лѣтъ восемь тому назадъ? И вдругъ извѣстіе, что сѣмя Ивана Михайловича Милославскаго выросло опять, и теперь выросло въ родномъ сынѣ царя. Царевичъ ушелъ изъ Россіи, отдался подъ покровительство чужаго государя, жалуясь на тиранство отца, позоря его дѣла, выставляя въ черномъ свѣтѣ людей близкихъ. До сихъ поръ по Европѣ шла слава великаго царя, теперь пошло безславіе, семейный недугъ открылся передъ всѣми, сынъ позвалъ отца на судъ передъ Европою. Бѣглецъ возвращается; но трудное и страшное дѣло впереди: какъ поступить съ нимъ? Объ исправленіи, перемѣнѣ думать больше нечего; до бѣгства было только упрямство, неповиновеніе, теперь обнаружилась уже вражда, не допускающая примиренія; оставить Алексѣя жить спокойно въ деревняхъ его значитъ оставить непримиримаго врага своему дому, будущему Россіи, женѣ и дѣтямъ. Но это еще не все: могъ ли Алексѣй, при его характерѣ, рѣшиться одинъ на исполненное имъ дѣло? Тутъ должны быть совѣтники. Кто они? Отъ домашнихъ царевича дѣло идти не могло: не такіе это люди! Должны быть другіе. Кто они? Прежде всего мысленные взоры царя обращаются къ монастырю, гдѣ живетъ невольная постриженница, инокиня Елена: тамъ должны были знать; но должны были знать и другіе, и ограничивался ли умыселъ одною Россіей, не работали ли тутъ враги внѣшніе? Алексѣй долженъ все открыть; долженъ быть сильный розыскъ!

Многимъ становилось страшно при мысли о розыскѣ. Безпокоились, когда узнали, что царевичъ скрылся; обрадовались, когда узнали, что онъ у цесаря. Гофмейстерина при дѣтяхъ царевича, мадамъ Рогэнъ говорила Аѳанасьеву: «Слава Богу, и вы молитесь; какъ я слышу, царевичъ въ хорошемъ охраненіи у цесаря обрѣтается; пишутъ ко мнѣ, что онъ отсюда свѣтлѣйшимъ княземъ изгнанъ; только онъ ему послѣ заплатитъ.» Иванъ Нарышкинъ говорилъ: «Какъ сюда царевичъ пріѣдетъ, вѣдь онъ тамъ не вовсе будетъ, то онъ тогда уберетъ свѣтлѣйшаго князя съ

прочими; чаю, достанется и учителю (Вяземскому) съ роднею, что онъ его, царевича, продавалъ князю.» Другіе разговоры пошли, когда узнали, что царевичъ возвращается въ Россію. Иванъ Нарышкинъ говорилъ: «Іуда Петръ Толстой обманулъ царевича, выманилъ, и ему не перваго кушать.» Говорили, что Толстой подпоилъ царевича. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій говорилъ князю Богдану Гагарину: «Слышалъ ты, что дуракъ царевичъ сюда идетъ, потому что отецъ посулилъ женить его на Афросиньѣ? Жолвъ ему, не женитьба! Чортъ его несетъ! Всѣ его обманываютъ нарочно.» Кикинъ сильно встревожился, послалъ за Аѳанасьевымъ и началъ ему говорить: «Знаешь ли, что царевичъ сюда ѣдетъ?—«Не знаю, отвѣчалъ Аѳанасьевъ; только слышалъ отъ царицы, когда былъ у царевичевыхъ дѣтей, говорила, какъ царевичъ въ Римъ пришелъ, и какъ встрѣчали.»—Я тебѣ подлинно сказываю, что ѣдетъ, продолжалъ Кикинъ: только что онъ надъ собою сдѣлалъ? Отъ отца ему быть въ бѣдѣ; а другіе будутъ напрасно страдать.—«Буде до меня дойдетъ, я, что вѣдаю, скажу,» сказалъ Аѳанасьевъ.—«Что ты это сдѣлаешь? возразилъ Кикинъ: вѣдь ты себя умертвишь. Я прошу тебя, и другимъ служителямъ, пожалуй поговори, чтобъ они сказали, что я у царевича давно не бывалъ. Куда-нибудь скрыться! Поѣхалъ бы ты на встрѣчу къ царевичу до Риги, и сказалъ бы ему, что отецъ сердитъ, хочетъ суду предавать, того ради въ Москвѣ всѣ архіереи собраны.» Аѳанасьевъ отвѣчалъ, что ѣхать не смѣетъ, боится князя Меншикова. Потомъ предложилъ послать брата своего, и Кикинъ выхлопоталъ ему подорожную за вице-губернаторскою подписью; но и брата Аѳанасьевъ не послалъ, чтобы въ бѣду не попасть.

Такимъ образомъ царевичъ не узналъ, что ждетъ его въ Москвѣ. 3 февраля, въ понедѣльникъ, въ кремлевскій дворецъ собралось духовенство и свѣтскіе вельможи; явился царь и ввели царевича безъ шпаги. Отецъ обратился къ нему съ выговорами; тотъ бросился передъ нимъ на колѣна, призналъ себя во всемъ виновнымъ и со слезами просилъ помилованія. Отецъ обѣщалъ ему милость при двухъ условіяхъ: если откажется отъ наслѣдства и откроетъ всѣхъ людей, которые присовѣтовали ему бѣгство. Царевичъ на все согласился, и тутъ же написалъ повинную: «Понеже, узнавъ свое согрѣшеніе предъ вами, яко родите-

лемъ и государемъ своимъ, писалъ повинную и прислалъ оную изъ Неаполя: такъ и нынѣ оную приношу, что я, забывъ должность сыновства и подданства, ушелъ и поддался подъ протекцію цесарскую и просилъ его о своемъ защищеніи. Въ чемъ прошу милостиваго прощенія и помилованія.» Потомъ царь вышелъ съ сыномъ въ другую комнату, гдѣ царевичъ открылъ ему своихъ сообщниковъ. Послѣ этого всѣ пошли въ Успенскій соборъ, гдѣ царевичъ передъ евангеліемъ отрекся отъ престола и подписалъ клятвенное обѣщаніе: «Я нижепоименованный обѣщаю предъ св. евангеліемъ, что понеже я, за преступленіе мое предъ родителемъ моимъ и государемъ, его величествомъ, изображенное въ его грамотѣ и въ повинной моей, лишенъ наслѣдства Россійскаго престола: того ради признаваю то, за вину мою и недостоинство, заправедно, и обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ въ Троицѣ славимымъ Богомъ и судомъ Его той волѣ родительской во всемъ повиноваться и того наслѣдства никогда ни въ какое время не искать и не желать и не принимать его ни подъ какимъ предлогомъ. И признаваю за истиннаго наслѣдника брата моего царевича Петра Петровича. И на томъ цѣлую св. крестъ и подписуюсь собственною моею рукою.»

Въ тотъ же день былъ обнародованъ царскій манифестъ, въ которомъ изложивъ мѣры, принятыя для приличнаго воспитанія Алексѣя и описавъ недостойное поведеніе послѣдняго и бѣгство, Петръ говорилъ: «Наши посланные употребляли всѣ способы уговорить его къ возвращенію, какъ обнадеживаніями, такъ и угрозами, что мы его вооруженною рукою будемъ отыскивать и что цесарь изъ-за него съ нами войны вести не захочетъ. Но онъ на все это не посмотрѣлъ и не захотѣлъ къ намъ ѣхать до тѣхъ поръ, пока, видя его упорство, цесарскій вицерой цесарскимъ именемъ ему представилъ, чтобъ онъ уѣхалъ, ибо цесарь ни по какому праву его удерживать не можетъ и при нынѣшней съ Турками и Испанцами войнѣ, съ нами за него въ ссору вступать не можетъ. Тогда, опасаясь, чтобъ намъ не выдали его и противъ воли, согласился къ намъ ѣхать. И хотя онъ, сынъ нашъ, за такіе противные поступки, особенно за это, передъ всѣмъ свѣтомъ нанесенное намъ безчестіе чрезъ побѣгъ своей и клеветы, на насъ разсѣянныя, какъ злорѣчащій отца своего и сопротивляющійся государю своему, достоинъ былъ смерти; однако мы,

соболезнуя о немъ отеческимъ сердцемъ, прощаемъ его и отъ всякаго наказанія освобождаемъ. Однако, въ разсужденіи его недостоинства, не можемъ по совѣсти своей, оставить его послѣ себя наслѣдникомъ престола Россійскаго, зная, что онъ своими непорядочными поступками, всю полученную по Божіей милости и нашими неусыпными трудами славу народа нашего и пользу государственную утратитъ, которую съ какимъ трудомъ мы получили, и не только отторгнутыя отъ государства нашего провинціи возвратили, но и вновь многіе знатные города и земли получили, также и народъ свой во многихъ воинскихъ и гражданскихъ наукахъ къ пользѣ государственной и славѣ обучили— то всѣмъ извѣстно. И такъ, сожалѣя о государствѣ своемъ и вѣрныхъ подданныхъ, дабы отъ такого властителя въ худшее прежняго состояніе не были приведены, мы, властію отеческою, по которой, по правамъ государства нашего, и каждый подданный нашъ сына своего воленъ лишить наслѣдства и другому сыну передать, и какъ самодержавный государь, для пользы государственной, лишаемъ сына своего Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства послѣ насъ престола нашего Всероссійскаго, хотябъ ни единой персоны нашей фамиліи по насъ не осталось. И опредѣляемъ и объявляемъ по насъ престола наслѣдникомъ другаго сына нашего Петра, хотя еще и малолѣтнаго, ибо иного возрастнаго наслѣдника не имѣемъ, и заклинаемъ сына нашего Алексѣя родительскою клятвою, дабы того наслѣдства ни въ какое время себѣ не претендовалъ и не искалъ. Желаемъ же отъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, духовнаго и мірскаго чина и всего народа всероссійскаго, дабы, по сему нашему изволенію и опредѣленію, отъ насъ назначеннаго въ наслѣдство сына нашего Петра за законнаго наслѣдника признавали и почитали и обѣщаніемъ предъ св. алтаремъ, надъ св. евангеліемъ и цѣлованіемъ креста утвердили. Всѣхъ же тѣхъ, кто сему нашему изволенію въ которое-нибудь время противны будутъ и сына нашего Алексѣя отнынѣ за наслѣдника почитать и ему въ томъ вспомогать станутъ и дерзнутъ, измѣнниками намъ и отечеству объявляемъ.»

На другой день, 4-го февраля, царевичу были предложены письменные пункты о сообщникахъ: «Понеже вчерась прощеніе получилъ на томъ, дабы всѣ обстоятельства донести своего побѣгу

и прочаго тому подобнаго; а ежели что утаено будетъ, то лишенъ будешь живота; начто о нѣкоторыхъ причинахъ сказалъ ты словесно, но лучше очистить письменно по пунктамъ. Все, что къ сему дѣлу касается, хотя что здѣсь и не написано, то объяви и очисти себя, какъ на сущей исповѣди; а ежели что укроешь и потомъ явно будетъ, на меня не пеняй: понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ.»

Царевичъ показазъ о Кикинѣ, Вяземскомъ, Дубровскомъ, царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ, князѣ Василіи Владиміровичѣ Долгорукомъ, Аѳанасьевѣ, показалъ не все; показалъ, что въ Неаполѣ секретарь Кейль принудилъ его написать въ Россію письмо сенаторамъ и архіереямъ: «Есть извѣстія, говорилъ Кейль, что вы умерли, по другимъ извѣстіямъ, вы пойманы и сосланы въ Сибирь, поэтому дайте знать о себѣ въ Россію, а не напишете, то мы не станемъ васъ держать.» Царевичъ написалъ въ сенатъ и двоимъ архіереямъ, Ростовскому и Крутицкому въ такомъ смыслѣ: «Думаю, васъ и всѣхъ удивилъ мой безвѣстный отъѣздъ, къ которому меня принудило великое озлобленіе и непорядокъ, особенно когда въ началѣ прошлаго года едва меня не постригли въ монахи; но Богъ далъ случай мнѣ уѣхать и теперь нахожусь подъ охраною нѣкотораго великаго государя (который обѣщалъ меня не оставить и въ нужный часъ помочь), пока Господь не повелитъ возвратиться, при которомъ случаѣ прошу, не забудьте меня. Если услышите отъ людей, желающихъ изгладить обо мнѣ память, что меня въ живыхъ нѣтъ, или случилось со мною какое-нибудь другое несчастіе, то не извольте вѣрить.»

Кикинъ не успѣлъ скрыться: онъ былъ схваченъ и приведенъ къ врагу своему Меншикову. Увидавши князя, онъ спросилъ его: «Князь Василій Долгорукій взятъ ли?»—«Не взятъ,» отвѣчалъ Меншиковъ. Тутъ Кикинъ сказалъ: «Насъ истяжутъ, а Долгорукихъ царевичъ, пожалѣвъ фамилію, закрылъ.» Изтязаніе началось немедленно, и Кикинъ, признался, что къ царевичу хаживалъ и про отъѣздъ его зналъ, въ Либавѣ видѣлся и совѣтовалъ ѣхать къ цесарю; будучи въ Вѣнѣ, ни о чемъ не хлопоталъ и съ тамошними министрами ни о чемъ не говорилъ; совѣтовалъ царевичу, если не удастся у цесаря, ѣхать къ папѣ и въ другія мѣста. О постриженіи говорилъ: «лучше теперь постричься, а наслѣдство ваше впредь благовременно не уйдетъ; но не говорилъ,

что клобукъ не гвоздемъ будетъ прибитъ. О побѣгѣ и чтобъ царевичу остаться въ чужихъ краяхъ много разъ и въ разныя времена совѣтовалъ послѣ смерти кронъ-принцессы. Когда царевичъ отъѣзжалъ въ Карлсбадъ, то не помнится, совѣтовалъ, или нѣтъ, прожить три года; и по возвращеніи изъ Карлсбада говорилъ: «напрасно оттуда пріѣхалъ: лучшебъ отъѣхать во Францію и тамъ жить; говорилъ это на слова царевича: «Напрасно я сюда пріѣхалъ; а когда Богъ изволитъ, что буду монархомъ, тогда васъ честью и прочимъ удовольствую.» Совѣтовалъ не возвращаться, если отецъ пришлетъ за царевичемъ.

Кикина привезли въ Москву и здѣсь другая пытка: послѣ 25 ударовъ кнутомъ, онъ отвѣчалъ на вопросы, зачѣмъ совѣтовалъ именно къ цесарю уѣхать? «Вѣнскій дворъ ему знакомъ, потому что онъ въ Вѣнѣ былъ, и ѣздилъ для того, чтобы царевичу путь показать. Съ Веселовскимъ говорилъ: «какъ будетъ царевичъ въ Вѣнѣ, не выдадутъ ли его?» тотъ отвѣчалъ: «чаю, не выдадутъ.» А подлиннаго намѣренія ему не сказывалъ. На вопросъ: «въ какую надежду долгое его бъ (царевича) тамошнее бытье (въ Вѣнѣ) было и что потомъ дѣлать намѣрены были?» — отвѣчалъ: «Въ такую надежду, что царевичъ хотѣлъ его не оставить; а дѣлать ничего не былъ намѣренъ, только въ Вѣнѣ прожить». Чрезъ нѣсколько дней Кикинъ попросилъ чернилъ и бумаги, чтобъ все объявить на письмѣ и написалъ уже другое: «Когда повелѣно ѣхать царевичу въ нѣмецкія земли, тогда мнѣ онъ говорилъ, что радъ той посылкѣ. Я спросилъ: для чего радъ? Сказалъ, что будетъ жить тамъ какъ хочетъ. Я ему отвѣтствовалъ: надобно смотрѣть, съ чѣмъ назадъ пріѣхать, понеже государь изволитъ на немъ взыскивать дѣло, за чѣмъ онъ посланъ. Сказалъ мнѣ: сколько мочно, стану учиться. А когда онъ пріѣхалъ сюда, сказывалъ мнѣ, что ему тамошнія мѣста полюбились.» Я ему говорилъ: ежели бы онъ хотѣлъ, то бы и государь нѣкоторое еще время велѣлъ быть, понеже то и ему было угодно, только бъ не даромъ жить. Послѣ того времени, увидя я, что пріѣхалъ онъ оттуду съ тѣмъ же, съ чѣмъ поѣхалъ, началъ отъ него отдаляться, и года за два до нынѣшняго его отъѣзда былъ я въ его домѣ развѣ трижды или четырежды, въ чемъ свидѣтельствуюсь дому его людьми; и вь Карлсбадъ поѣхалъ я, съ нимъ не простясь. А что я ему будто совѣтовалъ, чтобъ идти въ то время во Фран-

цію, и то явная немилость. И еслибъ то какимъ образомъ дѣлано было, и я бы ему объявилъ; а то дѣлалъ для него, но онъ бы о томъ не вѣдалъ, и тому статься нельзя. Да и ни единаго случая нималаго для знакомости мнѣ двора французскаго нѣтъ и прежде сего не бывало, и не видалъ ничего тамошняго состоянія, какъ бы мнѣ его посылать и для чего было мнѣ то дѣлать? понеже не настояло къ тому ниже малой причины. А что тамъ живетъ король Англійскій (изгнанный Стюартъ), то онъ, чаю, отъ многихъ сотъ людей слыхалъ; а я о томъ съ нимъ истинно не говаривалъ. Не упамятую, въ которое время пріѣхалъ ко мнѣ царевичъ до свѣту; я у него спросилъ: для чего такъ? Сказалъ мнѣ, что онъ былъ у князя Василія Владиміровича (Долгорукаго) и Ѳедора Матвѣевича (Апраксина) для нѣкотораго дѣла, и говорилъ мнѣ, чтобъ я къ нему пріѣхалъ. И какъ пріѣхалъ, сказывалъ мнѣ, что государь къ нему изволилъ писать. Я ему на то отвѣтствовалъ (истинно, какъ предъ Богомъ отвѣтъ дамъ) симъ образомъ: что отецъ вашъ не хочетъ, чтобъ вы были наслѣдникомъ однимъ именемъ, но самымъ дѣломъ. Онъ мнѣ сказалъ: «Кто же тому виноватъ, что меня такого родили? Правда, природнымъ умомъ я не дуракъ, только труда никакого понести не могу.» Я ему говорилъ: «Изъ сихъ двухъ дѣлъ одно которое ни есть сдѣлать надобно.» И спрашивалъ меня, что ему лучше дѣлать? Я ему отвѣчалъ, чтобъ постричься, понеже онъ самъ о себѣ говоритъ, что никакихъ дѣлъ понесть не можетъ. А что клобукъ гвоздемъ не прибитъ, истинно не говаривалъ. Когда встрѣтился царевичъ въ Либау, какъ онъ ѣхалъ изъ Питербурха, тогда пришелъ ко мнѣ самъ на квартиру и спрашивалъ меня: давно ли я государя видѣлъ и не слыхалъ ли чего о немъ? Я сказалъ, что государя видѣлъ въ Гданску, ѣдучи туды, а о немъ ничего не слыхалъ. Сказалъ мнѣ: «Челомъ бью и на твоемъ жалованьи.» Я спросилъ: на чемъ? Сказалъ мнѣ: «Правда или неправда, только я слышалъ.» Я сказалъ, что ничего не дѣлывалъ. И выпивъ водки, пошелъ отъ меня; а мнѣ приказалъ, чтобъ я не ходилъ къ нему на квартиру, и то, знатно, для своей дѣвки сдѣлалъ. А на другой день передъ отъѣздомъ, пришелъ я къ нему на квартиру, и тутъ былъ у него капитанъ князь Шаховской и прочіе офицеры, а кто не упомню. И вышедъ, отдалъ письмо капитану Шаховскому; и послѣ того въ скорости спросилъ у меня царевичъ:

«Не посылаетъ ли кого въ Питербурхъ нарочно государыня царевна?» Я ему сказалъ, что сего дня или завтра поѣдетъ. Тогда вынявъ письмо изъ пазухи въ другой палатѣ, отдалъ мнѣ и говорилъ, чтобъ послать немедленно; и послѣ того въ другой разъ говорилъ, что письмо нужное; а ежели Ивана Аѳанасьева не застанетъ, чтобъ отдалъ брату его; и я то письмо взялъ, привезъ съ собою въ Питербурхъ и Ивана Аѳанасьева засталъ въ Питербурхѣ и спрашивалъ у него: имѣетъ ли онъ письмо отъ царевича? Сказалъ, что имѣетъ, и велитъ ѣхать, догоняя за собою немедленно, и поѣдетъ вскорѣ. И какъ онъ сказалъ, что поѣдетъ, тогда я оное письмо удержалъ у себя, и послѣ его отъѣзду на третій день распечаталъ, и какъ увидѣлъ о такомъ его намѣреніи, объявить опасся, чтобъ не привесть себя въ розыскъ, понеже явнаго свидѣтельства посторонняго никакого нѣтъ, и хотѣлъ видѣть, какой тому дѣлу будетъ конецъ. А что царевичъ изволилъ говорить, будто я его послалъ въ Вѣну, и то истинно напрасно, по немилости своей: знатно, увидавъ, что я, еще до отъѣзда государева въ Копенгагенъ, доносилъ государынѣ царицѣ и послѣ того въ Гданску, когда еще здѣсь былъ царевичъ, доносилъ государю, и еслибъ въ то время, по тому моему доношенію, повелѣно было освидѣтельствовать, тогдажъ бы намѣреніе его то и другое было явно, понеже и нынѣ ему въ томъ запереться невозможно, что говорилъ ему князь Василій Долгорукій, что будто онъ царевича у государя съ плахи снялъ, и спрашивалъ у него (Долгорукій): ежели онъ въ чемъ можетъ царевичу впредь служить, то онъ радъ, хотябъ и животъ ему свой за него положить. Понеже и князь Яковъ Ѳедоровичъ (Долгорукій), не знаю для чего, посылалъ брата моего къ царевичу предъ его отъѣздомъ, чтобъ онъ къ государю не ѣздилъ, а лучше чтобы постригся. На что братъ ему мой отвѣтствовалъ, что онъ съ такими дѣлами не поѣдетъ. И ежели бы я зналъ про побѣгъ въ Вѣну, для чего бы мнѣ Ивану Аѳанасьеву не сказать, чтобъ онъ ѣхалъ за нимъ? А по возвращеніи своемъ изъ Шверина Иванъ Аѳанасьевъ сказывалъ мнѣ, что царевичъ ко мнѣ давно почалъ быть немилостивъ. А ежели бы мнѣ готовить мѣсто царевичу въ Вѣнѣ, тогда бы я сдѣлалъ при себѣ, мочно ли тамъ жить, или не примутъ. А не дѣлавъ ничего, и посылать: «поѣзжай въ Вѣну!»—сіе было бы глупѣе всякаго скота. И еслибы я

ему совѣтовалъ ѣхать куды-нибудь, то надлежало быть между нами цыфири и какъ содержать корреспонденцію. И сами ваше царское величество изволите милостиво, божески предусмотрѣть сего дѣла: понеже какую ему во мнѣ для своего возвращенія назадъ полагать надежду? А что ему на меня по немилости своей говорить, и тому есть явныя причины: первое, что я отъ него за долгое время отсталъ; вторая, за доношеніе мое; и ежелибъ онъ мнѣ былъ надобенъ; я бы на него и не доносилъ. И царевичъ о томъ извѣстенъ, что ему ничего не будетъ; а что скажетъ, тому вѣрятъ.»

Эта записка, важная въ томъ отношеніи, что обрисовываетъ характеръ писавшаго ее, разумѣется, не могла нисколько облегчить участи Кикина, а только могла произвести еще большее противъ него раздраженіе въ царѣ. На двухъ новыхъ пыткахъ Кикинъ подтвердилъ прежнія показанія, а не тѣ, которыя подалъ въ запискѣ, и министры приговорили «учинить ему смертную казнь *жестокую*.» Ивана Аѳанасьева приговорили просто къ смертной казни. Къ смертной же казни былъ приговоренъ дьякъ Ѳедоръ Вороновъ, на котораго Аѳанасьевъ показалъ, что зналъ отъ него о побѣгѣ царевича, объявилъ готовность служить царевичу и далъ Аѳанасьеву цыфирь для веденія переписки.

Кикинъ напрасно боялся, что князь Василій Владиміровичъ Долгорукій уйдетъ отъ бѣды: Долгорукаго схватили въ Петербургѣ и въ оковахъ привезли въ Москву. Страшный ударъ, страшное безчестье готово было поразить знаменитый родъ, и старшій князь Яковъ Ѳедоровичъ написалъ Петру: «Премилосердый государь! Впалъ я злымъ несчастіемъ моимъ въ ненавистное Богу и человѣкамъ имя злодѣйскаго рода. Утверждаюся сердцевидцемъ, создателемъ моимъ, что весь родъ мой всегда непоколебимо пребывалъ въ вѣрности. Въ началѣ царствованія твоего, во время богомерзкаго бунта, дядя и братъ мой злую смерть приняли за истинную вѣрность къ державѣ вашего величества; потомъ я съ троими братьями, въ Троицкомъ монастырѣ и всегда противны злу были, не боясь, явно показывали себя въ вѣрной службѣ вашего величества, готовы всегда были умереть; и въ томъ намѣреніи прежде были, и нынѣ пребываемъ и должны пребывать до смерти нашей. Недавно, въ поученіи нѣкоемъ (*) яви-

(*) Въ извѣстной проповѣди Яворскаго 17 марта 1712 года.

лись непристойныя слова; когда я ихъ услышалъ, то, не устрашась и не разсуждая лица сильнаго, вмѣнится ли то мнѣ за благо, обличилъ и явно запретилъ, за что мнѣ въ воздаяніе обѣщано, какъ я слышу, лютая на колѣ смерть. Вижу нынѣ сродниковъ моихъ, впадшихъ въ нѣкоторое погрѣшеніе: хотя дѣла ихъ подлинно не вѣдаю, однако то вѣдаю, что никогда они ни въ какихъ злохитрыхъ умыслахъ не были, чему и причина есть: весь мой родъ обязанъ всѣмъ высокой милости вашего величества. Развѣ явилась вина ихъ въ какихъ дерзновенныхъ словахъ? Извѣстно вашему величеству оное дерзновенное состояніе и слабость необузданнаго языка, который иногда съ разумомъ не согласуется; иногда и то, можетъ быть, необузданный языкъ произносилъ, чего никогда и въ умѣ не имѣлъ человѣкъ. Ино есть дѣло злое, ино есть слово съ умысломъ и намѣреніемъ злымъ, ино есть слово дерзновенное безъ умыслу, и хотя не безвинное, однако не такой достойное мести, какой достойны злодѣи, умысломъ виновные. Пусть за такоё слово будетъ тяжко однимъ виновнымъ; а насъ бы безвинныхъ, во время старости нашей, тѣ ихъ вины не губили, ибо намъ собою всенароднаго обычая перемѣнить нельзя: порокъ одного злодѣя привязывается и къ невиннымъ сродникамъ. Того ради, падая яко неключимые рабы, молимъ: помилуй, премилосердый государь, да не снидемъ въ старости нашей во гробъ съ именемъ злодѣйскаго рода, которое можетъ не только отнять доброе имя, но и безвременно вервь живота пресѣчь.»

Министры (князь Иванъ Ромадановскій, Шереметевъ, графъ Головкинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Стрѣшневъ, адмиралъ Апраксинъ, князь Петръ Прозоровскій, Петръ Шафировъ, Алексѣй Салтыковъ, Василій Салтыковъ) приговорили: «Еслибы на князя Василья показывалъ не царевичъ, а другой кто-нибудь, то слѣдовалъ бы розыскъ; а повѣрить вполнѣ словамъ царевича трудно: царевичъ самъ показывалъ, что князь Василій относительно побѣга не былъ его совѣтникомъ, и, по совѣту Кикина, написано было къ князю Василью письмо для того, чтобъ набросить на него подозрѣніе. А за дерзкія слова князь Василій заслуживаетъ быть сосланнымъ съ лишеніемъ чина и имѣнія.» Князь Василій подалъ объясненіе: «Я говорилъ царевичу: письмо подай немедленно (отцу объ отреченіи отъ престола) и бояться тебѣ нечего, и по требованію отцову хотябъ 10 или 20 писемъ давать на-

добно: это не такія письма, какъ между нашею братьею прежде бывали, съ *сеазами* и съ неустойкою, и опасаться этого нечего. А можетъ быть говорилъ: «Хотя и тысячу писемъ давай»—того не упомню. А говорилъ, чтобъ его къ тому привесть, чтобъ то письмо подалъ, конечно видя, что царскому величеству и государственному интересу надобно.» Долгорукій былъ сосланъ въ Соликамскъ.

Учитель Никифоръ Вяземскій въ показаніи своемъ настаивалъ, что онъ уже давно въ немилости у царевича: въ 1711 году, въ Вольфенбителѣ, въ герцоговомъ домѣ, царевичъ дралъ его за волосы, билъ палкою и сбилъ съ двора; въ 1712 году онъ хотѣлъ убить его до смерти подъ Штетиномъ, о чемъ извѣстно князю Меншикову, канцлеру Головкину и другимъ.—Вяземскій былъ сосланъ въ Архангельскъ.

Одновременно съ этимъ розыскомъ шелъ другой. Капитанъ-поручикъ гвардіи, Григорій Скорняковъ-Писаревъ былъ отправленъ 4 февраля въ Суздальскій Покровскій монастырь, гдѣ жила инокиня Елена, бывшая царица Евдокія Ѳедоровна. Посланный засталъ инокиню въ мірскомъ платьѣ, и въ церкви на жертвенникѣ нашелъ таблицу, по которой поминали вмѣстѣ съ царемъ Петромъ благочестивѣйшую и великую государыню Евдокію Ѳедоровну. Скорняковъ - Писаревъ повезъ Евдокію въ Москву, и далъ знать о необходимости схватить Абрама Лопухина, князя Семена Щербатаго и Суздальскаго протопопа Андрея Пустыннаго, которые могли показать «многое воровство.» Видя бѣду, Евдокія написала еще съ дороги повинную царю: «Всемилостивѣйшій государь! Въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ не упомню, по обѣщанію своему пострижена я была въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ въ старицы, и наречено мнѣ было имя Елена. И по постриженію, въ иноческомъ платьѣ ходила съ полгода; и не восхотя быть инокою, оставя монашество и скинувъ платье, жила въ томъ монастырѣ скрытно, подъ видомъ иночества, мірянкою. И то мое скрытіе объявилось чрезъ Григорья Писарева. И нынѣ я надѣюсь на человѣколюбивыя вашего величества щедроты. Припадая къ ногамъ вашимъ, прошу милосердія, того моего преступленія о прощеніи, чтобъ мнѣ безгодною смертію не умереть. А я обѣщаюся по прежнему быти инокою и пребыть въ иночествѣ до смерти своей и буду Бога молить за

тебя, Государя. Вашего величества нижайшая раба бывшая жена ваша Авдотья.»

Монахини Покровскаго монастыря показали, что къ бывшей царицѣ ѣздилъ юродивый, Михайла Босой, привозилъ отъ царевны Марьи Алексѣевны деньги и подарки; онъ же привезъ ей извѣстіе объ уходѣ царевича, и пророчествовалъ, что Евдокія будетъ взята къ Москвѣ. Босой показалъ, что пророчествовалъ спроста; объ уходѣ царевича узналъ отъ царевны Марьи, которая говорила, что за границею ему будетъ лучше, проживетъ какъ въ раю, а здѣсь бы его постригли. Монахиня Маремьяна показала: «Мы не смѣли говорить царицѣ, для чего она монашеское платье сняла? Она много разъ говаривала: «Все наше, государево; и государь за мать свою что воздалъ стрѣльцамъ — вѣдь вы знаете; а и сынъ мой изъ пеленокъ вывалялся.» Маремьяна показала на любовную связь Евдокіи съ присланнымъ въ Суздаль для солдатскаго набора Степаномъ Глѣбовымъ. Глѣбовъ показалъ: «Какъ я былъ въ Суздалѣ у набора солдатскаго, тому лѣтъ съ восемь или съ девять, въ то время привелъ меня въ келью къ бывшей царицѣ духовникъ ея Ѳедоръ Пустынный, и подарковъ къ ней чрезъ онаго духовника прислалъ я, и сшелся съ нею въ любовь. И послѣ того, тому года съ два, пріѣзжалъ я къ ней и видѣлъ ее; и я къ ней письма посылалъ о здоровьѣ, и она ко мнѣ присылала жъ.» Евдокія написала собственною рукою: «Я съ нимъ блудно жила въ то время, какъ онъ былъ у рекрутскаго набора, въ томъ я виновата.» Сынъ Глѣбова показалъ, что отецъ былъ въ дружбѣ съ епископомъ Ростовскимъ Досиѳеемъ, съ ключаремъ Ѳедоромъ Пустыннымъ и съ ризничимъ Петромъ. Послѣдній показалъ: «Когда царское величество изволилъ сочетаться законнымъ бракомъ, приходилъ къ нему въ Суздаль подъьяконъ Иванъ Пустынный и, смѣяся, говорилъ: «Вотъ бывшая царица все чаяла, что государь ее возьметъ и будетъ она по прежнему царицею съ пророчества епископа Досиѳея: когда онъ былъ архимандритомъ (Новоспасскимъ въ Москвѣ), принесъ къ ней двѣ иконы и велѣлъ ей предъ ними класть по нѣскольку сотъ поклоновъ; а Досиѳей отъ тѣхъ иконъ будто видѣлъ видѣніе, что она будетъ по прежнему царицею, и отъ того она чуть не задушилась, поклоны кладучи.» Досиѳей показалъ, что послѣ объявленія брака царя съ Екатериною Алексѣевною пріѣзжалъ къ нему Глѣбовъ

и говорилъ: «Для чего вы, архіереи, за то не стоите, что государь отъ живой жены на другой женится?» Глѣбовъ кромѣ любовной связи съ Евдокіею, ни въ чемъ не признавался. Съ Досиѳея сняли епископскій санъ; на соборѣ передъ архіереями онъ сказалъ: «Посмотрите, и у всѣхъ что̀ на сердцахъ? Извольте пустить уши въ народъ, что̀ въ народѣ говорятъ; а на имя не скажу.» На пыткахъ Досиѳей, теперь уже разстрига Демидъ признался, что поминалъ Евдокію царицею какъ и другіе, пророчествовалъ царицѣ и царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ, желалъ смерти Петра и воцаренія сына его. Пѣвчій царевны Марьи Алексѣевны, Журавскій показалъ, что Досиѳей пріѣзжалъ къ царевнѣ и разказывалъ о своихъ видѣніяхъ, будто государь скоро умретъ и будетъ смущеніе, пророчествовалъ, что государь возьметъ бывшую царицу и будутъ у нихъ два дѣтища. Журавскій, увѣдомляя Лопухина о возвращеніи царевича изъ-за границы, прибавилъ о царевнѣ Марьѣ: «Точію снѣдаетъ ея милостивое сердце отъ воздыханій всенародныхъ печаль.» Журавскій показалъ, что слышалъ, какъ царевна говаривала Абраму Лопухину о великихъ податяхъ, о продолжительной войнѣ, о разореніи народномъ; какъ говорила о царевичѣ: «Хорошо сдѣлалъ, что ушелъ; тамъ ему жить лучше.» Журавскій оговорилъ извѣстную намъ княгиню Настасью Голицыну, что она переносила вѣсти изъ государева дома и тужила о возвращеніи царевича. Абрамъ Лопухинъ признался, что желалъ смерти Петра и воцаренія Алексѣя.

Глѣбовъ и Демидъ были приговорены къ *жестокой* смертной казни (Глѣбовъ посаженъ на колъ, Демидъ колесованъ); Пустынный и Журавскій къ обыкновенной смертной казни; другіе оговоренные наказаныю тѣлесно, не исключая и женщинъ, и сосланы, нѣкоторые послѣ наказанія освобождены. Инокиня Елена отправлена въ Ладогу, въ тамошній женскій монастырь [148].

Вмѣстѣ съ главными участниками въ дѣлѣ царевича и царицы былъ казненъ въ Москвѣ никѣмъ изъ нихъ неоговоренный подъячій артиллерійскаго приказа, Ларіонъ Докукинъ. По фискальскому доношенію, Докукинъ въ 1714 году былъ вызванъ изъ Москвы въ Петербургъ съ приходными и расходными книгами, и вслѣдствіе такой бѣды присталъ къ толпѣ недовольныхъ, сталъ жаловаться на гоненіе изъ града въ градъ, на лишеніе домовъ, торговъ, промысловъ, на лишеніе благочестія отъ лестныхъ ученій,

отъ измѣненія обычаевъ, платья и словъ своего славянскаго языка, ругательнаго обезчещенія *персонъ* своихъ брадобритіемъ; сталъ жаловаться на смѣшеніе съ иновѣрными языки, на отнятіе древесъ самыхъ нужныхъ, рыбныхъ ловель, торговыхъ и заводскихъ промысловъ, на несносныя подати; на то, какъ пришельцевъ иновѣрныхъ всѣми благами наградили, а христіанъ бѣдныхъ голодомъ поморили, святыя церкви опустошили. Въ 1715 году въ Петербургѣ на паперти Симеоновской церкви нашли подметное письмо; письмо сожгли и автора не отыскали: авторъ былъ Докукинъ. Недовольный подъячій сблизился съ недовольнымъ царевичемъ, получилъ отъ него богатую милостыню и возвратился въ Москву. Сюда въ 1718 году привезли царевича, отрѣшили его отъ наслѣдства, заставили присягать другому царевичу—Петру. Докукинъ подписалъ подъ присягою: «За неповинное отлученіе и изгнаніе отъ всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго государя царевича Алексѣя Петровича христіанскою совѣстью и судомъ Божіимъ и пресвятымъ евангеліемъ не клянусь и на томъ животворящаго креста Христова не цѣлую и собственною своею рукою не подписуюсь; еще къ тому и прилагаю малоизбранное отъ богословской книги Назіанзина могущимъ вняти въ свидѣтельство изрядное, хотя за то и царской гнѣвъ на мя проилзіется, буди въ томъ воля Господа Бога моего Іисуса Христа, по волѣ Его святой за истину азъ рабъ Христовъ Иларіонъ Докукинъ страдати готовъ. Аминь, аминь, аминь.» Этотъ присяжный листъ и малоизбранное отъ книги Назіанзина Докукинъ подалъ самому Петру въ церкви, 2 марта, въ Сборное Воскресенье. Въ «Бѣдности» (такъ называлась тюрьма Преображенскаго приказа) Докукинъ объяснилъ: «На присягѣ подписалъ своеручно онъ, Ларіонъ, соболѣзнуя объ немъ, царевичѣ, что онъ природный и отъ истинной жены; а наслѣдника царевича Петра Петровича за истиннаго не признаетъ, потому что хотя нынѣшняя государыня царица и христіанка, но когда государя не будетъ, а царевичъ Петръ Петровичъ будетъ царствовать, и въ то время она царица сообщится съ иноземцами и будетъ отъ нихъ христіанамъ спона (вредъ), потому что она не здѣшней породы; а то все выписывалъ и на присягѣ подписалъ онъ одинъ, а пришелъ съ тѣмъ явиться, чтобъ пострадать за слово Христово.» Послѣ тройнаго розыска Докукинъ былъ колесованъ [149].

Московскій розыскъ кончился. Петръ спѣшилъ въ Петербургъ, потому что скоро долженъ былъ начаться по близости Аландскій конгрессъ. 11 марта царица Екатерина писала въ Петербургъ Меншикову изъ Преображенскаго: «Прошу, прикажите очистить для царевича Алексѣя Петровича дворъ бывшій Шелтинговъ, гдѣ стоялъ шведскій шаутбенахтъ, и, что испорчено, велите починить и полы вымыть и вычистить; также прикажите осмотрѣть дворъ и вычистить хоромы царевны Марьи Алексѣевны [150].» Свѣтлѣйшій князь долженъ былъ сильно радоваться ходу дѣла въ Москвѣ: враги его, Кикинъ, Долгорукій попались. Царь, раздраженный на враговъ Меншикова, естественно станетъ милостивѣе къ нему. Одно безпокоило Меншикова: какое тяжкое впечатлѣніе произведетъ все это дѣло на царя, а извѣстно было, какъ эти впечатлѣнія отражаются на разстроенномъ уже его здоровьѣ. Меншиковъ писалъ Екатеринѣ: «Хотя я твердо уповаю, что ваше величество его царское величество отъ приключившейся печали (которая, по волѣ Божіей, отъ злодѣевъ, или отъ сыновъ дьявольскихъ, наступила) отвлекать изволите, однакоже чрезъ сіе всемилостивѣйшую нашу мать государыню слезно умоляю, дабы отъ оной его царское величество отвращать, и ни малаго сокрушенія, отъ чего, какъ сами ваше величество довольно изволите разсудить, что нималой пользы, кромѣ непотребнаго его величеству здравія и тяжкаго вреда, допускать изволили, такожъ и себя о томъ и ниже какому сумнѣнію отдавать, но превысокомудрымъ своимъ разсужденіямъ все оное уничтожить. Слава Богу, что оный крыющійся огнь по Его, сотворшаго насъ къ вашему величеству человѣколюбивой милости, ясно открылся, которой уже нынѣ, съ помощію Божіею, весьма искоренить и оное злое запаленіе погашеніемъ истребить возможно, о чемъ паки всенижайшій ваше величество прошу, дабы какъ его величество, такъ и себя не точію какому сокрушенію, ниже мнѣнію отдавать изволили, но положить оное въ Его святую волю [151].»

18 марта царь отправился въ Петербургъ. Царевичъ былъ съ нимъ и ничто еще въ это время не предвѣщало страшной развязки его дѣла: онъ жилъ однимъ желаніемъ увидѣться съ Афросиньею и жениться на ней, о чемъ въ Свѣтлый праздникъ умолялъ царицу, упавъ ей въ ноги. Въ половинѣ апрѣля Афросинья пріѣхала въ Петербургъ. Она была допрошена и показала, что

царевичъ въ Эренбергѣ писалъ письма порусски, писалъ къ цесарю съ жалобами на государя; говорилъ ей, что въ войскѣ русскомъ бунтъ, объ этомъ пишутъ въ газетахъ; что около Москвы волненіе — это изъ прямыхъ писемъ. Слыша о смутѣ, царевичъ радовался, говорилъ: «Авось либо Богъ дастъ намъ случай съ радостью возвратиться.» Изъ Неаполя также царевичъ часто писалъ цесарю жалобы на отца; а передъ пріѣздомъ Толстаго писалъ къ архіерею письмо порусски; а первыя письма писалъ къ двумъ архіереямъ не въ крѣпости Эренбергѣ, а еще на квартирѣ. Прочтя въ газетахъ, что меньшой царевичъ боленъ, говорилъ ей: «Вотъ видишь, что̀ Богъ дѣлаетъ: батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ свое!» Говорилъ, что ушелъ отъ того, будто государь искалъ всячески, чтобъ ему живу не быть; сказывалъ ему Кикинъ, будто онъ слыхалъ, какъ о томъ говорилъ государю князь Василій Долгорукій. Говорилъ о *сенатахъ:* «Хотя батюшка и дѣлаетъ, что̀ хочетъ, только какъ еще сенаты похотятъ; чаю, сенаты и не сдѣлаютъ, что хочетъ батюшка. Письмо къ архіереямъ писалъ для того, чтобъ въ Петербургѣ ихъ подметывать, а иныя и архіереямъ подавать. Говаривалъ: «Я старыхъ всѣхъ переведу, и изберу себѣ новыхъ по своей волѣ; когда буду государемъ, буду жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставлю простымъ городомъ; корабли держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу, буду довольствоваться старымъ владѣньемъ, зиму буду жить въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ.» Читая въ газетахъ о какихъ-нибудь видѣніяхъ, или извѣстія, что въ Петербургѣ тихо и спокойно, говаривалъ, что видѣнія и тишина не даромъ: «Можетъ быть отецъ мой умретъ, или бунтъ будетъ; отецъ мой, не знаю, за что меня не любитъ, и хочетъ наслѣдникомъ сдѣлать брата моего, а онъ еще младенецъ, и надѣется отецъ мой, что жена его, моя мачиха, умна; и когда, сдѣлавши это, умретъ, то будетъ бабье царство! И добра не будетъ, и будетъ смятеніе: иные станутъ за брата, а иные за меня.» Когда Толстой пріѣхалъ въ Неаполь, то царевичъ хотѣлъ изъ цесарской протекціи уѣхать къ папѣ Римскому, но Афросинья его удержала. Когда уже рѣшился ѣхать къ отцу, отдалъ ей письма черныя, которыя писалъ къ цесарю съ жалобами на отца и велѣлъ ихъ сжечь; а когда еще тѣ письма не были сожены, приходилъ къ царевичу секретарь вицероя неаполитанскаго, и царе-

вичъ изъ тѣхъ писемъ сказывалъ ему нѣкоторыя слова понѣмецки, и онъ секретарь записывалъ и написалъ одинъ листъ, а писемъ было всѣхъ листовъ съ пять.»

Эти показанія дали другой оборотъ дѣлу. Царевичу были выставлены неполнота и неправильность его прежнихъ показаній. Алексѣй далъ дополнительныя показанія, указалъ извѣстныя намъ лица, къ нему расположенныя, на которыхъ онъ надѣялся. Петръ спрашивалъ сына: «Когда слышалъ, будто бунтъ въ Мекленбургіи въ войскѣ, радовался и говорилъ: Богъ не такъ дѣлаетъ, какъ отецъ мой хочетъ: а когда радовался, то, чаю, не безъ намѣренія было: ежелибъ впрямь то было, то, чаю, и присталъ бы къ онымъ бунтовщикамъ и при мнѣ?» — Алексѣй отвѣчалъ: «Когдабъ дѣйствительно такъ было, бунтъ въ Мекленбургіи, и прислали бы по меня, то бы я съ ними поѣхалъ; а безъ присылки поѣхалъ ли, или нѣтъ, прямо не имѣлъ намѣренія; а паче и опасался безъ присылки ѣхать. А чаялъ быть присылкѣ по смерти вашей, для того, что писано, что хотѣли тебя убить, и чтобъ живаго тебя отлучили, не чаялъ. А хотя бъ и при живомъ прислали, когда бъ они сильны были, то бъ могъ и поѣхать.»

Все было сказано. Передъ Петромъ не былъ сынъ, неспособный и сознающій свою неспособность, бѣжавшій отъ принужденія къ дѣятельности и возвратившійся съ тѣмъ, чтобъ погребсти себя въ деревнѣ съ женщиною, къ которой пристрастился. Передъ Петромъ былъ наслѣдникъ престола, твердо опиравшійся на свои права и на сочувствіе большинства русскихъ людей, радостно прислушивавшійся къ слухамъ о замыслахъ, имѣвшихъ цѣлію гибель отца, готовый воспользоваться возмущеніемъ, еслибы даже отецъ и былъ еще живъ, лишь бы возмутившіеся были сильны. Но этого мало: програма дѣятельности по занятіи отцовскаго мѣста уже начертана: близкіе къ отцу люди будутъ замѣнены другими, все пойдетъ наоборотъ, все, что стоило отцу такихъ трудовъ, все, изъ-за чего подвергался онъ такимъ бѣдствіямъ, и наконецъ получилъ силу и славу для себя и для государства, все это будетъ ниспровергнуто, причемъ, разумѣется, не будетъ пощады второй женѣ и дѣтямъ отъ нея. Надобно выбирать: или онъ, или они? или преобразованная Россія въ рукахъ человѣка, сочувствующаго преобразованію, готоваго далѣе вести дѣло, или видѣть эту Россію въ рукахъ человѣка, который

съ своими Досиѳеями будетъ съ наслажденіемъ истреблять память великой дѣятельности. Надобно выбирать; средняго быть не можетъ, ибо заявлено, что клобукъ не гвоздемъ будетъ къ головѣ прибитъ. Для блага общаго надобно пожертвовать недостойнымъ сыномъ; надобно однимъ ударомъ уничтожить всѣ преступныя надежды. Но казнить роднаго сына! Сначала Петръ въ Москвѣ былъ склоненъ снисходительно смотрѣть на сына; въ немъ видно было желаніе оправдать Алексѣя чрезъ обвиненіе другихъ. Царь говорилъ Толстому: «Когда бъ не монахиня, не монахъ и не Кикинъ, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое неслыханное зло. Ой бородачи! многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами. Богъ сердцевѣдецъ и судья вѣроломцамъ. Я хотѣлъ ему блага, а онъ всегдашній мой противникъ.» Толстой отвѣчалъ: «Кающемуся и повинующемуся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуха.» — «Не будутъ летать, скоро, скоро!» сказалъ на это Петръ.

Но въ Петербургѣ, послѣ показаній Афросиньи и новыхъ признаній царевича, расположеніе перемѣнилось. Тяжко было положеніе Петра при страшномъ выборѣ: «Страдаю, а все за отечество, желая ему полезное; враги пакости мнѣ дѣютъ демонскія; труденъ разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе невѣдомо, Богъ зритъ правду [152].» Петръ не рѣшился на выборъ, не рѣшился быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, особенно когда онъ далъ сыну обѣщаніе простить его; онъ созвалъ знатнѣйшее духовенство, министровъ, сенаторовъ, генералитетъ и далъ имъ, 13 іюня, слѣдующее объявленіе; духовенству: «Понеже вы нынѣ уже довольно слышали о малослыханномъ въ свѣтѣ преступленіи сына моего противъ насъ, яко отца и государя своего, и хотя я довольно власти надъ онымъ по божественнымъ и гражданскимъ правамъ имѣю, а особливо по правамъ Россійскимъ (которыя судъ между отца и дѣтей и у партикулярныхъ людей весьма отмещутъ), учинить за преступленіе по волѣ моей, безъ совѣта другихъ; однакожь боюсь Бога, дабы не погрѣшить: ибо натурально есть, что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другіе въ ихъ. Такожъ и врачи: хотябъ и всѣхъ искуснѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лѣчить, но призываетъ другихъ. Подобнымъ образомъ и мы сію болѣзнь свою вручаемъ вамъ, прося лѣченія оной, боясь вѣчныя смерти. Ежелибъ одинъ

самъ оную лѣчилъ, иногда бы, не познавъ силы въ своей болѣзни, а наипаче въ томъ, что я, съ клятвою суда Божія, письменно обѣщалъ оному своему сыну прощеніе и потомъ словесно подтвердилъ, ежели истинно скажетъ. Но хотя онъ сіе и нарушилъ утайкою наиважнѣйшихъ дѣлъ, и особливо замыслу своего бунтовнаго противъ насъ, яко родителя и государя своего; но однакожъ, дабы не погрѣшить въ томъ, и хотя его дѣло не духовнаго, но гражданскаго суда есть, которому мы оное на осужденіе безпохлѣбное, чрезъ особливое объявленіе, нынѣ же предали; однакожъ мы, желая всякаго о семъ извѣстія и воспоминая слово Божіе, гдѣ увѣщеваетъ въ такихъ дѣлахъ вопрошать и чина священнаго о законѣ Божіи, какъ написано во главѣ 17 Второзаконія, желаемъ и отъ васъ, архіереевъ и всего духовнаго чина, яко учителей слова Божія, не издадите каковый о семъ декретъ, но да взыщете и покажете о семъ отъ св. писанія намъ истинное наставленіе и разсужденіе, какого наказанія сіе богомерзкое и Авессаломову прикладу уподобляющееся намѣреніе сына нашего, по божественнымъ заповѣдямъ и прочимъ св. писанія прикладамъ и по законамъ, достойно. И то намъ дать за подписаніемъ рукъ своихъ на письмѣ, дабы мы, изъ того усмотря, неотягченную совѣсть въ семъ дѣлѣ имѣли. Въ чемъ мы на васъ, яко по достоинству блюстителей божественныхъ заповѣдей и вѣрныхъ пастырей Христова стада и доброжелательныхъ отечествія, надѣемся и судомъ Божіимъ и священствомъ вашимъ заклинаемъ, да безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія въ томъ поступите.» Объявленіе свѣтскимъ особамъ разнилось отъ приведеннаго только окончаніемъ: «Прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, чему достойно, не ѳлатируя (или не похлебуя) мнѣ и не опасаясь того, что ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, и когда вы такъ учините осужденіемъ, чтобъ мнѣ противно было, въ чемъ вамъ клянуся самимъ Богомъ и судомъ Его, что въ томъ отнюдь не опасайтеся, такожъ и не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко государя вашего, сына; но несмотря на лице, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно!»

18 іюня духовенство представило свое разсужденіе: выписавши примѣры и правила изъ Ветхаго и Новаго Завѣта относитель-

но обязанности дѣтей къ родителямъ, оно заключило: «Вся же сія превысочайшему монаршескому разсужденію съ должнымъ покореніемъ предлагаемъ, да сотворитъ Господь, что̀ есть благоугодно предъ очима его: аще по дѣломъ и по мѣрѣ вины восхощетъ наказати падшаго, имать образцы, яже отъ Ветхаго Завѣта выше приведохомъ; аще благоизволитъ помиловати, имать образъ самого Христа, который блуднаго сына кающагося воспріятъ, жену, въ прелюбодѣяніи яту и каменіемъ побіенія по закону достойную, свободну отпусти, милость паче жертвы превознесе. Милости, рѣче, хощу, а не жертвы. И усты апостола своего рече: милость хвалится на судѣ. Имать образецъ и Давида, который гонителя своего, сына Авессалома, хотяше пощадѣти: ибо вождямъ своимъ, хотящимъ на брань противу Авессалому изыти, глаголаше: пощадите ми отрока моего Авессалома. И отецъ убо пощадѣти хотяше, но само правосудіе Божіе не пощадило есть того. Кратко рекше: сердце царево въ руцѣ Божіи есть. Да изберетъ тую часть, аможе рука Божія того преклоняетъ.» Подписались: Стефанъ, митрополитъ Рязанскій; епископы: Ѳеофанъ Псковской, Алексій Сарскій, Игнатій Суздальскій, Варлаамъ Тверской, Ааронъ Корѣльскій; два греческихъ митрополита: Ставропольскій Іоанникій и Ѳиваидскій Арсеній; четыре архимандрита, два іеромонаха. — Было ясно, что духовенство указывало на прощеніе, выставляя тутъ примѣръ наивысшій, примѣръ Спасителя; но духовенство не заблагоразсудило ничего сказать на счетъ обѣщанія, даннаго царемъ сыну, тогда какъ на основаніи этого обѣщанія царевичъ возвратился, и Петръ именно указывалъ на обѣщаніе свое, требуя очищенія совѣсти.

Свѣтскіе чины, приглашенные опредѣлить наказаніе, хотѣли уяснить для себя преступленіе. Имъ нужно было прежде всего удостовѣриться, дѣйствительно ли Алексѣй виновенъ въ возмутительныхъ замыслахъ противъ отца-государя. Для этого царевичъ 17 іюня приведенъ былъ изъ крѣпости (гдѣ уже содержался съ 14 іюня) въ Сенатъ. Здѣсь Алексѣй показалъ, что цесарскій резидентъ Плейеръ писалъ къ имперскому вице-канцлеру, графу Шёнборну въ Вѣну: призывалъ его Плейера Абрамъ Лопухинъ и спрашивалъ, гдѣ обрѣтается нынѣ царевичъ и есть ли объ немъ вѣдомость? при чемъ объявилъ: за царевича здѣсь стоятъ и заворашиваются уже кругомъ Москвы, потому что объ немъ раз-

ныхъ вѣдомостей много. Плейерово письмо было приложено къ письму графа Шёнборна къ царевичу; Алексѣй, прочтя письмо, сжегъ его, и когда говорилъ Афросиньѣ о вѣстяхъ отъ Плейера, то объ Абрамѣ Лопухинѣ промолчалъ. Потомъ царевичъ объявилъ, что надѣялся на чернь, слыша отъ многихъ, что его въ народѣ любятъ, именно отъ Сибирскаго царевича, отъ Дубровскаго, Никифора Вяземскаго и отъ духовника Якова, который ему говаривалъ, что его въ народѣ любятъ и пьютъ про его здоровье, называютъ его надеждою Россійскою. Потомъ отведя въ сторону князя Меншикова, Шафирова, Толстаго и генерала Бутурлина, царевичъ сказалъ имъ: «Я имѣлъ надежду на тѣхъ людей, которые старину любятъ, такъ какъ Тихонъ Никитичъ (Стрѣшневъ); я познавалъ ихъ изъ разговоровъ, когда съ ними говаривалъ, и они старину хваливали; а больше ему въ томъ подали надежду слова князь Василья Долгорукаго: «давай отцу своему писемъ отрицательныхъ отъ наслѣдства сколько онъ хочетъ;» къ тому же говорилъ мнѣ, что я умнѣе отца моего, и что отецъ мой хотя и уменъ, только людей не знаетъ, а я умныхъ людей знать буду лучше. На архіерея Рязанскаго надѣялся по предикѣ, видя его склонность къ себѣ. А о Петербургѣ пьяный говаривалъ: когда зашли далеко въ Копенгагенъ, то чтобъ не потерять какъ Азова.»

19 іюня Алексѣя пытали, дано ему 25 ударовъ. Онъ объявилъ: на кого онъ въ прежнихъ своихъ повинныхъ написалъ и предъ сенаторами сказалъ, то все правда, ни на кого не затѣялъ и никого не утаилъ. При этомъ дополнилъ: какъ былъ у него въ Петербургѣ духовникъ его Яковъ Игнатьевъ, и на исповѣди онъ сказалъ ему, Якову: «Я желаю отцу своему смерти;» и духовникъ отвѣчалъ: «Богъ тебя проститъ; мы и всѣ желаемъ ему смерти.» Также будучи теперь въ Москвѣ, духовнику своему Варлааму на исповѣди сказалъ, что отцу своему въ повинныхъ сказалъ не все и желалъ отцу своему смерти. Варлаамъ отвѣчалъ: «Богъ тебя проститъ; а надобно тебѣ отцу своему правду сказать.» Яковъ Игнатьевъ на пыткѣ подтвердилъ слова царевича. Абрамъ Лопухинъ показалъ: «Сошедшись съ Плейеромъ на дорогѣ, я спросилъ его: гдѣ теперь царевичъ, не у васъ ли? Плейеръ отвѣчалъ: въ Цесаріи у насъ. Я сказалъ: чаю, царевича не оставятъ тамъ; а у насъ много тужатъ объ немъ и не безъ замѣшанія будетъ въ народѣ. И тѣ слова сказалъ я со словъ Казанскаго ландра-

та Акинѳіева, который говорилъ: «Можетъ быть, что цесарь его не оставитъ; а въ народѣ многіе объ немъ сожалѣютъ, и правда, у насъ на Низу въ народѣ будетъ не безъ замѣшанія.» Сибирскій царевичь говорилъ мнѣ: «По отъѣздѣ царевича отсюда въ чужіе края были здѣсь слезы превеликія: князь Яковъ Ѳедоровичь Долгорукій такъ по немъ плакалъ, что затрясся.» Когда я былъ въ домѣ вице-адмирала Крейца и пришла вѣдомость, что царевичь у цесаря, то вице-адмиралъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Тамъ ему будетъ не худо.» Князь Иванъ Львовъ, бывши у меня въ домѣ, радовался, что царевичь отъѣхалъ къ цесарю: «Тамъ, говорилъ Львовъ, сыскалъ онъ мѣсто изрядное и цесарь его не оставитъ; еслибъ мнѣ былъ случай отлучиться отсюда, я бы его тамъ сыскалъ.» Князь Иванъ Львовъ показалъ: «Въ домѣ Абрама Лопухина былъ я, по призыву, пять или шесть разъ, и о царевичѣ разговаривали, когда еще не было слуха объ отъѣздѣ его къ цесарю. Абрамъ говорилъ: «Поѣхалъ царевичь къ отцу: что̀ отецъ съ нимъ будетъ дѣлать?» Я отвѣчалъ: «Что съ нимъ дѣлать? Будетъ по прежнему въ полку поручикомъ». — «Не постригутъ ли его тамъ?» спросилъ Абрамъ. Я разсмѣялся: «Кому тамъ его постригать? И монастырей тамъ нѣтъ.» — «Не убили бъ его; безлюдно ѣдетъ,» сказалъ Абрамъ. Я отвѣчалъ: «Тамъ не только такой знатной персонѣ, но когда и я ѣзжалъ на почтахъ одинъ, страху не было.»

22 іюня Толстой получилъ записку отъ царя: «Сегодня, послѣ обѣда, съѣзди (въ крѣпость) и спроси (у царевича) и запиши не для розыску, но для вѣдѣнія:» 1) Что причина, что не слушалъ меня и ни мало ни въ чемъ не хотѣлъ дѣлать того, что мнѣ надобно, и ни въ чемъ не хотѣлъ угодное дѣлать; а вѣдалъ, что сіе въ людяхъ не водится, также грѣхъ и стыдъ? 2) Отъ чего такъ безстрашенъ былъ и не опасался за непослушаніе наказанія? 3) Для чего иною дорогою, а не послушаніемъ, хотѣлъ наслѣдства (какъ я говорилъ ему самъ), и о прочемъ, что къ сему подлежитъ, спроси.»

Толстой спросилъ; царевичь отвѣчалъ: 1) Моего къ отцу моему не послушанія и что не хотѣлъ того дѣлать, что ему угодно, хотя и вѣдалъ, что того въ людехъ не водится и что то грѣхъ и стыдъ, причина та, что со младенчества моего нѣсколько жилъ съ мамою и съ дѣвками, гдѣ ничему иному не обучился, кромѣ

избныхъ забавъ, и больше научился ханжить, къ чему я и отъ натуры склоненъ; а потомъ когда меня отъ мамы взяли, также съ тѣми людьми, которые тамо при мнѣ были, а имянно Никифоръ Вяземскій, Алексѣй да Василій Нарышкины; и отецъ мой, имѣя о мнѣ попеченіе, чтобъ я обучился тѣмъ дѣламъ, которыя пристойны къ царскому сыну, также велѣлъ мнѣ учиться нѣмецкаго языку и другимъ наукамъ, что мнѣ было зѣло противно, и чинилъ то съ великою лѣностію, только бъ чтобы время въ томъ проходило, а охоты къ тому не имѣлъ. А понеже отецъ мой часто тогда былъ въ воинскихъ походахъ, а отъ меня отлучался, того ради приказалъ ко мнѣ имѣть присмотръ свѣтлѣйшему князю Меншикову; и когда я при немъ бывалъ, тогда принужденъ былъ обучаться добру; а когда отъ него былъ отлученъ, тогда вышеупомянутые Вяземскій и Нарышкины, видя мою склонность ни къ чему иному, только чтобъ ханжить и конверсацію имѣть съ попами и чернцами и къ нимъ часто ѣздить и подпивать, а въ томъ мнѣ не токмо претили, но и сами тожъ со мною охотно дѣлали. А понеже они отъ младенчества моего при мнѣ были, и я обыклъ ихъ слушать и бояться и всегда имъ угодное дѣлать, а они меня больше отводили отъ отца моего и утѣшали вышеупомянутыми забавами; и по малу не токмо дѣла воинскія и прочія отъ отца моего дѣла, но и самая его особа зѣло мнѣ омерзѣла, и для того всегда желалъ отъ него быть въ отлученіи. А когда уже было мнѣ приказано въ Москвѣ государственное правленіе въ отсутствіи отца моего, тогда я, получа свою волю (хотя я и зналъ, что мнѣ отецъ мой то правленіе вручилъ, приводя меня по себѣ къ наслѣдству), и въ бо́льшія забавы съ попами и съ чернцами и съ другими людьми впалъ. Къ тому жъ моему непотребному обученію великій помощникъ былъ мнѣ Александръ Кикинъ, когда при мнѣ случался. А потомъ отецъ мой, милосердуя о мнѣ и хотя меня учинить достойна моего званія, послалъ меня въ чужіе краи; но и тамо я, уже въ возрастѣ будучи, обычая своего не премѣнилъ; и хотя мнѣ бытность моя въ чужихъ краяхъ учинила нѣкоторую пользу, однакожь вкорененныхъ во мнѣ вышеписанныхъ непотребствъ вовсе искоренить не могла. 2) А что я былъ безстрашенъ и не боялся за непослушаніе отъ отца своего наказанія, и то происходило ни отъ чего иного, токмо отъ моего злонравія (какъ самъ истинно признаю):

понеже хотя и имѣлъ я отъ отца моего страхъ, однакожь не такой, какъ надлежитъ сыну имѣть, но токмо, чтобъ отъ него отдалиться и воли его не исполнить. 3) А для чего я иною дорогою, а не послушаніемъ хотѣлъ наслѣдства, то можетъ всякъ легко разсудить, что я уже когда отъ прямой дороги вовсе отбился и не хотѣлъ ни въ чемъ отцу моему послѣдовать, то какимъ же было инымъ образомъ искать наслѣдства, кромѣ того, какъ я дѣлалъ и хотѣлъ оное получить чрезъ чужую помощь? И ежели бъ до того дошло, и цесарь бы началъ то производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщалъ, и вооруженною рукою доставить меня короны Россійской, тобъ я тогда, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства, а имянно: ежели бы цесарь за то пожелалъ войскъ Россійскихъ въ помощь себѣ противъ какова-нибудь своего непріятеля, или бы пожелалъ великой суммы денегъ, тобъ я все по его волѣ учинилъ, также и министрамъ его и генераламъ далъ бы великіе подарки. А войска его, которыя бы мнѣ онъ далъ въ помощь, чѣмъ бы доступать короны Россійской, взялъ бы я на свое иждивеніе, и однимъ словомъ сказать: ничего бы не жалѣлъ, только чтобы исполнить въ томъ свою волю.»

24 іюня была вторая пытка: дано 15 ударовъ. Алексѣй сказалъ, что все объявленное имъ прежде справедливо, никого не поклепалъ и никого не утаилъ; прибавилъ: учитель Вяземскій въ разговорахъ съ нимъ, говаривалъ: «Степанъ Бѣляевъ съ пѣвчими при отцѣ твоемъ поютъ: Богъ идѣже хощетъ, побѣждается естества чинъ, и тому подобные стихи; а то все поютъ, маня отцу твоему; а ему то и любо, что его съ Богомъ равняютъ. А о Рязанскомъ (Стефанѣ Яворскомъ) отъ многихъ слыхалъ, да и Ѳедоръ Дубровской ему говорилъ, что Рязанскій къ тебѣ добръ и твоей стороны и весь онъ твой. Къ Кіевскому митрополиту онъ, царевичь письмо писалъ, чтобъ тамъ привесть къ возмущенію тамошній народъ; а дошло ль оно до его рукъ, не знаетъ.

24 іюня состоялся приговоръ суда: «Сенатъ и стану воинскаго и гражданскаго, по нѣколикократномъ собраніи, по здравому разсужденію и по христіанской совѣсти, не посягая и не похлѣбствуя и несмотря на лица, по предшествующимъ голосамъ, единогласно и безъ всякаго прекословія, согласились и приговорили, что онъ, царевичь Алексѣй, за вcѣ вины свои и преступленія главныя противъ государя и отца своего, яко сынъ и под-

данный его величества, достоинъ смерти: потому что хотя его царское величество ему царевичу въ письмѣ своемъ обѣщалъ прощеніе въ побѣгѣ его, ежели добровольно возвратится; но какъ онъ и того себя тогда жъ недостойна сочинилъ, о томъ довольно объявлено въ выданномъ отъ царскаго величества прежнемъ манифестѣ, и имянно, что онъ поѣхалъ недобровольно. И хотя его царское величество, милосердствуя о немъ, сынѣ своемъ, родительски, при данной ему на пріѣздѣ съ повинною на Москвѣ 3 числа февраля аудіенціи, обѣщалъ прощеніе и во всѣхъ его преступленіяхъ, однакожъ то учинить изволилъ предъ всѣми съ такимъ яснымъ выговоромъ, что ежели онъ, царевичь, все то, что онъ по то число противнаго противъ его величества дѣлалъ или умышлялъ и о всѣхъ особахъ, которыя ему въ томъ были совѣтниками и сообщниками, или о томъ вѣдали, безъ всякой утайки объявитъ; а ежели что или кого-нибудь утаитъ, то обѣщанное прощеніе не будетъ ему въ прощеніе; что онъ, повидимому, тогда принялъ съ благодарными слезами, обѣщалъ клятвенно все безъ утайки объявить, и то потомъ и крестнымъ и св. Евангелія цѣлованіемъ въ соборной церкви утвердилъ. Но онъ, царевичь, на то въ отвѣтномъ и повинномъ своемъ письмѣ отвѣтствовалъ весьма неправдиво, и не токмо многія особы, но и главнѣйшія дѣла и преступленія, а особливо умыслъ свой бунтовный противъ отца и государя своего и намѣренный изъ давныхъ лѣтъ подыскъ и произыскиваніе къ престолу отеческому и при животѣ его, чрезъ разные коварные вымыслы и притворы, и надежду на чернь, и желаніе отца и государя своего скорой кончины утаилъ; по которымъ его царевичевымъ всѣмъ поступкамъ и изустнымъ и письменнымъ объявленіямъ и по послѣднему отъ 22 іюня сего году собственноручному письму явно, что онъ, царевичь, не хотѣлъ съ воли отца своего наслѣдства прямою и отъ Бога опредѣленною дорогою и способы, по кончинѣ отца своего государя, получить; но, чиня ему все въ противность, намѣренъ былъ противъ воли его величества по надеждѣ своей, не токмо чрезъ бунтовщиковъ, но и чрезъ чужестранную цесарскую помощь и войска, которые онъ уповалъ себѣ получить, и съ разореніемъ всего государства и отлученіемъ отъ онаго того, чего бъ отъ него зато не пожелали, и при животѣ государя отца своего достигнуть. И явно по всему тому, что онъ для то-

го весь свой умыслъ и многія ему въ томъ согласующіяся особы таилъ до послѣдняго розыску и явнаго обличенія въ намѣреніи такомъ, чтобъ и впредь то богомерзкое дѣло противъ государя отца своего и всего государства, при первомъ способномъ случаѣ, въ самое дѣло производить. И тѣмъ всѣмъ царевичь себя весьма недостойна того милосердія и обѣщаннаго прощенія государя отца своего учинилъ, что и самъ онъ, какъ въ прибытіи отца своего государя, при всемъ вышеупомянутомъ всѣхъ чиновъ духовныхъ и мірскихъ и всенародномъ собраніи, призналъ, такъ и потомъ, при опредѣленныхъ отъ его величества нижеподписавшихся судьяхъ, и изустно и письменно объявилъ. И такъ по выписаннымъ, божественнымъ, церковнымъ, гражданскимъ и воинскимъ правамъ, которыя два послѣднія, а именно гражданскія и военныя, не токмо за такое уже чрезъ письмо и дѣйствительные происки противъ отца и государя, но хотя бъ токмо противъ государя своего, за одно помышленіе бунтовное, убивственное, или подъисканіе къ государствованію, казнь смертную безъ всякой пощады опредѣляютъ, коль же паче сіе сверхъ бунтовнаго, мало прикладное въ свѣтѣ, богомерзкое, двойное, родителей убивственное намѣреніе, а имянно въ началѣ на государя своего, яко отца отечествія, и по естеству на родителя своего милостивѣйшаго таковую смертную казнь заслужилъ. Хотя сей приговоръ мы, яко раби и подданніи, съ сокрушеніемъ сердца и слезъ изліяніемъ изрекаемъ, въ разсужденіи, что намъ яко самодержавной власти подданнымъ, въ такой высокій судъ входить, а особливо на сына самодержавнаго всемилостивѣйшаго царя и государя своего оный изрекать не достоило было; но однакожь по волѣ его то симъ свое истинное мнѣніе и осужденіе объявляемъ съ такою чистою и христіанскою совѣстію, какъ уповаемъ непостыдно въ томъ предстать предъ страшнымъ, праведнымъ и нелицемѣрнымъ судомъ всемогущаго Бога, подвергая впрочемъ сей нашъ приговоръ и осужденіе въ самодержавную власть, волю и милосердое разсмотрѣніе его царскаго величества всемилостивѣйшаго монарха.» Подписали: Князь Меншиковъ, графъ Апраксинъ (генералъ-адмиралъ), графъ Головкинъ (канцлеръ), князь Яковъ Долгорукій, графъ Мусинъ-Пушкинъ, Тихонъ Стрѣшневъ, графъ Петръ Апраксинъ (сенаторъ), Петръ Шафировъ, Петръ Толстой, князь Дмитрій Голицынъ, генералъ Адамъ Вейде, генералъ Иванъ

Бутурлинъ, графъ Андрей Матвѣевъ, князь Петръ Голицынъ (сенаторъ), Михайла Самаринъ (сенаторъ), генералъ Григорій Чернышевъ, генералъ Иванъ Головинъ, генералъ князь Петръ Голицынъ, ближній стольникъ князь Иванъ Ромодановскій, бояринъ Алексѣй Салтыковъ, князь Матвѣй Гагаринъ (Сибирскій губернаторъ), бояринъ Петръ Бутурлинъ, Кирилла Нарышкинъ (Московскій губернаторъ), и еще сто три человѣка менѣе высокихъ чиновъ. [153]

Въ «записной книгѣ С.-Петербургской гварнизонной канцеляріи» читается: «26 іюня по полуночи въ 8 часу начали сбираться въ гварнизонъ его величество, свѣтлѣйшій князь, князь Яковъ Ѳедоровичь (Долгорукій), Гаврило Ивановичь (Головкинъ), Ѳедоръ Матвѣевичь (Апраксинъ), Иванъ Алексѣевичь (Мусинъ-Пушкинъ), Тихонъ Никитичь (Стрѣшневъ), Петръ Андреевичь (Толстой), Петръ Шафировъ, генералъ Бутурлинъ; и учиненъ былъ застѣнокъ, и потомъ, былъ въ гварнизонѣ до 11 часа, разъѣхались. Того жъ числа по полудни въ 6-мъ часу, будучи подъ карауломъ въ Трубецкомъ раскатѣ въ гварнизонѣ; царевичь Алексѣй Петровичь преставился.» 30 іюня царевичь былъ похороненъ въ Петропавловскомъ соборѣ въ одномъ мѣстѣ съ женою, въ присутствіи царя и царицы.

Петръ, въ рескриптахъ къ заграничнымъ министрамъ своимъ, такъ велѣлъ описать кончину сына: послѣ объявленія сентенціи суда царевичу «мы яко отецъ боримы были натуральнымъ милосердія подвигомъ съ одной стороны, попеченіемъ же должнымъ о цѣлости и впредь будущей безопасности государства нашего съ другой, и не могли еще взять въ семъ зѣло многотрудномъ и важномъ дѣлѣ своей резолюціи. Но всемогущій Богъ, восхотѣвъ чрезъ собственную волю и праведнымъ Своимъ судомъ по милости Своей насъ отъ такого сумнѣнія, и домъ нашъ и государство отъ опасности и стыда свободити, пресѣкъ вчерашняго дня (писано іюня 27-го) его, сына нашего Алексѣя животъ, по приключившейся ему, по объявленіи оной сентенціи и обличеніи его толь великихъ противъ насъ и всего государства преступленій, жестокой болѣзни, которая вначалѣ была подобна апоплексіи. Но хотя потомъ онъ и паки въ чистую память пришелъ и по должности христіанской исповѣдался и причастился Св. Таинъ, и насъ къ себѣ просилъ, къ которому мы, презрѣвъ всѣ досады его, со

всѣми нашими здѣ сущими министры и сенаторы пришли, и онъ чистое исповѣданіе и признаніе тѣхъ всѣхъ своихъ преступленій противъ насъ со многими покаятельными слезами и раскаяніемъ намъ принесъ, и отъ насъ въ томъ прощенія просилъ, которое мы ему, по христіанской и родительской должности, и дали; и тако онъ сего іюня 26, около 6 часовъ по полудни, жизнь свою христіански скончалъ.»[154]

Но понятно, что при такихъ обстоятельствахъ дѣла оффиціальнымъ изложеніемъ его не довольствовались. До насъ дошли два другихъ подробныхъ изложенія его, одно иностранное [155], которое говоритъ, что царевичъ былъ отравленъ, другое русское, [156] утверждающее, что онъ былъ задушенъ подушками; въ обоихъ авторы разсказа присутствовали при событіи! Взглянемъ, какъ оно отразилось и въ народѣ, что можемъ узнать изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцеляріи. Въ 1721 году попъ Игнатій говорилъ: «Слышалъ онъ, что въ С.-Петербургѣ государь собралъ въ Сенатъ архіереевъ и другихъ многихъ людей и говорилъ, чтобъ дать судъ на царевича за непослушаніе, и тогда жъ въ ту палату вошелъ царевичъ, не снялъ шапки передъ государемъ и сказалъ: что мнѣ, государь батюшка, съ тобою судиться? я завсегда передъ тобою виноватъ, и пошелъ вонъ, а государь молвилъ: смотрите отцы святіи, такъ ли дѣти отцовъ почитаютъ! И пріѣхалъ государь въ свой домъ, царевича билъ дубиною, и отъ тѣхъ побоевъ царевичъ и умеръ. Царя дважды хотѣли убить, да не убьютъ: сказываютъ ему про то нечистые духи [157].» Въ одномъ изъ дѣлъ того же года записаны слова столяра Королька: «Пока государь здравствуетъ, по то время и государыня царица жить будетъ; а ежели его, государя не станетъ, тогда государыни царицы и свѣтлѣйшаго князя Меншикова и духъ не помянется, того для что и нынѣ уже многіе великому князю (Петру Алексѣевичу) сказываютъ, что по ея государыни царицы наговору, государь царевича своими руками забилъ кнутомъ до смерти; а наговорила она государыня царица государю такъ: какъ тебя не станетъ, а мнѣ отъ твоего сына и житья не будетъ; и государь, послушавъ ее, билъ его царевича своими руками кнутомъ, и отъ того онъ, царевичъ и умеръ.» По словамъ Королька старуха Кулбасова говорила: «Чаю, вѣстимо великому князю, что батюшки его не стало. Быть было царицею свѣтлѣйшей княги

нѣ, да поспѣшила Екатерина Алексѣевна; Богъ знаетъ, какого она чина, мыла сорочки съ Чухонками; по ея наговору и царевичь умеръ; подъ часъ будто его жалѣетъ, да не какъ родная мать. Она же государю говорила: какъ царевичь сядетъ на царство, и онъ возметъ свою мать, и въ то время мнѣ отъ твоего сына и житья не будетъ. И по тѣмъ ея словамъ государь пошелъ въ застѣнокъ къ царевичу и былъ тамъ розыскъ. Государь своими руками его, царевича, билъ кнутомъ, а уже потомъ Богъ знаетъ что сдѣлалось [158].»

Православные, по смерти царевича Петра Петровича, случившейся въ 1719 году, видѣли законнаго наслѣдника въ великомъ князѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и видѣли въ немъ мстителя за смерть отцовскую. Иначе относились къ великому князю Петру раскольники. За Соликамскомъ, по рѣкѣ Тагилѣ, жили раскольники, старцы и старицы, бѣжавшіе съ Керженца; здѣсь говорилось: «Мы странствуемъ и скитаемся въ лѣсахъ, гонимы отъ еретической вѣры; роды царскіе пошли неистовы: царевна Софья была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна, сестра ея [159]. И государь Петръ Алексѣевичь такой же, сжился съ простою Шведкою, да ее за себя и взялъ, и мы за такого государя за здравіе Бога не молимъ, молимся, чтобъ онъ возвратился въ истинную вѣру. Отъ царевича Алексѣя Петровича родился царевичь отъ Шведки, съ зубами, не простъ человѣкъ. Царь ненавистникъ истинной вѣрѣ, Шведъ обмѣнный, образа пишутъ съ Шведскихъ персонъ, платье возлюбилъ Шведское, со Шведами пьетъ и ѣстъ, изъ ихъ королевства не выходитъ, и Шведъ у него въ набольшихъ; извелъ Русскую царицу и отъ себя сослалъ въ монастырь, чтобъ съ нею царевичевъ не было, и царевича Алексѣя Петровича извелъ, своими руками убилъ, для того, чтобъ ему царевичу не царствовать, и взялъ за себя Шведку, и та царица дѣтей не родитъ, и онъ сдѣлалъ указъ, чтобъ за предбудущаго государя крестъ цѣловать, и крестъ цалуютъ за Шведа, одноконечно станетъ царствовать Шведъ, либо его государевъ родственникъ, или царицы Екатерины братъ; и великій князь Петръ Алексѣевичь родился отъ Шведки съ зубами, онъ антихристъ.»

Колодники говорили: «Захотѣли вы у государя милости: онъ и сыну своему царевичу своими руками голову отсѣкъ!» Другіе говорили, что запыталъ.

Крестьяне, жалуясь на тягости, говорили, что царевичь Алексѣй Петровичь живъ и идетъ съ силою своею противъ царскаго войска подъ Кіевъ.

Въ 1723 году явился въ Псковѣ Самозванецъ, который назывался царскимъ братомъ, и раскольники толковали: явился братъ, скоро явится и царевичь Алексѣй Петровичь! Самозванецъ былъ Псковскаго Печерскаго монастыря монахъ Михайла Алексѣевъ; оказалось, что онъ раскольникъ, крестился двумя перстами; разсказывалъ, что отецъ его, царь Алексѣй Михайловичь посадилъ его на царство въ Грузинской землѣ, а потомъ служилъ въ Преображенскомъ полку генераломъ. Тогда же въ Вологодской провинціи явился самозванецъ, нищій Алексѣй Родіоновъ, Польскаго происхожденія, назвался царевичемъ Алексѣемъ. Окольные жители показали, что Родіоновъ восемь лѣтъ уже какъ осумазбродѣлъ, и въ сумазбродствѣ сжегъ дворъ свой [160].

Прошелъ мѣсяцъ послѣ кончины царевича; Петръ находился въ Ревелѣ, и оттуда, 1-го августа, съ корабля Ингерманландіи, написалъ женѣ: «Что приказывала съ Макаровымъ, что покойникъ нѣчто открылъ, — когда Богъ изволитъ васъ видѣть *); я здѣсь услышалъ такую диковинку про него, что чуть не пуще всего, что явно явилось [161].» Что такое онъ могъ услыхать про Алексѣя въ Ревелѣ? Не о сношеніяхъ ли его съ Швеціею? Есть извѣстіе, что царевичь обращался къ Гёрцу съ просьбою о Шведской помощи, и Гёрцъ уговорилъ Карла XII войти въ сношеніе съ Алексѣемъ посредствомъ Понятовскаго, пригласить его въ Швецію и обѣщать помощь, и когда Алексѣй вскорѣ послѣ того отдался Толстому и Румянцеву, то Гёрцъ жаловался, что изъ неумѣстнаго мягкосердечія упущенъ отличный случай получить выгодныя условія мира [162]. Но и послѣ до самой смерти царевича, въ Швеціи не отказывались отъ надежды воспользоваться смутою въ Россіи, все ждали здѣсь народнаго возстанія, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

---

*) Т. е. поговоримъ объ этомъ когда увидимся.

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Аландскій конгрессъ. — Смерть Карла XII и закрытіе конгресса. — Военныя дѣйствія противъ Швеціи. — Отношенія Россіи къ иностраннымъ державамъ съ 1718 по 1721 годъ. — Возобновленіе сношеній съ Швеціею. — Ништадтскіе переговоры и миръ. — Значеніе Сѣверной войны. — Петръ императоръ. — Отношенія иностранныхъ державъ къ Россіи послѣ Ништадтскаго мира. — Торжества въ Россіи.

Мы видѣли, что въ августѣ 1717 года, въ Лоо, между княземъ Куракинымъ и Гёрцемъ было положено начать мирные переговоры на Аландскихъ островахъ, при чемъ Гёрцу данъ былъ паспортъ для проѣзда чрезъ русскія владѣнія въ Швецію. Правителямъ остзейскихъ провинцій, чрезъ которыя лежалъ путь Гёрцу, велѣно было содержать дѣло «въ высшемъ секретѣ, чтобъ никто не вѣдалъ.» — 20 октября изъ Риги дали знать, что наканунѣ Гёрцъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, только *не секретно.* Самъ Гёрцъ писалъ Шафирову съ сожалѣніемъ, что ему нигдѣ не удается съ нимъ видѣться, потому что подканцлеръ уже проѣхалъ въ Петербургъ, а видѣться было бы надобно, чтобъ узнать подробнѣе о намѣреніяхъ царскаго величества на счетъ мира и не привезти въ Швецію одни общія заявленія. Получивши объ этомъ донесеніе отъ Шафирова, Петръ написалъ ему: «Гёрцъ когда желаетъ видѣться, лучше ему позволить быть въ Петербургъ явно (ибо въ Ригу уже явно пріѣхалъ), а чрезъ Ревель уже и безъ претекста поздно, ибо лучше его удовольственна отпустить, неже съ сумнѣніемъ или зѣло холодно, а гдѣ съ нимъ видѣться, о томъ съ вами самъ переговорю.»

По возвращеніи въ Швецію, Гёрцъ, въ концѣ ноября далъ знать, что Карлъ XII вышлетъ своихъ уполномоченныхъ, какъ скоро

получитъ извѣстіе, что царскіе уполномоченные находятся въ Або. Этими уполномоченными были назначены генералъ-фельдцейгмейстеръ Брюсъ и канцеляріи совѣтникъ Остерманъ; съ Шведской стороны Гёрцъ и Гиллемборгъ. 5 генваря 1718 года Петръ писалъ къ Брюсу изъ Москвы въ Петербургъ: «Если вы изъ Петербурга еще не выѣхали, то надобно вамъ немедленно ѣхать, и передъ отъѣздомъ объявить министрамъ союзниковъ нашихъ, Прусскому, Польскому, Ганноверскому и Датскому, что такъ какъ мы прежде государямъ ихъ сообщали все, что намъ съ непріятельской стороны было предложено и обѣщали впередъ то же дѣлать, то приказали имъ и теперь объявить слѣдующее: баронъ Гёрцъ писалъ къ нашимъ министрамъ, что, пріѣхавъ въ Швецію, онъ объявилъ своему королю о склонности нашей къ генеральному миру, о чемъ при свиданіи съ нимъ нашъ посолъ Куракинъ объявилъ ему на словахъ, и что король его согласился отправить министровъ своихъ на конгрессъ, мѣстомъ котораго съ Прусской и Польской стороны предложенъ городъ Данцигъ. Но съ нашей стороны Гёрцу объявлено, что мы, не опредѣливъ напередъ прелиминарныхъ условій, и не видя, будутъ ли съ Шведской стороны предложены намъ выгодныя условія, на публичный конгрессъ министровъ нашихъ послать не можемъ: поэтому король Шведскій, для показанія склонности своей къ миру, намѣренъ прислать нѣкоторыхъ своихъ министровъ въ какое-нибудь мѣсто недалеко отъ Финляндіи, чтобъ они могли, съѣхавшись съ нашими министрами, напередъ объ этомъ переговорить. Для выслушанія ихъ предложеній мы велѣли ѣхать вамъ, потому что вамъ и безъ того надобно было ѣхать въ Финляндію для приготовленія къ будущему воинскому походу. Объявите министрамъ, что вамъ велѣно только выслушать шведскія предложенія, невступая ни въ какіе договоры; что мы эти предложенія сообщимъ союзникамъ и безъ ихъ согласія ни въ какіе прямые трактаты не вступимъ.»

Письмо уже не застало Брюса и Остермана въ Петербургѣ, они отправились въ Або, откуда пересылались съ Гёрцемъ. Послѣдній требовалъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ предварительно прислано было по человѣку на Аландъ для соглашенія о томъ, какъ съѣзжаться. Поэтому случаю, Брюсъ и Остерманъ 13 февраля писали царю: «Мы разсуждаемъ, что ежели при томъ съѣздѣ церемоніи смотрѣть, то не только много времени потеряно будетъ, но

и многія другія неудобства и остановки главному дѣлу произойти могутъ: поэтому мы отвѣчали Гёрцу, чтобъ при съѣздахъ никакимъ церемоніямъ съ обѣихъ сторонъ не быть для скорѣйшаго окончанія дѣла.» Царь отвѣчалъ: «Для избѣжанія всякихъ церемоній предложите барону Гёрцу такой способъ: зимою занять для конференцій двѣ камеры одну подлѣ другой и среднюю между ними стѣну вырубить, такъ чтобъ въ обѣихъ камерахъ можно было поставить одинъ столъ; съ одной стороны будете входить вы и садиться, а съ другой въ тоже время шведскіе уполномоченные; лѣтомъ же можно поставить съ обѣихъ сторонъ по намету; такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ будетъ равенство, всякій будетъ сидѣть въ своей каморѣ или наметѣ безъ всякаго спора о предсѣдательствѣ; такимъ образомъ поступали при многихъ конгрессахъ, а именно при Карловицкомъ. Надобно вамъ стараться, чтобъ Шведы согласились на это, и съѣздъ состоялся безъ потери времени, ибо уже время къ воинскому походу приближается.»

Чтобъ скорѣе приступить къ дѣлу старались отстранить всѣ споры о церемоніяхъ; но природа выставила съ своей стороны препятствіе: въ апрѣлѣ ледъ мѣшалъ переѣхать на Аландъ. Петръ торопилъ своихъ уполномоченныхъ, требовалъ, чтобъ они торопили шведскихъ. Условія, которыя Брюсъ и Остерманъ должны были предложить Шведамъ, состояли въ слѣдующемъ: 1) Провинціи Ингрія, Ливонія, Эстляндія съ городомъ Ревелемъ и Карелія со всѣми ихъ городами, островами, мѣстами, дистриктами и подданными, также городъ Выборгъ должны быть уступлены царскому величеству въ вѣчное владѣніе. 2) Великое княжество Финляндское царское величество уступаетъ королю Шведскому, съ тѣмъ, чтобъ границѣ быть отъ Выборга по рѣку Кюмень, оттуда до Нейшлота и такъ до старой русской границы какъ удобнѣе. 3) Шеры возлѣ Финскаго берега должны быть свободны для проѣзда россійскаго народа и прочимъ царскимъ подданнымъ со всякими судами; равно Шведскимъ подданнымъ позволяется свободный проѣздъ въ области царскаго величества моремъ во всѣхъ мѣстахъ; гаваней на Финской сторонѣ съ обѣихъ сторонъ вновь не укрѣплять; для защиты же своихъ земель вольно каждому гдѣ хочетъ въ своемъ владѣніи по своему произволу строить крѣпости. 4) Торговля между обоими государствами свободная. 5) Король Августъ II долженъ быть оставленъ въ покойномъ владѣніи

престоломъ польскимъ, признанъ отъ шведскаго короля и между Швеціею и Польшею долженъ быть заключенъ миръ. 6) Королю прусскому долженъ быть уступленъ городъ Штетинъ съ дистриктомъ. 7) Если король Датскій захочетъ помириться съ Швеціею, возвративъ все у нея завоеванное, то и онъ долженъ быть включенъ въ этотъ трактатъ. 8) Если король Англійскій, какъ курфирстъ Брауншвейгскій, захочетъ помириться съ Швеціею на благоразумныхъ условіяхъ во время шести мѣсяцевъ, то и ему предоставляется право приступить къ трактату. — Посылая инструкціи, Петръ писалъ уполномоченнымъ: «Вы по инструкціи исполняйте со всякимъ осмотрѣніемъ, чтобъ вамъ Шведскихъ уполномоченныхъ глубже въ негоціацію ввесть и ее въ скорости не порвать, ибо интересъ нашъ нынѣ того требуетъ, и весьма съ ними ласково поступайте, и подавайте имъ надежду, что мы къ миру съ королемъ ихъ истинное намѣреніе имѣемъ и разсуждаемъ, что со временемъ можемъ, по заключеніи мира, и въ тѣсную дружбу и ближайшія обязательства съ его величествомъ вступить. И если они на условія не согласятся, станутъ говорить, что король не можетъ принять ихъ за тягостію, то по послѣдней мѣрѣ можете объявить имъ секретно, что если они насъ удовольствуютъ, то можемъ за то помочь имъ получить въ другой сторонѣ такія выгоды, что имъ тотъ убытокъ вознаградится; внушите имъ, что хотя бы они и помирились съ Ганноверскимъ, Датскимъ или другимъ кѣмъ изъ нашихъ союзниковъ, съ уступкою имъ изъ своихъ владѣній, то они этимъ себѣ никакой пользы и облегченія въ войнѣ не получатъ, если съ нами будутъ продолжать войну, ибо мы и одни съ тѣми союзниками, которые при насъ останутся, въ состояніи противъ нихъ не только оборонительно, но и наступательно воевать, и уже приготовились къ тому. Хотя король Англійскій и обѣщаетъ имъ, какъ думаемъ, нѣкоторыя выгоды, однако всѣмъ извѣстно, что онъ, какъ король англійскій не можетъ сдержать своихъ обѣщаній, ибо народъ англійскій не захочетъ изъ-за его частнаго нѣмецкаго интереса потерять съ нами дружбу и коммерцію. И прочіе резоны объявляйте, показывая, что мы съ ними миру желаемъ, но и войны не боимся. Если станутъ говорить, за чѣмъ мы за всѣхъ союзниковъ стараемся, то отвѣчайте, что если намъ о прусскомъ и польскомъ короляхъ не постановить условій, то этотъ миръ будетъ

на слабомъ основаніи, ибо намъ не льзя ихъ оставить въ войнѣ, а по умѣренности предложенныхъ условій видятъ они наше къ себѣ истинное расположеніе. Если они станутъ говорить, за чѣмъ не упомянуто то, что датскій король долженъ возвратить Голштинскому герцогу его земли, то объявите, что мы этихъ земель датскому королю не гарантировали, поэтому объ нихъ и не упоминаемъ и въ томъ даемъ Шведамъ свободу. Какъ важно условіе, постановленное объ англійскомъ королѣ, сами могутъ разсудить, и за него стоять не будемъ. Старайтесь по данной инструкціи какъ можно скорѣе заключить договоръ, который однако долженъ быть содержанъ въ тайнѣ; чтобы они предлагать вамъ ни стали, берите на доношеніе, а конгрессъ не разрывайте ни зачто.»

Къ Остерману Петръ написалъ особое письмо: «Повелѣваемъ вамъ особливо, чтобъ вы частнымъ образомъ трудились съ барономъ Герцомъ въ дружбу и конфиденцію войти и старались съ нимъ наединѣ разговаривать. При этихъ разговорахъ обнадежьте его въ нашей къ нему особенной склонности, что мы его доброжелательными и правдивыми поступками довольны и признаемъ, что этотъ конгрессъ состоялся его одного радѣніемъ, Если усмотрите его склонность и разсудите за благо, то можете обѣщать ему въ подарокъ хотя до ста тысячъ рублей и впередъ всякое награжденіе, только бы онъ трудился заключить миръ по нашему желанію. Взявши съ него честное слово соблюдать тайну, объявите ему, что мы желаемъ не только съ Швеціею миръ заключить, но и обязаться дружбою. Когда между обѣими державами прежняя вражда и зависть исчезнетъ, а вѣчная дружба установится, то не только можемъ себя отъ всѣхъ другихъ обезопасить, но и балансъ въ Европѣ содержать, и можемъ потомъ, кого сами заблагоразсудимъ, къ себѣ въ ту пріязнь принять, къ чему много охотниковъ будетъ. Мы знаемъ, что хотя бы мы чрезъ оружіе свое и привели короля шведскаго къ уступкѣ всего нами завоеваннаго, то Швеція всегда будетъ искать удобнаго случая возвратить себѣ потерянное и такимъ образомъ война не пресѣчется. Поэтому мы предлагаемъ слѣдующій способъ къ искорененію всѣхъ ссоръ: если король уступитъ намъ провинціи, которыя теперь за нами (кромѣ Финляндіи), то мы обяжемся помочь ему вознаградить его потери въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ему нужно. Если станетъ говорить, чтобъ мы возвратили Лифляндію,

то отвѣчайте, что чрезъ это возвращеніе миръ не будетъ крѣпокъ: жалузія еще болѣе усилится по близости нашей резиденціи теперь въ Петербургѣ, всегда другъ на друга непріятельскими и подозрительными глазами будемъ смотрѣть, а королю вмѣсто выгоды одинъ убытокъ, потому что принужденъ будетъ въ Лифляндскихъ городахъ содержать сильные гарнизоны.»

12 мая начались конференціи. Шведскіе министры просили русскихъ объявить мирныя условія; тѣ отвѣчали, что условія были объявлены княземъ Куракинымъ Гёрцу, который конечно донесъ объ нихъ королю, и король далъ свое рѣшеніе; о чемъ они и просятъ шведскихъ министровъ объявить. Тогда Гёрцъ въ длинной рѣчи разказалъ весь ходъ дѣла, и объявилъ, что ни о какихъ условіяхъ ни отъ кого никогда не слыхалъ; князь Куракинъ говорилъ ему одно, что такъ какъ во время его Гёрцова ареста секретарю Прейсу прислано было недостаточное полномочіе, то царское величество желаетъ, чтобъ присланъ былъ кто-нибудь съ достаточнымъ полномочіемъ и инструкціею для заключенія мира, и притомъ его Гёрца обнадежилъ, что царское величество въ такомъ случаѣ, сверхъ ихъ ожиданія, заключитъ миръ на резонабельныхъ условіяхъ, но о самихъ условіяхъ не было сообщено ни слова. Русскіе министры, видя, что съ Шведской стороны никоимъ образомъ высказаться не хотѣли, сказали, что надобно однако положить начало дѣлу, главный пунктъ котораго состоитъ въ томъ, чтобъ знать королевское намѣреніе на счетъ завоеванныхъ провинцій. Шведскіе министры отвѣчали, что король желаетъ возвращенія всего у него взятаго; русскіе сказали на это, что царское величество желаетъ удержать все имъ завоеванное, и если съ шведской стороны не объявится что нибудь другое порезонабельнѣе, то согласиться будетъ трудно. Гёрцъ объявилъ, что миръ не состоится, если предварительно не будетъ положено о возвращеніи королю Лифляндіи и Эстляндіи, чтобъ потомъ объ этихъ провинціяхъ уже и не упоминать, и вести переговоры только объ остальныхъ. Русскіе отвѣчали, что миръ не состоится, если предварительно не будетъ положено, что Лифляндія и Эстляндія остаются за Россіею, послѣ чего пойдутъ переговоры о Финляндіи, ибо царское величество, для прочности мира и безопасности своего государства, не можетъ допустить чтобъ въ срединѣ его земель оставалось какое-нибудь Шведское владѣніе.

Шведы говорили, что въ такомъ случаѣ и Финляндія не долго останется за ними, ибо изъ Ревеля царское величество всегда будетъ въ состояніи переходить черезъ Финскій заливъ и завоевывать Финляндію, и что королю не для чего заключать мира, который отдастъ его на произволъ сосѣдямъ, притомъ Лифляндія и Эстляндія такъ разорены, что ихъ и въ 50 лѣтъ поправить нельзя, и до тѣхъ поръ содержаніе ихъ королю будетъ очень тяжело. Царское намѣреніе ясно, продолжали Шведы: онъ желаетъ усилить свои связи съ Германскою имперіею и установить свое купечество на Балтійскомъ морѣ; но если Рига, Ревель и другія гавани будутъ за нимъ, то онъ въ короткое время такъ усилится, что Шведы и Датчане будутъ вытѣснены изъ Балтійскаго моря; друзья царскіе, Англичане, всюду объ этомъ внушаютъ и возбуждаютъ подозрѣніе. Шведы толковали объ убыткахъ, которые причинила имъ сѣверная война и на этомъ основаніи требовали въ вознагражденіе Лифляндію и Эстляндію; русскіе указывали, что Россія понесла не меньшіе убытки, что царскія мирныя предложенія были постоянно отвергаемы королемъ, который возбудилъ еще Турокъ къ войнѣ; для прекращенія этой войны нужно было отдать султану Азовъ и Таганрогъ, стоившіе милліоновъ: за это надобно получить вознагражденіе отъ Шведовъ. Королевскіе уполномоченные говорили, что Лифляндія и Эстляндія бастіоны королевства Шведскаго, что королю лучше потерять все въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ уступить ихъ Россіи.

Остерманъ въ особомъ письмѣ писалъ: «Шведскіе министры ясно даютъ знать, что имъ съ другой какой-то стороны, противной этому миру, дѣлаются многія предложенія, но что король больше склоненъ къ миру съ царскимъ величествомъ. По поступкамъ Гёрца видно, что онъ не донесъ королю объ условіяхъ, а просто объявилъ, что надѣется получить полезный отдѣльный миръ съ Россіею. Между тѣмъ мы подъ рукою дѣлаемъ Шведскимъ министрамъ внушенія, которыя могутъ быть полезны. Мы подлинно знаемъ, что дѣло это, мимо министровъ, ведется самимъ королемъ, для чего находится здѣсь генералъ-адъютантъ баронъ Шпаръ, ведущій переписку прямо съ королемъ. Мы стараемся его ласкать и дѣлать ему всякія приличныя внушенія. Говорилъ мнѣ партикулярно баронъ Гёрцъ, что у него нѣтъ въ Швеціи ни одного друга; что Шведы подали королю пространную записку противъ

мира съ Россіею, но онъ Гёрцъ опровергъ ее, что король склоненъ къ миру, но камнемъ претккновенія служитъ Ревель, ибо. уступивъ его, Шведы будутъ считать себя рабами, зависящими отъ произвола царскаго. Мнѣ кажется, что они охотнѣе пожертвуютъ Лифляндіею, чѣмъ Ревелемъ, ибо и Гёрцъ и Гиллемборгъ рѣдко говорятъ о Лифляндіи. Гёрцъ часто упоминаетъ слова: *еквивалентъ*; это мнѣ подаетъ надежду, что если бы могли ихъ обезпечить еквивалентомъ въ другомъ мѣстѣ, то можно было бы заключить съ ними добрый миръ; по моему мнѣнію, это единственное для насъ средство. Обстоятельства намъ благопріятствуютъ: король хочетъ съ нами мира, заключивъ который, будетъ искать въ другомъ мѣстѣ себѣ вознагражденія; оба находящіеся здѣсь уполномоченные, изъ собственныхъ выгодъ, будутъ дѣлать все на свѣтѣ, чтобъ утвердить короля въ такомъ намѣреніи; оба питаютъ злобу къ Англіи, всѣ ихъ намѣренія клонятся къ тому, чтобъ, по заключеніи мира съ Россіею, всѣми силами напасть на короля Англійскаго.

Головкинъ и Шафировъ на всѣ эти донесенія отвѣчали: «Вы хорошо дѣлаете, что больше не упрекаете Гёрца въ его запирательствѣ на счетъ сообщенныхъ ему условій, не нужно его озлоблять. Объявите Гиллемборгу, что братъ его, находящійся у насъ въ плѣну, освобождается безъ размѣна; старайтесь войти въ дружбу и конфиденцію съ Шпаромъ; дайте ему изъ отправленныхъ къ вамъ червонныхъ, соболей и камокъ сколько заблагоразсудите, дайте и Гиллемборгу; можете обѣщать знатныя дачи, хотя такую же сумму, какъ и Гёрцу обѣщаете, царское величество дастъ, только бъ миръ заключенъ былъ по его желанію.» Царь писалъ Остерману: «Гёрцъ упоминалъ объ еквивалентѣ: можете отъ себя объявить, что у насъ такихъ мѣстъ не обрѣтается, которыя мы могли бы дать имъ въ еквивалентъ; а если они разумѣютъ другія страны, то пусть объявятъ ясно; приводите ихъ къ тому, чтобъ они сами объявили; если же нельзя, то можете завести рѣчь отъ себя, что по озлобленію, которое король англійскій нанесъ обѣимъ сторонамъ, всего лучше искать вознагражденія изъ его земель, сверхъ возвращенія Бремена и Вердена, и что, по вашему мнѣнію, мы не откажемся помочь имъ въ этомъ. Если станутъ вамъ говорить что-нибудь явно о претендентѣ, требуя ему помощи, то можете сказать, что мы и въ томъ, по вашему мнѣнію,

помочь имъ не откажемся, и можно будетъ внести въ договоръ объ этомъ особую статью. По поводу претендента Шафировъ далъ знать Остерману, 9-го іюня: «На сихъ дняхъ прибылъ сюда нарочно отъ претендента нѣкоторый человѣкъ, съ которымъ я имѣлъ разговоръ у генерала Ягужинскаго. Объявилъ онъ мнѣ, что былъ въ Швеціи, гдѣ имѣлъ долгіе разговоры съ барономъ Гёрцемъ, который объявилъ ему, что они Шведы въ пользу претендента хотѣли сдѣлать высадку въ Англію прежде заключенія мира съ Россіею, но онъ Гёрцъ имъ это отсовѣтовалъ, представляя, что это гораздо удобнѣе сдѣлать по заключеніи мира, въ противномъ случаѣ царь могъ бы помѣшать предпріятію какою-нибудь диверсіею въ ихъ землѣ; а по заключеніи мира, можетъ быть, самъ царь имъ въ томъ поможетъ. Гёрцъ, разговаривая съ нимъ объ условіяхъ мира съ Россіею, объявилъ, что царю нельзя заключить мира безъ Ревеля и Ливоніи, съ чѣмъ согласенъ и онъ, Гёрцъ, который получилъ отъ короля инструкцію заключить миръ во чтобы ни стало, хотя бы съ уступкою всего, чтобъ Шведамъ можно было исполнить свое намѣреніе въ пользу претендента.»

Между тѣмъ на конференціи, бывшей 2-го іюня Гёрцъ объявилъ, что Ревель не можетъ остаться за Россіею, и если царское величество на это согласится, то можно найти способы обезпечить съ этой стороны безопасность Россіи. — «Какіе это способы?» спросили русскіе министры. — «Мнѣ нужно ѣхать къ королю для полученія его послѣдняго рѣшенія,» отвѣчалъ Гёрцъ, причемъ далъ слово, что возвратится въ три недѣли, и просилъ, чтобъ и русскіе министры въ это время постарались получить отъ своего двора послѣднія условія. На другой день Остерманъ послалъ царю особое письмо: «Съ самаго начала конгресса я старался войти съ барономъ Гёрцомъ въ конфиденцію и фамиліарную дружбу въ чемъ былъ не безъ успѣха, примѣняясь къ его нраву и великой амбиціи. Баронъ истинную склонность имѣетъ къ заключенію мира, какъ для своихъ собственныхъ выгодъ, такъ и по своей собственной злобѣ на другихъ. Но въ дѣлѣ заключенія мира онъ имѣетъ противъ себя всѣхъ Шведовъ вообще, какъ потому, что Шведы завидуютъ положенію, полученному у нихъ иностранцемъ, такъ и по другимъ побужденіямъ: они лучше хотятъ, чтобъ король потерялъ всѣ свои провинціи въ Германіи, чѣмъ уступилъ что-нибудь Россіи на здѣшней сторонѣ;

они разсуждають, что отъ Германскихъ провинцій Швеція не получаетъ никакихъ выгодъ, только тратитъ множество денегъ и должна быть всегда готова вступить изъ-за нихъ въ войну; тогда какъ изъ провинцій, завоеванныхъ теперь Русскими, она получаетъ большіе доходы и безопасность со стороны Россіи. Баронъ Гёрцъ мнѣ нѣсколько разъ объявлялъ, что если ваше величество Ревель уступить не изволите, то очень трудно будетъ короля склонить къ миру; и былъ онъ много дней очень печаленъ и откровенно признался мнѣ, что неуспѣхъ въ заключеніи мира будетъ ему очень тяжекъ. Я ему представлялъ, что Шведскому королю никогда нельзя будетъ возвратить войною потерянныя провинціи, а царское величество на другихъ условіяхъ мира не заключитъ, и если онъ, Гёрцъ поможетъ заключенію мира, то я обѣщаю стараться, чтобъ царское величество не былъ противъ короля, когда тотъ станетъ вознаграждать себя въ другой сторонѣ. Баронъ Гёрцъ это предложеніе мое откинулъ далеко и сказалъ, что король за такія провинціи никакого вознагражденія получить не можетъ, ибо это крѣпости королевства Шведскаго и если ихъ уступить, то Швеція всегда будетъ въ волѣ царской. Я ему сказалъ на это, что провинціи уже потеряны для Швеціи, онѣ за вашимъ величествомъ; королю остается одно, сдѣлать такъ, чтобъ дружба вашего величества послужила ему вмѣсто этихъ такъ называемыхъ крѣпостей. Потомъ мы имѣли съ нимъ пространные разговоры о вознагражденіи, которое можетъ получить король въ другомъ мѣстѣ. Онъ меня спросилъ, можетъ ли онъ по моему предложенію начать дѣло у короля? и я, взявши съ него честное слово, что объ этомъ кромѣ его и короля никто не узнаетъ, объявилъ, что можетъ. Тогда Гёрцъ сказалъ мнѣ, что чрезъ переписку этого дѣла вести нельзя, надобно ему самому ѣхать къ королю. Будучи убѣжденъ, что ничто не можетъ такъ способствовать дѣлу, какъ пребываніе самого Гёрца при королѣ, я не только его не отвращалъ, но и побуждалъ ѣхать; согласились, чтобъ Гёрцъ ѣхалъ при первомъ попутномъ вѣтрѣ, и, чтобъ никто не могъ узнать причины отъѣзду, уговорились на другой день имѣть конференцію и въ ней говорить то самое, что вашему величеству извѣстно изъ общаго нашего донесенія. Гёрцъ говорилъ также о герцогѣ Мекленбургскомъ, чтобъ его куда-нибудь перевесть въ другое владѣніе, и далъ знать, что имѣетъ въ виду

Лифляндію; но я ему сказалъ, что этому невозможно статься, и надобно имъ о чемъ-нибудь другомъ думать. Говорилъ о королѣ Польскомъ, будто хочетъ корону польскую сдѣлать наслѣдственною въ своемъ домѣ, на что король шведскій никакъ согласиться не можетъ; Гёрцъ далъ знать, что его король, по смерти Августа, хочетъ видѣть Лещинскаго на польскомъ престолѣ; я ему отвѣчалъ, что сколько знаю интересы вашего величества, для Россіи, да и для другихъ державъ не нужно, чтобъ корона польская стала наслѣдственною; о Лещинскомъ же я смолчалъ, будто не понялъ Гёрцева намека. Передъ отъѣздомъ Гёрцъ просилъ меня обнадежить ваше величество, что онъ будетъ дѣлать все возможное, дабы заслужить милость вашего величества; а я ему сказалъ, что онъ можетъ надѣяться на самую лучшую соболью шубу, какая только есть въ Россіи, и что до ста тысячъ ефимковъ будутъ къ его услугамъ, если наши дѣла счастливо окончатся.»

9 іюля возвратился Гёрцъ и на конференціи объявилъ, что король не иначе можетъ согласиться на уступку Ревеля, какъ если получитъ *еквивалентъ*; на конференціи русскіе министры никакъ не могли отъ него добиться, какой именно еквивалентъ хочетъ получить Карлъ XII; но потомъ въ частномъ разговорѣ Гёрцъ далъ явственно знать, что король хочетъ получить еквивалентъ изъ Датскихъ владѣній и желаетъ, чтобъ царь ему въ томъ помогъ. Гёрцъ далъ также понять, что король желаетъ возстановленія Станислава Лещинскаго на польскомъ престолѣ, и что это должно быть однимъ изъ главныхъ условій мирнаго договора. Изъ Гёрцовыхъ словъ было видно, что Лифляндія и Эстляндія будутъ безспорно уступлены Россіи, но о Выборгѣ будетъ еще споръ. Брюсъ и Остерманъ прямо объявили Шведскимъ министрамъ, чтобъ они и не думали о возвращеніи Выборга, потому что этотъ городъ отъ Петербурга въ близкомъ разстояніи и царское величество въ своей резиденціи никогда безопасенъ быть не можетъ, если Выборгъ будетъ за Швеціею. Внѣ конференціи Гёрцъ сообщилъ Остерману слѣдующую записку: «Если Швеція такими великими уступками съ своей стороны будетъ способствовать приращенію силъ Россіи, то и Швеція должна получить такія приращенія, которыя бы уравновѣсили силы обѣихъ державъ. Для этого нужно во 1) границы Финляндскія съ сухопутной стороны такъ опредѣлить, чтобъ Швеція съ этой стороны была со-

вершенно безопасна. 2) Надобно вести дѣло такъ, чтобъ важнѣйшія державы въ Европѣ не имѣли причинъ ему противиться и потому относительно возвращенія Бремена и Вердена король Шведскій не будетъ требовать помощи царскаго величества; если же король Англійскій кромѣ этого пункта будетъ противиться исполненію общаго плана, то Россія и Швеція будутъ дѣйствовать противъ него сообща. 3) Швеція не можетъ уступить Пруссіи что-нибудь изъ своего, и потому надобно придумать, какъ бы доставить ей отъ Польши Эльбингъ и Вармію; король Прусскій будетъ этимъ очень доволенъ, особенно когда увидитъ миръ между Россіею и Швеціею, увидитъ, что и Англія вышла изъ игры. 4) Что касается Польши, то по взгляду политическому шведскій интересъ требуетъ удержать на польскомъ престолѣ короля Августа и помочь ему утвердить наслѣдственность въ домѣ Саксонскомъ, ибо Швеція и Польша имѣютъ одинакій интересъ приводить себя въ безопасность съ русской стороны. Потому же самому политическому взгляду, наоборотъ, царское величество долженъ стараться возстановить на польскомъ престолѣ Станислава Лещинскаго, человѣка не царской крови, и потому не могущаго найдти помощь внѣ Польши, король же Августъ будетъ непремѣнно стараться о томъ, чтобъ его сынъ и наслѣдникъ по курфюршеству былъ назначенъ и наслѣдникомъ короны польской. Но у Шведскаго короля то, что честно всегда беретъ верхъ надъ тѣмъ что полезно, и потому онъ будетъ возстановлять на польскомъ престолѣ Станислава, при чемъ царское величество не имѣетъ никакихъ причинъ отказать ему въ помощи. 5) Данія есть единственный непріятель, отъ котораго Швеція можетъ получить себѣ вознагражденіе, и это вознагражденіе должно быть получено соединенными силами Россіи и Швеціи. 6) По заключеніи мира съ Россіею и королемъ Англійскимъ у Швеціи за моремъ останется одна Померанія, что недостаточно и небезопасно, поэтому надобно подумать о переселеніи; герцогу Мекленбургскому надобно отыскать такой еквивалентъ, который бы заставилъ его добровольно уступить свои Мекленбургскія земли Швеціи; герцогъ согласится охотно на переселеніе по причинѣ вражды съ своимъ дворянствомъ и ненависти, какую онъ навлекъ на себя этою враждою; положеніе его очень дурно; онъ подвергается большой опасности, какъ скоро царское величество лишитъ его своего по-

кровительства. Исполненіе плана должно состоять въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Миръ между Россіею и Швеціею не долженъ быть объявляемъ и подъ рукою не давать объ немъ знать до тѣхъ поръ, пока весь планъ не придетъ въ исполненіе. 2) Чтобъ немедленно по заключеніи мира положенныя возвращенія и уступки съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы. 3) Зимою кончить переговоры съ Прусскимъ дворомъ. 4) Весною, какъ можно ранѣе, русская осьмидесятитысячная армія должна двинуться въ Польшу подъ предлогомъ возстановленія всюду сѣвернаго мира. 5) Король въ это время велитъ перевезти сорокатысячную армію въ Мекленбургъ, чему царское величество способствуетъ своими воинскими и транспортными судами. 6) Изъ осьмидесяти тысячъ русскаго войска, имѣющаго вступить въ Польшу, 20,000 человѣкъ будутъ отправлены въ Мекленбургъ для соединенія съ Шведскою арміею, при чемъ получатъ хлѣбъ и фуражъ отъ короля; сверхъ того царское величество склонитъ герцога Мекленбургскаго присоединить и его войска. 7) Король съ этою арміею пойдетъ въ Голштинію, чтобъ оттуда проникнуть въ Данію; въ тоже время другая шведская армія въ 40,000 человѣкъ будетъ дѣйствовать противъ Норвегіи. 8) Въ Польшѣ царское величество не будетъ производить никакихъ непріятельскихъ дѣйствій, только будетъ требовать отъ нея пропитанія войскамъ, и во время дѣйствій противъ Даніи, у Швеціи съ королемъ Августомъ могутъ производиться мирные переговоры; а когда съ Даніею дѣла окончатся, то останутся одни польскія дѣла, которыя легко будетъ покончить: Поляки, желающіе видѣть на престолѣ своемъ природнаго государя, будутъ рады избавиться отъ воинскихъ тягостей и безпокойствъ; съ другой стороны, король Августъ не захочетъ видѣть въ другой разъ Шведскаго короля въ Саксоніи съ сильною арміею. 9) Тутъ же и интересы герцога Мекленбургскаго могутъ быть опредѣлены. 10) Когда такимъ образомъ миръ на сѣверѣ возстановленъ будетъ, тогда можно смотрѣть, какъ бы и другія державы въ ту же систему привести. Большихъ затрудненій тутъ не будетъ, ибо не скоро сыщется такая держава, которая бъ не согласилась быть въ дружбѣ и союзѣ съ двумя государствами, могущими выставить въ поле 200,000 войска.

15 іюля Головкинъ и Шафировъ получили отъ Остермана письмо: «Гёрцъ далъ мнѣ знать, что ему будетъ очень пріятно, если

я, для полученія скорѣйшаго рѣшенія, самъ къ вамъ поѣду; нельзя на письмѣ донести обо всемъ, что надобно знать царскому величеству и вамъ, дабы рѣшить дѣло, отъ котораго зависитъ все благополучіе Россійскаго государства; я намѣренъ ѣхать, какъ скоро послѣднее шведское намѣреніе заподлинно вывѣдаю. Всепокорно прошу о заступленіи предъ царскимъ величествомъ, чтобъ мой пріѣздъ не былъ принятъ немилостиво.»

Остерманъ поѣхалъ къ царю; а Гёрцъ снова въ Стокгольмъ. 31 іюля Остерманъ былъ уже опять на Аландскихъ островахъ; на другой день возвратился и Герцъ, смутный, печальный. Начались переговоры о финляндскихъ границахъ. Гёрцъ требовалъ, чтобъ Кексгольмъ остался за Швеціею; Остерманъ не соглашался, показывалъ ему на картѣ, что это мѣсто великой важности для царя, чтобъ не оставить Шведовъ у себя съ тылу и привести въ безопасность свою резиденцію, тогда какъ для Швеціи Кексгольмъ не имѣетъ почти никакого значенія. Видя упорство Гёрца, Остерманъ обратился за объясненіями къ находящемуся при Гёрцѣ Голштинскому юстицъ-рату Штамкену, и тотъ объяснилъ, что Гёрцъ обѣщалъ королю уступку Кексгольма, и теперь боится знаменитаго упрямства Карла XII и торжества враговъ своихъ въ случаѣ несогласія съ русской стороны. Самъ Гёрцъ наконецъ сказалъ, что если дѣло не состоится, то онъ, чтобъ не подвергнуться насмѣшкамъ и поруганію отъ всего народа, немедленно выйдетъ изъ службы короля Шведскаго. Вторая трудность состояла въ королѣ Прусскомъ, котораго нельзя было склонить къ возвращенію Штетина въ ожиданіи еквивалента въ будущемъ. Гёрцъ написалъ новый проектъ, и опять Остерманъ отправился въ Россію, а Гёрцъ въ Швецію для переговоровъ съ министромъ Миллеромъ, который сначала былъ на его сторонѣ, а теперь сталъ противъ и написалъ опроверженіе его плана: по мнѣнію Миллера, этотъ планъ вовлечетъ Швецію въ такую войну, которой конца предвидѣть нельзя; притомъ Шведскій король долженъ тотчасъ уступить царю все имъ завоеванное, а царь, съ своей стороны, обязывается содѣйствовать намѣреніямъ короля только въ будущемъ, и Богу извѣстно, будетъ ли въ состояніи исполнить свои обязательства по какимъ-нибудь новымъ обстоятельствамъ; наконецъ, хотя теперь въ Россіи и нѣтъ возмущенія, но по всѣмъ публичнымъ и другимъ извѣстіямъ видно, что возмущеніе вспых-

нетъ непремѣнно, отъ чего Швеція получитъ облегченіе въ мирныхъ условіяхъ.

4 сентября Остерманъ, возвратившійся на конгрессъ, доносилъ царю: «Трудился я всячески наши здѣшнія дѣла глубже испытать и заподлинно увѣдомился, что не только баронъ Миллеръ, но и всѣ Шведы, отвращая короля отъ здѣшняго мира, такія ему злыя внушенія сдѣлали о баронѣ Гёрцѣ, злѣе которыхъ быть не можетъ, и дѣло зашло такъ далеко, что въ Стокгольмѣ разглашаютъ на улицахъ публично, будто баронъ Гёрцъ вашему царскому величеству за великія деньги королевскій интересъ продалъ, вашему величеству совѣтъ подалъ и дорогу показалъ, какъ вамъ нечаянно на Стокгольмъ напасть и имъ овладѣть. Баронъ Гёрцъ, увидя противъ себя такія интриги, утвердился еще больще въ прежней своей склонности къ здѣшнимъ дѣламъ, и намѣренъ такъ дѣйствовать у короля, чтобъ у иныхъ его непріятелей отъ того *и шея засвербѣла.* Изъ разговоровъ съ графомъ Гиллемборгомъ я замѣтилъ, что и онъ сталъ колебаться и едвали не перешелъ на противную сторону; но всѣ его поступки можно уничтожить, потому что онъ у короля ни малѣйшаго кредита не имѣетъ, и какъ креатура барона Гёрца всегда будетъ принужденъ поступать по его волѣ. По всѣмъ обстоятельствамъ дѣла и по нраву королевскому можно надѣяться, что Гёрцъ своихъ непріятелей преодолѣетъ и съ окончательнымъ королевскимъ рѣшеніемъ сюда возвратится.» Чрезъ нѣсколько времени Гёрцъ далъ знать Остерману изъ Швеціи, что король опять склонился къ заключенію мира съ Россіею по извѣстному плану; но еще держатъ его въ нѣкоторомъ сомнѣніи слухи о волненіяхъ въ Россіи: онъ боится, что если эти слухи основательны, то царь не будетъ въ состояніи исполнить свои обязательства; по мнѣнію Гёрца, эти сомнѣнія лучше всего можно разсѣять, освободивъ изъ плѣна фельдмаршала графа Реншельда, который можетъ разувѣрить короля относительно этихъ слуховъ, и какъ скоро фельдмаршалъ возвратится въ Швецію, онъ, Гёрцъ, возвратится на Аландскіе острова. Петръ соглашался на освобожденіе Реншельда съ тѣмъ, чтобъ взамѣнъ король освободилъ русскихъ плѣнныхъ, генерала Головина и князя Трубецкаго.

Съ одной стороны Карлу XII внушали, чтобъ онъ не спѣшилъ заключеніемъ мира съ царемъ, потому что въ Россіи возмущеніе;

16*

съ другой, именно изъ Англіи, внушали, что между Россіею и Турціею готова вспыхнуть война, о чемъ стали уже писать и въ газетахъ; князь Григорій Долгорукій доносилъ, что и въ Польшѣ стараются объ этомъ разрывѣ Россіи съ Турціею. По этому случаю Остерманъ писалъ Головкину и Шафирову: «Думаю, что надобно и намъ заранѣе постараться не только о томъ, чтобъ Гродненскій сеймъ былъ разорванъ какъ можно скорѣе, но также и о томъ, чтобъ подъ рукою какую-нибудь новую конфедерацію противъ короля возбудить, при чемъ не пожалѣть ни трудовъ, ни денегъ. Такая конфедерація всегда интересамъ царскаго величества полезна будетъ, хотябъ и здѣшній миръ не состоялся, потому что во 1) подъ тѣмъ предлогомъ можетъ его величество всегда войска свои въ Польшѣ держать. 2) Конфедераціею король Августъ принужденъ будетъ съ большею осторожностію и не такъ явно противъ насъ поступать. 3) Пока войска наши въ Польшѣ будутъ, то и цесарь десять разъ подумаетъ прежде, чѣмъ предпринять что-нибудь противъ царскаго величества. 4) И король Прусскій тѣмъ легче въ нашихъ интересахъ удержанъ будетъ. 5) Чрезъ конфедерацію царское величество всегда силенъ будетъ въ Польшѣ, и обѣ стороны по его волѣ поступать принуждены будутъ. 6) Если же миръ съ Швеціею состоится, то конфедерація можетъ служить предлогомъ къ исполненію извѣстнаго намѣренія. Причинъ къ конфедераціи довольно: желаніе короля Августа передать Польскій престолъ сыну своему; стремленіе короля къ самодержавію; стараніе его возбудить Турокъ противъ царскаго величества, а слѣдовательно и противъ Польши, чтобъ между тѣмъ исполнить намѣреніе свое на счетъ сокрушенія вольности рѣчи посполитой: всего этого достаточно для возбужденія Польши противъ короля. Можно еще прибавить, что онъ Туркамъ и цесарю обѣщалъ нѣкоторыя уступки изъ владѣній рѣчи посполитой; и если къ этому придутъ деньги и обѣщаніе, подъ рукою, покровительства царскаго, то, думаю, это дѣло будетъ не очень трудно. Во всѣхъ нашихъ дѣлахъ ни на кого намъ не надобно обращать такого вниманія, какъ на цесаря. По одержаніи нынѣшней побѣды надъ Испанцами, безъ сомнѣнія, онъ еще больше возгордится, и, по извѣстной своей склонности, все возможное станетъ дѣлать, чтобы весь свѣтъ возбудить противъ насъ. Если нельзя съ нимъ

миновать разрыва, и онъ уже теперь Турокъ на насъ возбуждаетъ, то я думаю, что Турки лучше захотятъ возвратить себѣ то, что теперь уступили цесарю, нежели воевать съ нами, ибо, по взятіи Азова, я не вижу, что имъ изъ областей царскаго величества еще угодно было бы взять; можетъ быть, что Турки, если будутъ обнадежены помощію, скорѣе противъ цесаря, чѣмъ противъ насъ поднимутся, и не худо было бы теперь заранѣе внушить Портѣ объ этомъ, потому что всегда лучше предупредить, чѣмъ быть предупрежденнымъ.»

Между тѣмъ на Аландскіе острова пріѣхалъ назначенный къ размѣнѣ фельдмаршалъ Реншельдъ. Остерманъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ надлежащимъ образомъ приготовить его и внушить ему такія мнѣнія, какія могли бы способствовать къ заключенію мира. «Царское величество, говорилъ Остерманъ, при настоящей войнѣ не имѣетъ въ виду завоеваній; онъ хочетъ одного — привести свое государство въ совершенную безопасность отъ Швеціи, и потомъ, вмѣстѣ съ королемъ Шведскимъ, основать новую систему въ Германіи, чрезъ что держать въ почтеніи тѣ державы, которыя хотятъ предписывать всѣмъ законы.» — «Если государь вашъ вступитъ съ нашимъ королемъ въ извѣстныя обязательства, отвѣчалъ Реншельдъ, то душу свою сатанѣ продаю, если король не заключитъ мира съ Россіею.» Остерманъ счелъ также нужнымъ объяснить фельдмаршалу подробно ходъ дѣла о царевичѣ Алексѣѣ, чтобъ онъ могъ, по пріѣздѣ въ Швецію, опровергнуть всѣ лживыя разглашенія.

Остерманъ воспользовался прекращеніемъ конференцій вслѣдствіе отсутствія Гёрца и написалъ «разсужденіе о состояніи Аландской негоціаціи» и переслалъ его къ государю какъ свое «партикулярное малоумное мнѣніе,» которое можетъ состояться и не состояться. «Эта мирная негоціація, говоритъ авторъ, есть дѣло одного барона Гёрца. Гёрцъ такъ силенъ у короля, что по произволу управляетъ всѣмъ въ Швеціи. Король, какъ государь воинолюбивый, самъ мало имѣетъ попеченія о своихъ интересахъ и единственное удовольствіе находитъ въ томъ, чтобъ каждый день съ кѣмъ-нибудь драться, или когда нѣтъ къ тому удобнаго случая, верхомъ скакать. По всему надобно думать, что онъ находится не въ совершенномъ разумѣ; а какъ онъ упрямъ, это видно изъ прежнихъ его поступковъ. Баронъ Гёрцъ человѣкъ ум-

ный, но при томъ чрезвычайно гордый и много о себѣ думающій: не знаю, отыщется ли еще другой человѣкъ, въ этомъ отношеніи ему подобный; онъ ищетъ одного—прославиться и для достиженія этой цѣли ни себя, ни трудовъ, ни имѣнія своего не жалѣетъ. Король поручилъ ему все управленіе финансами, хотя онъ до сихъ поръ ему не присягалъ и въ службу его не вступалъ. Гёрцъ, зная королевскій нравъ, зная, чѣмъ скорѣе всего можетъ удержать себя въ милости Карла XII, создалъ ему вновь войско, для чего не только почти всѣ ремесленники, но и изъ крестьянъ одинъ изъ двухъ взятъ въ солдаты; Гёрцъ ввелъ мѣдныя деньги, а серебряныя почти всѣ взялъ въ казну; жалованье войску и всѣ другія государственныя уплаты производятся мѣдными деньгами, и дабы офицеры и солдаты отъ мѣдныхъ денегъ убытка не понесли, для того почти каждой вещи цѣна опредѣлена, по какой офицерамъ и солдатамъ продавать, но другимъ подданнымъ все вольною цѣною продается; крестьяне не могутъ продавать никому съѣстныхъ припасовъ, но обязаны поставлять ихъ въ королевскіе магазины. Этимъ Гёрцъ получилъ кредитъ у короля: но легко понять, въ какомъ кредитѣ находится Гёрцъ у всего разореннаго имъ народа! Всѣмъ знатнымъ Шведамъ противно, что они у короля не имѣютъ никакого значенія, и чужестранецъ въ ихъ государствѣ по своей волѣ всѣмъ располагаетъ; другіе жалѣютъ о себѣ и о раззореніи отечества своего; всѣ, для своего частнаго интереса, внутренно желаютъ, чтобъ король лишился своихъ владѣній въ Германіи! Естественно, что Гёрцъ имѣетъ мало друзей между Шведами, что всѣ Шведы противны плану примиренія, имъ начертанному; всѣ ищутъ его низверженія. Его царское величество такъ несчастливъ въ своихъ союзникахъ, что не только почти всѣ отъ него отстали, но и вмѣсто должной благодарности за добро зломъ воздать ищутъ. Отъ нихъ ото всѣхъ есть партикулярныя мирныя предложенія, развѣ отъ одного короля Датскаго нѣтъ, потому что онъ себя и весь свой интересъ вручилъ доброму человѣку Бернсторфу и на него, какъ на спасителя своего, всю надежду положилъ. По такому состоянію сѣвернаго союза и по всѣмъ такимъ мерзкимъ поступкамъ союзниковъ царскаго величества естественно Шведы смотрятъ, съ которой стороны они большую пользу могутъ себѣ получить, особенно потому, что имъ ни съ какой стороны теперь къ миру

сильнаго принужденія нѣтъ: вмѣсто того, чтобъ Шведамъ за нами ходить, каждый за ними ходитъ и къ себѣ приглашаетъ. Поступки со стороны царскаго величества при здѣшнемъ конгрессѣ были слѣдующія. Такъ какъ было усмотрѣно, что вся негоціація отъ одного барона Гёрца зависитъ, то признали необходимымъ всевозможными способами войдти съ нимъ въ конфиденцію. Стали примѣняться къ его честолюбивому нраву, безмѣрно почитать его, ласкать, всѣ его дѣла хвалить, и, сколько честь царскаго величества при такихъ случаяхъ допускала, униженно съ нимъ поступать; сверхъ того, при всѣхъ случаяхъ его обнадеживали особымъ уваженіемъ и милостію царскаго величества: и не думаю, чтобъ какой другой министръ, безъ всякаго почти торгу, на такую знатную уступку согласился, хотя бы на то и указъ имѣлъ. Съ нашей стороны ни на что именемъ царскаго величества не согласились; но на которыя статьи, по указамъ, согласиться было возможно, о тѣхъ Гёрцу объявлено, что о принятіи ихъ будутъ стараться. Противныя внушенія и вѣдомости, приходившія на конгрессъ къ Шведамъ и останавливавшія здѣшнія дѣла, другими внушеніями и нарочно сочиненными вѣдомостями старались опровергнуть. О цесарѣ имъ внушено, что заключенный имъ миръ съ Турками не крѣпокъ, что Турки охотно воспользуются всякимъ случаемъ возвратить потерянное въ послѣдней войнѣ. И теперь пристойнымъ образомъ внушено Шведамъ, будто короли Англійскій и Датскій хотятъ впустить царскія войска въ Штадъ и Шральзундъ, внушено, какія слѣдствія могутъ произойдти для нихъ отъ этого, будутъ ли они когда-нибудь въ состояніи возвратить себѣ эти мѣста. Насчетъ Франціи подана имъ надежда, что и она, по заключеніи мира, къ намъ обратится. Относительно Англіи доказано, какъ мало король Георгъ въ состояніи исполнить свои обѣщанія, и наоборотъ показано, что Шведы никогда не могутъ возвратить своихъ провинцій, завоеванныхъ Русскими. Всѣхъ прочихъ изъ Шведской свиты фамиліарнымъ и учтивымъ обхожденіемъ и подарками къ себѣ склонили.

«Что касается до состоянія Швеціи, продолжаетъ Остерманъ, то она сильно раззорена и народъ ждетъ спасенія отъ мира. Швеція долго содержать большаго войска не можетъ; король принужденъ будетъ съ нимъ изъ Швеціи куда-нибудь выступить, чтобъ у чужаго двора лошадей своихъ привязать, иначе прокор-

мить его невозможно. Въ Норвегіи, куда король хочетъ впасть, дѣйствовать трудно, безъ большаго урона достичь своихъ намѣреній нельзя; а какимъ образомъ онъ этотъ уронъ потомъ восполнитъ? развѣ Швецію совершенно обнажитъ отъ людей. При Стокгольмѣ и на здѣшнихъ берегахъ во все лѣто былъ небольшой корпусъ, а теперь зимою еще меньше останется. Ничто такъ Швецію къ заключенію мира не можетъ принудить, какъ впаденіе въ нее Русскихъ войскъ и раззореніе всѣхъ мѣстъ до Стокгольма. Надобно и то принять въ соображеніе, что король Шведскій, по его отважнымъ поступкамъ, когда-нибудь или убитъ будетъ или, скача верхомъ, шею сломитъ. Если это случится по заключеніи съ нами мира, то смерть королевская освободитъ насъ отъ дальнѣйшаго исполненія обязательствъ, въ которыя входимъ. Но хотя бы и миръ не состоялся, то такой случай намъ къ немалой пользѣ также можетъ послужить, ибо тогда Швеція раздѣлится на двѣ большія партіи, а именно: первая наслѣднаго принца Гессенкассельскаго, въ которой почти всѣ военные находятся; вторая—герцога Голштинскаго, къ которой принадлежитъ духовенство и чужестранныя державы. Кто бы изъ нихъ наслѣдство ни получилъ, для утвержденія своего принужденъ будетъ больше всего искать мира съ царскимъ величествомъ, ибо ни тотъ, ни другой для своего интереса не захотятъ потерять нѣмецкія провинціи и въ удержаніи ихъ большую нужду имѣютъ, нежели въ Лифляндіи или Эстляндіи.

«Шведы прежде многія письма подъ чужимъ именемъ печатали и повсюду распространяли, внушая о великихъ и дальнихъ царскаго величества намѣреніяхъ. Думаю, что теперь было бы не безполезно съ нашей стороны въ Голландіи и Англіи разсѣвать письма о важныхъ намѣреніяхъ короля Англійскаго къ предосужденію народа; также и въ Польшѣ о намѣреніяхъ короля Августа и цесаря. Матеріялъ къ тому достаточный, и при томъ не лживый, а правдивый; въ тамошнихъ крахъ можно людей сыскать, которые такія письма сочинить могутъ. Подобныя внушенія дѣйствуютъ на народъ, особенно на Англійскій и Польскій. Не дурно и Туркамъ заранѣе внушить о намѣреніяхъ короля Августа, и что цесарь хочетъ ему помогать и потому и племянницу свою за сына его выдалъ.»

Въ началѣ ноября возвратился Гёрцъ и объявилъ, что король

согласенъ на заключеніе мира, если царь обяжется прямо помогать ему противъ Даніи. Русскіе уполномоченные отказали ему въ этомъ рѣшительно и объявили, что если Шведы не окончатъ дѣла на прежнихъ условіяхъ, то царское величество долго продолжать конгрессъ не позволитъ; въ формальной деклараціи они объявили, что далѣе декабря мѣсяца конгрессъ продолженъ не будетъ. Гёрцъ далъ честное слово, что въ четыре недѣли все кончится и опять уѣхалъ въ Швецію. За два дня до его отъѣзда Штамкенъ объявилъ Остерману, какъ будто въ великой конфиденціи, что когда онъ съ фельдмаршаломъ Реншёльдомъ поѣхалъ съ Аландскихъ острововъ въ Стокгольмъ, то фельдмаршалъ открылъ ему, что желалъ бы между одною изъ царскихъ дочерей и молодымъ герцогомъ Голштинскимъ заключить брачный союзъ. Штамкенъ спросилъ объ этомъ Гёрца и тотъ отвѣчалъ, что дѣло очень хорошее, но одна въ немъ большая трудность, различіе вѣры, потому что герцогъ Голштинскій считается наслѣдникомъ короны Шведской, а народъ Шведскій королеву нелютеранку имѣть не пожелаетъ. Остерманъ отвѣчалъ Штамкену, что когда миръ состоится, тогда будетъ время подумать и о способахъ еще больше укрѣпить этотъ миръ. «Хотя, писалъ Остерманъ царю, Штамкенъ говорилъ мнѣ это какъ будто отъ себя, однако легко можно разсудить, что отъ себя онъ бы сдѣлать этого не посмѣлъ, если бъ не имѣлъ приказанія отъ Гёрца.»

Назначенныя четыре недѣли прошли: Гёрцъ не возвращался. 14 декабря пріѣхалъ на Аландскіе острова камердинеръ барона Шпара и привезъ какое-то извѣстіе, отъ котораго всѣ Шведы пришли въ сильное смущеніе. На другой день пришелъ къ Русскимъ уполномоченнымъ Штамкенъ и, прося покровительства царскаго величества, объявилъ странныя вѣсти: 7 числа прискакалъ въ Стокгольмъ курьеръ изъ Норвегіи, и въ слѣдъ за тѣмъ молодой герцогъ Голштинскій, баронъ Гёрцъ и всѣ Голштинцы были внезапно арестованы, всѣ, находившіеся у Стокгольма корабли задержаны и вся заграничная корреспонденція запрещена. Съ 14 до 23 числа не было изъ Швеціи никакого извѣстія; 23 числа, когда Шведскіе уполномоченные обѣдали у Русскихъ, имъ пришли сказать, что на островъ пріѣхалъ Шведскій капитанъ. При этой вѣсти Гилленборгъ сильно переполошился и сейчасъ же пошелъ на свою квартиру, а Штамкенъ остался въ Русской квар-

тирѣ; много разъ присылали съ Шведской стороны звать его домой, но онъ не пошелъ, а остался ночевать у Русскихъ. На другой день открылось, что король убитъ въ Норвегіи, при осадѣ Фридрихсгаля, всѣ Голштинскіе министры арестованы и капитанъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ взять Штамкена. Но капитанъ уѣхалъ назадъ безъ Штамкена, который остался у Русскихъ уполномоченныхъ [163].

Смерть Карла XII поднимала вопросъ, кому быть его преемникомъ на престолѣ Шведскомъ? Ближайшимъ наслѣдникомъ былъ сынъ старшей сестры короля, Карлъ Фридрихъ герцогъ Голштинскій, находившійся въ войскѣ при дядѣ, во время смерти послѣдняго. Но старинная вражда Шведовъ къ Голштинскому дому чрезвычайно усилилась въ послѣдніе три года, когда въ Голштинцахъ, Гёрцѣ съ товарищи, видѣли виновниковъ раззоренія Швеціи. Въ слѣдствіе этого образовалась сильная партія, которая желала видѣть на престолѣ младшую сестру Карла XII, Ульрику Элеонору, мужъ которой, Фридрихъ, наслѣдный принцъ Гессенскій, нравился своею пріятною наружностію, общительностію, благоразуміемъ: принцъ высказывалъ мирныя наклонности, что вполнѣ согласовалось съ общею потребностію, и тѣмъ болѣе имѣло цѣны, что онъ былъ извѣстенъ своею храбростію, тогда какъ молодой герцогъ Голштинскій не могъ обратить на себя вниманія ни однимъ сильно выдающимся достоинствомъ. Карлъ XII оказывалъ одинаковое расположеніе къ племяннику и къ сестрѣ, и приводилъ въ отчаяніе ихъ приверженцевъ своимъ равнодушіемъ къ вопросу о престолонаслѣдіи. Когда ему представляли необходимость назначить наслѣдника, то онъ отвѣчалъ: «Всегда сыщется голова, которой придется въ пору Шведская корона. Довольно съ меня держать въ повиновеніи народъ, пока я живъ; могу ли я надѣяться, что онъ будетъ мнѣ послушенъ и послѣ моей смерти [164]?» Но подлѣ Голштинской и Гессенской партіи все сильнѣе и сильнѣе становилась партія либеральная. Безцеремонное обращеніе Карла и Гёрца съ имуществомъ и жизнію Шведовъ заставило не только дворянство, но и всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей желать ограниченія королевской власти. Либераламъ нравилось соперничество между Голштинскимъ и Гессенскимъ домами: для полученія короны соперники должны будутъ пожертвовать самодержавіемъ.

Либералы не ошиблись въ своихъ расчетахъ. Въ то время какъ герцогъ Голштинскій, по нерѣшительности своей, не воспользовался первыми минутами по смерти дяди, чтобъ привлечь на свою сторону войско и заставить его провозгласить себя королемъ, тетка его Ульрика Элеонора, спѣша перехватить корону, купила ее у Сената цѣною самодержавія. Она была *избрана* королевою на условіяхъ ограниченія власти, и коронована въ мартѣ 1719 года; герцогъ Голштинскій, преслѣдуемый ненавистію тетки, оставилъ Швецію. Либеральная партія ознаменовала свое торжество казнью Гёрца. Въ своей ненависти къ этому министру, могла ли она продолжать и докончить его дѣло, заключить миръ съ Россіею на условіяхъ, требуемыхъ царемъ? Понятно, что должно было осилить мнѣніе, по которому слѣдовало поступить вопреки Гёрцову плану, пожертвовать Германскими владѣніями, какъ безполезными для Швеціи, помириться на этихъ условіяхъ со всѣми своими врагами, и продолжать войну съ одною Россіею для возвращенія Лифляндіи и Эстляндіи. Но сначала надѣялись выиграть время, надѣялись, что царь будетъ уступчивѣе при перемѣнѣ обстоятельствъ.

Послѣ извѣстій о смерти Карла XII, Остерманъ уѣхалъ съ конгресса въ Петербургъ; на Аландскихъ островахъ остался одинъ Брюсъ, которому, въ февралѣ 1719 года, Гиллемборгъ вручилъ грамоту королевы Элеоноры для отправленія къ царю, при чемъ объявилъ, что королева надѣется на возстановленіе прежней дружбы между Россіею и Швеціею, желаетъ продолженія конгресса и, вмѣсто барона Гёрца, отправляетъ на Аландскіе острова барона Лиліенштета. Брюсъ, имѣя царскій указъ, обратился къ Гиллемборгу съ вопросомъ, какъ Шведское правительство намѣрено окончить дѣло, потому что интересъ царскаго величества требуетъ полученія немедленнаго объ этомъ свѣдѣнія. Гиллемборгъ отвѣчалъ, что не можетъ объявить ничего опредѣленнаго, потому что правительсто занято внутренними дѣлами: еще покойный король не похороненъ, королева не коронована, сеймъ еще не кончился. При этомъ Гиллемборгъ заговаривалъ, что теперь Русскимъ уполномоченнымъ надобно поступать въ условіяхъ своихъ снисходительнѣе, что Шведы сильно будутъ домогаться Лифляндіи и Эстляндіи; что всѣ сѣверные союзники у нынѣшней королевы домогаются мира, и французскій министръ при Шведскомъ

дворѣ, графъ Деламаркъ, для этого отправился въ Копенгагенъ; что королева скорѣе помирится съ союзниками, чѣмъ покойный король. Брюсъ доносилъ своему двору, что Лиліенштетъ скоро не пріѣдетъ, Гиллемборгъ одинъ отказывается вступить въ переговоры, и по всему видно, что Шведы хотятъ только протянуть время.

11 марта въ Петербургѣ Остерманъ подалъ царю *Всеподданнѣйшее генеральное разсужденіе, касающееся до учиненія мира съ Швеціею:* «По всѣмъ извѣстіямъ партія принцессы преодолѣла. Королева, для пріобрѣтенія народной любви, тотчасъ отреклась отъ неограниченной власти, и достовѣрно, что Шведы самовластнаго короля больше имѣть не захотятъ, на нынѣшнемъ сеймѣ правительство шведское въ древнее состояніе приведутъ, и примутъ такія мѣры, чтобъ никогда никакой король самодержавія въ Швеціи получить не могъ. Шведское государство впрочемъ въ такое состояніе пришло, что всѣми силами будетъ стараться о заключеніи со всѣми мира, и какая бы партія ни одолѣла, принуждена искать мира. Интересъ Швеціи состоитъ въ томъ, чтобъ привести дѣло къ общему съѣзду, и на немъ договариваться о мирѣ со всѣми своими непріятелями. Царское величество опаснѣйшій и сильнѣйшій непріятель короны шведской, и не надобно сомнѣваться, что Шведы всѣми силами будутъ искать мира съ его величествомъ. На Аландѣ Шведамъ доказано, что хотя бы они съ другими миръ и заключили, и, понадѣясь на чью-нибудь помощь, продолжали войну съ Россіею, то этимъ продолженіемъ войны Швеція придетъ только въ конечное разореніе; и сверхъ того сами они могутъ разсудить, что имъ на чужую помощь мало можно надѣяться, ибо никто для Швеціи не станетъ вести долгую войну съ такимъ сильнымъ и отдаленнымъ государемъ, какъ царское величество; Англія, для возвращенія Лифляндіи Швеціи, не захочетъ погубить свою торговлю въ Россіи и во всякомъ случаѣ царское величество еще 30 лѣтъ можетъ продолжать войну не только оборонительную, но и наступательную. Шведы это понимаютъ; но всеже надобно предполагать, что они будутъ хлопотать о какомъ нибудь смягченіи условій? За нѣмецкія провинціи Шведы стоять не будутъ, но будутъ стараться, чтобъ за нихъ получить какое-нибудь облегченіе съ здѣшней стороны, въ чемъ король англійскій и другія недоброжелательныя

Россіи государства на общемъ съѣздѣ всячески будутъ Швеціи помогать. О людяхъ, которые теперь имѣютъ сильнѣйшее вліяніе на принцессу Ульрику Элеонору, о графѣ Гильденштернѣ, Таубе и Миллерѣ (изъ нихъ два послѣдніе Лифляндцы) извѣстно, что они несклонны къ уступкамъ Россіи. При такихъ обстоятельствахъ еслибъ можно было съ королемъ англійскимъ и другими союзниками возобновить прежнее согласіе, то этотъ путь безъ сомнѣнія былъ бы лучшій; но по всему видно, что это невозможно. Швеція пришла въ совершенную нищету, нѣтъ ни денегъ, ни людей: и если бы царское величество первымъ вешнимъ временемъ нанесъ Швеціи сильное разореніе, то этимъ не только покончилъ бы войну, но предупредилъ и всѣ другіе вредные замыслы; если во время этого разоренія въ Швеціи будетъ происходить борьба партій, то какая-нибудь партія пристанетъ къ Россіи; если же и не будетъ борьбы партій, то народъ, видя конечную свою погибель, будетъ требовать немедленнаго мира съ Россіею.»

На другой день, 12 марта, Брюсу было отправлено приказаніе, побуждать Гиллемборга всевозможными способами, чтобъ назначенный ему въ товарищи баронъ Лиліенштетъ пріѣзжалъ скорѣе на Аландскіе острова; если же нельзя, то пусть Гиллемборгъ получитъ указъ возобновить переговоры и безъ товарища, ибо интересъ царскаго величества не позволяетъ быть въ долгомъ безвѣстіи относительно шведскихъ намѣреній; при этомъ Брюсъ долженъ былъ объявить, что Россія безъ Пруссіи не можетъ вести переговоровъ, и потому прусскій уполномоченный Мардефельдъ поѣхалъ на Аландскіе острова вмѣстѣ съ Остерманомъ. Остерманъ отправился съ такими инструкціями: царское величество заключитъ миръ не иначе, какъ получивъ въ вѣчное владѣніе Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію со всѣми городами, островами, берегами и дистриктами, городъ Выборгъ и надлежащую границу съ Финляндской стороны, также часть Кареліи со включеніемъ Кексгольма. Если получить это будетъ нельзя безъ всякаго взаимнаго обязательства, въ такомъ случаѣ царское величество обяжется помогать Швеціи въ полученіи ей выгодъ съ другой стороны, но чтобъ Шведы объявили имъ, какой помощи требуютъ. Или вмѣсто того царское величество за уступку Лифляндіи обѣщаетъ въ два года и въ четыре срока заплатить милліонъ рублей деньгами или нужными для Швеціи вещами.

Въ Стокгольмъ отправленъ былъ бригадиръ Лефортъ, который, «пришедъ къ королевѣ долженъ былъ учинить оной отъ его царскаго величества комплиментъ сожалительный въ пристойныхъ терминахъ о смерти брата ея, а потомъ поздравить королеву о вступленіи оной на престолъ, еже его царскому величеству зѣло пріятно и благодарить притомъ ей королевѣ за учиненную о всемъ ономъ его царскому величеству чрезъ присланную грамоту нотификацію, что его царское величество изволилъ принять за особливой знакъ склонности ея къ его величеству, и что его царское величество, съ своей стороны, повелѣлъ засвидѣтельствовать, что онъ истинную склонность имѣетъ — настоящую между обоими государствами отъ многихъ лѣтъ продолжающуюся войну и кровопролитіе благополучнымъ и къ пользѣ обѣихъ странъ подданнымъ постояннымъ миромъ прекратить.» Отъ министровъ Лефортъ долженъ былъ требовать, чтобъ Лиліенштетъ отправленъ былъ немедленно на Аландъ; если же со стороны шведской будетъ промедленіе, то царское величество принужденъ будетъ принять свои мѣры, какихъ требуютъ настоящія обстоятельства: «и того ради дабы они о томъ его царскому величеству немедленную и категорическую резолюцію учинили.»

На представленіи королевѣ Лефортъ началъ говорить комплиментъ по французски; но Ульрика Елеонора просила его говорить по нѣмецки, и отвѣчала, что она очень благодарна царскому величеству за его грамоту, что миръ не состоялся не по ея винѣ, и что она послѣднее свое рѣшеніе объявитъ министрамъ своимъ, находящимся на Аландѣ. Потомъ королева сняла «рукавицы,» дала Лефорту поцѣловать руку и ушла въ свой апартементъ. Лефортъ пошелъ къ мужу королевы, наслѣдному принцу Кассельскому, къ которому было также письмо отъ царя. Принцъ сказалъ, что онъ царскому величеству очень обязанъ за честь, ему оказанную и просилъ Лефорта бывать у него. Министры объявили Лефорту, что они охотно желаютъ мира съ Россіею, но мира сноснаго; и если добрыхъ условій получить нельзя, то чины государственные скорѣе намѣрены все потерять, чѣмъ учинить миръ непристойный и безчестный.

Между тѣмъ 4 апрѣля пріѣхалъ Остерманъ на конгрессъ, и 6-го оба уполномоченные доносили: «По всѣмъ шведскимъ поступкамъ довольно видно, что они надѣятся получить съ вашимъ величе-

ствомъ миръ на легчайшихъ условіяхъ, и продолжаютъ конгрессъ во первыхъ для того, чтобъ не дать Россіи придти въ прежнее согласіе съ союзниками, во вторыхъ, чтобъ удержать ее отъ воинскихъ дѣйствій противъ Швеціи.» Гиллемборгъ требовалъ, чтобъ со стороны русскихъ уполномоченныхъ предложены были вновь мирныя условія, ибо на старыхъ условіяхъ заключить мира нельзя: всѣ въ Швеціи того мнѣнія, что лучше съ Россіею остаться въ войнѣ, чѣмъ уступить такія провинціи, которыя шведскому королевству служатъ хлѣбными амбарами, что лучше, для полученія мира съ другими непріятелями, потерять нѣмецкія провинціи, отъ которыхъ нѣтъ никакой выгоды, и продолжать съ Россіею оборонительную войну, дожидаясь благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. По мнѣнію Брюса и Остермана, царь, для полученія мира, долженъ былъ предпринять какое-нибудь *«сильное дѣйство,»* а между тѣмъ продолжать переговоры на Аландѣ, чтобъ они не остерегались и не спѣшили заключеніемъ мира съ другими, и такъ какъ въ Швеціи большая нужда во всемъ, особенно въ съѣстныхъ припасахъ, и Голландцы съ Англичанами при первой возможности повезутъ туда хлѣбъ, то необходимо запретить вывозъ хлѣба хотя на одинъ годъ изъ русскихъ и прусскихъ гаваней, также препятствовать, чтобъ его не вывозили изъ Данцига. Уполномоченные замѣчали, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, Шведы стараются развести царя съ королемъ прусскимъ и съ каждымъ вести особые переговоры; для этого отказываютъ въ допущеніи Мардефельда на конгрессъ, и Мардефельдъ получилъ письмо отъ наслѣднаго принца Гессенъ-Кассельскаго съ приглашеніемъ пріѣхать на свиданіе. Такъ какъ при настоящей формѣ правительства въ Швеціи не только принцъ, но и сама королева имѣютъ очень мало силы, то невѣроятно, чтобъ принцъ сдѣлалъ это приглашеніе безъ вѣдома государственнаго совѣта; вѣроятно письмо написано для того, чтобъ сдѣлать Мардефельду нѣкоторыя внушенія или испытать его, не склонится ли король Прусскій къ особливымъ переговорамъ. Уполномоченные писали, что если Шведы рѣшатся пожертвовать своими провинціями въ Германіи, то Прусскій король, получивши желаемыя земли, не останется на Русской сторонѣ.»

Это замѣчаніе было очень важно для Петербургскаго двора. Въ Берлинѣ графъ Александръ Головкинъ увѣрялъ барона Ильгена

честнымъ словомъ, что царь безъ включенія Пруссіи не подпишетъ мирнаго договора съ Швеціею, какъ бы онъ ни былъ выгоденъ для Россіи, чтобъ король былъ благонадеженъ и, съ своей стороны, поступалъ бы такимъ же образомъ. Ильгенъ отвѣчалъ, что король нисколько въ этомъ не сомнѣвается, только, по ходу дѣла на Аландѣ, опасно, чтобъ другіе не предупредили своимъ миромъ, отъ чего общимъ интересамъ можетъ произойти большой вредъ, особенно Прусскій король останется въ большой опасности по положенію своихъ земель въ имперіи, ибо цесарь можетъ легко вмѣшаться въ Штетинское дѣло, и прусскому королю трудно будетъ противиться. Головкинъ увѣрялъ въ сильной помощи царской; представлялъ, что если Швеція обнаруживаетъ мало склонности къ миру, то надобно ее принудить, для чего царь намѣренъ употребить оружіе и запретилъ выпускать хлѣбъ изъ своихъ гаваней въ продолженіи года, что долженъ сдѣлать у себя и прусскій король и Данцигъ принудить къ тому же. Ильгенъ отвѣчалъ, что такое запрещеніе не поможетъ, потому что Шведы могутъ получить хлѣбъ изъ Германіи, Фландріи, Англіи и другихъ странъ, которымъ будетъ выгода, а прусскимъ подданнымъ убытокъ.

Въ половинѣ мая царь отправилъ на Аландъ третьяго уполномоченнаго, генералъ-майора Павла Ягужинскаго съ прибавкою къ Остермановской инструкціи еще слѣдующаго пункта: «Если бы на всѣхъ тѣхъ условіяхъ Швеція не захотѣла уступить Лифляндію въ вѣчное владѣніе, то при послѣдней крайности царское величество соизволитъ, чтобъ Лифляндія оставлена была въ Русскомъ владѣніи отъ тридцати до двадцати лѣтъ, и по окончаніи этого срока она будетъ возвращена Швеціи.

27 мая пріѣхалъ на Аландскіе острова и другой шведскій уполномоченный, Лиліенштетъ. Начались конференціи. Русскіе уполномоченные прежде всего объявили, что не войдутъ въ переговоры безъ участія Мардефельда; Шведскіе отвѣчали, что не могутъ допустить этого участія, потому что съ Пруссіею дѣло пойдетъ объ имперскихъ земляхъ, къ чему нельзя приступить безъ предварительнаго согласія цесаря, какъ главы имперіи. — «Мы васъ хорошо понимаемъ, сказали на это Русскіе уполномоченные: ваши поступки клонятся къ одному, чтобъ разлучить насъ съ Пруссіею, но это вамъ не удастся.» Шведы объявили что ско-

ро должны получить указъ о Мардефельдѣ и приступили къ главному дѣлу. Лиліенштетъ внушалъ, что въ Швеціи многіе были того мнѣнія, чтобъ прежде помириться съ другою стороною, однако превозмогло рѣшеніе заключить миръ съ Россіею, но если благоразумнаго мира съ Россіею получить не могутъ, то принуждены будутъ помириться и съ другою стороною. Русскіе уполномоченные отвѣчали, что имъ неприлично разсуждать о томъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ полезно Шведскимъ интересамъ, ибо каждый умный человѣкъ самъ это легко можетъ разсудить; и потому просятъ не грозить примиреніемъ съ другими, эта угроза только дѣло испортитъ, ибо царское величество не имѣетъ причины бояться Швеціи и всѣхъ ея помощниковъ. Но Лиліенштетъ продолжалъ стращать, спрашивалъ, извѣстно ли царю, что противъ него ведутся большія интриги, что недавно и союзъ противъ него заключенъ. — «Царское величество знаетъ своихъ друзей и недруговъ, отвѣчали Русскіе уполномоченные: вы намекаете на союзъ, недавно заключенный между цесаремъ и королями англійскимъ и польскимъ, но время покажетъ вамъ, противъ кого заключенъ этотъ союзъ; цесарь и король англійскій всѣми средствами ищутъ возстановить прежнее согласіе съ царскимъ величествомъ.»

Царь, по согласію съ прусскимъ королемъ, писалъ къ своимъ уполномоченнымъ, чтобъ они, въ ожиданіи рѣшенія вопроса о Мардефельдѣ въ Стокгольмѣ, договаривались безъ него со Шведами вмѣстѣ о своемъ и Прусскомъ дѣлѣ, для чего Мардефельдъ черезъ нихъ пусть дѣлаетъ предложенія; если Шведы будутъ требовать, чтобъ прежде кончить дѣло о Русскихъ требованіяхъ, то согласиться и на это, только объявить, что хотя бы между Россіею и Швеціею и было все улажено, но послѣ тутъ же на Аландскихъ островахъ Шведы съ Прусскимъ уполномоченнымъ не уладятся, то и трактатъ съ Россіею будутъ вмѣненъ ни во что. «Предаемъ то дѣло въ ваше управленіе, а мы, съ своей стороны, намѣрены между тѣмъ воинскія операціи чинить и тѣмъ ихъ къ миру принудить.»

Между тѣмъ графъ Александръ Головкинъ узналъ въ Берлинѣ, что здѣсь Ганноверская партія сильно интригуетъ, чтобъ отвлечь короля Фридриха-Вильгельма отъ Россіи и заставить его вступить въ соглашеніе съ королемъ Георгомъ Англійскимъ. Фридри-

ху-Вильгельму представленъ уже былъ и проектъ этого соглашенія: Англійскій король гарантировалъ Пруссіи Штетинъ съ дистриктомъ по рѣку Пѣну и съ островами Уэедомомъ и Волиномъ; Прусскій король гарантировалъ Ганноверу княжество Бременское и Верденское; король Польскій включается въ трактатъ: онъ гарантируетъ Пруссіи и Ганноверу ихъ пріобрѣтенія, за что Швеція должна признать его на польскомъ престолѣ; король Прусскій и Англійскій будутъ стараться, чтобъ Швеція послала своихъ министровъ на Брауншвейгскій конгрессъ для мирнаго постановленія. Головкинъ представилъ королю, какія будутъ вредныя слѣдствія этого соглашенія: отлучивши его отъ Россіи, будутъ потомъ съ нимъ дѣлать, что захотятъ; помощь короля Англійскаго по прежнимъ примѣрамъ извѣстна. «Я конечно такъ глубоко съ Англичанами въ обязательство не вступлю, чтобъ моя добрая дружба съ царскимъ величествомъ могла быть повреждена,» отвѣчалъ король. — «Вашему величеству, говорилъ Головкинъ, извѣстны вредныя для Пруссіи намѣренія Польскаго короля, и я не знаю, для чего бы вамъ, изъ угожденія королю Англійскому, собственнымъ интересамъ вредъ наносить?» — «Я этого предложенія о королѣ Польскомъ не приму, отвѣчалъ король. Головкинъ указалъ потомъ на Брауншвейгскій конгрессъ, какъ на коварное средство, употребленное королемъ Георгомъ для того, чтобъ отвести Пруссію отъ Аландскаго конгресса.» Я и самъ вижу, отвѣчалъ король, что мало пользы на Брауншвейгскомъ конгрессѣ будетъ для общихъ нашихъ интересовъ, и всячески отъ него уклоняться буду; однако если цесарь вступится, и, какъ глава имперіи, потребуетъ, чтобъ князья имперскіе, участвующіе въ Сѣверной войнѣ, послали министровъ своихъ на этотъ конгрессъ, то въ такомъ случаѣ и мнѣ нельзя будетъ не послать своего министра, для чего надобно спѣшить Аландскими переговорами. Англійскій король желаетъ подлинно знать, не имѣю ли я съ царскимъ величествомъ какихъ трактатовъ противъ имперіи, и чтобъ я впередъ въ подобные трактаты не вступалъ: мнѣ легко было дать въ этомъ обнадеживаніе, потому что и дѣйствительно у меня съ царскимъ величествомъ наступательныхъ союзовъ нѣтъ; но если цесарь станетъ на насъ нападать, въ такомъ случаѣ естественно всякому себя оборонять и свои мѣры принимать. Я непремѣнно въ доброй дружбѣ и твердомъ соединеніи

съ царскимъ величествомъ пребуду, я въ царскомъ величествѣ имѣю единаго истиннаго и прямаго друга себѣ.»

Узнавъ, что король призывалъ къ себѣ министровъ, Головкинъ поѣхалъ къ Ильгену и спрашивалъ, въ какомъ смыслѣ составленъ отвѣтъ на англійскія предложенія? Ильгенъ показалъ ему три пункта, написанные королевскою рукою, изъ которыхъ одинъ какой-нибудь долженъ быть внесенъ въ трактатъ вмѣсто пункта о королѣ Польскомъ: 1) короли Англійскій и Прусскій не будутъ мириться безъ включенія и удовольствованія царя, короля Датскаго и Польскаго. 2) Если министры Англійскіе не согласятся, то написать, что король Англійскій и Прусскій не заключать такого мира съ Швеціею, который былъ бы предосудителенъ прочимъ сѣвернымъ союзникамъ и противенъ существующимъ между ними договорамъ. 3) Если Англійскіе министры непремѣнно будутъ требовать внесенія пункта о Польскомъ королѣ, то Прусскій король требуетъ: a) чтобъ король Польскій и рѣчь посполитая отказались отъ притязаній своихъ па Бранденбургскую Пруссію; b) чтобъ король Польскій взялъ назадъ грамоту свою, въ которой говорилъ, что имѣетъ довольно причинъ вмѣшиваться въ Прусскія дѣла; c) чтобъ рѣчь посполитая признала за Русскими королями королевскій титулъ; d) чтобъ король Польскій и рѣчь посполитая гарантировали Штетинъ съ дистриктомъ. — Ильгенъ замѣтилъ при этомъ, что, благодаря такимъ условіямъ, едва ли Англійскій король согласится заключить договоръ; если же согласится, то царскому величеству будетъ выгодно, и Берлинскій дворъ тѣмъ удобнѣе можетъ содѣйствовать къ примиренію царя съ королемъ Англійскимъ. «Это такъ, отвѣчалъ Головкинъ: но зачѣмъ остался пунктъ о Брауншвейгскомъ конгрессѣ: когда цесарь въ то дѣло вступится, то, получа силу, захочетъ, чтобъ все по его волѣ дѣлалось.» Ожиданія Ильгена сбылись, Англійскій посланникъ при Берлинскомъ дворѣ, Витвортъ объявилъ, что, по инструкціямъ своимъ, онъ не можетъ согласиться на включеніе въ договоръ пунктовъ, требуемыхъ прусскимъ королемъ.

Между тѣмъ Шведскіе уполномоченные на Аландѣ явно длили время: то говорили, что день со дня ждутъ изъ Швеціи указа на счетъ переговоровъ о прусскомъ мирѣ; то вдругъ объявили, что Гиллемборгу необходимо самому ѣхать въ Стокгольмъ по какому-то непредвидѣнному обстоятельству. Русскіе уполномоченные от-

вѣчали на это объявленіе: «Мы хорошо понимаемъ, куда всѣ эти ваши поступки клонятся; но время, быть можетъ, вамъ покажетъ, что вы сами себя обманываете.» Царь хотѣлъ показать это слѣдующимъ образомъ: въ іюлѣ мѣсяцѣ Русскій флотъ изъ 30 военныхъ кораблей, 130 галеръ и ста малыхъ судовъ отплылъ къ Шведскимъ берегамъ. Генералъ-майоръ Ласси направился къ Стокгольму, присталъ у мѣстечка Грина, и окрестная страна запылала; 135 деревень, 40 мельницъ, 16 магазиновъ, два города—Остгаммеръ и Орегрундъ, 9 желѣзныхъ заводовъ были выжжены; огромное количество желѣза, людскихъ и конскихъ кормовъ, чего ратные люди не могли взять съ собою, было брошено въ море. Адмиралъ Апраксинъ присталъ къ Ваксгольму, только въ семи миляхъ отъ Стокгольма, и также опустошилъ окрестную страну. Добыча, полученная Русскими, оцѣнивалась болѣе, чѣмъ въ милліонъ таллеровъ и вредъ, причиненный Швеціи, въ 12 милліоновъ. Казаки были въ полуторѣ мили отъ Стокгольма. Въ надеждѣ на впечатлѣніе, какое будетъ произведено походомъ, Петръ отправилъ въ Швецію Остермана за рѣшительнымъ отвѣтомъ. 10 іюля Остерманъ отправился въ Стокгольмъ подъ бѣлымъ флагомъ и возвратился съ грамотою, въ которой королева предлагала царю Нарву, Ревель и Эстляндію, но требовала возвращенія Финляндіи и Лифляндіи. Два непріязненные къ Россіи сенатора, Таубе и Делагарди, въ очень недружескихъ и непристойныхъ выраженіяхъ, выговаривали Остерману, что царь присылаетъ своего министра съ мирными предложеніями, а войска его жгутъ Шведскія области; сенаторы чрезмѣрно хвалились своими сильными войсками и говорили, что никогда не дадутъ приневолить себя къ миру. Остерманъ отвѣчалъ, что такіе недружескіе разговоры никакъ не могутъ содѣйствовать къ ускоренію мира; что царское величество никогда не сомнѣвался, чтобъ у нихъ не было войска, и что если миръ не состоится, то будетъ много случаевъ съ обѣихъ сторонъ показать свою храбрость. Принца Кассельскаго Остерманъ нашелъ весьма несклоннымъ къ миру съ Россіею; онъ и сама королева въ «жестокихъ терминахъ» выговаривали ему, что въ то время какъ онъ является съ мирными предложеніями, Русскіе жгутъ деревни и дома въ близости Стокгольма, и хотя бы у нихъ склонность къ миру и была, то по такимъ поступкамъ вся она пропадаетъ, ибо они не позволятъ принуждать себя къ

миру.—«Заключите со мною прелиминарный трактатъ,» и непріятельскія дѣйствія сейчасъ же прекратятся, отвѣчалъ Остерманъ. Принцъ Кассельскій и президентъ сената графъ Кронгельмъ говорили, что они ничего бы такъ не желали, какъ еслибы Русскія войска высадились на шведскіе берега, что они сами очистили бы имъ мѣсто, чтобъ сраженіемъ окончить дѣло. Остерманъ отвѣчалъ, что Русскимъ войскамъ извѣстна вѣрность и любовь къ отечеству шведскаго народа. Графъ Гилленборгъ объявилъ Остерману по секрету, что большая часть сенаторовъ противится миру съ Россіею, и теперь они еще больше озлоблены сожженіемъ своихъ имѣній отъ Русскихъ войскъ, а между тѣмъ англійскій посолъ дѣлаетъ великія обѣщанія и подкупаетъ, кого можетъ, великими деньгами. Графъ Кронгельмъ говорилъ Остерману: «Я самъ вижу вредныя слѣдствія для Швеціи отъ продолженія войны; но теперь и тѣ, которые прежде были склонны къ миру, такъ озлоблены разореніями, претерпѣнными отъ Русскихъ войскъ, что хотятъ лучше совсѣмъ пропасть, чѣмъ согласиться на такой миръ. Остерманъ сказалъ ему на это: «Вы, графъ, сами убѣждены, что при продолженіи войны настоящая форма правленія у васъ не долго простоитъ и дѣло кончится народнымъ возстаніемъ.»—«Народъ очень противенъ миру», возразилъ Кронгельмъ.—«Народъ, отвѣчалъ Остерманъ, непостояненъ въ своихъ мнѣніяхъ: которые сегодня не желаютъ мира, завтра съ жаромъ будутъ его требовать[165].»

21 Августа Петръ далъ уполномоченнымъ своимъ указъ: «Повелѣваемъ вамъ по полученіи сего быть на томъ конгрессѣ еще одну недѣлю для ожиданія туда изъ Швеціи прибытія назначенныхъ отъ королевскаго величества министровъ или присылки новаго къ барону Лиліенштету о вступленіи съ вами въ мирную негоціацію указу; а когда тѣ шведскіе министры изъ Швеціи на Аландъ и прибудутъ, или вмѣсто того указъ къ барону Лиліенштету новый пришлется, но ежели шведскіе министры станутъ предлагать о мирѣ съ нами прежнія свои взмѣрительныя кондиціи и несогласныя съ основаніемъ нашихъ послѣднихъ кондицій, то вамъ, не продолжая о томъ съ ними негоціацію болѣе двухъ недѣль, по прошествіи той вышеупомянутой недѣли, тотъ конгрессъ разорвать и ѣхать съ Аланда къ двору нашему; но при отъѣздѣ своемъ оттуду отдать вамъ шведскимъ полномочнымъ ми-

нистрамъ грамоту къ королевскому величеству Шведской въ отвѣтъ на присланную отъ нея къ намъ съ тобою, нашимъ канцеляріи совѣтникомъ, и притомъ имъ, полномочнымъ, объявить, что ежели ея королевское величество, усмотря наши благонамѣренные къ миротворенію поступки (и по разорваніи онаго конгресса) восхощетъ иногда съ нами миръ на основаніи вышеозначенныхъ предложенныхъ ей послѣднихъ кондицій чинить, то мы отъ того не отрицаемся, и дабы ея королевское величество въ такомъ случаѣ немедленно паки на Аландъ или прямо къ двору нашему съ полною мочью и съ довольными инструкціями прислала изъ министровъ кого изволитъ.» Брюсъ съ товарищами объявилъ объ этомъ указѣ Лиліенштету, и тотъ далъ знать объ немъ въ Стокгольмъ. 6 сентября Лиліенштетъ объявилъ Русскимъ уполномоченнымъ, что получилъ указъ изъ Стокгольма: королева объявляетъ, что въ послѣднихъ условіяхъ своихъ довольно показала свое желаніе къ миру, ибо хотѣла сдѣлать знатныя, чрезвычайно для нея чувствительныя уступки; но царское величество принять ихъ не хочетъ и велѣлъ объявить, что если въ три недѣли предложенный имъ ультиматумъ принятъ не будетъ, то его уполномоченные имѣютъ указъ уѣхать съ Аландскихъ островов: поэтому и королева приказываетъ своему уполномоченному, барону Лиліенштету ѣхать съ островов и порвать конгрессъ. Русскіе уполномоченные отвѣчали, что имъ ничего болѣе не остается, какъ готовиться къ отъѣзду[166].

Такъ кончился Аландскій конгрессъ. Съ 1716 года дипломатическая война велась между Русскимъ царемъ и Англійскимъ королемъ, и Швеціи надобно было выбирать между ними. Подъ вліяніемъ Гёрца Карлъ XII склонялся къ миру и союзу съ Россіею; по смерти Карла новое правительство естественно склонилось на сторону Англіи. Лѣтомъ 1719 года посланники короля Георга, Англійскій и Ганноверскій заключили миръ съ Швеціею, которая уступила Ганноверу Бременъ и Верденъ. Слѣдствіемъ этого мира было порваніе Аландскаго конгресса. Но Швеція одна была не въ состояніи воевáть съ Россіею, ей нужно было помочь; Георгъ не могъ оказать дѣятельной, непосредственной помощи, потому что не могъ заставить Англію объявить войну Россіи; ему оставалось поднимать противъ царя другія государства, вслѣдствіе чего дипломатическая борьба загорѣлась съ новою силой,

и далеко оставила за собою борьбу военную. Сильно велась она въ Вѣнѣ, гдѣ была удобная почва. Дѣло царевича Алексѣя произвело снова охлажденіе между царемъ и цесаремъ; а съ другой стороны покушеніе Испаніи возвратить себѣ прежнія владѣнія въ Италіи заставляли императора сближаться съ Англіею, заискивать у ея короля. Въ генварѣ 1718 года Абрамъ Веселовскій далъ знать изъ Вѣны, что цесарь велѣлъ президенту рейхсгофрата, графу Виндишгрецу тайно внушить Ганноверскому посланнику, какую услугу король Георгъ окажетъ императору и всей имперіи, если заключитъ отдѣльный миръ съ Швеціею. Императоръ сильно опасается отдѣльнаго мира Россіи съ Швеціею, потому что тогда произойдетъ большое смятеніе въ имперіи, и герцогъ Мекленбургскій прислужится своими войсками Шведскому королю. Въ мартѣ Веселовскій объявилъ императору о лишеніи царевича Алексѣя наслѣдства и о назначеніи наслѣдникомъ царевича Петра Петровича; императоръ отвѣчалъ: «Мы царю, вашему государю, за сообщеніе новаго опредѣленія очень обязаны, и надѣемся, что онъ самъ всего лучше можетъ знать, что полезнѣе ему и государству его быть можетъ.» Непріятности только начинались. Въ апрѣлѣ Веселовскій явился къ императору съ жалобою на резидента при Русскомъ дворѣ, Плейера, который сообщилъ своему двору ложныя извѣстія, оскорбительныя для особы царя. Веселовскій просилъ, чтобъ Плейеръ былъ немедленно отозванъ и на его мѣсто былъ присланъ другой. Чрезъ нѣсколько времени опять является Веселовскій къ императору и разсказываетъ, какъ въ бытность царевича въ Неаполѣ присылалъ къ нему вице-канцлеръ графъ Шёнборнъ своего секретаря съ требованіемъ, чтобъ царевичъ написалъ письмо къ сенаторамъ и архіереямъ, что онъ и сдѣлалъ противъ воли, и письма эти находятся у вице-канцлера: такъ чтобъ царское величество, по всегдашней дружбѣ и склонности къ царскому величеству, приказалъ эти письма отдать ему, Веселовскому. Императоръ отвѣчалъ съ удивленіемъ, что онъ никогда не приказывалъ вице-канцлеру требовать отъ царевича подобныхъ писемъ, и безъ указа онъ этого сдѣлать не могъ. Веселовскій отправился къ принцу Евгенію, къ графу Цинцендорфу: тѣ повторяли слова императора; Веселовскій возражалъ, что царевичу не для чего затѣвать басней. Обѣщали по этому и Плейерову дѣлу имѣть особую министерскую конферен-

цію, и начали тянуть время. Веселовскій жаловался принцу Евгенію, что такъ долго не хотятъ рѣшить такого предъ всѣмъ свѣтомъ праведнаго дѣла. Принцъ отвѣчалъ: «какъ можетъ царское величество ставить въ вину резиденту Плейеру, что онъ доносилъ своему государю слышанныя имъ отъ людей извѣстія? народное право тутъ не нарушено, и не видно, чтобъ Плейеръ имѣлъ какія сношенія съ подданными царскаго величества.»—«Изъ донесенія видно, говорилъ Веселовскій, что либо онъ все это выдумалъ для ослабленія дружбы царскаго величества съ императоромъ, либо имѣлъ сообщеніе съ преступными подданными царскаго величества, которые ему сообщили такія вѣдомости въ ущербъ славы и интересу государя своего.» Видя, что принцъ Евгеній продолжаетъ защищать Плейера, Веселовскій объявилъ, что если императоръ не отзоветъ Плейера, то царь принужденъ будетъ самъ выслать его изъ Россіи. Евгеній съ немалымъ *фукованіемъ* (раздраженіемъ) сказалъ, что донесетъ объ этомъ императору.

Это доношеніе оставалось безъ послѣдствій, не смотря на сильное стараніе резидента получить скорѣйшее рѣшеніе. Онъ объявилъ министрамъ, что въ такой медленности царь увидитъ знакъ нерасположенія императора къ себѣ. «Императоръ, отвѣчали министры, всегда желалъ сохранять дружбу съ царскимъ величествомъ; а какъ царское величество съ нами поступаетъ, мы это узнали подъ рукою.»—«Скажите, что такое вы узнали?» спросилъ Веселовскій; но министры уклонились отъ отвѣта. Между тѣмъ резидентъ провѣдалъ о сношеніяхъ Польскаго короля съ Вѣнскимъ дворомъ. Представлены были два мемуара: въ первомъ Августъ II жаловался, что Польша постоянно подвергается насиліямъ и обидамъ со стороны царя, и, не будучи въ состояніи противиться собственными войсками (а Саксонскихъ въ Польшу впускать не хотятъ), прибѣгаетъ къ императору съ просьбою, чтобъ онъ принялъ мѣры къ отвращенію этого зла. Онъ, король Августъ, получилъ извѣстіе, что царь намѣренъ выдать племянницу свою, овдовѣвшую герцогиню курляндскую за претендента (Стюарта) и доставить ему польскій престолъ по смерти его, Августа; а какой произойдетъ вредъ цесарю и другимъ сосѣднимъ державамъ, когда Польша почти что соединена будетъ съ Россіею, о томъ самъ цесарь можетъ разсудить. Во второмъ мему-

арѣ Августъ объявляетъ, что царь ведетъ переговоры объ отдѣльномъ мирѣ съ Швеціею, и хотя обнадеживаетъ его, Августа, что безъ общаго согласія мира не заключитъ, но онъ ему не вѣритъ и проситъ императора убѣдить Англійскаго короля, чтобъ тотъ, когда будетъ заключать отдѣльный миръ съ Швеціею, включилъ въ свой договоръ и Польскаго короля. Императоръ послалъ объ этомъ указъ къ посланнику своему въ Лондонъ, и Англійскій король обѣщалъ исполнить желаніе императора,

Наконецъ въ маѣ мѣсяцѣ принцъ Евгеній объявилъ Веселовскому, что императоръ изъ присланной копіи Плейерова донесенія не можетъ усмотрѣть ничего, что было бы противно международному праву или чтобъ его резидентъ имѣлъ сообщеніе съ царскими подданными, но что онъ доносилъ все слышанное, исполняя свою обязанность; поэтому императоръ не долженъ его отзывать, и не хочетъ допустить, чтобъ иностранная держава принуждала его перемѣнять своихъ министровъ, ибо одна держава не можетъ предписывать закона другой. Что же касается трехъ писемъ царевича Алексѣя, то вице-канцлеръ былъ спрошенъ передъ всѣми министрами, и обнаружилось, что царевичъ самъ эти письма прислалъ къ вице-канцлеру для отсылки въ Польшу; но письма не отправлены, оставлены здѣсь, изъ чего можно видѣть доброе расположеніе императора къ царскому величеству. Тутъ принцъ Евгеній показалъ Веселовскому издали три запечатанныя письма. Веселовскій замѣтилъ, что такой отвѣтъ императора будетъ очень непріятенъ царю, который не можетъ впередъ съ полною откровенностію сноситься съ Плейеромъ, и доброе согласіе между двумя дворами не можетъ быть поддержано такимъ лицомъ. Принцъ отвѣчалъ, что другаго рѣшенія со стороны императора не будетъ. Веселовскій просилъ, чтобъ отдали ему письма царевича, и въ томъ получилъ отказъ. Шёнборнъ, именемъ императора, объяснилъ Веселовскому, что Плейеръ не будетъ отозванъ, а если будетъ высланъ силою, въ такомъ случаѣ императоръ уже знаетъ, что дѣлать. Самъ императоръ сказалъ резиденту: «Мы надѣемся, что объ отозваніи Плейера министры наши вамъ уже нашу резолюцію объявили, и о трехъ письмахъ прикажемъ вамъ дать отвѣтъ вскорѣ.» Потомъ Шёнборнъ показалъ Веселовскому одно письмо царевича, и когда тотъ спросилъ, почему показано одно письмо, а не всѣ три, отвѣчалъ со смѣхомъ: «я о другихъ не знаю.»

Поведеніе Вѣнскаго двора объяснялось извѣстіями Веселовскаго въ іюлѣ мѣсяцѣ, что съ Турками у Австріи заключенъ выгодный миръ, и что императоръ отправляетъ въ Польшу чрезвычайнаго посла возбуждать Рѣчь Посполитую противъ пребыванія Русскихъ войскъ въ Польшѣ; что императоръ уговорился съ королемъ Августомъ не только вытѣснить Русскія войска изъ Польши, но добиться того, чтобъ впередъ они ни подъ какимъ предлогомъ туда не входили безъ позволенія цесарскаго и Рѣчи Посполитой. Для этого и для сѣверныхъ дѣлъ положено отправить 25.000 войска въ Силезію и Богемію на границы и, смотря по состоянію дѣлъ, прибавить еще 10.000. Главное намѣреніе Вѣнскаго двора состоитъ въ томъ, чтобъ поддержать возложенное на Ганноверъ порученіе заставить герцога Мекленбургскаго выслать Русскія войска изъ своихъ владѣній; помирить герцога съ дворянствомъ его на условіяхъ, требуемыхъ послѣднимъ, какъ правымъ, и городъ Ростокъ привести въ прежнія отношенія къ герцогу. Кромѣ того Вѣнскій дворъ опасается короля Прусскаго, зная, что онъ очень склоненъ къ Россіи; боятся, что если состоится миръ между Россіею и Швеціею, то Прусскій король соединитъ свои войска съ Шведскими; увѣрены, что Карлъ XII, по заключеніи мира съ Россіею, высадится у Данцига, вступитъ въ Германію и будетъ война за вѣру протестантскую, потому что, послѣ несчастія Шведскаго короля подъ Полтавою, въ Австрійскихъ владѣніяхъ начали притѣснять протестантовъ и теперь представленія Шведскаго резидента на этотъ счетъ отстранены. Въ Вѣнѣ боятся также Русскихъ войскъ, которыя стоятъ въ Польшѣ; боятся, что если три тысячи Русскихъ войскъ, стоящія въ Мекленбургѣ, будутъ оттуда вытѣснены, то царь отомститъ за это и за непріятности по дѣлу царевича впаденіемъ въ Силезію. Когда Датскій посланникъ замѣтилъ одному Австрійскому министру: «чего вамъ бояться вторженія Русскихъ войскъ въ Силезію? теперь у васъ миръ съ Турками и вы можете сейчасъ же отправить значительный корпусъ войска и вытѣснить Русскихъ,» то Австріецъ отвѣчалъ: «Правда; только пока царскія войска туда отправятся, Русскіе между тѣмъ сдѣлаютъ тоже въ Силезіи, что дѣлали въ Польшѣ и Мекленбургѣ: побравши все съ собою, уйдутъ и усы оботрутъ; гдѣ потомъ искать удовлетворенія? Россія съ нами не граничитъ, а начинать войну съ нашимъ интере-

сомъ не сходно.» Наконецъ съ австрійской стороны сдѣланъ былъ запросъ Портѣ, для чего она терпитъ пребываніе Русскихъ войскъ въ Польшѣ, когда это запрещено послѣднимъ договоромъ ея съ Россіею.

Въ началѣ Августа пріѣхалъ въ Вѣну генералъ-адъютантъ баронъ Левенвольдъ, которому въ Петербургѣ данъ былъ наказъ представить Вѣнскому двору постоянное желаніе царя заключить съ нимъ союзъ, но всѣ предложенія объ этомъ съ русской стороны до сихъ поръ остаются напрасными; видя это, царь заключилъ союзный договоръ съ Франціею, но и тутъ, когда французское правительство требовало, чтобъ Россія, при нарушеніи Утрехтскаго и Баденскаго договоровъ, обязалась помогать Франціи войскомъ за субсидію, то царь не согласился вступить въ это обязательство, не желая сдѣлать что-нибудь противное цесарю. Царь надѣется, что цесарь, усмотря такія его доброжелательные поступки, перестанетъ вѣрить ложнымъ и неосновительнымъ внушеніямъ на счетъ Россіи. Царь не имѣлъ никогда никакого намѣренія вмѣшиваться въ имперскія дѣла и пріобрѣсти владѣнія въ имперіи, какъ разглашаютъ недоброжелательные люди; это ясно изъ того, что имѣя въ рукахъ Штетинъ, отдалъ его въ поссессію королю Прусскому; легко могъ получить Висмаръ и Штральзундъ, но никогда ихъ не домогался. Вступился за герцога Мекленбургскаго, зная, что его преслѣдуютъ по письмамъ барона Бернсторфа, мекленбургскаго дворянина, который извлекаетъ для себя большія выгоды изъ ссоръ между герцогомъ и его дворянствомъ. Всѣ ложныя противъ Россіи внушенія происходятъ отъ Ганноверскаго двора. Цесарь не доволенъ манифестомъ царскимъ о царевичѣ Алексѣѣ, гдѣ сказано, что цесарь склонилъ царевича къ выѣзду изъ своихъ земель: но, вопервыхъ, это правда; во вторыхъ, манифестъ изданъ только для подданныхъ царскаго величества, а потомъ напечатанъ на иностранныхъ языкахъ иноземными министрами, въ чемъ Русское правительство не виновато. Съ польской стороны дѣлаются внушенія, будто царь выдаетъ племянницу свою за претендента; но это явная ложь: по просьбамъ Польскаго короля царь сговорилъ было эту племянницу свою за герцога Вейсенфельскаго, но такъ какъ это дѣло отъ нихъ разными штуками промедлено, то царь заблагоразсудилъ сговорить племянницу за родственника короля Прус-

скаго, старшаго сына маркграфа Филиппа. Русскія войска не выходятъ изъ польскихъ владѣній потому, что жители Данцига обѣщали пресѣчь всякія сношенія съ Шведами и дѣйствовать противъ нихъ, что долженъ былъ имъ приказать сдѣлать государь ихъ, король Польскій; но онъ до сихъ поръ не сдѣлалъ на этотъ счетъ никакого распоряженія, и потому царь приказалъ князю Репнину съ его дивизіею оставаться въ Польшѣ до тѣхъ поръ, пока жители Данцига исполнятъ свое обѣщаніе, тѣмъ болѣе, что изъ многихъ мѣстъ получаются вѣдомости о намѣреніи короля Шведскаго высадиться у Данцига. Левенвольдъ долженъ поступать, смотря по тамошнимъ дѣламъ, по совѣту Веселовскаго; но долженъ остерегаться, чтобъ не показать со стороны царскаго величества боязни или униженія, а стараться только объ искорененіи враждебныхъ внушеній и добиться отозванія Плейера.

На первой аудіенціи императоръ сказалъ Левенвольду: «Мы его любви, царю вашему государю за обнадеживаніе въ дружбѣ очень благодарны, чего и съ нашей стороны себѣ надѣяться можетъ; что же касается резидента нашего Плейера, то мы, разсмотря его поведеніе и поступокъ, удовольствуемъ въ томъ его любовь, царя.» Прошелъ августъ, сентябрь, — удовольствованія не было, ждали вѣрныхъ извѣстій о ходѣ Аландскаго конгресса; а между тѣмъ Прусскій король, испугавшись, что Австрія съ торжествомъ вышла изъ турецкой войны, прислалъ въ Вѣну министра своего Книпгаузена поздравить цесаря съ блестящимъ миромъ и внушить, что король его собираетъ большое войско только для собственной защиты, къ пользѣ имперіи и на службу цесарскаго величества; обнадежить, что при аландскихъ переговорахъ не заключитъ мира со Шведами, а въ Мекленбургскомъ дѣлѣ исполнитъ порученіе Цесаря относительно примиренія герцога съ его дворянствомъ, и если герцогъ цесарскаго приказанія ослушается, то поступитъ съ нимъ по имперской конституціи. «Знатно, писалъ Веселовскій, что прусскій дворъ, по обыкновенной своей политикѣ, сомнѣваясь въ благопріятномъ исходѣ аландскихъ переговоровъ, хочетъ про запасъ прислужиться у цесаря своими внушеніями.» Проходилъ и октябрь — удовольствованія не было; но Левенвольдъ и Веселовскій получили рескриптъ, въ которомъ царь изъявлялъ готовность содѣйствовать мирному рѣшенію Мекленбургскаго дѣла. Тонъ императорскихъ министровъ тотчасъ пере-

мѣнился, когда Веселовскій объявилъ имъ объ этомъ; они стали обнадеживать резидента, что по особенному почтенію къ царскому величеству, цесарь покажетъ всевозможную склонность къ герцогу и сдѣлаетъ такъ, что герцогъ получитъ надъ своимъ дворянствомъ такія же права, какія имѣли его предшественники, только бы царское величество уговорилъ герцога не оказывать императору дальнѣйшаго сопротивленія; а цесарь простилъ ему все прежнее для царскаго величества. Царское величество обнадеживаетъ, что въ имперскія дѣла мѣшаться не хочетъ: такъ изволилъ бы вывести изъ Мекленбурга свои четыре батальона. Съ этимъ Левенвольдъ и отправился назадъ въ Петербургъ. Цѣль его посольства была достигнута въ томъ отношеніи, что Плейеръ былъ отозванъ. Между тѣмъ съ польской стороны продолжалась работа: Флемингъ вмѣстѣ съ англійскимъ посланникомъ хлопоталъ о заключеніи съ императоромъ оборонительнаго союза, котораго главная цѣль — вытѣсненіе русскихъ войскъ изъ Польши. Но Вѣнскій дворъ откладывалъ дѣло, выжидая, чѣмъ кончится аландскій конгрессъ. Въ декабрѣ Веселовскій узналъ, что проектъ оборонительнаго союза между Австріею и Польшею уже поданъ императору; резидентъ отправился къ министрамъ съ протестомъ; министры отвѣчали ему, что союзъ еще не заключенъ, да и нѣтъ въ немъ ничего предосудительнаго интересамъ царскаго величества; дѣло естественное и никому не противное, что императоръ и король Августъ хотятъ обязаться взаимною обороною земель своихъ, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда видятъ постоянное пребываніе русскихъ войскъ въ Мекленбургѣ и въ Польшѣ и переговоры на островѣ Аландѣ съ королемъ Шведскимъ, не имѣя никакихъ свѣдѣній объ этихъ переговорахъ — быть можетъ тамъ заключаются какіе-нибудь вредные для цесаря договоры. Веселовскій отвѣчалъ, что если императоръ обнадежитъ царя своимъ словомъ, что герцогу Мекленбургскому обиды передъ дворянствомъ сдѣлано не будетъ, то четыре русскихъ батальона будутъ немедленно выведены; также русскія войска выйдутъ и изъ Польши, когда исчезнетъ опасеніе на счетъ высадки Шведовъ у Данцига; касательно же аландскихъ переговоровъ онъ, резидентъ, обнадеживаетъ царскимъ именемъ, что ничего вреднаго для цесаря тамъ не становится; но заключеніе союза между императоромъ и королемъ Польскимъ, разумѣется, за-

ставитъ и царя принять мѣры для своей безопасности. Прусскій резидентъ также протестовалъ противъ союза; и ему отвѣчали, что союзъ оборонительный и потому никому вреденъ быть не можетъ; Прусскому королю тревожиться нечего, и если онъ захочетъ приступить къ союзу, то его примутъ; а союзъ необходимъ, потому что русскія войска стоятъ въ Польшѣ. — «Они стоятъ потому, что грозитъ высадка Шведовъ къ Данцигу;» говорилъ резидентъ. — «Предлогъ пустой, отвѣчали министры: Шведскій король въ Норвегіи и не думаетъ о высадкѣ; мы видимъ русское намѣреніе, чтобъ только на чужихъ проторяхъ жить и разорять Польшу, но противъ этого мы должны принять мѣры.» Веселовскій сообщилъ своему двору извѣстіе о планѣ императора, переданное вѣрнымъ человѣкомъ: когда будетъ заключенъ оборонительный союзъ съ королемъ Польскимъ, то предложить на Регенсбургскомъ сеймѣ всѣмъ князьямъ имперіи, не хочетъ ли кто изъ нихъ приступить къ этому союзу, и такимъ образомъ ввести въ него всю имперію; цѣль союза будетъ — выслать русскія войска изъ Мекленбурга и Польши, и принять мѣры, чтобъ никогда они въ Германію и Польшу не вступали; такимъ образомъ король Прусскій будетъ оторванъ отъ Россіи и принужденъ вступить въ союзъ имперіи съ Польшею. При этомъ если даже будетъ заключенъ миръ между Россіею и Швеціею и Карлъ XII вторгнется въ Германію, то онъ будетъ уже непріятелемъ всей имперіи.

Веселовскому дали знать, что императоръ сердится, зачѣмъ въ Петербургѣ не допустили Плейера откланяться царю передъ отъѣздомъ; министры повторяли, что резидентъ не сдѣлалъ никакого жестокаго преступленія, а исполнялъ только свои обязанности. Веселовскій объявилъ, что русскимъ войскамъ уже велѣно отодвинуться отъ Данцига къ своимъ границамъ, при чемъ опять возставалъ противъ союза цесаря съ Польшею. Императоръ велѣлъ отвѣчать, что благодаритъ царя за это и надѣется, что будутъ выведены и тѣ четыре батальона, которые находятся въ Мекленбургѣ; что же касается до союза съ Польшею, то какъ царь воленъ заключать союзы съ кѣмъ угодно, не сообщая объ этомъ цесарю, такъ точно и послѣдній воленъ дѣлать то же, не давая знать царю, тѣмъ болѣе, что и царь не сообщаетъ въ Вѣну ничего объ аландскомъ конгрессѣ; впрочемъ императоръ накрѣпко обнадеживаетъ царя, что въ союзномъ договорѣ его съ Польшею не со-

держится ничего предосудительнаго ни Русскимъ, ни Прусскимъ интересамъ.

31 декабря Веселовскій донесъ о полученномъ въ Вѣнѣ извѣстіи, что Шведскій король убитъ: это извѣстіе произвело при дворѣ величайшую радость. Императоръ былъ увѣренъ, что кто бы ни занялъ Шведскій престолъ, а его непремѣнно пригласятъ въ посредники для рѣшенія сѣверныхъ дѣлъ. Флемингъ, услыхавъ о смерти Карла XII, сейчасъ же началъ хлопотать, чтобъ къ союзному договору между императоромъ и королемъ Польскимъ прибавлена была статья о Лифляндіи, которая должна принадлежать Польскому королю въ силу договора его съ царемъ. Флемингъ говорилъ, что для включенія этой статьи въ договоръ онъ готовъ раздать 200,000 цесарскимъ министрамъ; заключеніе оборонительнаго договора стоило ему 100,000 гульденовъ. Передъ Веселовскимъ Флемингъ клялся, что онъ не сдѣлалъ Вѣнскому двору никакихъ предосудительныхъ для Россіи внушеній; просилъ, чтобъ царь не вѣрилъ злымъ внушеніямъ Прусскаго двора, который употребилъ всѣ средства поссорить Польскаго короля съ царемъ; интригами Прусскаго двора разстроенъ бракъ Курляндской герцогини съ герцогомъ Вейсенфельскимъ, и герцогиня сговорена за маркграфа Бранденбургскаго; но польскій интересъ не можетъ допустить, чтобъ кто-нибудь изъ принцевъ Бранденбургскихъ получилъ Курляндію. Поэтому онъ, Флемингъ, предлагаетъ именемъ королевскимъ, что если царь уничтожитъ договоръ о бракѣ своей племянницы съ маркграфомъ Бранденбургскимъ и выдастъ ее за герцога Вейсенфельскаго или даже за другаго какого-нибудь принца, то онъ, Флемингъ, обѣщаетъ настоять у республики польской, чтобъ мужъ герцогини былъ избранъ въ герцоги Курляндскіе; въ противномъ случаѣ, какъ король, такъ и рѣчь посполитая не допустятъ, чтобъ маркграфъ Бранденбургскій получилъ Курляндію. Наконецъ, если царь вознаградитъ нѣкоторымъ образомъ короля Августа за Лифляндію, то король гарантируетъ Россіи завоеванныя у Шведовъ области; въ чемъ должно состоять вознагражденіе, Флемингъ не сказалъ, но требовалъ, чтобъ для этого былъ присланъ къ королю одинъ изъ знатнѣйшихъ министровъ царскихъ.

Между тѣмъ въ Вѣнѣ съ нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ кончится вопросъ о наслѣдствѣ Шведскаго престола; радовались, когда

слышали, что корона достанется Ульрикѣ Элеонорѣ, ибо думали, что герцогъ Голштинскій такой же дикой природы, какъ и покойный Карлъ XII и потому пойдетъ по слѣдамъ дяди. Неблагопріятная для Россіи, для Аландскаго конгресса перемѣна въ Швеціи не замедлила отразиться на отношеніяхъ Вѣнскаго двора къ Петербургскому.

4 февраля 1719 года вице-канцлеръ графъ Шёнборнъ присылаетъ къ Веселовскому съ просьбою, чтобъ тотъ пріѣхалъ къ нему немедленно. Веселовскій пріѣзжаетъ, и ему объявляютъ императорскій указъ: такъ какъ резиденту Плейеру запрещенъ былъ пріѣздъ ко двору, изъ чего ясно, что резидентъ тамъ не нуженъ: поэтому и цесарское величество заблагоразсудилъ запретить царскому резиденту пріѣздъ къ своему двору, и означенный резидентъ въ восемь дней, безъ отпускной аудіенціи, долженъ выѣхать изъ Вѣны, и въ самомъ скорѣйшемъ времени оставить наслѣдственныя императорскія земли. Веселовскій протестовалъ, но по напрасну. Ему объявили, что обида, нанесенная Плейеру, нанесена не ему, но самому императору, дважды ему былъ запрещенъ пріѣздъ ко двору, отпускной аудіенціи ему не дали, не дали и обыкновеннаго подарка. Веселовскій доносилъ своему двору, что изъ достовѣрнаго источника узналъ онъ о причинѣ злобы: принцесса Ульрика Элеонора поручила своему резиденту въ Вѣнѣ тайно обнадежить цесаря, что она желаетъ его дружбы и полагаетъ на него большую надежду, также, для показанія своего доброжелательства и откровенности, обѣщаетъ переслать всѣ вредныя для имперіи предложенія, сдѣланныя царемъ покойному Шведскому королю. Веселовскому сообщено было также, что Вѣнскій дворъ узналъ о соглашеніи, существующимъ будто между Россіею и враждебною императору Испаніею, будто въ Петербургѣ находитскій испанскій эмиссаръ, именемъ С. Иллеръ, а въ Испаніи также русскій агентъ, и правительство Испанское назначило царю субсидіи. Наконецъ Веселовскому сообщили извѣстіе, за достовѣрность котораго онъ впрочемъ не ручался, что въ Кроаціи вспыхнуло возстаніе, жители напали на кавалерійскій полкъ и побили много солдатъ; нѣкоторые изъ заводчиковъ смуты пойманы и объявили, что возстали по наущенію царя.

Торговый агентъ русскій Бузи былъ также высланъ изъ Вѣны; Петръ, въ отмщеніе велѣлъ выслать іезуитовъ изъ Москвы,

извѣстныя намъ обстоятельства, явившіяся къ осени 1719 года, побудили царя возобновить сношенія съ императоромъ. Притомъ чрезъ прусскій дворъ было узнано, что императоръ готовъ прекратить ссору, и если будетъ присланъ въ Вѣну ктонибудь изъ царскихъ министровъ, то будетъ принятъ пріятно. Чтобъ испробовать почву, въ октябрѣ былъ отправленъ въ Вѣну генералъ-лейтенантъ Вейсбахъ подъ предлогомъ своихъ частныхъ дѣлъ. Ему было наказано объясниться съ принцемъ Евгеніемъ, что всѣ извѣстія о враждебныхъ для императора сношеніяхъ царя съ Швеціею, Испаніею и Турціею вымышлены: все это интриги королей Англійскаго и Польскаго, которые для своихъ частныхъ цѣлей хотѣли ссорить императора съ царемъ.

Въ началѣ 1720 года Вейсбахъ пріѣхалъ въ Вѣну и началъ дѣйствовать посредствомъ надворнаго военнаго совѣтника Фонъ-Деръ-Клея. Тотъ далъ ему знать, что объ успѣшномъ окончаніи дѣла сомнѣваться не слѣдуетъ; но онъ долженъ приготовиться отвѣчать на слѣдующій упрекъ со стороны Вѣнскаго двора: сынъ царевича Алексѣя и принцессы Вольфенбительской нарочно лишенъ всякаго мужскаго воспитанія и отданъ въ женскія руки, дабы съ малолѣтства внушить ему женскую покорность, потому что царь твердо намѣренъ выдать одну изъ дочерей своихъ за нѣмецкаго принца и сдѣлать его наслѣдникомъ, а внука лишить наслѣдства. Вейсбахъ отвѣчалъ, что все это чистая ложь: воспитаніе принца поручено искуснымъ мужчинамъ, дано ему нѣсколько солдатъ, которыми онъ уже самъ командуетъ, также дана малая артиллерія для забавы, какъ о томъ каждому въ Петербургѣ извѣстно; всѣмъ извѣстно, какую любовь царь и царица питаютъ къ своему внуку, хранятъ его какъ зеницу ока, царь самъ часто ночью встаетъ и навѣщаетъ принца.

Скоро явился къ Вейсбаху любопытный гость, тайный совѣтникъ герцога Голштинскаго, Бассевичъ, и объявилъ, что хочетъ предложить царскому величеству дѣло великой важности: такъ какъ извѣстно, что цесарь и другія державы никогда не допустятъ, чтобъ Лифляндія осталась за Россіею, то вмѣсто того, чтобъ возвращать ее Польшѣ или Швеціи, царю гораздо полезнѣе уступить ее герцогу Голштинскому, выдавъ за него одну изъ своихъ дочерей; герцогъ имѣетъ неоспоримыя права на Шведскій престолъ, и если царь поможетъ ему получить этотъ престолъ,

то онъ въ благодарность уступитъ тогда Лифляндію Россіи. Конечно герцогъ можетъ получить Лифляндію и съ помощію цесаря; но тогда ему придется вступить въ бракъ съ одною изъ императрицыныхъ племянницъ, чего ему не хочется, а желаетъ онъ именно жениться на одной изъ царскихъ дочерей. Вейсбахъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ дать на это предложеніе никакого отвѣта, можетъ только на письмѣ переслать его въ Петербургъ. Но Бассевичь не хотѣлъ дать своего предложенія на письмѣ, а обѣщалъ самъ ѣхать въ Петербургъ.

22 генваря Вейсбахъ имѣлъ конференцію съ вице-канцлеромъ Шёнборномъ, который объявилъ, что императоръ заблагоразсудилъ вступить съ царскимъ величествомъ въ доброе согласіе и допустить его, Вейсбаха, на аудіенцію. Извѣстіе объ этомъ рѣшеніи сильно встревожило Англійскаго посланника, который началъ доказывать, что императоръ безъ вѣдома своихъ союзниковъ, короля Англійскаго и Польскаго, не можетъ вступать ни въ какіе трактаты съ царемъ; на это возражали, что оборонительный союзъ между императоромъ и королями Англійскимъ и Польскимъ не заключенъ именно противъ царя. Вейсбахъ былъ принятъ императоромъ, который сказалъ ему: «Намъ пріятно слышать, что нашъ другъ и братъ, великій царь, склоненъ прежнюю дружбу съ нами возобновить; мы, съ нашей стороны, все потребное къ тому приложить хотимъ, о чемъ вы вашему государю донесть и въ нашей дружбѣ обнадежить можете.» Шёнборнъ объявилъ, что если царь хочетъ возобновляемую дружбу совершенно утвердить, то чтобъ сильно аккредитованный министръ поспѣшалъ своимъ пріѣздомъ въ Вѣну.

Когда объ этомъ узнали въ Петербургѣ, то немедленно отправили въ Вѣну дѣйствительнаго камергера, тайнаго совѣтника, генералъ-майора и гвардіи капитана Павла Ягужинскаго съ такою инструкціею: «Когда онъ будетъ обнадеженъ въ дружбѣ цесаря къ царскому величеству, въ возобновленіи добраго согласія и корреспонденціи и въ забвеніи всего прошлаго, то долженъ просить себѣ отпуска и объявить, что царское величество, въ знакъ своей дружбы, изволитъ прислать къ цесарю резидента, а цесарь изволилъ бы прислать своего резидента, такую особу, которая бы могла содержать добрую корреспонденцію и дружбу между обоими государями, и обрѣталась бы у цесаря въ нѣкоторомъ кре-

дитѣ, чтобъ и царское величество могъ имѣть къ ней довѣренность; Ягужинскій долженъ крѣпко противиться, чтобъ не былъ посланъ резидентомъ снова Плейеръ.

Въ концѣ апрѣля Ягужинскій пріѣхалъ въ Вѣну, и былъ очень ласково принятъ всѣми министрами, начиная отъ принца Евгенія; духовникъ императора, іезуитъ держалъ длинную рѣчь о томъ, что онъ кромѣ царскаго величества не видитъ въ цѣлой Европѣ другаго государя, котораго дружба была бы полезнѣе и приличнѣе для императора, хотя Англичане и помогаютъ цесарю противъ Испаніи, однако все дѣлаютъ въ торговыхъ видахъ и въ другихъ своихъ интересахъ, и особенно хотятъ обязывать цесаря дѣйствовать противъ претендента (Стюарта), но это противно интересу и правосудію цесаря. — Такая рѣчь была очень понятна въ устахъ іезуита, который долженъ былъ считать нечестивымъ союзъ императора съ протестантскою династіею въ Англіи въ ущербъ династіи католической, и который долженъ былъ сочувственно смотрѣть на царя, готоваго всегда принять сторону Стюартовъ по враждѣ къ ганноверской династіи. Кромѣ того, по случаю столкновеній католиковъ съ протестантами въ самой имперіи, Англійскій король, какъ курфюрстъ Ганноверскій, принялъ сторону протестантовъ, тогда какъ императоръ долженъ былъ принять сторону католиковъ: такимъ образомъ католическая ревность Габсбурговъ подрывала союзъ ихъ съ Англіею; наконецъ сильное вліяніе короля Георга въ протестантской Германіи, повелительный тонъ англійскихъ министровъ, память о недавней измѣнѣ Англіи, оставившей своего союзника, императора и заключившей отдѣльный миръ съ Франціею, а потомъ тѣсно сблизившейся съ послѣднею, — все это сильно раздражало Вѣнскій дворъ, и заставляло его жаловаться на наглость Англичанъ, которые дорого продавали императору свою помощь въ новой войнѣ Испанской. Императоръ на первой аудіенціи объявилъ Ягужинскому, что его присылка ему пріятна, и что онъ никогда не преминетъ оказывать всякую дружбу, усердіе и любовь къ царскому величеству. Но и Ягужинскій долженъ былъ жаловаться на медленность Вѣнскаго двора. Графъ Шёнборнъ сказалъ ему, чтобъ онъ подалъ письменно свои предложенія; Ягужинскій отвѣчалъ, что онъ присланъ для возобновленія дружбы, и такъ какъ Вѣнскій дворъ объявилъ склонность ко вступленію въ ближайшій союзъ съ цар-

скимъ величествомъ, то онъ, Ягужинскій, имѣетъ указъ объявить о готовности своего государя ко вступленію въ этотъ союзъ; пусть Вѣнскій дворъ отправитъ своего министра съ полномочіемъ въ Петербургъ для переговоровъ, чтобъ время не проходило въ перепискахъ и ему, Ягужинскому, пусть сообщатъ проектъ, на какомъ основаніи долженъ быть заключенъ союзъ. Шёнборнъ отвѣчалъ, что цесарь ко всему готовъ, но надобно, чтобъ предложенія были сдѣланы съ Русской стороны.

Въ это время пріѣхалъ въ Вѣну герцогъ Мекленбургскій и съ женою, Екатериною Ивановною, не смотря на то, что Ягужинскій писалъ ей, чтобъ не ѣздила. «Герцогъ, доносилъ Ягужинскій въ іюнѣ, имѣлъ на сихъ дняхъ аудіенцію у цесаря, который изволилъ принять его ласково и обѣщалъ помогать ему въ скорѣйшемъ окончаніи его дѣлъ; кажется герцогъ при здѣшнемъ дворѣ будетъ не безъ пріятелей, если станетъ поступать по здѣшнему обхожденію, а старый свой нравъ оставитъ.» Кромѣ этого герцога-родственника, въ Вѣнѣ жилъ другой герцогъ, который добивался быть родственникомъ царскому величеству, герцогъ Голштинскій. По доношеніямъ Ягужинскаго, посланники Англійскій и Шведскій старались всѣми силами удержать герцога, чтобъ не искалъ царскаго покровительства; но герцогъ не поддавался; министры его поступали «очень откровенно» съ Ягужинскимъ и являли радѣніе къ интересамъ царскимъ.

Наконецъ австрійскіе министры удосужились и вступили съ Ягужинскимъ въ конференціи, о результатѣ которыхъ онъ доносилъ такъ: «Все дѣло въ томъ состоитъ, что здѣшній дворъ отъ стороны вашего величества предложеній о ближайшемъ сообязательствѣ ожидаетъ, а сами того отнюдь учинить и первыми быть не хотятъ. Англійскій посланникъ всѣми средствами старается доброму намѣренію двора здѣшняго съ вашимъ величествомъ помѣшать; но до сихъ поръ никакого успѣха не имѣетъ, и внушаетъ теперь между прочими лжами и ту, будто ваше величество съ Турками союзъ намѣрены заключить. Герцогъ Голштинскій съ нетерпѣніемъ ожидаетъ рѣшеній вашего величества на его предложенія и безпрестанно меня объ этомъ спрашиваетъ. По своимъ молодымъ лѣтамъ онъ постояннаго состоянія и немалаго ума.» Герцогъ уѣхалъ изъ Вѣны въ Венгрію, объяснивши Ягужинскому причину отъѣзда такимъ образомъ, что онъ находится въ Вѣнѣ

въ затруднительномъ положеніи: изъ Петербурга нѣтъ никакихъ извѣстій, а между тѣмъ Англійскій посланникъ не даетъ ему покоя съ своими предложеніями. По отъѣздѣ его явились къ Ягужинскому двое голштинскихъ министровъ съ просьбою донести царю: если онъ не можетъ согласиться на всѣ предложенія герцога, то они будутъ и тѣмъ довольны, если Россія будетъ помогать герцогу въ возстановленіи его въ наслѣдственныхъ земляхъ: отъ этого возстановленія русская торговля получитъ не малую пользу, потому что герцогъ, при помощи царской, можетъ легко и скоро провести каналъ отъ Екернфорда въ рѣку Эйдеръ, и такимъ образомъ, минуя Зундъ, купеческія суда могли бы гораздо ближе ходить изъ Балтійскаго моря въ Голландію и Англію. Потомъ Бассевичъ сообщилъ Ягужинскому «въ крайней конфиденціи,» что, по донесенію ихъ министра изъ Парижа, регентъ, герцогъ Орлеанскій, желаетъ, вмѣстѣ съ царемъ, помочь герцогу Голштинскому въ возвращеніи его земель, и чтобъ въ Шлезвигѣ провести новый каналъ для удобства торговыхъ сношеній между Россіею и Франціею; герцогъ Орлеанскій такъ расположенъ къ ихъ герцогу, что подарилъ ему 300,000 ливровъ. Бассевичъ домогался, чтобъ царь во 1) выдалъ дочь свою царевну Анну Петровну за герцога; 2) гарантировалъ его наслѣдственныя земли, ибо Россія, какъ морская держава, не можетъ допустить Данію усилиться; 3) обѣщалъ какъ у Шведскаго народа домогаться, такъ и съ расположенными къ герцогу государями войти въ соглашеніе на счетъ обезпеченія герцогу наслѣдства Шведской короны; 4) если царь захочетъ что-нибудь уступить изъ завоеваннаго у Швеціи, то чтобъ уступилъ герцогу Голштинскому, при чемъ можетъ быть постановлено секретное условіе владѣть герцогу уступленнымъ участкомъ въ званіи генералъ-губернатора, а когда сдѣлается королемъ Шведскимъ, то возвратитъ эти земли Россіи въ вѣчное владѣніе. Самъ герцогъ объявилъ Ягужинскому, что если царское величество удостоитъ его высокой чести принятія въ кровный союзъ, то онъ безусловно предаетъ себя во всемъ въ высокую его волю, надѣясь, что тогда царское величество изволитъ поступить съ нимъ милостивѣйше какъ съ сыномъ; герцогъ прибавилъ, что еслибъ онъ получилъ покровительство царя, то Шведы, узнавъ объ этомъ, могли бы поднять явный мятежъ, ибо у него въ Швеціи довольно друзей, которые потому только не

смѣютъ обнаружить своей приверженности къ нему, что видятъ его въ безпомощномъ состояніи. О герцогѣ Мекленбургскомъ Ягужинскій писалъ въ іюлѣ: «Герцогу Мекленбургскому я предложилъ мою службу въ его дѣлахъ; однако онъ себя содержитъ очень скрытно и, можетъ быть, не хочетъ объявить канала, которымъ проходитъ, опасаясь, чтобъ тѣмъ дѣлу своему не повредить; а я, не зная, куда обратиться, боюсь, чтобъ не разбиться, и, вмѣсто услуги, не помѣшать; герцогъ, кажется, не безнадеженъ на счетъ добраго успѣха; между тѣмъ государыня царевна Екатерина Ивановна изволитъ здѣсь пребывать весьма инкогнито.»

Кромѣ этихъ дѣлъ Ягужинскій хлопоталъ еще въ Вѣнѣ о томъ, чтобъ узнать о мѣстопребываніи бывшаго здѣсь резидента царскаго, Абрама Веселовскаго, который, будучи отосланъ отъ императорскаго двора, не возвратился въ Россію. Ягужинскій доносилъ, что открытію мѣстопребыванія Веселовскаго и выдачѣ денегъ, оставленныхъ имъ въ Вѣнѣ, больше всего препятствуетъ графъ Шёнборнъ, «вѣдая за собою интриги, которыя онъ съ нимъ Веселовскимъ во время царевичева дѣла имѣлъ.» — «Я пытался, писалъ Ягужинскій, чрезъ домашнихъ Шёнборновыхъ и секретарей его, чтобъ уступкою многаго числа денегъ или его Шёнборна склонить, или чтобъ сказали, гдѣ деньги? но тѣ не только что отвѣчать, и слышать о томъ не хотѣли.«

Въ августѣ Ягужинскій донесъ, что со стороны австрійскихъ министровъ обнаружена къ нему холодность: причиною вѣсти, что царь принялъ Англо-Французское посредничество и вступилъ въ переговоры съ Швеціею. Императору хотѣлось быть самому единственнымъ посредникомъ при заключеніи Сѣвернаго мира, для чего онъ пригласилъ всѣхъ участниковъ въ войнѣ прислать уполномоченныхъ на Брауншвейгскій конгрессъ. Царь соглашался, но въ проектѣ договора, присланномъ къ Ягужинскому, было сказано, что царь принимаетъ посредничество съ тѣмъ условіемъ, если цесарь обѣщаетъ и обязуется свою медіацію произвесть въ дѣйство только добрыми средствами (bonis officiis), не употребляя никакого понужденія, и во всемъ прочемъ поступать такъ, какъ весьма безстрастному и импарціальному медіатору принадлежитъ. Это условіе очень не понравилось въ Вѣнѣ; австрійскіе министры толковали слово: «безстрастный», такъ, что царь подозрѣваетъ въ императорѣ недоброжелательство къ Рос-

сіи, хотя императоръ своими дѣйствіями постоянно доказываетъ, что совершенно равнодушенъ къ Сѣверной войнѣ, отъ которой ему нѣтъ ни пользы, ни убытка, и только по христіанскому чувству хочетъ мира и тишины между народами. Условіе безпристрастія было впрочемъ принято, но не въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ въ русскомъ проектѣ, при чемъ австрійскіе министры настаивали, чтобъ царь какъ можно скорѣе высылалъ своихъ уполномоченныхъ въ Брауншвейгъ, дабы отнять у другихъ державъ предлогъ уклоняться отъ конгресса. Отвѣтъ на другія статьи русскаго проекта, именно объ оборонительномъ союзѣ, откладывался, и въ концѣ октября Ягужинскому объявили, что о договорѣ будетъ наказано отправляемому къ царскому двору чешскому штатгалтеру графу Кинскому, при чемъ давали знать, что императоръ, не видя, какъ пойдетъ дѣло на Брауншвейгскомъ конгрессѣ, не можетъ вступать ни въ какія обязательства, ибо это было бы противно его значенію посредника. Ягужинскій спрашивалъ министровъ, какъ относится цесарь къ дѣлу герцога Голштинскаго? ему отвѣчали, что цесарь очень жалѣетъ о несчастіи герцога, и такъ горячо принялъ его сторону, что король Датскій принужденъ былъ немедленно же возвратить ему Голштинію; что же касается Шлезвига и другихъ претензій герцога, то цесарь хочетъ ему помогать, только одинъ ничего сдѣлать не можетъ, и дѣло откладывается до конгресса. Конгрессъ не сходилъ съ языка австрійскихъ министровъ: по ихъ словамъ стоило только царю отправить своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ, то злонамѣренныя державы уймутся отъ своихъ интригъ; король Англійскій добивался, чтобъ императоръ далъ ему инвеституру на Бременъ и Верденъ; но императоръ не согласился: изъ этого царь можетъ видѣть ясно, какъ императоръ къ нему склоненъ; король Англійскій главный противникъ царя, онъ все откладываетъ конгрессъ и другихъ къ тому же побуждаетъ: уже по этому одному царь долженъ поспѣшать присылкою своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ, чтобъ сдѣлать непріятность своему врагу; и кромѣ того можетъ сыскать пріятелей на конгрессѣ.

Въ этихъ переговорахъ прошелъ 1720 годъ и два первыя мѣсяца 1721. Въ мартѣ при Вѣнскомъ дворѣ узнали непріятную новость, что Россія, для примиренія съ Швеціею, не нуждается въ посредничествѣ цесаря и въ Брауншвейгскомъ конгрессѣ. Этимъ

оканчивалась дипломатическая борьба въ Вѣнѣ [167]. Мы видѣли, что императоръ и Англійскій король считали необходимымъ сближеніе съ Польшею, ибо только чрезъ нее можно было непосредственно дѣйствовать противъ Россіи. Русской дипломатіи поэтому нужнѣе всего было не уступать здѣсь непріятелю.

Намъ уже извѣстно, въ какихъ отношеніяхъ находилась Россія къ Польшѣ и ея королю въ 1717 году; союзъ впрочемъ считался продолжающимся, и въ началѣ 1718 года князь Григорій Ѳед. Долгорукій, находясь въ Дрезденѣ, объявилъ Августу II-му, что у Россіи съ Швеціею должны начаться мирные переговоры, но что Брюсу велѣно только выслушать шведскія предложенія и взять ихъ на доношеніе царю, который ни въ какіе прямые трактаты безъ согласія съ его польскимъ величествомъ не вступитъ. Король благодарилъ и говорилъ, что онъ въ этомъ не сомнѣвается по крѣпкой дружбѣ и союзу съ царскимъ величествомъ. Но не смотря на «крѣпкую дружбу и союзъ,» настоящія враждебныя отношенія высказывались при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ когда Петръ потребовалъ, чтобъ польское правительство подтвердило конвенцію его съ жителями Данцига, которые обязались пресѣчь всѣ сношенія съ Швеціею и вооружить противъ нея каперовъ, то Флемингъ отвѣчалъ Долгорукому: «Теперь на королѣ польскихъ дѣлъ никогда не взыскивайте, потому что конфедерація, за вашимъ покровительствомъ, отняла у него всю силу. Чины рѣчи посполитой жаловались, что Русское войско все еще не оставляетъ Польши: — «Утвердите Данцигскую конвенцію, и оно уйдетъ,» отвѣчалъ Долгорукій. Но кромѣ Данцигской конвенціи было еще другое польское дѣло, которое царь взыскивалъ на королѣ: въ генварѣ 1718 года онъ получилъ просьбу: «Бьютъ челомъ богомольцы твои отъ всѣхъ благочестивыхъ монастырей Литовскихъ и Бѣлорусскихъ, мужскихъ и дѣвичьихъ *), о благочестіи святомъ, которое Поляки всеконечно хотятъ во всемъ государствѣ своемъ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ

*) Виленскаго, Вевскаго (?), Кронскаго, Брестскаго, Слуцкаго, Минскаго, Борисовскаго, Новодворскаго, Сурдецкаго, Купятицкаго, Кутеинскаго, Буйницкаго, Мстиславскаго, Соломерецкаго, Морковскаго, Могилевскаго, Шкловскаго, Горецкаго, Полоцкаго, Друйскаго, Десенскаго, Крыжборскаго, Невельскаго, Вохорскаго, Гринсвскаго, да дѣвичьихъ: Кутеинскаго же, Баркалабовскаго, Мазаловскаго, Костюновскаго.

искоренить и на сеймѣ Варшавскомъ унію вездѣ конституцією укрѣпить, потому что въ государствѣ Польскомъ ни одинъ монастырь или приходская церковь въ благочестіи обрѣтается, но всѣ нуждою и насиліемъ обращены въ унію; а въ великомъ княжествѣ Литовскомъ только вышеписанные монастыри великое и нестерпимое гоненіе день ото дня и часъ отъ часу все больше терпятъ, православіе святое съ великою борьбою и преніемъ о вѣрѣ восточной сохраняютъ, прочіе же премногіе монастыри уже принуждены къ уніи; и если въ нынѣшнее нужное гонительное время отъ вашего царскаго величества, единаго намъ по Богѣ упованія, вскорѣ не получимъ помощи, и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ искони насажденное благочестіе вконецъ искоренится и всегдашнее о здравіи вашего величества богомоліе перестанетъ, монастыри превращены будутъ въ костелы и намъ нужно будетъ разбѣжаться въ разныя страны отъ насилія и податей, которыми убогія обители вконецъ разоряются; Міорскій монастырь, приписной къ Кутеинскому, силою отняли на плебанію, также и Лукомскій силою взяли на унію, двоимъ іеромонахамъ головы и бороды до чиста обрили, самихъ нещадно били и какъ мертвыхъ за ноги изъ монастыря вытащили, одинъ изъ нихъ Варлаамъ отъ того и умеръ.»—Въ слѣдствіе этой просьбы Петръ написалъ Долгорукому: «Повелѣваемъ вамъ королю и чинамъ рѣчи посполитой надлежащія представленія учинить и накрѣпко домогаться, чтобъ благочестивымъ монастырямъ по мирному договору, никакого отягощенія и принужденія къ принятію уніи не было, отъ чрезвычайныхъ налоговъ и поборовъ были бы они освобождены и сравнены съ другими Польскими жителями; которые епископы по причинѣ благочестія изгнаны, снова были бы возвращены въ свои епархіи. Вы должны на будущемъ сеймѣ прилагать стараніе, чтобъ въ конституцію внесено и подтверждено было о свободномъ отправленіи вѣры православной; можете самому королю, примасу и другимъ польскимъ сенаторамъ и министрамъ нашимъ именемъ объявить, что мы болѣе не можемъ терпѣть, чтобъ, въ противность договора, православіе въ Польшѣ гонимо и до всеконечнаго искорененія приведено было, о чемъ и наша грамота къ королю и рѣчи посполитой отправлена; мы заблагоразсудили имѣть особливаго человѣка для охраненія благочестія въ Польшѣ, для того отправимъ нашего нарочнаго и по

велимъ ему жить въ Могилевѣ при епископѣ и охранять благочестивыя епархіи, монастыри и церкви, за нихъ у чиновъ рѣчи посполитой заступаться, и если удовлетворенія не получитъ, то будетъ къ вамъ обстоятельно писать.»

Было еще третье непріятное дѣло съ Польскимъ королемъ. Мы видѣли, что старшая племянница царя, Анна Ивановна, была выдана за мужъ за герцога Курляндскаго; но въ скорости послѣ брака молодой герцогъ умеръ, и ему наслѣдовалъ старый, неспособный и нелюбимый дядя его Фердинандъ, послѣдній изъ Кетлеровъ. Молодая вдова, обезпеченная брачнымъ договоромъ въ Курляндіи и оставшаяся здѣсь, племянница могущественнаго царя, не могла остаться долго безъ жениховъ, тѣмъ болѣе, что съ ея рукою былъ тѣсно связанъ вопросъ о Курляндскомъ наслѣдствѣ. Король Августъ предложилъ Петру выдать ее за принца Саксенъ-Вейсенфельскаго, съ обѣщаніемъ хлопотать у рѣчи посполитой, чтобъ она согласилась на отстраненіе Фердинанда отъ Курляндскаго престола, который займетъ принцъ Вейсенфельскій. Петръ согласился и было положено, что король въ восемь недѣль пришлетъ ратификацію брачнаго договора. Но прошло шесть мѣсяцевъ, а ратификація не присылалась, и царю дали знать объ интригахъ Августа при Вѣнскомъ дворѣ. Между тѣмъ Прусскій король предложилъ Петру выдать Анну за своего двоюроднаго брата, маркграфа Филиппа Бранденбургъ-Шведскаго. Видя въ сближеніи съ Бранденбургскимъ домомъ гораздо болѣе выгоды, чѣмъ съ Саксонскимъ, опасаясь, чтобъ Августъ не провелъ и тѣмъ «не учинилъ афронту племянницѣ,» и зная, что Прусскій король имѣетъ многія и справедливыя претензіи на герцогскія имѣнія въ Курляндіи и многія изъ нихъ у него въ залогѣ, Петръ принялъ предложеніе и не хотѣлъ перемѣнить своего намѣренія и тогда, когда министръ короля Августа въ Петербургѣ, баронъ Лосъ объявилъ, что ратификація его государя получена имъ. Августъ II-й оскорбился, тѣмъ болѣе, что ему было очень тяжело передать Курляндію во враждебный Бранденбургскій домъ. Когда Лосъ сталъ дѣлать выговоры царскимъ министрамъ, то ему отвѣчали, что «царское величество воленъ въ своемъ домашнемъ дѣлѣ сдѣлать по своей волѣ,» и что о Курляндскомъ наслѣдствѣ въ договорѣ съ Прусскимъ дворомъ ничего не постановлено.

Долгорукій доносилъ, что въ Польшѣ становится трудно. Ко-

роль Августъ сближается съ Австріею, сватаетъ сына своего за эрцъ-герцогиню; цесарь, заключивъ миръ съ Турками, хочетъ вытѣснять Русскія войска изъ Мекленбурга и принуждать царя къ сѣверному миру, хочетъ поджигать Польскій сеймъ противъ Россіи, и вообще всякой противности во всѣхъ сторонахъ царю ищетъ; Поляки страшно озлоблены на Россію за частые переходы ея войскъ чрезъ ихъ земли, и ведутъ частыя сношенія съ Турками и Татарами. Французскій посланникъ Безанваль говорилъ Долгорукому, что надобно остерегаться цесаря, который конечно старается поднять Турокъ и Поляковъ противъ Россіи; изъ желанія служить царскому величеству Безанваль совѣтовалъ обходиться съ Поляками поласковѣе, чтобъ не оттолкнуть ихъ къ Австріи. Княгиня Рагоци разсказывала Долгорукому, что Поляки часто совѣтуются, какъ бы начать сопротивленіе противъ Русскихъ войскъ. «Подтверждаю, писалъ Долгорукій, что теперь въ Полякахъ къ вашему величеству есть великая перемѣна: и доброжелательные удаляются.» Коронный канцлеръ Шембехъ, увѣряя въ своей преданности царю, говорилъ Долгорукому, что царь всю прежнюю дружбу, труды и разоренія короля и рѣчи посполитой забылъ, положился во всемъ на новыхъ безполезныхъ друзей, Францію и короля Прусскаго; Прусскій король и такъ ни за что получилъ Померанію. Эта дружба цесарю и всѣмъ другимъ державамъ внушаетъ подозрѣніе, а рѣчь посполитая все болѣе и болѣе разоряется Русскими войсками, которыя чрезъ земли короля Прусскаго проходятъ на своемъ пропитаніи и этимъ обогащаютъ его подданныхъ, а въ Польшѣ все даромъ берутъ; и теперь генералъ князь Репнинъ уже отъ своей границы повернулъ назадъ и подошелъ къ Данцигу, а король и рѣчь посполитая ни мало не виноваты въ томъ, что не могутъ, по правамъ, безъ сейма утвердить Данцигской конвенціи; трактатъ Курляндскій съ принцемъ Вейсенфельскимъ отвергнутъ, чѣмъ король на весь свѣтъ опозоренъ, а рѣчь посполитая, всегда боявшаяся Пруссіи со стороны Курляндской, думаетъ, что этимъ способомъ царское величество желаетъ оторвать Курляндію отъ Польши и передать Пруссіи; маркграфу Бранденбургскому стать герцогомъ Курляндскимъ рѣчь посполитая никогда не позволитъ, а принца Вейсенфельса не только Курляндцы желаютъ, но и всѣ Поляки его любятъ. — Безанваль внушалъ, что дворъ Саксонскій хлопо-

четъ у двора цесарскаго о передачѣ Польскаго престола сыну Августа II-го; оба двора хотятъ ссорить Поляковъ съ царемъ, и хотятъ раздѣлить Польшу между собою; что при нынѣшнемъ мирномъ трактатѣ у цесаря съ Турками, цесарскіе министры возбуждали Порту противъ Россіи, о чемъ и теперь стараются; король Августъ за тѣмъ же отправилъ отъ себя въ Константинополь Француза Ламака, Шведскому королю дворы Вѣнскій, Англійскій и Голландцы, предлагаютъ, чтобъ не заключалъ мира съ Россіею, обѣщая помочь ему возвратить всѣ завоеванія царя. — Долгорукій не нашелъ другаго способа противодѣйствовать враждебнымъ движеніямъ, какъ разглашать подъ рукою, что Русскія войска присланы въ Польшу не для одного исполненія Данцигской конвенціи, но больше для пользы рѣчи посполитой, потому что король Августъ посредствомъ Вѣнскаго двора хочетъ сдѣлать сына преемникомъ своимъ въ Польшѣ. Долгорукій просилъ царя прислать подарковъ «понеже въ такомъ случаѣ безъ того быть невозможно.»

«Внушайте Полякамъ, писалъ царь Долгорукому, что мы о противныхъ намѣреніяхъ короля ихъ и цесаря хорошо извѣстны; нашъ общій съ рѣчью посполитою интересъ не можетъ допустить ихъ до исполненія своихъ намѣреній; для этого мы и держимъ въ Польшѣ Репнинскій корпусъ, и если увидимъ умноженіе опасности, то будемъ принуждены и еще знатное число войскъ нашихъ въ Польшу ввесть и уже велѣли имъ приблизиться къ Польскимъ границамъ. Обнадежьте всѣхъ, что мы съ королемъ Шведскимъ безъ включенія рѣчи посполитой мира не заключимъ; былъ бы допущенъ и королевскій полномочный министръ на конгрессъ, если бы былъ Полякъ, а не Саксонецъ, и имѣлъ свое полномочіе отъ рѣчи посполитой? Примите заранѣе свои мѣры, чтобъ будущій сеймъ разорвался, чтобъ на немъ ничего не было постановлено ко вреду нашему и по желанію королевскому и цесарскому подущенію. Соболей и камокъ на раздачу вамъ пришлемъ на двѣ тысячи рублей. О Курляндскомъ дѣлѣ внушайте, что я отстранилъ бракъ принца Вейсенфельскаго именно потому, что узналъ о вредныхъ замыслахъ короля Августа на счетъ наслѣдственности Саксонской династіи въ Польшѣ, а принцъ Вейсенфельскій королю свой; относительно же Бранденбургскаго брака договорено, чтобъ Курляндіи быть всегда безпрекословно подъ

протекціею короля и рѣчи посполитой подъ правительствомъ особеннаго герцога. Для собственнаго *вашего* свѣдѣнія объявляемъ, что мы держимъ войска въ Польшѣ для предостереженія замысловъ короля Августа и цесаря противъ насъ и короля Прусскаго, особенно, чтобъ король Прусскій, испугавшись войскъ цесарскихъ, не отсталъ отъ насъ; и такъ крайняя нужда требуетъ, чтобъ наши войска еще нѣсколько времени въ Польшѣ постояли, пока мы увидимъ, чѣмъ кончатся переговоры на Аландѣ. Мы отовсюду получаемъ извѣстія, что король Августъ на насъ очень злобенъ за то, что мы никакъ не вошли въ его планъ раздѣла Польши или установленія въ ней самодержавія, даже не согласились признать наслѣдственность Саксонской династіи въ Польшѣ, о чемъ его министры намъ безпрестанныя предложенія дѣлали; еще недавно баронъ Лосъ предлагалъ намъ выдать племянницу или дочь нашу за сына королевскаго.»

Въ началѣ октября начался сеймъ въ Гроднѣ, куда за королемъ отправился и Долгорукій. Дѣло началось дурно; поднялись страшные крики противъ Русскихъ войскъ, грозили посполитымъ рушеньевъ. Долгорукій писалъ царю: «Если бы при нынѣшнемъ случаѣ не было въ Прусахъ нашихъ войскъ, то я въ Полякахъ никогда бы не сомнѣвался; не только цесарь или Порта, но и король не могъ бы ничего сдѣлать, и навѣки были бы Поляки наши пріятели; а теперь очень сомнительно, не было бы посполитаго рушенья и не приняли бы Поляки какой-нибудь протекціи враждебной намъ, потому что нѣтъ ни одного человѣка, кому бы не были противны наши войска, что королевскому интересу великая помощь. Зная о всѣхъ внушеніяхъ Полякамъ, король изволитъ на меня смотрѣть немилосердымъ окомъ, приватной аудіенціи мнѣ не далъ, велѣлъ сказать, что при нынѣшнемъ случаѣ со мною секретно говорить не можетъ, если у меня есть какое дѣло, чтобъ я говорилъ публично при всей рѣчи посполитой. Разорвать сеймъ очень трудно, потому что ни къ какимъ другимъ дѣламъ не хотятъ приступить, пока наши войска не будутъ выведены; всѣ наши доброжелатели и гетманы опасаются со мною секретно говорить, и ко мнѣ съ визитомъ боятся ѣздить, ибо послы сеймовые кричатъ, что они виноваты въ присутствіи русскихъ войскъ въ Польшѣ и что за это берутъ отъ царя пенсіи. Когда я бываю при дворѣ, то за мною ходятъ шпіоны, все под-

слушиваютъ и не допускаютъ Поляковъ говорить со мною секретно; а когда къ кому-нибудь пріѣду, то непремѣнно въ то же время пріѣдетъ и кто-нибудь съ королевской стороны.» Подать представленіе на счетъ гоненія на православныхъ Долгорукій не имѣлъ возможности.

На сеймѣ рѣшили отправить царю письмо съ просьбою, чтобъ велѣлъ вывести свои войска изъ Польши. Король добивался, чтобъ опредѣлено было заранѣе посполитое рушенье, и когда пришлется неудовлетворительный отвѣтъ отъ царя, то король имѣлъ бы право немедленно же назначить время и мѣсто для сбора; но встрѣтилъ сопротивленіе, особенно со стороны Литвы и Волыни, которыя требовали ждать царскаго отвѣта, и если придетъ отвѣтъ благопріятный, то и посполитое рушенье не нужно, если же неблагопріятный, то пусть король соберетъ экстраординарную конную раду, на которой и опредѣлено будетъ посполитое рушенье. Приближался срокъ сейму, 3 ноября. Долгорукій подкупилъ посла Ошмянскаго повѣта Корбута, который наканунѣ срока прокричалъ свое: «не позвалямъ» и скрылся въ монастырѣ; король и его приверженцы деньгами и обѣщаніями уговорили Корбута, и 3 ноября, въ послѣдній день, привезли въ каретѣ на сеймъ. Здѣсь король, не вставая, сидѣлъ день и ночь, и половину другаго дня, заперши ставни у оконъ, безъ свѣчь, и такимъ образомъ изъ двухъ дней и ночи сдѣлали одинъ день. многіе послы спали, многіе ушли. Рѣшили сеймъ отложить, но срокъ и мѣсто отдали въ королевскую волю; также дали ему право, смотря по обстоятельствамъ, созвать посполитое рушенье. «Я никогда въ Польшѣ короля такимъ сильнымъ и владѣтельнымъ не видалъ, какъ на нынѣшнемъ сеймѣ, писалъ Долгорукій: точно самодержецъ! Но если изволите милостиво на прошеніе о выводѣ войскъ отвѣчать, то думаю, не только посполитаго рушенья, и сейма не будетъ, и не вижу, чтобъ могъ король противъ вашего величества что въ Польшѣ сдѣлать.»

Самодержавіе Августа II-го въ Польшѣ скоро оказалось. Тайно ночью пріѣхалъ къ Долгорукому гетманъ польный Литовскій Денгофъ, который, именемъ всѣхъ своихъ товарищей гетмановъ, объявилъ, что они давно сами хотѣли съ нимъ видѣться, только король запретилъ бывать у него въ продолженіе сейма: видятъ они многіе королевскіе поступки, противные ихъ вольности и

правамъ, видятъ, что онъ старается сдѣлать сына своимъ наслѣдникомъ посредствомъ Австрійскаго двора, и что теперь не только другіе, но и они, гетманы, стали безсильны: по этому просятъ они высокой протекціи царскаго величества, ибо если они впередъ болѣе того усмотрятъ, то хотятъ составить конфедерацію, на которую согласны и другія знатныя фамиліи, Потоцкіе, Сапѣги, чтобъ царское величество изволилъ начертать планъ дѣйствія. Для повѣрки словъ Денгофа Долгорукій видѣлся съ гетманомъ Потѣемъ, и тотъ подтвердилъ ему тоже самое, прося убѣдительно, чтобъ государь велѣлъ вывести войска свои изъ Польши, ибо тогда ни одинъ Полякъ не станетъ на сторонѣ королевской противъ Россіи.

Въ декабрѣ царь прислалъ отвѣтъ на прошеніе сейма, что велѣлъ князю Репнину вывести свой корпусъ изъ Польши. «Король, писалъ Долгорукій, всѣмъ показываетъ довольное лице по поводу этого отвѣта; но внутри у него другое.» Король жалѣлъ, что не удалось ему поднять посполитое рушеніе. Но рушеніе поднималось въ другомъ смыслѣ: къ царю обращалось за покровительствомъ православное духовенство, притѣсняемое католиками; къ нему обращались гетманы, которые жаловались, что стали безсильны; къ нему обратились и лютеране, притѣсняемые въ отправленіи своей вѣры; знаменитый диссидентскій вопросъ, имѣвшій такое значеніе въ исторіи паденія Польши, начинался уже теперь. Въ сентябрѣ 1718 года Польскіе протестанты обратились къ царю съ просьбою защитить ихъ отъ гоненій; они писали: «Не только мы, но и вся старая Русь подразумѣвается подъ именемъ диссиндентовъ, и вмѣстѣ съ нами подвергается гоненію: такъ много церквей, епископовъ, монастырей отпало, и почти вся шляхта русская отъ своего закона отступила, не имѣя доступу къ должностямъ по причинѣ своего благочестія. Такъ какъ теперь дошли до того, что и самого короля духовенство не слушаетъ и на грамоты его не смотритъ, то никто насъ не осудитъ, что мы прибѣгаемъ къ вашему царскому величеству, ибо вы посредникъ между королемъ и рѣчью посполитою и виновникъ общаго мира, и тѣмъ, которые терпятъ насиліе, не имѣютъ покоя, которыхъ права и привилегіи уничтожаются, не только вольно, но и должно прибѣгать къ вашему царскому величеству.»

Гетманы и дессиденты обращались въ Петербургъ; король Ав-

густь съ своимъ Флемингомъ обращались въ Вѣну хлопотать о заключенiи тройнаго союза между императоромъ и королями Англiйскимъ и Польскимъ. Доброжелательствующiй Россiи стражникъ коронный Потоцкiй сообщилъ Долгорукому, что король, заключивъ этотъ союзъ, будетъ стараться вовлечь въ него и рѣчь посполитую, надѣется, что и король Прусскiй будетъ скоро членомъ союза, говоритъ, что союзъ этотъ угоденъ будетъ всѣмъ въ Европѣ, когда увидятъ, что посредствомъ его царь будетъ отодвинутъ отъ береговъ Балтiйскаго моря и въ европейскiя дѣла такъ далеко вмѣшиваться не будетъ. Долгорукiй доносилъ: «Я, какъ возможно, всѣ противные замыслы королевскiе Полякамъ объявляю, что онъ съ цесаремъ и Англiйскимъ королемъ союзъ заключилъ, чтобъ сына своего сдѣлать наслѣдникомъ въ Польшѣ, а потомъ быть «абсолютомъ,» и если рѣчь посполитая не будетъ имѣть покровительства вашего величества, то конечно король всю свою волю исполнитъ, отъ чего не только принципалы Польскiе, но и многiе изъ шляхты въ великомъ размышленiи. Извольте, государь, какъ возможно, дворъ Берлинскiй удерживать, потому что здѣшнiй король и его креатуры ищутъ всѣми мѣрами оторвать его отъ вашего величества; также извольте кого-нибудь къ Портѣ, забѣгая, послать, чтобъ постоянно содержала миръ съ вашимъ величествомъ. Извольте, государь, нынѣ въ интересахъ вашихъ бодро смотрѣть и всего нужнѣе Поляковъ при своей сторонѣ держать; думаю, не худо бы чрезъ какова корреспондента и въ Испанiю о союзѣ отозваться; а я о томъ здѣсь за секретъ корреспондентамъ кардинала Алберони говорилъ писать, чтобъ съ цесаремъ скоро не мирились и съ вашимъ величествомъ искали союза; они мнѣ обѣщали писать и думаютъ, что король Испанскiй не только будетъ искать союза съ Россiею, но и большими субсидiями на войска станетъ ссужать.» Флемингъ, устроившiй въ Вѣнѣ тройной союзъ, говорилъ, по возвращенiи своемъ, Долгорукому: «При дворѣ царскаго величества я вымалеванъ какъ Муринъ (Негръ) напрасно, потому что всегда служилъ царскому величеству вѣрно какъ своему королю, и теперь въ предосужденiе царскому величеству ничего не дѣлалъ; по дѣламъ своимъ я свѣтелъ, а не теменъ, и король съ царскимъ величествомъ всегда желаетъ содержать прежнюю дружбу, только равную братскую, а не повелительную.» — «Царское величество, отвѣчалъ Дол-

горукій, всегда имѣлъ и теперь желаетъ имѣть съ королемъ братскую равную дружбу, а повелителемъ никогда не былъ и теперь того желать не изволитъ; а ваши дѣла какъ будутъ свѣтлы предъ царскимъ величествомъ, это скоро покажетъ время.»

Доказательства не замедлили. Польскіе министры объявили Долгорукому, что король и Рѣчь Посполитая не могутъ никого, по смерти герцога Фердинанда, допустить на Курляндскій престолъ, а непремѣнно намѣрены раздѣлить Курляндію на воеводства и слить съ Польшею, на что имѣютъ полное право и воспрепятствовать въ этомъ никто имъ не можетъ. Примасъ объявилъ, что если царь не будетъ отдавать Курляндіи маркграфу Бранденбургъ-Шведскому за дружбу Прусскаго короля, то Рѣчь Посполитая всегда будетъ въ союзѣ съ Россіею, а царское величество будетъ имѣть протекторомъ, потому что Прусскій дворъ болѣе всѣхъ опасенъ Польшѣ, особенно теперь, когда у него такъ много войска. Между тѣмъ король велъ контръ-мину противъ Долгорукаго, разглашая, что царь нарочно возбуждаетъ всѣми мѣрами Рѣчь Посполитую противъ него, Августа, чтобъ можно было ему всегда свои войска на польскомъ хлѣбѣ содержать. Долгорукій, въ свою очередь, разглашалъ, что самое пламенное желаніе короля поссорить Рѣчь Посполитую съ Россіею, чтобъ подъ этимъ предлогомъ ввести въ Польшу войска свои и чужія и мало по малу утвердить наслѣдственное и неограниченное правленіе. Послѣднія внушенія сильно дѣйствовали: Потоцкій (епископъВарминскій), Любомирскій (подкоморій коронный) Сапѣга (писарь Литовскій) и другіе паны допытывались у Долгорукаго, какого рода отношенія между Россіею и Пруссіею? можно ли имъ надѣяться на помощь послѣдней, если ихъ король и цесарь что-нибудь начнутъ въ Польшѣ? Долгорукій отвѣчалъ, чтобъ были благонадежны, ждали помощи отъ обоихъ дворовъ и не боялись какого-либо ущерба для себя: царь ручается, что ни самъ ничего не возьметъ изъ Польскихъ владѣній, ни другому не дастъ. «Король, доносилъ Долгорукій, великими деньгами и раздачею вакантныхъ мѣстъ многихъ къ своей сторонѣ приводитъ, а намъ такъ прежде времени дѣлать убыточно; довольно было бы, еслибъ я могъ сблизиться съ ними, бывать въ компаніи и чаще къ себѣ звать; но мнѣ изъ жалованья своего такую фигуру имѣть трудно: изво-

лите сами вѣдать, какіе они расходы на одномъ венгерскомъ винѣ употребляютъ.»

Въ августѣ мѣсяцѣ тайно ночью явился къ Долгорукому гость: тотъ самый Грудзинскій, староста Равскій, который въ Великой Польшѣ разбилъ Кіевскій полкъ по оплошности полковника Гордона. Грудзинскій объявилъ, что присланъ своимъ принципаломъ, Сапѣгою, старостою Бобруйскимъ, который желаетъ быть въ службѣ подъ протекціею царскаго величества, какъ прежде служилъ королю Шведскому. Причиною было то, что Австрійское правительство «по природной гордости нѣмецкой и ненасытной хищности,» какъ выражался Сапѣга, отобрало пограничныя земли, ему принадлежавшія.

Между тѣмъ король Августъ отпраздновалъ свадьбу сына своего на эрцгерцогинѣ, племянницѣ императора, и бывшимъ у него въ Дрезденѣ панамъ сталъ внушать, какъ выгодно будетъ Польшѣ съ цѣлію охранить себя отъ властолюбивыхъ замысловъ Россіи, войдти въ оборонительный союзъ съ императоромъ и королемъ Англійскимъ, заключенный имъ, Августомъ, въ Вѣнѣ; но паны отмолчались и между собою толковали, что союзъ и дружба нѣмецкая имъ подозрительны, и что нельзя допускать короля до разрыва съ Россіею. Изъ пановъ Долгорукій особенно дорожилъ Потоцкимъ, стражникомъ коронимъ, которому и далъ 2.000 червонныхъ: Потоцкій принялъ деньги за великую милость, но боялся тратить ихъ, потому что червонцы были Русскіе. Разнесся слухъ, что царь прислалъ деньги и женѣ стражника коронпаго; тогда гетманша Синявская приступила къ Долгорукому, чтобъ и ей возобновлена была прежняя ежегодная дача по семи тысячъ рублей.

Въ Петербургѣ безпокоило молчаніе сильнѣйшихъ людей въ Рѣчи Посполитой, гетмановъ, послѣ того, какъ Литовскій польный гетманъ Денгофъ такъ сильно высказался противъ короля Долгорукому. Въ Польшу отправленъ былъ полковникъ Дмитрій Еропкинъ съ цѣлію вывѣдать расположеніе гетмановъ и указать на враждебные замыслы короля. Еропкинъ прежде всего свидѣлся тайкомъ съ Денгофомъ въ деревнѣ, недалеко отъ Вильны. Гетманъ объявилъ, что онъ неотмѣнно остается при намѣреніи, объявленномъ князю Долгорукому, но еще нѣтъ повода къ начатію дѣла, да и нельзя начать безъ сейма. Флемингъ публично объя-

вилъ предъ многими сенаторами, что онъ заключилъ союзъ съ цесаремъ и королемъ Англійскимъ только отъ одной Саксоніи, а не отъ короля Польскаго и Рѣчи Посполитой. Еслибы король съ своими союзниками и хотѣлъ начать войну съ Россіею, то Корона и Литва этого никакъ не позволятъ, и чуть что-нибудь обнаружится, то немедленно будетъ прислана отъ нихъ къ царю просьба о покровительствѣ: а теперь прежде времени ничего начинать не слѣдуетъ. О гетманѣ великомъ Коронномъ Синявскомъ Денгофъ по секрету объявилъ Еропкину, что жена его склонна къ королю; о гетманѣ великомъ Литовскомъ Потѣѣ сказалъ, что онъ совершенно при королевской сторонѣ и ѣздить къ нему не надобно, или, по крайней мѣрѣ, говорить не очень откровенно. «Но пусть царское величество будетъ благонадеженъ, говорилъ Денгофъ: воевать мы съ Россіею не станемъ: если царское величество имѣлъ отъ короля прежде какіе проекты, клонящіеся къ повреждению Рѣчи Посполитой, то приказалъ бы ихъ публиковать, чтобъ этимъ привести короля въ большую ненависть и скорѣе устроить конфедерацію; Русскія войска должны быть на границахъ, чтобъ быть готовыми въ случаѣ надобности.» Въ заключеніе Денгофъ жаловался, что всѣ письма къ нимъ съ почты приходятъ распечатанныя. Еропкинъ предложилъ ему 2.000 червонныхъ; гетманъ отказался, тогда Еропкинъ отдалъ ихъ духовнику его для передачи гетману, и при другомъ свиданіи Денгофъ благодарилъ царское величество за милость и увѣрялъ въ своей вѣрной службѣ.

Потѣя Еропкинъ нашелъ въ имѣніи его недалеко отъ Люблина. И великій гетманъ объявилъ, что они не допустятъ короля ни до войны съ Россіею, ни до наслѣдственности; обнадеживалъ, что гетманъ Синявскій находится неотмѣнно при сторонѣ царскаго величества, а польный коронный гетманъ Ржевускій подозрителенъ, потому что очень друженъ съ канцлеромъ коронным. Въ мѣстечкѣ Любомлѣ видѣлся Еропкинъ съ Ржевускимъ и получилъ отъ него тѣ же самыя заявленія. Къ Синявскому во Львовъ Ржевускій ѣздить не совѣтовалъ, потому что тамъ большое стеченіе народа и пріѣздъ Русскаго агента можетъ повредить всѣмъ гетманамъ, за которыми зорко смотрятъ; Ржевускій объявилъ, что если Еропкинъ поѣдетъ къ Синявскому, то онъ, Ржевускій, принужденъ будетъ писать къ двору королевскому, съ чѣмъ онъ

былъ къ нему присланъ, ибо не хочетъ преждевременно возбудить противъ себя ненависть въ королѣ, а Синявскій, по склонности своей къ королю, непремѣнно напишетъ. Еропкинъ не поѣхалъ во Львовъ.

Сеймъ, бывшій въ началѣ 1720 года, разорвался на вопросѣ объ отобраніи у фельдмаршала Флеминга регулярныхъ польскихъ войскъ и о порученіи ихъ по прежнему гетманамъ. «Думаю, писалъ Долгорукій, что на будущемъ сеймѣ войска у Флеминга отберутъ, хотя король и особенно Флемингъ, сильно ухаживаютъ за гетманами, однако послѣдніе не думаютъ имъ уступать, и всѣ четверо находятся между собою въ большомъ небываломъ согласіи; я ихъ вашего величества милостію и покровительствомъ накрѣпко обнадежилъ, такъ что они короля не боятся, и вся Рѣчь Посполитая, довольная согласіемъ гетмановъ, также короля не боится.» Но король долженъ былъ приготовиться къ борьбѣ на будущемъ сеймѣ, и Долгорукій писалъ царю: «Король хочетъ послать секретно отъ себя на сеймики великія деньги, дабы прежнихъ пословъ, доброжелательныхъ вашему величеству, на будущій сеймъ не выбирали, а выбирали бы его приверженцевъ. Говорятъ, что на будущій сеймъ изъ Англіи и отъ другихъ дворовъ будутъ присланы большія деньги, которыми интересъ вашего величества хотятъ испровергнуть; и хотя наши доброжелатели и обнадеживаютъ меня, однако сомнительно, чтобъ деньги не подѣйствовали, сами изволите знать, какъ Поляки къ взяткамъ склонны и какое въ нихъ постоянство. Въ такое нужное время надобно, чтобъ и я здѣсь былъ не безъ силы; извѣстно вашему величеству, какая сумма ко мнѣ къ прошлому сейму прислана: но изъ тѣхъ 10.000 червонныхъ еще передъ сеймомъ далъ стражниву Потоцкому 2.000, и тѣмъ всѣ королевскія противныя дѣла на сеймѣ опровергъ и вашего величества интересъ удержалъ. Не изволите ли что въ запасъ прислать, также и для подарковъ изъ нарочитыхъ китайскихъ вещей?»

Но король Августъ старался подкапывать Русское вліяніе не одними деньгами: по всей Польшѣ было разглашено, что царь принялъ медіацію короля Англійскаго для мира съ Швецію, и положено Ревель уступить послѣдней, за что Россіи хотятъ отдать какую-нибудь Польскую провинцію. «Король, писалъ Долгорукій, гдѣ меня увидитъ, не можетъ смотрѣть, отворачивается, публично

свой гнѣвъ являетъ: отъ многихъ слышу, будто на сеймѣ хочетъ усильно стараться, чтобъ меня отъ двора отослать; но я больше всего боюсь, чтобъ внезапно не побралъ у меня писемъ, которыя могутъ великій вредъ сдѣлать.» Между тѣмъ Долгорукій дѣлалъ вредъ королю, перезывая изъ его службы въ русскую Миниха. «Говорилъ я, доносилъ Долгорукій, генералъ-майору Миниху, командующему коронными регулярными войсками, чтобъ принялъ службу вашего величества, понеже онъ человѣкъ изрядный и зѣло неглупый, войско не токмо рекрутовалъ, но и мундиромъ убиралъ и училъ, и въ инженерномъ дѣлѣ лучше его въ королевской службѣ нѣтъ, также и архитектъ изрядный, котораго я видѣлъ въ практикѣ, какъ дѣлалъ домъ маршалка короннаго, который новой моды и между лучшими въ Варшавѣ. Минихъ мнѣ отвѣчалъ, что принимаетъ для себя за великое счастіе быть въ службѣ вашего величества, а въ здѣшней службѣ ему своихъ наукъ практиковать невозможно, можетъ все забыть и на милость королевскую не можетъ надѣяться, потому что Флемингъ является ему главнымъ непріятелемъ.»

Между тѣмъ король Августъ отправилъ въ Петербургъ полномочнаго посла Хоментовскаго, воеводу Мазовецкаго, одного изъ своихъ приверженцевъ. Въ то время, когда король Августъ, какъ курфирстъ Саксонскій, уже заключилъ прелиминарный мирный договоръ съ Швеціей, посолъ его явился въ Петербургъ съ требованіемъ выговоренныхъ по прежнимъ договорамъ субсидій и съ требованіемъ Ливоніи. На первое требованіе ему отвѣчали, что субсидіи царь обязался давать на дѣйствующія противъ общаго непріятеля войска, а гдѣ войска королевскія дѣйствуютъ противъ Шведовъ? Относительно Ливоніи отвѣчали: царское величество дѣйствительно обѣщалъ уступить Лифляндію королю и рѣчи Посполитой, и отъ этого обѣщанія никогда не отрекался и теперь не отрекается, и отдалъ бы Ригу немедленно, еслибъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ могъ это сдѣлать безопасно. Но всему свѣту извѣстно, какимъ образомъ прочіе сѣверные союзники отступили отъ союза съ царскимъ величествомъ и не только съ короною Шведскою заключили партикулярный миръ съ исключеніемъ Россіи, но король Великобританскій обязался помогать Швеціи въ возвращеніи ей завоеванныхъ царскимъ величествомъ провинцій; также извѣстно, какія съ непріятельской

стороны дѣлаются приготовленія, чтобъ заставить Россію возвратить Ливонію Швеціи. Но этого мало: король Польскій, вопреки договорамъ и обнадеживаніемъ, заключилъ прелиминарный трактатъ съ Швеціей, въ которомъ выговорено, что Оливскій мирный трактатъ подтверждается во всѣхъ его статьяхъ, а по Оливскому трактату, Рига и Ливонія должны оставаться за Швеціей. Кромѣ того, въ своемъ прелиминарномъ договорѣ, Польскій король обязался вмѣстѣ съ Швеціею употребить всѣ способы для прекращенія сѣверныхъ несогласій: это обстоятельство могло быть заключено только противъ Россіи, которая одна осталась въ войнѣ съ Швеціей. Ясно, что король, требуя Ливонію отъ царскаго величества, не можетъ имѣть другаго намѣренія, какъ возвратить ее Швеціи въ исполненіе подтверждаемаго оливскаго договора; но царское величество никакъ не можетъ на это согласиться, имѣя въ виду какъ безопасность собственныхъ владѣній, такъ и безопасность союзной рѣчи Посполитой. Возраженіе, что прелиминарный договоръ заключенъ королемъ только какъ курфирстомъ Саксонскимъ, и Ливонія должна быть отдана Польшѣ,— не имѣетъ значенія, потому что въ договорѣ говорится объ Оливскомъ трактатѣ, который до Саксоніи нисколько не касается, ибо заключенъ между Польшею и Швеціей. Царское величество никогда не отречется отъ своего обязательства уступить Ливонію рѣчи Посполитой, если послѣдняя твердо и нерушимо пребудетъ въ союзѣ съ Россіей.

Отвѣтивъ на требованія Хоментовскаго, царскіе министры представили ему свои требованія: «Извѣстно, какимъ образомъ по договорамъ надлежитъ содержать находящихся въ Польшѣ и Литвѣ людей греческаго исповѣданія, и какъ ихъ содержатъ теперь, какое имъ тамъ великое притѣсненіе, гоненіе и принужденіе къ уніи. Епископъ Луцкій Кириллъ Шумлянскій, когда послѣ посвященія въ Кіевѣ прибылъ на свою епархію, то подвергся жестокому гоненію и принужденъ былъ возвратиться въ Кіевъ; король, несмотря на то, что подтвердилъ его избраніе своимъ универсаломъ, выдалъ новый универсалъ, запрещавшій признавать Кирилла Луцкимъ епископомъ на томъ основаніи, что онъ поставленъ въ Кіевѣ. Въ 1712 году отправлена была къ королю грамота, въ которой царское величество просилъ о возстановленіи Шумлянскаго, согласно съ договорами; но на эту грамоту до сихъ

поръ не было отвѣта. Шумлянскій живетъ въ Кіевѣ и получаетъ пропитаніе отъ царскаго величества, потому что въ Польшѣ отняты у него и отцовскія маетности. Гоненіе на людей греческаго исповѣданія продолжается и въ другихъ мѣстахъ. Вмѣсто опредѣленныхъ по договорамъ четырехъ епископій греческаго исповѣданія, остался одинъ епископъ въ Могилевѣ Бѣлорусскій, князь Четвертинскій, да и въ этомъ Бѣлорусскомъ епископствѣ церкви насиліями обращаются къ уніи. За 25 лѣтъ предъ симъ приписной къ Оршанскому Кутеинскому монастырю Міорскій монастырь окольною шляхтою обращенъ насильно въ унію. Въ 1714 году въ Мстиславскомъ воеводствѣ, въ селѣ Шамовѣ шляхтичь Шпилевскій, угрожая священнику жестокими побоями и отнятіемъ имѣнія, обратилъ въ унію церковь Петропавловскую. Въ 1715 году въ оршанскомъ повѣтѣ князь Лукомскій, пріѣхавъ въ Лукомскій же монастырь, схватилъ игумена Варлаама и другаго іеромонаха, обрилъ имъ головы, бороды и усы, и послѣ жестокихъ побоевъ велѣлъ вытащить за ноги изъ монастыря, отъ чего игуменъ и умеръ, а монастырь отданъ былъ уніатамъ. Съ 1715 по 1720 годъ обращено было въ унію въ мѣстечкахъ Невлѣ, Себежѣ и Копосѣ сорокъ церквей; въ экономіи могилевской пять церквей; въ маетностяхъ каштеляна Витепскаго, Огинскаго, пять церквей; въ повѣтѣ Оршанскомъ двадцать церквей; замковая Гомельская церковь св. Николая обращена въ уніатскую мачихою старосты Гомельскаго Красинскаго и протопопъ греческаго исповѣданія выгнанъ. Недавно, въ февралѣ нынѣшняго 1720 года въ Мстиславлѣ ксендзы и шляхта ворвались въ замковую Николаевскую церковь, сбросили съ престола сосуды съ запасными дарами, и стали устраивать по своему, но когда народъ греческаго исповѣданія сбѣжался къ церкви, то ксендзы, послѣ сильнаго сопротивленія, должны были оставить церковь. По воеводствамъ Литовскимъ разъѣзжаетъ уніатскій митрополитъ Кишка и принуждаетъ къ уніи духовенство греческаго исповѣданія. Въ Польшѣ и Литвѣ духовенству греческаго исповѣданія запрещено созывать соборы; епископы не допускаются въ сенатъ, шляхта не только не допускается въ сенатъ, но и на сеймы въ послахъ и ни въ какія другія коммиссіи, а мѣщане въ магистратскія и другія должности. Царское величество требуетъ, чтобъ означенныя епархіи, монастыри и церкви были возвращены людямъ грече-

скаго исповѣданія, которымъ должно быть также позволено строить новые монастыри и церкви; чтобы возвращены были и тѣ епископіи, монастыри и церкви, которыхъ начальное духовенство самовольно приняло унію; и впредь, если кто-нибудь изъ начальныхъ духовныхъ лицъ или священниковъ обратится въ унію или католицизмъ, то ихъ епархіи, монастыри и церкви по этому случаю не отнимаются у людей греческаго исповѣданія, потому что епархіи, монастыри и церкви не принадлежатъ этимъ лицамъ въ собственность. Кто силою обращенъ въ унію и захочетъ принадлежать снова греческому исповѣданію, тотъ можетъ перейдти безпрепятственно. Кто станетъ впередъ дѣлать препятствіе при отправленіи *Греко-Россійскаго* богослуженія, тотъ подвергается суду и наказанію по законамъ. Должны быть позволены соборы духовные и мірскіе, для интересовъ греческаго исповѣданія созываемые; чтобъ позволено было епископамъ греческаго исповѣданія засѣдать въ сенатѣ; чтобъ шляхта и мѣщане допускались ко всѣмъ должностямъ наравнѣ съ католиками и уніатами; чтобъ имѣнія архіерейскія, монастырскія и церковныя не подвергались лишнимъ налогамъ; чтобы тяжбы духовныхъ лицъ греческаго исповѣданія судилась предъ обыкновенными судами; чтобы все означенное въ этихъ требованіяхъ внесено было въ конституцію на будущемъ сеймѣ, а для лучшаго освидѣтельствованія помянутыхъ обидъ и возвращенія отнятыхъ насиліемъ епископствъ, монастырей и церквей, назначена была немедленно коммиссія, въ которой долженъ быть членъ и отъ стороны царскаго величества.

Осенью 1720 года въ Варшавѣ собрался сеймъ; но собравшіеся не хотѣли ничего начинать прежде, чѣмъ король отберетъ команду надъ коронными войсками у Флеминга; король не соглашался. Между тѣмъ Англійскій посланникъ Шкотъ, Шведскій генералъ-лейтенантъ Траутфеттеръ и Саксонскіе министры ѣздили по всѣмъ польскимъ магнатамъ, приглашали къ себѣ пословъ повѣтовыхъ (сеймовыхъ депутатовъ) и уговаривали ихъ къ войнѣ противъ Россіи, обѣщая большія выгоды, возвращеніе Кіева и Смоленска, и представляя, какою опасностію Польшѣ грозитъ увеличивающаяся сила царя, представляя, что союзныя войска, въ своихъ движеніяхъ противъ Россіи, будутъ проходить преимущественно чрезъ Пруссію и немного захватятъ Литвы, причемъ провіантъ и фуражъ будутъ покупать за деньги. Паны, прі-

ѣзжая къ Долгорукому, разсказывали ему объ этихъ предложеніяхъ и получили въ отвѣтъ объявленіе, что теперь Русскихъ регулярныхъ войскъ на ихъ границѣ около ста тысячъ, и если какія-нибудь чужія войска войдутъ въ Польшу, то немедленно вступятъ въ нее и Русскія, не спрашивая о дорогѣ; за регулярными войсками вступятъ и разные нерегулярные народы, Татары, Калмыки и другіе, которые за провіантъ и фуражъ платить не будутъ. Въ тоже время Долгорукій доносилъ царю, что Минихъ не хочетъ заключать контракта, но во всемъ полагается на высокую милость и волю царскую; Долгорукій прибавлялъ, что если Минихъ перейдетъ въ Русскую службу, то Польская пѣхота вся разойдется, никто не будетъ содержать ее въ такомъ порядкѣ.

Долгорукій старался всѣми силами, чтобы сеймъ разошелся въ положенный срокъ (шесть недѣль) безъ засѣданій. «Думаю, писалъ онъ, что для интересовъ вашего величества будетъ полезно, если сейма не будетъ; посолъ Хоментовскій не донесетъ сейму о своемъ неуспѣшномъ посольствѣ въ Петербургъ и отвѣтъ ему данный не будетъ прочтенъ до будущаго сейма; такимъ образомъ король, его приверженцы и министры иностранные лишатся хорошаго средства дѣйствовать противъ Россіи. Король говоритъ, что я въ прошлый сеймъ роздалъ 90.000 и сеймъ разорвалъ, а теперь будто обѣщалъ раздать 100.000, чтобъ не допустить сейму начаться. Но у меня канцеляристы одиннадцать мѣсяцевъ живутъ безъ жалованья, въ великой нуждѣ; что прислано ко мнѣ изъ дому для моего пропитанія, и то трачу для поддержанія интереса вашего величества и всего государства. Кромѣ того занимаю деньги. Во всю мою бытность въ Польшѣ, рѣдко когда мнѣ было такъ трудно, какъ теперь, потому что Саксонскіе и другихъ дворовъ министры разсыпаютъ большія деньги на сеймѣ; однако за помощію Божіею надѣюсь, что ничего важнаго не сдѣлаютъ и на этихъ дняхъ сеймъ безъ засѣданій *расползется*.

Сеймъ дѣйствительно расползся 25 октября. Гетманы, многіе сенаторы и повѣтовые послы просили Долгорукаго, чтобъ при общемъ мирѣ царское величество не оставилъ рѣчи посполитой, которая ни отъ кого никакого предложенія о мирѣ принимать не будетъ, надѣясь во всемъ на покровительство царскаго величе-

ства. Долгорукій съ торжествомъ доносилъ, что врагамъ царскаго величества не удалось поднять Польшу, единственную страну, черезъ которую можно было дѣйствовать противъ Россіи, ибо черезъ море дѣйствовать трудно.

Король Августъ, видя не успѣхъ, сталъ думать о сближеніи съ старымъ пріятелемъ своимъ, царемъ. Долгорукій въ декабрѣ послалъ просьбу царю позволить пріѣхать ему въ Петербургъ; король, прощаясь съ нимъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Варшавы, просилъ отправить въ Петербургъ сына Сергѣя Григорьевича съ порученіемъ отъ него, короля, къ царскому величеству. Порученіе состояло въ томъ, чтобъ возстановить прежнюю дружбу между двумя государями; но такъ какъ прерванная дружба можетъ быть прочно возстановлена только чрезъ объясненіе причинъ неудовольствія, то Долгорукій долженъ былъ объяснить Петру, что союзъ короля съ императоромъ, на который такъ жалуется царь, есть союзъ чисто оборонительный, вынужденный отстраненіемъ короля отъ участія въ Аландскомъ конгрессѣ; что съ Швеціею король не заключилъ никакого договора, ибо не имѣлъ къ тому никакихъ побужденій; правда, что Швеція предложила прелиминарный договоръ, и, мо́жетъ быть, царю сообщенъ этотъ проектъ, но большая разница между проектомъ договора и заключеннымъ уже договоромъ; а король прямо объявилъ Шведскому двору, что предложенный договоръ еще не можетъ быть заключенъ. Такимъ образомъ царь не имѣетъ причинъ жаловаться на короля, а король имѣетъ много причинъ: отстраненіе отъ участія въ Аландскомъ конгрессѣ, дѣло принца Вейсенфельскаго, сношенія съ Портою Оттоманскою и Станиславомъ Лещинскимъ, Данцигское дѣло: но король нигдѣ ни на что не жаловался и ничего не предпринималъ противъ царя, будучи увѣренъ, что рано или поздно царское величество признаетъ ложность внушеній, сдѣланныхъ ему противъ короля. Для большаго успѣха своего объясненія король счелъ нужнымъ прибавить угрозу: «Царь помнитъ договоръ, заключенный имъ съ королемъ и рѣчью посполитою: такъ надобно, чтобъ онъ сообщилъ королю свои намѣренія относительно Ливоніи. Интересъ царя требуетъ, чтобъ онъ какъ можно скорѣе объяснилъ королю свои виды; королю надобно ихъ знать для предупрежденія событій, которыя могутъ случиться мимо его воли. Что если театръ войны пере-

несется въ Польшу? Король не можетъ остаться одинъ; онъ долженъ принять ту или другую сторону. Онъ естественно больше всего желаетъ жить въ дружбѣ съ сосѣдями; но если сосѣди не хотятъ жить въ дружбѣ, хотятъ обращаться какъ съ врагами или съ покоренными, то поневолѣ надобно искать другихъ, которые бы вели дѣло иначе. Мы предлагаемъ дружбу за дружбу. Иностранныя государства знаютъ очень хорошо, какъ важно для нихъ, чтобъ никто въ Польшѣ не разыгрывалъ роль хозяина; они хорошо также знаютъ сильную и слабую сторону царя, и потому могутъ воспрепятствовать ему хозяйничать въ Польшѣ.»

Князь Сергѣй Долгорукій отправился съ этимъ порученіемъ въ Петербургъ, и въ 1721 году возвратился съ отвѣтомъ: «предлагая о возобновленіи дружбы, не слѣдовало возобновлять дѣлъ, напоминаніе о которыхъ можетъ быть только противно царскому величеству. О мирныхъ переговорахъ у Россіи съ Швеціею король не только зналъ, но и побуждалъ къ тому чрезъ министровъ своихъ, еще въ Голландіи чрезъ барона Лоса, и потомъ въ Берлинѣ чрезъ графа Мантейфеля и того же Лоса, а въ допущеніи королевскаго министра на Аландскій конгрессъ царское величество никакихъ препятствій не дѣлалъ, напротивъ велѣлъ домогаться объ этомъ у Шведскихъ министровъ. Король не имѣлъ никакой причины для своей безопасности, какъ онъ говоритъ, заключить извѣстный Вѣнскій договоръ, потому что его величеству ни откуда никакой опасности не было; а съ какою цѣлію этотъ договоръ заключенъ—это всѣму свѣту извѣстно. Касательно прелиминарнаго договора съ Швеціею царскому величеству извѣстно, что онъ подписанъ графомъ Флеммингомъ и Шведскимъ генераломъ Траутфеттеромъ, и потомъ въ Швеціи ратификованъ. Въ дѣлѣ принца Вейсенфельскаго виноватъ король, зачѣмъ такъ долго не присылалъ ратификацію договора. Въ Константинополѣ ничего ко вреду королевскому не предлагалось. На предложеніе Станислава Лещинскаго царское величество всегда отвѣчалъ отказомъ. Королю хорошо извѣстно, какой былъ вредъ общимъ интересамъ отъ жителей Данцига; отъ короля и рѣчи посполитой требовали удовлетворенія, не получили и принуждены были добыть его сами. Царское величество показалъ королю столько дружбы и благодѣяній, сколько возможно ему было безъ

потери собственнаго интереса, и если въ чемъ не могъ его королевскому величеству услужить, такъ это потому, что встрѣтилъ препятствіе въ собственномъ интересѣ, который имѣетъ много общаго съ интересомъ рѣчи посполитой. Относительно угрозы, что театръ войны перенесется въ Польшу, которая должна будетъ принять ту или другую сторону, царское величество спокоенъ и безопасенъ, потому что онъ ничего не ищетъ въ Польшѣ, кромѣ сохраненія тамошнихъ правъ и вольностей; онъ не думаетъ, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей питалъ противъ него за это злобу или завпсть, кромѣ враговъ и тѣхъ, кому это непріятно. Впрочемъ опытъ показалъ, что царское величество, въ надеждѣ на правоту своего дѣла, не привыкъ позволять кому бы то ни было пугать себя угрозами[168].»

Царь былъ спокоенъ и безопасенъ относительно Польши, и потому могъ не обращать вниманія на угрозы Польскаго короля. Русское вліяніе побѣдило въ Польшѣ вліяніе Англійское, Австрійское и вліяніе Польскаго короля; тройной союзъ не повелъ ни къ чему въ Польшѣ. Но посмотримъ, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на Пруссію, эту хищную и робкую державу, трепетавшую за свои новыя пріобрѣтенія? какъ изворачивалась она между Россіею и тройнымъ союзомъ, когда перемѣны въ Швеціи по смерти Карла XII поставили царя въ затруднительное положеніе?

Въ генварѣ 1719 года графъ Александръ Головкинъ именемъ царскимъ просилъ у короля Фридриха Вильгельма откровеннаго мнѣнія и совѣта, какъ поступать въ Шведскихъ дѣлахъ, какой стороны выгоднѣе держаться, стороны ли герцога Голштинскаго или принца Гессенскаго? «Теперь объявлять себя еще не время, отвѣчалъ король; если по вѣрнымъ вѣдомостямъ окажется, что партія герцога Голштинскаго будетъ сильнѣе, то я не только его сторону принять, но и дочь мою за него замужъ выдать готовъ; если же партія Гессенскаго принца возьметъ верхъ, то и съ нимъ сладить можно. Теперь ничего другаго дѣлать нельзя, только надобно намъ, больше прежняго, вмѣстѣ держаться, и ждать вѣрныхъ вѣдомостей изъ Швеціи.» Когда Головкинъ сталъ говорить объ ожидаемомъ въ Берлинъ пріѣздѣ принца Евгенія, то король сказалъ: «Я васъ паролемъ моимъ обнадеживаю, что противъ царскаго величества ни во что не вступлю и о всѣхъ предло-

женіяхъ откровенно сообщу, ибо одного только въ свѣтѣ имѣю друга, его царское величество, на котораго впрямь надѣяться могу и взаимно его величество на меня твердо надѣяться можетъ, и въ томъ вѣрно, пока живъ, стоять буду; только и съ другой стороны, смотря по положенію земель моихъ, принужденъ я наружную дружбу соблюдать и остерегаться, чтобъ ни цесарю, ни цесарству не подать причины къ враждѣ; а Саксонцы, несмотря на то, что они великіе интриганы, ничего мнѣ не сдѣлаютъ, когда я съ царскимъ величествомъ буду въ крѣпкомъ союзѣ.»

Изъ Швеціи начали приходить вѣсти, что Англійскій дворъ беретъ тамъ верхъ, и въ Берлинѣ стали очень безпокоиться. Ильгенъ толковалъ Головкину: «Россіи и Пруссіи непремѣнно нужно спѣшить заключеніемъ мира съ Швеціею, чтобъ другіе не предупредили: тогда будетъ поздно, особенно намъ.» Головкинъ отвѣчалъ: «Мы стараемся о мирѣ, но не для чего заключать его съ урономъ, ибо нечего бояться, если Россія и Пруссія будутъ въ твердомъ союзѣ.» Въ началѣ апрѣля король сообщилъ Головкину по секрету: «Англійскій король говорилъ моему резиденту, что если я хочу непремѣнно удержать за собою Штетинъ, то входилъ бы съ нимъ въ тѣснѣйшую связь и онъ будетъ стараться доставить Штетинъ Пруссіи, и при этомъ совѣтовалъ, чтобъ я порвалъ союзъ съ царскимъ величествомъ; но такъ какъ я на Бернсторфа сердитъ, то онъ, король хочетъ переговаривать объ этомъ дѣлѣ чрезъ Англійскихъ министровъ и прислалъ въ Берлинъ Витворта.»—«Англійскій король, отвѣчалъ Головкинъ, теперь ласкаетъ только для того, чтобъ разлучить Пруссію отъ Россіи, но изъ прежнихъ примѣровъ видно, что отъ Англіи надѣяться нечего: когда склоняли ваше величество къ Штральзундской кампаніи, то король Англійскій обѣщалъ и войско, и флотъ, и ничего не далъ.» Головкинъ просилъ не слушать англійскихъ предложеній, король повторялъ увѣренія, что останется въ тѣсной дружбѣ и союзѣ съ царскимъ величествомъ и будетъ откровенно сообщать всѣ предложенія Витворта. Шведскія дѣла, отъ хода которыхъ зависѣло сохраненіе Штетина, не могли поглотить все вниманіе Прусскаго правительства: оно не спускало глазъ съ Польши, чтобъ не дать Саксоніи усилиться здѣсь, и Фридрихъ Вильгельмъ говорилъ Головкину: «Цесарь желаетъ помириться съ вашимъ государемъ, и царскому величеству надобно это сдѣлать,

обѣщать ему не вмѣшиваться въ имперскія дѣла, но съ тѣмъ, чтобъ цесарь не вмѣшивался въ польскія; интересамъ Россіи и Пруссіи будетъ очень вредно, если наслѣдный принцъ Саксонскій получитъ Польскую корону, до этого никакъ нельзя допускать, и, если будетъ нужно, то я всѣ свои войска употреблю.» Прусскіе министры сообщили Головкину, что они разослали по Польшѣ своихъ агентовъ склонять Поляковъ на прускую сторону и внушать имъ, что король Августъ добивается самодержавія въ Польшѣ и наслѣдственности для своего дома.

Витвортъ пріѣхалъ съ предложеніемъ оборонительнаго союза между Пруссіею и Ганноверомъ. Король объявилъ Головкину, что Англійскій посланникъ не предлагаетъ ничего противъ Россіи. «Надѣюсь, отвѣчалъ Головкинъ, что ваше величество безъ согласія царскаго величества ни во что съ королемъ Англійскимъ вступить не изволите, такъ какъ и царское величество безъ сообщенія съ вашимъ величествомъ ничего не дѣлаетъ; а если вашему величеству угодно примириться съ Англійскимъ королемъ, то это необходимо сдѣлать съ общаго согласія съ царскимъ величествомъ, который, какъ извѣстно, всегда обнаруживалъ готовность къ примиренію.»—«Конечно не вступлю ни во что, что бы могло быть противъ интересовъ царскаго величества, сказалъ король: пусть царское величество будетъ благонадеженъ, что я его ни на короля Англійскаго, ни на кого другаго не промѣняю. Я Англичанамъ въ обманъ не дамся, и такъ довольно меня провели.» Но при этихъ увѣреніяхъ Фридрихъ Вильгельмъ настаивалъ, чтобъ царь отказался отъ Лифляндіи и этимъ ускорилъ миръ съ Швеціею: «Я желаю, говорилъ король, чтобъ все за царскимъ величествомъ осталось, особенно Лифляндія, чтобъ имѣть сообщеніе съ царскимъ величествомъ и въ случаѣ нужды скорѣе получить отъ него помощь; но хотя Швеція сама и не въ состояніи теперь продолжать войны, однако другіе, помирясь съ нею, могутъ ей помогать и тогда какой вредъ общимъ интересамъ можетъ произойдти—царское величество изволитъ легко самъ разсудить.» Головкинъ отвѣчалъ: «Когда свое получатъ, то за чужое немного стоять будутъ, не захотятъ подвергать себя опасности.»—«Правда, сказалъ король, въ чужихъ дѣлахъ не такъ ревностно будутъ поступать, какъ въ своихъ; только Шведы едва ли прямое намѣреніе къ миру имѣютъ.» Головкинъ отвѣчалъ:

«Если они добровольно не помиряться, то надобно ихъ принудить; царское величество употребитъ для этого и оружіе, и запретитъ вывозъ съѣстныхъ припасовъ изъ своего государства; проситъ и ваше величество, чтобъ хотя на нынѣшній годъ запрещенъ былъ вывозъ хлѣба изъ Пруссіи, ибо чрезъ это получите миръ по своему желанію.»—«Не могу, сказалъ король, раззорять свои земли; на такихъ условіяхъ Шведскій миръ мнѣ очень дорого обойдется.»

Въ Петербургѣ нашли, что въ виду опасности отъ предложеній Витворта надобно дѣйствовать рѣшительнѣе въ Берлинѣ, и потому туда отправился человѣкъ, болѣе способный къ энергическимъ дѣйствіямъ, чѣмъ Александръ Головкинъ—Петръ Андреевичъ Толстой. На первой аудіенціи Толстой такъ объявилъ королю о причинахъ своего пріѣзда: «Я присланъ за тѣмъ, чтобъ ваше величество, по ближайшимъ обязательствамъ съ царскимъ величествомъ и по письменнымъ и устнымъ обѣщаніямъ своимъ, не изволилъ бы никакого трактата заключать съ королемъ Англійскимъ безъ включенія Россіи, и я имѣю полномочіе договариваться о такомъ совокупномъ договорѣ.» Король отвѣчалъ: «Я не сдѣлаю ничего противнаго царскому величеству, которому предложенный Англіею трактатъ не можетъ быть предосудителенъ.» Министрамъ Прусскимъ Толстой объявилъ: «Если вы заключите договоръ съ Англіею безъ включенія Россіи, то можетъ ли дружба вашего короля съ царскимъ величествомъ оставаться въ прежней силѣ? Хотя бы вы сами и желали поддержанія этой дружбы, то интриги Ганноверскаго двора вамъ помѣшаютъ. Если вы, вопреки моимъ представленіямъ, договоръ съ Англіею заключите, то я, не вступая больше ни во что, отсюда уѣду, и царское величество въ поступкѣ вашего двора не только увидитъ противность, но и будетъ считать себя освобожденнымъ отъ всѣхъ обязательствъ съ Прусскимъ дворомъ.» Въ такомъ же смыслѣ была написана и царская грамота къ королю. Прусскіе министры жаловались Толстому, что грамота написана въ «жестокихъ експрессіяхъ,» будто къ подданному: развѣ король Прусскій не воленъ вступать въ договоръ, съ кѣмъ хочетъ, безъ позволенія царскаго? Толстой отвѣчалъ: «Въ царской грамотѣ нѣтъ угрозъ, а только выставлены на видъ вредныя послѣдствія договора между Пруссіею и Англіею безъ включенія Россіи, тѣмъ болѣе, что

царское величество меня сюда прислалъ съ полномочіемъ для заключенія общаго договора; царское величество соглашается на всѣ двору Англійскому пріятныя условія, и потому для чего вамъ исключать Россію изъ договора?»—«Нашъ дворъ, говорили министры, желаетъ заключить договоръ съ дворомъ Англійскимъ только для того, чтобъ у него войдти въ кредитъ и тѣмъ скорѣе соединить съ нимъ и дворъ Русскій; кромѣ того намъ предлагаются очень полезныя условія, а именно: Георгъ, какъ король Англійскій, а не какъ курфирстъ Ганноверскій только, хочетъ гарантировать намъ Штетинъ съ дистриктомъ, а чтобъ мы гарантировали ему Бременъ и Верденъ и корону Англійскую для его династіи, по пресѣченіи которой Англійскій престолъ можетъ перейдти и къ Прусскому дому. Хотя бы король нашъ и охотно желалъ включить въ договоръ царское величество, но Англійскій король никакъ этого не хочетъ, потому что питаетъ противъ царскаго величества большое неудовольствіе; Витвортъ говорилъ, что изъ Россіи въ Испанію отправлено двое Англичанъ бунтовщиковъ и царское величество ведетъ переписку съ претендентомъ.»

Положеніе Пруссіи было затруднительно: съ одной стороны Англійскій король предлагаетъ выгодный договоръ, съ исключеніемъ Россіи, — съ другой царь требуетъ включенія и разсердить его отказомъ опасно. Черезъ день послѣ перваго разговора Ильгенъ является къ Толстому и говоритъ, что Англійскій король не отвергаетъ рѣшительно включенія Россіи въ договоръ, но откладываетъ; король Прусскій всячески старался и впредь будетъ стараться объ этомъ включеніи; но если не успѣетъ, то не думаетъ, чтобъ царское величество пожелалъ лишить его великихъ выгодъ, предлагаемыхъ съ Англійской стороны; Ильгенъ просилъ не останавливать заключенія договора, который можетъ быть только полезенъ Россіи, потому что Прусскій дворъ, сблизившись съ Англійскимъ, можетъ ослабить силу Бернсторфа. Толстой отвѣчалъ: «Напрасно трудитесь намъ доказывать, что заключаемый вами договоръ безвреденъ для Россіи; здѣшнему двору надобно зрѣло размыслить и выбрать — Русскую или Англійскую дружбу; рѣшайте только дѣло скорѣе, чтобъ мнѣ можно было возвратиться въ Россію; если вы предпочтете Англію, то мнѣ здѣсь больше дѣлать нечего.» Слова Толстаго сильно обезпокоили Ильгена. Созвали совѣтъ и придумали средство. Король при-

звалъ къ себѣ графа Головкина и объявилъ, что хочетъ дать царскому величеству письменное удостовѣреніе въ безвредности для Россіи договора, заключаемаго имъ съ Англіею, и въ томъ, что безъ Россіи не помирится съ Швеціею. Головкинъ отвѣчалъ, что такимъ поступкомъ всѣ обязательства между Россіею и Пруссіею пресѣкаются. Тогда явились къ Толстому два министра, Ильгенъ и Книпгаузенъ, и, съ прискорбнымъ видомъ, предложили другое средство: были они у Витворта и требовали, чтобъ Англійскій король чрезъ формальную декларацію принялъ Прусскаго короля медіаторомъ въ переговорахъ своихъ съ Русскимъ дворомъ; Витвортъ не нашелъ въ этомъ трудности, но потребовалъ, чтобъ король Прусскій принялъ Англійскаго короля медіаторомъ къ примиренію своему съ Польскимъ королемъ; когда это сдѣлается, то обѣщаетъ король Прусскій вмѣстѣ съ Англійскимъ всячески трудиться, чтобъ король Польскій оставленъ былъ въ спокойномъ владѣніи Польшею, а рѣчь посполитая осталась при своихъ вольностяхъ и привилегіяхъ, и чтобъ Польша, равно какъ и имперія, не были никѣмъ безпокоимы.

Толстой увидавъ, что дѣло сходится къ оборонительному союзу, заключенному въ Вѣнѣ, отвѣчалъ, что донесетъ своему государю о предложеніи Прусскаго двора, который, до полученія отвѣта изъ Петербурга (отвѣтъ придетъ въ 30 дней) долженъ удержаться отъ заключенія договора съ Англіею. Тридцатидневный срокъ встревожилъ Прусскихъ министровъ; всѣ свои рѣчи оканчивали они припѣвомъ, что имъ такихъ великихъ выгодъ отъ Англійскаго договора пропустить нельзя. Король призвалъ Толстаго и Головкина и сталъ имъ говорить: «Если бы меня Англійскій дворъ одинъ къ этому дѣлу понуждалъ, то я бы легко могъ уклониться; но договоръ этотъ съ такими полезными условіями предложенъ мнѣ нарочно, съ согласія цесаря и Франціи, чтобъ меня испытать, подлинно ли я съ царскимъ величествомъ противъ цесаря обязался, какъ о томъ слухи были; и если я этотъ полезный мнѣ договоръ откину, то утвердятся въ этомъ мнѣніи, что я противъ цесаря съ царскимъ величествомъ обязался, и если я это дѣло пропущу, то меня императоръ, Англія и Франція разорить могутъ: неужели царское величество пожелаетъ мнѣ бѣды?» Толстой потребовалъ отпуска; но король не отпустилъ его. Ильгенъ увѣрялъ царскихъ министровъ, что хотя Прусскій дворъ и заклю-

чаетъ договоръ съ королемъ Англійскимъ, но дружба эта будетъ только по наружности, чтобъ въ кредитъ войти, а съ царскимъ величествомъ дружба будетъ всегда усердная, все будетъ дѣлаться въ пользу Россіи, обо всемъ будетъ откровенно сообщаться.

Въ началѣ августа Толстой и Головкинъ усмотрѣли Прусскихъ министровъ въ сильномъ смущеніи: пришли вѣсти изъ Стокгольма, что тамъ готовъ мирный договоръ между Англіею и Швеціею, будетъ возобновленъ и старый оборонительный союзъ между этими державами. Ильгенъ съ печальнымъ лицемъ разсуждалъ, какъ вредно будетъ для Пруссіи заключеніе договора между Швеціею и Англіею, и опять просилъ, чтобъ Россія не мѣшала заключенію договора между Пруссіею и Англіею. Узнавъ, что договоръ этотъ уже подписанъ, Толстой и Головкинъ прямо обратились къ королю съ вопросомъ, правда ли это? Король отвѣчалъ: «Скажу вамъ правду, что договоръ министрами подписанъ, но еще не ратификованъ, и подписанъ условно, что если Штетина не получу, то договоръ не будетъ имѣть никакой силы; въ договорѣ не только ничего противнаго царскому величеству нѣтъ, но я сдѣлалъ письменную протестацію, что ни вочто противъ царскаго величества не вступлю, и надѣюсь, что царское величество, по своему правосудію и высокой склонности, которую ко мнѣ всегда обнаруживать изволилъ, не поставитъ мнѣ въ нарушеніе дружбы и обязательствъ, когда я получу себѣ выгоды безъ вреда его интересамъ. Не поступлю я съ царскимъ величествомъ такъ, какъ Англійскій король, который теперь уже явно съ Швеціею противъ Россіи соединился; я, пока живъ, царскому величеству истинный другъ и ничего противнаго ему не предприму, развѣ царское величество меня въ томъ упредитъ, чего однако не думаю, ибо имѣю честь знать его великодушное сердце. Меня царскій и Англійскій дворъ обѣщаніемъ великихъ выгодъ покушались противъ царскаго величества возбудить, однако я ни начто не посмотрѣлъ; а Саксонцы внушаютъ мнѣ, будто они съ царскимъ величествомъ согласились, чтобъ меня лишить королевскаго достоинства и Эльбингской претензіи, но я ничему не вѣрю, ибо царское великодушное сердце знаю.» Инымъ тономъ говорилъ Ильгенъ; «Съ вашей стороны мы видимъ только жестокіе поступки къ себѣ, нималаго авантажа себѣ искать намъ не позволяете, а съ другой стороны король Англійскій дѣлаетъ намъ

всякую угодность; предки наши гораздо безсильнѣе насъ были, однако себя безобидно содержали, а король мой имѣетъ 60 тысячъ войска и не безъ друзей.» Толстой отвѣчалъ на это: «Если вашъ дворъ такихъ полезныхъ новыхъ друзей себѣ нашелъ, а старыхъ отвергаетъ, то я, будучи присланъ трудиться о сохраненіи старой дружбы, больше не нахожу себѣ здѣсь никакого дѣла, и потому дайте мнѣ отпускъ, чтобъ я поскорѣе возвратился къ своему государю и донесъ ему о здѣшнихъ дѣлахъ.» Тутъ Ильгенъ спустилъ тонъ и началъ говорить, что пребываніе Толстаго въ Берлинѣ нужно, ибо Витвортъ объявилъ, что готовъ вступить съ нимъ въ переговоры по заключеніи договора съ Пруссіею и при посредничествѣ Прусскаго короля. Толстой отвѣчалъ: «Я присланъ сюда договариваться съ Англійскимъ дворомъ сообща съ вами, а не порознь; но такъ какъ здѣшній дворъ свой договоръ съ королемъ Англійскимъ уже заключилъ, то мнѣ царскій указъ велитъ отсюда уѣзжать.» Тутъ Ильгенъ объявилъ, что его дворъ, для показанія своего добраго намѣренія, желаетъ заключить съ Россіею новую конвенцію о сѣверныхъ дѣлахъ, а именно: такъ какъ король Польскій старается на будущемъ сеймѣ ввести рѣчь посполитую въ союзъ Вѣнскій, то Россія и Пруссія должны всѣми силами этому препятствовать, стараться всѣми способами и деньгами, чтобъ сеймъ былъ разорванъ; король на эти издержки опредѣлилъ ежегодно 100,000 талеровъ. Стараться, чтобъ наслѣдный принцъ Саксонскій ни при отцѣ, ни послѣ отца не вступилъ на Польскій престолъ: но чтобъ по смерти короля Августа Поляки выбрали короля изъ своего народа. Стараться, чтобъ Флемингъ лишенъ былъ командованія регулярнымъ войскомъ въ Польшѣ.

Въ октябрѣ Толстой выѣхалъ изъ Берлина. Послѣ его отъѣзда Головкинъ былъ встревоженъ намѣреніемъ короля ѣхать въ Ганноверъ для свиданія съ королемъ Георгомъ, который хотя былъ ему тесть, однако до послѣдняго времени особенно нѣжныхъ родственныхъ отношеній между ними не замѣчалось. Головкинъ написалъ Ильгену, что поѣдетъ за королемъ; тотъ показалъ ему собственноручный отвѣтъ королевскій: «Ильгенъ! увѣрь графа Головкина, что не сдѣлается ничего противу царя ни прямо, ни непрямо, что я ѣду не за дѣлами, но только видѣться съ тестемъ, а иначе я взялъ бы министровъ; а графъ Головкинъ худо дѣлаетъ,

что при мнѣ ѣхать хочетъ, лучше ему оставаться, ибо ему тамъ не будетъ безъ противности.» Головкинъ остался въ Берлинѣ.

Пруссія сблизилась съ Англійскимъ королемъ: Англійскій король былъ нуженъ, потому что чрезъ него Пруссія получила Штетинъ отъ Шведовъ; но нельзя было разрывать и съ Россіею: Россія была нужна въ Польшѣ, съ которой Прусскій король не спускалъ глазъ, чтобъ не дать усилиться здѣсь Саксоніи и Австріи. Фридрихъ Вильгельмъ говорилъ Головкину въ началѣ 1720 года: «Мнѣ нельзя съ Саксонцами глубоко вступать, потому что вредно моимъ интересамъ, если наслѣдный принцъ Саксонскій взойдетъ на престолъ Польскій; а еще того вреднѣе будетъ, когда этимъ способомъ цесарь Поляковъ въ свою волю получитъ и въ такую силу придетъ, что, можетъ быть, захочетъ въ имперіи монархію установить: тогда не только для свѣтской власти, но и для вѣры протестантской очень опасно будетъ. Скажу вамъ по секрету: король Англійскій отправилъ въ Польшу посланника Шкота и далъ ему 60,000 ефимковъ для возбужденія Поляковъ противъ царскаго величества; и Франція такую же сумму денегъ на тотъ предметъ опредѣлила. А я къ царскому величеству особенное почтеніе имѣю; когда я принужденъ былъ къ Англійской партіи пристать, то отъ великой перемѣны въ болѣзнь впалъ, потому что противъ своей воли и склонности принужденъ былъ необходимо это сдѣлать и дружбу царскаго величества къ себѣ нѣкоторымъ образомъ потерять.» Головкинъ сказалъ на это, что хотя царскому величеству сначала это было и очень чувствительно, однако онъ не уменьшилъ своего добраго расположенія къ королевскому величеству. Фридрихъ Вильгельмъ отвѣчалъ: «Не думаю, чтобъ со стороны царскаго величества дружба и откровенная пересылка была по прежнему, и я подалъ тому причину приступленіемъ къ Англійской партіи, хотя и противъ моей воли и склонности; а персонально непремѣнную дружбу и особливое почтеніе къ его царскому величеству имѣю и всегда буду радоваться, если какую счастливую вѣдомость о немъ получу. Я вижу, что непріятели царскаго величества не въ состояніи ему ничего сдѣлать безъ меня, а я ни во что противное ему не вступлю, и накажи меня Богъ, если это сдѣлаю; только какъ вѣрный другъ совѣтую царскому величеству, чтобъ изволилъ стараться о мирѣ съ Швеціею, хотя бы съ нѣкоторою малою и уступкою теперь,

а послѣ, современемъ, можно будетъ и опять взять.» Но когда Головкинъ настаивалъ, чтобъ всѣ эти устныя увѣренія въ дружбѣ и не желаніи дѣлать что-нибудь противное получили болѣе опредѣленную форму въ новомъ союзномъ договорѣ между Пруссіею и Россіею, то король отвѣчалъ: «Не могу, подождите; при нынѣшнихъ деликатныхъ конъюнктурахъ нельзя мнѣ заключить договора съ царскимъ величествомъ.» — «Отъ чего же нельзя? возражалъ Головкинъ: какъ я слышу, переговоры вашего величества съ Швеціею приходятъ къ окончанію.» Король отвѣчалъ: «Этого недовольно, что заключенъ будетъ миръ у меня съ Швеціею; надобны на уступку мнѣ Штетина согласіе и инвеститура императорскія, безъ чего Штетинское владѣніе не прочно; а для полученія императорскаго согласія и инвеституры необходимы мнѣ Англійское вліяніе и помощь; притомъ Англійская дружба мнѣ нужна и для вѣры протестантской, за которую можетъ возгорѣться война по столкновеніямъ въ курфюршествѣ Пфальцкомъ. По этимъ причинамъ мнѣ никакъ нельзя заключить договора съ царскимъ величествомъ; но чтобы государь вашъ не изволилъ имѣть обо мнѣ никакого сомнѣнія, то я дамъ декларацію о моей постоянной и нерушимой дружбѣ, что я ни съ кѣмъ не обязался ко вреду царскому величеству и впредь не обяжусь и противъ него ни прямо, ни посредственно не поступлю, но буду сохранять строгій нейтралитетъ.» Головкинъ требовалъ, чтобъ заключенъ былъ договоръ, въ которомъ прямо было бы сказано, что король не позволитъ войскамъ другихъ государствъ проходить чрезъ свои земли и учреждать магазины. «Велю внести въ декларацію, отвѣчалъ король, что въ Пруссіи этого не позволю, о Германскихъ же провинціяхъ обѣщать не могу, потому что по нашей конституціи вольно имперскимъ князьямъ проводить свои войска по всей имперіи. Объявляю вамъ по секрету, что Шведскій генералъ Траутфеттеръ будетъ ѣздить по всѣмъ имперскимъ князьямъ и склонять ихъ подать помощь Швеціи; только я не думаю, чтобъ изъ этого какой успѣхъ былъ. Я сердечно желаю, чтобъ Лифляндія осталась за царскимъ величествомъ, въ чемъ состоитъ мой собственный интересъ, потому что Шведы изстари моимъ предкамъ непріятели, а мнѣ и подавна не могутъ быть пріятелями за Штетинъ, и если они Штральзундъ и Лифляндію опять получатъ, то съ двухъ сторонъ будутъ меня безпокоить.»

Передавая Головкину свое собственноручное письмо къ царю, король говорилъ: «Я къ перу не гораздо заобыченъ, и царское величество не изволилъ бы меня въ томъ зазрить, что письмо мое простое, только сердце мое къ его царскому величеству истинное.

Прусскій король заключилъ миръ съ Швеціею, получилъ въ вѣчное владѣніе Штетинъ за извѣстную сумму денегъ; но этимъ пожертвованіемъ Швеція не пріобрѣла себѣ союзника: Фридрихъ Вильгельмъ сдержалъ свое обѣщаніе царю, остался вполнѣ нейтральнымъ, потому что сдержать это обѣщаніе было ему выгодно. Англійскій дворъ долженъ былъ убѣдиться, что Прусскій король не пожертвуетъ ни однимъ солдатомъ для Швеціи. Тщетно въ 1721 году приверженцы Англійскаго короля представляли Фридриху Вильгельму, какъ опасно будетъ для Пруссіи, если царь удержитъ Ливонію; король отвѣчалъ, что онъ нисколько не опасается, потому что увѣренъ въ личной дружбѣ къ себѣ царя. Ему представляли, что если для него Россія не опасна по личнымъ отношеніямъ къ нему царя, то будетъ опасна для его наслѣдниковъ. «Наслѣдники сами о себѣ должны заботиться,» отвѣчалъ король. Ильгенъ писалъ къ Французскому посланнику, что никакими способами нельзя отвратить Фридриха Вильгельма отъ горячей привязанности къ царю, точно такъ какъ нельзя уничтожить въ немъ страсти къ высокимъ гренадерамъ. Петръ удовлетворялъ этой страсти своего друга, присылалъ къ нему изъ Россіи великановъ; но нельзя думать, чтобъ Фридрихъ Вильгельмъ рѣшился пожертвовать хотя однимъ высокимъ гренадеромъ своей горячей привязанности къ царю [169].

Ни въ Вѣнѣ, ни въ Варшавѣ, ни въ Берлинѣ Англійскому двору не удалось сдѣлать ничего въ пользу Швеціи, ничего, чтобы заставило царя смягчить условія мира и удержаться отъ нападеній на истощенную, не могшую обороняться Швецію. Оставался Копенгагенъ.

Въ 1718 году изъ Сѣверныхъ союзниковъ труднѣе всѣхъ приходилось Датскому королю, потому что на его Норвегію направлены были удары все еще страшнаго Карла XII. Легко понять поэтому какую радость произвело въ Капенгагенѣ извѣстіе о смерти Шведскаго короля. Князь Василій Лукичъ Долгорукій писалъ къ своему двору въ началѣ 1719 года: «По смерти короля Шведскаго здѣшній дворъ очень сталъ гордъ, надѣется, безъ вся-

кихъ дѣйствій, полезный миръ получить и для того, кромѣ короля Англійскаго, всѣхъ союзниковъ презираетъ.» Датское правительство съ торжествомъ дало знать *союзнымъ* дворамъ, что Норвегія очищена отъ Шведовъ. Долгорукій, поздравивъ короля съ этимъ счастливымъ событіемъ, предложилъ уговориться, какъ дѣйствовать впередъ. Въ конференціи, бывшей по этому случаю въ мартѣ мѣсяцѣ, Датскіе министры говорили Долгорукому: »Если теперь начинать только переписку о томъ, какъ дѣйствовать, то въ перепискѣ все время пройдетъ, а между тѣмъ Аландскій конгрессъ будетъ продолжаться и будутъ тамъ хлопотать дѣло къ концу привести?» — «Что соглашеніе между Россіею и Даніею не послѣдовало ранѣе, въ томъ виноватъ король Датскій, отвѣчалъ Долгорукій, ибо отъ царскаго величества предлагалось много разъ, но съ королевской стороны ни малѣйшаго знака склонности не показано.» — Датскіе министры возражали: «Король не хотѣлъ входить ни въ какое соглашеніе, видя, что на Аландѣ начаты мирные переговоры.» — «Предложенія были дѣланы прежде Аландскаго конгресса, отвѣчалъ Долгорукій; да и во время Аландскаго конгресса было объявлено, что царское величество порветъ конгрессъ, если король войдетъ въ соглашеніе; царское величество сдѣлаетъ это и теперь, если увидитъ, что Датское величество возобновитъ прежнюю дружбу и войдетъ въ соглашеніе о дѣйствіяхъ противъ непріятеля.» Но министры продолжали дѣлать выходки противъ Аландскаго конгресса: «Зачѣмъ было такимъ способомъ конгрессъ начинать?» Долгорукій отвѣчалъ: «Прежде начатія конгресса объ немъ было вамъ сообщено и предложено, чтобъ отправленъ былъ на него Датскій уполномоченный; но король не захотѣлъ этого; о ходѣ переговоровъ вамъ сообщалось.» — «А за чѣмъ вы намъ не помогли, когда Шведскій король воевалъ Норвегію? продолжали министры: вы обѣщали помочь весною, но до весны вся Норвегія могла бы пропасть.» — «Всякій можетъ разсудить, отвѣчалъ Долгорукій, что въ то время нельзя было ничего сдѣлать: все равно, если бъ Зундъ и Каттегатъ покрылись льдомъ, то хотя бы всѣ войска Датскія въ Норвегіи съ голоду померли и вся Норвегія пропала, король Датскій не могъ бы послать туда помощи. При первомъ возможномъ случаѣ помощь была обѣщана: чего же вы еще больше требуете?» Этими перекорами, разумѣется, нельзя было подвинуть дѣла.

Долгорукій доносилъ, что въ Даніи хотятъ длить время, пытаются заключить миръ съ Швеціею, если же увидятъ безуспѣшность попытокъ, тогда обратятся къ Россіи; продолжать войну королю Датскому очень трудно по недостатку денегъ, и никакихъ приготовленій къ войнѣ здѣсь не дѣлаютъ, въ надеждѣ на миръ.

Но въ Петербургѣ не хотѣли длить время, и въ апрѣлѣ прислали въ Копенгагенъ графа Платона Мусина-Пушкина узнать окончательное рѣшеніе Датскаго правительства. Царь предлагалъ соединить Русскій флотъ съ Датскимъ и овладѣть островомъ Готландомъ, который будетъ принадлежать Датскому королю, а сухопутныя войска будутъ дѣйствовать Русскія отъ Финляндіи, а Датскія въ Шоніи или, по крайней мѣрѣ, въ Норвегіи. Датское правительство не согласилось на удаленіе своего флота отъ своихъ береговъ; тогда Долгорукій и Мусинъ-Пушкинъ предложили во время дѣйствія сухопутныхъ войскъ въ означенныхъ мѣстахъ запереть Датскимъ флотомъ Шведскій въ Карлскронѣ. Король отвѣчалъ, что о заключеніи Шведскаго флота въ Карлскронѣ надобно говорить съ Англійскимъ адмираломъ, потому что однимъ Датскимъ флотомъ запереть Карлскронскую гавань нельзя, Данія должна оберегать своимъ флотомъ два моря Нѣмецкое и Балтійское. Долгорукій и Мусинъ-Пушкинъ спрашивали: если царское величество начнетъ сухопутныя дѣйствія, то Датскій король гдѣ начнетъ свои сухопутныя дѣйствія? Долго добивались отвѣта, и не получили никакого. Долгорукій доносилъ: «По всѣмъ поступкамъ здѣшняго двора видно, что король Датскій хочетъ, для своего облегченія, чтобъ войска Русскія дѣйствовали противъ Шведовъ въ одно время съ Датскими и принудили Шведовъ къ скорѣйшему миру; но не хочетъ письменнаго уговора, чтобъ не войдти въ новыя съ Россіею обязательства и тѣмъ не разсердить короля Англійскаго, также и при будущемъ заключеніи мира имѣть свободныя руки; надѣются, что король Англійскій при этомъ заключеніи мира много имъ поможетъ, особенно въ удержаніи Шлезвига.»

Въ концѣ лѣта 1719 года порваніе Аландскаго конгресса и сближеніе Швеціи съ Англіею заставили царя послать указъ Долгорукому опять попытаться предложить Датскому королю войдти въ соглашеніе и наикрѣпчайшее обязательство съ Россіею на счетъ дѣйствій противъ общаго непріятеля. Выслушавъ это предложе-

ніе, король сказалъ: «Лучше пусть каждый изъ насъ, безъ всякихъ соглашеній, дѣйствуетъ съ своей стороны.» Въ ноябрѣ, узнавъ, что между Даніею и Швеціею уже заключено перемиріе, Долгорукій подалъ меморіалъ, въ которомъ говорилъ, что это перемиріе есть нарушеніе обязательствъ, существующихъ между Россіею и Даніею. Ему отвѣчали, что король заключилъ перемиріе по необходимости, что положеніе Даніи не позволяетъ поступить иначе и по настоящимъ обстоятельствамъ король имѣетъ причины не раздражать своихъ сосѣдей и союзниковъ. Когда Долгорукій просилъ короля, чтобъ не заключалъ мира съ Швеціею безъ царя, тотъ отвѣчалъ: «Я не виноватъ, что непріятель не хочетъ уступить того, что царское величество хочетъ удержать изъ своихъ завоеваній.»

Наступилъ 1720 годъ, прошло четыре мѣсяца; мира не было заключено между Швеціею и Даніею; но правительство послѣдней не думало и о войнѣ. Въ маѣ Долгорукій доносилъ: «Указомъ вашего величества повелѣно мнѣ сей дворъ склонять къ продолженію войны: вашему величеству изъ прежнихъ моихъ донесеній извѣстно, что я пристойными способами королю самому о томъ говорилъ, представляя всѣ резоны и внушая, что къ полученію полезнаго мира немного надобно труда и времени. Но всѣ тѣ мои слова не прилежно изволилъ слушать и нималѣйшаго знака склонности по сіе время мнѣ не показано; и по всѣмъ оказательствамъ нимало о продолженіи войны не мыслятъ.» Не смотря на то, князь Василій Лукичъ не упускалъ случая исполнять царскій указъ. Узнавъ, что Швеція предлагаетъ Даніи очень невыгодныя для послѣдней условія мира, Долгорукій опять приступилъ къ королю съ предложеніемъ русской помощи для полученія выгоднаго мира. «Дѣйствительно, сказалъ король, Шведы ведутъ себя очень гордо въ мирныхъ переговорахъ и за уступку всей Помераніи только 500,000 ефимковъ обѣщаютъ; также и въ другихъ условіяхъ отъ согласія еще очень далеко; надобно весь смыслъ потерять, чтобъ на такихъ условіяхъ заключить миръ.» Долгорукій замѣтилъ на это: «Если при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда государство Шведское въ такой слабости находится, ваше величество ничего отъ Швеціи не получите, то послѣ во многіе вѣка такого удобнаго случая не будетъ.» — «До мира еще далеко, сказалъ король; а перемиріе я еще продлилъ на

шесть недѣль по крайней нуждѣ: денегъ нѣтъ, военныхъ дѣйствій начинать нечѣмъ.» — «Царское величество, отвѣчалъ Долгорукій, и не требуетъ, чтобъ вы немедленно начали военныя дѣйствія, только не заключайте мира. Царское величество желаетъ знать одно, что вы не поспѣшите миромъ.» — «Только бъ Англичане не принудили,» отвѣчалъ король, и съ этими словами отошелъ отъ Долгорукаго. Датскіе министры наконецъ высказались: «Если царь дастъ денегъ, то они возобновятъ войну.» Но Долгорукій отклонилъ это условіе.

Англичане принудили. Въ концѣ іюня мирный договоръ между Швеціею и Даніею былъ подписанъ: Датскій король возвращалъ Швеціи всѣ свои завоеванія въ Помераніи и Норвегіи за 600,000 ефимковъ и за уступку Зундской пошлины; Англія и Франція гарантировали Даніи обладаніе Шлезвигомъ. Послѣ этого князь Долгорукій былъ переведенъ на болѣе важный постъ въ Парижъ, а на его мѣсто въ Копенгагенъ былъ назначенъ знаменитый въ послѣдствіи Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ [170].

Такъ шла дипломатическая борьба между Россіею и Англіею при дворахъ средней и сѣверной Европы. Перейдемъ далѣе на западъ. Здѣсь на важномъ центральномъ дипломатическомъ постѣ, въ Гагѣ находился князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, слѣдилъ за отношеніями западныхъ государствъ, отношеніями, къ которымъ Россія никакъ не могла быть теперь равнодушна. Движеніе здѣсь на западѣ исходило изъ Испаніи, которая хотѣла поднять свое значеніе, возвратить свои Италіанскія владѣнія, отнятыя у нея во время войны за наслѣдство ея престола и для этого должна была вступить въ войну съ императоромъ, получившимъ эти владѣнія. Англія, озабоченная болѣе всего быстрымъ развитіемъ морскихъ силъ Испаніи, совершившимся благодаря дѣятельности знаменитаго министра ея, кардинала Алберони, Англія спѣшила подать руку императору; Испанія, съ своей стороны, должна была дѣйствовать враждебно противъ Ганноверской династіи и хлопотать въ пользу претендента Стюарта. Политика Франціи превратилась въ личную политику правителя ея, герцога Филиппа Орлеанскаго, который, боясь притязаній Испанскаго короля Филиппа V-го на регентство и престолонаслѣдіе во Франціи (въ случаѣ смерти Людовика XV), тѣсно сблизился съ Георгомъ Англійскимъ по одинаковости враждебныхъ отношеній

къ Испаніи. Такъ образовался союзъ между императоромъ, Англіею и Франціею противъ Испаніи; но союзники хотѣли сдѣлать свой союзъ четвернымъ, присоединивъ Голландію. Понятно, что Испанія старалась не допустить Голландію приступить къ союзу, и князь Куракинъ, по отношеніямъ Россіи къ Англіи и императору, долженъ былъ сблизиться съ Испанскимъ посланникомъ и дѣйствовать съ нимъ заодно. 2 августа 1718 года Куракинъ донесъ, что былъ у него Испанскій посолъ маркизъ Беретти и объявилъ, что его государь желаетъ дружбы и союза съ царскимъ величествомъ, видя въ томъ общій интересъ обѣихъ монархій; что король его обѣщаетъ выставить тридцать военныхъ кораблей и тридцать тысячъ войска, которые должны соединиться съ флотомъ и войсками Русскими для дѣйствія противъ общихъ непріятелей. Куракинъ писалъ, что дворъ Испанскій надѣется на вмѣшательство Россіи и Пруссіи въ имперскія дѣла по заключеніи мира съ Швеціею, и что это вмѣшательство будетъ въ интересахъ Швеціи и Испаніи. Беретти разсуждалъ, что если ни одно изъ сѣверныхъ государствъ не заступится за Испанію, то королю его одному противъ Франціи, Англіи и цесаря трудно будетъ вести войну. Беретти объявилъ при этомъ Куракину, что Шведскій король просилъ у нихъ денегъ и до сихъ поръ проситъ; но кардиналъ Алберони ничего не далъ и впередъ не дастъ, если Швеція не вступитъ съ ихъ дворомъ въ союзъ и не обяжется помогать прямо или диверсію сдѣлать; да и при заключеніи союза съ Швеціею будутъ они смотрѣть, будетъ ли Карлъ XII въ состояніи исполнить свои обязательства, но главное, будетъ ли у него миръ съ Россіею; ибо если мира не будетъ, то дать ему деньги все равно что потерять.

Царь велѣлъ отвѣчать Беретти, что ему было очень пріятно услыхать о королевскомъ желаніи вступить съ нимъ въ дружбу и союзъ; только изъ предложенія, сдѣланнаго въ такихъ общихъ выраженіяхъ, нельзя узнать, противъ кого будетъ заключенъ союзъ, гдѣ войскамъ и кораблямъ соединяться, какія предпринимать дѣйствія и противъ кого? Беретти объявилъ, что союзъ долженъ быть заключенъ противъ цесаря и Англіи; на другіе же вопросы онъ отвѣчать не въ состояніи безъ указа отъ двора своего. Между тѣмъ извѣстіе о пораженіи Испанскаго флота Англійскимъ произвело безпокойство въ Петербургѣ, и 19 сентября

царь велѣлъ написать къ Куракину: «Можетъ быть король Испанскій при такомъ несчастіи захочетъ помириться съ цесаремъ: такъ вы, подъ величайшимъ секретомъ, сообщите Испанскому послу наше мнѣніе, чтобъ король его не заключалъ скоро мира съ цесаремъ, но тянулъ бы переговоры какъ можно долѣе, потому что цесарь и король Англійскій уже не могутъ нанести ему большаго вреда, внутри Испаніи дѣйствовать имъ нельзя. Пусть Испанскій король старается протянуть время до тѣхъ поръ, пока у насъ будетъ заключенъ миръ съ Швеціею а, можетъ быть, и союзъ. Мы объ этомъ стараемся и имѣемъ надежду на успѣхъ; но пусть и съ Испанской стороны дѣйствуютъ въ Швеціи въ нашу пользу. А когда между Россіею и Швеціею будетъ заключенъ миръ, то Испанскій король можетъ надѣяться себѣ пользы какъ отъ насъ, такъ и отъ Швеціи. — На это объявленіе Беретти отвѣчалъ, что король его не заключитъ мира, имѣя деньги, полученныя отъ конфискаціи имущества Англійскихъ подданныхъ въ Испаніи; Беретти обѣщалъ писать своему правительству, чтобъ немедленно отправленъ былъ въ Швецію агентъ хлопотать о скорѣйшемъ заключеніи мира между царемъ и Карломъ XII-мъ, при чемъ распространился о томъ, какъ счастливъ его король, что такой великій монархъ ищетъ его дружбы и печется о его интересахъ, и что король будетъ стараться отслуживать за это царскому величеству при всѣхъ случаяхъ. Куракинъ ждалъ отъ Беретти еще другаго предложенія, что видно изъ письма его царю: «Я при многихъ случаяхъ желалъ вѣдать, ежели посолъ Гишпанскій имѣетъ указы предлагать мнѣ о всемъ томъ, какъ ихъ резидентъ въ Венеціи то учинилъ Саввѣ Рагузинскому, а именно, что король Гишпанской намѣренъ свататься (т. е. сватать сына) за дочь вашего величества, а вмѣсто приданаго желаетъ шесть кораблей, а зато обѣщаетъ сумму на годъ два милліона, и въ послѣдней конференціи съ нимъ посломъ усмотрѣлъ я, что онъ указовъ не имѣетъ, или и имѣвъ, не предлагаетъ, ожидая заключенія мира вашего величества съ Швеціею.»

Въ то время, какъ послы Русскій и Испанскій вели переговоры о союзѣ, обязывая другъ друга величайшимъ секретомъ, Англійскій посланникъ явно говорилъ правительству Штатовъ, что если оно не приступитъ къ четверному союзу немедленно, то Англійскій король вышлетъ въ Испанскія моря эскадру и велитъ

хватать всѣ Голландскія торговыя суда идущія въ Испанію, и тогда будетъ видно, кто больше убытку понесетъ.

9 Ноября Беретти сообщилъ Куракину отвѣтъ на царскіе вопросы, присланные изъ Мадрида: 40,000 Испанскаго войска будетъ употреблено въ Италіи противъ Австрійцевъ; 20 кораблей Испанскихъ соединятся съ эскадрами Русскою и Шведскою для изгнанія короля Георга изъ Англіи, и когда эта цѣль будетъ достигнута, то Испанія, не издерживая болѣе денегъ на флотъ, дастъ субсидіи царскому величеству. Куракинъ нашелъ, что и эти предложенія также общи, какъ и прежнія, и потому поставилъ новые вопросы: 1) 20 кораблей Испанскихъ все ли военные, или между ними нѣсколько фрегатовъ? Беретти отвѣчалъ: 20 кораблей всѣ военные, фрегаты особо. 2) Въ какомъ мѣстѣ и въ какое время Испанскій флотъ долженъ соединиться съ эскадрами сѣверныхъ державъ? Отвѣтъ: въ морѣ Англійскомъ противъ Шотландіи, о времени же должно послѣдовать соглашеніе впредь. 3) Какіе способы для изгнанія изъ Англіи короля Георга? Отвѣтъ: изъ письма кардинала Алберони видно, что онъ имѣетъ тамъ надежную партію; царское величество и король Шведскій должны приготовить по семи тысячъ человѣкъ войска для высадки въ Шотландію; соединясь съ приверженцами Стюарта, эти войска легко могутъ выгнать короля Георгія; король Испанскій не можетъ выслать своихъ войскъ для этой высадки, потому что они ему нужны въ Италіи и на границахъ Французскихъ. 4) По изгнаніи короля Георга обѣщаются субсидіи: на сколько лѣтъ и по скольку на годъ? Отвѣтъ: По скольку на годъ — этого въ указѣ не объявлено, извѣстно одно, что дана будетъ сумма не малая; но дана она будетъ съ тѣмъ, чтобъ царское величество и король Шведскій, вступя въ имперію, напали на Ганноверскія владѣнія Георга, также на императора и продолжали войну до полученія честнаго, прибыточнаго и постояннаго мира. Куракинъ замѣтилъ, что обязанности не уравнены: Россія и Швеція должны будутъ высадить свои войска въ Шотландію и выгонять короля Георга безо всякаго вознагражденія, потому что субсидіи назначаются только по его изгнаніи за новыя дѣйствія въ имперіи. Беретти обѣщалъ донести объ этомъ замѣчаніи своему двору, и чрезъ нѣсколько времени объявилъ, что Испанскій агентъ Ирландецъ Лолесъ уже проѣхалъ въ Швецію съ порученіемъ ста-

раться о примиренiи Карла XII-го съ царемъ, и чтобъ Шведскiй король сдѣлалъ высадку въ Шотландiю въ будущемъ апрѣлѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, за что получитъ 200,000 Голландскихъ ефимковъ субсидiй; всѣ эти деньги уже въ Амстердамѣ у банкировъ, только не будутъ выданы Карлу XII-му прежде завоеванiя Норвегiи, потому что транспортъ въ Шотландiю безъ этого состояться не можетъ. Агентъ дѣйствительно поѣхалъ, но по напрасну: Карла XII-го не было болѣе въ живыхъ.

Смерть Карла XII уничтожила въ самомъ зародышѣ сближенiе Россiи съ Испанiею. Въ 1719 году, послѣ разрыва Аландскаго конгресса, когда миръ, а потомъ и оборонительный союзъ между Швецiею и Англiею поставили Россiю въ затруднительное положенiе, Куракинъ переслалъ въ Петербургъ свое мнѣнiе о положенiи дѣлъ: «Съ перваго взгляда кажется, что Швецiя миромъ и союзомъ съ Англiею прiобрѣла великiя выгоды; но кто посмотритъ вдаль, иначе разсуждать будетъ. Короли Англiйскiй и Прусскiй дали Шведамъ довольно денегъ для исправленiя раззореннаго; Шведы будутъ получать также субсидiи отъ Англiи и Францiи, что дастъ имъ средство къ оборонѣ; флотъ Англiйскiй будетъ ихъ защищать отъ нападенiя Русскихъ войскъ и флота. Такимъ образомъ Швецiя будетъ въ безопасности. Но этимъ она и должна ограничиться, потому что Англiйскихъ и Французскихъ субсидiй недостаточно для войны наступательной. Швецiя продала свои Германскiя провинцiи Ганноверу и Пруссiи, и этимъ лишилась своего прежняго значенiя въ Европѣ, благодаря которому многимъ законы предписывала; но въ замѣнъ не прiобрѣла ничего, потому что деньги будутъ въ одинъ годъ истрачены. Вся надежда Швецiи на дружбу Англiи: но въ чемъ будетъ состоять Англiйская помощь? Развѣ Англiя согласится объявить войну Россiи, помогая Швецiи въ наступательномъ противъ нея движенiи? Прямо напасть на Русскiя области нѣтъ никакой возможности для Швецiи. Остается одно средство ввести свои войска въ Польшу; но гдѣ высадиться? въ Штральзундѣ; но Штральзундъ еще за Датскимъ королемъ. Потомъ, позволитъ ли Прусскiй король пройдти Шведскимъ войскамъ въ Польшу? Для него во все невыгодно видѣть войну въ своемъ сосѣдствѣ, допустить Швецiю придти въ силу и вступить въ союзъ съ королемъ Польскимъ; притомъ неизвѣстно, заключитъ ли Данiя миръ съ Швецiею. Съ Русской сто-

роны надобно стараться не допускать до этого мира, и хотя большой выгоды отъ этого не будетъ, ибо Данія, по своей слабости и недостатку въ деньгахъ, не согласится дѣйствовать вмѣстѣ съ нами противъ Шведовъ: однако довольно того, что у Швеціи и Англіи руки будутъ связаны, довольно имъ будетъ хлопотать около Датскаго короля, стращать его и къ миру принуждать. Король Польскій можетъ заключить миръ съ Швеціею и наступательный союзъ противъ Россіи. Лично онъ былъ бы къ этому и склоненъ, да сила въ немъ не велика, все зависитъ отъ Рѣчи Посполитой, которая войны съ Россіею не начнетъ: неспособность ея къ этому извѣстна при дворѣ царскомъ и повсюду. Надежда Польскаго короля на помощь отъ двора цесарскаго останется тщетною: явнымъ образомъ этотъ дворъ никогда не выступитъ противъ Россіи, развѣ подъ рукою будетъ одними словами помогать врагамъ ея, но ни войска, ни денегъ не дастъ, перваго по многимъ причинамъ, а вторыхъ, потому что нѣтъ ихъ. Какъ же теперь должно поступать Россіи, какія предпринимать предосторожности? Вопервыхъ, надобно стараться держать при себѣ рѣчь посполитую Польскую. Вовторыхъ, несмотря на то, что король Прусскій миръ заключилъ съ Швеціею, надобно продолжать быть въ добромъ согласіи съ Берлинскимъ дворомъ, потому что онъ, заключивъ миръ, не вошелъ ни въ какія обязательства съ Англіею и Швеціею противъ царскаго величества, и собственный интересъ его требуетъ жить въ добромъ согласіи съ Россіею. Правда, онъ поступилъ малодушно, заключивъ отдѣльный миръ съ Швеціею, но этотъ миръ служитъ къ ослабленію Швеціи, а не къ усиленію; если же скажутъ, что Россія лишилась союзника, то отъ Пруссіи такая же была бы польза, еслибъ она и не заключала мира съ Швеціею, все равно вела бы себя нейтрально. Съ Англіею надобно избѣгать рѣшительнаго разрыва и кораблей Англійскихъ подданныхъ не захватывать; пусть съ ихъ стороны начнутся непріятельскія дѣйствія, чтобъ можно было парламенту и народу показать справедливость Россіи и неправоту короля и министерства. Намъ надобно сблизиться съ главами партіи тори и чрезъ нихъ препятствовать въ парламентѣ проведенію предложеній отъ двора; побуждать Англійское купечество, заинтересованное въ русской торговлѣ, дѣлать свои представленія парламенту; въ формѣ писемъ отъ одного друга къ дру-

гому безъимянно печатать въ Англіи, для народнаго вѣдѣнія, о томъ, какіе дальніе виды министерство, получа Бременъ и Верденъ, имѣетъ къ предосужденію Англійской свободы, какой вредъ произойдетъ для Балтійской торговли и проч. Съ Голландіею надобно жить въ дружбѣ и стараться объ усиленіи торговли съ нею, для чего ввести въ нашихъ гаваняхъ добрые порядки, чтобъ не было столкновеній съ Голландскими купцами. На Французскій дворъ я мало возлагалъ надежды и впередъ не возлагаю: несмотря на всѣ обѣщанія, данныя намъ герцогомъ Орлеанскимъ, онъ обязался платить субсидіи Швеціи безъ всякой выгоды для Франціи, только въ угоду королю Англійскому. Общность интересовъ между Россіею и Испаніею побуждаетъ ихъ къ союзу: но чрезъ раззореніе флота Испанія потеряла главную свою силу, осталась тѣломъ безъ рукъ, нѣтъ у нея того, чѣмъ вдали доставать можетъ; и такъ теперь обязываться съ нею трудно; но прежде можно было бы что-нибудь сдѣлать для взаимной пользы. Остается теперь самый трудный вопросъ: что лучше — мириться или продолжать войну? Разумѣется, надобно всячески стараться о мирѣ. Главное затрудненіе съ Шведской стороны составляетъ уступка Ливоніи, Ревеля, Выборга. Ревель, Кексгольмъ и Выборгъ намъ возвратить нельзя по ихъ положенію; а Ливонію Швеція не уступитъ переговорами, надобно принудить ее къ этому оружіемъ. Но успѣхъ оружія зависитъ отъ перемѣны въ отношеніяхъ между Европейскими государствами. Окончаніе Испанской войны должно разрушить четверной или пятерной (если считать герцога Савойскаго) союзъ; Франція долго не вынесетъ рабства, въ какомъ она находится теперь у Англіи; въ колоніяхъ уже начались между ними столкновенія. Съ другой стороны Франція завидуетъ великой силѣ цесаря, и если теперь герцогъ Орлеанскій, для личнаго своего интереса, находится въ дружбѣ съ Австрійскимъ дворомъ, то по окончаніи Испанской войны будетъ поступать иначе, и прежде всего Франція подниметъ Турокъ противъ цесаря. Голландія, оскорбленная гордыми поступками Англіи, охотно вступитъ въ союзъ съ Франціею. Оканчиваю Италіанскою пословицею: Chi guadagna il tempo, guadagna la vita (кто выигрываетъ время, выигрываетъ жизнь).»

Испанія кончила тѣмъ, что, для удовлетворенія императора, Англіи и Франціи, пожертвовала кардиналомъ Алберони; съ его уда-

леніемъ рушились обширные замыслы, въ которыхъ югозападъ Европы соединялся съ сѣверо-востокомъ. Въ началѣ 1720 года Куракинъ доносилъ царю: «По дистраціи, учиненной кардиналу Алберони я съ посломъ Гишпанскимъ коммуникацію пресѣкъ, убѣгая всякаго подозрѣнія.» Въ это время Куракинъ хлопоталъ о томъ, чтобъ не состоялся въ Голландіи Шведскій заёмъ, по шести процентовъ съ порукою Штатовъ. «Время пришло деликатное, писалъ Куракинъ, и должность каждаго изъ вѣрныхъ подданныхъ свое мнѣніе съ чистою совѣстію объявлять. Интересъ вашего величества нынѣ весьма требуетъ, чтобъ торговля въ Балтійскомъ морѣ съ Русской стороны оставлена была совершенно свободною и спокойною, потому что Англія и Швеція на морѣ будутъ очень сильны и запретить вывозъ хлѣба и прочаго въ Швецію будетъ невозможно; притомъ возстановленіе свободной торговли уничтожитъ неудовольствіе здѣсь и въ другихъ странахъ; и я остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что Голландскую республику содержать нейтральною, съ цесаремъ дружбу возстановить, особенно же Прусскаго короля и Польшу въ неотмѣнной дружбѣ содержать. Считаю своею обязанностію доносить, какъ усиливается здѣсь неудовольствіе въ слѣдствіе запрещенія съ Русской стороны вольной торговли на Балтійскомъ морѣ, арестованія кораблей въ Данцигѣ и конфискаціи груза; неудовольствіе распространяется и между тѣми, которые были склонны къ интересамъ вашего величества.» Петръ призналъ справедливость мнѣнія Куракина и объявилъ вольную торговлю въ Балтійскомъ морѣ съ возвращеніемъ прежде конфискованныхъ товаровъ, что произвело очень благопріятное впечатлѣніе въ Голландіи.

Здѣсь Куракинъ легко уладилъ дѣло, подобное которому такъ трудно было уладить въ Вѣнѣ. Одинакой участи съ Плейеромъ подвергся Голландскій резидентъ Деби, котораго непріятныя для Русскаго двора донесенія были перехвачены. Деби писалъ своему правительству, что боится бунта въ Россіи, что здоровье царя непрочно, а наслѣдникъ, царевичь Петръ чрезвычайно слабаго здоровья, не ходитъ и не говоритъ и постоянно боленъ; что царевичь Алексѣй умеръ не своею смертію, что ему открыты были жилы; что Гёрцъ, въ частномъ разговорѣ съ Брюсомъ на островѣ Аландѣ, предложилъ проектъ брака между герцогомъ Голштинскимъ и царевною Анною; Деби писалъ, что царица будетъ

поддерживать этотъ проектъ, чтобъ обезпечить себѣ убѣжище въ случаѣ нужды. Домъ Деби былъ окруженъ стражею, все у него было опечатано. Жалобы правительства Штатовъ на такое нарушеніе народнаго права Куракинъ отстранилъ замѣчаніемъ, что само Голландское правительство недавно поступило точно также, арестовавъ Гёрца по требованію Англійскаго правительства, когда открыты были замыслы Гёрца и Гиллемборга въ пользу претендента. Отозваннаго изъ Петербурга Деби Штаты отправили въ Стокгольмъ: Куракинъ протестовалъ противъ этого, но понапрасну [171].

Программа Куракина выполнялась: Голландія оставалась нейтральною; съ цесаремъ сношенія были возобновлены; съ Прусскимъ королемъ и Польшею находились въ особенной дружбѣ; наконецъ не разрывали и съ Англіею. Здѣсь можно было дѣйствовать точно также, какъ и въ Польшѣ, потому что и здѣсь интересъ короля былъ отдѣленъ отъ интереса народа: въ своемъ собственномъ Ганноверскомъ интересѣ, чтобъ закрѣпить Бременъ и Верденъ за Ганноверомъ, король Георгъ заключилъ миръ и оборонительный союзъ съ Швеціею; но захочетъ ли Англійскій народъ изъ за Ганноверскаго интереса тратиться на безплодную оборону Швеціи, потому что одною этою обороною нельзя принудить Россію отказаться отъ своихъ требованій. Благоразуміе требовало отъ Россіи отдѣлить въ Англіи народъ отъ короля, и, враждуя съ послѣднимъ, оставаться въ мирѣ съ первымъ. Лѣтомъ 1719 года, въ то время какъ въ Стокгольмѣ велись дѣятельные переговоры для сближенія Англіи съ Швеціею ко вреду Россіи, Русскій резидентъ въ Лондонѣ, Ѳедоръ Веселовскій внушалъ Англичанамъ, что Ганноверскіе министры, изъ своихъ частныхъ видовъ, употребляютъ всевозможныя коварства, чтобъ ссорить Россію и Пруссію съ Англіею, и произвели такую смуту, что Англія кажется дворомъ Ганноверскимъ, потому что управляется его интересами и политикою, и тѣ, которые не согласуются съ страстями этого двора, принуждены быть въ несогласіи и съ Англіею. Веселовскій доносилъ своему двору, что внушенія его производятъ большое впечатлѣніе, что между Англичанами начинается ропотъ на силу Ганноверскихъ министровъ, и говорятъ, что надобно положить конецъ этой силѣ.

Съ такими жъ внушеніями Веселовскій обратился и къ Англій-

скому государственному секретарю Стенгопу: «Царскія войска, говорилъ резидентъ, выведены изъ Мекленбурга: не смотря на то, Ганноверскіе министры не перестаютъ клеветать на царское величество, приписывая ему враждебныя намѣренія противъ цесаря, имперіи, Польши, чтобъ прикрасить этимъ свой договоръ, заключенный въ Вѣнѣ, и особенно, чтобъ поссорить Россію съ Англіей. Но ихъ коварства опровергнуты передъ цѣлымъ свѣтомъ великодушнымъ поступкомъ нашего государя, который оставилъ интересы своего ближняго свойственника, герцога Мекленбургскаго для сохраненія спокойствія въ Германіи. Съ Англіею царское величество поступаетъ всегда доброжелательно и надѣется, что она не пойдетъ противъ его интересовъ, Но если онъ обманется въ своей надеждѣ, если Англія заключитъ хотя оборонительный союзъ съ Швеціею, то онъ будетъ смотрѣть на это, какъ на объявленіе войны Россіи.»—«Мы имѣемъ причины опасаться, отвѣчалъ Стенгопъ, что у царскаго величества нѣтъ доброжелательныхъ намѣреній относительно Англіи; мы основываемъ свои опасенія не на лживыхъ внушеніяхъ Ганноверскихъ министровъ, но на подлинныхъ извѣстіяхъ, что эмиссары претендента (Стюарта) не только живутъ постоянно при дворѣ царскомъ, но трактуютъ съ министрами объ интересахъ претендента: какъ же послѣ того Англія можетъ имѣть мнѣніе о добрыхъ намѣреніяхъ царскаго величества? Видимъ и другія доказательства нерасположенія царскаго величества къ Англіи: нашимъ купцамъ запрещенъ свободный торгъ съ Швеціею; и если съ русской стороны продолжится намѣреніе лишать торговли своихъ пріятелей, то мы наконецъ принуждены будемъ принять свои мѣры.»—По словамъ Веселовскаго, ему легко было опровергнуть «слабые резоны» Стенгопа; онъ отвѣчалъ, что сильно сомнѣвается въ справедливости извѣстій о претендентовыхъ эмиссарахъ въ Петербургѣ; но еслибъ даже это была и правда, то почему Англія до сихъ поръ не вошла на этотъ счетъ въ соглашеніе въ Россіею, какъ то сдѣлала съ другими державами? Что же касается до запрещенія торговать съ Швеціею, то это сдѣлано потому, что Швеція запретила торговлю съ Россіею; пусть всѣ державы настоятъ, чтобъ Швеція уничтожила это запрещеніе, тогда и Россія позволитъ свободную торговлю съ Швеціею. Стенгопъ сказалъ на это: «Англія, по общности торговыхъ выгодъ и по услугамъ, которыя она

оказала царскому величеству въ настоящей Сѣверной войнѣ, можетъ требовать со стороны Россіи вниманія къ своимъ интересамъ; а заключать конвенцію на счетъ претендента неприлично, потому что Англія и безъ того надѣется на доброе расположеніе царскаго величества.»—«Какія услуги Англія оказала Россіи въ настоящей войнѣ?» спросилъ Веселовскій.—«Англія, отвѣчалъ Стенгопъ, допустила царя сдѣлать большія завоеванія и утвердиться на Балтійскомъ морѣ; кромѣ того посылала свой флотъ и помогала предпріятіямъ царскимъ.»—«Англія, сказалъ Веселовскій, допустила царское величество дѣлать завоеванія, потому что у нея не было средствъ помѣшать этому, не имѣла и желанія благопріятствовать успѣхамъ Россіи, но, по обстоятельствамъ, должна была оставаться нейтральною; флотъ свой посылала въ Балтійское море для защиты своей торговли и для обороны короля Датскаго въ силу заключеннаго съ нимъ обязательства.»

Узнавъ, что Англія снаряжаетъ сильный флотъ въ Балтійское море, царь велѣлъ Веселовскому спросить у Стенгопа, съ какимъ намѣреніемъ этотъ флотъ будетъ отправленъ? Стенгопъ отвѣчалъ, что флотъ отправляется къ Датскому королю по примѣру прошлаго года, при чемъ Англія, кромѣ охраненія своей торговли, не имѣетъ никакой другой цѣли. «Не знаю, сказалъ Стенгопъ, какую причину имѣетъ царское величество сомнѣваться на счетъ Англіи; но мы имѣемъ важную причину опасаться Россіи, потому что эмиссары претендента при дворѣ царскомъ договариваются о низверженіи короля Георга.»—«Я весьма опасаюсь, писалъ Веселовскій царю, нѣтъ ли между Якобитами (приверженцами Іакова Стюарта), находящимися въ Россіи, какого-нибудь лживаго человѣка, который или будучи подкупленъ или изъ недоброжелательства сообщаетъ здѣшнему двору и то, что, можетъ быть, его товарищи и не дѣлаютъ; но вѣрно то, что Англійское министерство принимаетъ это дѣло за высшую себѣ обиду, которою оправдываетъ всѣ враждебныя дѣйствія Ганноверскаго двора противъ вашего величества. Также весь народъ, по разглашеніямъ Якобитовъ, убѣжденъ, что ваше величество находитесь въ согласіи съ Испаніею и, при удобномъ случаѣ, намѣрены, вмѣстѣ съ нею, сдѣлать высадку въ Англію.»

Къ Веселовскому явились члены русской торговой компаніи и разсказывали, какъ они были у Стенгопа съ вопросомъ, могутъ

ли отправлять свои корабли въ русскія гавани, ибо слухъ есть, что между королемъ ихъ и царемъ происходитъ несогласіе, и Стенгопъ отвѣчалъ имъ, что могутъ отправлять свои корабли въ Россію безопасно, король намѣренъ сохранить доброе согласіе съ царемъ.—«Это скрытое коварство! сказалъ Веселовскій купцамъ: Англійскіе министры хотятъ принудить царское величество къ разрыву съ Англіею, но до сихъ поръ не могли еще преодолѣть умѣренность нашего государя; но еслибы имъ удалось вывести его изъ терпѣнія и принудить къ какому-нибудь враждебному дѣйствію, то они объявятъ въ народѣ, что Россія напала на Англію безъ всякой причины; что они, министры, и не думали о войнѣ съ нею — доказательство: они объявили членамъ русской компаніи, что могутъ безопасно отправить корабли свои въ русскія гавани. А между тѣмъ они работаютъ всюду противъ интересовъ царскаго величества, при чемъ интересъ Англійскаго народа приносится въ жертву страстямъ Бернсторфа; для удовлетворенія этимъ страстямъ раболѣпное министерство Англійское положило разорвать съ Россіею, что доказываютъ переговоры съ Швеціею, посылка Витворта къ Прусскому двору съ цѣлію отвлечь его отъ Россіи. Въ интересѣ отечества своего приложите сильныя старанія для предупрежденія разрыва между Англіею и Россіею, подайте письменныя представленія самому королю.» Купцы, по словамъ Веселовскаго, согласились съ его мнѣніемъ и обѣщали уговаривать старшинъ компаніи подать представленіе королю. Но въ совѣтѣ компаніи, держанномъ по этому случаю, большинствомъ голосовъ было рѣшено, что должно успокоиться на заявленіи Стенгопа и не дѣлать новыхъ представленій правительству.

Въ іюнѣ Англійскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Норриса, явился въ Балтійское море. Царь отправилъ къ адмиралу письмо, въ которомъ требовалъ объясненія, за чѣмъ онъ присланъ, ибо прежде, при подобныхъ отправленіяхъ флота, ему, царю, всегда давали знать объ этомъ заранѣе; и если теперь адмиралъ, не объяснивъ письменно цѣль своего порученія, приблизиться къ русскому флоту или къ русскимъ берегамъ, то съ царской стороны это молчаніе будетъ почтено за знакъ злоумышленія и будутъ приняты надлежащія мѣры для безопасности. Въ концѣ письма царь заявлялъ, что онъ противъ короля и короны Великобританской, ни противъ какого другаго государства, кро-

мѣ Швеціи, враждебныхъ намѣреній не имѣетъ. Норрисъ отвѣчалъ изъ Копенгагена: «Передъ отъѣздомъ моимъ я говорилъ съ г. Веселовскимъ о походѣ моемъ сюда, сказалъ ему, что надѣюсь на сохраненіе добраго согласія между нашими государями. Потому съ крайнею покорностію пріемлю смѣлость засвидѣтельствовать вашему величеству удивленіе мое насчетъ опасенія, выраженнаго въ письмѣ вашемъ.» Но въ сентябрѣ, когда еще царскіе уполномоченные, Брюсъ и Остерманъ находились на Аландскихъ островахъ, получаютъ они на царское имя слѣдующее письмо изъ Стокгольма отъ Англійскаго посланника при тамошнемъ дворѣ, Картерета: «Король Великобританскій, государь мой повелѣлъ мнѣ донести вашему царскому величеству, что королева Шведская приняла его посредничество для заключенія мира между вашимъ величествомъ и короною Шведскою. Королева Шведская приняла посредничество Великобританіи потому, что эта держава никогда не принимала участія въ сѣверной войнѣ; уповается, что это разсужденіе принято будетъ и вашимъ величествомъ, что ваше величество соизволите повелѣть пресѣчь всѣ непріятельскія дѣйствія въ знакъ принятія посредничества и склонности къ миру. Я прошу позволенія донести вашему величеству, что король государь мой повелѣлъ кавалеру Норрису придти съ флотомъ къ здѣшнимъ берегамъ какъ для защиты торговли его подданныхъ, такъ и для поддержанія его медіаціи, и что его величество, вмѣстѣ съ королемъ Французскимъ и другими своими союзниками (между которыми находится и Швеція), принялъ мѣры, чтобъ его медіація получила ожидаемый успѣхъ и чтобы въ скоромъ времени прекращена была война, которая такъ долго тревожила Сѣверъ.» Вмѣстѣ съ письмомъ отъ Картерета получено было и письмо отъ Норриса въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ; кромѣ того адмиралъ предлагалъ свои услуги для начатія мирныхъ переговоровъ между Россіею, Швеціею и Англіею. Брюсъ и Остерманъ, «усмотря весьма необыкновенный и гордый поступокъ Англійскихъ посла и адмирала», отвѣчали Картерету, что они не могутъ препроводить подобныхъ писемъ къ царскому величеству, и надѣются, что король Великобританскій свои мнѣнія и чувства въ дѣлѣ столь великой важности не оставитъ объявить царскому величеству или самъ чрезъ грамоту, или чрезъ своего министра, находящагося въ Петербургѣ, а такіе чрезвычайные способы и пути непотребны.

Въ ноябрѣ открылся парламентъ. Въ тронной рѣчи о сѣверныхъ дѣлахъ, о вспоможеніи, оказанномъ Швеціи было сказано глухо: «Одно протестантское государство получило своевременно нашу помощь, и нашими послѣдними договорами положено такое основаніе союза между великими протестантскими державами, что безопасность нашей святой религіи можетъ считаться крѣпко обезпеченною.» Между прочимъ въ тронной рѣчи находилось слѣдующее мѣсто: «Наши домашнія несогласія, преувеличенныя за границею, внушили нѣкоторымъ иностраннымъ державамъ ложное мнѣніе о нашихъ силахъ, и они вздумали обходиться съ нами такимъ образомъ, какого корона Великобританіи никогда не стерпитъ, пока я ее ношу». Веселовскій, пересылая тронную рѣчь въ Петербургъ и указывая на послѣднее мѣсто въ ней, замѣчаетъ: «Здѣсь скрытымъ, но хитрымъ изображеніемъ дано знать о письмѣ вашего величества къ адмиралу Норрису, которое выставлено какъ оскорбленіе, нанесенное коронѣ Англійской. Отъ такихъ хитростей и подлоговъ, отъ пенсій, чиновъ и подарковъ, раздаваемыхъ членамъ парламента, чего другаго можно ожидать, кромѣ всякаго снисхожденія и одобренія всему, чего дворъ желаетъ. Противная партія хотя предлагала вѣрные резоны, но все понапрасну, потому что не достоинство мнѣній, но число голосовъ преодолѣваетъ. Такъ какъ я вижу, что министры прележно за мною смотрятъ и о всѣхъ разговорахъ навѣдываются, то я съ осторожностію и въ умѣренныхъ выраженіяхъ внушаю все, что потребно къ интересамъ вашего величества». Въ концѣ года Веселовскій доносилъ о неблагопріятномъ расположеніи Англійской публики къ Россіи: «вообще сожалѣютъ о бѣдственномъ состояніи Швеціи, а къ силѣ вашего величества такую зависть питаютъ, что никакихъ резоновъ не принимаютъ; опасаются, что ваше величество намѣрены стать повелителемъ на Балтійскомъ морѣ, и если Швецію оставить безъ помощи, то кто можетъ поручиться, что вы ее не завоюете? да хотя бы этого и не случилось, то какое будетъ равновѣсіе между сѣверными державами? Эти разсужденія слышалъ я отъ членовъ парламента, доброжелательныхъ вашему величеству и обѣщавшихъ мнѣ постоянно дѣйствовать въ интересѣ вашего величества.»

Хотѣлось защитить Швецію и возстановить равновѣсіе на сѣверѣ; но не хотѣлось и разрывать съ Россіею, вступать въ вой-

ну, не обѣщавшую скорыхъ и вѣрныхъ успѣховъ и выгодъ. Въ началѣ 1720 года друзья увѣряли Веселовскаго, что въ обѣихъ партіяхъ, Виговъ и Тори, изъ десяти человѣкъ непремѣнно восемь разрывъ съ Россіею считаютъ противнымъ Англійскому интересу; министры очень хорошо это знаютъ, и если желаютъ разрыва съ Россіею, то никакъ не откроютъ этого желанія нынѣшнему парламенту, но будутъ раздражать Русскій дворъ до тѣхъ поръ, пока разрывъ естественно послѣдуетъ. Въ генварѣ пріѣхалъ курьеръ изъ Стокгольма и разнесся слухъ по всему городу, что царь принимаетъ посредничество короля Георга и есть надежда на скорое заключеніе мира между Россіею и Швеціею. «Откуда это разглашеніе произошло и на какомъ основаніи, знать подлинно не могу, писалъ Веселовскій, только примѣчаю, что всѣ этому рады, и не могу довольно изобразить, какъ сильно и придворные, и члены парламента желаютъ добраго согласія между обоими дворами и какъ непріятна имъ мысль о разрывѣ съ вашимъ величествомъ.»

Слухъ оказался ложнымъ; царь не принималъ посредничества Англіи; меморіалъ, поданный Веселовскимъ и отвѣтъ на него со стороны короля Георга, заключавшіе взаимныя обвиненія, не могли вести къ сближенію[192]. И въ 1720 году снарядили флотъ, который адмиралъ Норрисъ долженъ былъ вести опять въ Балтійское море для защиты Швеціи. 6 апрѣля Стенгопъ, увидавши Веселовскаго при дворѣ, подошелъ къ нему и сказалъ: «Чтобъ вы никакой причины къ жалобамъ противъ насъ не имѣли, мы сообщимъ вамъ списокъ съ договора нашего съ Швеціею и съ инструкціи, которую мы даемъ адмиралу Норрису. Онъ отправляется, по силѣ этого договора, только на помощь Швеціи, и въ вашей волѣ заключить миръ или нѣтъ и насъ признать за пріятелей или непріятелей, и какъ вы поступите въ отношеніи къ намъ, такъ и мы поступимъ въ отношеніи къ вамъ.» Сказавши это, Стенгопъ сейчасъ же отошелъ отъ Веселовскаго. «Это причитаю себѣ за авантажъ, писалъ резидентъ, ибо, еслибы я хотя нѣсколько словъ сказалъ не по немъ, то безъ противности не разошлись бы, потому что зѣло запальчивый человѣкъ.» На другой день, вмѣсто обѣщанныхъ копій съ договора и инструкціи, Стенгопъ прислалъ Веселовскому слѣдующее письмо: «Король мой государь приказалъ своему адмиралу, кавалеру Норрису отплыть

какъ можно скорѣе въ Балтійское море съ эскадрою военныхъ кораблей, которые должны, въ силу договора съ Швеціею, соединиться съ морскими силами этой державы для прикрытія ея областей и для содѣйствія заключенію выгоднаго для обѣихъ сторонъ мира между Россіею и Швеціею. Мнѣ приказано сообщить вамъ объ этихъ распоряженіяхъ и повторить вамъ отъ имени королевскаго предложенія его посредничества и добрыхъ услугъ для ускоренія миромъ, который такъ необходимъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ и такъ выгоденъ всѣмъ народамъ, участвующимъ въ торговлѣ сѣверныхъ морей.»

8 мая царь, будучи въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, велѣлъ отправить указы къ генералъ-адмиралу графу Апраксину и къ Рижскому генералъ-губернатору князю Репнину: когда будутъ отъ адмирала Англійскаго Норриса или посла Картерета или отъ другаго какого-нибудь командира или министра Англійскаго присланы письма на имя царскаго величества, то ихъ не принимать, а сказать присланному и письменно отвѣчать, что письма приняты быть не могутъ, ибо всему свѣту извѣстно, что адмиралъ Норрисъ посланъ на помощь къ Швеціи; если же имѣется къ царскому величеству отъ короля грамота, то велѣно ее принять и переслать къ государю; также если адмиралъ будетъ писать къ Русскимъ министрамъ, къ адмиралу и генераламъ, то письма его принимать.

30 мая, находясь близь Наргена, Норрисъ отправилъ слѣдующее письмо къ главнокомандующему въ Ревелѣ, генералу фонъ Делдену: «Король государь мой велѣлъ мнѣ идти съ эскадрою въ это море для полученія справедливаго и умѣреннаго мира между Россіею и Швеціею, для пользы подданныхъ его величества и дружественныхъ съ нимъ народовъ. Король истинно желаетъ, чтобъ это христіаннѣйшее дѣло счастливо и какъ можно скорѣе было приведено къ окончанію; для этого онъ велѣлъ мнѣ возобновить предложеніе посредничества, и далъ полномочіе министру своему при Стокгольмскомъ дворѣ и мнѣ посредствовать между обѣими коронами.» При этомъ прислано было и письмо на имя царя, которое фонъ-Делденъ отослалъ назадъ по указу. Генералъ-адмиралъ Апраксинъ отправилъ Норрису письмо отъ себя: «Такъ какъ его царское величество, мой всемилостивѣйшій государь, истинное желаніе имѣетъ всегда существовавшую дружбу между

нимъ и королевскимъ величествомъ и короною Великобританскою постоянно продолжать, избѣгая всѣхъ случаевъ, которые могутъ подать причину къ непріязни: то ваше высокоблагородіе не можете принять за противное, что я, при нынѣшнемъ вашемъ приближеніи съ флотомъ Великобританскимъ къ здѣшнимъ мѣстамъ, служебно къ вамъ отзываюсь и васъ достойнымъ образомъ прошу мнѣ сообщить, въ какомъ намѣреніи вы приближаетесь съ флотомъ къ здѣшнимъ мѣстамъ? Въ ожиданіи отвѣта я надѣюсь, что ваше высокоблагородіе отъ здѣшнихъ мѣстъ и крѣпостей ихъ будете держаться въ пристойномъ отдаленіи, ибо министры королевскіе объявили резиденту царскаго величества въ Лондонѣ, что вы отправлены на помощь непріязненной намъ коронѣ Шведской, и приближеніе ваше къ укрѣпленіямъ здѣшнихъ мѣстъ можетъ быть принято нами за явный знакъ непріязни и мы принуждены будемъ употребить надлежащія мѣры предосторожности.»

Норрисъ отвѣчалъ, что онъ явился предложить посреднтчество короля своего къ доброму миру, и когда царское величество изволитъ принять это посредничество, то онъ, Норрисъ, готовъ будетъ къ его услугамъ. На это Апраксинъ написалъ, по царскому повелѣнію, что если королевское величество великобританское заблагоразсудитъ его царскому величеству о какихъ дѣлахъ предлагать, то изволилъ бы прислать, по обычаю, своего министра или его, Норриса, съ кредитивомъ и полномочіемъ: царское величество изволитъ присланнаго принять дружелюбно, его предложеніе выслушать и вступить, по возможности, въ переговоры [173].

Попытка испугать Россію не удалась: посредничество въ угрожающей формѣ было отстранено, и въ то самое время, когда Норрисъ грозилъ, Русскія войска опустошали Шведскіе берега; отрядъ подъ начальствомъ бригадира фонъ-Менгдена углубился на 5 миль внутрь страны, не встрѣчая никакого сопротивленія, сжегъ два города и 41 деревню съ 1,026 крестьянскими дворами [174]. Петръ писалъ Ягужинскому: «Партія наша подъ командою бригадира фонъ-Менгдена въ Швецію впала и паки счастливо чрезъ море перешла къ своимъ берегамъ. Правда, хотя не гораздо великій непріятелю убытокъ учиненъ, только слава Богу, что сдѣлано предъ глазами помощниковъ ихъ, и чему препятствовать ни чего не могли [145].»

Въ Англіи оппозиція сильно смѣялась надъ министерствомъ,

сильно смѣялась надъ подвигами королевскаго флота, посланнаго на защиту Швеціи, и не помѣшавшаго Русскимъ опустошать ея берега. Англія не возобновляла болѣе попытокъ къ посредничеству. За это дѣло принялась Франція.

Мы видѣли, что Франція по смерти Людовика XIV, въ правленіе герцога Орлеанскаго, сблизилась съ Россіею, и были важныя основанія, почему Франція, истощенная, потерявшая свое первенствующее на западѣ значеніе, дорожила этимъ сближеніемъ. Но въ тоже время личный интересъ регента заставлялъ его сближаться съ Англіею, которой король Георгъ 1-й былъ въ сильной враждѣ съ царемъ. Интересы Россіи въ Парижѣ защищалъ въ это время баронъ Шлейницъ, переведенный царемъ къ Французскому двору отъ Ганноверскаго. «Англія, писалъ Шлейницъ изъ Парижа въ 1718 году, и здѣсь старается всѣми силами уничтожить дѣйствіе тройнаго союза, заключеннаго между Россіею Франціею и Пруссіею. Сверхъ того я имѣю подлинныя вѣдомости изъ Вѣны, что Англійскій дворъ велѣлъ обнадежить цесаря, чтобъ онъ нисколько не опасался этого союза. Англійскій посланникъ при Французскомъ дворѣ Стерсъ старается уговорить регента, чтобъ онъ способствовалъ заключенію партикулярнаго мира между королемъ Англійскимъ и Швеціею и самъ вступилъ въ оборонительный союзъ съ Англіею и Швеціею для противодѣйствія планамъ вашего величества, грозящимъ спокойствію всей Европы. Стерсъ имѣетъ большой кредитъ у регента; почти не проходитъ дня, чтобъ не сидѣли они часа по два запершись; правда, что эти тайныя конференціи касаются Испанскихъ и Италіанскихъ дѣлъ; но я знаю навѣрное, что и сѣверныя дѣла тутъ не бываютъ забыты.» Когда Шлейницъ объявилъ регенту объ отрѣшеніи отъ наслѣдства царевича Алексѣя, тотъ отвѣчалъ: «Поздравляю царское величество отъ всего сердца съ окончаніемъ такого важнаго и нужнаго дѣла, отъ котораго зависятъ спокойствіе и согласіе въ семействѣ царскомъ, благополучіе всей Русской монархіи и всѣхъ подданныхъ, твердость и безопасность союзовъ, съ Россіею заключенныхъ. Царское величество, въ бытность свою во Франціи, открылъ мнѣ по секрету о своемъ намѣреніи; признаюсь, тогда я боялся, не опасно ли это дѣло; но теперь мнѣ остается только удивляться искусству царскаго величества, съ какимъ онъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ.» Потомъ

регентъ распространился о своихъ отношеніяхъ къ Россіи: «Мое истинное намѣреніе—сблизиться какъ можно тѣснѣе съ царскимъ величествомъ и королемъ Прусскимъ. Я стараюсь всѣми силами о примиреніи Испаніи съ цесаремъ; по этимъ самымъ примиреніемъ я сдѣлаю Испанію и Австрію сильными и опасными для Франціи. Для избѣжанія этой опасности мнѣ нужно имѣть контрбалансъ, который всего лучше я могу найдти въ союзѣ съ Россіею и Пруссіею, и, если можно, съ Швеціею. Нужно образовать сильную партію въ Германіи, что всего лучше сдѣлать чрезъ Пруссію; но я не хочу впасть въ ту же ошибку, какую здѣсь сдѣлали въ началѣ войны за Испанское наслѣдство, ибо Франція, заключая союзы въ Имперіи, начала съ ногъ, а голову забыла; но я теперь начну съ головы, т.-е. съ царскаго величества.»

Одно было на словахъ, другое на дѣлѣ. На словахъ былъ интересъ Франціи, вѣрно понимаемый; на дѣлѣ былъ интересъ герцога Орлеанскаго, который нужно было обезпечить отъ притязаній короля Испанскаго, а чтобъ съ успѣхомъ противодѣйствовать Испаніи, нужно было сблизиться съ императоромъ и съ Англіею. И вотъ Франція входитъ въ четверной союзъ (съ Англіею, императоромъ и Голландіею) противъ Испаніи. Мы видѣли, что угрожаемая съ четырехъ сторонъ, Испанія обращалась къ далекой Россіи, имѣвшей съ нею одинакій интересъ по непріязненнымъ отношеніямъ къ Англіи и императору. И въ Парижѣ Испанскій посланникъ Челламаре объявилъ Шлейницу, что король велѣлъ ему быть съ нимъ въ дружбѣ и хочетъ быть съ царскимъ величествомъ въ тѣсной дружбѣ и конфиденціи. Между тѣмъ регентъ продолжалъ увѣрять Шлейница въ своемъ дружескомъ расположеніи къ Россіи, объявилъ, что четверной союзъ не имѣетъ никакого отношенія къ сѣвернымъ дѣламъ, не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго для Россіи; велѣлъ поздравить царя съ очевидною помощію Божіею, оказанною ему въ смерти царевича Алексѣя, велѣлъ объявить царю, что по заключеніи мира, и какъ надобно полагать, союза между Россіею и Швеціею, онъ, регентъ, вступитъ въ ближайшія обязательства съ обѣими державами. «Я знаю, говорилъ регентъ, что король Испанскій хочетъ заключить союзъ съ царскимъ величествомъ. Я ничего не имѣю противъ этого союза, и надѣюсь, что царское величество, при заключеніи его, не войдетъ ни въ какое обязательство, про-

тивное интересу Франціи, короля ея или моему собственному, точно такъ какъ я, входя въ обязательства съ Англіею, не позволилъ и никогда не позволю внести какое-нибудь условіе, вредное для Россіи; у меня одна цѣль — во время малолѣтства королевскаго не дать Франціи вмѣшаться въ какую-нибудь войну.»

Но Шлейницъ узналъ, что въ договорѣ между Франціею и Англіею находится секретная статья, по которой союзники и по достиженіи своей цѣли относительно Испаніи, остаются въ обязательствѣ взаимнаго вспоможенія до прекращенія Сѣверной войны. Шлейницъ узналъ также, что Англія и императоръ втягиваютъ регента въ сѣверныя дѣла посредствомъ всемогущаго министра его, прежняго наставника и развратителя, аббата Дюбуа, которому императоръ обѣщалъ выхлопотать кардинальство, а Лондонскій дворъ за союзный договоръ съ Франціею заплатилъ сто тысячъ ефимковъ и назначилъ на все время союза пенсію въ тридцать; а по другимъ, въ пятьдесятъ тысячъ ефимковъ. Люди вліятельные, члены совѣта регентства, имена которыхъ Шлейницъ опасался предать письму, говорили ему, что въ совѣтѣ регентства герцогъ Орлеанскій предлагалъ уже принять немедленное участіе въ сѣверныхъ дѣлахъ, но, кромѣ нѣкоторыхъ креатуръ его, всѣ другіе члены совѣта отвѣчали, что это участіе вовсе не въ интересѣ Франціи, и что, по крайней мѣрѣ, надобно подождать окончанія дѣлъ Испанскихъ. Нѣкоторые «конфиденты» присовѣтовали Шлейницу попросить у регента объясненія, почему его слова не соотвѣтствуютъ дѣлу? Застигнутый врасплохъ вопросомъ Шлейница, герцогъ отвѣчалъ, что его подлинное намѣреніе и интересъ короны Французской заключаются въ томъ, чтобъ поддерживать равновѣсіе на Сѣверѣ. Шлейницъ нашелъ, что этотъ отвѣтъ «состоитъ на винтахъ.» Конфиденты говорили ему, что, по вѣрному извѣстію, ими полученному, цесарь, чрезъ графа Фирмонда, предлагалъ рѣчи посполитой Польской оборонительный и наступательный союзъ, обѣщая освобожденіе отъ русскихъ войскъ; сильно стараются о томъ, чтобъ поднять султана противъ Россіи, и въ этомъ дѣлѣ болѣе другихъ участвуетъ король Польскій, бунтуютъ и козаковъ на Украйнѣ. Шлейницъ самъ видѣлъ, въ какой тѣсной дружбѣ былъ Англійскій посланникъ въ Парижѣ Стерсъ съ Польскимъ (Саксонскимъ) министромъ Сумомъ, а Прусскій посланникъ Книпгаузенъ вдругъ прекратилъ

съ Шлейницемъ всякое сообщеніе; только Испанскій посолъ, именемъ короля своего, настаивалъ наскорѣйшее заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза между Россіею и Испаніею, говорилъ, что надобно возбудить въ Англіи внутреннее волненіе, для чего надобно согласиться съ Швеціею на счетъ возобновленія прежняго плана Гёрца сдѣлать высадку въ пользу претендента; надобно также, чтобъ царь, вступивъ въ тѣсный союзъ съ Испаніею, сильно дѣйствовалъ противъ императора въ Польшѣ и Германіи; надобно, чтобъ герцогъ Орлеанскій перемѣнилъ свой образъ дѣйствія, въ противномъ случаѣ надобно, съ помощію Испаніи, произвести переворотъ во Франціи и уничтожить; для истиннаго интереса этой державы, вредные союзы ея съ императоромъ и Англіею. Шлейницъ замѣтилъ, что послѣднее очень трудно: недавно открыты были сношенія съ Испаніею герцога де Мэна (побочнаго сына Людовика XIV), зачто онъ пострадалъ вмѣстѣ съ другими своими сообщниками, теперь регентъ на сторо̀жѣ и силенъ. На это Челламаре отвѣчалъ: «Регентъ скоро увидитъ, что обманулся, удаливъ герцога де-Мэна, ибо найдетъ мѣсто послѣдняго занятымъ снова согласно съ истиннымъ интересомъ Франціи.»

Аббатъ Дюбуа имѣлъ обстоятельныя свѣдѣнія о замыслахъ Испаніи, т. е. кардинала Алберони: онъ зналъ, что Испанскій дворъ предлагаетъ Карлу XII чрезъ Гёрца высадку въ Шотландію, для чего необходимъ союзъ съ Россіею. Дюбуа, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ по этому поводу длинный разговоръ съ Шлейницемъ, представлялъ, что выгоды, которыя можетъ получить Россія отъ Испанскаго союза, нельзя уравнять съ непріятностями, которыя могутъ произойти отъ озлобленія большей части и притомъ сильнѣйшихъ державъ Европы и собственныхъ союзниковъ Россіи. Царь намѣренъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ и установить свою торговлю: но для этого можно найти способы повѣрнѣе Испанскаго союза. Регентъ готовъ помочь ему въ отысканіи этихъ способовъ. Усиленіе императора и тѣсный союзъ его съ Англіею, разумѣется, не могутъ нравиться Россіи; но они одинаково не нравятся и Франціи. Но прежде всего Испанія должна помириться съ императоромъ, должна быть прекращена война, которую она ведетъ въ Италіи, а потомъ Испанія можетъ быть присоединена къ союзу между Россіею, Швеціею

Франціею и Пруссіею. Царя нельзя осуждать за то, что онъ выслушиваетъ Испанскія предложенія: ему пріятно видѣть, какъ державы, самыя отдаленныя нуждаются въ его дружбѣ. Не худо было бы, еслибъ царь, съ одной стороны, не отталкивалъ отъ себя Испанію, а съ другой принялъ предложенный мною планъ, и когда возгорится рѣшительная война между императоромъ, Англіею и Испаніею, Россія можетъ предложить свое посредничество, что доставитъ ей славу и пользу. Если мирные переговоры у Россіи и Пруссіи съ Швеціею еще продолжаются, то регентъ готовъ всѣми силами помогать скорѣйшему заключенію мира, лишь бы только въ договорахъ не заключалось условій о вторженіи въ Англію и о возбужденіи войны въ Германіи. Если переговоры прерваны, то пусть Сѣверные союзники составятъ общій планъ примиренія: тогда Франція, Англія и цесарь вынудятъ у Швеціи миръ по этому плану. Регентъ объявляетъ царю въ высшей конфиденціи, что отъ него, регента зависитъ заключеніе мира между Швеціею и курфюрстомъ Ганноверскимъ: недавно король Шведскій прислалъ ему свой оригинальный проектъ этого мира и отдалъ дѣло въ его руки; регентъ увѣренъ, что Англійскій король приметъ предлагаемыя Швеціею условія; но онъ даетъ царю честное слово, что проектъ не выйдетъ изъ его рукъ и не будетъ сообщенъ Англіи, пока регентъ не узнаетъ, что или миръ заключенъ между Россіею и Швеціею, или переговоры прерваны. Неотмѣнное намѣреніе регента состоитъ въ томъ, чтобъ по заключеніи мира между Испаніею и цесаремъ, вступить въ тѣсный союзъ съ Россіею, Швеціею, Пруссіею и Испаніею для поддержанія Европейскаго равновѣсія; ненужно доказывать, что этотъ союзъ необходимъ вслѣдствіе усиленія императора и тѣсной связи его съ Англіею. Равновѣсіе на Балтійскомъ морѣ можетъ быть потеряно, когда Швеція лишится своихъ провинцій, лежащихъ въ Германіи, но это для Франціи уравновѣсится союзомъ съ Россіею и Пруссіею. — Дюбуа нѣсколько разъ бросался обнимать Шлейница, прося его, чтобъ это важное дѣло велось со всевозможнымъ стараніемъ и величайшею тайною.

Не смотря на подозрительное поведеніе регента, на союзъ его съ Англіею, въ Петербургѣ всячески старались «менажировать» Францію, какъ тогда выражались, если не для настоящаго, то для будущаго. У царя родилась дочь, Наталья, и Шлейницъ по-

лучилъ указъ просить короля Людовика XV быть воспріемникомъ новорожденной царевны. Воспитатель короля, маршалъ Вилльруа, говорилъ Шлейницу по этому случаю о любви и высокомъ уваженіи молодаго короля къ царю, какъ Людовикъ часто спрашиваетъ, гдѣ теперь царь, чѣмъ занимается: Вилльруа жалѣлъ, что принцесса, къ которой король призванъ въ крестные отцы, очень молода и король не можетъ такъ долго дожидаться, хотя бы и желательно было видѣть ее Французскою королевою. Дюбуа прибавилъ при этомъ, что какъ ни изумительна мудрость царскаго величества, однако при назначеніи короля воспріемникомъ къ царевнѣ, онъ позабылъ, что по католическому правилу король жениться на ней не можетъ, впрочемъ можно надѣяться, что папа окажетъ учтивость и дастъ разрѣшеніе.

1 Декабря 1718 года Шлейницъ донесъ своему двору о важномъ, по обстоятельствамъ, для Россіи происшествіи: Испанскій посолъ, князь Челламаре былъ арестованъ въ своемъ домѣ, къ нему приставили 50 человѣкъ мушкетеровъ, всѣ письма его захватили; вмѣстѣ съ тѣмъ посажено въ Бастилію нѣсколько знатныхъ Французовъ; были перехвачены письма Челламаре къ Алберони о заговорѣ въ Парижѣ въ пользу Испанскаго короля Филиппа V, который долженъ былъ вступить съ войскомъ во Францію. Въ концѣ мѣсяца пришло извѣстіе о смерти Карла XII: Французское правительство обрадовалось въ надеждѣ, что сношенія Испаніи съ Швеціею о союзѣ порвутся.

Шлейницъ понялъ трудность своего положенія при такихъ новыхъ «конъюнктурахъ.» «При жизни короля Шведскаго, писалъ онъ, въ началѣ 1719 года, какъ въ Лондонѣ, такъ и здѣсь все бы сдѣлали, чтобъ только удержать ваше величество отъ союзныхъ дѣйствій съ Швеціею и Испаніею противъ Англійскаго короля и цесаря. Но съ начала объявленіе короля Прусскаго, что онъ не будетъ мѣшаться въ Испанскія дѣла и не приметъ никакихъ мѣръ, вредныхъ для четвертнаго союза, а потомъ смерть короля Шведскаго привели Англійскаго короля и регента въ совершенную безопасность; они не боятся теперь ни завоеванія Норвегіи Шведами, ни продолженія Аландскаго конгресса, и знаютъ, что кто бы ни вступилъ на Шведскій престолъ, ничего не можетъ предпринять при страшномъ истощеніи Швеціи; впрочемъ Англія какъ здѣсь, такъ и въ Гагѣ явно объявила себя за прин-

цессу Ульрику.» Шлейницъ опасался, что теперь можетъ составиться сильный союзъ противъ Россіи, который станетъ предписывать ей условія мира, какъ то сдѣлалъ четверной союзъ съ Испаніею.

Регентъ, которому про запасъ нуженъ былъ союзъ съ Россіею и Пруссіею, хотѣлъ воспользоваться смертію Карла XII для скорѣйшаго заключенія Сѣвернаго мира; онъ предложилъ свое посредничество, Россія и Англія приняли его; но сейчасъ же оказалось, что Англія при этомъ хотѣла выиграть только время, занять Россію и покончить переговоры о своемъ партикулярномъ мирѣ съ Швеціею. Регентъ продолжалъ поступать дружелюбно въ отношеніи къ Россіи: онъ далъ предписаніе посланнику своему въ Стокгольмѣ, графу Деламарку, чтобъ склонять Шведскую королеву къ продолженію Аландскаго конгресса, въ чемъ тотъ и успѣлъ; за это Англійскій посолъ въ Парижѣ жаловался на Деламарка, обвиняя его въ пристрастіи къ Россіи; Шлейницу шептали на ухо, чтобъ царь не тратилъ времени, заключилъ миръ съ Швеціею на умѣренныхъ условіяхъ, имѣя въ виду выгоды, которыя должны произойдти отъ союза между Россіею, Швеціею, Пруссіею, Франціею и Испаніею. Польскій и Австрійскій министры хлопотали, чтобъ регентъ приступилъ къ тройному оборонительному союзу, заключенному въ Вѣнѣ между императоромъ, Англіею и Польшею для противодѣйствія Россіи; когда Шлейницъ освѣдомился объ этомъ у Дюбуа, тотъ отвѣчалъ: «Не опасайтесь; регентъ не дастъ себѣ связать руки въ Сѣверныхъ дѣлахъ вступленіемъ въ этотъ союзъ.»

Пришла вѣсть, что Англійскій король заключилъ миръ и оборонительный союзъ съ Швеціею. Шлейницъ, увѣренный, что Англія будетъ притягивать Францію и Голландію къ этому союзу, отправился къ Дюбуа съ представленіями, что Англія и въ сѣверныхъ дѣлахъ хочетъ поступить какъ въ Испанскихъ: составить союзъ, принудить Россію къ миру, забрать въ свои руки Балтійскую торговлю и получить первенство въ Европѣ: неужели это согласно съ интересами Франціи? Дюбуа отвѣчалъ, чта у регента никогда не было въ мысляхъ, чтобъ король Англійскій навѣки присоединилъ Бременъ и Верденъ къ Ганноверу; регентъ въ Сѣверныхъ дѣлахъ руки себѣ связать не дастъ и въ Англо-Шведскій союзъ не вступитъ; этотъ союзъ заключенъ не только безъ со-

дѣйствія, даже безъ вѣдома Франціи. Чрезъ нѣсколько времени Дюбуа объявилъ Шлейницу, что король Англійскій предложитъ царю свое посредничество.—«Какъ царское величество можетъ принять это посредничество, когда пристрастіе Англіи къ Швеціи и зависть ея къ морскому могуществу Россіи такъ очевидны? возразилъ Шлейницъ: регентъ дастъ отвѣтъ передъ потомствомъ, если вступитъ въ Англо-Шведскій союзъ и не воспрепятствуетъ отторженію Пруссіи отъ Русскаго союза.» Дюбуа отвѣчалъ: «Если вы меня спрашиваете, женюсь ли я? то я ничего не могу сказать вамъ кромѣ того, что я не женился.»

Скоро пришло извѣстіе и о женитьбѣ. Прусскій король сказалъ Русскимъ министрамъ, Толстому и Головкину, что еслибъ онъ имѣлъ дѣло съ однимъ Англійскимъ королемъ, то не заключилъ бы съ нимъ договора; но Французскій посланникъ, графъ Ротембургъ, вмѣстѣ съ посланникомъ императорскимъ, принуждалъ его къ заключенію этого договора и грозилъ. Шлейницъ поѣхалъ объясниться по этому поводу съ самимъ регентомъ. Герцогъ сначала отвѣчалъ, что не давалъ никакихъ подобныхъ инструкцій Ротембургу; но когда Шлейницъ потребовалъ, чтобъ регентъ выразилъ свое неодобреніе Ротембургу за самовольный поступокъ, то герцогъ объявилъ, что Ротембургъ оказалъ только содѣйствіе къ соглашенію между двумя курфюрстами, Бранденбургскимъ и Ганноверскимъ, которыхъ вражда была противна Французскимъ интересамъ; но Ротембургъ дѣйствовалъ такъ въ слѣдствіе даннаго королемъ Прусскимъ заявленія, что въ договоръ его съ Англійскимъ королемъ не будетъ внесено ничего вреднаго для Россіи. Дюбуа объявилъ, что миръ Швеціи и съ Англіею и съ Пруссіею очень непріятенъ для Франціи, которая не могла желать, чтобъ Швеція лишилась своихъ владѣній въ Германіи. Но что же дѣлать! Франція тутъ ни въ чемъ не виновата, виновата Россія, которая своимъ нападеніемъ въ Швецію заставила Шведскую королеву отдаться въ руки Англійскаго короля. Франція теперь ничѣмъ не можетъ помочь, ибо не можетъ идти противъ Англіи и императора, съ которыми у нея одинъ интересъ въ Испанскихъ дѣлахъ. «Когда Россія увидала, сказалъ на это Шлейницъ, что Швеція на Аландѣ только проводитъ время и переговариваетъ съ Англійскимъ королемъ объ отдѣльномъ мирѣ, когда увидала, что оставлена своими союзниками, то ей не

оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ оружію; царское величество всѣ свои завоеванія сдѣлалъ безъ союзниковъ, и удержитъ ихъ безъ союзниковъ, для чего способъ покажетъ Богъ и время, при нынѣшнихъ большихъ приготовленіяхъ царскихъ водою и сухимъ путемъ.» Дюбуа отвѣчалъ: «У меня правило, отъ котораго не отступлю никогда: если державы, съ которыми имѣю дѣло, сами не входятъ со мною въ объясненія на счетъ своихъ предпріятій, то я ихъ никогда первый не спрашиваю, пусть дѣлаютъ что хотятъ, а потомъ принимаю свои мѣры, и никакихъ выговоровъ, тѣмъ менѣе угрозъ не дѣлаю, потому что это дѣлу не помогаетъ, а можетъ сильно повредить. Увидимъ, что окажется въ Сѣверныхъ дѣлахъ, и будемъ поступать согласно съ интересомъ короля, Франціи и регента и съ неизмѣнною преданностію къ царскому величеству.» — Донося объ этомъ разговорѣ Шлейницъ писалъ: «По моему мнѣнію, не много пользы отсюда ожидать можно, пока продолжается размолвка у вашего величества съ Англіею; однако не должно ссориться съ регентомъ и на будущее время надобно удержать для себя отворенныя двери.»

6 октября 1719 года Дюбуа формально предложилъ Шлейницу посредничество Французскаго короля къ примиренію Россіи съ Швеціею. По этому поводу въ началѣ декабря у Шлейница съ Дюбуа было любопытное объясненіе. Шлейницъ выразилъ надежду, что регентъ покажетъ полное безпристрастіе при посредничествѣ точно такъ, какъ царь поступалъ до сихъ поръ въ Испанскихъ дѣлахъ. На это Дюбуа отвѣчалъ: «Регентъ ни въ какія новыя и ближайшія обязательства не вступилъ; но о безпристрастіи царскаго величества въ Испанскихъ дѣлахъ лучше не упоминайте: регенту и особенно мнѣ извѣстны всѣ сношенія между Россіею и Испаніею, извѣстны во всѣхъ подробностяхъ, извѣстно, что Ирландецъ Лолесъ былъ у царя въ Ревелѣ до нападенія Русскихъ войскъ на Швецію и вице-канцлеръ Шафировъ имѣлъ съ нимъ тайныя конференціи; потомъ Лолеса нѣсколько времени держали въ Данцигѣ тайно и во время военныхъ дѣйствій имѣли съ нимъ постоянную переписку, и хотя переговоры съ нимъ не повели ни къ чему рѣшительному, потому что онъ дѣлалъ предложенія общія и широкія, и Лолесъ уѣхалъ ни съ чѣмъ, однако царское величество возобновилъ сношенія прямо съ Алберони черезъ другой каналъ и соглашался, за извѣстныя субсидіи, за-

ключить оборонительный и наступательный союзъ. Этотъ союзъ царскому величеству безполезенъ за отдаленіемъ, безполезенъ и потому, что кардиналъ Алберони не въ состояніи будетъ выплатить обѣщанныя субсидіи, а между тѣмъ этотъ союзъ заставитъ членовъ четвернаго союза объявить себя въ Сѣверныхъ дѣлахъ противъ Россіи; съ другой стороны сношенія съ царскимъ величествомъ даютъ только кардиналу Алберони возможность отвращать Испанскаго короля отъ заключенія мира.» Шлейницъ отвѣчалъ, что все сказанное Дюбуа большею частію справедливо, но что ему, Шлейницу, неизвѣстно о возобновленіи сношеній съ Алберони. »Я это знаю, сказалъ Дюбуа, отъ человѣка, который не только слышалъ изъ устъ Алберони, но и на письмѣ видѣлъ. Впрочемъ это не будетъ имѣть никакого вліянія на расположеніе регента дѣйствовать въ пользу царскаго величества.» Тутъ Дюбуа взялъ Шлейница за руку и сказалъ: «Запомните хорошенько нынѣшній день: черезъ шесть мѣсяцевъ я вамъ объ немъ напомню, когда вы будете благодарить регента за услуги, оказанныя имъ Россіи, не смотря на секретныя сношенія царскаго величества съ Испаніею, и не смотря на затруднительное положеніе, въ какомъ теперь находится регентъ относительно Англіи и императора.»—«Если царское величество будетъ имѣть причину благодарить регента, то я передамъ эту благодарность съ величайшимъ удовольствіемъ», сказалъ Шлейницъ. Дюбуа, хитро улыбаясь, продолжалъ: «Я знаю, что послѣднія сношенія съ Испаніею происходили не чрезъ васъ; но все же вы принимали нѣкоторое участіе въ Испанскихъ дѣлахъ.» Шлейницъ зналъ, что объ его участіи въ Испанскихъ дѣлахъ извѣстно Дюбуа изъ бумагъ, захваченныхъ у Челламаре, и потому сказалъ: «Я знаю хорошо, что вы хотите сказать: но вы помните, что я тогда же принесъ вамъ покаяніе и получилъ прощеніе.»—«Теперь еще не время объясняться объ этомъ, отвѣчалъ Дюбуа: подождемъ, когда кончатся Испанскія дѣла и тогда посмѣемся насчетъ прошлаго.»

17 декабря Шлейницъ получилъ царскій рескриптъ, подписанный 16 ноября. На основаніи этого рескрипта Шлейницъ подалъ регенту слѣдующій меморіалъ: «Нижеподписавшійся полномочный министръ его величества царя всея Россіи имѣетъ указъ объявить вашему королевскому высочеству именемъ царя своего государя, что его величество принимаетъ охотно предложеніе хри-

стіаннѣйшаго величества на счетъ посредничества о мирѣ между его царскимъ величествомъ и королевою и короною Шведскоею, если его христіаннѣйшее величество изволитъ ему дать декларацію на письмѣ за рукою вашего королевскаго высочества, что его христіаннѣйшее величество не имѣетъ никакого обязательства, ни прямымъ ни постороннимъ образомъ, съ королевою и короною Шведскою, ниже съ какимъ инымъ союзникомъ ея, или съ какою иною державой, кто бы они ни были, противнаго силѣ и смыслу договора, заключеннаго съ его царскимъ величествомъ и подписаннаго въ Амстердамѣ 4 числа августа по старому стилю 1717 года[176]. Причины, заставляющія его величество царя требовать этой декларацiи, суть повторительныя извѣстія, которыя его величество получилъ отъ министровъ своихъ, пребывающихъ при другихъ иностранныхъ дворахъ, что министры его христіаннѣйшаго величества, по согласію съ министрами его британскаго величества, дѣйствуютъ почти при всѣхъ Европейскихъ дворахъ въ пользу королевы и короны Шведской. Царь мой государь знаетъ еще, что министръ его христіаннѣйшаго величества при королѣ Прусскомъ усиленно старался привести его Прусское величество къ заключенію послѣднихъ договоровъ съ Англійскимъ королемъ, которые довели до отдѣльнаго мира между Пруссіею и Швеціею, съ исключеніемъ царскаго величества. Подлинно извѣстно также, что его христіаннѣйшее величество велѣлъ заплатить недавно значительныя суммы отчасти въ самомъ Стокгольмѣ прямо Шведской королевѣ, отчасти ландграфу Гессенъ-Кассельскому. Но больше всего удивило его царское величество содержаніе писемъ Британскаго министра лорда Картерета и адмирала Норриса, написанныхъ неупотребительнымъ между великими государями слогомъ: въ обоихъ говорится, что король Англійскій вмѣстѣ съ христіаннѣйшимъ королемъ и прочими своими союзниками, между которыми находится и Швеція, принялъ мѣры для скорѣйшаго окончанія Сѣверной войны. Нижеподписавшійся проситъ всепокорно ваше королевское высочество дать ему письменный скорый отвѣтъ на этотъ меморіалъ, потому что въ такомъ важномъ дѣлѣ дорога каждая минута, и царь государь его будетъ поступать по содержанію вашего отвѣта: или начнетъ мирные переговоры, или будетъ продолжать войну противъ Швеціи.»

Въ началѣ 1720 года регентъ отвѣчалъ, что союзный договоръ

1717 года онъ свято исполнялъ и всегда исполнять будетъ; но требуемую письменную декларацію дать не можетъ, потому что это противно его чести. Если царь повѣритъ его обнадеживаніямъ и приметъ посредничество, то увидитъ, что онъ, регентъ будетъ поступать съ совершеннымъ безпристрастіемъ; впрочемъ если съ русской стороны питается хотя малѣйшее недовѣріе къ этому посредничеству, то ему, регенту во всякомъ случаѣ будетъ пріятно, когда царское величество заключитъ миръ съ Швеціею прямо или при посредничествѣ какой-нибудь другой державы.

Прошло три мѣсяца. Въ апрѣлѣ является къ Шлейницу графъ Деламаркъ, бывшій Французскимъ посломъ въ Стокгольмѣ, съ тайными предложеніями отъ регента: «Съ Испаніею, началъ Деламаркъ, заключенъ теперь миръ, и это обстоятельство заставляетъ регента безъ потери времени думать о союзѣ съ нѣкоторыми державами, а именно о союзѣ между Россіею, Франціею, Испаніею, Швеціею, Пруссіею и нѣкоторыми болѣе значительными имперскими князьями протестантскаго исповѣданія, между которыми находится ландграфъ Гессенъ-Кассельскій. Приступить къ этому союзу надобно немедленно; но такъ какъ этого сдѣлать нельзя прежде мира между Россіею и Швеціею, то регентъ берется хлопотать объ этомъ мирѣ, и велѣлъ Дюбуа объявить вамъ, что онъ ни прямо съ Швеціею и ни съ какою другою державой не находится въ такомъ обязательствѣ, какое могло бы быть противно союзному договору его съ Россіею 1717 года или могло бы поколебать безпристрастіе его, какъ посредника. Мало того: регентъ обязывается и впредь не вступать въ подобныя обязательства. Императоръ, Англія, Польша сильно настаивали, чтобъ регентъ вошелъ въ такія обязательства; но онъ рѣшительно отказался, и здѣсь заключается настоящая, хотя и тайная причина несогласія съ королемъ Англійскимъ. Регентъ надѣется, что такое поведеніе его заслужитъ довѣренность царскаго величества, и посредничество его примется безо всякихъ письменныхъ декларацій. Англійскій король велѣлъ пригрозить Шведской королевѣ, сенату и государственнымъ чинамъ, что онъ флота въ Балтійское море не пошлетъ или назадъ отзоветъ, какъ скоро королева Шведская безъ его вѣдома покусится вступить въ переговоры съ царемъ. Англійскій король какъ въ Испанскихъ, такъ и въ Сѣверныхъ дѣлахъ употреблялъ имя регента совершенно произ-

вольно, безо всякаго соглашенія съ нимъ, какъ напримѣръ въ письмахъ лорда Картерета и адмирала Норриса, отправленныхъ къ царскому величеству. Англійскіе министры Французскаго министра въ Стокгольмѣ Кампредона принудили къ тайному договору между Англіею, Франціею и Швеціею. Регентъ не одобрилъ этотъ поступокъ Кампредона, поступившаго безъ полномочія; но такъ какъ до сихъ поръ Франція должна избѣгать всего, что можетъ возбудить въ Англіи преждевременное подозрѣніе и недовѣріе въ Швеціи, то регентъ могъ удержать ратификацію договора только подъ тѣмъ предлогомъ, что въ проектѣ договора дѣло не достаточно уяснено. Для предупрежденія подобныхъ поступковъ со стороны Англіи регентъ послалъ указъ всѣмъ своимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ, чтобъ они по Сѣвернымъ дѣламъ безъ инструкціи ни въ какія соглашенія не вступали. Если предполагаемый союзъ состоится, то всѣ Европейскія дѣла будутъ отъ него зависѣть; это тотъ самый союзъ, о которомъ царское величество, въ бытность свою въ Парижѣ, предлагалъ регенту. Регентъ для этихъ секретныхъ изъясненій потому назначилъ меня, что Англійскіе министры, находящіеся здѣсь, зорко смотрятъ на его поступки, и онъ не могъ рѣшиться призвать васъ въ свой кабинетъ; кромѣ того и Дюбуа не долженъ объ этомъ ничего знать. Регентъ знаетъ, что царское величество находится въ сношеніяхъ съ герцогомъ Голштинскимъ, который намѣренъ отправиться въ Петербургъ, чтобъ вступить тамъ въ бракъ съ старшею царевною. Это дѣло очень важно: смотря по тому какъ его поведутъ — можно или всю Европу вовлечь въ долгую войну или способствовать заключенію общаго Сѣвернаго мира. Если герцогъ, въ злобѣ своей на королеву Шведскую, успѣетъ склонить царское величество вести дѣло до крайности для доставленія ему Шведскаго престола, то въ случаѣ дурнаго успѣха онъ лишится своихъ наслѣдственныхъ земель и всякой надежды быть когда-нибудь королемъ Шведскимъ, и обязательства въ отношеніи къ нему царскаго величества будутъ противны предлагаемому регентомъ союзу. Но если царское величество отдастъ герцогу за дочерью въ приданое завоеванныя у Швеціи провинціи и потребуетъ, чтобъ герцогъ былъ признанъ наслѣдникомъ Шведскаго престола послѣ тетки его и ея мужа, если у нихъ дѣтей не будетъ, то регентъ готовъ помогать этому всѣми своими

силами.» Донося объ этихъ изъясненіяхъ Деламарка, Шлейницъ писалъ: «Я вѣрю, что регентъ поступаетъ искренно; ему союзъ съ императоромъ и Англіею уже наскучилъ, лордъ Стерсъ поступалъ съ нимъ, какъ съ рабомъ и сильно огорчалъ его своими гордыми поступками. Регентъ видитъ, какъ онъ своею помощію въ дѣлахъ Испанскихъ усилилъ Австрійскій домъ и теперь не находитъ другаго средства поправить дѣло, кромѣ союза, предлагаемаго имъ вашему величеству. Что же касается наслѣдства Французской короны въ случаѣ бездѣтной смерти короля, то для обезпеченія его себѣ регентъ не нуждается въ помощи императора и Англіи, ибо, благодаря распоряженіямъ генералъ-контролера Лау, наличныя деньги всего народа въ рукахъ у регента, у народа только однѣ бумаги; никакой король Французскій, даже покойный Людовикъ XIV, не былъ такъ самовластенъ и силенъ внутри государства, какъ герцогъ Орлеанскій, хотя онъ только регентъ, а не король.»—Въ то же время воспитатель короля, маршалъ Вилльруа свелъ у себя Шлейница съ Шведскимъ сенаторомъ Шпаромъ, чтобъ они вступили въ мирныя соглашенія прямо, безо всякаго посредничества.

Наступилъ май мѣсяцъ. Вѣтеръ подулъ изъ Вѣны: узнали, что тамъ ведутся переговоры о сближеніи Россіи съ Австріею, которая также хочетъ быть посредницею въ Сѣверныхъ дѣлахъ. Деламаркъ опять пріѣзжаетъ къ Шлейницу съ тайными изъясненіями: «Регентъ увидалъ, что императоръ, въ своихъ сношеніяхъ съ царскимъ величествомъ, болѣе имѣетъ въ виду втянуть Россію въ дальнѣйшую войну, а не привести къ заключенію мира, и для этого Вѣнскій дворъ употребляетъ герцога Голштинскаго. Въ имперіи идетъ теперь вражда между католиками и протестантами; императоръ, разумѣется, доброхотствуетъ католикамъ; но, съ другой стороны, боится соединенія Англіи, Швеціи и Пруссіи, къ которымъ пристанутъ и всѣ другіе протестантскіе владѣльцы Германіи. Силою противиться этому союзу для императора не пришло еще время, и потому онъ хочетъ отдалить опасность продолженіемъ Шведской войны.» При этомъ Деламаркъ сообщилъ Шлейницу коллективное письмо, присланное регенту отъ имперскихъ князей—Гессенъ-Кассельскаго, Гессенъ-Дармштадскаго, Саксенъ-Готскаго и Вольфенбительскаго: князья пишутъ, что они готовы выставить армію отъ 30 до 40,000 человѣкъ для обезпече-

нія имперіи отъ замысловъ иностранныхъ государствъ, для сохраненія Вестфальскаго мира и для спасенія Швеціи отъ погибели; армія будетъ выставлена, если регентъ дастъ субсидіи. Регентъ, по словамъ Деламарка, сейчасъ же догадался, гдѣ эта машина сочинена, догадался, что она главнымъ образомъ направлена противъ Россіи, и отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, имперія вовсе не нуждается въ арміи, потому что ни одна чужая держава ей не угрожаетъ, да и Швеція заключила миръ съ курфюрстомъ Ганноверскимъ, съ Пруссіею, миръ съ Даніею скоро будетъ заключенъ; надобно ожидать, что не замедлитъ и примиреніе съ Россіею.

3 іюня, въ Екатерингофѣ Петръ подписалъ составленную въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ инструкцію поручику гвардіи графу Платону Мусину-Пушкину: «Ѣхать ему въ Парижъ наскоро на экстраординарной почтѣ, объявляя въ нашей землѣ, что посланъ въ Голландію для нѣкоторыхъ партикулярныхъ коммиссій, а за границею объявлять, что ѣдетъ на воды; ѣхать прямымъ путемъ, не заѣзжая въ Голландію. Пріѣхавъ въ Парижъ, стать на особливой квартирѣ, потомъ быть у барона Шлейница и объявить ему, что присланъ съ отвѣтомъ къ нему на его реляціи и вручить ему рескриптъ; объявить при этомъ, что посланы съ нимъ къ регенту двѣ грамоты, одна о томъ же дѣлѣ, а другая кредитивъ для отправленія партикулярнаго комплимента, и чтобъ онъ, Шлейницъ, представилъ его регенту на приватной аудіенціи. Потомъ какъ можно скорѣе домогаться ему быть у регента на приватной аудіенціи одному, домогаться секретно, чтобъ Шлейницъ о томъ провѣдать скоро не могъ; объявить регенту наединѣ, что такъ какъ дѣло, о которомъ мы писали къ нему великой важности, то угодно ли его высочеству вести его чрезъ барона Шлейница, какъ человѣка Нѣмецкой націи, и пріятна ли ему его персона? Если регентъ объявитъ, что персона Шлейница ему пріятна, то отдать послѣднему нужныя бумаги; если же объявитъ, что неугодна, то бумаги удержать и объявить регенту, что мы не только переговоры поручимъ другому министру Россійской націи, именно князю Куракину, но и велимъ отозвать Шлейница совсѣмъ отъ двора Французскаго; объявить, что если персона Шлейница регенту и не противна, то все мы желаемъ, чтобъ онъ велъ переговоры не одинъ, а вмѣстѣ съ княземъ Куракинымъ.»

Въ грамотѣ къ регенту были объявлены условія, на которыхъ царь соглашался заключить миръ съ Швеціею при Французскомъ посредничествѣ.

13 іюля Мусинъ-Пушкинъ пріѣхалъ въ Парижъ; 19 былъ у регента на приватной аудіенціи вмѣстѣ съ Шлейницомъ, и только 4 августа удалось ему быть одному. На вопросъ Мусина-Пушкина, вѣритъ ли онъ Шлейницу, регентъ отвѣчалъ: «Безъ сомнѣнія лучше вѣрится природному, чѣмъ чужестранному,» и послалъ за Дюбуа, которому поручилъ переговорить о подробностяхъ съ Мусинымъ-Пушкинымъ, при чемъ сказалъ: «Шлейницъ Нѣмецъ, отъ того я ему мало вѣрю.» Дѣло съ Дюбуа шло медленно, ибо внутреннія дѣла поглощали все вниманіе регента: финансовая система Лау рушилась! 21 августа Дюбуа объявилъ Мусину-Пушкину, будто регентъ сказалъ: «надобно намъ прежде объ этомъ подумать.» Потомъ Дюбуа сказалъ: «О которомъ дѣлѣ мы съ Шлейницемъ говорили, — все, отъ слова до слова, въ Ганноверѣ, въ Швеціи и Вѣнѣ извѣстно. Кромѣ Шлейница некому этого разгласить. Хотя это разглашеніе не можетъ въ нашемъ дѣлѣ никакого препятствія сдѣлать, однако надобно принять другія мѣры, а князю Куракину сюда пріѣхать нельзя, потому что нельзя будетъ утаить его пріѣзда.» Какъ скоро въ Петербургѣ получили донесеніе Мусина-Пушкина объ этомъ разговорѣ Дюбуа, то Шлейницъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ князь Василій Лукичь Долгорукій; но еще прежде царь велѣлъ Мусину-Пушкину предложить регенту прислать въ Петербургъ аккредитованнаго министра, съ которымъ можно было бы обо всемъ откровенно объясняться и который, съ другой стороны, доносилъ бы своему правительству вѣрныя извѣстія[177].

И отрицательные результаты, добытые изъ сношеній съ Франціею, отсутствіе враждебности, были важны. Особенно были важны они по отношенію къ Турціи, гдѣ Французское вліяніе считалось всегда преобладающимъ. Съ разныхъ сторонъ приходили въ Петербургъ извѣстія, что враги Россіи стараются снова поднять противъ нея султана. Турецкая война поставила бы въ это время Россію въ крайне затруднительное положеніе, и для ея отвращенія отправленъ былъ посланникомъ въ Константинополь извѣстный уже намъ Алексѣй Дашковъ. Въ началѣ 1719 года пріѣхалъ онъ въ Константинополь, и въ іюлѣ доносилъ, что пред-

ставленіе его султану все откладывается: наговариваетъ Англійскій посланникъ, чтобъ аудіенціи ему не давать прежде пріѣзда въ Константинополь императорскаго посла; по словамъ Англійскаго посланника Дашковъ пріѣхалъ склонять Порту къ возобновленію войны противъ императора, и если императорскій посланникъ на дорогѣ узнаетъ, что султану дѣлаются такія предложенія, то возвратится назадъ. Узнавъ объ этомъ, Дашковъ далъ знать рейсъ-эффенди и визирю (Ибрагимъ-пашѣ), что онъ очень недоволенъ: не видя отъ него никакихъ противностей, слушаютъ фальшивыя наущенія Англійскаго министра въ цесарскихъ интересахъ; не зная еще, кто будетъ крѣпче содержать дружбу съ Портою, царь или цесарь, уже начинаютъ дѣлать непріятности царю, тогда какъ онъ, Дашковъ, пріѣхалъ вовсе не за тѣмъ, чтобъ поднимать султана противъ императора, но укрѣплять дружбу царя съ султаномъ, отстраняя всякія противности. Аудіенція дана была немедленно со всякою подобающею честію: «султанъ (Ахметъ) самъ являлъ себя гораздо веселымъ и часто посматривалъ на меня, когда я говорилъ передъ нимъ орацію,» доносилъ Дашковъ. «И то, продолжаетъ посланникъ, обратилось къ немалому посрамленію Англійскаго министра, который тотчасъ же объявилъ себя моимъ непріятелемъ публично: я послѣ аудіенціи послалъ къ нему, также къ министрамъ Французскому и Голландскому съ объявленіемъ о моемъ пріѣздѣ; Французскій и Голландскій посланники прислали на другой день первыхъ своихъ переводчиковъ съ поздравленіемъ, но Англійскій не прислалъ, и теперь днемъ и ночью старается, чтобъ какое-нибудь поврежденіе сдѣлать интересамъ вашего величества и меня отбить отъ здѣшнего двора. Видя, что его труды не остаются безъ дѣйствія, выпросилъ я у визиря самую приватную аудіенцію, чтобъ никто при ней не былъ.» По совѣту съ преданнымъ Россіи переводчикомъ Голландскаго посольства Тейльсомъ [178], Дашковъ написалъ для визиря слѣдующіе пункты: 1) царь желаетъ содержать договоры съ Портою во всякой цѣлости; 2) царь прислалъ своего посланника для уничтоженія враждебныхъ внушеній, которыя дѣлаются съ цѣлію поссорить Порту съ Россіею; 3) царь, съ своей стороны, не слушаетъ никакихъ враждебныхъ Портѣ внушеній и доказалъ это тѣмъ, что не принялъ отъ императора и Венеціи предложенія вступить съ ними въ союзъ противъ Порты; за это

цесарь озлобился и старается всѣми средствами, самъ и черезъ другихъ, поссорить Порту съ Россіею; помогаютъ ему въ этомъ короли Англійскій и Польскій, какъ Нѣмцы, члены Имперіи, одинъ курфюрстъ Ганноверскій, а другой Саксонскій, кромѣ того для свойства и для интересовъ: король Англійскій по Испанскимъ дѣламъ, чтобъ могъ что нибудь, въ союзѣ съ цесаремъ, у Испаніи оторвать; а король Польскій, чтобъ, съ помощію цесаря, Польшу въ *абсолютство* привести, что сосѣднимъ государствамъ современемъ очень вредно будетъ; 4) царское величество имѣетъ средства отомстить врагамъ своимъ, имѣетъ войско и флотъ, къ тому же не безъ друзей и въ самой Германіи; 5) Извѣстно ли Портѣ, что Крымскій ханъ имѣетъ частыя пересылки съ королемъ Польскимъ, а за нѣсколько мѣсяцевъ публично присылалъ посла въ Варшаву съ предложеніемъ 60,000 войска противъ Россіи?

Визирь, выслушавъ пункты, сказалъ: «Правда что много на васъ Портѣ наносятъ, однако Порта не слушаетъ, особенно когда ты теперь здѣсь. Когда прочли четвертый пунктъ, визирь обрадовался, что царь не боится императора. Пунктъ присовѣтовалъ написать Тейльсъ: «Порта, говорилъ онъ, получила такія извѣстія, что цесарь хочетъ войну начать съ Россіею, а царь не въ состояніи дать отпора и очень боится цесаря: и если Туркамъ не объявить, что такого страха нѣтъ, то интересъ царя будетъ у Порты въ презрѣніи и посланникъ Русскій въ утѣсненіи.» Дашковъ выхлопоталъ письменные отвѣты на свои пункты: 1) Порта сохраняетъ миръ съ Россіею и ложнымъ внушеніямъ вѣрить не будетъ; 2) Хану посланъ указъ, чтобъ возвратилъ Русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ разбойниками Татарами безъ его вѣдома; 3) тѣ, которые предлагали царю союзъ противъ Порты, на мирномъ конгрессѣ *) предлагали Портѣ союзъ противъ Россіи: но Порта ложнымъ внушеніямъ вѣрить не будетъ; 4) на счетъ предложеній хана Польшѣ царь получилъ ложныя извѣстія: ханъ не могъ этого предлагать безъ воли султана.

Дашковъ писалъ, что съ нимъ обходятся очень хорошо, какъ и съ министрами другихъ державъ, дали лѣтній приморскій домъ въ Буюкдере, хотя Англійскій посолъ и много хлопоталъ, чтобъ его не выпускали изъ Константинополя: «развѣ вы не знаете,

---

*) При заключеніи мира у императора съ Турціею.

какъ Греческій народъ склоненъ къ Русскому?» внушалъ Англичанинъ визирю. Визирь смутился, призвалъ караульнаго, стоявшаго у Русскаго посланника, и спрашивалъ: часто ли ходятъ Греки къ Дашкову? Караульный отвѣчалъ, что посланникъ, какъ только пріѣхалъ въ Константинополь, такъ заказалъ караульному не пускать къ себѣ Грековъ и людямъ своимъ запретилъ съ ними знаться. Визирь успокоился и велѣлъ пускать всѣхъ свободно къ Дашкову. Этимъ воспользовался князь Рагоци, нашедшій убѣжище въ Турціи, и отдалъ визитъ посланнику, Дашковъ былъ у него первый, потому что визирь сказалъ ему о Рагоци: «Онъ нашъ пріятель, говоритъ, что и вашъ великій пріятель: можно вамъ у него быть.» Чтобъ войти въ довѣренность визиря и тѣмъ успѣшнѣе противодѣйствовать внушеніямъ со стороны Англіи и Австріи, Дашковъ не ѣздилъ ни къ кому, не спросившись прежде у визиря. Съ Рагоци Дашковъ долженъ былъ сблизиться и совѣтоваться въ важныхъ дѣлахъ, потому что прежнихъ пріятелей уже не было. «Которыхъ мы имѣли здѣсь пріятелей, тѣ всѣ намъ теперь для цесаря недоброхотны, и говорить мнѣ здѣсь теперь не съ кѣмъ ни о какихъ дѣлахъ, потому что и Голландскій посолъ безпрестанно съ цесарскимъ и пьетъ и ѣстъ вмѣстѣ и дружба великая; сколько я ни старался чрезъ стараго Тейльса, чтобъ мнѣ тайно видѣться съ Голландскимъ посломъ, но онъ со мною не видался; да и Тейльсъ старый бездѣльничаетъ для сына своего Николая, который при цесарскомъ послѣ; Тейльсъ только манитъ здѣсь мнѣ для своей бѣдности, чтобъ брать отъ вашего величества деньги, а сдѣлать ничего не умѣетъ и не можетъ, вопервыхъ, оглохъ совсѣмъ, да и глупъ сталъ и къ Портѣ не ходитъ; чтобъ я съ нимъ ни говорилъ, сейчасъ женѣ скажетъ и меньшому сыну, и все это очутится въ ушахъ у цесарскаго посла. Послѣдній старается всѣми способами ссорить Порту съ вашимъ величествомъ, и теперь пропустилъ слухи по всему Константинополю, что визирь обѣщалъ ему посадить меня въ Семибашенный замокъ и объявить войну вашему величеству. Я испугался и сталъ просить у визиря приватной аудіенціи; цесарскій посолъ съ другими послами началъ стараться, чтобъ аудіенціи мнѣ не дали: только о Французскомъ послѣ (маркизѣ де Бонакѣ) не слышу, чтобъ мѣшался въ цесарскія дѣла. Но приватной аудіенціи я добился и сейчасъ же увидалъ, что въ уши визирю уже

надули. Спросилъ меня: есть ли ваши войска въ Польшѣ! я отвѣчалъ, что есть. Вы говорите на цесаря, а сами что дѣлаете? сказалъ визирь, только не съ сердцемъ. Я ему объяснилъ, что войска не для завоеванія Польши, а для того, чтобъ король Августъ чего не сдѣлалъ надъ Польскою вольностію. Визирь развеселился. Я сталъ ему говорить о противныхъ поступкахъ цесаря, который вступилъ въ великую гордость пріобрѣтеніемъ себѣ завоеванныхъ земель отъ Турціи, и спросилъ его мнѣнія: не противно ли будетъ Портѣ, если ваше величество съ другими союзниками объявятъ войну цесарю и королю Польскому? и сама Порта не поднимется ли на него въ такое удобное время для отмщенія ему его неправыхъ поступковъ? Визирь очень обрадовался этимъ рѣчамъ и отвѣчалъ: если царское величество имѣетъ отъ цесаря такія противности, то можетъ воевать, помоги ему Богъ; и Порта его не оставила бы, еслибъ это случилось передъ заключеніемъ нашего мира съ нимъ. — Я сказалъ ему: нужда и законъ ломаетъ, не только мирный договоръ; вы не изъ доброй воли съ нимъ помирились? Увидимъ, сказалъ визирь, какъ вы начнете: все можетъ статься. — Есть при мнѣ приставъ, ага, великій мнѣ пріятель, и живетъ въ Царѣградѣ точно мой стряпчій: всякій день ходитъ къ Портѣ, и что тамъ услышитъ, все мнѣ пересказываетъ; я ему своихъ денегъ даю по 30 левковъ на мѣсяцъ; а отъ христіанъ нечего надѣяться, всѣ на цесаревой сторонѣ. Турки думаютъ, что будетъ непремѣнно война между Россіею и императоромъ, и для того про запасъ стали готовиться: если ваше величество одолѣетъ цесаря, то они пойдутъ на послѣдняго; если же цесарь одолѣетъ насъ, то они противъ вашего величества пойдутъ отъ страха предъ цесаремъ и чтобъ пріобрѣсти что-нибудь отъ насъ въ награду потеряннаго. Для этого немедленно надобно заключить съ ними вѣчный миръ. Я не видалъ злѣйшаго непріятеля вашему величеству, какъ Англійскій король: министръ его старается, чтобъ каждый день сдѣлать мнѣ какую-нибудь непріятность. Былъ у визиря, настаивалъ, чтобъ меня здѣсь не было; говорилъ, что въ Польшѣ Русскія войска вопреки договорамъ, прославлялъ побѣды цесаря надъ Испаніею.»

Въ декабрѣ императорскій посолъ явился къ визирю съ предложеніемъ оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Россіи. Визирь отвѣчалъ: «быть тому нельзя, папа проклянетъ импе-

ратора за союзъ съ бусурманами; императоръ при коронаціи присягаетъ не дружиться съ ними.» — «Правда, сказалъ посолъ, но не сомнѣвайтесь, мы это сдѣлаемъ другимъ способомъ.» — «Какимъ?» — спросилъ визирь. — «Увидите на дѣлѣ, отвѣчалъ посолъ: только прежде всего вышлите Русскаго посланника, чтобъ онъ не мѣшалъ намъ.» Явился и Англійскій посолъ съ тѣмъ же требованіемъ: «Если вы, говорилъ онъ, Русскаго посланника не вышлете, и этимъ подозрѣнія у императорскаго двора не уничтожите, то всѣхъ христіанскихъ государей противъ себя вооружите; царь вамъ тогда не поможетъ, потому что занятъ Шведскою войною, лучшій его пріятель, король Прусскій, и тотъ отъ него отступилъ.» Внушенія подѣйствовали, и Порта рѣшила выслать Дашкова; прислано уже было ему приказаніе выѣхать, потому что дѣлъ съ нимъ нѣтъ никакихъ. Дашковъ послалъ подарки къ визиреву кегаѣ и къ рейсъ-еффенди съ просьбою о помощи. Рейсъ-еффенди съ переводчикомъ Порты принялись хлопотать и склонили визиря къ тому, что велѣлъ Дашкову прислать меморіалъ, въ которомъ посланникъ написалъ, что государь его готовъ заключить вѣчный миръ съ Портою и потому надобно узнать, на какихъ условіяхъ Порта желаетъ заключить его? Дашковъ просилъ, чтобъ ему позволено было остаться до отъѣзда императорскаго посла или до возвращенія его, посланникова курьера изъ Петербурга. Остаться позволили, но съ условіемъ чтобъ Дашковъ жилъ на свой счетъ. Дѣло было ведено съ величайшею тайною, иначе Австрійскій и Англійскій послы *перекупили бы* кегаю и рейсъ-еффенди. Дашковъ доносилъ, что изъ всѣхъ иностранныхъ министровъ оказываетъ къ нему расположеніе одинъ Французскій посолъ, который говорилъ ему: «Больше всего старайтесь сохранить миръ съ Портою, тогда и Шведскую войну счастливо окончите; князь Рагоци давалъ знать, что Французскій посолъ внушаетъ съ другой стороны визирю, чтобъ Порта не разрывала съ Россіею. «Не смотря на то, писалъ Дашковъ, я еще осторожно обхожусь съ Французскимъ посломъ, потому что всегда бываетъ вмѣстѣ съ посломъ цесарскимъ и Франція въ союзѣ съ императоромъ. Хотя меня переводчикъ Порты и увѣрялъ, что посолъ притворный другъ цесарскій, однако не могу съ нимъ откровенно поступать, пока не получу явнаго знака его пріязни. А у Порты онъ имѣетъ добрый кредитъ, и я вся-

чески склоняю его къ интересамъ вошего величества и склонять буду: далъ ему мѣхъ соболій и переводчика его въ службу вашего величества склонилъ за 600 левковъ пенсіи. А еслибъ Французскій посолъ говорилъ Портѣ за цесаря, то она сейчасъ бы склонилась на его слова, и никто не могъ бы намъ столько зла сдѣлать какъ онъ, потому что силенъ онъ у Порты и нейтраленъ, потому Порта ему и вѣритъ. Не угодно ли будетъ вашему величеству назначить ему пенсію, потому что Голландскому послу давать пенсіи теперь не зачто, весь на цесарской сторонѣ и кредита у Порты никакого не имѣетъ.

Въ генварѣ 1720 года переводчикъ Порты разсказалъ Дашкову, что императорскій посолъ былъ у визиря, подалъ грамоту отъ Шведской королевы, въ которой, благодаря за помощь, оказанную брату ея Карлу XII, Ульрика Элеонора просила не оставить Швецію въ настоящихъ ея нуждахъ; потомъ посолъ говорилъ визирю, что въ Константинополѣ чернь очень недовольна послѣднимъ миромъ съ Австріею и всего безопаснѣе султану выѣхать въ Адріанополь, тѣмъ болѣе, что оттуда ближе будетъ наблюдать за движеніями русскихъ войскъ, которыя стягиваются на Украйну, готовясь къ войнѣ съ Портою; послѣдней надобно по этому объявить войну заблаговременно и высылать свои войска, чтобъ Русскіе не предупредили. Визирь промолчалъ. Видя, что Порта не поддается, Австрійскій и Англійскій послы придумали новое средство, предложили, именемъ своихъ государей, чтобъ Порта приняла посредничество между Россіею и Швеціею и принудила царя возвратить Швеціи свои завоеванія, потому что если Россія удержитъ все завоеванное, то и Туркамъ будетъ не безопасно отъ такого сильнаго сосѣда. Визирь призвалъ въ тайную конференцію Французскаго посла и спрашивалъ его какъ друга и нейтрала, чтобъ далъ совѣтъ, что тутъ дѣлать? Французскій посолъ отвѣчалъ, что не должно принимать посредничества, которое поведетъ только къ безполезной и убыточной ссорѣ съ Россіею, а отъ Швеціи за то какого ждать награжденія? «Сами разсудите, говорилъ посолъ, что царь всего завоеваннаго возвратить не можетъ и ваше предложеніе отвергнетъ, слѣдствіемъ будетъ война между нимъ и вами, и въ этой войнѣ царь будетъ правъ предъ всѣмъ свѣтомъ, потому что не онъ ее началъ.» — «Что же намъ дѣлать?» спрашивалъ визирь. — «Завтра же призо-

вите царскаго министра, отвѣчалъ посолъ, объявите ему прямо, кто вамъ что доноситъ, что предлагаетъ, изъ чего окажется ваша правдивая дружба; потомъ говорите ему, чтобъ онъ просилъ царя о присылкѣ полномочія для заключенія вѣчнаго мира, ибо миръ съ Россіею вамъ всего выгоднѣе.» — «Какъ ты намъ сказалъ, такъ и будетъ,» отвѣчалъ визирь, послалъ за Дашковымъ и объявилъ ему все, какъ совѣтовалъ Французскій посолъ. Послѣдній прислалъ сказать Дашкову, что если царское величество хочетъ заключить выгодный миръ съ Турціею, то спѣшилъ бы этимъ дѣломъ при нынѣшнемъ визирѣ и нынѣшнихъ министрахъ, потому что визирь человѣкъ миролюбивый, а министры всѣ большіе взяточники, сами просятъ безстыдно, и съ такими лучше дѣло имѣть, чѣмъ съ безкорыстными. Дашковъ доносилъ, что Французскій посолъ дѣйствительно трудится въ интересахъ царскихъ, но что онъ человѣкъ корыстолюбивый, уже освѣдомлялся, какая шла пенсія отъ Русскаго двора Голландскому послу; также и жена его любитъ подарки и давала знать Дашкову, что ей нужно соболей на шапку, за которыхъ она обѣщаетъ отслужить. Дашковъ послалъ ей двѣ пары соболей и мѣхъ горностаевый.

Полномочіе было получено изъ Петербурга, и 30 мая Дашковъ вступилъ въ переговоры съ Рейсъ-еффенди. «Турки, доносилъ онъ царю, спрашиваютъ у меня великихъ подарковъ, и принужденъ я всѣмъ давать вдвое; султану подарилъ я мѣхъ соболій въ 1600 левковъ и семь другихъ мѣховъ немалой цѣны, да шесть паръ соболей, но эти подарки были ему непріятны, требовалъ отъ меня чернаго лисья мѣха. Визирю принужденъ былъ я въ другой разъ давать; не знаю, обойдусь ли я 4000 червонныхъ, присланныхъ со мною, потому что изъ этихъ денегъ я уже далъ Французскому послу 1000 червонныхъ, да переводчику Порты 500.» Дѣло сначала шло успѣшно, и вдругъ остановилось, благодаря— Франціи, хотя со стороны послѣдней не было никакого умысла помѣшать ему. Порта все жаловалась Французскому правительству, что въ послѣдней войнѣ съ Австріею оно оставило ее безъ помощи, выдало императору, тогда какъ прежде никогда не бывало, чтобъ Франція допустила Австрію такимъ образомъ стѣснить Турцію. Чтобъ прекратить жалобы, изъ Франціи отвѣчали, что причиною всему было малолѣтство королевское и недостатокъ денегъ въ казнѣ; но теперь Французскій дворъ твердо об-

надеживаетъ Порту, что если императоръ опять захочетъ объявить войну Турціи, то Французы готовы противъ него дѣйствовать; если даже Турки сами объявятъ войну императору, то Франція не будетъ противъ этого. Французское правительство обѣщало даже дать письменное удостовѣреніе въ этомъ, и Турецкій посолъ отправился за нимъ въ Парижъ. Когда Турки получили обнадеживаніе, что Франція ихъ не оставитъ, то у нихъ отпала охота заключать договоръ съ Россіею, потому что главнымъ побужденіемъ къ сближенію съ Россіею былъ страхъ предъ императоромъ, надѣялись повести дѣло къ заключенію оборонительнаго и наступательнаго союза съ царемъ. Тутъ опять явился на сцену Англійскій посолъ, чтобъ не допустить до заключенія вѣчнаго мира между Россіею и Турціею, тогда какъ де-Бонакъ продолжалъ сильно помогать Дашкову; Австрійскій резидентъ, вслѣдствіе возобновленія пріязненныхъ сношеній своего двора съ Петербургскимъ, явно не мѣшалъ дѣлу, но при случаѣ говаривалъ Турецкимъ министрамъ: «За чѣмъ вы заключаете вѣчный миръ съ царемъ? у васъ есть миръ, а потомъ обстоятельства могутъ перемѣниться.» Вслѣдствіе всѣхъ этихъ враждебныхъ внушеній и препятствій только 5 ноября 1720 года Дашкову удалось превратить Адріанопольскій договоръ 1713 года въ договоръ вѣчнаго мира между Россіею и Портою [179].

Въ то время, когда Россія обезпечила себя со стороны Турціи, когда старанія Англійскаго короля поднять султана противъ царя и тѣмъ заставить послѣдняго умѣрить свои требованія относительно Швеціи, остались тщетными, когда такимъ образомъ исчезла послѣдняя надежда связать руки царю, — въ это самое время произошло прекращеніе дипломатическихъ сношеній между Георгомъ и Петромъ. Въ это время Русскимъ резидентомъ въ Лондонѣ былъ уже не Ѳедоръ Веселовскій. Бѣгство брата его Абрама и предполагаемое укрывательство въ Англіи побудили царя смѣнить Ѳедора Веселовскаго, и на мѣсто его былъ назначенъ Михайла Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, родной братъ Русскаго министра въ Копенгагенѣ. Мы видѣли, что уже давно между царемъ и королемъ Англійскимъ происходила борьба меморіалами, которые, будучи обнародованы, имѣли цѣлію изложеніемъ неправдъ короля и его министерства склонять на сторону Россіи общественное мнѣніе въ Англіи и Европѣ. Такъ какъ со сторо-

ны короля Георга былъ обнародованъ отвѣтъ на меморіалъ, поданный Веселовскимъ, то въ октябрѣ 1720 года Бестужевъ, въ опроверженіе этого отвѣта, подалъ новый меморіалъ или предложеніе. Мы не будемъ приводить содержанія этого длиннаго акта [180]; укажемъ только на любопытнѣйшія мѣста, относящіяся къ послѣднимъ поступкамъ Георга: «Предлагать медіацію и тогда же дѣлать угрозы, суть вещи противорѣчительныя и несовмѣстныя между собою; предлагать медіацію для примиренія государя съ его непріятелемъ и тогда же объявить, что сдѣлали союзъ съ симъ непріятелемъ, сіе ясно показуетъ, что медіація не съ тѣмъ предлагается, чтобъ достигнуть до сего примиренія, но что ищутъ причинъ ко враждѣ и разрыву. Заключеніе отвѣта Великобританскихъ министровъ довольно показуетъ, что ваше величество не посредникомъ, но судіею хотите быть и давать законы, и что министры вашего величества мнятъ, что его царское величество долженъ безъ противорѣчія покориться законамъ, каковые они разсудятъ ему предписать. Оставляется неучастной публикѣ разсуждать, что такое мнѣніе Великобританскихъ министровъ и ихъ изъясненія благопристойны ли и справедливы ли. Его царское величество не разсудилъ заблаго ни малаго о семъ вниманія учинить, ибо онъ зависитъ токмо отъ Бога, отъ коего единаго имѣетъ свое священное достоинство, власть и силу... Оставить своихъ союзниковъ, соединиться съ непріятелемъ такого союзника, съ коимъ многіе вѣки въ постоянной и непремѣнной дружбѣ пребывали, помощію котораго получили толь многія пользы и толь великіе прибытки, и ввести ихъ между собою въ открытый разрывъ, сіе есть неизвинительно предъ Богомъ и предъ человѣки. Министры вашего величества предлагаютъ, яко бы Великая Британія никогда не брала участія въ нынѣшней Сѣверной войнѣ, и сія самая корона не имѣетъ никакой пользы въ Бременѣ и Верденѣ. Сіи провинціи по Вестфальскому трактату должны были остаться за Швеціею, который Великобританскою короною гарантированъ. Великая Британія не имѣетъ никакой причины завидовать счастію его царскаго величества, и напротивъ того для обоихъ народовъ взаимственно полезно, чтобъ доброе согласіе и дружба навсегда между двухъ монархій пребывали. Никакой не можетъ пользы произойдти Великобританской коронѣ отъ разрыва съ Россіею, а напротивъ того можетъ великихъ убытковъ ожи-

дать. Умалчивають, что поступки вашего величества доведуть васъ до лишенія справедливыхъ требованій должнаго Швеціею возмездія за нѣсколько сотъ кораблей съ ихъ грузами, взятыхъ Шведами у Англичанъ, и чрезъ сіе ваше величество лишитесь справедливаго удовольствія, котораго бы по праву и по справедливости могли требовать. Если все сіе дѣлается токмо въ намѣреніи получить уступленіе и сохраненіе Бремена и Вердена въ пользу курфирстскаго Брауншвейглюнебургскаго дома, то является, что болѣе сдѣлали, нежели надлежить; понеже что касается до сего, то уже ваше величество достигли до сего предмета чрезъ учиненныя ему гарантіи сихъ двухъ провинцій его царскимъ величествомъ и королями Польскимъ, Датскимъ и Прусскимъ. И еслибы ваше величество заблагоразсудили пребыть тверды въ союзахъ съ его царскимъ величествомъ, то бы Швеція принуждена была согласиться на общій миръ, чѣмъ бы намѣренія сѣверныхъ союзниковъ исполнены были и давно бы уже общее спокойствіе востановлено. И такъ не нужно для утвержденія Бремена и Вердена Брауншвейглюнебургскому курфирстскому дому приводить Великобританскую корону въ обязательства, клонящіяся прервать древнія узы дружбы между ею и Россіею и довести до разрыва. Добрая дружба и согласіе между Россіею и Великобританіею были всегда для торговли Великобританской націи источникъ великихъ пользъ и прибытковъ; разрывъ же не можетъ ей неубыточенъ быть. Его царское величество не подалъ никакой причины прервать толь твердо установленную и толь полезную обѣимъ націямъ дружбу. Для показанія искренняго своего благоволенія къ Великобританской націи хотѣлъ дать ей коммерческимъ трактатомъ многія выгоды. Его царское величество еще-и нынѣ склоненъ сохранять сію дружбу, и учиненное имъ объявленіе Англинскимъ купцамъ о позволеніи имъ свободной торговли во всѣхъ своихъ областяхъ есть ясное тому доказательство, и тѣмъ болѣе, что сіе онъ учинилъ въ то время, когда ваше величество и ваши министры непріятельски съ его царскимъ величествомъ поступали, посылая флотъ противъ его на помощь его непріятелю, и возбуждая противъ его величества всѣ державы, не исключая и Турковъ.»

Явная цѣль меморіала выставить предъ Англійскимъ народомъ, что его интересы приносятся въ жертву желанію упрочить Бре-

менъ и Верденъ за Ганноверомъ, выставить вмѣстѣ неумѣнье вести дѣло, потому что Бременъ и Верденъ были крѣпки и безъ того Ганноверу: нужно было только сохранять Сѣверный союзъ, и не увлекаться внушеніями Мекленбургскихъ господъ, Бернсторфа съ товарищи, — все это должно было въ высшей степени раздражить короля Георга и его министерство. Бестужеву было объявлено, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Англіи въ восемь дней. Но Петръ остался до конца вѣренъ своей политикѣ: повѣстивъ Англичанамъ, находившимся въ Россіи, о прекращеніи дипломатическихъ сношеній съ королемъ ихъ, онъ объявилъ имъ, что не разрываетъ съ Англіею и они могутъ спокойно оставаться и торговать въ Россіи[181].

Это событіе не произвело никакой перемѣны въ ходѣ дѣлъ. Король Георгъ не получилъ больше средствъ дѣйствовать противъ Россіи въ пользу Швеціи, и Швеція давно уже увидала, что жестоко обманулась въ своихъ разсчетахъ, перемѣнивъ Гёрцевъ планъ: уступки Ганноверу, Пруссіи и Даніи были сдѣланы понапрасну: Россію нельзя было заставить ни насколько уменьшить свои требованія, Англія защищала плохо и никто не поднимался противъ Россіи въ угоду королю Георгу.

Въ маѣ 1720 года пріѣзжалъ въ Петербургъ Шведскій генералъ-адъютантъ фонъ-Виртёнбергъ съ объявленіемъ о возведеніи на престолъ мужа королевы Ульрики Элеоноры, принца Фридриха, и возвратился съ отвѣтомъ, что царское величество склоненъ къ возстановленію мира и древней дружбы между Россіею и Швеціею. Но мы видѣли, что въ то же самое время, не смотря на присутствіе въ Балтійскомъ морѣ Англійской эскадры, Русскія войска опустошили Шведскіе берега; а въ концѣ іюля князь Мих. Мих. Голицынъ разбилъ Шведскую эскадру при островѣ Гренгамѣ; Петръ по этому случаю писалъ Меншикову: «Правда не малая викторія можетъ почестися, потому что при очахъ господъ Англичанъ, которые ровно Шведовъ оборонили, какъ ихъ земли, такъ и флотъ[182].» Въ августѣ отправился въ Стокгольмъ поздравить новаго короля съ восшествіемъ на престолъ генералъ-адъютантъ Александръ Румянцевъ, и былъ принятъ тамъ съ большою ласкою: король выразилъ ему свое искреннее желаніе какъ можно скорѣе покончить войну и предложилъ начать мирные переговоры въ Финляндіи, именно въ Або. Когда Румянцевъ, возвра-

тившись, донесъ объ этомъ государю, тотъ велѣлъ ему написать Шведскому государственному секретарю Гепкену, что Русскіе министры будутъ отправлены въ Финляндію, только не въ Або, гдѣ находится генералитетъ и всѣ магазины для Русскаго войска; и потому съѣзду быть тамъ непристойно и по великой тѣснотѣ невозможно. Въ этихъ пересылкахъ окончился 1720 годъ.

Мѣстомъ конгресса былъ выбранъ городъ Ништадтъ, министрами назначены тѣ же лица, которые вели Аландскіе переговоры,—Брюсъ и Остерманъ, послѣдній выпросилъ себѣ титулъ барона и тайнаго совѣтника канцеляріи; съ Шведской стороны были назначены графъ Лиліенштетъ и баронъ Штремфельдъ [183]. Между тѣмъ въ февралѣ 1721 года пріѣхалъ въ Петербургъ полномочный Французскій министръ Кампредонъ, прежде бывшій въ Стокгольмѣ, пріѣхалъ скрѣпить дружду между Россіею и Франціею и содѣйствовать примиренію Россіи съ Швеціею. Въ конференціи, бывшей 21 февраля, русскіе министры объявили Кампредону, что царское величество уже объявилъ регенту о своихъ условіяхъ, убавить изъ нихъ ничего не можетъ, и если у него, Кампредона, есть указъ трактовать на этихъ условіяхъ, то государь укажетъ вступить въ переговоры. — «Если эти условія составляютъ ультиматумъ, отвѣчалъ Кампредонъ, то посредничество невозможно, посредничество состоитъ въ томъ, чтобъ сближать обѣ стороны взаимными уступками.» Русскіе министры сказали на это, что царское величество уступаетъ Швеціи цѣлое великое княжество Финляндское, другаго же уступить нельзя и не для чего, потому что царское величество въ прежнемъ благополучіи, а Шведамъ надежды имѣть, кажется, не на что, и передъ прежнимъ ихъ состояніе не лучше стало. 28 февраля Кампредонъ былъ на партикулярной аудіенціи у царя и просилъ позволенія ѣхать въ Швецію, чтобъ склонять короля къ миру представленіемъ о силахъ Россіи, о невозможности для Швеціи бороться съ нею; просилъ также позволенія объявить Шведамъ, въ утѣшеніе имъ, что за уступленныя земли царь согласенъ дать имъ нѣкоторое вознагражденіе; наконецъ просилъ позволенія объявить, что уступленныя Швеціею провинціи останутся за Россіею, не будутъ переданы никому другому (конечно разумѣя здѣсь герцога Голштинскаго). Царь согласился и Кампредонъ отправился въ Швецію [184]. Русскіе министры пріѣхали въ Ништадтъ 28 апрѣля 1721

года и застали уже тамъ Шведскихъ уполномоченныхъ. Послѣдніе начали дѣло требованіемъ, чтобъ имъ сообщены были условія, на какихъ царь желаетъ заключить миръ. Имъ отвѣчали, что условія были объявлены на Аландскомъ конгрессѣ и потомъ сообщены Шведскому правительству Французскимъ посланникомъ Кампредономъ. «Объ Аландскихъ условіяхъ теперь нечего думать, сказали Шведы: въ то время Швеція имѣла четверыхъ непріятелей, изъ которыхъ съ Датскимъ и Прусскимъ королемъ миръ заключила, съ Польскимъ, надобно надѣяться, также скоро помирится, а король Англійскій, какъ всѣмъ извѣстно, теперь союзникъ Швеціи, на помощь котораго она всегда надѣется; теперь эту помощь для наступательной войны Швеція не приняла, желая скорѣйшаго заключенія мира.» Брюсъ отвѣчалъ: «Царское величество когда былъ въ союзѣ съ упомянутыми королями, почти никакой отъ нихъ помощи не имѣлъ; отъ Англичанъ Швеція никакой помощи не получитъ, какъ видно изъ примѣра прошлаго года, и царское величество всегда въ состояніи противъ враговъ своихъ одинъ войну вести.»—«Мы думаемъ, сказали Шведы, что царское величество желаетъ удержать за собою Лифляндію и Выборгъ; но если они останутся за Россіею, то мы всѣ въ Швеціи должны будемъ въ отчаяніи и безо всякаго довольства помереть, и скорѣе согласимся дать обрубить себѣ руки, чѣмъ подписать такой мирный договоръ.»—«Безъ Лифляндіи и Выборга царское величество мира не заключитъ, а Швеціи будетъ довольно получить опять Финляндію,» отвѣчалъ Брюсъ.—«На Аландскомъ конгрессѣ было предложено оставить Лифляндію за Россіею только на время,» замѣтили Шведы.—«Это предложеніе было сдѣлано тогда, чтобъ помѣшать заключенію мира у Швеціи съ Англіею,» отвѣчалъ Брюсъ.

Англійскій флотъ опять явился въ Балтійскомъ морѣ, и опять не помѣшалъ генералу Ласси съ 5,000 войска высадиться на Шведскіе берега и опустошить ихъ, сжечь три городка, 19 приходовъ, 79 мызъ, 506 деревень съ 4,159 крестьянскими дворами. Въ Ништадтѣ Шведскіе уполномоченные становились все сговорчивѣе. Они сильно стояли только за Выборгъ; а изъ Лифляндіи требовали хотя Пернау и острова Эзеля.—«Выкиньте это изъ головы, отвѣчалъ имъ Брюсъ: Пернау принадлежитъ къ Лифляндіи, гдѣ намъ сосѣда имѣть вовсе не нужно; а Выборга отдать вамъ не-

льзя.»—«Мы уступимъ всю Лифляндію; продолжали Шведы, только на двухъ условіяхъ: чтобъ царское величество заплатилъ намъ за нее секретно извѣстную сумму денегъ, да чтобъ не вмѣшивался въ дѣло герцога Голштинскаго: мы сами и многіе другіе у насъ къ его сторонѣ склонны; но теперь, въ слѣдствіе присяги всего государства, ничего въ пользу его сдѣлать нельзя. Послѣ нынѣшняго короля герцогъ имѣетъ несомнѣнное право на Шведскую корону и получить можетъ, потому что кромѣ него нѣтъ никого на линіи; только онъ можетъ получить корону по волѣ государственныхъ чиновъ, а не насиліемъ. Да просимъ, чтобъ царское величество не посылалъ теперь войскъ своихъ въ Швецію для ея разоренія, потому что отъ этого будетъ большое препятствіе здѣшнему нашему дѣлу; и Аландскій конгрессъ прекратился отъ того же.»—«Если царское величество, отвѣчалъ Брюсъ, пошлетъ свое войско въ Швецію, то отъ этого здѣшнему дѣлу никакого препятствія не будетъ, а еще скорѣе миръ будетъ заключенъ.»

Соглашаясь на уступку Лифляндіи, Шведы продолжали стоять за Выборгъ: «Этотъ городъ ключь Финляндіи, говорили они: если онъ останется за Россіею, то вся Финляндія всегда будетъ въ волѣ царскаго величества. Мы готовы дать всякое ручательство въ безопасности Россіи со стороны Выборга, обяжемся не держать болѣе 400 человѣкъ гарнизона, выхлопочемъ гарантіи другихъ державъ, но города уступить не можемъ». Наконецъ Шведы уступили и Выборгъ, спорили только объ округѣ его [185].

Шведы уступали Лифляндію подъ условіемъ, чтобъ царь не вмѣшивался въ дѣло герцога Голштинскаго. Мы видѣли старанія герцога и его министровъ въ Вѣнѣ сблизиться съ Русскимъ дворомъ и заставить царя принять къ сердцу интересъ герцога предложеніемъ брачнаго союза между нимъ и царевною Анною. На донесенія Ягужинскаго объ этомъ дѣлѣ Петръ писалъ: «На предложеніе сего герцога о супружествѣ съ старшею царевною отвѣтствовать не могу нынѣ двухъ ради причинъ: первое, еще не знаемъ, что въ нынѣшнихъ непрестанныхъ отмѣнахъ послѣдовать можетъ; другое, что его самого не знаемъ, а надобно, чтобы онъ самъ ко двору моему пріѣхалъ, а сіе для него полезно будетъ и потому, понеже нынѣ въ Швеціи его партія паки стала усиливаться.» Въ другомъ письмѣ къ Ягужинскому Петръ имѣлъ

неосторожность написать, что не заключитъ мира съ Швеціею пока не сдѣлаетъ герцога наслѣдникомъ, въ чемъ готовъ и письменно обязаться. Въ Петербургѣ объ интересахъ герцога хлопоталъ извѣстный намъ Штамкенъ въ званіи посланника Голштинскаго, но на всѣ свои представленія получалъ неопредѣленные отвѣты въ такомъ родѣ: «Царское величество радостнаго отмѣненія въ дѣлахъ герцога и постояннаго благоповеденія охотно желаетъ, и что его царскому величеству зѣло пріятно будетъ, когда онъ добрыми своими оффиціями при являющихся случаяхъ къ споспѣшествованію его королевскаго высочества блага и интереса способствовать можетъ; его царское величество отъ господина посланника милостиво желаетъ, дабы онъ, его королевское высочество о семъ и о имѣющей къ нему его царскаго величества доброй дружбѣ и склонности наилучшимъ образомъ обнадежилъ.» Въ концѣ сентября 1720 года Штамкенъ подалъ промеморію: «Его королевское высочество желаетъ и царское величество въ служебной преданности проситъ, чтобъ въ предбудущій миръ между Россіею и Швеціею его королевское высочество такимъ образомъ включенъ былъ, чтобъ наслѣдіе Шведскаго государства ему и его потомству опредѣлено и въ своей силѣ содержано было.» Шафировъ отвѣчалъ: «Царское величество сомнѣнія не имѣлъ его королевскаго высочества благоосновательное право къ Шведской коронѣ, даннымъ уже титуломъ *королевскаго* высочества признать; также изъ праволюбія весьма склоненъ его королевскому высочеству въ томъ, какъ то только учинено быть можетъ, болѣе помогать, и объявить велѣлъ, что онъ не только при учиненіи мира съ Швеціею сколько возможно за его королевское высочество интересоваться будетъ, но и въ продолженіе войны (такъ какъ миръ еще далеко отстоитъ) изволитъ все учинить къ его королевскаго высочества пользѣ; пусть его высочество только объявитъ, какъ при будущихъ военныхъ операціяхъ наилучшимъ образомъ ему можетъ быть услужено.»

12 декабря 1720 года призванъ былъ къ царскому величеству въ зимній старый домъ Голштинскій посланникъ Штамкенъ, и подканцлеръ объявилъ ему о сообщеніи генерала Кришпина князю Василью Лукичу Долгорукому въ Копенгагенѣ, что онъ Кришпинъ имѣетъ порученіе отъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ Шведскихъ сенаторовъ заѣхать къ герцогу Голштинскому въ Бреславль, объ-

явить ему о ихъ склонности къ нему, о неудовольствіи ихъ на короля, и пусть онъ герцогъ старается объ усиленіи своей партіи въ Швеціи.—Штамкенъ отвѣчалъ, что и онъ получилъ отъ своего двора извѣстіе, что въ Швеціи хотятъ заставить короля объявить наслѣдникомъ герцога Голштинскаго; Англичане же и Датчане всѣми способами стараются отводить герцога отъ царскаго величества. Царь объявилъ ему на это, что всѣ Датскія и Англійскія интриги и ласкательства клонятся къ одному—отвесть герцога отъ Россіи и потомъ провесть; никто не имѣетъ такихъ средствъ и такихъ причинъ помогать герцогу, какъ Россія: ибо какъ можетъ ему помочь Датскій король противъ Швеціи, съ которою онъ только что получилъ миръ, и, съ обидою герцога, выговорилъ себѣ у Швеціи и Англіи Шлезвигъ, и какая сила одного Датскаго короля противъ Швеціи? А Ганноверцы стараются только о своемъ интересѣ, чтобъ удержать за собою Бременъ и Верденъ.—«Я, говорилъ царь, герцогу къ полученію въ Швеціи сукцессіи, также и въ прочемъ, всѣми силами помогать буду, и если герцогъ сюда въ Петербургъ пріѣхать изволитъ, то мнѣ будетъ легче показать это на самомъ дѣлѣ, потому что я съ Швеціею въ войнѣ и сильно вооружаюсь къ будущей веснѣ: такъ герцогову интересу очень можетъ помочь, когда въ Швеціи узнаютъ, что онъ имѣетъ такую сильную помощь.»

Какъ только подулъ попутный вѣтеръ, Штамкенъ выплылъ съ разсужденіемъ: заключенію мира между Россіею и Швеціею главнымъ препятствіемъ служатъ Лифляндія и Эстляндія. Шведы думаютъ, что они безъ этихъ провинцій и Ревельской гавани пробыть не могутъ, а царское величество не хочетъ уступить этихъ провинцій, чтобъ быть спокойнымъ въ новомъ утвержденіи своемъ на Балтійскомъ морѣ: и для того предается въ разсужденіе, не можетъ ли царскому величеству пріятный способъ быть, когда герцогъ Голштинскій приведенъ будетъ въ посредство. Этому государю въ Швеціи хотя и неправда учинена, что на его наслѣдственное право не обращено вниманія, однако право, на время пріостановленное насиліемъ, не уничтожается. Дабы его царское величество могъ имѣть совершенное довѣріе къ герцогу, для этого за основаніе постановляется супружество между герцогомъ и старшею дочерью царскаго величества. Для вспоможенія такому супружескому союзу царскому величеству не трудно

будетъ Лифляндію и Эстляндію уступить зятю своему герцогу въ *суверенную* и наслѣдственную собственность. Никто этому не можетъ прекословить, потому что провинціи уступаются законному наслѣднику Шведскаго государства, и эта уступка будетъ приписана особенной умѣренности царскаго величества. Извѣстно, что герцогъ имѣетъ въ Швеціи друзей и приверженцевъ, хотя они до сего времени лица показать не смѣютъ; когда же герцогъ сдѣлается владѣтелемъ Лифляндіи и Эстляндіи, то, можетъ быть, мнѣніе въ Швеціи измѣнится и друзья герцога громче говорить и явственнѣе показываться станутъ. У чужихъ державъ отнимется предлогъ противиться возрастающей силѣ Россіи на Балтійскомъ морѣ. Когда герцогъ вступитъ на Шведскій престолъ, Россія и Швеція соединятся самымъ крѣпкимъ союзомъ, слѣдствіемъ котораго будетъ почтеніе Европы. Выгодное положеніе герцоговыхъ Готторпскихъ земель не можетъ быть оставлено безъ вниманія въ отношеніи торговомъ.

16 генваря 1721 года царь написалъ герцогу: «Свѣтлѣйшій герцогъ, дружебнолюбезнѣйшій племянникъ! Мы какъ чрезъ вашего министра, при насъ пребывающаго Штамкена, такъ и чрезъ нашего въ Вѣнѣ обрѣтающагося дѣйствительнаго камергера Ягужинскаго о нашемъ къ вашему высочеству и любви имѣющемъ истинномъ и благосклонномъ намѣреніи васъ обстоятельно уже увѣдомили, и при томъ и то объявить велѣли, что вашего высочества и любви скорѣйшій пріѣздъ сюды не токмо намъ весьма пріятенъ, но и къ споспѣшествованію собственныхъ вашихъ интересовъ весьма потребенъ будетъ. Мы вашему высочеству и любви чрезъ сіе паки о томъ засвидѣтельствовать и притомъ васъ обнадежить восхотѣли, что мы къ вамъ и вашимъ интересамъ благосклонное намѣреніе имѣемъ, и ежели вашему высочеству и любви угодно намъ удовольство показать васъ здѣсь у насъ видѣть, то мы случай имѣть будемъ вамъ вящіе опыты въ томъ подать и съ вашимъ высочествомъ и любовью все то концертовать, что къ вашимъ интересамъ и къ общему обѣихъ сторонъ благу полезно быть можетъ, понеже то чрезъ пространныя негоціаціи и чрезъ многія переписки учинено быть не можетъ, и токмо много времени всуе препровождаетъ.»

Герцогъ принялъ предложеніе и 27 іюня, въ день празднованія преславной викторіи въѣхалъ въ Петербургъ. О пріемѣ, ему

сдѣланномъ, приведемъ слова Бассевича, не отвѣчая за ихъ достовѣрность: «Какъ ни дружественъ и ни великолѣпенъ былъ пріемъ, сдѣланный герцогу царемъ, но для него пріемъ этотъ получилъ еще особенную цѣну по тому расположенію, которое высказала ему царица. Вполнѣ увѣренная въ своемъ величіи, она, не боясь уронить себя, въ присутствіи герцогини Курляндской, сказала угнетенному принцу, что одушевленная сознаніемъ долга, внушаемаго ей высотою положенія, она принимаетъ живое участіе въ интересахъ герцога, и что для нея, супруги величайшаго изъ смертныхъ, небо прибавило бы еще славы, даруя ей въ зятья того, котораго она была бы подданною, еслибъ счастіе не измѣнило Швеціи, и еслибъ Швеція не нарушила присяги, данной ею дому великаго Густава. Слова эти заставили проливать слезы всѣхъ присутствовавшихъ: такъ трогательно умѣла говорить эта государыня. Еслибъ дѣло зависѣло отъ нея, ничто не было бы упущено, чтобъ безъ промедленія возстановить Карла Фридриха въ его правахъ. Но хотя вліяніе ея на душу великаго царя могло сдѣлать много, однако не все. Она была его второю страстью, государство—первою, и поэтому всегда благоразумно уступала мѣсто тому, что должно было предшествовать ей [186].»

Оказывалось, что интересъ государства, главной страсти Петра, требовалъ не вмѣшивать Голштинскаго дѣла въ мирные переговоры со Швеціею.

Брюсъ и Остерманъ прислали свое разсужденіе о Шведскомъ состояніи: «Шведское государство, какъ по внѣшнему, такъ и по внутреннему состоянію своему, принуждено искать мира съ царскимъ величествомъ. Единственная надежда для Швеціи была на помощь Англійскую, да на субсидіи Ганноверскія и Французскія; но у этихъ державъ, кромѣ Шведскихъ, своихъ домашнихъ дѣлъ довольно. Въ Швеціи находятся три партіи: 1) королевская; 2) тѣхъ, которые хотятъ поддерживать нынѣшнее правительство; 3) партія герцога Голштинскаго; но при этомъ должно замѣтить, что люди, склонные къ герцогу Голштинскому, хотятъ свою вольность и нынѣшнюю конституцію сохранить. Король хочетъ престолонаслѣдіе перенести въ Кассельскій домъ; Шведскіе уполномоченные прямо намъ объявляютъ, что они знаютъ объ этомъ намѣреніи короля, но никогда до его исполненія не допустятъ. Королевскому намѣренію никто такъ не мѣшаетъ, какъ герцогъ

Голштинскій, и король спѣшитъ заключеніемъ мира съ Россіею, чтобъ царское величество не вступилъ съ герцогомъ Голштинскимъ въ обязательство. Приверженцы нынѣшняго правительства не меньше короля желаютъ мира, боясь, чтобъ король, во время войны, не нашелъ средствъ осуществить свое намѣреніе, и чтобъ государство не подверглось бо́льшому несчастію, если Россія вступится за герцога Голштинскаго. Партія Голштинская съ ними во всемъ согласна. И такъ можно сказать, что требованіе герцога Голштинскаго при дворѣ царскаго величества служитъ для Шведовъ не малымъ побужденіемъ къ миру; но при его заключеніи всѣ хотятъ постановить, чтобъ царское величество не вступался въ домашнее дѣло Швеціи, и не думаемъ, чтобъ отъ этого условія отстали: это фундаментъ мирнаго договора. Другой главный пунктъ состоитъ въ томъ, чтобъ имѣнія въ уступленныхъ областяхъ были возвращены прежнимъ владѣльцамъ, потому что въ числѣ Шведскаго дворянства очень много Лифляндцевъ и Эстляндцевъ, которымъ въ Швеціи нечѣмъ кормиться, и хотятъ получить насущный хлѣбъ чрезъ возвращеніе своихъ имѣній посредствомъ мира.»

Уже наступилъ іюль мѣсяцъ. Шведскіе уполномоченные предложили заключить сперва прелиминарный трактатъ съ обезпеченіемъ главныхъ условій, а потомъ разсуждать о подробностяхъ въ продолженіи шести недѣль. Когда Брюсъ и Остерманъ дали объ этомъ знать въ Петербургъ, то Петръ отвѣчалъ: «На то соизволить намъ невозможно, ибо не можемъ оной причины въ томъ признать, кромѣ того, чтобъ имъ время, а потомъ, по конъюнктурамъ смотря, главный трактатъ разными затрудненіями и кондиціями вымышленными вдаль проволочь и поискивать изъ того какой себѣ пользы. Но если они истинное намѣреніе имѣютъ, то могутъ и безъ того во время двухъ или трехъ недѣль и главный трактатъ съ нами заключить, понеже уже въ семъ трактатѣ, который нынѣ прелиминарнымъ хотятъ учинить, всѣ главныя дѣла опредѣляются, и въ другомъ, кромѣ нѣкоторыхъ церемоній и гарантій, не знаемъ, чтобъ могло присовокуплено быть. И тако вамъ на томъ стоять, чтобъ главный трактатъ нынѣ заключить, къ чему можете имъ двѣ или три недѣли сроку дать. Но ежели они будутъ требовать того для опасности отъ нашихъ воинскихъ дѣйствій, и ради опасаемаго нѣкотораго обязательства съ герцогомъ

Голштинскимъ, то можете развѣ вмѣсто прелиминарнаго трактата на то позволить, чтобъ главные пункты написаны были и отъ васъ съ обѣихъ сторонъ состоявшіеся подписаны и размѣнены съ заключеніемъ такимъ, что на сіи главные пункты съ обѣихъ сторонъ соизволено и соглашенось, и что онымъ такимъ образомъ быть внесеннымъ въ главный трактатъ безпрекословно, и что и прочіе пункты главнаго трактата имѣютъ быть окончены и весь трактатъ постановленъ въ опредѣленный срокъ, а именно въ двѣ или три недѣли, а по высшей мѣрѣ и въ мѣсяцъ; и когда тако сіи пункты между вами размѣнены будутъ, то при томъ можете имъ обѣщать и постановить, что всѣ воинскія дѣйства съ обѣихъ сторонъ престать имѣютъ и до совершенія главнаго мирнаго трактата сей армистиціумъ содержанъ быть имѣетъ, и въ такомъ случаѣ имѣете писать къ генераламъ нашимъ, которые указъ имѣть будутъ отъ всякихъ воинскихъ дѣйствъ тогда удержаться; а ежели съ Шведской стороны будутъ требовать больше къ тому времени, то можно будетъ признать, что они то чинятъ, дабы провесть сію кампанію безъ дѣйства, на что намъ позволить невозможно.»

Шведы согласились оставить прелиминарный договоръ; но дѣло тянулось за спорами о Финляндскихъ границахъ, о герцогѣ Голштинскомъ, о включеніи въ договоръ короля Англійскаго какъ курфюрста Ганноверскаго, чего требовали Шведы, и чего не хотѣли Русскіе, о включеніи въ договоръ короля и рѣчи посполитой Польской, чего требовали Русскіе, и на что не соглашались Шведы. О герцогѣ Голштинскомъ Петръ написалъ своимъ уполномоченнымъ: «Понеже герцогъ Голштинской насъ просилъ и министры его, бывъ съ нашими министры въ конференціи, то прошеніе подтвердили, чтобъ о его интересѣ еще покрѣпче говорить, объявляя изъ Швеціи отъ своихъ склонныхъ (приверженцевъ) письма, что ежели на томъ стоять будемъ, то будто на то позволятъ, и они въ то дѣло крѣпко вступить поводъ имѣть будутъ: того ради можете еще о томъ приложить стараніе и показать всѣ резоны о сукцессіи его герцоговой, о которыхъ Голштинскіе министры нашимъ министрамъ объявили; но буде весьма на то не склонятся, то по соглашеніи о всѣхъ прочихъ нашихъ кондиціяхъ, можете напослѣдокъ отъ того отступить, дабы сіе дѣло нашему дѣлу не могло *шкоды* (вреда) нанесть. Однакожь понеже король (Шведскій) самъ деклароваль, что и онъ не мо-

жетъ о сукцессіи прежде времени и ваканціи трона упоминать, то потрудитесь тотъ пунктъ въ такомъ случаѣ тако изобразить, дабы и ему тѣмъ ко исканію дому своему сукцессіи путь былъ пресѣченъ [187].»

Пока тянутся переговоры въ Ништадтѣ, посмотримъ, что дѣлалось въ другихъ странахъ, при другихъ дворахъ, наиболѣе заинтересованныхъ ходомъ этихъ переговоровъ. Еще въ апрѣлѣ князь Куракинъ изъ Гаги сообщилъ царю извѣстіе о письмѣ короля Англійскаго къ Шведскому. Георгъ писалъ, что флотъ Англійскій, по обѣщанію, готовъ выступить въ Балтійское море, но просилъ Шведскаго короля взять въ соображеніе положеніе дѣлъ въ Европѣ и какимъ бы то ни было образомъ заключить миръ съ Россіею, потому что Англія болѣе не можетъ тратить такъ много денегъ на высылку эскадръ; нынѣшнее отправленіе эскадры стоило 600,000 фунтовъ, и адмиралъ Норрисъ, по состоянію своего флота, можетъ только прикрыть Швецію отъ непріятельскаго нападенія. Въ королевскомъ совѣтѣ только однимъ голосомъ взяло верхъ мнѣніе тѣхъ, которые настаивали на необходимость отправленія Норриса, чтобъ не подвергнуть Швецію крайнему разоренію отъ Русскихъ войскъ. Въ іюлѣ Куракинъ далъ знать, что Англійскій посланникъ при Прусскомъ дворѣ, Витвортъ, проѣздомъ изъ Берлина, былъ у него и увѣдомилъ, что прелиминарный мирный договоръ скоро долженъ быть заключенъ между Россіею и Швеціею, и правительство послѣдней рѣшилось, во что бы то ни стало, кончить войну. При этомъ Витвортъ говорилъ, что миромъ съ Швеціею должны прекратиться и всѣ несогласія царскаго величества съ Англійскимъ дворомъ; что онъ, Витвортъ, помня всѣ милости царя къ себѣ, ничего такъ не желаетъ, какъ видѣть доброе согласіе между царемъ и королемъ Георгомъ, потому что первое основаніе дружбы между Россіею и Великобританіею положено имъ, Витвортомъ, въ бытность его при дворѣ царскомъ; и теперь желаетъ онъ приложить всѣ свои старанія къ возстановленію добраго согласія между обѣими державами, чтобъ съ обѣихъ сторонъ преданы были забвенію всѣ бывшія неудовольствія, которыя не такъ сильны, чтобъ вести къ вѣчной или продолжительной враждѣ. Война сѣверная почти уже кончилась и взаимный интересъ обѣихъ державъ требуетъ возстановленія дружественныхъ отношеній, какъ для торговли, такъ

и для другихъ дѣлъ. Витвортъ просилъ о всѣхъ этихъ добрыхъ намѣреніяхъ донести царскому величеству. Куракинъ спросилъ, говорилъ ли онъ все это по указу отъ двора своего, или самъ собою? Витвортъ отвѣчалъ, что хотя указа у него и нѣтъ, но онъ знаетъ, что двору его это будетъ пріятно; теперь онъ ѣдетъ въ Спа на воды и между тѣмъ будетъ хлопотать чрезъ своихъ пріятелей при дворѣ о сближеніи Англіи съ Россіею [188].

Въ Вѣнѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1721 года, Ягужинскій объявилъ графу Шёнборну, что Французскій дворъ предложилъ свое посредничество въ примиреніи Россіи съ Швеціею и царь принялъ предложеніе. Шёнборнъ отвѣчалъ, что цесарь теперь съ Франціею въ мирѣ и доброй дружбѣ, и ему не будетъ противно, если царь, при его посредничествѣ, приметъ и Французское, только необходимо отправить уполномоченныхъ на Брауншвейгскій конгрессъ. Но ударъ былъ впереди: Ягужинскій объявилъ, что уже положено съѣхаться Русскимъ уполномоченнымъ съ Шведскими въ Финляндіи. «Мы очень благодарны за это сообщеніе, отвѣчалъ Шёнборнъ: естественно всякому государю желать мира и принимать всякія предложенія, которыя къ тому клонятся; мы просимъ объ одномъ: если на съѣздѣ дѣло станетъ улаживаться, то царское величество изволилъ бы сообщить объ этомъ заранѣе здѣшнему двору, чтобъ императорскіе министры по напрасну въ Брауншвейгѣ не ждали, отъ чего цесарю было бы не безъ стыда.» Потомъ Шёнборнъ распространился о склонности цесаря къ дружбѣ съ царемъ и объ особенномъ великомъ уваженіи къ его особѣ; доказательствомъ служитъ то, что сколько враги царскіе не трудились возбудить цесаря противъ Россіи, всѣ старанія ихъ остались напрасными, ибо цесарь принялъ себѣ за правило, что съ царскимъ величествомъ ему дѣлить нечего и враждовать не за что. Потомъ Шёнборнъ сталъ превозносить выгоды, которыя проистекутъ для обоихъ государствъ отъ усиленной торговли между ихъ подданными; наконецъ сказалъ: если между ихъ величествами утвердится дружба, то многихъ чрезъ это можно будетъ держать въ респектѣ и гордость ихъ укротить: ибо кто тогда осмѣлится напасть на оба союзные высочайшіе дома?

Съ этимъ Ягужинскій и уѣхалъ изъ Вѣны, гдѣ остался резидентъ камеръ-юнкеръ Людовикъ Ланчинскій. 29 марта Ланчинскій писалъ: «Теперь здѣсь страстная недѣля, всѣ молятся кро-

мѣ Англійскихъ министровъ, которые никогда не празднуютъ, а все лживые вымыслы разсѣеваютъ, стараются пускать слухи, которые хотя бы на два или на три дня произвели непріятное въ отношеніи къ Россіи впечатлѣніе. Не удалось увѣрить, что Турки хотятъ начинать войну: теперь поднимаютъ старое, будто Ягужинскій пріѣзжалъ только для вида, безъ прямаго намѣренія утвердить дружбу съ цесаремъ, но для отведенія его отъ соглашенія съ Англійскимъ королемъ, что царское величество и не думаетъ мириться съ Швеціею чрезъ медіацію цесарскую, и что финляндскіе переговоры приходятъ уже къ окончанію.» Но при этомъ резидентъ доносилъ, что Англійская партія упала въ Вѣнѣ, изъ министровъ ея держится только одинъ графъ Цинцендорфъ. По отзыву вліятельныхъ лицъ пріѣздъ Ягужинскаго былъ полезенъ императорскому правительству въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, Англійскій посланникъ удержался отъ наглыхъ поступковъ и принужденъ былъ отправиться изъ Вѣны съ одними праздными обѣщаніями инвеституръ для своего короля на Бременъ и Верденъ, и злобу свою при этомъ выказать побоялся, чтобъ не ускорить сближенія Австріи съ Россіею; когда протестантамъ сообщенъ былъ сильный и непріятный для нихъ рескриптъ императорскій, то они объявили, что будутъ дожидаться спокойно обѣщанной имъ управы именно въ томъ предположеніи, что цесарскій дворъ употребилъ въ рескриптѣ высокій цесарскій стиль, надѣясь на дружбу съ царемъ.

Англійскій посланникъ продолжалъ пугать Австрійскихъ министровъ извѣстіями о замыслахъ царя, о высадкѣ Русскихъ войскъ въ Шведскую Померанію. Между тѣмъ царь, узнавъ о неудовольствіи императора на Англію и не предвидя еще скораго и благопріятнаго конца Ништадтскихъ переговоровъ, велѣлъ Ланчинскому объявить въ Вѣнѣ, что графъ Александръ Головкинъ отправляется уполномоченнымъ на Брауншвейгскій конгрессъ. Тогда Англійскій и Ганноверскій посланники стали внушать, что Головкинъ отправляется въ Брауншвейгъ только для виду и будетъ тамъ только излегка трактовать, что царь возобновилъ сношеніе съ Испаніею и непремѣнно двинетъ свои войска въ имперію, при чемъ на Пруссію надѣяться нечего. Внушенія дѣйствовали; Австрійскіе министры были въ большомъ раздумьи; безпокоило ихъ и то, что на Брауншвейгскій конгрессъ отправляется съ Русской

стороны одинъ только уполномоченный графъ Головкинъ, тогда какъ прежде говорилось и о князѣ Куракинѣ: въ Брауншвейгъ ѣдетъ одинъ, а въ Ништадтѣ двое! Отъ 31 мая Ланчинскій доносилъ: «Отправленіе графа Головкина въ Брауншвейгъ не произвело здѣсь сильнаго впечатлѣнія: ждали этого съ великимъ нетерпѣніемъ, а когда сдѣлалось, то относятся очень равнодушно. Недавно еще о дѣлахъ вашего величества разсуждали какъ о собственныхъ съ доброжелательствомъ, о пользахъ Русскаго союза съ радостію разговоръ вели, на Англійскую партію нападали, а теперь на вопросъ короткимъ словомъ отрывисто отвѣчаютъ. Одинъ министръ недавно сказалъ: «На Русскую дружбу надѣяться нельзя, потому что есть у нихъ какое-нибудь скрытное намѣреніе.» Ланчинскій началъ доискиваться причины охлажденія, и узналъ: изъ Стокгольма получено письмо, что у Россіи съ Швеціею заключены прелиминарныя статьи на основаніи кампредоновыхъ предложеній. Ланчинскій поѣхалъ для объясненій къ графу Шёнборну, и тотъ говорилъ ему съ жаромъ: «Пусть дворъ царскаго величества разсмотритъ дружбу къ себѣ и поступки другихъ государствъ и сравнитъ наше поведеніе, которое всегда основаніемъ имѣетъ честность; изъ за этой честности Австрійскій домъ часто терпѣлъ вредъ, но никогда отъ нея не отступаетъ. Мирные переговоры у васъ во многихъ мѣстахъ начинались, но нигдѣ не удалось мира заключить: по этому попробуйте и насъ хотя однажды въ Брауншвейгѣ, и посмотрите, доброжелательно ли будемъ къ вамъ поступать? если недоброжелательно, то принимайте всякія мѣры къ вашей пользѣ.»

Пришло извѣстіе, что графъ Головкинъ, оскорбленный неучтивостію Шведскаго уполномоченнаго, выѣхалъ изъ Брауншвейга. Пошли новые толки. Австрійскіе министры говорили Ланчинскому: «Трудно понять, чтобъ графъ Головкинъ самъ собою, безъ указа оставилъ конгрессъ; скорѣе онъ присланъ въ Брауншвейгъ для соблюденія формы, имѣя указъ искать предлога для скорѣйшаго отъѣзда; но нельзя надивиться, какъ дворъ царскаго величества, оставя цесарское прямодушіе, можетъ имѣть довѣренность къ лукавымъ и враждебнымъ предложеніямъ самаго злаго врага царскаго, короля Англійскаго? Кто устроилъ Ништадтскій конгрессъ! Регентъ Французскій; а регентъ кто? вассалъ Англійскій. Въ томъ и затаено лукавство вашихъ враговъ, что

вдругъ рѣшили во всемъ исполнить желанія царскаго величества. Но надолго ли этотъ бумажный миръ станетъ? и кто его будетъ гарантировать? Можетъ ли царское величество положиться на гарантію Англійскаго короля, который, еслибъ можно, весь свѣтъ поднялъ бы противъ царя, намъ самимъ предлагалъ субсидіи на 40,000 войска, чтобъ только заставить насъ дѣйствовать противъ Россіи. Можетъ быть, Французская гарантія обѣщается? Но можно ли повѣрить, чтобъ Франція, особенно теперь, когда приближается совершеннолѣтіе молодаго короля, покинула искони союзную и основными интересами съ собою связанную Швецію? Прочіе сообщники Англіи не по ея ли нотамъ поютъ? Не великая штука получить; но надобно укрѣпить на будущее время! Всѣ тѣ державы, которыя вамъ мнимыя выгоды доставляютъ, въ тоже время уже въ запасъ здѣсь намъ о многихъ противныхъ намѣреніяхъ вашихъ внушаютъ. А когда у васъ миръ съ Швеціею состоится, то тѣже Англичане и ихъ сообщники намъ станутъ говорить: развѣ несправедливы были наши внушенія, что царь не намѣренъ вести переговоры въ Брауншвейгѣ, и на другіе каналы надѣется? Нашъ дворъ увидитъ, какъ вы безъ всякой нужды домогались отъ насъ безпристрастнаго посредничества, и конгрессъ нашъ продолженъ на посмѣшище! Потомъ Англичане по степенямъ будутъ трудиться и то доказать, что присылки Вейсбаха и Ягужинскаго были только для вида, чтобъ позабавить насъ, и что царь съ цесаремъ въ доброй дружбѣ быть не желаетъ; наконецъ, отыскавъ какой-нибудь предлогъ, будутъ стараться привести насъ съ собою въ соглашеніе, если возстановленный вашъ кредитъ снова поврежденъ будетъ. На долго ли Шведы хотятъ съ вами мириться—это легко вамъ подвергнуть повѣркѣ: предложите имъ необходимое условіе (conditio sine qua non), чтобъ мирный договоръ былъ подтвержденъ генеральнымъ трактатомъ въ Брауншвейгѣ и былъ гарантированъ цесаремъ: увидите, какъ Шведскіе министры будутъ переминаться и ни за что на это не согласятся. Англійскій посланникъ недавно здѣсь передъ своею шайкою хвалился, что онъ еще прошлаго года послалъ королю своему проектъ, что надобно царю на время все уступить, дабы спасти Швецію отъ крайняго разоренія, и что это единственный способъ скоро все возвратить, лишь бы умѣючи поступить.» Слухи о большихъ уступкахъ, дѣлаемыхъ Швеціею Россіи тревожилъ

Австрійскій дворъ: это дѣлается не даромъ, хотятъ, съ помощію Россіи, утвердить Гессенскую династію на Шведскомъ престолѣ, а Гессенскій домъ противенъ Австріи по его зависимости отъ Франціи. Поэтому въ Вѣнѣ предъ Ланчинскимъ начали изъявлять сожалѣніе, что герцогъ Голштинскій безъ нужды оставленъ; еслибъ царь велѣлъ объявить необходимымъ условіемъ признаніе герцога наслѣдникомъ, то Швеція, будучи въ крайнемъ упадкѣ, не порвала бы отъ этого переговоровъ, и сенатъ могъ бы принудить короля оставить свои частные интересы; сенатъ не весь Французскими деньгами закупленъ, и изъ тѣхъ, которые эти деньги брали, есть приверженцы герцога Голштинскаго; партія Гессенская взяла силу не отъ чего инаго, какъ отъ успѣха въ переговорахъ, а король Фридрихъ народомъ нелюбимъ, ибо только наружно лютеранинъ, а въ сердцѣ кальвинистъ. По крайней мѣрѣ надобно было внести условіе, что интересы герцога Голштинскаго въ цѣлости отлагаются до Брауншвейгскаго конгресса.

Чѣмъ сильнѣе становились слухи о скоромъ и выгодномъ для Россіи окончаніи Ништадтскихъ переговоровъ, тѣмъ сильнѣе со стороны Австрійскихъ министровъ становились заявленія о желаніи дружбы и союза съ царскимъ величествомъ. Ланчинскій доносилъ: «Видя, что Ништадтское дѣло разрушить трудно, объявляютъ, что и безъ конгресса друзьями быть могутъ и къ союзу готовы, дабы, озлобя Англичанъ, вмѣстѣ не потерять и дружбы вашего величества; но при этомъ все сомнѣваются, нѣтъ ли сверхъ партикулярнаго мира какой другой мистеріи въ Ништадтскомъ трактатѣ?» Шёнборнъ говорилъ Ланчинскому: «Никакіе государи такого добраго дѣла устроить не могутъ, какъ царь и цесарь, къ пользѣ и тишинѣ всего христіанства. Когда эти два монарха соединятся, то никто на нихъ не посягнетъ, и будетъ въ Европѣ напрасныхъ войнъ поменьше. Интересы обоихъ сходны, особенно противъ Турокъ. Хотя было мнѣніе, будто мы королю Польскому хотимъ помогать въ полученіи неограниченной власти, но оно не имѣло никакого основанія, ибо какъ царскому, такъ и цесарскому величествамъ одинаково нужно, чтобъ Польша оставалась въ прежнемъ своемъ положеніи и вольности, а курфюрстовъ въ короляхъ и такъ довольно; если наша эрцгерцогиня вышла за Саксонскаго принца, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы намѣрены были помогать ея мужу противъ собствен-

ныхъ Австрійскихъ интересовъ. Но подозрѣніе уже исчезло, и я не знаю, что бы могло теперь помѣшать нашему союзу [189]?»

Мы видѣли, что къ Польскому королю въ Дрезденъ возвратился съ отвѣтомъ на его предложенія князь Сергій Григорьевичъ Долгорукій (старикъ отецъ его уѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь остался). Августъ принялъ князя Сергія очень милостиво и показалъ видъ, что доволенъ царскимъ отвѣтомъ. Причина такого пріема сейчасъ же объяснилась; король началъ говорить: «Здѣсь носятся слухи, что царское величество заключилъ миръ съ Швеціею, но я не вѣрю этимъ слухамъ, ибо я царскимъ величествомъ обнадеженъ, что меня не изволитъ оставить.» Долгорукій увѣрилъ его, что безъ включенія Польши миръ не будетъ заключенъ. Между тѣмъ произошло любопытное происшествіе. Въ Берлинѣ къ Прусскому королю явились два жида, факторы короля Августа, Леманъ и Мейеръ съ словеснымъ предложеніемъ о раздѣлѣ Польшѣ, а именно: король Прусскій долженъ помочь королю Польскому получить самодержавіе въ Польшѣ, за что получитъ въ вѣчное владѣніе Польскую Пруссію и Вармію; Прусскій король долженъ склонить къ этому и Русскаго царя, который получитъ за это всю Литву; когда Польскій король узнаетъ, что царь согласенъ, то будетъ склонять къ тому и цесаря, который за согласіе также получитъ значительную часть Польскихъ земель, пограничныхъ съ Венгріею и Силезіею. Прусскій король, не давая жидамъ опредѣленнаго отвѣта, увѣдомилъ объ этомъ царя; царь отвѣчалъ дружескимъ совѣтомъ, чтобъ король Фридрихъ Вильгельмъ не вступалъ въ эти планы Польскаго короля, ибо они противны Богу, совѣсти и вѣрности и надобно опасаться отъ нихъ дурныхъ послѣдствій, и что касается до него царя, то онъ не только никогда не вступитъ въ подобные планы, но и будетъ помогать рѣчи посполитой противъ всѣхъ, кто войдетъ въ виды короля Августа. Леманъ повторилъ Прусскому королю предложеніе чрезъ Берлинскаго жида Гуммерта, давая знать, что о намѣреніяхъ короля Августа уже сообщено тайнымъ образомъ и Вѣнскому двору. Фридрихъ Вильгельмъ велѣлъ отвѣчать жидамъ, чтобъ они напередъ извѣстили его, какъ предложеніе будетъ принято цесаремъ. Петръ счелъ нужнымъ дать знать объ этомъ епископуВарминскому, позволивъ ему подъ глубочайшею тайною сообщить и нѣкоторымъ другимъ Польскимъ вельможамъ, кому

заблагоразсудитъ, пусть развѣдаютъ объ этомъ хорошенько другими путями и себя остерегутъ [190].

Возвратимся на Сѣверъ.

Наступилъ сентябрь. Петръ отправился въ Выборгъ. 3 числа царь былъ на Лисьемъ носу, когда пріѣхавшій изъ Ништадта курьеръ подалъ ему бумаги; онъ распечатываетъ.....

«Всемилостивѣйшій Государь! При семъ къ Вашему Царскому Величеству всеподданнѣйше посылаемъ подлинный трактатъ мирный, который сего часу съ Шведскими министрами заключили, подписали и размѣнялись. Мы оный перевесть не успѣли, понеже на то время потребно было, и мы опаслись, дабы между тѣмъ вѣдомость о заключеніи мира не пронеслась. Токмо вашему царскому величеству всеподданнѣйше доносимъ, что оный въ главныхъ дѣлахъ во всемъ противъ указовъ Вашего Величества написанъ, и для лучшаго извѣстія при семъ прилагаемъ изо всѣхъ артикуловъ краткій экстрактъ. Мы Ваше царское величество тѣмъ по рабской нашей должности всеподданнѣйше поздравляемъ и молимъ Бога, дабы Оный вашу дражайшую особу въ непремѣнномъ святомъ Своемъ охраненіи имѣлъ, и ваше царское величество чрезъ единые ваши труды и высокомудрое управленіе симъ полученнымъ вѣчно славнымъ миромъ пользоваться, и всѣ прочія свои намѣренія къ собственно желаемому счастливому окончанію привесть могли, еже отъ всего своего сердца желаемъ Вашего Царскаго Величества всенижайшіе рабы — Яковъ Брюсъ, Андрей Остерманъ.» Августа 30 дня, въ четвертомъ часу по полуночи.

Договоръ состоялъ изъ слѣдующихъ статей: 1) Вѣчный, истинный и неразрывный миръ между царскимъ величествомъ и его преемниками, и его королевскимъ величествомъ Шведскимъ и его преемниками. 2) Съ обѣихъ сторонъ общая амнистія; изъ нея исключаются Русскіе козаки измѣнники, которые послѣдовали за Шведскимъ войскомъ. 3) Всѣ непріятельскія дѣйствія, въ четырнадцать дней по подписаніи договора, а если можно и прежде, прекращаются. 4) Съ Шведской стороны уступаются царскому величеству и его преемникамъ, въ полное, неотрицаемое, вѣчное владѣніе и собственность завоеванныя царскаго величества оружіемъ провинціи: Лифляндія, Эстляндія, Ингрія, часть Кареліи съ дистриктомъ Выборгскаго лена, со всѣми аппартиненціями и депенденціями, юрисдикціею, правами и доходами. Оныя въ вѣч-

ныя времена къ Россійскому государству присовокуплены быть и остаться имѣютъ.—При этомъ пунктѣ Брюсъ и Остерманъ замѣтили: «Понеже Шведскіе министры отнюдь допустить не хотѣли, чтобъ прежнее обязательство, дабы сіи провинціи никому иному не уступить въ семъ артикулѣ осталось, того ради мы вмѣсто того внесли, что сіи провинціи вѣчно къ Россійскому государству присовокуплены остаться имѣютъ, въ чемъ и то разумѣется, что оныя иному никому уступить невозможно; и хотя Шведскіе министры на нашу экспрессію долго не позволяли, однакожъ мы напослѣдокъ ихъ къ тому склонили.»—Эта *экспрессія* нужна была противъ Польскихъ притязаній на Лифляндію. 5) Царское величество возвращаетъ Швеціи великое княжество Финляндское, кромѣ той части, которая въ разграниченіи выговорена. Сверхъ того царское величество обѣщаетъ королевскому величеству и государству Шведскому заплатить два милліона ефимковъ. 6) Королевское величество имѣетъ право въ вѣчныя времена свободно закупать хлѣбъ въ Ригѣ, Ревелѣ и Аренсбургѣ ежегодно на 50,000 рублей, безпошлинно, кромѣ тѣхъ чрезвычайныхъ случаевъ, когда вывозъ хлѣба изъ Россіи будетъ запрещенъ всѣмъ народамъ. 7) Его царское величество наикрѣпчайше обѣщаетъ, что онъ въ домашнія дѣла королевства Шведскаго, яко въ форму правительства, и въ актъ наслѣдства, отъ чиновъ государства единогласно соизволенныя и присягою укрѣпленныя, мѣшаться не будетъ, никому, ктобъ ни былъ, въ томъ ни прямо, ни посторонне, какимъ ни есть образомъ не вспоможетъ, но паче къ показанію истинной сосѣдственной дружбы всему, что тому противно вознамѣряется, и его царскому величеству извѣстно учинится, всякимъ образомъ мѣшать и упредить искать изволитъ. 8) Опредѣляются границы. 9) Жители уступленныхъ Россіи провинцій пользуются правами, какія они имѣли подъ Шведскимъ владычествомъ. 10) Жителямъ этихъ провинцій не будетъ никакого принужденія въ совѣсти; евангелическая вѣра, церкви и школы будутъ содержаны какъ прежде были подъ Шведскимъ владѣніемъ; однако Греческая вѣра впредь свободно и безъ помѣшанія въ оныхъ такожде отправлена быть можетъ. 11) Царское величество обѣщаетъ, что каждый хотя оный въ землѣ или внѣ оной обрѣтается, который справедливую претензію на маетности въ Лифляндіи, Эстляндіи и Эзелѣ имѣетъ, и

оную надлежащимъ образомъ засвидѣтельствовать и доказать может, своимъ правомъ безпрекословно пользоваться и чрезъ немедленной розыскъ и изъясненіе такихъ претензій до владѣнія ему праведно принадлежащей мастности паки достичь имѣетъ. 12) Въ Лифляндіи, Эстляндіи, на Эзелѣ, въ Нарвѣ и Выборгѣ возвращаются прежнимъ собственникамъ конфискованныя во время войны земли и дома, также аренды другимъ отданныя, которыхъ срокъ еще не прошелъ; но эти владѣльцы обязаны, при вступленіи во владѣніе, присягнуть на подданство царскому величеству; которые же не захотятъ присягнуть, тѣмъ дается трехгодичный срокъ для продажи своихъ имѣній? 13) Военноплѣнные освобождаются безъ выкупа, кромѣ желающихъ добровольно остаться и принявшихъ въ Россіи Греческую вѣру. Тоже разумѣется о всѣхъ вывезенныхъ во время войны людяхъ. 14) Король и рѣчь посполитая Польскіе, какъ союзники царскаго величества, имянно въ сей миръ включаются; и такъ какъ на здѣшнемъ мирномъ конгрессѣ уполномоченныхъ отъ нихъ нѣтъ, то Шведскій король обѣщаетъ, что онъ немедленно отправитъ своихъ уполномоченныхъ въ то мѣсто, о которомъ будетъ условлено съ королемъ и рѣчью посполитою Польскою, и подъ медиаціею царскаго величества, съ ними вѣчный миръ заключить изволитъ, однако такъ, чтобъ въ договорѣ ничего не было такого, чтобы настоящему съ Россіею заключенному миру было противно. 15) Свободная торговля между подданными обоихъ государствъ. 16) Послы будутъ сами себя содержать. 17) Отъ стороны Шведской король Великобританскій включается въ сей мирный трактатъ, однако съ предоставленіемъ того, въ чемъ его царское величество отъ его королевскаго величества Великобританскаго себя иногда обижена находитъ, о чемъ прямо между его царскимъ величествомъ и королемъ Великобританскимъ дружески трактовано и соглашено быть имѣетъ; такожде могутъ другія державы, которыя оба высокодоговаривающіеся во время трехъ мѣсяцевъ по воспослѣдованіи ратификацій именовать будутъ, сему мирному трактату съ общаго соизволенія приступить. Въ сепаратномъ артикулѣ было постановлено, что обѣщанные Россіею два милліона ефимковъ выплачиваются по 500,000 ефимковъ на четыре срока, послѣдній въ сентябрѣ 1724 года. Брюсъ и Остерманъ писали царю: «Герцога Голштинскаго мы наилучшимъ обра-

зомъ рекомендовали, и здѣсь пребывающіе министры обнадеживаютъ, что когда случай придетъ, кромѣ него никто иной выбранъ не будетъ, и съ великими клятвами увѣряютъ, что они, со всею своею фамиліею, никому иному, кромѣ него, не дадутъ голоса.»

«Высокоблагородный и благородный, намъ любезно вѣрные! писалъ Петръ Брюсу и Остерману 10 сентября: отправленный отъ васъ нашей гвардіи капралъ Обрѣзковъ въ бытность нашу у Котлина острова къ намъ прибылъ съ заключеннымъ мирнымъ трактатомъ, съ которою всерадостною вѣдомостью мы сами въ 4-й день сего мѣсяца сюда прибыли и воздали Всевышшему благодареніе за такой благополучный миръ, и тотъ отъ васъ присланный трактатъ немедленно перевесть велѣли, и коего часу оный на Россійскій языкъ могли успѣть перевесть, то того же времени мы оный весь и присланную отъ васъ образцовую ратификацію съ великимъ нашимъ удовольствомъ и увеселеніемъ слушали, и всѣ пункты въ томъ трактатѣ содержанные и чрезъ ваши труды постановленные мы всемилостивѣйше апробовали.»

Отъ того же числа сохранилась засвидѣтельствованная Брюсомъ копія другаго письма царскаго къ уполномоченнымъ: «Господа полномочные! Я намѣренъ былъ ѣхать къ Выборху для границъ; но пріѣзжая къ Дубкамъ, получилъ отъ васъ уже подписанный и размѣненный трактатъ, которая нечаямая такъ скорая вѣдомость насъ и всѣхъ зѣло обрадовала и что сія *трехвременная* жестокая школа такой благой конецъ получила, понеже трактатъ такъ вашими трудами здѣланъ — хотя написавъ намъ и толко для подписи послать Шведамъ — болѣе бы того учинить нечего, за что вамъ зѣло благодарствуемъ, и что славное въ свѣтѣ сіе дѣло ваше никогда забвенію предатися не можетъ, а особливо что николи наша Россія такого полезнаго мира не получила; правда, долго ждали, да дождались, еже всегда будетъ Богу, всѣхъ благъ виновному выну хвала.» Здѣсь выраженіе: «Трехвременная жестокая школа» объясняется письмомъ Петра къ князю Василью Лукичу Долгорукому въ Парижъ: «Всѣ ученики науки въ семь лѣтъ оканчиваютъ обыкновенно; но наша школа троекратное время была (21 годъ), однакожь, слава Богу, такъ хорошо окончилась, какъ лучше быть невозможно [191].»

Петръ одинаково благодарилъ обоихъ уполномоченныхъ, Брюса и Остермана. Во время Ништадтскихъ переговоровъ мы не замѣча-

емъ, чтобы послѣдній такъ рѣзко выдавался на первый планъ, какъ это было во время Аландскаго конгресса. Брюсъ, какъ видно, принималъ свои мѣры, чтобъ товарищъ не игралъ главную роль въ Ништадтѣ. Остерманъ долженъ былъ писать Макарову: «Вамъ извѣстно о противныхъ на меня доношеніяхъ господина генерала Фельдцейгмейстера Брюса безъ всякой моей вины и заслуженія. Я воистинно доброй и честной человѣкъ, и не хочу и не пожалаю съ нимъ въ какомъ несогласіи быть, и истиннымъ Богомъ засвидѣтельствую, что кромѣ услуженія всякаго и паче и болше можетъ быть какъ надлежало никакого случая къ такимъ противностямъ отъ меня не подано. Пожалуйте, извольте къ нему партикулярно отъ себя написать, чтобъ онъ жилъ со мною согласно, и ежели онъ чаетъ причину имѣть къ жалобамъ на меня, чтобъ онъ мнѣ самому лучше о томъ напередъ объявилъ, ибо все то лучше какъ для него, такъ и для меня, нежели безъ основанія жаловаться и государю докучать.» [192]

Но это несогласіе между уполномоченными не помѣшало дѣлу. Великая Сѣверная война прекратилась! Взглянемъ на ея значеніе. Какъ для развитія отдѣльнаго человѣка необходимо, чтобъ онъ покинулъ одиночество, узкую сферу и пріобрѣталъ познанія различными путями посредствомъ ученія, чтенія, бесѣдъ съ живыми людьми, путешествія: такъ и для цѣлыхъ народовъ необходимое условіе развитія состоитъ въ покинутіи одиночества, въ расширеніи сферы умственной и практической дѣятельности посредствомъ знакомства съ новыми странами и народами, въ общей жизни съ ними, и чѣмъ болѣе странъ и народовъ входитъ въ эту общую жизнь, тѣмъ развитіе ихъ многообразнѣе и сильнѣе, богаче результатами. Вотъ почему въ жизни человѣчества имѣютъ великое значеніе тѣ эпохи, когда для народовъ происходитъ расширеніе круга ихъ дѣятельности, когда многія страны и народы, какимъ бы то ни было способомъ, соединяются для общей дѣятельности, для взаимнаго вліянія другъ на друга. Такъ въ древнемъ мірѣ, когда народы обыкновенно соединялись только путемъ насилія, завоеванія, великое значеніе имѣетъ дѣятельность Александра Македонскаго, соединившая западную и восточную цивилизацію; дѣятельность Рима, приведшая подъ одну державу народы древняго историческаго міра. Древняя исторія оканчивается появленіемъ на сцену новыхъ странъ, новыхъ народовъ,

бывшихъ до тѣхъ поръ за оградою историческаго міра. Въ такъ называемой Средней исторіи важнѣйшее по своимъ результатамъ явленіе есть знакомство западнаго міра съ востокомъ посредствомъ Крестовыхъ походовъ. Такъ называемая Новая Исторія начинается расширеніемъ сферы дѣятельности Европейскаго человѣка чрезъ открытіе Новаго Свѣта и новыхъ путей въ отдаленныя части Стараго. Черезъ два вѣка послѣ этого новое великое, богатое результатами явленіе: восточная часть Европы, до сихъ поръ мало извѣстная, жившая одиноко, является на сцену, входитъ въ общую жизнь Европы; Европейская земля собирается (кромѣ Балканскаго полуострова). Это новое расширеніе исторической сцены гораздо важнѣе, чѣмъ то, которое произошло въ концѣ XV вѣка и которымъ начинается Новая Исторія. Тогда Европейскій человѣкъ познакомился съ новыми странами и народами, которые страдательно подчинились его вліянію; теперь же вошло въ общую жизнь сильное европейско-христіанское государство, представитель многочисленнаго европейскаго, историческаго племени, Славянскаго, бывшаго до сихъ поръ подъ спудомъ. Если, входя въ общую жизнь, Россія необходимо подчиняется вліянію другихъ Европейскихъ народовъ, то, съ другой стороны, при условіяхъ своей силы, она обнаруживаетъ сильное вліяніе на судьбу другихъ народовъ, на общую жизнь Европы. Это вліяніе высказалось впервые въ Сѣверной войнѣ.

Чтобъ понять роль Россіи въ этой войнѣ, вліяніе, которое она оказала, и вліяніе, которое приняла (ибо одно не раздѣльно съ другимъ при общей жизни и дѣятельности), надобно обратить вниманіе на то, въ какомъ положеніи находилась тогда Европа. Въ началѣ Новой Исторіи мы видимъ въ Европѣ сильное религіозное движеніе, религіозную борьбу, вслѣдствіе раскола, происшедшаго въ Западной церкви; всѣ явленія, болѣе или менѣе, примыкаютъ къ этой борьбѣ. Съ Вестфальскаго міра вѣроисповѣдный вопросъ теряетъ свое прежнее первостепенное значеніе. На первый планъ выступаютъ отношенія чисто политическія; движенія, борьбы происходятъ отъ того, что нѣкоторыя государства стремятся усилить себя на счетъ сосѣдей, пріобрѣсти наибольшее вліяніе на дѣла Европы и встрѣчаютъ сопротивленіе въ другихъ; стремленіямъ къ преобладанію, къ игемоніи противопоставляется система политическаго равновѣсія. Важнѣйшіе дѣятели этой

эпохи, продолжающейся отъ Вестфальскаго мира до Французской революціи (1789 г.), суть четыре государя: Людовикъ XIV, Петръ Великій, Фридрихъ II-й и Екатерина II-я. Значеніе Россіи видно уже изъ того, что изъ четверыхъ она дала двоихъ и величайшихъ дѣятелей. Франція вышла изъ Средней исторіи въ Новую самымъ сильнымъ, наиболѣе выгодно поставленнымъ государствомъ континентальной Европы и, по характеру своего народонаселенія, устремилась немедленно воспользоваться своими выгодами, усилиться на счетъ Италіи и Германіи, получить игемонію въ Европѣ; въ этихъ стремленіяхъ она встрѣчается съ Габсбургскимъ домомъ, встрѣчается съ нимъ въ Испаніи и Нидерландахъ, въ Германіи, Италіи, встрѣчается, вступаетъ въ борьбу, сдерживается. Новую политическую исторію западной, а потомъ и восточной, всей Европы можно разсматривать какъ исторію борьбы противъ преобладанія Франціи. Только внутреннія смуты Франціи даютъ передышку Европѣ; какъ только эти внутреннія смуты прекращаются, Европа должна готовиться къ борьбѣ. Усобицы при послѣднихъ Валуа, смуты въ малолѣтство Людовика XIII и Людовика XIV были этими передышками для Европы; при Генрихѣ IV, въ правленіе Ришельё, и наконецъ при Людовикѣ XIV Франція слѣдуетъ своему исконному стремленію къ игемоніи. Это стремленіе обнаруживается сильнѣе прежняго при Людовикѣ XIV, благодаря выгодѣ его положенія среди истощенной Испаніи, занятой внутренними дѣлами Англіи, раздробленныхъ, слабыхъ Италіи и Германіи, стѣсненной Турками Австріи. Дѣло оканчивается однако сильною коалиціею противъ Франціи, и Великій король умираетъ съ увянувшими лаврами. Дѣятельность Людовика XIV была послѣднимъ блестящимъ проявленіемъ старой монархической, королевской Франціи; съ 1715 по 1789 годъ Франція въ верхнихъ слояхъ своихъ уже не та; Европа безопасна отъ ея стремленій къ преобладанію; опасность придетъ, и самая страшная, небывалая, но уже отъ новой, революціонной, императорской Франціи, и въ борьбѣ Европы съ этою новою Франціею главное участіе приметъ новое государство восточной Европы, Россія.

Въ то время, когда Великій король Франціи вступилъ въ свою послѣднюю войну, войну за Испанское наслѣдство, въ Европѣ сѣверо-восточной загарается также страшная война. Какъ на за-

падѣ противъ Франціи образуется союзъ изъ императора, Англіи и Голландіи: такъ на сѣверо-востокѣ образуется союзъ изъ Россіи, Даніи и Польскаго короля (курфюрста Саксонскаго) противъ Швеціи, которая въ послѣднее время играла на сѣверѣ ту же роль, какую Франція играла на западѣ, также стремилась здѣсь къ преобладанію, обрывая сосѣдей. Противъ опаснаго союза Швеція выставила короля-героя, побѣдами котораго пріобрѣла новую славу, новое значеніе. Но какъ Людовикъ XIV былъ самый блестящій изъ воинственныхъ, истыхъ королей Франціи, и вмѣстѣ послѣдній изъ нихъ, такъ и Карлъ XII былъ послѣдній изъ Шведскихъ королей-героевъ, утвердившихъ за Швеціею важное значеніе на сѣверѣ. Противъ Людовика XIV судьба дала союзникамъ великихъ полководцевъ, принца Евгенія, герцога Марльбара; противъ Карла XII Сѣверные союзники не могли выставить никого въ родѣ Евгенія и Марльбара; но Россія выставила противъ него своего царя Петра, котораго дѣятельность представляетъ противоположность съ дѣятельностію и Людовика XIV, и Карла XII. И Французскій и Шведскій короли воспользовались прежде нихъ бывшими, приготовленными для нихъ средствами и въ конецъ истощили ихъ въ своей блестящей дѣятельности. Для геніальнаго царя ничего не было приготовлено кромѣ убѣжденія въ невозможности оставаться при старомъ, кромѣ робкихъ попытокъ ощупью пробраться къ новому; Петръ создалъ новыя, могучія средства своею небывалою въ исторіи дѣятельностію и вызовомъ силъ народныхъ къ многообразной и напряженной дѣятельности. Петръ не былъ вовсе воинственный государь; его задача, необыкновенно ясно имъ сознанная, состояла въ преобразованіи, т.-е. въ пріобрѣтеніи новыхъ, необходимыхъ средствъ исторической жизни для своего народа; война была предпринята съ тою же цѣлію, съ цѣлію дать Россіи мѣсто у сѣвернаго Средиземнаго историческаго моря, потому что Балтійское и Нѣмецкое моря должно разсматривать какъ одно сѣверное Средиземное море, соотвѣтствующее, по важности своего значенія для Сѣверной Европы, южному Средиземному морю. Ясно сознавая положеніе своего народа въ семьѣ другихъ Европейскихъ народовъ, Петръ смотрѣлъ на свою внутреннюю и внѣшнюю дѣятельность какъ на школу, которую долженъ былъ пройдти народъ для занятія достойнаго мѣста. Спокойно смотрѣлъ онъ на первые роб-

кіе шаги ученика въ военной школѣ, какою была для Русскихъ Сѣверная война; не смущался пораженіями, потому что не хорошо, если постоянный успѣхъ избалуетъ ученика; терпѣливо разсчитывалъ на постепенность, медленность ученія: сперва Русскіе выучатся побѣждать непріятеля малочисленнаго, имѣя на своей сторонѣ превосходство числа, потомъ выучатся побѣждать съ равными, а наконецъ и съ меньшими силами. Такая скромность взгляда на свои средства, соединенная съ неутомимою дѣятельностію для ихъ увеличенія, съ желѣзною волею, непоколебимымъ рѣшеніемъ не оканчивать войны безъ пріобрѣтенія морскаго берега, разумѣется, должны были повести къ успѣху: средства Россіи, несмотря на всю затруднительность, тяжесть положенія и ропотъ на это, невидимо росли день ото дня; средства Швеціи уменьшались день ото дня, и черезъ 20 лѣтъ восточное Балтійское поморье находилось въ Русскихъ рукахъ; степной, восточный періодъ Русской исторіи кончился — морской, западный періодъ начался. Впервые Славяне, послѣ обычнаго отступленія своего предъ Германскимъ племенемъ на востокъ, къ степямъ, повернули на западъ и заставили Нѣмцевъ отдать себѣ часть береговъ Сѣвернаго Средиземнаго моря, которое стало-было Нѣмецкимъ озеромъ.

Таково было главное слѣдствіе Сѣверной войны: Швеція потеряла свое первенствующее положеніе на сѣверо-востокѣ, которое заняла Россія; но этимъ не ограничивалось значеніе великаго событія. Занявшая мѣсто Швеціи держава была держава новая, не участвовавшая прежде въ общей европейской жизни, держава, приносившая европейской исторіи цѣлый новый міръ отношеній, держава громаднѣйшая, которой границы простирались до Восточнаго Океана и сходились съ границами Срединной имперіи, держава Славянская, держава принадлежащая къ Восточной церкви, естественная представительница племенъ Славянскихъ, естественная защитница народовъ Греческаго исповѣданія. Давно Исторія не видала явленія, болѣе обильнаго послѣдствіями.

Петръ, въ борьбѣ съ Карломъ XII, имѣлъ союзниковъ: сначала королей Датскаго и Польскаго (курфюрста Саксонскаго), потомъ Прусскаго и Англійскаго (курфюрста Ганноверскаго). Для уясненія слѣдствій этого союза мы должны обратить вниманіе на отношенія міра Германскаго къ міру Славянскому вообще. Уже

было сказано, что до XVIII вѣка Славяне постоянно отступали передъ натискомъ Германскаго племени, оттѣснявшаго ихъ все болѣе и болѣе на востокъ. Одни изъ Славянскихъ племенъ не только подчинились Нѣмцамъ, но и онѣмечились; другія, послѣ долгой борьбы, подчинились Нѣмцамъ съ сохраненіемъ своей народности. Изъ двухъ отраслей Славянскаго племени, восточной и западной, двумъ самымъ сильнымъ народамъ, Русскому и Польскому, Исторія вначалѣ предоставила двѣ борьбы для охраны Славянства, Русскому — борьбу съ восточными азіатскими хищниками, Польскому съ Нѣмцами. Русскій народъ, послѣ многовѣковой страшной борьбы, уничтожилъ господство Азіатцевъ на великой восточной равнинѣ Европы и занялъ Сѣверную Азію. Но Польскій народъ не выполнилъ своей задачи, не поддержалъ своихъ западныхъ собратій въ борьбѣ съ Германскимъ племенемъ, далъ послѣднему онѣмечить Польскія земли — Померанію, Силезію; не сладивъ съ Пруссами, призвалъ на помощь Нѣмцевъ, которые сладили съ ними и онѣмечили ихъ. Но, отступая предъ Нѣмцами на западѣ, Поляки двигались на востокъ и стремились здѣсь вознаградить себя на счетъ своихъ же Славянъ, на счетъ Русскаго народа, заставляя его ополячиваться посредствомъ католицизма. Уступая Нѣмцамъ цѣлыя области Польскія, Поляки захватили Русскій Галичъ, и, чрезъ соединеніе съ Литвою, притянули къ себѣ западныя Русскія княжества. Но когда восточная Россія, собравшись около Москвы, и покончивши съ торжествомъ борьбу на востокѣ, естественно и необходимо поворачивала на западъ для соединенія съ Россіею Западною и для пріобрѣтенія средствъ къ дальнѣйшей исторической жизни, то въ этомъ стремленіи своемъ должна была столкнуться съ Польшею, стремившеюся съ запада на востокъ, и старавшеюся отнять у западно-русскаго народонаселенія его національность. Это столкновеніе вело къ продолжительной и сильной борьбѣ, въ которой, къ концу XVII вѣка, обозначилось явное преимущество Россіи надъ полумертвою отъ страшной внутренней болѣзни Польшею.

Но трупъ собиралъ около себя орловъ. Западные сосѣди Польши, Нѣмцы видѣли въ ней легкую добычу и стали хлопотать, какъ бы усилиться на ея счетъ, захватить всю, и если нельзя, то подѣлить добычу. Германія не достигла государственнаго единства посредствомъ усиленія одной изъ своихъ частей на счетъ

всѣхъ другихъ. Сильнѣйшее изъ Германскихъ владѣній, которое долго боролось за дѣйствительное господство надъ Германіею и у государей котораго осталось первенство номинальное, соединенное съ императорскимъ титуломъ, Австрійское владѣніе Габсбурговъ распространилось не на Германской почвѣ, но на счетъ Венгріи, Италіи и преимущественно странъ Славянскихъ. Примѣръ Австріи не остался безъ подражанія для другихъ Нѣмецкихъ владѣній, по исконному стремленію Нѣмцевъ распространяться на востокъ на счетъ Славянъ. Любопытно, что какъ Поляки, не выдерживая натиска Нѣмцовъ на западѣ, обратились къ востоку, чтобъ распространиться тамъ на счетъ Россіи: такъ Нѣмцы не выдерживаютъ натиска Французовъ на Западѣ, уступаютъ Франціи Нѣмецкія области, и стремятся на востокъ, желая распространиться тамъ на счетъ Славянъ. Обезсилѣвшая Польша представляла теперь Нѣмцамъ возможность распространяться на Востокъ. Курфюрстъ Саксонскій, посредствомъ избранія, становится королемъ Польскимъ. Но титулъ Польскаго короля съ тѣмъ ничтожнымъ, пожизненнымъ пользованіемъ властію, какое предоставлялось королю въ Польшѣ, не могъ удовлетворить Саксонскаго курфюрста: онъ хочетъ усилиться на счетъ Польши, сдѣлаться наслѣдственнымъ ея королемъ, самовластнымъ, и для достиженія этой цѣли, не прочь подѣлиться Польскими владѣніями съ сосѣдями. Въ этихъ стремленіяхъ сначала мѣшаетъ ему Швеція, потомъ Россія; онъ бросается къ Австріи и Англіи; но эти державы могли помочь ему только словами, а не дѣломъ, онъ выходитъ изъ Сѣверной войны безо всякаго пріобрѣтенія, долженъ удовольствоваться тѣмъ, что остается королемъ Польскимъ: быть можетъ послѣ удастся передать этотъ титулъ и сыну своему.

И такъ одинъ изъ Германскихъ курфюрстовъ становится королемъ благодаря Польшѣ. Но подлѣ курфюрста Саксонскаго — короля Польскаго есть еще другой Нѣмецкій курфюрстъ, Бранденбургскій, который усилился на счетъ Польши, на ея счетъ сталъ королемъ. Курфюрсты Бранденбургскіе были вассалами Польши по герцогству Прусскому, воспользовались бѣдою, слабостію Польши, освободились отъ вассальной зависимости и приняли королевскій титулъ по Пруссіи, непринадлежавшей къ Германіи, въ которой они оставались курфюрстами. Такимъ образомъ Польша двухъ князей Нѣмецкихъ сдѣлала королями на свой счетъ. Оба эти

князя естественные соперники другъ другу, потому что оба хотятъ усиливаться на счетъ Польши. Прусскій король не спускаетъ глазъ съ нея и никакъ не хочетъ допустить, чтобъ курфюрстъ Саксонскій сдѣлался въ ней наслѣдственнымъ и самовластнымъ королемъ: тутъ онъ крѣпко держится Россіи, по единству интересовъ.

Въ то время какъ Нѣмцы стараются усилить себя на востокѣ на счетъ полумертвой Польши, Россія съ своимъ Петромъ рѣшительно поворачиваетъ на западъ къ морю. Но чтобъ добиться его, ей нужно вступить въ борьбу съ Швеціею; сосѣди пользуются этимъ случаемъ и вступаютъ въ союзъ съ царемъ, одни, чтобъ усилиться на счетъ Швеціи, другіе, чтобъ положить предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ этой державы, третьи, чтобъ вытѣснить Шведовъ съ Германской почвы и подѣлить между собою ихъ владѣнія здѣсь. Не всѣ союзники получили желаемое. Паткуль, считавшій Ливонію Нѣмецкою страною, предложилъ ее Саксонскому курфюрсту Августу, который, какъ Польскій король, долженъ былъ воспользоваться претензіями Польши на Ливонію, отнятую у нея Шведами; но планъ Паткуля, не хотѣвшаго уступать Россіи даже и Нарвы, не удался: Ливонія досталась Россіи, а не Саксоніи. Августъ вышелъ изъ Сѣверной войны ни съ чѣмъ. Данія имѣла удовольствіе видѣть низложеніе своей страшной соперницы, Швеціи, но не могла возвратить отъ нея своихъ старыхъ провинцій, удовольствовалась Шлезвигомъ, за который однако должна была заплатить полувѣковымъ мучительнымъ безпокойствомъ вслѣдствіе связи Голштинскаго дома съ могущественною Россіею. Послѣ другихъ вошли въ союзъ два курфюрста — Бранденбургскій и Ганноверскій, меньше другихъ понесли военныхъ тягостей и получили хорошую добычу. Не бросаться въ предпріятія сколько-нибудь опасныя или требующія значительныхъ пожертвованій, выжидать времени и продать свою помощь какъ можно дороже, получить хорошую добычу съ наименьшими пожертвованіями — вотъ политика курфюрста Бранденбургскаго, короля Прусскаго, политика увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ. Курфюрстъ Ганноверскій, также безъ пожертвованій съ своей стороны, выхватилъ изъ-подъ рукъ Датскаго короля Бременъ и Верденъ. Оба курфюрста были Нѣмецкіе патріоты: они имѣли въ виду вытѣснить чужихъ, Шведовъ, съ Нѣмецкой почвы. Бранден-

бургскій не шелъ дальше, не заглядывалъ слишкомъ далеко впередъ; но Ганноверскому Мекленбургская шляхта указала новую страшную опасность для Германіи: Русскіе займутъ мѣсто Шведовъ на ея почвѣ, и Ганноверскій забилъ тревогу. Онъ силенъ, онъ король Англійскій, Англія же, послѣ войны за Испанское наслѣдство, заняла мѣсто Франціи на западѣ, стала первенствующею здѣсь державою, стала тѣмъ на западѣ, чѣмъ Россія стала на востокѣ, и Европа приготовлялась быть зрительницею борьбы между этими двумя первенствующими державами. Но сейчасъ же оказалось, что Англія, какъ держава островная, морская, торговая, при односторонности своихъ средствъ, при отсутствіи большихъ сухопутныхъ силъ, при односторонности, узкости своихъ интересовъ, не можетъ для континентальной Европы занять мѣсто Франціи. Англіи было непріятно развитіе новорожденныхъ морскихъ силъ Россіи, Англіи хотѣлось бы поддержать Швецію и этимъ поддержать равновѣсіе на Сѣверѣ; но ей хотѣлось, чтобы это сдѣлалось посредствомъ другихъ, она не могла для этого пожертвовать своими непосредственными торговыми выгодами; заглядывать далеко въ будущее, тревожиться отдаленными опасностями для практической Англіи было также неблагоразумно, какъ и оставаться спокойною при видѣ явной опасности; опасность отъ Россіи была слишкомъ далека; Россія не Испанія, не приатлантическая держава. Поэтому Англія не могла дать своему королю, курфюрсту Ганноверскому той помощи, какой бы ему хотѣлось въ борьбѣ его за континентальные интересы, заставила его ограничиться дипломатическими средствами, заставила его въ отношеніи взятой имъ подъ свое покровительство Швеціи играть самую жалкую и постыдную роль: онъ обобралъ ее въ Германіи въ виду вознагражденія для нея на восточномъ берегу Балтійскаго моря, и этого вознагражденія не доставилъ, только новыя трехлѣтнія военныя бѣдствія выиграла Швеція отъ Англійскаго союза. Три Германскихъ курфюрста были въ это время королями: Саксонскій по Польшѣ, Бранденбургскій по Пруссіи, Ганноверскій по Англіи. Въ ихъ рукахъ, повидимому, была будущность Германіи; но Саксонскій и Ганноверскій по отношеніямъ къ своимъ королевствамъ, по конституціямъ и положенію послѣднихъ, не могли усилиться на ихъ счетъ; прочнѣе и выгоднѣе было положеніе Бранденбургскаго, хотя менѣе блистательно; сюда присоеди-

нялась личность Фридриха Вильгельма I-го, скопидома, Нѣмецкаго Калиты, приготовившаго для Пруссіи матеріальныя средства стать первокласною державою при знаменитомъ сынѣ его.

Отдавая должную справедливость генію Петра, необыкновенной ясности взгляда, выдержливости и умѣнью пользоваться обстоятельствами, мы не должны однако забывать, что обстоятельства сильно помогали ему. Въ началѣ войны, послѣ Нарвскаго пораженія Карлъ XII уходитъ во владѣнія короля Августа и даетъ Петру возможность собираться съ средствами и учить свое войско, своихъ солдатъ, офицеровъ, генераловъ и фельдмаршаловъ, постепенно проходить съ ними военную школу. На востокѣ важно было то, что бунтъ Астраханскій не соединился съ бунтомъ Донскихъ козаковъ; на югѣ, Турція, истомленная войною, бывшею въ концѣ XVII вѣка, оставалась равнодушною зрительницею борьбы до самой Полтавской битвы. На западѣ одновременно съ Сѣверною войною шла война за Испанское наслѣдство, не дававшая западнымъ державамъ возможности вмѣшиваться въ дѣла сѣверо-восточныя; и послѣ Утрехтскаго мира движенія Испаніи отвлекали ихъ вниманіе отъ этихъ дѣлъ. Но важнѣе всего было то, что война за Испанское наслѣдство истощила главную изъ западныхъ державъ, Францію, отнявъ у нея прежнія средства и вліяніе, вліяніе, которое не могло быть благопріятно для Россіи по отношеніямъ Франціи къ Швеціи и Турціи; Англія, выдвинувшаяся на первый планъ, не могла дѣйствовать такъ, какъ могла дѣйствовать Франція, когда была на первомъ планѣ; ослабѣвшая Франція, чтобъ подняться сколько-нибудь, должна прислоняться къ другимъ державамъ: она по неволѣ въ союзѣ съ своими извѣчными врагами, Англіею и Австріею, и чтобъ избавиться отъ вліянія послѣднихъ, обращаетъ взоры на востокъ, хочетъ тамъ составить союзъ и опираться на него, осторожно и ласково обходиться съ Россіею, видя въ ней главу будущаго, нужнаго ей союза, и въ Константинополѣ Французскій посланникъ помогаетъ Русскому. Австрія повидимому вышла со славою и съ прибылью изъ войны за Испанское наслѣдство и изъ войны съ Турціею; но она своими успѣхами здѣсь была обязана таланту иностранца, принца Евгенія Савойскаго; внутри была она слаба по своему пестрому составу; притомъ ея сильно безпокоили явленія, происходившія въ имперіи: тяжело ей было видѣть,

25*

что здѣсь три курфюрста сдѣлались королями, получили важное значеніе и самостоятельность; самый слабый изъ нихъ искалъ ея помощи и союза, Саксонскій; она готова была съ нимъ сблизиться и помогать ему тѣмъ болѣе, что онъ, для Польской короны, былъ католикъ; съ большою подозрительностію и страхомъ смотрѣла она на Бранденбургскаго и Ганноверскаго, представителей протестантской Германіи; Ганноверской, какъ Англійскій король, былъ съ нею во союзѣ по дѣламъ Испанскимъ, но этотъ союзъ былъ тяжелъ для нея, оскорблялъ ея гордость, оскорблялъ ея католическую ревность. При такихъ отношеніяхъ Австрія не могла быть опасна для Россіи, могла вредить ей только словомъ, а не дѣломъ.

Но какія бы благопріятныя обстоятельства ни присоединялись къ средствамъ царя и народа Русскаго въ Сѣверной войнѣ, война эта, окончившись такимъ блистательнымъ миромъ для Россіи, измѣняла положеніе Европы: подлѣ западной Европы, для общей дѣятельности съ нею явилась новая Европа, восточная, что сейчасъ же отразилось въ Европейскомъ организмѣ, отозвалось всюду отъ Швеціи до Испаніи. Легко понять, какое чувство при извѣстіи о мирѣ должно было овладѣть Русскими людьми, которые прошли «троевременную школу, такъ кровавую и жестокую и весьма опасную и нынѣ такой миръ получили незаслуженною отъ Бога милостію [193].» Чрезъ знакомство съ Европейскою цивилизаціею, чрезъ сильное и быстрое расширеніе своей сферы, до тѣхъ поръ столь узкой, они сознавали себя людьми новыми, живущими новою, настоящею жизнію; но при этомъ народное чувство ихъ было вполнѣ удовлетворено тѣмъ великимъ значеніемъ, какое они получили въ этой гордой и недоступной имъ прежде Европѣ; не покорными только учениками явились они здѣсь, но самостоятельными и сильными участниками въ общей дѣятельности, заняли почетное мѣсто, заставили относиться къ себѣ съ уваженіемъ. Напряженныя усилія, тяжкія пожертвованія были вознаграждены небывалою славою, неожиданными выгодами. Трудъ не пропалъ даромъ и былъ такъ блистательно оправданъ. Такъ блистательно былъ оправданъ великій человѣкъ, руководившій народъ свой, знаменитый корабельный плотникъ, знаменитый шкиперъ, такъ искусно проводившій корабль свой чрезъ опасныя мѣста.

4 сентября въ Петербургѣ сильное волненіе: царь неожиданно возвратился изъ своей поѣздки, плыветъ и каждую минуту стрѣляетъ изъ трехъ пушекъ на своей бригантинѣ; трубачъ трубитъ: что это значитъ!.. Миръ!

Толпы собираются у Троицкой пристани; съѣзжается знать духовная и свѣтская. Встрѣченный торжественными кликами, Петръ ѣдетъ въ Троицкій соборъ къ молебну. Приближенные знаютъ, чѣмъ подарить его: генералъ-адмиралъ, флагманы, министры просятъ принять чинъ адмирала отъ Краснаго флага. А между тѣмъ на Троицкой площади уже приготовлены кадки съ виномъ и пивомъ, устроено возвышенное мѣсто. На него всходитъ царь и говоритъ окружающему народу: «Здравствуйте и благодарите Бога, православные! что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціею счастливый вѣчный миръ.» Сказавши это, Петръ беретъ ковшъ съ виномъ и пьетъ за здоровье народа, который плачетъ и кричитъ: «Да здравствуетъ государь!» Съ крѣпости раздаются пушечные выстрѣлы; поставленные на площади полки стрѣляютъ изъ ружей [194]. По городу съ извѣстіями о мирѣ ѣздятъ 12 драгунъ съ бѣлыми черезъ плечо перевязями, съ знаменами и лавровыми вѣтвями, передъ ними по два трубача. 10 числа начался большой маскарадъ изъ 1000 масокъ и продолжался цѣлую недѣлю. Петръ веселился какъ ребенокъ, плясалъ по столамъ и пѣлъ пѣсни [195].

Вторичное церковное торжество было назначено на 22 октября. За день, 20 числа Петръ пріѣхалъ въ сенатъ и объявилъ, что въ знакъ благодарности за Божію милость, даетъ прощеніе всѣмъ осужденнымъ преступникамъ, освобождаетъ государственныхъ должниковъ, слагаетъ недоимки, накопившіяся съ начала войны по 1718 годъ. Въ тотъ же день сенатъ рѣшаетъ поднести Петру титулъ Отца Отечества, Императора и Великаго.

22 октября царь со всѣми вельможами у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ. Послѣ обѣдни читается мирный договоръ; Өеоөанъ Прокоповичъ говоритъ проповѣдь, въ которой описываетъ всѣ знаменитыя дѣла царя, за которыя онъ достоинъ называться Отцемъ Отечества, Императоромъ и Великимъ. Тутъ подходятъ къ Петру сенаторы и канцлеръ графъ Головкинъ говоритъ рѣчь: «Вашего царскаго величества славныя и мужественныя воин-

скія и политическія дѣла, чрезъ которыя токмо единыя вашими неусыпными трудами и руковожденіемъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта, и тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены, и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены: и того ради како мы возможемъ за то и за настоящее исходатайствованіе толь славнаго и полезнаго мира по достоинству возблагодарити? Однакожь, да не явимся тщи въ зазоръ всему свѣту, дерзаемъ мы, именемъ всего всероссійскаго государства подданныхъ вашего величества всѣхъ чиновъ народа, всеподданнѣйше молити, да благоволите отъ насъ въ знакъ малаго нашего признанія толикихъ отеческихъ намъ и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣяній, титулъ Отца Отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго приняти. Виватъ, виватъ, виватъ Петръ Великій, Отецъ отечествія, Императоръ Всероссійскій!» Сенаторы три раза прокричали: виватъ, за ними повторилъ этотъ крикъ весь народъ, стоявшій внутри и внѣ церкви; раздался колокольный звонъ, звуки трубъ, литавръ и барабановъ, пушечная и ружейная стрѣльба.

Петръ отвѣчалъ, что «желаетъ весьма народу Россійскому узнать истинное дѣйствіе Божіе къ пользѣ нашей въ прошедшей войнѣ и въ заключеніи настоящаго мира; должно всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи Греческой; надлежитъ стараться о пользѣ общей, являемой Богомъ намъ очевидно внутри и внѣ, отъ чего народъ получитъ облегченіе [196].»

Не разъ предшественникамъ Петра и ему самому указывали на титулъ императора восточнаго; но Петръ отвергнулъ эту ветхость, и принялъ титулъ императора Всероссійскаго; родная страна не была отлучена отъ славы царя своего, впервые оказано было уваженіе къ народности.

Какъ же эта новизна, принесенная восточною Европою, принята было въ Европѣ западной! Пруссія и Голландія признали немедленно новый титулъ Русскаго царя. Другіе медлили.

Въ Вѣнѣ на объявленіе Ланчинскаго о заключеніи мира императоръ отвѣчалъ: «Равно какъ мы всегда охотно принимаемъ участіе во всемъ, что къ удовольствію и пользѣ царя вашего государя происходитъ: такъ и въ нынѣшнемъ случаѣ сорадуемся о семъ счастливомъ сукцессѣ, и впредь желаемъ отъ сердца царю

вашему государю продолженія всякихъ благополучій.» Тутъ все это было сказано внятно. Но иное произошло на другой аудіенціи, когда Ланчинскій увѣдомилъ Карла VI, что Петръ принялъ императорскій титулъ. «Я, пишетъ резидентъ, вшедъ въ камору аудіенціи, и учиня три обыкновенные поклона, началъ рѣчь, преднаписанную мнѣ въ указѣ, и оную отправилъ гораздо въ слухъ отъ слова до слова, примѣчая тѣмъ же временемъ, какую мину его величество показать изволитъ; но ничего перемѣннаго не усмотрѣлъ, и его величество, по своему обычаю, изволилъ стоять при столѣ неподвижно, и мою рѣчь спокойно выслушалъ, и потомъ изволилъ мнѣ отвѣтствовать, но толь невнятно и толь скоро, что я ни словъ, ни въ какую силу не выразумѣлъ; но не могъ я требовать у его величества экспликаціи, для того, что многіе примѣры есть, что когда въ чемъ не изволитъ себя изъяснить, то и повторнѣ невнятно же отвѣтствовать обыкъ, и въ таковыхъ случаяхъ чужестранные себя адресуютъ къ имперскому вице-канцлеру.» Вице-канцлеръ все извинялся, что не имѣлъ времени говорить съ цесаремъ; другіе министры отмалчивались; между ними была рознь: одни говорили, что лучше заранѣе признать титулъ и тѣмъ одолжить царя, нежели современемъ послѣдовать примѣру другихъ, что первенство между императорами все же останется за цесаремъ священной Римской имперіи. Другіе говорили, что если признать императорскій титулъ царя, то и король Англійскій потребуетъ того же, подъ предлогомъ, что Англичане издавна свою корону зовутъ императорскою (the imperial crown), а потомъ и другіе короли, у которыхъ нѣсколько королевствъ, будутъ искать того же: такимъ образомъ императорское отличіе преуничтожится. Придворный поэтъ Невенъ (Newen) подвергся преслѣдованію и насмѣшкамъ, зато, что по поводу Ништадтскаго мира написалъ стихи въ честь Петра, котораго назвалъ августѣйшимъ. Въ концѣ 1721 года отправлены были отъ цесаря двѣ грамоты къ новому императору, и обѣ съ старымъ титуломъ. Рѣшеніе дѣла было отложено [197].

Изъ Дрездена князь Сергѣй Долгорукій доносилъ, что Саксонскіе министры хотя и рады, что король ихъ включенъ въ Ништадтскій договоръ, однако можно было замѣтить, какъ сильно завидовали они выгоднымъ для Россіи условіямъ мира. Флемингъ разсказалъ Долгорукому подробно исторію предложенія о раздѣлѣ

Польши: по его словамъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1721 года пріѣхалъ въ Дрезденъ жидъ Леманъ и отъ имени Прусскаго короля предлагалъ королю Августу раздѣлить Польшу; король велѣлъ говорить съ жидомъ Флемингу, который сказалъ ему, что дѣло состояться не можетъ, и чтобъ онъ не смѣлъ больше объ немъ говорить. Между тѣмъ изъ Дрездена дали знать Саксонскому министру при Прусскомъ дворѣ, чтобъ освѣдомился у самого короля, приказывалъ ли онъ жиду Леману сдѣлать подобное предложеніе. Фридрихъ Вильгельмъ отвѣчалъ, что удивляется, почему предложеніе жида принято такъ странно въ Дрезденѣ, и желаетъ повидаться съ Флемингомъ. Тотъ отправился въ Берлинъ. Король самъ ничего съ нимъ не говорилъ, но Ильгенъ спросилъ: не Саксонское ли правительство поручило жиду Леману предложить Прусскому королю раздѣлъ Польши? Флемингъ отвѣчалъ, что нѣтъ, но что жидъ пріѣзжалъ съ этимъ предложеніемъ въ Дрезденъ отъ имени Прусскаго короля. Ильгенъ спросилъ: а что думаетъ Флемингъ о проектѣ раздѣленія Польши, который Леманъ подалъ цесарскому двору чрезъ посредство герцога Бланкенбургскаго? Флемингъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ о проектѣ; тогда Ильгенъ прочелъ ему копію проекта, и сказалъ, что объ немъ сообщено ими царю, который отвѣчалъ, что дѣло состояться не можетъ; императоръ отвѣчалъ тоже самое. Призвали жида Лемана, который вошелъ съ трепетомъ и со слезами, пригласили Русскаго посланника, графа Головкина, и Ильгенъ спросилъ жида, откуда пришла ему мысль предлагать раздѣлъ Польши? Жидъ отвѣчалъ: «Господь Богъ послалъ мнѣ ее на разумъ, и я вознамѣрился наказать Поляковъ, какъ самыхъ дурныхъ людей въ цѣломъ свѣтѣ.»

Но въ Петербургѣ не хотѣли довольствоваться этимъ объясненіемъ. «Сами вы высокопросвѣщенно разсудить изволите, писалъ Петръ королю Августу, что никто этого не можетъ почесть за вымыселъ такихъ бездѣльныхъ людей, которые кромѣ торгу ничего не привыкли предпринимать. Никто этому не повѣритъ и потому еще, что, къ великому нашему удивленію, жиды въ столь важномъ дѣлѣ не только не спрошены на счетъ подробностей, не арестованы и розыску не подвергнуты, но, какъ слышимъ, Леману вся вина отпущена безъ малѣйшаго наказанія. Мы ваше королевское величество дружебно просимъ, дабы вы помянутыхъ

жидовъ Лемана и Мейера повелѣли взять за арестъ и учинить имъ въ присутствіи князя Сергѣя Долгорукаго, инквизицію, и по изслѣдованіи сего дѣла намъ надъ оными преступниками и надъ ихъ наставниками надлежащую сатисфакцію дать, дабы на то смотря другіе впредь въ такія важныя дѣла безъ указу вступать и насъ съ сосѣдственными государствами, особенно же съ рѣчью посполитою, ссорить и великими государями такъ играть не отваживались.»

Жиды были арестованы, подвергнуты допросу и показали, что никто имъ такого порученія не давалъ, а придумали они сами потому, что Леманъ имѣетъ много должниковъ въ Польшѣ, и надѣялся, что посредствомъ раздѣла ея легче получить свои деньги [198].

Между тѣмъ Русскіе министры при иностранныхъ дворахъ давали великолѣпные пиры и праздники по поводу мира. Приготовлялась праздновать и старая Москва, куда къ концу года отправился дворъ. 18 декабря новый императоръ торжественно вступилъ въ древнюю столицу царей и въ Успенскомъ соборѣ благодарилъ Бога за миръ, который далъ Россіи море и обезопасилъ новую приморскую столицу; маскарады, фейерверки, иллюминаціи, ѣзда по улицамъ въ великолѣпно украшенныхъ морскихъ судахъ, поставленныхъ на сани ознаменовали московскія празднества. Но Петръ не даромъ отвѣчалъ Сенату въ Троицкомъ соборѣ, что, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ: среди праздниковъ шли приготовленія къ походу — на востокъ, къ Каспійскому морю.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Въ 1717 году между Англійскимъ духовенствомъ обнаружилось движеніе для соединенія англиканской церкви съ восточною православною. При этомъ движеніи, разумѣется, не могла быть обойдена православная Россія съ ея великимъ царемъ, и двое епископовъ, Іеремія Колльеръ и Архибальдъ Кампбелль обратились къ Петру съ слѣдующимъ письмомъ (изъ Лондона 8 октября 1717 г.):

Serenissima Majestas,

Nuper per Archimandritam Archiepiscopi Thebaidos Londini comitem, nobis innotuit, Majestatem Tuam pro summa benignitate res nostras propius aspexisse, et conatui nostro Ecclesiis Graecis et Britannicis coalescendis, favisse, ultroque in se recepisse, Articulos ex utraque parte concessos, ad quatuor Patriarchas Orientales perferendos, curaturam. Nos tali honore ex insperato dignati, officii nostri esse duximus, Majestati Tuae gratias quam maximas humillime agere: Et cum tanto Principi cordi est dissidiis sopiendis, et concordiae inter Ecclesias revocandae, operam navare, speramus rem ad felicem exitum perductum iri. Fatemur quidem, mutationes quasdam tam Religionem quam Rempublicam spectantes, partes nostras ad pavcos redegisse: sed non latet Majestatem Tuam Jus Fasque non semper pluribus adesse, nec suffragiis colligenda. Coepta Majestatis Tuae tam pietate insignia, prospero rerum cursu rependantur: Diu laetus terris intersis, Tibi ipsi et subditis felix; ac tandem, Gloriae et dierum satur, ad fastigium altius evehendus.

Hoc animitus in votis habent
Majestatis Tuae
maximo cultu deditissimi
Jeremias Collierius, Episc.
Archibaldus Campbell Episcopus.

Канцлеръ Головкинъ получилъ слѣдующее письмо:

Mon Seigneur

I'ay l'honneur de vous ecrire a present sur la recommendation du reverend pere Gennadius Archimandrite de l'Eglise d'Alexandrie mon tres cher ami, qui depuis son retour d'Hollande m'a informé qu'il avoit communiqué non seulement a votre Excellence, mais aussi a sa Majesté Csarienne mon desir d'entrer en communion avec l'Eglise Grecque, et d'avoir mes Ordres Sacrez confirmes par une authorité Catholique et Apostolique. Il est vray Mon Seigneur que je demandais cette grace au reverendissime Arsenius Archeveque et Metropolite de Thebais, qui pour son humilité, pieté et autorité dans l'Eglise Catholique j'avois en grande veneration. Votre Excellence me permettra de vous donner les raisons qui m'y ont porté. Il me paroit que l'Eglise Anglicane n'etoit ni virtuellement, ni actuellement en communion avec aucune part de l'Eglise Catholique, ni avec aucune Eglise qui a une succession reguliere des Evêques et des Prêtres derivée des Apôtres, ou par la Participation de la S. S. Eucharistie, ou par des lettres communicatifs selon l'usage de l'Eglise Ancienne; et ayant de plus examiné et consideré l'autorité des Evêques et Prêtres de cette Eglise, elle me paroissoit plutôt humaine et politique, que vraiment Ecclesiastique, Apostolique et Divine. Ce qui me fit ardemment desiré que s'il y avoit quelque defaut ou manquement dans les ordres Sacrez que j'avois reccus, il pouvoit etre supplée et rectifié par une autorité Catholique et Apostolique, et que je pourrois etre receu en Communion avec l'Eglise Grecque comme etant plus Catholique que celle des Latins, et plus exempte des innovations que l'Eglise Latine a fait dans la religion Chretienne: c'est pourquoi je demandait cette grace du reverendissime Arsenius, ce qu'il m'aurait accordé s'il n'avait eté empeche par des accidens dont il n'est pas necessaire d'incommoder votre Excellence. J'ay toujours pourtant le même desir de r'entrer dans l'union de l'Eglise Catholique, pourveu que cela se pourrait faire sur des principes et conditions vrayement catholiques, et par des moyens propres et regulieresselon la pratique de l'Eglise Catholique et Ancienne en de telles occasions, et j'ay raison de croire qu'il y a bien des autres icy, qui souhaitent la même chose avec moi. Et je prend la liber-

té de representer a votre Excellence cette affaire sur le repport qu'on m'a fait de votre grande bonté et zele pour l'Eglise Catholique et le bien des ames, dont vous avez donné les marques par les bous offices que vous avez rendu au reverende Pere Gennadius. Ce m'etait aussi un grand plaisir d'entendre que La Majesté Csarienne avoit pris les souffrances de l'Eglise Grecque tant a coeur, et qu'il avoit envoyé le reverendissime Arsenius en Muscovie avec tant de marques de sa faveur et protection royale; et que de son affection paternelle pour le bien spirituel de ses sujets qui sont icy, il avoit donné ordre de pourvoir une maison ou chapelle, ou le reverend Gennadius pourrait celebrer les offices divines a leur profit et consolation spirituelle. Et comme les actions grandes et glorieuses que La Majesté a fait, et les travaux infatigables qu'il a pris de faire cultiver a son peuple tous les arts liberaux et mechaniques, et de planter en son pais la politesse, ont rendu son nom illustre dans tout le monde, et le font meriter le nom de Grand et de Heros beaucoup plus que ne faisait Alexander ou les autres heros de l'antiquité; aussi je supplie tres humblement le Grand Dieu de le faire encore plus grand et glorieux en l'inspirant un zele veritable et chretienne pour le bien de l'Eglise Catholique. Et assurement un prince si grand et magnanime peut faire beauconp pour l'honneur de notre Seigneur Jesus Christ, pour l'interêt de son Eglise (qui est son royaume sur la terre) pour faire agreer les differences qui ont depuis si longtemps dechirees et divises l'Eglise, et pour restorer cet union qui doit etre entre tous les membres de Jesus Christ. Votre Excellence me permettra encore de l'informer que j'ay deja commencé avec une petite et pauvre congregation de celebrer (quoique d'une maniere secrette) l'Eucharistie sacré par une liturgie plus catholique et plus conforme aux anciennes, que celle dont ou use apresent dans l'Eglise icy, et de faire revivre l'ancienne discipline de l'Eglise tout a fait negligée parmi nous, et que je tache de composer une liturgie encore plus parfoite selon les plus ansiennes liturgies Grecques, mais pour accomplir un tel oeuvre il me faudrait d'assistance et aussi d'appuy pour en pouvoir user en publique. Mais je me confie dans la protection de Dieu Tout puissant, qu'il suscitera des fauteurs et fournira les moyens necessaires pour me mettre en etat de finir avec son aide l'ouvrage qu'il m'a donne a faire a la gloire

de son saint nom, le bien de cette Eglise et l'avancement de l'union catholique. C'est a ce bon Dieu et a son protection et benediction celeste que je recommende votre Excelence, etant avec beaucoup de respect

Mon Seigneur

Votre tres humble et tres obeissant serviteur en nostre Séigneur

Iesus Crist

Patrice Cockburn.

Londres le 9 d'Octobre 1717.

Эти духовные, которые называли себя «остатками древняго православія въ Британіи,» отправили на Востокъ нѣсколько предложеній, прося на нихъ согласія у тамошняго духовенства. На эти предложенія составлены были отвѣты «соборнымъ восточные церкви судомъ и присудомъ, при собраніи и со извѣстнѣйшимъ разсмотрѣніемъ всесвятѣйшаго вселенскаго патріарха Константинопольскаго Новаго Рима, господина Іереміи, и при случившихся блаженнѣйшихъ и святѣйшихъ патріарховъ, Александрійскаго господина Самуила и Іерусалимскаго господина Хрисанѳа, вкупѣ съ сошедшимся множествомъ преосвященныхъ митрополитовъ и прехвальнаго Клироса Христовы великія церкви, въ Константинополѣ въ лѣто 1718, въ мѣсяцѣ апрѣлѣ, индиктіона 11.»

Британское духовенство требовало, чтобъ Іерусалимская церковь признана была за начало всего церковнаго единенія и всѣхъ другихъ церквей матерью, въ слѣдствіе чего іерусалимскій епископъ долженъ имѣть предсѣдательство предъ всѣми другими христіанскими епископами. Константинопольскому епископу должна принадлежать одинакая честь съ Римскимъ епископомъ. Останки Британскихъ церквей, принявшіе Евангеліе отъ пришельцевъ изъ Іерусалима, прежде подчиненія своего Римской церкви и ея епископу, исповѣдующіе Каѳолическую вѣру, отъ апостоловъ преданную и на древнѣйшихъ соборахъ Никейскомъ и Константинопольскомъ въ символъ сложенную, да считаются частію Каѳолической церкви, общность имѣющею съ апостолами и святыми отцами соборовъ. — Восточное духовенство отвергло это требованіе, какъ несогласное съ древнимъ чиномъ, уставленнымъ древними православными царями и утвержденнымъ на соборахъ: «Британское духовенство хочетъ явиться мудрѣе богоносныхъ от-

цовъ, какъ будто отъ неразумія опредѣлившихъ порядокъ патріаршихъ престоловъ! притомъ это дѣло вовсе не касается догматовъ вѣры; если же Британское духовенство, признавая, что получило свѣтъ истинной вѣры изъ Іерусалима, хочетъ быть непремѣнно подъ властію іерусалимскаго патріарха, то это ему позволяется.

Англійское духовенство обѣщало снова ввести древнѣйшую англиканскую литургію и отвергнуть новую, какъ несогласную съ восточною православною литургіею. На это восточное духовенство отвѣчало, что православная церковь признаетъ одну литургію, которая должна быть введена и въ Англіи, англиканская же литургія ему неизвѣстна и подозрительна, не внесено ли въ нее еретиками что-нибудь противное благочестію, надобно прежде съ нею ознакомиться.

Англійское духовенство требовало, чтобъ главою церкви признавался одинъ только Христосъ, чтобъ это достоинство не присвоивалось никому изъ людей, а особенно изъ мірскихъ. Отвѣтъ: «Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть единственный глава церкви земной и небесной; но такъ какъ Онъ Самъ поставилъ надъ своимъ зданіемъ апостоловъ и архіереевъ, давъ имъ власть вязать и рѣшить, то и всякій у насъ архіерей есть глава, подчиненный общей Главѣ; настоятели церквей, называемые главами принимаютъ имя это отъ истиннаго Главы, совершаютъ дѣла Главы и къ Нему возводятъ совершаемое, а не къ себѣ самимъ.

Англійское духовенство принимало исхожденіе Духа Св. отъ отца, принимало причащеніе подъ обоими видами, отвергало чистилище. Восточное духовенство отозвалось съ похвалою объ этомъ согласіи съ православною церковію; но не согласилось съ предложеніемъ не равнять авторитета соборовъ съ авторитетомъ св. Писанія и признать возможность измѣнять постановленія соборовъ; восточное духовенство отвѣчало, что измѣненіе возможно только въ вещахъ второстепенныхъ, относящихся къ обычаямъ, напримѣръ, сѣвернымъ жителямъ можно позволить ѣсть рыбу въ великій постъ, потому что у нихъ нѣтъ плодовъ и овощей, и то опять по соборному же приговору, и никто изъ членовъ церкви не имѣетъ права дѣлать что ему вздумается; въ божественныхъ же догматахъ не можетъ быть никакого измѣненія противъ соборныхъ рѣшеній.

Англійское духовенство требовало, чтобъ въ почитаніи Богородицы слава Божія не отдавалась твари, Святая Дѣва не восхвалялась больше самого Бога. На это восточное духовенство отвѣчало словами пророка Давида: «Убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ». Въ православной церкви никогда не отдается слава Божія ни Богородицѣ, ни какому другому сотворенному существу; поклоненіе жертвоприносительное или служебное воздаемъ единому Богу, а рабственное святымъ, почитая ихъ какъ рабовъ вѣрныхъ и истинныхъ друзей Божіихъ; преклоняемся и предъ земными царями, но за это нельзя называть насъ человѣкослужителями и говорить, что мы служимъ твари болѣе, чѣмъ Создавшему. Христосъ ходатай есть примиренія нашего съ Богомъ и Отцомъ, Онъ примирилъ насъ съ Нимъ, бывшихъ врагами въ слѣдствіе преступленія Адамова; ни Ангелъ, ни человѣкъ, но самъ Господь спасъ насъ, и спасены мы благодатію. А святые и Богородица ходатайствуютъ о грѣхахъ нашихъ, послѣ крещенія сдѣланныхъ, ходатайствуютъ о покаяніи нашемъ, о избавленіи отъ бѣдъ и напастей.

О таинствѣ Евхаристіи англійское духовенство предлагало: принимать таинство, *привидя* самого Христа, поклоняться ему духомъ, какъ истинно присутствующему, не поклоняясь святымъ присутствія его символамъ. Восточное духовенство отвергло это предложеніе какъ хульное, ибо послѣ пресуществленія чрезъ наитіе св. Духа хлѣбъ и вино не суть символы только, но истинное тѣло и кровь Христовы; нельзя поправлять слова Господа; не сказалъ Онъ: *въ семъ*, или *подъ симъ*, или *съ симъ* есть тѣло Мое, а сказалъ прямо: «сіе есть тѣло мое».

Объ иконахъ Англійское духовенство предлагало: почитая святыхъ, не считаемъ незаконнымъ имѣть ихъ изображенія: но опасаемся соблазна для Іудеевъ и магометанъ; боимся также, чтобъ простые люди изъ нашего народа не прельстились и не предались нечестивому идолослуженію; поэтому просимъ, чтобъ девятое правило втораго Никейскаго собора о иконахъ истолковано было такимъ образомъ, чтобъ всякое погрѣшеніе предупреждено и всякій соблазнъ былъ отнятъ. На это восточное духовенство отвѣчало: святыхъ, Богородицу и самого Христа почитать въ иконахъ—у насъ древнее обыкновеніе, любовно принимаемое и благочестиво совершаемое. Взирая на изображенія святыхъ и под-

виговъ ихъ, христіанинъ возбуждается къ подражанію, ибо живопись есть молчаливая исторія, такъ какъ исторія есть вѣщающая живопись. Боитесь соблазнить Іудеевъ, магометанъ и нѣкоторыхъ, называемыхъ у насъ иконоборцами; но о разрѣшеніи субботы многіе жиды соблазнялись, однако Господь и апостолы не обращали вниманія на этотъ соблазнъ и продолжали разрѣшать субботу; жиды и магометане соблазняются нашими священнодѣйственными таинствами: такъ что же, мы должны перестать совершать ихъ? Наши и неграмотные до сихъ поръ иконамъ поклоняются, но въ вѣрѣ нисколько не повредились и въ идолослуженіе не уклонились, умѣютъ отвѣчать, что честь иконы къ изображенному восходитъ; девятое правило втораго Никейскаго собора, какъ установленное сонмомъ святыхъ мужей подъ наитіемъ св. Духа, отклонить нельзя, какъ вы просите.

(Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

II. отъ господина канцлера (головкина) къ михаилу кантакузину:

Славнѣйшій и благороднѣйшій господине и пріятелю! Понеже царское величество мой всемилостивѣйшій государь чрезъ доношеніе племянника вашего г. графа Ѳому Кантакузина и другихъ довольно извѣстенъ о вашей христіанской ревности и о непремѣнной къ его величеству вѣрной службѣ: того ради повелѣлъ мнѣ вашей милости за сіе возблагодарить и обнадежить высокою своею милостію и достойнымъ награжденіемъ, не токмо персонѣ вашей, но и прочимъ вашимъ родственникамъ въ вѣрности къ его царскому величеству сущимъ. Что же ваша милость объявляете о горячести сердецъ православнаго народа сущихъ подъ властію Турецкою и цесарскою противъ общаго непріятеля салтана Турскаго, особливо же что полковникъ Сербскій Вулинъ до 20,000 въ готовности войска имѣетъ, и тотъ полковникъ Вулинъ и другой съ нимъ Тукелинъ и Хаджи прислали нынѣ отъ себя и къ царскому величеству нарочно поручика съ объявленіемъ готовыхъ себя къ службѣ его царскаго величества съ 10,000 человѣкъ войска и просятъ о семъ извѣстія и соизволенія отъ его царскаго величества. А понеже врагъ всего христіанства салтанъ Турской весьма намѣренъ злобу свою на православныхъ христіанъ излести, и, не смотря на мирное прошлаго лѣта постановленіе и на исполненіе всего по договору со стороны царскаго

величества,хощетъ вѣроломный разрывъ мира учинить и противъ его, благочестиваго монарха нашего войну паки всчать, и не токмо что публично оную объявить повелѣлъ, но и указы о сборѣ войска къ границамъ нашимъ разослалъ и самъ въ тотъ походъ готовится: того ради царское величество оное салтана Турскаго вѣроломство и неправедно начатую отъ Турковъ войну праведному суду Всевышняго вруча, принужденъ паки справедливое свое оружіе воспріять, уповая на всемилостивѣйшее въ правдѣ Божіе вспоможеніе. И тако всемилостивѣйше повелѣлъ мнѣ къ милости вашей писать, дабы вы, по христіанской своей ревности и знаемой къ его величеству вѣрности, къ помянутымъ полковникамъ Сербскимъ Тукелину, Вулину и Хаджи писали, и по извѣстному вашему искусству къ тому ихъ дѣйствительно привели, чтобъ они съ тѣмъ войскомъ, какъ они сами объявляютъ, съ 1,000 человѣкъ или хотя и вяще добрыхъ, конныхъ и доброво оруженныхъ людей на службу его царскаго величества противъ общаго всего христіанства непріятеля пришли, и какъ возможно скоро къ границамъ Россійскимъ въ совокупленіе съ войски Россійскими поспѣшали, и противъ того общаго непріятеля оружіе свое съ войски царскаго величества соединили, за что имъ давано будетъ его царскаго величества жалованье. А когда они, полковники, пойдутъ въ походъ и въ коликомъ числѣ войскъ, о томъ далибъ знать напередъ чрезъ васъ и чрезъ нарочныхъ своихъ посланныхъ племяннику вашему генералъ-майору Ѳомѣ, который нынѣ въ войскѣ при Кіевѣ, ибо то дѣло, по указу царскаго величества, вручено ему; а въ тамошніе края, кромѣ вашей милости, ни хкому о семъ отсюды не писано, и когда они въ тотъ походъ пойдутъ, то бъ они, идучи, трудились какимъ способомъ учрежденные Турскіе могазейны зжечь. Также изволите и иныхъ христіанъ подъ властію Турецкою сущихъ, ко тому побуждать и склонять приняти оружіе противъ того общаго непріятеля, обѣщая имъ за службы ихъ его царскаго величества милостію и награжденіемъ, и что будетъ о семъ чинитися, также и о тамошнихъ поведеніяхъ и о непріятельскихъ намѣреніяхъ, поелику возможно, навѣдався изволите къ намъ писать. Когда же тѣ войска будутъ въ собраніи, и можете увѣдомить достовѣрно, что они на службу государеву придутъ и маршъ свой воспріимутъ, и ежели будутъ имѣть нужду въ деньгахъ прежде, нежели придутъ къ на-

шимъ границамъ, то изволь ваша милость или изъ своей казны или у иныхъ кого сыскавъ, имъ дать по ефимку на каждаго человѣка, что милости вашей заплачено будетъ съ награжденіемъ, извольте въ то повѣрить; а когда они придутъ въ совокупленіе съ войскомъ ц. в., то имъ дано будетъ полное жалованье, а полководцамъ особливая милость и награжденіе. При семъ пребываю неизмѣнный вашъ другъ Г. Головкинъ. Изъ Санктпетербурга, 25 марта 1712, послано съ Сербяниномъ Дмитріемъ Семеновымъ. Марта въ 21 сіе письмо изволилъ царское величество слушать у господина канцлера и при томъ былъ господинъ Рагузинской.

(Москов. Архивъ Министер. Иностр. Дѣлъ.)

III. переводъ (современный) съ перехваченнаго донесенія голландскаго резидента деби отъ 8 іюля нов. стиля 1718 года. Хотя царевичъ Алексѣй Петровичъ чаялъ, что чрезъ полученное прощеніе и для того публикованный манифестъ о своемъ животѣ увѣренъ былъ (понеже его царское величество самъ его болѣе за проведеннаго, нежели проводителя и главу того замысла почиталъ): однакоже объ немъ весьма инако оказывается. Метреса царевича случай подала на открытіе наивящихъ тайностей. Она есть низкой породы изъ Финляндіи, плѣнная и къ блуду съ принцемъ Алексѣемъ обнаженнымъ ножемъ и угроженіемъ смерти принужденная особа. Многіе чаютъ, что она, по принятіи Греческой вѣры и первому рожденію чрезъ Греческаго священника и духовнаго отца того принца, который такожде посаженъ, въ пути дѣйствительно вѣнчана съ царевичемъ, и видится, что сіе нѣкоторымъ образомъ основательно есть, понеже, когда помянутая метреса отъ царя совершенное прощеніе получила, нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи оной назадъ отданы и ей при томъ сказано было, что когда она замужъ выйдетъ, то предбудущему ея мужу хорошее приданое изъ казны выдано будетъ, она на это отвѣтствовала: къ первому блуду я принуждена была, и послѣ того принца никто при моемъ боку лежать не будетъ, о которыхъ словахъ разныя сумнѣнія учинены были, которыя болѣе къ тому клонятся, что она еще вовсе надежду не потеряла, въ которое время нибудь корону на себѣ видѣть. Хотя она чрезъ глубочайшую покорность и объявленіе того, что она вѣдаетъ, себя при сихъ опасныхъ временахъ ищетъ въ полученную милость отъ

царя утвердить, однакожь она чрезъ изустное свое объявленіе много тягости, какъ несчастливому принцу, такъ и участникамъ его причинила, также чрезъ письма, которыя они къ нему писали и у нея найдены. Довольно удивиться не можно о дальнихъ намѣреніяхъ, которыя онъ принцъ имѣлъ къ разоренію и смерти всѣхъ царскихъ министровъ, служителей и всѣхъ чужестранныхъ, такожде о злыхъ намѣреніяхъ, которыя онъ противъ своего государя и отца имѣлъ: онъ токмо добраго случая ожидалъ оныя въ дѣйство произвесть, и тогда бъ пророчества въ Москвѣ казненнаго архіерея Ростовскаго по человѣческому разсужденію правдивыя были, когда бъ Божія милость сего священнаго (т. е. царя) не сохранила. Весь свѣтъ не могъ разсудить, для чего его царское величество въ желанномъ отъ Дацкаго десантѣ на Сканію не хотѣлъ вспомоществовать; но главнѣйшая причина, которая царя отъ того удержала, было кровопролитіе, которое его величеству уже тогда здѣсь въ государствѣ пріуготовляли, и покабъ своими вѣрными войсками ихъ кровь пролилъ, тогда бъ его ко владѣнію желающій сынъ время и случай получилъ, дабы Россію паки въ прежней хаосъ и безобразіе привесть. Его царское величество уже тогда въ Копенгагенѣ о тайныхъ проектахъ нѣкоторыхъ недовольныхъ подданныхъ отчасти увѣдомленъ былъ и отъ вѣрныхъ его служителей ему совѣтовано было, дабы лучшими своими войсками гораздо не отдаляться и чрезъ то случай не подать, чтобъ домашній огонь распалиться могъ.

(Москов. Архивъ Министер. Иностр. Дѣлъ.)

Отъ 30 іюня Деби писалъ, что царь передъ смертію царевича, въ продолженіи восьми дней каждый день молился на колѣнахъ съ горькими слезами, прося Бога внушить ему мысли, согласныя съ его честію и съ благомъ народа и государства.

(Донесенія Голландскихъ резидентовъ).

IV. урбихъ канцлеру головкину (въ 1712 году): «О врученной мнѣ коммиссіи о началѣ Славянскаго народа и о ихъ языкѣ я старался и разнымъ особамъ ученымъ въ Прагѣ коммиссіи далъ всѣ тѣ книги, которыя о томъ писаны, пріискать и ко мнѣ прислать; но никто больше въ томъ служить не можетъ, какъ тайный совѣтникъ Лейбницъ въ Ганноверѣ; я его о томъ просилъ, который мнѣ еще передъ отъѣздомъ моимъ записку вручилъ; я

уповаю, что то описаніе царскому величеству угодно будетъ.» Въ запискѣ Лейбница Сарматы и Гунны причислены къ Славянамъ; народы дѣйствительно принадлежащіе къ Славянскому племени, перечислены вѣрно; Славянское происхожденіе Болгаръ доказывается названіемъ ереси *Богомиловъ*.

V. графъ александръ головкинъ къ отцу изъ берлина (1712 года): «Господинъ Ильгенъ проситъ, чтобъ госпожѣ Монсовой, женѣ покойнаго Кейзерлинга позволено было изъ Москвы выѣхать въ Прусы для своихъ нуждъ.»

VI. меншиковъ князю вас. лукичу долгорукому въ копенгагенъ (1713 года): «Во всѣхъ курантахъ печатаютъ государство наше Московскимъ, а не Россійскимъ, и того ради извольте у себя сіе престеречь, чтобъ печатали Россійскимъ, о чемъ и къ прочимъ ко всѣмъ дворамъ писано.»

(Москов. Архивъ Министер. Иностр. Дѣлъ.)

ПРИМѢЧАНІЯ:

1. Гисторія Свейской войны (Журналъ Петра В.) подъ означеннымъ годомъ.

2. Кабинетъ II, кн. № 13.

3. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Датскія 1712 года.

4. Письмо Петра къ Меншикову, въ Москов. Архивѣ. Мин. Иност. Дѣлъ.

5. Дѣла Датскія 1712 года въ Москов. Архивѣ Мин Ин. Д.; Голикова Дополн. къ Дѣян. П. В. IX, 299

6. Гисторія Свейской войны; Дѣла Голландскія и Шведскія 1712 г.

7. Дѣла Прусскія 1711 и 1712 годовъ въ Москов Архивѣ Минист. Иностр. Д.

8. Письмо Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Министер. Иностр. Д.

9. Кабинетъ, I, кн. № 14.

10. Письмо Меншикова къ Петру В. въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Д.

11. Исторія Россіи, т. XIV.

12. Дѣла Датскія 1713 года въ Мос. Архивѣ Мин. Ин. Д.

13. Письма Петра. В. къ Меншикову тамъ же.

14. Дѣла Датскія 1713 года тамъ же; Дѣла Прусскія того же года.

15. Письма Петра В. къ Меншикову тамъ же; Кабинетъ I, книга № 21.

16. Дѣла Датскія 1713 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.; тамъ же дѣла Голландскія.

17. Кабинетъ II, кн. № 21; I, № 21.

18. Дѣла Датскія 1714 г. въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.; записки Бассевича, напечат. въ Русск. Архивѣ 1865 года.

19. Гисторія Свейской войны; Weber—des Veränderte Russland, I, 25; Донесенія Голландскихъ резидентовъ.

20. См. вторую главу XVI тома Исторіи Россіи.

21. Дѣла Датскія 1715 г. въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.» тамъ же дѣла Прусскія того же года; тамъ же дѣла Шведскія.

22. Тѣ же дѣла 1716 года.
23. Тамъ же дѣла Мекленбургскія 1712—1716 года; дѣла Голландскія 1716 года.
24. Кабинетъ II, кн. № 29.
25. Дѣла Мекленбургскія 1716 года.
26. Исторія Свейской войны; Письма русскихъ государей.
27. Дѣла Датскія 1716 года; дѣла Голландскія того же года.
28. Письма русскихъ государей.
29. Кабинетъ I, кн. № 7.
30. Москов. Архивъ Мин. Иност. Д. Дѣла приказныя новыхъ лѣтъ 1716 года.
31. Тамъ же, дѣла Прусскія 1716 г.
32. Письма русскихъ государей.—Кабинетъ I, кн. № 7.
33. Дѣла Англійскія 1717 года.
34. Дѣла Французскія 1711 года.—Дѣла Прусскія 1716 и 1717 г.
35. Голиковъ—Дѣянія V, 261. Кабинетъ II, кн. № 27. Отъ 20 октября Зотовъ писалъ: «Если же я сіе дерзаю желать изъ интереса какихъ подарковъ (что у насъ могутъ думать), то да будетъ моя голова на колѣ съ Циклеровымъ.....»
36. Mémoires dê Duclos; Mémoires de Saint-Simon, t. XV.
37. Письма русскихъ Государей:
38. Тамъ же.
39. Пол. Собр. Зак. № 3.098.
40. Дѣла Голландскія 1717 года.—Fryxell, V, III и слѣд.
41. Дѣла Датскія 1717 года.
42. Дѣла Прусскія 1717 года.
43. Дѣла Англійскія 1717 года.
44. Дѣла Англійскія означенныхъ лѣтъ. — Голиковъ — Дополн. къ Дѣян. VIII, стр. 411.
45. Въ одномъ письмѣ къ духовнику своему царевичъ пишетъ: «Петра Ивлю, который у Ада пребываетъ, изволь взять и отдать въ школу которую для ученья, чтобъ онъ дней своихъ не терялъ всуе праздно; учить его вели латинскому и нѣмецкому языкамъ, а буде возможно, хотя бы и французскому языку учился бы.» Чтенія Моск. Истор. Общ. годъ 1861, кн. 3.
46. См. Исторію Россіи, т. XIII.
47. См. Исторію Россіи, т. XIV.
48. Кабин. II, кн. № 33.
49. См. Исторію Россіи, т. XV.
50. Переводъ плана въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д. Напечатанъ у Устрялова въ приложеніяхъ къ VI тому Исторіи П. В.

51. Журналъ Гизена въ Собраніи разныхъ записокъ Туманскаго III, 371.

52. Записка Гюйссена въ Академіи Наукъ; напечатана въ извлеченіи у Устрялова въ приложеніяхъ къ VI тому И. П. В.

53. Чтенія Моск. Историч. Общества, годъ 1861, книга 3.

54. Исторія Россіи, т. XIII

55. Чтенія Моск. Ист. Общества, годъ 1861, книга 3.

56. Тамъ же.

57. Дѣло о царевичѣ Алекс. Петров. Акты, относящіеся къ дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ, не разъ изданы: полнѣе и вѣрнѣе напечатаны они въ приложеніяхъ къ VI тому Исторіи Петра В. Устрялова; читатель можетъ справляться съ ними, когда мы будемъ цитовать: Дѣло о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ.

58. Донесеніе цесарскаго резидента Плейера; въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова.

59. Исторія Россіи XVI, 32 и слѣд.

60. Чтенія Моск. Ист. Общ. годъ 1861, кн. 3.

61. Дѣло о царевичѣ А. П.—Чтенія Московск. Историч. Общества тамъ же.

62. Тамъ же

63. Дѣло о царевичѣ. Письмо напечат. въ приложен. въ книгѣ Устрялова.

64. Тамъ же.

65. Собраніе записокъ Туманскаго VIII, 8; Письма цар. Ал. Петр. изд. Мурзакевичемъ. Исторія Россіи, т. XV.

66. Рукописи Академіи Наукъ; напечат. въ приложен. къ книгѣ Устрялова.

67, Чтенія Моск. Истор. Общ. годъ 1861, кн. 3.

68. Дѣла Австрійскія 1711 года.

69. Кабинетъ II, кн. № 12.

70. Дѣла Брауншвейгскія 1710 года.

71. Чтенія Моск. Истор. Общ. годъ 1861, кн. 3.

72. Полн. Собр. Зак. № 2.354.

73. Тамъ же, № 2.440.

74. См. этотъ наказъ въ Исторіи Россіи XVI, 133.

75. Дѣла Австрійскія 1711 г., декабрь.

76. Чтенія Моск. Истор. Общ. годъ 1861, кн. 3.

77. Исторія Россіи, XVI, 134.

78. Кабинетъ II, кн. № 15; напечатано въ приложен. къ книгѣ Устрялова.

79. Чтенія Моск. Ист. Общ. годъ 1861, кн. 3.

80. Дѣла Брауншвейгскія 1712 года.
81. Тамъ же 1713 годъ.
82. Дѣла Австрійскія 1713 года.
83. Письма царевича, изд. Мурзакевичемъ.
84. Дѣло о царевичѣ; напеч. въ прилож. въ книгѣ Устрялова.
85. Тамъ же.
86 Тамъ же.
87. Исторія Россіи XVI, 353.
88. Чтенія Моск. Ист. Общ. годъ 1861, кн. 3.
89. Дѣло о царевичѣ.
90. Исторія Россіи XVI, 363.
91. Дѣло о царевичѣ.
92. Тамъ же.
93. Исторія Россіи, т. XV.
94. Дѣло о царевичѣ.
95. Записки Дюка де Лиріи
96. Дѣло о царевичѣ.
97. Тамъ же.
98. Тамъ же.
99. Исторія Россіи, XVI, 263.
100. Чтенія Моск. Ист. Общ. 1861 года, ки. 3.
101. Дѣло о царевичѣ.
102. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла историческія. Изъ 18 придворныхъ одинъ Бестужевъ Русскій.
103. Дѣло о царевичѣ.
104. Büsching's Magasin, t. XV.
105. Кабинетъ II, кн. № 21.
106. Дѣла Австрійскія 1714 года.
107. Чтенія Моск. Ист. Общ. 1861 г., кн. 3.
108. Дѣло о царевичѣ.
109. Кабинетъ I, кн. № 60.
110. Тамъ же II, кн, № 19, 21.
111. Тамъ же, кн. № 25.
112. Тамъ же, кн. № 21.
113. Тамъ же, кн. 22.
114. Brevis ac sincera relatio status morbi et. c. quam producunt Sacrae Gzareae Majéstatis medici ordinarü, въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.
115. Реляція Левенвольда царю, тамъ же.
116. Донесеніе цесарскаго резидента Плейера, въ приложен. къ книгѣ Устрялова.

117. Тамъ же.

118. Тамъ же.

119. Дѣло о царевичѣ. Почему письмо не отдано было раньше? Потому что Петръ былъ боленъ. Эта причина, намъ извѣстная, уничтожаетъ всякую нужду въ догадкахъ. Еслибы мы не знали о болѣзни, то позволительно было бы одно объясненіе: естественно любятъ откладывать тяжелыя дѣла, рѣшительные шаги. Одинъ поступокъ человѣка объясняется другимъ; послѣ Петръ отложилъ же рѣшеніе дѣла, далъ сыну долгій срокъ на размышленіе. Еслибы онъ хотѣлъ только поскорѣе отдѣлаться отъ сына, то постригъ бы его немедленно до отъѣзда своего за границу.

120. Тамъ же.

121. Тамъ же.

122. Донесенія Голландскихъ резидентовъ.

123. Дѣло о царевичѣ.

124. Тамъ же.

125. Донесенія Голландскихъ резидентовъ.

126. Дѣло о царевичѣ.

127. Кабинетъ II, кн. № 28.

128. Дѣло о царевичѣ.

129. Чтенія Моск. Ист. Общ. 1861 года, кн. 3.

130. Письмо Екатерины къ Меншикову въ Госуда. Архивѣ.

131. Дѣло о царевичѣ.

132. Письмо въ тайномъ Вѣнскомъ архивѣ; напечатано въ прилож. къ книгѣ Устрялова.

133. Донесенія Веселовскаго въ дѣлѣ о царевичѣ; Вейде.—Кабин. II, кн. № 26, 31.

134. Записки Шенборна о царевичѣ напечатаны въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова

135. Донесеніе Плейера напечатано тамъ же.

136. Дѣло о царевичѣ.

137. Записки Шенборна.

138. См. въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова, № 76 и 77.

139. Моск. Архивъ Мин. Иностр. Д.

140. Дѣло о царевичѣ

141. Донесенія Толстова въ Моск. Арх. Мин. Иностр. Д.

142. Протоколъ конференціи напечатанъ въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова.

143. Донесенія Толстова въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.

144. Дѣло о царевичѣ.

145. Тамъ же.

146. Московскій Архивъ Мин. Ин. Д.

147. Бумаги Тайнаго Вѣнскаго Архива въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова

148. Дѣло о царевичѣ.

149. Есипова Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, I, 157.

150. Письма Екатерины въ Государ. Архивѣ.

151. Чтенія Моск. Ист. Общ. 1861 года, кн. 3.

152 Нартовъ, № 156, 158.

153. Дѣло о царевичѣ.

154. Дѣла Польскія 1718 года.

155. P. H. Bruce—Memoirs, London 1782.

156. Письмо Александра Румянцева къ Дмитрію Ив. Титову. Напечатано въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова, не съ очень впрочемъ исправнаго списка.

157. Кабинетъ II, кн. № 61.

158. Напечатано въ Чтеніяхъ Московск. Историч. Общ. 1861 года, книга 3.

159. И бояре ходили къ нимъ и робятъ тѣ царевны носили и душили, и иныхъ на дому кормили. Дѣло тайнаго Преображ. приказа 1723 г. въ архивѣ Мин. Юстиціи.

160. Тамъ же, годы 1723 и 1724.

161. Письма Русскихъ государей.

162. Fryxell, V, 202. Ссылка на донесенія Французскаго посланника, и на письмо Герца къ Карлу отъ 5 января 1718, хран. въ Швед. государ. архивѣ.

163. Москов. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ, дѣла Аландскаго конгресса.

164. Fryxell, V, 125.

165. Дѣла Шведскія 1719 года.

166. Дѣла Аландскаго конгресса. Брюсъ съ Аланда прислалъ для куріозите нѣкоторыя гисторіи о Карлѣ XVI, слышанныя отъ барона Шпара и другихъ: король уже весь сталъ сѣдъ и оплѣшивѣлъ и токмо по обѣимъ сторонамъ за ушами немного волосъ кудреватыхъ осталось. Встаетъ всегда въ часъ пополуночи и тотчасъ садится на лошадь и ѣздитъ до осьмаго часа непрестанно вскачь. Онъ нынѣ уже употребляетъ постелю. Онъ веселаго нраву, любитъ слушать пѣніе веселыхъ пѣсенъ, и хотя онъ къ женскому полу весьма стыдливъ, однакожъ любитъ, чтобъ о такихъ утѣшныхъ дѣлахъ поглубже при немъ разговаривали, но и самъ временемъ о подробностяхъ того дѣла прилежно испытуетъ. Окромѣ воды и кислаго молока онъ ничего не пьетъ и любитъ токмо самыя простыя твердыя ѣства, а по вечерамъ пшенную молочную кашу. Когда по Бендерской акціи паша

Бендерской къ нему пришелъ и подлѣ его на тюфякахъ сѣлъ, и тогда король съ досады на того пашу будто не нарочно одного ногою на отмашь зацѣпя шпорою, кафтанъ сверху до низу разодралъ.

167. Дѣла Австріискія 1718, 1819, 1720 и 1721 годовъ.

168. Дѣла Польскія тѣхъ же годовъ.

169. Дѣла Прусскія 1719, 1720 и 1721 годовъ.

170 Дѣла Датскія тѣхъ же годовъ.

171. Дѣла Голландскія съ 1718 по 1721 годъ. Доносенія Голландскихъ резидентовъ.

172. Дѣла англійскія 1720 года. Въ отвѣтѣ на меморіалъ читаемъ о сношеніяхъ Русскаго двора съ Якобитами: On n'ignere pas les negotiations du nommé Jernegan et du chevalier Hugh Patterson, beau frere du cydevant lord Mar avec le ministere Russien pendant le sejour du Czar en Hollande. On a en connaissance des intrigues de ce même ministere tant avece le cydevant duc d'Ormond pendant le sejour qu'il fit incognito à Mittau, qu'avec le chevalier Harry Sterling et le susdit Jernegen à Petersbourg, aussi bien que de la correspondence qui s'etablit par le moyen de ce dernier entre le Czar et la cour d'Espague. Tout le monde a su le grand nombre des sujets rebelles de sa majèsté, à qui le Czar a donné toute sorte de protection et d'encouragement

173. Дѣла Англійскія 1720 г.

174. Дѣла Шведскія 1720 г.

175. Голиковъ. Дѣянія VII, 106, 107.

176. См. стр. 77—XVII тома

177. Дѣла Французскія 1718, 1719 и 1720 годовъ.

178. См. томъ XVI, стр. 125.

179. Дѣла Турецкія 1719 и 1720 годовъ.

180. Онъ напечатанъ въ приложеніи къ VII тому Дѣяній П. В. Голикова.

181. Дѣла Англійскія 1720 года.

182 Голиковъ, Дѣянія VII, 128.

183. Дѣла Шведскія 1720 и 1721 года.

184. Дѣла Французскія 1721 года.

185. Дѣла Шведскія 1721 года.

186. Дѣла Голштинскія 1719, 1720 и 1721 годовъ. Голиковъ—Дѣянія VII, 134, 171.

187. Дѣла Шведскія 1721 г.

188. Дѣла Голландскія 1721 г.

189. Дѣла Австрійскія 1721 г.

190. Дѣла Польскія 1721 г.

191. Дѣла Шведскія 1721 г.
192. Кабинетъ II, 56.
193. Изъ Письма Петра къ Синявину, напечат. у Голикова—Дѣянія VII, 340
194. У Голикова—разсказъ очевидца Богданова VII, 343.
195. Дневникъ Берхгольца, I, 168 и слѣд.
196. Пол. Собр. Зак, № 3.840
197. Дѣла Австрійскія 1721 года
198. Дѣла Польскія 1721 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ИСПРАВЛЕНІЯ

Стран.	строки.	Напечатано.	Должно читать.
15	19	Швезвигскія	Шлезвигскія
16	22	Ильгегномъ	Ильгеномъ
22	19	Девизъ	Девицъ
32	20	удобное	удобнѣе
35	14	извѣчтный	извѣчный
—	23	не трудилась	ни трудилась
36	2	понравилась	понравилось
47	14	русское войско	русскихъ войскъ
49	30	суда	судна
50	22	горцога	герцога
70	32	секреторы	секретарь
73	17	ни въ состояніи	не въ состояніи
76	29	(карле)	(карло)
85	3	подозрѣніи	подозрѣніе
37	1	попали	напали
89	17	Лоу	Лоо
91	13	успѣха и отвѣта	успѣха, и отвѣта
93	3	. ведзѣ	вездѣ
97	8	царской	цесарской
110	4	заключеніи	заключеніе
117	6	сестрѣ его	сестрѣ ея
—	34	войску	войну
132	16	видѣлъ	видѣли
142	37	предоставлялась	предоставлялось
166	5	въ вящшея	вящшее
169	3	буде	буди
174	20	но сказывай	не сказывай
181	4	ни имѣемъ	не имѣемъ
186	21	привѣтной	приватной
190	22	привѣтоой	приватной
200	13	былъ	была
207	8	надобенъ;	надобенъ,
211	28	наказанью	наказаны
213	22	величеству здравія	величества здравію

Стран.	Строки.	Напечатано.	Должно читать.
225	16	былъ	бывъ
—	18	гварнизонѣ;	гварнизонѣ,
228	29	и послѣ до самой смерти	и послѣ смерти
259	20	русскими	Прусскими
261	15	сконны	склонны.
263	4	покушеніе	покушенія
—	30	царское	цесарское
270	37	никрѣпко	накрѣпко
273	1	извѣстныя	но извѣстныя
283	17	Шембехъ	Шембекъ
287	38	дессиденты	диссиденты
294	9	обстоятельство	обязательство
306	30	царскій	цесарскій
311	17	предложеніи	предложенія
325	34	приблизиться	приблизится
334	11	уничтожить;	уничтожить,
—	26	что выгоды	что „выгоды
345	2	Вистфальскаго	Вестфальскаго
365	8	требованіе	пребываніе